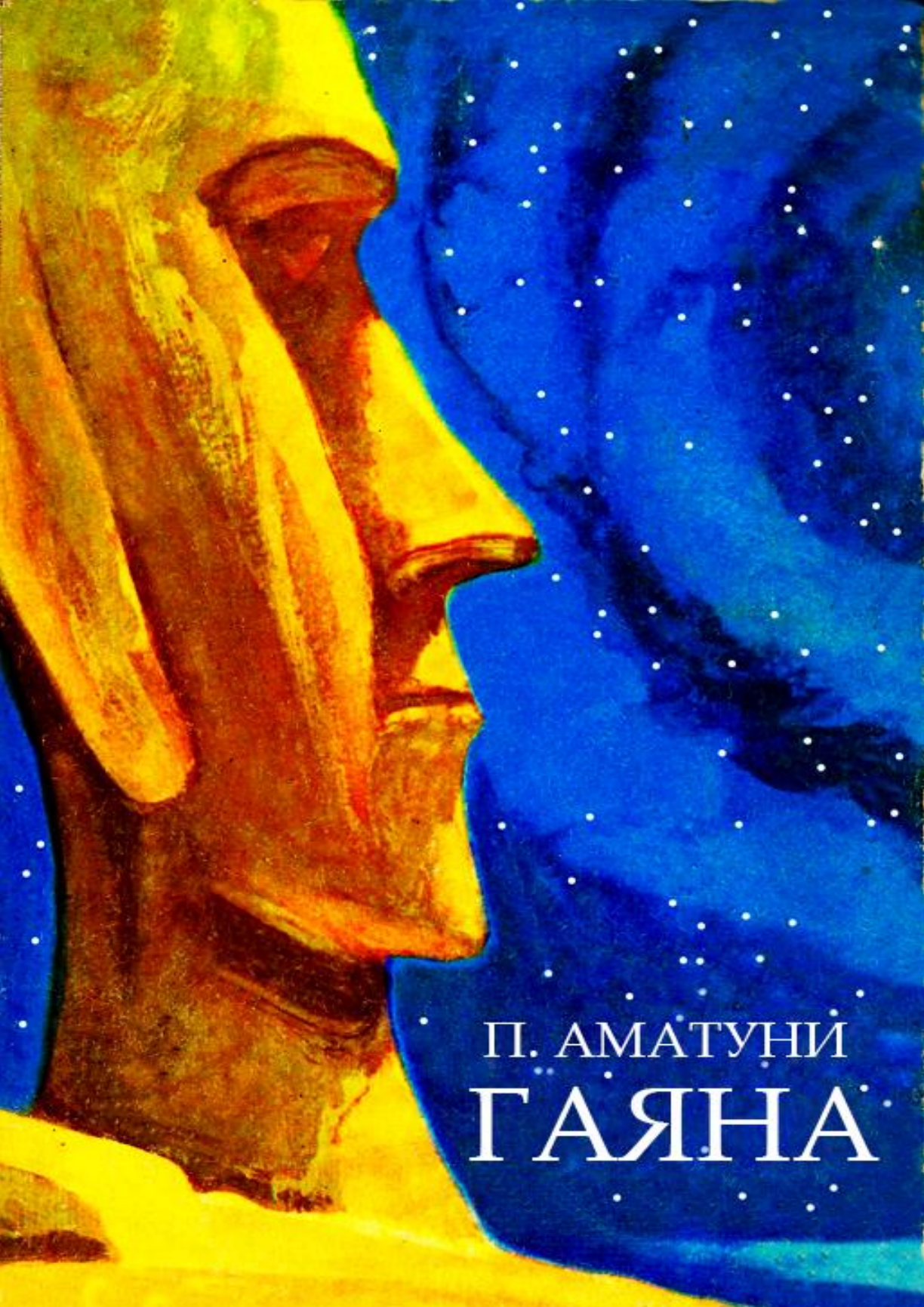
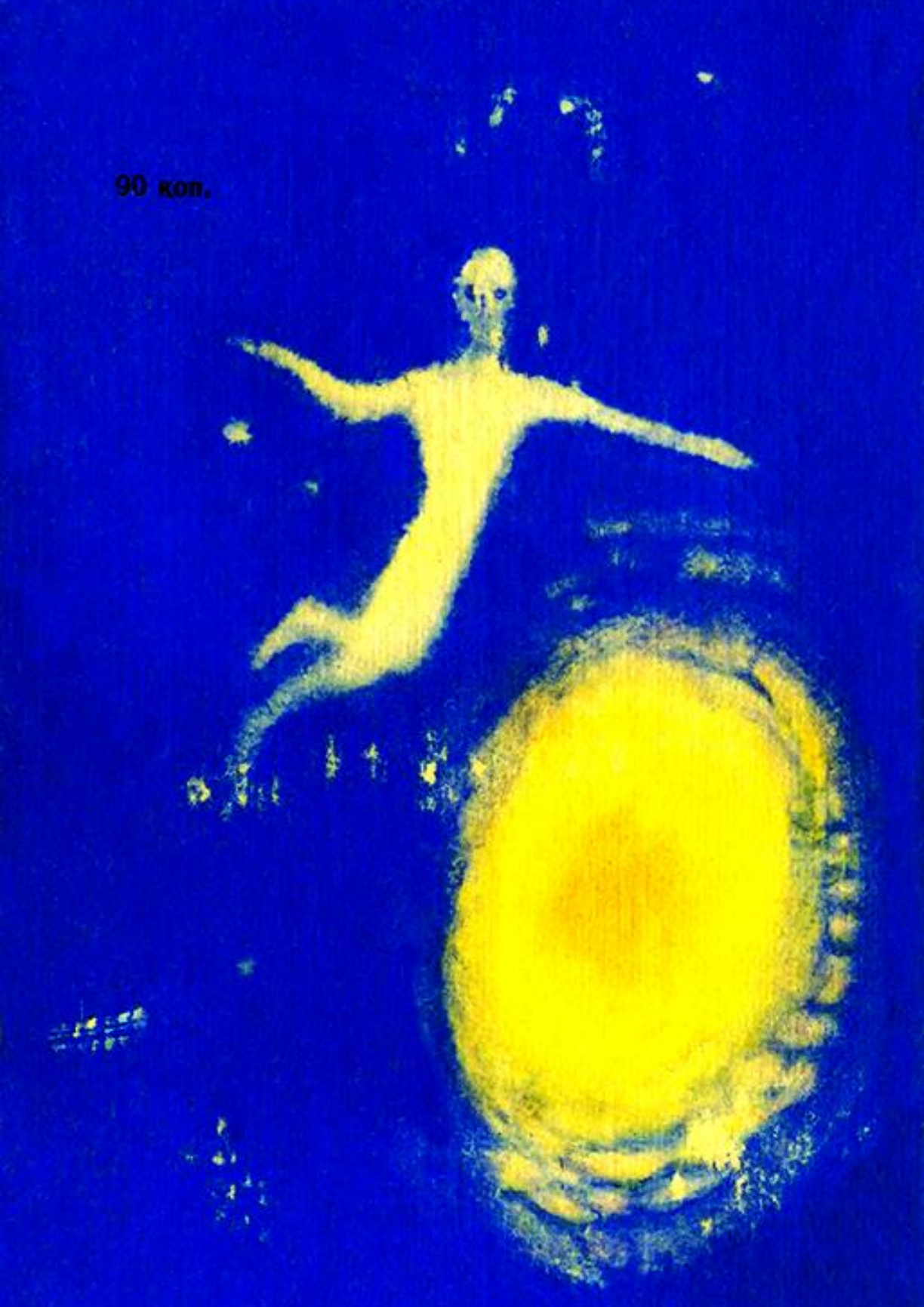
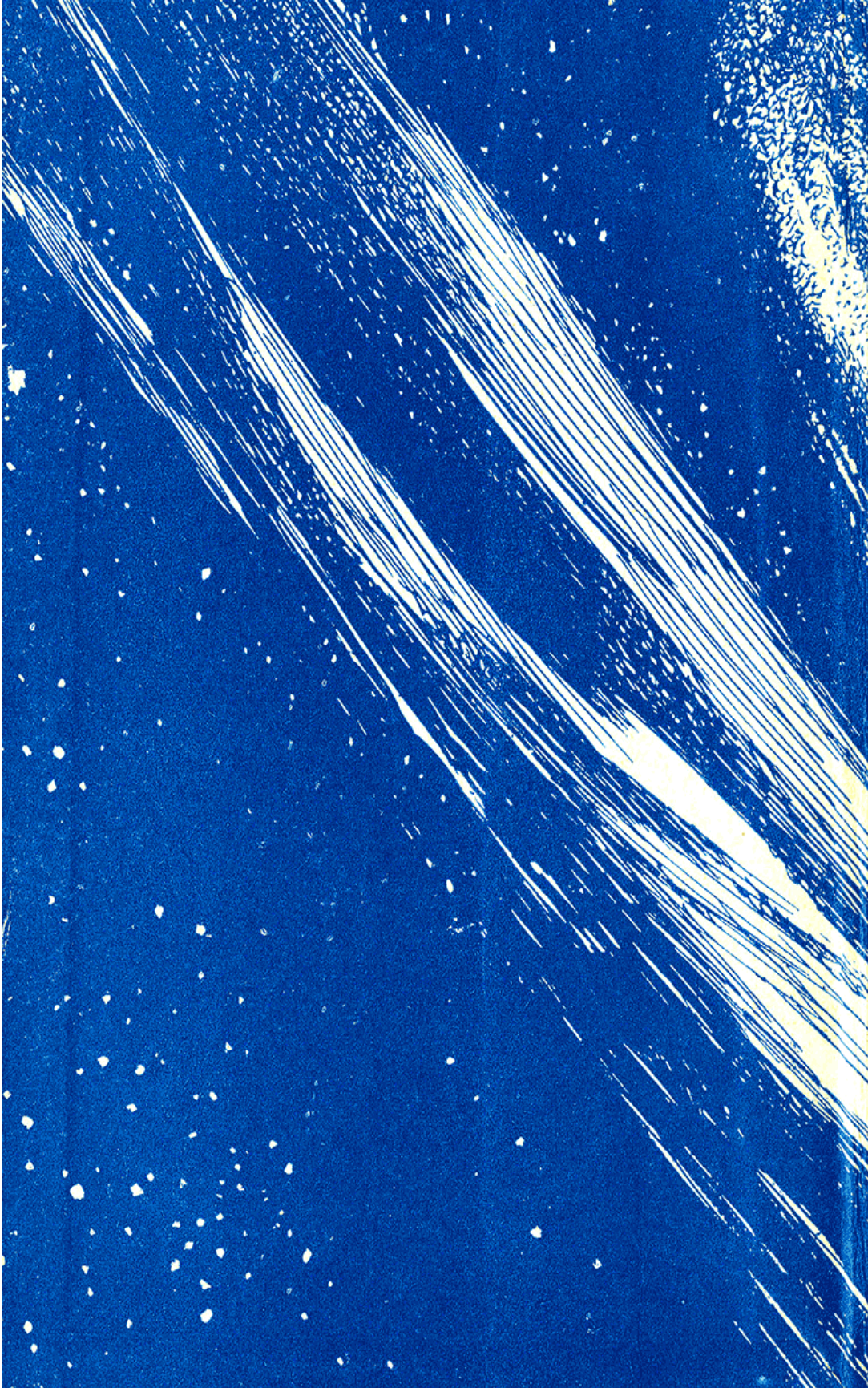


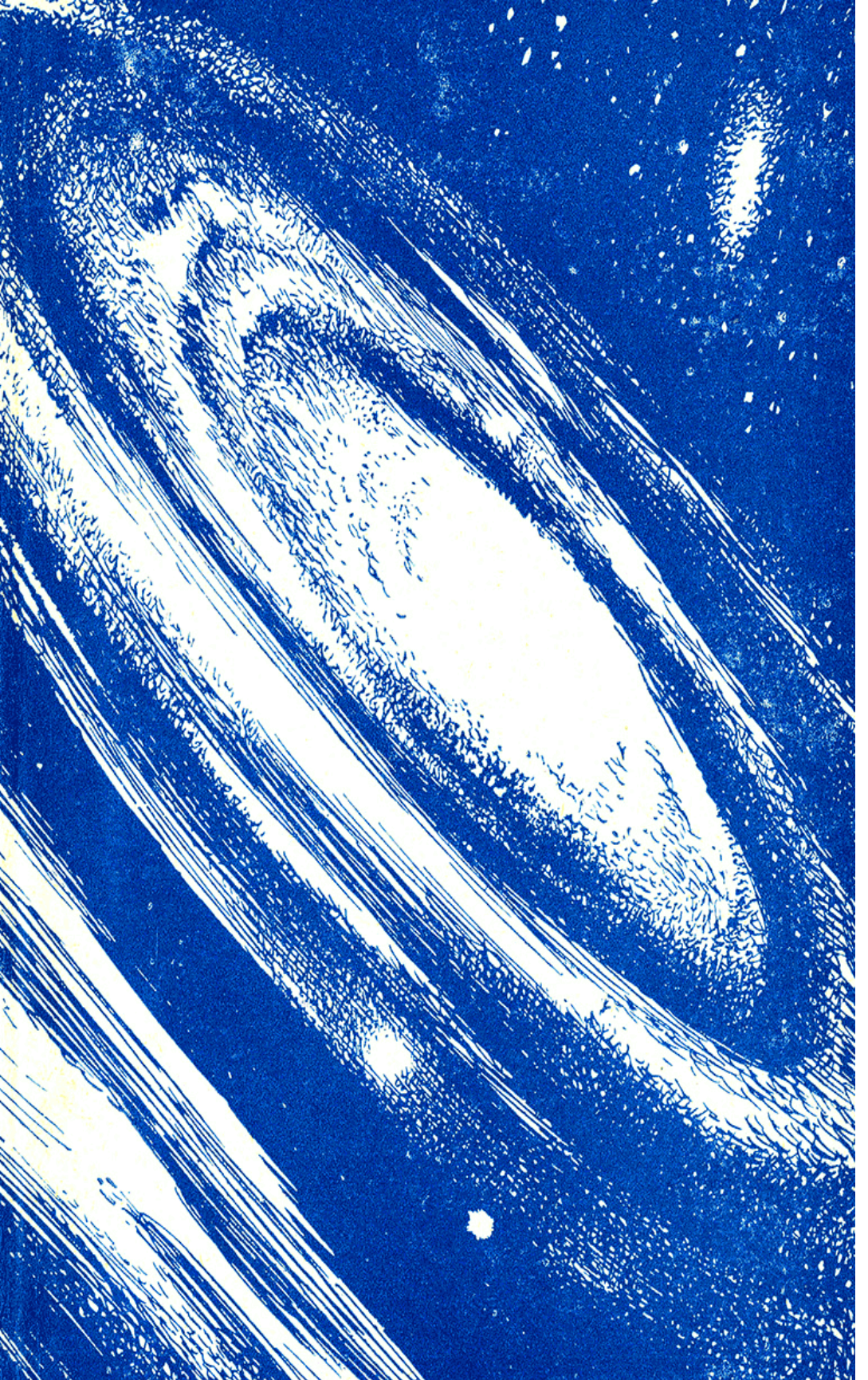
П. АМАТУНИ

ГАЯНА

90 коп.







Предисловие А. Казанцева

Художники П.П. Садков и К.Г. Кащеев

Аматуни П. Г.
Гаяна: Фантастический роман/Предисловие. А. Казанцева; Художники. П.П. Садков и К.Г. Кащеев

Роман-трилогию донского писателя-фантаста Петрония Гая Аматуни (1916—1982) составляют повести «Тайна Пито-Као», «Тиунэла» и «Парадокс Глебова».

Не уходя от земной реальности, полной тревог за судьбу человечества, а отталкиваясь от нее, автор зовет читателя в мир Мечты —рисует прекрасное, гармоничное общество людей на далекой планете Гаяна, оптимистически видя в нем прообраз коммунистического будущего Земли.

Книга адресована читателям среднего и старшего школьного возраста.

П. АМАТУНИ

ГАЯНА

фантастический роман
В ТРЕХ КНИГАХ

МОЯ ЛЮБИМАЯ КНИГА
2019

ШТУРМАН МЕЧТЫ

Он был летчиком. По призванию, по мастерству, по неуемному темпераменту, для которого тесны были земные облетанные трассы. И летчик Петроний Гай Аматуни поднялся выше всех авиационных и космических рекордов, поднялся выше земной действительности, стал фантастом.

Но прежде обнаружил в себе литературный талант и зарекомендовал себя как прозаик. Он опубликовал книги, в которых оставался летчиком, покорителем воздушного океана, страстно влюбленным в небо, знающим все тонкости летной службы, сделав своими героями таких же летчиков, как и он сам: повесть «Маленький летчик Пиро» (Ставрополь,1947),

сборник очерков «На борту воздушного корабля» (Москва, 1954), и книгу «На крыльях» (Ростов-на-Дону, 1955).

А затем Аматуни шагнул в мир Мечты.

Фантастика бывает разная. На Западе она, рядясь под литературу прогнозов, «сестру футурологов», претендуя на предвидение будущего, пытается перенести в него все устои «мира частной инициативы» —эксплуатацию богатств других планет и межзвездные перелеты приписывает частным компаниям, а отважных космонавтов представляет как людей, жаждущих наживы и выгоды. И все тем же остается капитализм в книжках с броскими обложками, все те же знакомые читателю полисмены гоняются за гангстерами, но только не в бешено мчащихся по американским дорогам автомобилях, а в космических ракетах от планеты к планете. И разворачиваются всеуничтожающей волной войны, но уже не земные, а межзвездные, галактические, с превращением в ничто самого пространства во имя власти и влияния неких космических империй, звездных королевств и прочих заимствованных из средневековья оплотов силы, собранных вместе в так называемой космической опере, где допустима любая условность. Условность условностью, а суть борьбы за влияние и прибыль остается сегодняшней, опасные игры с «ядерным огнем» и другими средствами массового истребления остаются прежними, и фантасты, жонглирующие всеми этими «страхами», в конце концов приходят в тупик, заводя в своих книгах в тупик и человеческую цивилизацию, для которой эти буржуазные писатели не видят будущего!

И рождаются под их пером мрачные картины из жизни «диких потомков», уцелевших, но одичавших после новых мировых войн, о которых один остроумный политик сказал, что если третья мировая война будет ядерной, то следующая будет только с дубинками. Но в том-то и суть, что следующей уже не будет.

Это понимают и прогрессивные американские писатели, в том числе и фантасты; они пытаются своими книгами предостеречь людей от того будущего, которое готовят им безответственные руководители, дорвавшиеся до власти ради обеспечения невиданных прибылей владельцам военных корпораций.

И если их старания хоть чем-то умножили ряды противников ядерной угрозы, то они сделали важное и полезное дело.

Но есть на Западе еще одно течение в фантастической литературе — это бегство от действительности, от повседневных забот о росте цен, угрозы безработицы или разорения, уход в далекий, нереальный мир. Ради создания такого мира фантастика освобождается от всякого смысла и связи с жизнью. Она служит лишь одной цели — отвлечь читателя от реальности, развлечь его, а для этого все средства хороши! И на деле фантастика смыкается с литературой ужасов, наводняющей книжный рынок, где с обложек глядят устрашающие чудовища или преступники с глазами монстров, а в тексте — умопомрачительные, пугающие приключения, преступления, убийства, грабежи, насилия и мистика, как венец невежества.

Советская литература служит прямо противоположным целям, чем эти разновидности западной фантастики. Для нас главное — отражение жизни и пути к построению коммунистического общества. И наша фантастика, как и любой другой вид литературы, — это зеркало действительности. Задача советских фантастов не рисовать нечто ни на что не похожее, а создавать такие образы героев, ставить их в такие, пусть и необычные, ситуации, когда они проявляют черты характера, перенимая которые читатель смелее пойдет в наше завтра, веря в светлые, ведущие туда пути.

Художественное полотно будущего коммунистического мира рисует «штурман Мечты», летчик, взлетевший в своих книгах в межзвездные просторы и увидевший там наше

будущее, Петроний Гай Аматуни. Он не просто летал по воздушным трассам, его влекло «летать» и в океанских глубинах на рожденном его воображением «подводном самолете» (ведь вода — среда, схожая с атмосферой, только более плотная!). А потом, отражая реальные достижения современности, экстраполируя их на грядущее, он со своими героями стартует в еще одну среду, считавшуюся до недавнего времени пустотой, но которую П. Аматуни воспринимает как среду материальную, предвосхищая самые последние теории современной физики о материальности вакуума, где его герои открывают космические течения, подобные течениям морским или воздушным.

Но главное не то, как летят его герои в звездолете, а цель их полета — далекая планета Гаяна, сестра Земли, зеркало нашего будущего. Книгой, наиболее полно выразившей романтическую и философскую сущность Мечты писателя, стала трилогия «Гаяна»,которая звучит неумирающим словом, оставшимся с нами и после ухода писателя, точно и верно отражает и нашу современность, полную тревог за судьбу человечества, и в то же время оптимистически показывает то общество (на Гаяне), каким может стать и человечество на Земле.

Может и станет!

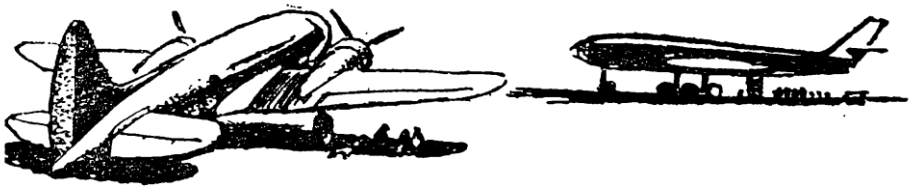
Так зовет «штурман Мечты» читателя в свои звездные дали, не закрывая глаза на реальность, а отталкиваясь от нее, беспощадно показывая обреченность капиталистического общества, системы, где каждый «свободен» перегрызть горло другому, заботясь только о самом себе, готовый присвоить чужой труд, и стремясь только к выгоде. И этой поистине реальной, но безумной действительности с ее все новыми и новыми средствами истребления жизни писатель противопоставляет людей Мечты, которые с помощью противостоящего капитализму социалистического содружества во главе с СССР совершают прыжок в казалось бы, далекий космос, но на самом деле

в эру расцвета Человека, сумевшего воплотить в жизнь справедливые принципы коммунистического общества. В этой трилогии писатель дарит читателю свою сокровенную, нашу Мечту, по праву заслуживая признания как «штурман Мечты».

Александр Казанцев

— Теперь ты леность должен отмести, -
Сказал учитель. — Лежа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.

Данте, Ад. песнь XXIV



ПРОЛОГ

Издавна повелось у авиаторов в свободную минуту собираться под крылом самолета. Даже зимой в теплых высотных костюмах расположатся поудобнее прямо на снегу — и пошли рассказы о трудных полетах и воздушных боях, о необыкновенных случаях в воздухе.

Так было раньше, так бывает и теперь: живет и здравствует под крылом самолета «клуб авиаторов».

И вот однажды в Адлере, где всегда ночует несколько экипажей, один из старейших бортмехаников Андрей Жудин собрал такой «клуб». Неутомимый затейник и весельчак, он пересказывал нам недавно прочитанный приключенческий роман. Следует заметить, что авиаторы — горячие сторонники этого жанра. Неудивительно, что Жудин, к тому же умеющий все передавать в лицах, разжег воображение слушателей.

— Это все только в романах бывает, — разочарованно произнес светловолосый юноша, второй пилот. — А у нас в Аэрофлоте жизнь идет только по наставлениям и инструкциям. Носимся мы по одним и тем же трассам...

— Долго ли ты носишься, сынок? — иронически пробасил Жудин, налетавший ни много ни мало двадцать тысяч часов.

Пилот порозовел и приподнялся, намереваясь вступить в спор. Его остановил командир корабля Андрей Иванович Шелест.

— Не часто, конечно, — сказал он, — но бывает и у нас такое, чего не найдешь даже в приключенческом романе.

— Что вы имеете в виду?

— Что? Ну хотя бы тот случай, когда на наш экипаж напали...

— Так вы и есть тот самый командир!.. — воскликнул молодой пилот, с восторгом глядя на Шелеста.

— Между прочим, история эта, — продолжал Шелест, — связана с Пито-Као.

— С Пито-Као?! — удивился юноша. — С островом где-то в Тихом океане? С островом, о котором писали газеты?! Ничего не понимаю! — недоверчиво пожал он плечами.

— А вот послушайте...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАЙНА ПИТО-КАО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

События, которые происходят под Новый год в разных концах света

1

В приемной редактора было шумно, кто-то стучал кулаком по столу так, что из плоской хрустальной пепельницы выскакивали окурки.

— Мне надоело жить шепотом! — кричал взбунтовавшийся журналист Боб Хоутон.

— Боб, — мягко увещевал его заведующий отделом информации, — уменьши свою ежедневную дозу виски, и все

образуется. Как знать, может быть, со временем ты станешь пташкой высокого полета и будешь играть в гольф с сенаторами!

— Через несколько часов Новый год, — напомнил Хоутону секретарь редакции Мейфгоу. — Я желаю тебе начать новую жизнь, Боб. С твоими способностями я бы меньше пил и больше писал. Да-да, когда ты захочешь, у тебя здорово получается!

— К черту! — продолжал кричать Хоутон. — Лучше пить, по-моему, чем писать, по-вашему.

— К чему такие слова? — обиделся Мейфгоу. — Ты становишься пьяницей, и все.

— Поймите же, — прижав руки к груди, сказал Хоутон, — Это не больше, как спорт.

— Еще одна рюмка, Боб, и из твоих мыслей можно будет сплести коврик для туалета.— Выслушайте меня наконец, —

снова вспылил Хоутон. — Алкогольные фирмы объявили конкурс для розничных потребителей. Соревнования продлятся триста дней. Я болею за «Белую лошадь». Вы знаете, это чертовски крепкое виски, и мне нелегко было выйти в первую пятерку... Обман исключен:

— С дороги, джентльмены!

Вдруг дверь с табличкой «Редактор» шумно отворилась, и перед расходившимся Хоутоном появился шеф.

— Сколько раз я выгонял вас с работы? — спросил редактор.

— Два, — немного оторопев, ответил Боб.

— Вы ошибаетесь! Три! И, клянусь небом, в моей газете вы уже не заработаете ни цента... Вон!

Спустя четверть часа Хоутон тепло пожал руку кассиру, раздал долги и очутился на улице с долларом в кармане. «Один бамбук — не аллея» — говорит китайская пословица, «один доллар — не деньги» — по-своему понимал пословицу Боб, и не просто понимал: не так давно он месяцами бродил по улицам большого города, одинокий и злой, в поисках работы. Три-четыре года — малый срок даже в короткой человеческой жизни, чтобы все позабыть.

В свое время Бобу помогло устроиться в редакцию газеты имя его покойного отца, знаменитого автомобильного гонщика. Сейчас не приходится рассчитывать и на это.

Мать... При мысли о ней Боб наморщил лоб. Он очень любил эту маленькую молчаливую женщину, для которой был единственной, хотя и шаткой опорой.

Он ненавидел мир наживы, в котором вырос, но не знал способа избавиться от него. Не слишком радовался, найдя работу, и не отчаивался, теряя ее, лишь становился злым и неразговорчивым. Если бы не мать...

Хоутон горько усмехнулся: люди — дети, взрослые дети, им необходимы такие игрушки, как «если бы...». Презабавная

штука: покидаешь ее из одного уголка души в другой — и словно получишь облегчение.

Что же касается боссов, то они наживаются и на этом: они сами подсовывают тебе эти игрушки как успокаивающие пилюли. На каждом шагу: в кино, театрах, книгах, газетах. А сколько раз он сам сочинял для своей газеты сказки о разбогатевших бедняках!

Стоит ли волноваться из-за того, что его опять выбросили вон? Но их с матерью двое, а доллар в кармане один... А дней впереди? Много...

Боб прошел квартала три, погруженный в размышления, и остановился около бара. Зайти? Но... Боб сделал несколько шагов и чуть не столкнулся с щеголем лет сорока.

— Хоутон! — воскликнул щеголь. — Я издали приметил вашу фигуру.

— Мистер Бергофф?! — Хоутон натянуто улыбнулся. — Так неожиданно...

— От вас несет спиртным за милю!

— Зато от вас, мистер Бергофф, всегда припахивает долларами

— О, вы еще не потеряли способности вести деловой разговор, это меня устраивает.

— Разве я...

— Послушайте, вы мне чертовски нужны, — прервал Бергофф, — зайдемте в бар. Вы подложили мне свинью, из-за чего я потерял много денег... Не пытайтесь оправдываться; я мог бы шутя расправиться с вами... Но я ценю старую дружбу.

— Я и не отпираюсь, мистер Бергофф, — ответил Боб. — Я всегда уважал вас, но бизнес есть бизнес.

— Сколько вам заплатили? Боб назвал сумму.

— Я бы мог дать вам втрое больше. Я помню те времена, когда ваше ловкое перо помогало расчищать дорогу моим доходам.

— А вы, мистер Бергофф, умели тогда оценивать каждое мое слово, — ввернул Боб.

— Я не разучился делать это и теперь. Если меня называют рыбным королем, то вы — король газетных уток, Боб! А королям рекомендуется жить в мире.

— Мудрые слова, мистер Бергофф.

— Итак, я прячу до случая свой гнев и предлагаю вам выгодное дело, Боб.

— Я всегда к вашим услугам.

— И если вы возьметесь за него как следует, то не останетесь в накладе!

— Кстати, я сейчас поругался с шефом, почти ушел от него, и тем более смогу полностью принадлежать вам.

— Вас выгнали? — Ваша проницательность делает вам честь, сэр.

— Гм... Тем лучше! Я верну вам работу, и ваши услуги обойдутся мне дешевле.

— Но...

— Вы раздумываете?

— Как можно! Я хотел сказать, что в вашем кошельке очень долго хранятся мои деньги, — пробормотал Боб.

Мальчик-швейцар отворил перед ними дверь бара.

— У вас дьявольски веселый язык! — одобрительно заметил Бергофф и потрепал Хоутона по плечу. — Выпьем, а потом мой шофер отвезет вас хоть на тот свет...

Бергофф был сильной фигурой в деловом мире. Сын разбогатевшего рыбака на первых порах не думал идти по стопам отца: в двадцать лет он стал военным летчиком-истребителем и даже принимал участие в войне с японцами на Тихом океане. Демобилизовавшись из армии, Бергофф намеревался посвятить себя гражданской авиации и уже вел переговоры с крупной самолетостроительной фирмой, желая стать ее пайщиком.

Смерть отца и приличное для начала наследство изменили направление его мыслей — Бергофф занялся рыбным делом и в несколько лет стал настоящей акулой на международном торговом рынке. Многих удивили его быстрые успехи; говорили всякое, но поскольку в любом бизнесе чем ярче блестит золото, тем оно «темнее», разговоры заглохли.

Что же касается Хоутона, то ему не было никакого дела до далекого прошлого, тем более миллионеров, — его интересовал больше сегодняшний день.

Когда утром секретарь редакции Мейфгоу зашел в кабинет шефа и доложил, что Хоутон вновь появился на горизонте, редактор едва не задохнулся от бешенства.

— Бу... бу... будьте свидетелями, — заикаясь от злости, проговорил шеф, — вы, Мейф, и вы, Мод. — Он повернулся к хорошенькой стенографистке. — Я его вышвырну из окна вот этого сорок седьмого этажа, или я больше не редактор! Мод, прошу вас, предупредите полицию: пусть приостановят уличное движение, чтобы этот бездельник и пьяница не свалился на голову какой-нибудь порядочной даме...

В эту секунду Боб вошел в кабинет редактора и, видимо, наслаждаясь смущением Мод, любопытством секретаря и бешенством шефа, добродушно улыбнулся. Его веснушчатое лицо с курносым носом и детскими карими глазами выражало миролюбие и веселость.

— С Новым годом! — приветливо произнес он и легким движением руки скинул с головы шляпу. В кабинете стало светлее, когда Боб обнажил свою буйную огненно-рыжую шевелюру. — С Новым годом, старик!..

— Вон!!! — заорал шеф. — Сию же минуту вон!

— Выпьем, старина, — миролюбиво ответил Боб, извлекая из кармана плоскую бутылочку. — Вы просто не в духе. Чокнемся за здоровье моего дорогого друга, рыбного короля мистера Бергоффа, и все станет на место!

— Мистера Бергоффа?!

— Совершенно, верно, — кивнул Хоутон. — Мы с ним большие друзья теперь. Вот его письмо...

Хоутон подал редактору голубой конверт с изображением золотого краба.

— Нам обоим невыгодно ссориться, — проговорил Боб, ласково глядя на редактора. — Я теперь буду одним из наиболее высокооплачиваемых корреспондентов с монопольным правом писать о предприятии Бергоффа.

По мере того, как редактор читал короткое письмо, на его лице отражались самые противоречивые чувства. Бешенство сменилось глубочайшим радушием.

— Боб, мальчик мой! — волнуясь, произнес шеф, раскрывая свои объятия и двигаясь на Хоутона. — Я знал, что из тебя непременно выйдет толк! Если я и бранил тебя подчас за твои проказы, то, видит бог, это пошло тебе только на пользу... Какое счастье для меня, для моей газеты и всей нашей прессы, что в ее рядах есть такие одаренные люди, как ты... Мод, расскажите мистеру Хоутону, как я горевал эту ночь, не видя его...

— О да, мистер Хоутон, — словно маленький горный ручей, тихо зажурчал голосок послушной стенографистки, — патрон был выбит из седла вашим отсутствием! Он являл собой само отчаяние! Да и я, и мы все, вся редакция, встретившись утром, приветствовали друг друга вопросом: «Не пришел ли Боб?»

— Мейф! — простонал шеф. — Что же вы молчите?!

— Это правда, — подтвердил секретарь.

Боб подмигнул ему, прищелкнул языком и, закинув ногу на ногу, сказал:

— Я доволен приемом. Вы и в новом году остались все теми же милыми людьми, какими были, и только я стал другим человеком. — Последние слова он произнес торжественно и, выдержав паузу, пояснил: — Я уже не пью виски.

— Ты стал трезвенником? — с сомнением проговорил шеф.

— Не перебивайте меня... Я хотел сказать, что отныне я пью только коньяк...

— Понятно, мой мальчик, не продолжай... Обещаю, что все твои превосходные отчеты и информации будут роскошно изданы в нескольких томах! Я сохраню для потомства каждую твою строку. Мейф, не уходите, мы сейчас выпьем за успехи нашего друга Хоутона.

— Спасибо, старина, — расчувствовался Боб. — Я никогда не сомневался в вашем литературном вкусе. Обещаю снабжать газету самыми сногсшибательными информациями.

— Однако я не совсем понимаю тебя... Не далее, как месяц назад мы опубликовали твой же материал о новом предприятии Бергоффа. Не так ли? Ты писал, мой мальчик, что тихоокеанский остров Бергоффа чем-то там заражен с незапамятных времен, что его консервы болезнетворны...

— Угу, писал.

— ... что общественность настаивает на детальной проверке неприятных слухов.

— Все?

— Предположим.

— К вашему сведению, акции этого предприятия уже упали на несколько пунктов!

— Я бы на его месте поколотил тебя.

— О, мистер Бергофф — деловой человек. Он мне заплатил больше, чем его конкуренты, и хочет, чтобы именно я побывал на месте и затем сам же опроверг эти слухи. Причем мой отъезд газета объявит началом проверки предприятия Бергоффа, то есть крупной победой общественного мнения.

— Это я уже понял! Но ты не боишься отправляться черт знает куда? Ведь я слышал, что старые моряки и вправду отзываются плохо об этом острове...

— Все это, возможно, так, а возможно, и нет — кто его знает? Но уговоримся, старик: сейчас о делах ни слова.

— Ясно, мой мальчик. Быть может, тебе здорово повезло! И все же отправляться на остров, все население которого когда-то вымерло...

— Не выуживайте, — нахмурился Боб. — Я сегодня нем как рыба. Всему свой черед. Нельзя быть таким любопытным.

— Но ведь любопытство не порок, мой мальчик. «У меня это углубление знаний», — заметил шеф.

— Однако не всегда кто больше знает, больше и зарабатывает. Я и сам еще не знаю, что окажется для меня доходнее: правда, вранье или молчание.

— Хорошо, не будем... Мейф, избавьте, пожалуйста, мистера Хоутона от труда раскупоривать бутылку...

2

Узкая дорога вилась вдоль берега по высоким скалистым уступам. Справа внизу шумели черные тяжелые волны Тихого океана. Они ударяли о скалы и, вспенившись, откатывались назад. Слева, у крутого подножия вулкана, через каждые тридцать-сорок метров возвышались грубо высеченные каменные великаны с удлиненными лицами. Неведомо когда и кем поставленные, они смотрели вдаль, одним своим видом устрашая врагов, могущих посягнуть на обитателей острова.

Густые тучи, разрываемые ветром, мчались низко над землей. Свист ветра и шум прибоя сливались в нестройный гул. Гудя мотором, маленький «виллис» с трудом преодолевал подъем. Рядом с шофером сидел Сардов, плотный мужчина в дорожном костюме.

На мгновение яркий луч луны осветил одну из гигантских статуй. Каменный богатырь, казалось, наклонился вперед, точно намереваясь преградить машине путь, но тучи сомкнулись, лунный блик растворился во мраке, и «ожившее» было изваяние вновь погрузилось в сон.

— Святая Мария! — испуганно прошептал пассажир. — Кому нужны эти проклятые истуканы?!

— Им сотни, а возможно, и тысячи лет, — тихо ответил шофер. — Когда-то они, наверное, были нужны, или так казалось тем, кто их высек из обломков скал... Никто не знает, откуда взялись здесь эти штуки.

— Вам виднее, вы человек местный, — сердито обронил пассажир. — По мне, просто убрать их, и все!

Шофер усмехнулся, а Сардов углубился в свои мысли. Не первый год он выслеживает и выкрадывает у изобретателей и ученых их труды, оказывая услуги различным фирмам. В разведывательном бюро, где Сардов служит, он на хорошем счету. Не казалось замысловатым и дело, порученное ему здесь, на острове. Но мысль о том, что предстоит пробраться в Советский Союз, пугала его. Конечно, заработать можно и нужно, но чем все это кончится...

Машина выехала на ровное, обширное поле и остановилась возле приземистого четырехмоторного самолета. В комфортабельном пассажирском салоне Сардова ожидал высокий, широкоплечий мужчина с гладко выбритым лицом.

— Я готов, мистер Дорт, — сказал Сардов.

— Очень хорошо. Вам все ясно?

— Несколько деликатное дело, сэр, так что сразу не ответишь на ваш вопрос... Пока мне понятно все!

— Мне не хочется, чтобы вы втягивали в наше дело лишних людей, Сардов.

— Я уже говорил вам, сэр, что буду работать один...

— Хорошо, — прервал Дорт. — Да, передайте своему начальству, что на донскую операцию хватит одного месяца.

— Слушаюсь. Но мои шефы не любят, когда их учат. Ведь это все равно, что советовать лечащему вас врачу, как долго надо держать вас в постели.

— Ну ладно, ваше дело, — произнес Дорт. — Мне важно одно: связь я держу с вами, и все!

— Совершенно, верно, сэр. До свиданья, сор, считайте, что ампулы в ваших руках...

Двадцать минут спустя четырехмоторный самолет отделился от земли.

3

Командир корабля Андрей Шелест хмуро посмотрел на низкие облака, закрывшие горы, прищурился от сильного ветра и поднял меховой воротник кожаного реглана.

Синоптики не ошиблись: вылететь не удастся. Надо же так случиться! До Нового года меньше восьми часов, в Ростове-на-Дону его ожидают друзья, а он... застрял здесь, в аэропорту Минеральные Воды!

Шелест направился в профилакторий.[1]

Пятая палата, где только что расположился экипаж Шелеста, уже имела вполне обжитой вид: из гардероба торчала куртка бортрадиста, на тумбочке красовался раскрытый чемоданчик второго пилота Венева, в углу валялись его ботинки, на фикусе покачивался черный галстук. Сам же Петя Венев лежал на постели и задумчиво смотрел в потолок. Собственно, Детей или Петром его нигде, и никто не называл. Ему шел двадцать первый год, а на вид было и того меньше. Наверное, оттого и прилипло к нему прозвище Петушок.

Характера он был живого, житейские огорчения стекали с него, как с гуся вода. Пожалуй, главным недостатком его была всегдашняя пылкая уверенность в том, что всякое желание легко исполнимо.

В свободные минуты Петушок очень любил фантазировать на самые различные темы. Так было и сейчас. Размечтавшись,

Петушок окликнул бортрадиста Черныша, углубленного в какие-то расчеты:

— Серафим!

— Погоди, не сбивай... Девятнадцать... Двадцать... Двадцать семь тысяч шестьсот километров умножить на...

— Что ты подсчитываешь?

— Сколько я заработал в этом месяце.

— К чему? Есть плановый отдел, бухгалтерия, там и подсчитают.

— Это когда еще будет, а я хочу сейчас знать... Ну, что ты хотел сказать?

— А! Вот послушай, Сима. Пройдет сколько-то лет, и мы будем летать на сверхскоростных реактивных самолетах. А?

— Ну и дальше...

— Вот, говорю, будут полётики! Скажем, высота тысяч сорок метров, а скорость — тысяч десять-двенадцать километров в час.

— Недурно, — заинтересовался Серафим. — Особенно если километровые будут платить по повышенному тарифу.

— И вот несемся мы в Москву откуда-нибудь с Южного полюса и еще над Кавказом включаем командную радиостанцию. Я начинаю: «Я — борт такой-то, вошел в вашу зону, разрешите вход в малый круг...» А над Харьковом командир спокойно так говорит мне: «Будьте настолько любезны, уважаемый товарищ Венев, выпустите шасси!» Каково?

— Отлично! — оживился Серафим. — Может, так и будет. А дальше?

— А потом ты превратишься в старого хрыча и будешь рассказывать внукам: «Да, детки, летали мы когда-ись в Москву на воздушных кораблях с поршневыми моторами. От Ростова до столицы долетывали запросто за три часа...» А внучата тебя на смех поднимут: «Брось, дедушка, за три часа до Луны долететь можно...» А ты им — доказывать...

— «Старый хрыч», — буркнул Серафим, — такое скажешь!

— Боишься старости?

— А ты?

— Я — нет! Как седина полезет мне в бороду, я сейчас же к медикам... Включат они какую-нибудь чертовину — и сразу лет двадцать простят мне. А вот еще...

Но тут в палату вошел Шелест. По тому, как тяжело ступал командир, они поняли: аэропорт будет закрыт непогодой всю ночь.

— Туман — хоть лопатой разбрасывай... Засели мы, братцы, денька на два, — вздохнул Шелест.

— Да, не зря цыган две зимы менял на одно лето! — заметил Петушок.

— А Новый год? — спросил Серафим.

— Здесь встретим, конечно.

— Оно так, да скучновато будет.

— Кого-нибудь пригласим, потанцуем...

— Ладно, идемте в столовую продлевать свою жизнь, — сказал Серафим.

К ночи ветер стих, и в морозном конусе света от фонаря над перроном кружились мелкие жесткие снежинки. Петушок и Серафим шли к аэровокзалу. У входа они, точно по команде, остановились.

Перед ними, прислонясь к двери, стояла девушка в темно-синем пальто, отороченном белым мехом, и в такой же шапочке. Свет играл на ее волнистых волосах, и они отливали темным золотом. Лицо у девушки чистое и нежное, с открытым лбом, тонким маленьким носом и чуть заостренным подбородком. Глаза темно-серые, с голубыми искорками. Когда шальные снежинки упали на ее губы, она улыбнулась и на щеках возникли крохотные тени.

— Добрый вечер! — почти одновременно сказали Венев и Черныш.

— Уже ночь, — заметила она.

— Да, правда. И еще новогодняя... Девушка вздохнула и промолчала.

— Разрешите пригласить вас в нашу скромную компанию? — произнес Петушок.

— Мы же не знакомы. Я только знаю, что вы пилот нашего самолета, и все...

— Познакомимся.

— Так сразу?! — удивилась девушка. — Под Новый год разрешается, — уверил Петушок.

— Впервые слышу, — с сомнением ответила девушка, но сама уже повернулась, и по ее лицу было видно, что ей приятно смотреть на Петушка. Серафим досадливо поморщился, бросил в урну недокуренную папиросу и ушел.

— А что в таком знакомстве предосудительного? — продолжал Петушок просительным тоном.

— Ничего. Но я не вижу и необходимости.

— Но ведь и вреда не будет? — Лично мне — нет.

— В таком случае, разрешите представиться: Петр Венев.

Девушка невольно рассмеялась, протянула ему руку и просто сказала:

— Нина Константиновна Тверская.

— Все пассажиры разъехались встречать Новый год, а вы? — спросил Петушок.

— Мужчинам проще; кроме того, у некоторых есть знакомые в Кисловодске или Пятигорске.

— И вы остались одни?

— Как видите.

— Я вижу, что мы вдвоем!

— Ну, это только сейчас, на минутку.

— Как — на минутку? Вы же обещали встретить Новый гоя с нами!

— Я?!

— Ну, прошу вас, не отказывайте, Нина Константиновна.

— Не знаю, право, как быть...

— Я прошу вас от имени всего экипажа, — горячо настаивал Петушок.

Нина задумалась.

— Кроме того, «Наставление по производству полетов» обязывает нас заботиться о своих пассажирах не только в воздухе, но и на земле! — закончил Петушок.

— Хорошо, — решилась она. — Но в таком случае я приглашаю вас к себе. Так будет удобнее. Я — в гостинице, мой номер четвертый.

— Будь, по-вашему, — согласился Петушок. — Через полчаса ожидайте гостей...

Она была в скромном синем платье, которое очень шло ей и скрадывало едва заметную полноту. Движения девушки были неторопливы, уверенны.

Знакомясь с Андреем, Нина смутилась. Ей понравилось его строгое лицо, добрый, внимательный взгляд, голос, спокойный и басовитый, даже манера говорить, слегка растягивая гласные. Серафим же показался ей скучным и нелюдимым.

— Нина Константиновна, — весело сказал Петушок, — нам разрешили распить бутылку вина.

— Этого вполне достаточно, — ответила Нина, накрывая на стол. — Располагайтесь... Вы — на диване, вы — на том стуле, а Андрей Иванович может сесть рядом со мной. Прошу к столу... Остались считанные минуты.

Все заняли свои места и замолчали, будто присели на минутку, чтобы тихо проститься с родным домом перед дальней дорогой. Да и в самом деле, разве не стал для них родным и, если так можно сказать, обжитым уходящий год? Сколько радостей связано с ним навсегда! Бывали и неудачи, преодолевая которые они приближались каждый к своей цели; крепче стала большая дружба, выдержавшая испытание печальных недоразумений и ссор; отсеялись случайные знакомства, не устоявшие перед маленькими размолвками...

Что передает эстафетой старый год новому? Что предстоит пережить им еще? Много неизвестного таит эта дальняя дорога. Знать, оттого и хочется посидеть вот так, молча, минуту-другую, поразмыслить, помечтать, пожелать...

Первым нарушил тишину Андрей. Он посмотрел на Нину, встретил ее взгляд и тихо сказал своему радисту:

— Серафим, настрой радио.

В маленькой уютной комнате послышался перезвон кремлевских курантов.

— Еще один год на плечи, — с грустью произнес Андрей, поднимая стакан с вином.

— И уже следующий выпустил шасси и просит посадку, — весело сказал Петушок.

— Ну что ж, посадку ему разрешаем! — ответил Андрей.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На острове. Знакомство с его обитателями

1

Первое, что Боб Хоутон испытал на острове, — это тропическая жара, в которую он окунулся, спланировав с прохладной высоты на четырехмоторном «Дугласе» с золотым крабом на фюзеляже. Затем ему пришлось подчиниться местным законам и подвергнуться тщательному медицинскому осмотру.

Врач Мелони оказался человеком словоохотливым.

— С такими бицепсами, мистер Хоутон, — заметил он, — вы проживете долго, как баобаб. Не крутитесь... Мне еще необходимо подвергнуть испытанию ваше тело на самом терпеливом месте, пониже спины.

— Что вы имеете в виду, док? — спросил Боб, хватая одежду охапку.

— Я вам сделаю укол, — пояснил Мелони, загораживая путь двери. — Всего несколько кубиков жидкости.

— Зачем?

— Ну, допустим, от поноса... — уклончиво ответил Мелони. — Прошу вас повернуться ко мне спиной и набраться мужества. Вот так... одну минуту! Не волнуйтесь: понос — враг бизнеса, ибо почти вся сумма, затраченная на питание организма, списывается вами в убытки.

Выслушав это изречение, Боб принялся так хохотать, что врач едва не сломал иглу.

— Черт возьми! — воскликнул Мелони, — Осторожнее, у меня шприц «Келли и сыновья».

— О, это уважаемая фирма, — согласился Боб. — Говорят, полмира пользуется ее медицинским оборудованием.

— Еще бы, — проворчал Мелони, — даже с этого заброшенного клочка земли она снимает какую-то толику дохода... Итак, со всеми формальностями мы покончили, и вы можете считать себя островитянином, мистер Хоутон. Разве лишь денька два вам придется сидеть на половине стула, а затем все пройдет.

— Что поделаешь, док! Я, видите, весь смирение.

— Не оно ли заставило вас прилететь к нам?

— Я журналист, док.

— Ого! — удивился Мелони. — Несомненно, первый в этих местах. Насколько мне известно, вашего брата здесь не жалуют.

— Давно так?

— С тех пор как кто-то написал в газетах, что наш остров заражен.

— Можете считать, док, что это написал я!

— Вы? — произнес Мелони. — Это не шутка?

— Сущая правда, док. Поэтому мне и не терпится поскорее увидеть Пито-Као в натуральную величину. Справлюсь ли я без проводника?

— Я могу быть вашим гидом.

— Тогда в путь! — обрадовался Боб.

— Хотя мы и не избалованы здесь дамским обществом, — спокойно сказал Мелони, — я все же не советую вам выходить на улицу без брюк...

— Простите, док, я непременно оденусь.

Вскоре Мелони и Хоутон углубились во владения рыбного короля Бергоффа.

Боб свободно ориентировался в каменных джунглях больших городов и любил шумные бесконечные улицы, украшенные лианами световых реклам. Природу же он привык видеть лишь в подстриженных газонах, ровных аллеях городских парков, маленьких озерах и прудах с игрушечными мостиками и

искусственными гротами, всегда аккуратную, как бы причесанную. И сейчас, шагая в обществе доктора Мелони по тропинке, ослепительно блестевшей под высоким солнцем хрустким коралловым песком, вдыхая влажный воздух тропиков, Хоутон с любопытством смотрел на густой темно-зеленый лес, к которому они подходили.

— Вы, наверное, чувствуете себя здесь смотрителем природоведческого музея, — пошутил он.

— Музейным чучелом, вы хотели сказать? — уточнил Мелони. — Надо заметить, что мне осточертело удручающее однообразие местного климата. Все одинаково, нет смены времен года, если не считать периода дождей.

Над ними пролетела пара зеленых голубей, огромный жук сдуру ударился о грудь Боба, и журналист совершил такой прыжок, что Мелони не удержался от смеха.

— Ого, мистер Хоутон, — заметил он, — вы можете стать неплохим учителем танцев у туземцев. — Перестаньте шутить, док, — взмолился Боб. — Ведь это жук!

— А то, на чем вы стоите сейчас правой ногой, мистер Хоутон, называется ящерицей. Учитесь наблюдать!

— Б-благодарю вас, док. Может быть, мы изберем другой путь?

— Эта тропинка исхоженная, и не имеет смысла прокладывать новую. Кстати, не угодно ли взглянуть на идиллию. Тише... Вот сюда, за мной. Говорите вполголоса. Видите птичку? Вон на той ветке?..

— Совсем крохотную, зеленую? Не больше спички?

— Да. Это самка. А перед ней жужжат еще две.

— Вижу, с голубоватыми грудками и изогнутыми клювами.

— Это самцы, они соревнуются. Тому, кто окажется ловче, самка отдаст предпочтение.

Боб тут же окрестил «невесту», назвав ее Бетси. Один из претендентов на ее «руку» получил имя Сэм, а другой — Джек.

То поочередно, то оба вместе, словно вертолеты, они повисали перед Бетси в воздухе и вдруг наперегонки бросались за мошкой.

Бетси кокетливо склоняла головку и наблюдала за их виртуозными полетами. И Сэм, и Джек так увлеклись соревнованием, что не замечали присутствия Боба и Мелони.

Вот Джек приблизился к ярко-красному цветку и, не опускаясь на лепестки, на лету стал что-то выискивать своим длинным клювиком в глубине цветка.

Тогда Сэм, сделав два-три отличных глубоких виража, на мгновение замер в воздухе и в головокружительном пике устремился вниз. Лишь у самой земли он задержал свое па-де-де и, быстро лавируя в зарослях, показал такое незаурядное мастерство бреющего полета, что Бетси теперь все внимание уделяла ему.

— Давай, давай, Сэм! — прошептал Боб. — Победа на твоей стороне, молодчина...

Попискивая от возбуждения, Сэм то мчался на предельной скорости, то замирал на месте, выделывая круги и восьмерки, ни разу не задев за ветки и листья кустарника. Все шло как нельзя лучше, как вдруг с Сэмом что-то случилось. Он странно накренился вправо, метнулся в сторону, но тут же, будто притянутый невидимой резиной, вернулся к исходному месту. Движения его стали судорожными, испуганными, было заметно, что с ним стряслось несчастье.

Бетси и Джек кинулись к нему, но, сделав круг, умчались, оставив бедного Сэма на произвол судьбы.

Боб, вытянув шею, с тревогой наблюдал за ним и вскоре понял все: упоенный полетом, смельчак угодил в прочную паутину и теперь все больше запутывался в ней.

Минуту спустя у края паутины показался мохнатый паук чудовищных размеров. Внимательно наблюдая за жертвой, он

потянул лапой одну из паутин, но, заметив, что Сэм ответил на это резким движением, решил выждать.

Боб выругался и, преодолевая отвращение, полез в кусты на помощь Сэму. Паук не испугался человека: будто разгадав намерения Хоутона, он побежал ему навстречу, грозно поднимая передние лапы. Боб отломил хворостину, сбил паука на землю и растоптал его. Бедняга Сэм был спасен. Он покорно лежал на ладони Боба, печально смотрел на него блестящими бусинками глаз и тяжело дышал.

Отнеся птицу в безопасное место, Боб вышел на тропинку.

— Браво, мистер Хоутон! — сказал молчавший до того Мелони. — Вы проявили настоящее мужество...

— Не смейтесь, док. — Боб задумчиво посмотрел в ту сторону, где остался Сэм. — Нельзя было бросить парня в таком положении. М-да... Все как у людей: злорадство соперника, забвение любимой, смерть, поджидающая тебя за углом... Ну что ж, показывайте теперь своих двуногих пауков.

— О, в них вы должны разобраться не хуже меня. Сейчас вот выйдем из этой бамбуковой рощицы. Прошу сюда... При желании вы найдете здесь много материала для своей газеты... Вот мы и выбрались; отсюда открывается вид на хозяйство компании.

Слева, на холме, в негустой тени высоких кокосовых пальм, виднелся белый двухэтажный дом. Указывая на него, Мелони сказал:

— Там резиденция наших патронов.

— Патронов? — удивился Боб. — Разве их двое?

— Да. У мистера Бергоффа есть компаньон — некто мистер Дорт.

— Немец?

— Совершенно, верно. Вот уже около двух лет он безвыездно живет здесь и что-то там изобретает. Холост. Живет

уединенно... Ну-с, а это вот, — Мелони кивнул вперед, — наш городок.

Собственно говоря, считать городком одну широкую застроенную маленькими домиками улицу, куда входили сейчас доктор Мелони и Хоутон, можно было с натяжкой. Громкое название, которое носило несколько десятков домов, — Лакитаун, то есть Счастливый город, — звучало иронически. По внутреннему убранству жилищ (многие двери и окна были открыты), по унылому облику всего поселка, по одежде людей, изредка попадавшихся навстречу, Боб представил себе жизнь обитателей Счастливого города.

Спутники свернули с улицы влево, и перед ними открылся вид на побережье. Прозрачная дымка слегка туманила горизонт. Яркое солнце отражалось на темно-синей поверхности океана. Белые кружева волн в местах прибоя лениво меняли узор и казались живыми. Узкой длинной полосой вытянулся пустынный пляж. В тени высокой остроконечной скалы виднелся маленький легковой автомобиль, а чуть поодаль — чья-то крошечная фигурка.

— Это мисс Паола, подруга мистера Бергоффа, — пояснил Мелони. Он задумался и тронул пальцами свои седые виски. Боб вежливо промолчал.

— Не рекомендую углубляться в заросли, — продолжал Мелони, — там уйма ядовитых насекомых...

— Благодарю, док. Я выберу для прогулок северную часть, — он кивнул в сторону конической горы, единственной на острове.

— Вулкан, и, заметьте, полусонный!

— Черт возьми, где же найти безопасный уголок?

— Не знаю, — усмехнулся Мелони. — Но съездить к вулкану стоит: вокруг этой ворчливой горушки какой-то дьявол понатыкал в берег десятки статуй, высеченных из камня, ростом этак метров в пять-шесть.

— Остатки древнего бизнеса? — пошутил Боб.

— Бог его знает... Когда-то, очень давно, здесь жили туземцы, а потом, если верить жителям соседнего острова, повальная болезнь заставила людей покинуть Пито-Као навсегда.

— Вот как! Скажите честно, док, что за укол вы сделали мне?

Мелони ответил не сразу.

— Мы с вами мало знакомы, мистер Хоутон, — сказал он. — Я уже имею представление о том, как вы умеете говорить, но совершенно не осведомлен о вашей способности молчать.

— Понимаю, док. Даю слово, что на меня можно положиться.

— Мой сын тоже был журналистом, — тихо произнес Мелони. — Почти мальчиком он погиб в Германии... Писал он честно, и я сохранил уважение к этой профессии. Вы, мистер Хоутон, чем-то напоминаете мне его... Давно это было, мистер Хоутон, давно...

Боб внимательно посмотрел на врача и задумался.

— Я маленький человек, — после некоторого молчания продолжал Мелони. — Здесь есть и другие врачи, они живут и работают обособленно. Говорят, что на острове появилась кожная болезнь. Дорт составил препарат от нее. Профилактические инъекции сделаны всему белому населению. Особенно оберегаем мы экипажи самолетов, связывающих нас с материком. Вы же новый человек... Сам я еще не видел даже признаков этого заболевания, но приказ есть приказ...

— А верно, док, что консервы мистера Бергоффа не совсем годны в пищу?

— Нет, — твердо сказал Мелони. — Если бы это было так, я не смог бы молчать.

— И все-таки я слышал, что здесь не все чисто!

— Не думаю, мистер Хоутон. Не всегда можно верить легендам.

— Вы сказали — легендам?

— Не все сразу, мистер Хоутон. Нервы журналиста должны быть сотканы из терпения — так говорил мой сын.

— Убедительно сказано, док. Но к врачам это, вероятно, не относится? Мое обоняние подсказывает мне, что вы не стали откладывать на вечер то, что могли сделать утром.

— Я только отведал рюмочку у Оскара, — смутился Мелони.

— Кто этот добрый человек?

— Держатель кабачка.

— О, док! Не будьте таким безжалостным. Ведите меня к нему!

— Извольте... Но не так быстро, мистер Хоутон: на моих плечах шестьдесят лет!

2

Заведение Оскара всегда было полно. Когда бы и кто бы ни зашел в кабачок «Вспомни свою крошку», он обязательно видел за стойкой самого хозяина, отвечающего на приветствия посетителей неизменной улыбкой.

Дела Оскара шли блестяще. Однако, чем больше он богател, тем сильнее одолевала его тревога за свои капиталы. Как-никак он жил за тридевять земель от остального мира, и кто знает, удастся ли ему вывезти свои деньги с этого клочка необычной и малопонятной ему земли. Ведь хозяева острова живут по тем же принципам, что и он... Что стоит для них лишить Оскара нажитых сбережений, а потом... за его счет пожить в свое удовольствие! «Ох, тяжела ты, доля человеческая! — раздумывал он. — С деньгами хлопотно, а без них не проживешь...» Оскар добросовестно копил деньги. Он гордился своим заведением и считал его центром духовной жизни

островитян, в большинстве своем собравшихся со всех концов мира в поисках «счастья».

Нередко в кабачке вспыхивали споры, а то и целые «философские дискуссии».

— Черт вас дери! — удивленно говорил в таких случаях Оскар. — Слушаю я вас и никак не возьму в толк: зачем вам ломать мозги? Глупо! Ваше дело: получил деньги — и плюй на всех! С деньгами все можно... Однако полегче, ребята: вы так накурили, что мои часы остановятся из-за дыма.

Сегодня в кабачке было тише, чем обычно.

— Рад вас видеть, мистер Мелони, — приветствовал доктора Оскар. — Вы сегодня не одни? Это меня тоже радует. Будьте гостем и вы, мистер...

— Друзья мои, — объявил Мелони, — рекомендую только что прилетевшего к нам мистера Хоутона, журналиста...

— ... изнывающего от жажды! — громко добавил Боб.

— Оскар, прошу вас, что-нибудь покрепче, из холодильника.

— Слушаюсь, док, присаживайтесь сюда поближе, чтобы я быстрее мог повторять ваш заказ...

Через минуту Боб поднял полный до краев стакан за здоровье «пьющего человечества», как он громогласно объявил, и осушил с нескрываемым удовольствием. А еще четверть часа спустя почти все, кто находился в кабачке, окружили его стол и приняли участие в разговоре.

Первым, пошатываясь, подошел коренастый лысый человек лет сорока, с бегающими зеленоватыми глазами и отечным лицом. Он протянул Бобу руку и представился:

— Мастер цеха крабоконсервного завода Монти Пирс.

— Очень рад, — весело откликнулся Боб и крепко пожал его руку.

За ним подсел к столу гигант Буль, матрос. Потом — Дукки, кочегар с краболовного судна; имена остальных Боб сразу не запомнил.

Боб был остер на язык и на все имел свою точку зрения.

— Господь справедливо и мудро разделил свою паству, ребята, на несколько неравных частей, — говорил он. — Одни проживаются, другие наживаются, а третьи скитаются. Возможность перехода человека из одного состояния в другое называется стимулом! — Он поднял к закопченному потолку указательный палец правой руки. — При этом слабые молятся, сильные борются, а хозяева подсчитывают барыши. Мы же с вами — летающие ангелы, порхаем по свету в поисках куска хлеба и думаем, что все в порядке. Так выпьем же за этот «порядок», ребята!

Уже немало было приложено стараний увеличить сегодняшний доход Оскара, но Боб все еще сохранял способность мыслить.

— Завидую вам, ребята, — беспечно говорил он, — вы живете здесь, как в Ницце!

Буль разлил полстакана вина, Дукки весь затрясся от хохота, а Монти Пирс открыл рот да так и застыл, обнажив свои неровные, гнилые зубы.

— Это ты здорово хватил! — воскликнул Буль. — Знаешь ли ты, что все капитаны уже сотню лет обходят этот остров стороной?

— Вранье!

— Сам ты враль! — обиделся Дукки. — Я слышал от деда (а он всю жизнь провел в Океании), что в старину Пито-Као называли островом смерти.

— Но почему? — допытывался Боб.

— Черт его знает... Говорили, что здесь сама земля отравлена: стоит побыть на ней денек и... крышка!

— А как же вы живете здесь?

— Наверное, с годами она проветрилась, и все прошло, — ответил Буль. — Но что когда-то так было, я верю.

— Любопытно, что кое-что в этом духе я слышал и на материке, — признался Боб. — Может, это чей-то досужий вымысел?

— Без ветра волны не бывает, — возразил Буль.

— А почему хозяева засекретили всю южную часть острова? — вдруг зло воскликнул Дукки.

— Они рылись в старом кладбище... — поддержал Буль. — Если бы я знал это раньше, то ни за что не приехал бы сюда!

— Не надо говорить лишнего, ребята! — предостерег Пирс. К столу подошел человечек ростом не более метра — лилипут Гарри. Он серьезным взглядом обвел компанию и тонким голосом произнес:

— Все дело в том, что мистер Дорт изобретает особые лучи для ловли крабов и рыбы.

— Лучи?! — удивился Боб.

— Это официальная версия, — пояснил Буль и отвернулся.

— Откуда вам это известно? — спросил Боб у лилипута. — Все знают, не только я, — ответил Гарри и отошел от стола.

— Кто он? — тихо спросил Боб у Мелони.

— Слуга Дорта, — ответил итальянец. — Даже больше: его воспитанник. А может быть, просто заменяет патрону домашнего попугая.

Боб подумал, что, пожалуй, на сегодня достаточно расспросов, и сменил тему разговора:

— Между прочим, джентльмены, я еще не успел устроиться с жильем. Что вы мне посоветуете?

— У Монти есть свободная комната, — нерешительно сказал Дукки и повернулся к Пирсу.

— Можно и у меня, — поразмыслив, великодушно согласился Пирс.

— О, я ненадолго стеснил бы вас, Монти.

— О'кэй! — закричал Оскар. — Такое любезное предложение мистера Пирса стоит отметить! Как, ребята?

— Да-да, обязательно! Оскар, повторите для всех, кто еще способен держать стакан в руке, — распорядился Боб. — Я чувствую, что буду жить здесь отлично! Удивительно, как я раньше не догадался прибыть в ваш благословенный край?

— Сию минуту, мистер Хоутон, сию минуту я наполню все ваши стаканы и даже сам опрокину рюмочку за любовь к ближнему, — засуетился кабатчик.

— В конце концов все мы жители одной планеты, — умиротворенно сказал Дукки. — К чему ссориться и допытываться, что у кого на уме?

— Конечно, болеть легче, чем быть здоровым... — начал было Буль, но Оскар прервал его.

— Ты опять за свое, — недовольно произнес он. — Все от бога, он один над нами! — и деловито оглядел столы. — Вы имеете работу, есть чем закусить, так, право, не стоит горевать...

— Ну что ж, Оскар, — согласился Буль, — да будет всевышний милостив к вашим клиентам! Наливайте, я люблю, когда меня угощают.

— И так всегда, — наклонившись к уху Боба, прошептал Мелони. — В ложке виски растворяются горы сомнений и размышлений. А впрочем, пейте, черт вас возьми, не то и я стану философствовать.

Общее веселье продолжалось. В нем не принимал участия лишь один человек — лилипут Гарри. Он сидел за крайним столиком, в самом углу. В его крошечных ручках поблескивал маленький стакан с вином, а на круглом старушечьем лице лежала тень задумчивости.

— Одни проживаются, другие наживаются, а третьи скитаются... — негромко повторил он недавно услышанные слова

Боба и выпил, сильно запрокинув маленькую голову с несоразмерно большими ушами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Фронтовые друзья встречаются вновь

У «парадного подъезда» кавказских курортов — в Минеральных Водах — долго бесновалась настоящая северная пурга. Только третьего января экипажу Шелеста удалось вылететь в Грозный. Там они распрощались с Ниной Тверской, с которой успели сдружиться за три ненастных дня. Нина села в автобус и уехала в город, а в самолете все еще держался аромат «Белой сирени».

На обратном пути погода по трассе снова ухудшилась, они пролетели Минеральные Воды и первую посадку сделали только в Ростове-на-Дону.

Подрулив к перрону и выключив моторы, Андрей и Серафим направились оформлять дальнейший полет, а Петушок принялся хлопотать насчет заправки горючим и маслом.

Покончив с заправкой, Петушок забежал в отдел перевозок, забрал грузовые и почтовые документы и вышел на перрон. Здесь царила обычная вокзальная сутолока. И провожая, и встречая, люди смеялись и плакали, говорили все сразу, чудом понимая друг друга, делились мелочами и забывали о главном. Так всегда бывает на перроне любого аэровокзала. Даже авиаторы, привыкшие к ежедневным встречам и расставаниям, не стеснялись приласкать своих любимых.

Но только не ростовские летчики. Встречаясь с давними друзьями после многолетней разлуки, они ограничивались крепкими рукопожатиями и короткими фразами: «Нормально!», «Живем, старина?..», «Потихоньку, на крейсерском режиме...». И только потом, укрывшись от посторонних взоров

за бокалом цимлянского, мало пили, но много говорили обо всем.

Нетрудно представить поэтому, как поразился Петушок, увидев своего командира за весьма необычным занятием. Андрей на виду у всех стискивал в своих мощных объятиях кого-то в офицерской шинели с погонами капитана.

— Сто лет, Андрюша, сто лет! — восторженно восклицал капитан.

— Лешка, черт! — гудел Андрей и влажными глазами сверху вниз смотрел на форменную фуражку капитана. — Вот повезло! Ведь я же верил, что встретимся...

Не желая оставаться в роли случайного и, возможно, непрошеного свидетеля. Петушок направился к самолету, раздумывая: кто же этот капитан?

В самолет Андрей пришел радостно-возбужденным.

— Давайте шустренько! — приказал он.

Быстро заняли свои места, запустили моторы, вырулили и взлетели. Набрали высоту, включили автопилот, закурили. После того как прошли Донецк, когда самолет уже летел курсом на Харьков, Петушок не выдержал:

— О чем задумался, командир?

— Не о чем, а о ком... Замечательного человека встретил!

— Кто он, этот капитан? — вспомнил Венев.

— Ты видел, да? Видел? — обрадовался Андрей.

— Да так, мельком.

— Друг мой фронтовой! — с гордостью сказал Андрей. — Орел человек. Обратил внимание, какое у него лицо?

— Да, красивый парень, — поддакнул Петушок.

— Ты что?! Смеяться над человеком? — вспылил Андрей.

— Я? Нет, что ты, командир! — растерялся Петушок. — Я его только в спину видел...

— Тогда не врал бы, — упрекнул Андрей. — Он же обгорелый, но для меня его лицо лучше всех остальных.

Бортрадист повернулся и стал прислушиваться к разговору пилотов.

— Это Алексей Рязанов, бывший летчик-истребитель. Я с ним подружился в сорок пятом, в Германии. Мне мало пришлось повоевать, с полгода. Только школу закончил. Если бы не Леша, не летать бы мне сейчас.

— Расскажи, командир, это интересно.

— Интересно, говоришь? — задумался Андрей. — Теперь, пожалуй, да. А в тот день... Мы служили в одном полку, и даже летали в одной паре. Война уже заканчивалась, но бои, особенно на нашем участке фронта, велись ожесточенные. Помню, общая задача у нас была по форсированию реки...

Впрочем, мы расскажем читателю эту историю своими словами.

Плотное, словно высеченное из белого камня облако напоминало своей формой гигантский самовар. Оно висело над землей всего в двух километрах от места переправы наших войск, форсировавших широкую и быструю реку. Вокруг этого «самовара» кипели воздушные бои.

Движение войск на переправе шло полным ходом. На западном берегу наши десанты уже вступили в схватку с врагом, и к ним на помощь тянулись с восточного берега маленькими черточками понтонные мосты, удлиняясь с каждой минутой, и ползли точки баркасов и лодок.

Темно-зеленый массив леса, рассеченный серебристой лентой реки, беспрестанно покрывался блуждающими вспышками взрывов, будто сказочные маки появлялись и исчезали, оставляя лепестки черного дыма.

Распаленный воздушным боем, Андрей Шелест не замечал ни красоты облака, ни хрустальной прозрачности и чистоты неба, ни вечной прелести земли: мир врывался в его сознание не весенним дыханием природы, а ревом мотора, короткими

словами команды в наушниках шлемофона и захватывающим дух ощущением скорости.

— Справа внизу «юнкерс»! — услышал он голос своего ведущего лейтенанта Рязанова.

Тяжелый «юнкерс», едва различимый на фоне леса, шел к переправе. Четыре «фоккера» прикрывали стервятника. Не сговариваясь, летчики круто развернулись и стали догонять его. Две пары других наших истребителей камнем упали с неба на «фоккеров» и связали их боем. На минуту-две создалась благоприятная обстановка, и Андрей, слегка отжимая ручку управления, пошел на сближение...

Вот он, стервятник, несущий смерть и разрушение! На его фюзеляже Андрей отчетливо увидел огненно-зеленую комету — хвастливую эмблему крылатого убийцы. Прильнув к прицелу, Андрей поймал в перекрестие ненавистную «комету» и нажал на гашетки пушки и пулеметов. Фашистский самолет дрогнул и стал крениться на правое крыло. От мотора повалил густой дым, и бомбардировщик вошел в крутую спираль. Некоторое время спустя в небе появились два парашюта, а горящий «юнкерс» врезался в землю столбом пламени и дыма.

Андрей перевел самолет в набор высоты, следя за командиром и неотступно следуя за ним. В висках стучало, несколько мгновений было трудно дышать от перегрузки, в кабине стояла жара, перед козырьком вдали промелькнуло белое облачко над горизонтом, и вдруг с левой стороны мотора появился пляшущий, злой язычок пламени.

Андрей закрыл бензокран, выключил зажигание, резко положил машину на правое крыло и ввел самолет в глубокое скольжение, надеясь сбить пламя встречной струёй воздуха. Но пламя не унималось. Стало ясно, что вынужденная посадка неизбежна.

Оглянувшись, Андрей увидел самолет командира, коротко доложил по радио Рязанову о случившемся и стал выбирать

место для посадки. Высота уменьшалась с каждой долей секунды, земля неудержимо приближалась. Вот, кажется, единственный клочок, пригодный для посадки, — ровная прямоугольная площадка шириной метров двести и длиной около километра. С запада и с юга ее прикрывал густой лес, а с севера ограничивал глубокий овраг. По ту сторону оврага — немцы... Как быть? Но раздумывать некогда, а то превратишься в живой факел!..

Андрей вывел самолет из скольжения и, выбрав южную сторону площадки, сел на нее, ближе к лесу. «Як» послушно приземлился на фюзеляж, со скрежетом смялся водорадиатор, лопасти винта погнулись. Андрей открыл фонарь, и жаркое пламя ворвалось в кабину. Задыхаясь и почти ничего не видя вокруг, Андрей, стиснув зубы, перевалился всей тяжестью своего большого тела за борт и кубарем скатился на землю, срывая с себя куски горящей одежды.

Издалека доносился гул сражения у переправы. В небе рычали самолеты, с сухим треском разрывали воздух пулеметные очереди.

Острая, жгучая боль охватила тело Андрея, словно пламя бушевало внутри него самого. По другой стороне оврага к нему бежали фашисты. Они что-то кричали, размахивая руками, на бегу беспорядочно стреляли из автоматов.

Низко над самым местом приземления Шелеста промчался самолет Рязанова, покачиваясь с крыла на крыло. Гул мотора резко ударил в уши и умчался вслед за самолетом... Сомнений не было; командир решил спасти его! Это придало Андрею сил. Он отбежал в сторону, прячась за свой горящий самолет, и стал наблюдать за действиями Рязанова.

Расчет оказался точным: Рязанов приземлился у края площадки. Самолет еще катился, посвистывая тормозами, а Шелест уже бежал за ним, почти не чувствуя боли. Когда машина

стала, Андрей бросился к самолету и торопливо открыл крышку багажника.

— Быстрее! — крикнул Рязанов и стал заруливать к лесу, где было больше места для разгона перед взлетом.

— Готово! — хрипло отозвался Андрей.

Рязанов спокойно, словно все это происходило не на глазах у противника, а на своем аэродроме, осмотрелся, дал газ и, взлетев, взял курс на базу: горючего оставалось в обрез.

Из воспаленных глаз Андрея лились слезы. Ухватившись обожженными руками за металлическую раму фюзеляжа, он старался как-нибудь справиться с нечеловеческой болью и покачивался из стороны в сторону, словно это монотонное движение могло унять ее. Перед собой он видел тонкие трубочки, которые оплели сиденье пилота, и ноги Рязанова, обутые в добротные сапоги. Они плавно двигались на педалях руля поворота — одна вперед, другая назад...

Шелест потерял представление о времени, ему казалось, что летят они целую вечность, что он и родился вот с этой нестерпимой болью.

Вдруг его с силой дернуло вниз, а острая боль тысячами игл вонзилась в ладони, точно он схватил ими ежа. Затем его прижало к левому борту, в глазах потемнело. Струей воздуха сорвало простреленную в щепы крышку багажника.

С трудом подняв отяжелевшую голову, Андрей посмотрел вверх и увидел несколько фашистских истребителей. Вот справа мелькнули наши «яки», но «фоккеры» уже пошли в атаку. Рязанов попытался уйти от них, но фашистам все же удалось взять его на прицел: Андрей увидел в обшивке фюзеляжа несколько пробоин.

Андрей лег на пол багажника, а когда снова посмотрел прямо перед собой, то отчетливо увидел на черном сапоге Рязанова красное пятнышко. Он испуганно посмотрел на него и

постарался уверить себя в том, что это ему показалось, но вот рядом с первым пятнышком появилось второе, третье...

Нервы стали сдавать, Андрей, превозмогая боль, приподнялся, чтобы увидеть хоть клочок неба над собой. То, что он увидел, заставило его позабыть обо всем остальном. Тупоносый «фокке - вульф», имея превышение метров двести, полого планировал прямо в упор на Андрея. Расстояние уменьшалось с каждой долей секунды: было ясно, что фашист поймал их в прицел и теперь лишь сокращает дистанцию, чтобы наверняка сбить. Рязанов же вел самолет по прямой, не видя врага сзади и не имея сил, чтобы повернуться самому или отвернуть машину в сторону. Теперь уже не было выхода!

Вдруг сверху появилась стремительная тень. Андрей невольно задрал голову, и крик радости и торжества вырвался из его груди. Это была знаменитая «семерка» — истребитель командира полка Дубова. Он камнем падал сверху, пикируя на «фоккера».

Но почему он не стреляет? Ведь уже пора... Значит... Значит, ему нечем стрелять! Дубов устремился на «фоккера». Еще мгновение — и страшной силы взрыв потряс небо. Два самолета — русский и фашистский — превратились в огненный шар, ощетинившийся тысячами осколков, и в голубом небе появилось круглое черное облако.

Андрей прислонился горячим лбом к металлу фюзеляжа, закрыл глаза и впал в забытье...

Рязанов был тяжело ранен: три пули прошили его тело, одна задела голову, разбила левый наушник шлемофона и разорвала ухо. Тело его обмякло, а голова стала тяжелой и склонялась все время на плечо. Тогда он поднял руку с сектора газа и, упираясь локтем в борт, стал поддерживать голову ладонью.

Заметив положение стрелок на циферблате — 12 часов 03 минуты, — он с трудом высчитал: до аэродрома оставалось

тридцать километров, почти шесть минут полета. Эти шесть минут надо выдержать во что бы то ни стало.

Рязанов чувствовал, как с каждой секундой тело его становится холоднее и как бы легче, будто, качаясь на качелях, он все время устремляется вниз, в прохладное сырое утро. Яркое весеннее небо потускнело и тоже стало холодным, чужим. Вот впереди, с левой стороны мотора, на горизонте показалось голубовато-серое пятно озера. Надо держать нос самолета на это пятно: так легче, чем по цифре и черте компаса, выдержать заданный курс. Тонкая длинная стрелка часов кольнула черточку пятой минуты, и почему-то это отозвалось сильной болью в голове, точно кто-то вонзил в левое ухо длинную иглу. Рязанов прикусил нижнюю губу, и боль отступила. Он не совсем понял, что с ним произошло, но в груди его сейчас стало так, будто в ней была дверь и кто-то распахнул ее настежь, — стало прохладно и хорошо... Мысли его теперь как будто четче, острее взгляд, но челюсти дрожат, как в лихорадке, тело охватил озноб.

«Неужели смерть?!» — подумал Рязанов, и ему стало страшно. Но мысль о друге, жизнь которого сейчас зависела только от его стойкости, встряхнула его. «Пилотировать надо внимательно, — продолжал думать Рязанов. — Если я потеряю скорость, то самолет сорвется в штопор, и тогда нам обоим будет конец... Нужно проверить скорость по прибору. Где прибор скорости? Вот приборная доска...»

Он отыскал взглядом прибор скорости; все в порядке. Затем выглянул за борт на знакомые ориентиры — оставалось еще минуты две...

Рязанов не думал больше о смерти, он понял, что когда человек упорно борется, то глупо думать о том, будет ли эта борьба последней. Надо всего себя подчинить самой борьбе.

Тем временем Андрей пришел в себя. Он приподнялся на коленях и выглянул за борт: внизу мелькнула знакомая

поверхность аэродрома и ровная, блестевшая в лучах яркого солнца лента бетонки.

Самолет приземлился. Дома! Но почему не слышно привычного посвистывания воздушных тормозов и самолет бежит так долго, дольше обычного? Лишь в самом конце бетонки самолет потерял инерцию и остановился. Винт сделал еще несколько оборотов и замер. Рязанов выключил мотор. Наступила глубокая, спокойная после воздушной битвы и пережитого тишина.

Андрей с трудом вылез из багажника на землю, на твердую, свою, родную землю, шатаясь, подошел к крылу, взобрался на него, цепляясь за уступы борта, и заглянул сквозь прозрачный плексигласовый фонарь в кабину. Рязанов сидел, опершись грудью на ручку управления и низко опустив голову. Раздирая пальцы до крови, Андрей торопливо отодвинул фонарь и наклонился к летчику.

— Товарищ командир!.. Леша! — громко окликнул он.

До Харькова оставалось несколько минут полета. Серафим, не прерывая рассказа командира, настроил автоматический радиокомпас на приводную радиостанцию Харьковского аэропорта. Стрелка радиокомпаса дрогнула и, описав полукруг, опустилась острием к полу кабины, показывая, что приводная радиостанция находится внизу, под ними. Позади Андрея громко заливался электрический звонок, а на приборной доске вспыхнула зеленая лампочка.

— Я «49-85», прошел дальнюю, — сказал Андрей по радио.

— «49-85», пробиваться по схеме вам разрешено, — ответили с земли.

Андрей отжал от себя штурвал и уменьшил наддув моторов. Самолет плавно опустил нос и стал как бы тонуть в облаках. Командир и второй пилот сняли темные очки. Если бы не приборы, можно было подумать, что машина висит

неподвижно, а не снижается над аэродромом по большому прямоугольнику.

На высоте трехсот метров началась резкая болтанка, и самолет сплошной пеленой окутал крупный и мокрый густой снег. Стекла помутнели по краям.

После четвертого разворота, на последней прямой, болтанка и обледенение достигли наибольшей силы. Теперь некогда стало разговаривать, пилоты в шуме и неистовстве снежной бури в облаках молча вели машину. Когда прошли ближнюю приводную и внизу всего в сорока — пятидесяти метрах показалась земля, Андрей крикнул Веневу:

— Сажай!

Петушок обрадовался, что командир доверил ему сложную посадку, и плотнее взялся за штурвал. Машина мягко коснулась бетона и побежала по земле.

— Ваша отличная посадка зафиксирована в пятнадцать часов ноль три минуты, — сообщили со старта. — Заруливайте к аэровокзалу.

— Понял вас, благодарю, — ответил Петушок и свернул влево, на рулежную дорожку.

— Вот так всегда и сажай! — сказал Андрей.

— Ну и дальше, что, командир? — нетерпеливо спросил Петушок, пропуская мимо ушей заслуженную похвалу.

Дальше знаю только то, что Рязанов еще был ранен горел... Мы с ним не виделись года четыре.

— Летает до сих пор? — спросил Серафим.

— Нет. Он три года где-то учился. Был на Дальнем Востоке, а сейчас работает в Москве, в КГБ.

— Прохвостов ловит! Башковитый человек, — одобрил Петушок.

— Полагать надо! Бывший авиатор, фронтовик... Жаль только, что наши с ним пути разошлись!..

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Дела давно минувших дней

1

Прошло два месяца. Десятки рейсов уже совершил в новом году экипаж Шелеста на трассах между Черным морем и Москвой, Бештау и Киевом, Ростовом-на-Дону и Уралом. Нередко им изрядно доставалось, но порой полет протекал так спокойно, что у них оставалось свободное время для веселых воспоминаний и разговоров о будущем. В такие минуты Петушок любил вспоминать свое новогоднее знакомство с Ниной Константиновной. Андрей слушал эти разговоры и лукаво улыбался.

— Повидать бы ее, а, командир? — вздыхал Петушок.

— Как-нибудь повидаем, — неопределенно отвечал Андрей. А в один из мартовских дней они в самом деле встретили Нину в Москве, в поезде метро в час пик. В вагоне Петушок очутился возле старика с длинной седой бородой, сидевшего у двери. Чтобы не обеспокоить его, Петушок уперся руками в никелированные поручни и подался назад.

— Куда лезешь? — строго прикрикнули сзади. — Слепой, что ли?

Петушок взял немного левее, но чья-то рука пребольно ударила его в плечо:

— Стойте на месте!

— Сердитые нынче стали москвичи, — философски заметил старик. — И все оттого, что быстро очень живут!

— Не так уж и сердитые, — миролюбиво возразил сосед Петушка, высокий худой мужчина с фотоаппаратом через плечо. — Просто нервные...

Между ними завязался разговор. Кто-то, пробираясь к выходу, придавил Петушку ногу острым каблуком.

— Ну, знаете ли, — не выдержал юноша, пытаясь обернуться, — это форменное... — Тут глаза его округлились и лицо стало радостным: — Нина Константиновна?!

— Так это я на вашей ноге стою?

— Стойте, пожалуйста! Разве я говорю, что мне это не нравится?..

— Добрые люди и в тесноте встречаются, — сказал старик. На станции «Арбат», когда выходили из вагона, Петушок цепко держал Нину за руку, чтобы она не затерялась в толпе.

— Здравствуйте, Нина Константиновна! — подошел Шелест.

— Ах, это вы, Андрей Иванович! Здравствуйте. Мы так вовремя встретились... Вы рейсом в Москве?

— Да, но пробудем здесь дня два, — пояснил Петушок. — Меняется расписание, мы передали свой самолет другому экипажу и временно остались безлошадными.

— Как хорошо! Сегодняшний вечер вы непременно проведете у нас!

— По какому случаю? — спросил Андрей.

— Так просто...

— Не хитрите. Я же вижу, что не «так просто». Говорите начистоту.

— У нас... — девушка замялась.

— Свадьба? — сделал страшные глаза Петушок.

— Что вы! — испугалась девушка. — Просто сегодня мой день рождения.

— И вы называете это «так просто»?! — пожурил Андрей.

— В таком случае мы будем обязательно! — воскликнул Петушок. — Поедем, командир?

— Конечно. Теперь, если Нина Константиновна и отменит свое приглашение, — засмеялся Андрей, — мы все равно приедем в ней!

На Арбате они расстались. Друзья задумались. К ним подошел милиционер и козырнул:

— Вам куда пройти или проехать?

— Нам нужно купить подарки молодой, красивой женщине.

— Рад помочь: от вас налево магазин ювелирторга «Самоцветы».

В магазине у них разбежались глаза — так много заманчивых вещей лежало под зеркальными стеклами прилавков Петушок остановился возле изящных шкатулок палешан и задумчиво осмотрел их. Сделав знак продавщице, тихо попросил:

— Заверните, пожалуйста, вот эту.

— Что ты выбрал? — полюбопытствовал Андрей.

— Отойди. — Петушок загородил собой прилавок. — Девушка, пожалуйста, не показывайте ему!

— Хорошо, хорошо, — засмеялась продавщица.

— А я ума не приложу, что взять, — с досадой сказал Андрей.

Он долго осматривал часы, кольца, браслеты, не внимая ничьим советам, и искал чего-то еще.

«Придется идти в другой магазин», — решил он, но тут его взгляд упал на тонкую статуэтку чугунного литья, изображавшую девушку-купальщицу с длинными волосами и лицом, вскинутым кверху. Андрей оживился:

— О, это из Касли!

— Да, это работа каслинских мастеров, — подтвердила продавщица.

— Неудобно девушке преподносить нагую купальщицу — отсоветовал Петушок.

— Пожалуй, ты прав, — ответил Андрей. — А еще что-нибудь каслинское есть?

— Сколько угодно. На верхней полке...

— В самом деле, слона-то я и не приметил. Вот это мне нравится... Заверните Ивана царевича на Сером волке!

Петушок и продавщица странно переглянулись, в голубых глазах юноши мелькнула растерянность, девушка же едва сдержалась, чтобы не рассмеяться.

— Возьмите чек и уплатите в кассу, — сказала она, опуская глаза.

На улице Андрей заметил, что Петушок чем-то расстроен и спросил:

— Ты что это, Петушок?

— Так...

— Да я же вижу тебя насквозь! В чем дело?

Петушок хмуро молчал. Лишь когда они проходили мимо художественной мастерской, он вдруг усмехнулся и глаза его вновь озорно загорелись.

— Подожди здесь, я сейчас.

Он пробыл в мастерской недолго и вышел повеселевший.

— Что ты там делал? — встретил его Шелест.

— Ничего особенного. Попросил краски, и кое-что написал.

— Ясно. Давай поищем гравера, и я сделаю надпись.

— Это нетрудно, найдем, — весело сказал Петушок.

2

В уютной гостиной академика Константина Павловича Тверского к приходу летчиков, кроме него самого и дочери, были биохимик профессор Русанов — друг детства Константина Павловича, и ростовчанин профессор Дарсушев — видный специалист по кожным болезням. Нина познакомила вновь прибывших с ними.

— Заставляете ожидать себя, молодые люди? — шутливо-строго заметил Константин Павлович. — А знаете ли вы, что за это положено по русскому обычаю...

— ... штрафную, — продолжил Андрей. — Лично я не откажусь, тем более что нам представляется возможность

посвятить этот тост здоровью вашей дочери, Константин Павлович...

— Мне положительно нравятся эти юноши, — сказал Русанов, лихо закручивая серебристый ус. — Нуте-ка, позволь, Ниночка, взглянуть на твои подарки... Тэк-с! Прекрасная работа. Из Касли! Я помню, — он повернулся к академику, — мне однажды пришлось видеть в Париже большую часовню, отлитую из чугуна уральскими умельцами. Шедевр! Дальше что? Шкатулка из Палеха. Однако... Два одинаковых сюжета — не много ли для одной девушки? В свое время мы были изобретательнее.

Андрей посмотрел на шкатулку, на Петушка и порозовел.

— Такое совпадение свидетельствует о том, что они не сговаривались, — заметил Дарсушев.

— Вот только это несколько извиняет их. Посмотрите, какая чистота красок, — восхищался биохимик. — Но... Па... па... звольте... Что же это такое?

— Что там? — заинтересовался академик и склонился над шкатулкой.

Его примеру последовал и Дарсушев.

— Где это видано, — удивился Русанов, — чтобы Иван-царевич носил летные очки?

— Да, в самом деле, — согласился Дарсушев. — Это летные очки.

Петушок едва сдерживал смех. Андрей с недоумением посмотрел на приятеля.

— А-а, — повернулся к академику Русанов, — я все понял... Мой дорогой Константин Павлович, это предупреждение тебе, несчастному отцу: «Берегись! Твое чадо, милый папа, собирается похитить летчик!»

— Ну и придумали! — захохотал Константин Павлович. — Однако в письмах своих вы, Андрей Иванович, были скромнее.

— В письмах? — теперь пришла очередь Петушка удивляться.

— Не сердитесь, — объяснил академик. — Мы с Ниночкой живем вдвоем, без матери, и она привыкла делиться со мной даже самым сокровенным.

— Как хотите, друзья, — сказал Русанов, — но будь я сейчас хотя бы капельку моложе, скажем лет на сорок, я бы... Теперь, разумеется, моя особа может представлять ценность лишь с точки зрения биохимической, но были времена, уверяю вас, когда я вызывал к себе интерес и эстетический! Да-с, мои милые, эсте-ти-чес-кий!

— Борис Павлович, — погрозила Нина Русанову пальцем, — вы скромничаете!

— Благодарю тебя, дитя мое, за великодушие, — ответил Русанов, — но, увы, сохранить молодость труднее, нежели вывести формулу наисложнейшего белка.

— Однако в любом возрасте не возбраняется поклониться Бахусу, — напомнил академик.

— За что будем пить? — спросил Шелест.

— За «Санус», который скоро удивит и порадует мир! — предложил Русанов.

— Вот бы узнать, что это такое... — шутливо-мечтательно протянул Петушок.

— Извольте, — повернулся к нему Русанов. — Моя любимица Ниночка, едва успев получить диплом, разработала превосходную идею: использовать кибернетику и бионику в микробиологии. Ну-с... Ее влиятельный папа — сиречь наш уважаемый Константин Павлович — поддержал ее (я имею в виду идею), принял личное участие... За остальным дело не стало, и весьма скоро...

— Может быть, через месяц, — вставила Нина.

— Итак, через месяц все вы, непосвященные, увидите... гм... во всяком случае, услышите о новой автоматической микробиологической лаборатории.

— За успех «Сануса»! — воскликнули летчики и подняли бокалы.

Когда все выпили, Константин Павлович повернулся к Нине и, указав взглядом на рояль, спросил:

— У тебя нет желания поиграть?

— Может быть, наши гости хотят, папа?

— В самом деле, я и не подумал. Вы играете?

— Нет, — ответил Андрей, — Петя играет.

— Доставьте нам удовольствие, — попросил Русанов.

— Попробуйте, — неуверенно согласился академик, бросив осторожный взгляд в сторону Русанова, тонкого и придирчивого ценителя музыки.

Петушок перехватил его взгляд и, не заставляя себя упрашивать, подошел к роялю. Усевшись на плюшевую вертушку, он с мальчишеским вызовом повернулся к Русанову:

— Что бы вам хотелось послушать?

Русанов с изумлением посмотрел поверх очков на самоуверенного летчика, едва заметно пожал плечами и с подчеркнуто холодной корректностью ответил:

— Если вы, молодой человек, попытаетесь изобразить нам что-либо из Бетховена, я премного буду обязан вам.

— Хорошо, — беспечно произнес Петушок, — наши вкусы сходятся! — и повернулся к роялю.

Он взял первые медлительные аккорды, адажио «Лунной сонаты» Русанов высоко поднял брови и оглядел присутствующих.

... Светлая звездная ночь. Теплая. Тихая. Над уснувшей землей одиноко летит самолет. Гордо звучит могучая песня его моторов. Крепкие крылья с силой рассекают разреженный воздух. Зеленовато светятся стрелки и цифры приборов. Руки

пилотов спокойно лежат на штурвалах. За бортом — далекий мир. Глубоко-глубоко внизу спит родная земля. Будто вечность отделяет от нее этот маленький и стремительный «воздушный остров».

В небе царит луна. Все в природе любуется властительницей ночи. Металлическим блеском оживают в ее тонких лучах гибкие тела рек. В черный бархат оделись леса. Тучные поля укрылись прозрачной темно-сиреневой дымкой. Бесчисленные огоньки поселений сверкают в живописном беспорядке. И нет всей этой красе ни конца ни края.

— Летишь — и крыло не качнется, оглянешься кругом — И кажется, будто иссякла силища, накопленная небом за жаркий день.

Но вот меньше становится звезд вдали, точно кто-то нарочно гасит их... Все темнее небосвод. Шалый ветерок выбежал навстречу и, потрогав самолет, ударил слегка по крыльям, словно пробуя их прочность. Оживились и пилоты: знакомо им такое озорство!

За первым ветерком выбежал второй — постарше и посильнее. Слышен даже его задорный свист: «А ну, померяемся, кто кого!» И помчались навстречу ветры, один яростнее другого! Бьют машину, кренят ее то на одно крыло, то на другое, кидают в невидимую «яму», забрасывают на вершины крутых воздушных «гор». Огромная вытянутая туча подплыла снизу и проглотила сияющий диск луны.

... Все живее бегают по клавишам пальцы Петушка, тревожно звучит аллегретто любимой сонаты; все отчетливее возникает в его воображении картина грозы в ночном полете, которая всегда связывалась у него с этим бессмертным произведением великого Бетховена, не знавшего ни авиации, ни полетов, но создавшего музыку, которая сегодня вдохновляет летчиков, а завтра вдохновит астронавтов.

... Притаившаяся в черноте ночи грозовая туча воткнула в землю ослепительную молнию, желтые круги поплыли в глазах пилотов. Мелко задрожал самолет, точно предчувствуя решительную схватку. Одна за другой возникали в небе огненные вспышки — целый частокол молний окружил самолет, появились облака из расплавленной меди.

Высота полета уменьшалась, самолет накренился и отвалил в сторону. Гроза устремилась за самолетом, но все быстрее уходил он от опасного места, все больше отставала гроза, в бессильной ярости обрушившая свою мощь на землю, заливая ее потоками дождя и разрывая небо километровыми молниями.

Но вот поредели тучи, и вновь, радостная, точно вырвавшаяся из плена, высоко в небе засветилась луна. На лицах пилотов появились улыбки. Еще ветерок трепал и раскачивал машину, но опасность осталась позади, а впереди снова чистый звездный океан...

... Отзвучали последние аккорды, но в комнате еще «пахло грозой». Лицо Петушка было несколько бледнее обычного, его потемневшие глаза смотрели куда-то вдаль, пальцы вздрагивали. — Браво, браво, молодой человек! — первым нарушил молчание Русанов. — Вы превосходный музыкант... Но где и когда вам удалось приобрести все это?

— Родные хотели, чтобы я стал пианистом, — смеясь, сказал Петушок, — но музыка пробудила во мне страсть к полетам, и я вышел в летчики!

Андрей гордился другом и не скрывал этого. Нина смотрела на Петушка как-то по-новому. Академик подошел к юноше и потрепал его за вихры. Петушок ответил ему благодарным взглядом и по-детски смутился.

В углу на маленьком треугольном столике резко зазвонил телефон.

— Это меня, — сказал Константин Павлович, подходя к столику.

То, что он услышал, было, по-видимому, неожиданно и неприятно.

— Говорите яснее! — нервно крикнул он в трубку. — А где была дежурная? Ну, знаете ли, это не оправдание. Немедленно машину. О господи, да перестаньте оправдываться, когда это уже никому не нужно!

Он едва сдержался, чтобы не бросить телефонную трубку.

— Что-нибудь случилось, папа? — спросила Нина.

— Да... — Константин Павлович виновато посмотрел на гостей и, подумав, сказал: — Я еду в клинику. А вы продолжайте без меня. Извини, дочь...

— Пожалуй, я поеду домой, — поднялся Русанов.

— Проводить вас? — спросил Дарсушев.

— Если хотите, поедемте вдвоем, — согласился Русанов. Андрей и Петушок тоже встали, но Константин Павлович решительно произнес:

— Вас же я настоятельно прошу остаться. Не расстраивайте Ниночке такой вечер.

3

— Пойдемте ко мне, — предложила Нина, проводив отца и гостей.

В ее комнате оказалось много книг — они лежали даже на стульях и диване.

— Ого! — воскликнул восхищенный Петушок. — И все интересные?

— Очень, — улыбнулась Нина.

— Я поковыряюсь, можно? — спросил он.

— Ковыряйтесь, — разрешила Нина. — Только не нарушайте порядка.

Петушок не ответил: он уже прочитывал названия на корешках, брал книги с полок, перелистывал их и снова ставил

на место. Чем больше книг он просматривал, тем более росло его разочарование: все они были по медицине, географии, геологии — ничего путного!

Внимание Андрея остановилось на другом: над письменным столом висела большая карта мира, испещренная какими-то значками. — Это что?

— На этой карте указаны очаги локализации различных инфекционных заболеваний человека. Я тружусь над ней уже третий год. Это часть моей кандидатской диссертации: я эпидемиолог.

— Когда вы успели накопить такой обширный материал? — удивился Андрей.

— Видите ли, Андрей Иванович, я просто довожу, или, вернее, хочу довести до конца труд, начатый еще моим дедом, Павлом Александровичем. Он провел много лет в путешествиях и плаваниях...

— Он был моряком?

— Нет, врачом. Он собрал за свою жизнь множество

интересных данных о болезнях человека, но систематизировать их не успел.

Они сели у стола, и Нина рассказала Андрею о талантливом русском враче Павле Александровиче Тверском, так и не получившем при жизни заслуженного признания.

Через некоторое время к ним присоединился Венев.

— Ну, нашли что-нибудь для себя? — спросила Нина.

— Где там, — махнул рукой Петушок. — Я люблю читать о путешествиях, люблю приключения, фантастику, а тут ничего подходящего.

— Между прочим, Петя, ваша «Лунная соната» напомнила мне о дневниках моего дедушки. Он тоже любил эту вещь. А дневниками его я зачитывалась, как приключенческим романом.

— Дневниками? — воспрянул духом Петушок. — Они здесь, у вас?

— Да.

— Давайте почитаем! — загорелся Петушок, очень нелюбивший откладывать интересные дела. — А вы не возражаете, Андрей Иванович? — Нисколько.

— В таком случае, — решительно произнесла Нина, — я сейчас принесу их. Они у папы в кабинете. Вскоре девушка вернулась с несколькими толстыми тетрадями.

Андрей придвинул к дивану легкий шахматный столик и с любопытством посмотрел на толстые тетради в клеенчатых переплетах и стопку бумаг, исписанных, как он сразу узнал, рукой Нины.

— Да, это, должно быть, в самом деле интересно, — заметил Петушок, перелистывая верхнюю тетрадь.

— И даже очень! — сказала Нина. — Жаль, что не все сохранилось. Вдобавок почерк у дедушки «докторский» — читать трудно. Мне нелегко было переписать их. Особенно интересны некоторые места в первых двух тетрадях. Вот возьмите пока

эти страницы, они относятся к 1910 году. Прочитайте их, Андрей Иванович, вслух.

4

«24 июня 1910 года

Вчерашний день я не смог взяться за перо. Но писать надо: если что-нибудь случится со мной — останется дневник. Дневники переживают своих авторов...

Вчера в четвертом часу утра мы со скоростью не более узла вошли в бухту у берегов неизвестного острова. Наступил полный штиль. Лунная ночь придала фантастический вид скалистым, высоким берегам. Тропический лес подступил к самому обрыву. Капитан отдал распоряжение пополнить запас пресной воды.

Спустили шлюпку с бочонками, и несколько матросов направились в ней к тому месту, где в океан маленьким водопадом сбегал ручей.

Мы сидели на баке вдвоем с капитаном.

— Еще сотня лет — и людям в моем положении не придется ломать головы над тем, у каких берегов они бросают якорь, — сказал капитан.

— Не много ли — сто лет?

— Возможно, и раньше, — согласился капитан. — Пока же мы с вами у острова, о котором ничего не знаем.

— Мир широк, — ответил я и вздрогнул: со стороны океана донесся пронзительный, неприятный свист.

Капитан перестал курить. Свист повторился тоном ниже и стал приятным для слуха. Но вот он внезапно оборвался, и воздух наполнился звуками... арфы. Через несколько минут послышались частые удары весел, и к борту пристала наша

шлюпка. Матросы один за другим торопливо взобрались на палубу.

— Матерь божья, пресвятая богородица! — перекрестился боцман с суеверным ужасом, сорвав с головы бескозырку.

Команда сбилась в нескольких шагах от нас и вслушивалась в игру таинственного арфиста.

— Дмитрий Алексеевич! — раздался веселый голос матроса Тимофея Зайцева. — Так ведь это рыба! Даю слово — рыба.

Вздох облегчения вырвался у всех, только боцман недоверчиво посмотрел на Зайцева и с сомнением произнес:

— Сам ты рыба! Разве ж позволено, чтобы божье создание в пучине морской играло на струменте?

— Пожалуй, Зайцев прав, — задумчиво заметил капитан и повернулся ко мне. — Я кое-что действительно слышал о поющих рыбах.

— Оно, конечно, — согласился вдруг боцман, мир божий одной головой не охватишь...

28 июня 1910 года

Остров оказался столь интересным, что я решил устроить здесь очередную исследовательскую базу. Но жить придется на корабле, лишь время от времени совершая вылазки на берег...

1 июля 1910 года

Остров необитаем. Я решил составить точный план острова и в специальной тетради подробно описать его.

12 июля 1910 года

Несколько дней не прикасался к дневнику. Была уйма работы и впечатлений...

Уточнили географические координаты острова. Оказывается, он не один — неподалеку есть маленький островок со скудной растительностью. Но поразительная вещь! На большом острове никто не живет, а маленький — густо заселен полудиким племенем. Кожа у туземцев коричневая, фигуры стройные только, пожалуй, длинноваты руки. Глаза в большинстве карие. Рост выше среднего.

Не знаю, к какому из известных мне племен отнести этот народ. Язык у них своеобразный, но простой. Я, кажется, начинаю его постигать.

1 августа 1910 года

Предводителя племени, которое населяет остров, зовут Рис. Мы настолько освоились друг с другом, что ему удалось рассказать, а мне понять легенду, которая, по-видимому, легла в основу местной религии. Суть ее такова.

Когда-то, много лет тому назад, сын бога солнца, изгнанный за что-то с неба, сел в свое железное каноэ, изрыгающее длинное белое пламя, и прилетел на большой остров... Добрый и отзывчивый, он внял мольбам людей и создал для них рай на земле. Островитяне, быстро привыкнув к раздольной жизни, вскоре совсем перестали работать и требовали все новых благ. Тогда сын бога солнца, разгневанный неблагодарностью островитян, наслал на них мор, и они в короткий срок погибли от страшной болезни. С тех пор остров стал необитаемым... Погиб и сам изгнанник неба.

Такова легенда...

Рассказывая ее, Рис даже набросал палочкой на песке рисунок, пытаясь примерно передать очертания „божественной лодки“. К моему неописуемому удивлению, я увидел... изображение межпланетного корабля, как бы взятое из книг писателей-фантастов!

Как могло воображение неграмотных туземцев родить такое? Или, быть может, это рисунок с натуры?! Но нельзя же думать, что к ним когда-то прилетали марсиане?.. Впрочем... почему нельзя?..

4 августа 1910 года

У этого народа есть и своя религия. Я бы назвал ее культом камня. Вместе с тем нельзя и прямо назвать их язычниками. Почти все они прекрасные скульпторы и мастерски вытачивают из камня всевозможные статуэтки. Они поклоняются не столько камню, сколько возможности придать ему желаемую форму!

Неудивительно, что на острове, возле вулкана, столько гигантских изваяний...

13 августа 1910 года

На острове есть кладбище. Сделали раскопки и нашли несколько трупов, которые не поддались гниению в сухой почве и превратились в мумии. Все трупы основательно изуродованы каким-то недугом.

В двух могилах погребены целые семьи — легенда, рассказанная мне Рисом, приобретает какое-то реальное основание. Судя по некоторым признакам, когда-то на острове вспыхнула эпидемия страшной моровой болезни, определить которую пока затрудняюсь. Видимо, вымерло почти все население острова. С тех пор на нем никто не живет.

14 августа 1910 года

Вблизи места, где наша яхта стала на якорь, еще в первый день пребывания здесь я заметил пучки длинной змеевидной водоросли. Ее стебли расползаются на десятки метров.

Водоросль бентонная, то есть придонная, бурая, но возле берегов, в тени, цвет ее зеленый. Бурая окраска служит ей Защитой от солнечных лучей — ведь глубина в бухте очень небольшая.

Удивительно, что на водоросли много белых образований, поразительно напоминающих розу, хотя водоросли размножаются спорами.

Между прочим, на соседнем острове Отунуи (где живет Рис) эта водоросль является едва ли не таким же важным продуктом питания, как у нас в России хлеб или картофель. Не далее, как сегодня я угощался ею и, должен признаться, без удовольствия; по-видимому, к этому, несомненно, питательному продукту нужна многолетняя привычка.

„Пища обреченных“ — в таком духе назвал эту водоросль Рис. Ведь на маленьком острове природа скудна, и прокормиться даже небольшой семье — задача не из простых. А совсем рядом, на острове Статуй (право, иначе и не назовешь этот живописный клочок вулканической земли), жители вели, по словам Риса, роскошный образ жизни. Они презрительно относились к своим соседям — „пожирателям водорослей“ — и не пускали их на свою землю. Соплеменники Риса попадали на остров Статуй только в качестве рабов.

Длинные водоросли привели меня к краю бухты и помогли обнаружить внутри крутого обрыва пещеру. Размеры ее 250х 100х50 сажен (длина, ширина, высота). Нижняя часть ее соединяется с бухтой и образует подземное озеро, к изучению которого завтра же приступлю.

18 августа 1910 года

И все же это самый загадочный для меня край! Все здесь необычное — какое-то случайное (именно в этом и непонятность) смешение уже известной нам тихоокеанской флоры и

фауны с растениями и животными, нигде доселе не виданными! Все мои представления о мире колеблются.

Беседуя с Рисом и его „сановниками“, я сделал важное открытие: какая-то часть жителей соседнего острова (а они оба отделены от окружающего мира тысячами миль водного пространства) являются переселенцами с острова Статуй!.. Но как ара обычной в Полинезии антисанитарии могла сохраниться эта часть населения во время страшного мора?

21 августа 1910 года

Сегодня мы с капитаном и несколькими матросами пробрались на шлюпке к подземному озеру. Таинственный мрак подземелья, отступивший перед нашими факелами, наполнил душу тревогой. Воздух здесь чистый, как после грозы. Резонанс такой, что и в театре не встретишь...»

На этом тетрадь заканчивалась. Андрею не терпелось узнать, что же дальше, но Нина разочаровала его.

— Следующая тетрадь не окончена, — объяснила она. — Последние страницы написаны за несколько часов до гибели дедушки.

— А как же с «марсианами»? — прервал Петушок. — Прилетали они или это просто сказка?

— Наверное, сказка, — засмеялась Нина. — Иначе дедушка нашел бы их следы...

Петушок пожал плечами. Андрей продолжал читать:

«27 мая 1912 года

У меня гостит Иоганн Велингер, мой коллега. Мы быстро сблизились, познакомившись в Петербурге. Приняв мое

предложение, он приехал ко мне отдохнуть и заняться охотой. Человек премилейший.

Иоганн порадовал меня приятным подарком. Он привез мне отменно изданную „Лунную сонату“ Бетховена. Ранее я слушал эту пьесу с удовольствием, но когда нынче осилил ее сам, то проникся к ней еще большей симпатией. Иоганн говорит, что она довольно прилично звучит в моем исполнении. Похвала приятная, потому что сам Велингер не только врач, но и превосходный пианист.

10 июня 1912 года

Сегодня я рассказал Иоганну о своих приключениях на острове Статуй и прочитал ему свой дневник. Надо было видеть, как он взволновался! Даже предлагал мне совместно организовать новую экспедицию на остров...

13 июня 1912 года

Иоганн не дает покоя и все носится с новыми проектами — неугомонный человек! Мне бы его энергию! Но куда мне сей час — разбитому, отягощенному столькими недугами... Осталось только предаваться воспоминаниям да вот еще разве заниматься охотой. Однако его настойчивость мне нравится. Может, и вправду отдать ему пакет с координатами острова и его описанием? Старый мой слуга, Федор Иванович Терехов, узнав об этом, даже стал сердиться. „Что это вы, — говорит, — никак, батюшка, духом пали? Нельзя, нельзя, вон Костенька растет, уж лучше все опосля и передали бы“.

„Опосля“! Легко сказать, а ведь сколько еще лет до этого „опосля“ — не дожить мне: здоровье хуже с каждым днем... А Иоганн не просто мой друг, но и единомышленник. Мы вместе

с ним разрабатываем одну тему, и даже книгу о географии болезней решили написать тоже вместе.

Велингер еще полон сил, да и средства его не скоро истощатся, а я погряз в долгах...

Решено! Отдам Иоганну пока часть записей, а остальные подготовлю, и если не смогу сам довести дело до конца, то он завершит его за меня. Науку надобно двигать сообща!

... Приехал Иоганн с ружьями и собаками — ездил в станицу к кузнецу исправить экипаж. Машет мне рукой, увидал в окне. Пора на охоту!..»

— Все?

— Все, — ответила Нина. — Дедушка пошел на охоту, и с ним произошел несчастный случай: он сорвался с кручи и разбился насмерть.

— М-да... — вздохнул Петушок.

Нина достала из большого конверта пачку бумаг.

— В этом пакете сохранилось кое-что из переписки дедушки с министерством, и даже копия прошения царю... Такая карта, что висит над моим столом, была и у дедушки, но где она, я не знаю. Он утверждал, что изучение географии болезней — важнейший шаг к оздоровлению нашей планеты.

— Я не врач, но мысль, по-моему, верная, — кивнул Петушок.

— И я вижу в этом большой практический смысл, — согласился Андрей.

— Но в архивах дедушки не сохранилось точного указания местонахождения острова Статуй, его настоящего названия и научного описания. А что это все имелось, нет сомнения! Я догадываюсь: наверное, все такие материалы были им объединены в одну тетрадь или папку, но найти ее не могу... Вероятно, он отдал ее Велингеру.

— А если поговорить с географами? — посоветовал Андрей.

— Пыталась. Мало данных, если не сказать, что их, по существу, нет. А знать это, право же, стоит. Вот хотя бы такое Место из его прошения царю. Слушайте: «Таким образом, не вызывает сомнений, что мы натолкнулись на новую болезнь, ранее не описанную нигде. Видимо, болезнь сия пока таится на острове и, возможно, потому что люди забросили его, не находит себе путей для дальнейшего распространения. Однако развивающиеся пути сообщения рано или поздно приблизят далекий остров к цивилизованным землям, и тогда на человечество может обрушиться страшное и непоправимое несчастье. Это третья важная причина, заставляющая меня нижайше просить ваше императорское величество об отпуске средств для экспедиции. Будущие поколения оценят по достоинству этот вклад в общее дело всего человечества». На первой странице, — продолжала Нина, — имеется «высочайшая» резолюция: «На усмотрение будущих поколений».

— Все ясно, — с горькой иронией произнес Андрей.

— Напротив, — возразила Нина. — Многое как раз не ясно, а мне очень важно знать для моей работы, где находится этот остров и какую болезнь там обнаружил дедушка.

В передней позвонили, и Нина ушла открывать дверь: вернулся Константин Павлович.

— Ну что, папа?

— Ничего-ничего, все в порядке, — рассеянно ответил отец, нервно потирая руки.

Летчики встали, распрощались и ушли. Нина не задерживала их: было уже около часа ночи, а по расстроенному виду отца девушка поняла, что ему не хотелось говорить при посторонних.

— Что все же случилось, папа? — спросила она, проводив гостей. — Больной жив?

— Да... Но опоздай я — и все было бы кончено...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Странное дело. «Воскресение из мертвых». Рязанов нападает на след

1

Работники московского уголовного розыска вели слежку за крупным вором по кличке Пат, руководившим группой спекулянтов и скупщиков краденых вещей. Успех расследования начатого дела зависел от осторожности и неторопливости и сулил МУРу ликвидацию группы преступников.

Неудивительно, что когда в конце января в квартире Пата стал часто появляться какой-то болезненный на вид, худой человек, следственные работники немедленно заинтересовались им.

Неизвестный оказался бухгалтером среднеазиатского овцеплемсовхоза Иваном Николаевичем Гороховым, ничем ранее не скомпрометированным. Он часто болел и зимой, когда в совхозе работы было мало, изредка выезжал на курорт. Горохов обращался ко многим врачам, даже к знахарям, о чем откровенно рассказывал своим сотрудникам.

Был он причастен к спекуляции или нет, узнать не удалось. Скорее всего, нет. Но тогда что связывало его с Патом?

Дальнейшая слежка за Гороховым привела работников МУРа к клинике академика Тверского, куда его приняли на стационарное исследование. У больного обнаружили доброкачественную опухоль гипофиза. Редкое заболевание привлекло внимание прославленного хирурга, он решился на сложную операцию.

На этом связи Горохова с Патом оборвались, и в МУРе кое-кто посчитал это знакомство случайным, не имеющим отношения к делу.

В ночь на первое февраля и на следующий день были произведены аресты Пата и его сообщников. На квартире Пата при обыске обнаружили тщательно запрятанный фотоаппарат с микропленкой.

— Чей?

— Краденый, — равнодушно ответил Пат. — Не успел продать...

Пленку проявили и стали в тупик. На ней были сфотографированы страницы рукописи нигде не изданной книги с пространным названием «География болезней человека и ее значение в разработке новых методов терапии». Автор рукописи — Павел Александрович Тверской, отец академика Тверского.

— Кто снимал? — спросили у Пата.

— Не знаю, — упорствовал он. — Кто-то из огольцов стянул и передал мне для продажи.

— Кто украл? — Учета не веду.

Еще деталь, в будущем оказавшаяся немаловажной: на пленке в двух местах лаборанты обнаружили оттиски пальцев. Один из оттисков был такой отчетливый, что его можно было сличить с другими по дактилоскопической картотеке МУРа. Сличили, но безрезультатно: в картотеке такого оттиска не имелось.

Надо было вести поиски по другому пути. Тогда-то и вспомнили о Горохове, потому что никто, кроме него, из сообщников и знакомых Пата никогда не бывал в клинике или на квартире академика Тверского.

— Давно знаете Горохова?

Пат безразлично ответил:

— Нет. Человек больной и глупый: знахарей искал, «исцелителей». Хотел я немного подработать на нем, да медицина помешала!

— Так вы и этим занимаетесь?

— Дипломов не имею, а жизнь движения требует, — схитрил Пат. — Сама копейка к тебе не прикатится, ей помочь надо.

И все-таки подозрение пало на Горохова. Но зачем ему понадобилось фотографировать рукопись, что в ней ценного?

За консультацией обратились в Комитет госбезопасности, к начальнику отдела полковнику Козлову. Полковник разложил фотокопии по порядку. Снимков было сто четыре, но сфотографированными на них оказались только сорок две страницы. Отдельные места кто-то переснимал по нескольку раз, видимо, желая оградить себя от неудачи.

Несколько раз была скопирована восьмая глава «Одна из медицинских загадок». В ней автор описывал редкие случаи в медицине, в частности, останавливался на загадочной болезни, обнаруженной им только на острове Статуй.

Все то, что относилось к острову, и рассуждения автора о болезни были пересняты несколько раз.

Обилие в главе специальных медицинских терминов, латыни, экскурсов в смежные с медициной науки затрудняло чтение. Козлов решил посоветоваться с академиком Тверским. Однако по дороге в клинику он изменил свое намерение. «Сначала выясню личность Горохова, — подумал Козлов. — А с рукописью повременим...»

В беседе с Константином Павловичем полковник не проронил ни слова о микропленке.

— Общее впечатление о Горохове, — признался Тверской, — у меня, да и у дочери тоже, сложилось хорошее. Он, несомненно, начитан, развит многосторонне, любит медицину...

— Есть основания так полагать, Константин Павлович?

— Разумеется. Он проявил, например, такой живой интерес к диссертации моей дочери, что это... я бы сказал, делает честь любому культурному человеку.

— Часто бывал он у вас в доме?

— Раз пять-шесть. Собственно, знакомство-то наше началось у меня дома: он пришел, добиваясь частного приема или, вернее, беседы, консультации. И как-то, знаете, сумел расположить к себе...

Далее академик с присущей ему точностью рассказал о подготовке Горохова к операции, не упустив даже такой мелочи: у него повышенная возбудимость, экзальтированность... Я решил лечением сном несколько привести его к норме перед операцией. Когда мы его усыпляли, то он в первые минуты бормотал всякое...

— Что именно?

— Например: «Я не поеду в Бжозув, я не поеду в Бжозув!..»

— Мне помнится, такое местечко есть в Польше, — заметил Козлов. — Скажите, Константин Павлович, а нельзя ли снять отпечатки пальцев у Горохова?

— Это невозможно, — ответил академик. — Я выписал Горохова из клиники.

— Почему? — насторожился Козлов.

— В последнюю минуту он отказался от операции, решив «собраться с духом» в будущем году. Как раз перед этим в клинике произошел ужасный случай, повлиявший на всех больных.

— Понятно, — прервал Козлов, попрощался и уехал к себе. Затребовав из МУРа фотографию Горохова, полковник немедленно объявил срочный розыск таинственного бухгалтера. На всякий случай поручил взять под наблюдение и его квартиру в Средней Азии.

Между тем дактилоскопический оттиск послали в Польшу для сличения в архивах. Ответ пришел следующий: оттиски принадлежат известному международному вору по кличке Стась. Исчез в войну. Польские товарищи из органов госбезопасности считали его умершим.

Козлов вызвал своего помощника, капитана Рязанова, ознакомил его с материалами нового дела и передал дальнейшее расследование в его руки.

С Алексеем Рязановым они работали второй год и крепко привязались друг к другу. Козлову был приятен этот невысокий светловолосый и светлоглазый человек. Скромный, увлекающийся каждым новым делом, Рязанов отличался к тому же неиссякаемой любознательностью — качеством, незаменимым в оперативном работнике.

— Когда я навестил академика, — сказал Козлов, — он в разговоре упомянул, что Горохов знаком и с его дочерью. Надо съездить к ней, капитан.

Нина Константиновна Тверская встречалась с Гороховым чаще, нежели ее отец, и рассказала больше. Внимание нового знакомого к ее научной работе польстило девушке. А так как темой ее диссертации была «География болезней человека» и строилась она во многом на трудах деда, то Нина Константиновна не только рассказала Горохову о Павле Александровиче Тверском, но и разрешила ознакомиться с рукописью, которую сама же и отдала ему. Несколько дней спустя Горохов вернул ей рукопись.

— Чем особенно интересовался Горохов? — спросил Розанов.

— Больше всего он расспрашивал о болезни на острове Статуй, — ответила Нина.

— А что это за остров?

— Точного названия его я не знаю, у нас не сохранилось даже координат.

— Вы разрешите мне ознакомиться с рукописью?

— Пожалуйста.

Нина подала Рязанову толстую папку. Она знала, что он сотрудник Комитета госбезопасности, и старалась не задавать вопросов, хотя весь этот разговор о Горохове был ей непонятен.

Читать рукопись пришлось вдвоем: без помощи терпеливой Нины Рязанов не смог бы разобраться в этом узкоспециальном материале.

Вечером Алексей приехал к Козлову и доложил:

— Ничего секретного в «Географии болезней» я не нашел, товарищ полковник!

— Странно, — задумался Козлов. — В клинике Тверского также не ведется работ, представляющих интерес для иностранной разведки...

— Деталь, товарищ полковник: Стась — Горохов так интересовался островом Статуй, что я бы назвал это собиранием сведений.

— И в снимках тоже об острове... — напомнил Козлов.

— Надо узнать, что это за остров Статуй, товарищ полковник, — сказал Рязанов, — кому он принадлежит? Обитаем или нет? Как вы считаете?..

— Гм... Это не только медицинская загадка, капитан! Как вы думаете разгадать ее?

— Нина Константиновна говорит, что сделать это ей пока не удалось: точных координат в архиве ее деда не сохранилось. Географы тоже не могут определить — мало данных.

— То, что не могут сделать географы, должны сделать мы с вами, капитан.

— Понятно, товарищ полковник. Сперва я подробнее ознакомлюсь со всем тем, что еще сохранилось в личном архиве Павла Александровича Тверского. Может, что и отыщу...

— Не возражаю, — согласился полковник. — Академика я попрошу еще раз помочь нам. Действуйте.

2

Рязанов посетил академика утром. Константин Павлович сказал ему, что знал об этом предполагавшемся визите из разговора с Козловым.

— Не объясните ли вы причину столь повышенного интереса к трудам моего отца? — спросил он.

— Обязательно, Константин Павлович. Я потому и прихватил с собой несколько вот этих фотографий... Взгляните...

— Непостижимо... Чья это работа?

— Вероятнее всего, Горохова.

— Но для чего это ему? Не понимаю! Не по-ни-ма-ю... Я помню эту главу и всю работу отца: она интересна только для специалиста, а не для дилетанта, каким является Горохов.

— Может быть, за его спиной стоит специалист? Учтите, что Горохов — международный вор, настоящее имя у него другое...

— Все равно я не вижу причин фотографировать... Позвольте, как вы сказали? Вор?

— Да.

— А мы с Ниной еще в доме его принимали...

— Это опытный жулик, и его непросто разгадать, — заметил Рязанов. — Нам ясно, что он собирает сведения об острове Статуй... Не скажете ли вы, что это за остров?

— Голубчик, сам не знаю! Мой отец случайно набрел на него, хотел повторить экспедицию, но не успел. Нет даже координат и научного описания острова.

— Все же они были, наверно?

— Конечно. Я полагаю, что отец передал эти материалы своему другу Иоганну Велингеру.

— Кто он?

— Это был видный в свое время медик. Фигура положительная, Ниночка вела переписку, пытаясь разыскать наследников, — безуспешно...

— А кто-либо из них вам известен?

— Смутно помнится, что приезжала к нам, в Задонскую, его дочь; приезжала с мужем, не то дрессировщиком, не то укротителем... По-моему, ему было лет тридцать — тридцать пять. Он очень интересовался островом, хотел даже поехать туда, в надежде разыскать редкие экземпляры зверей для своей работы, и очень увлек меня этой идеей. Несмотря на разность возрастов, мы с ним по-своему сдружились. В честь этого, — академик улыбнулся, — он даже вырезал наши имена на огромном дубе, росшем в саду.

— Может быть, вспомните его фамилию? — настаивал Рязанов.

— Нет, что вы! Мне же было тогда лет семь.

— Жаль, — вздохнул Рязанов.

— Еще бы, — подхватил академик. — Прекрасный, беззаботный возраст.

— Нет, я не о том...

— Ах, да... простите... Но как помочь вам, право не знаю...

— Не сохранилась ли надпись на дереве? — предположил Рязанов.

— Кто его знает. Я давно не бывал там...

— А мог ли этот дрессировщик заполучить в вашем доме еще некоторые документы об острове?

— Как вам сказать, — задумался академик. — Матушка моя была женщина доверчивая и мягкосердечная. Разумеется, при желании он мог у нее выпросить кое-что. Однако, признаюсь, беседа с вами настраивает меня на детективный лад. Забавно!

Капитан поднялся.

— Ну и что же вы намерены предпринять? Поедете в Задонскую?

— Вероятно, — ответил Рязанов. — Но сперва я хочу обстоятельно познакомиться с рукописями Павла Александровича.

— В таком случае вместе с архивом отца я вам пришлю несколько фотографий нашего дома и план сада, где находилось тогда дерево, на котором «незнакомец» вырезал наши имена.

— Буду очень благодарен.

— Желаю успеха, молодой человек. Так вы наведайтесь после, хоть расскажете о родных местах и вообще... Я, знаете ли, так заинтригован...

— Непременно, Константин Павлович. До свидания.

Запершись в кабинете, Рязанов внимательно, страницу за страницей, прочитывал дневники, сохранившиеся письма Павла Александровича Тверского и его записные книжки.

Читать строчки, написанные неразборчивым почерком, было трудно, несмотря на профессиональную привычку разбирать чужую руку. А в одной записной книжке попалось несколько страниц с совершенно потускневшими карандашными записями.

Передав их в лабораторию, Рязанов поехал в Задонскую.

3

Дом в станице Задонской, где провел детство Константин Павлович Тверской, был цел и невредим. Сейчас это был Дом пионеров и в нем проводили свой досуг будущие авиаторы, полярники, мореходы.

Большой сад, окружавший дом, был одним из самых оживленных мест в станице. Украшением его некогда служил старый огромный дуб. В прошлом году в дуб ударила молния и разнесла в щепы, так что от дерева осталась лишь часть ствола.

Осмотрев кору дерева, Алексей облюбовал длинный вертикальный «свищ» — шрам от давнего ранения с темным углублением. Срезать ножом твердый рубец было труднее, чем срубить его топором, но Алексей не торопился. На второй день ему удалось обнажить потемневшую древесину; он осторожно

расчистил ее и... увидел полуистлевшую надпись. Буквы шли сверху вниз, чувствовалось, что они были вырезаны сильной уверенной рукой: «К. Тверской — Э. Дорт». А ниже Алексей прочел дату: «1913».

К следственным материалам добавилась небольшая подробность. Сколько их нужно еще, чтобы закончить дело?..

Перед отъездом из станицы Рязанов зашел к директору Дома пионеров, местному старожилу и краеведу Сергею Ивановичу Карпенюку. Поблагодарив за разрешение «портить» дерево, он осторожно завел разговор о Павле Александровиче Тверском. Сергей Иванович, не решавшийся до сих пор сам поговорить с приезжим, охотно поддержал беседу.

— Замечательный человек был Павел Тверской, — сказал он в конце разговора и с гордостью добавил: — О нем уже пишут монографию! Скоро о нашем земляке узнает вся страна... — Кто пишет?

— Да вот незадолго перед вами приезжал сюда представитель из Московского медицинского института, дня три прожил у нас, беседовал с жителями, все искал архивы Тверского. — Это такой высокий и худой? — взволнованно спросил Рязанов.

— Напротив, плотный... Я бы сказал, атлет.

Карпенюк подробно рассказал о «представителе» из института. Записав все, что относилось к внешности неизвестного, Рязанов в сопровождении Сергея Ивановича прошел по станице.

Из разговоров с теми, с кем встречался «представитель» института, Рязанов узнал, что последний довольно настойчиво расспрашивал о Тереховой.

— Кто это, Сергей Иванович? — спросил Рязанов, когда они остались одни.

— У Павла Тверского был слуга Федор Иванович Терехов. Помню, еще в годы нэпа его сын женился на городской.

— Имя и отчество ее знаете?

— Нет, товарищ Рязанов, да и вряд ли кто-нибудь здесь знает ее сейчас. Кажется, она ростовчанка...

Вечером Алексей был в Ростове-на-Дону. Доложив Козлову по телефону о результатах своей поездки, Рязанов отослал ему фотографию с надписью на дереве и принялся за поиски Тереховой.

— Горохов работает не один, — сказал Козлову Алексей, — я иду по следам его сообщника...

4

Когда Козлов показал академику фотографию, полученную от Рязанова, Константин Павлович был озадачен.

— Помилуйте, — воскликнул он, — но я совсем не знаю этой фамилии!

— Вы знали ее, но забыли, — подсказал Козлов.

— Впрочем, вы правы, конечно. Прошло столько лет... Но вдруг это совсем не укротитель, а кто-нибудь другой?

«Надо покопаться в архивах библиотеки имени Ленина... — решил Козлов. — О его гастролях в России, наверное, писали».

Просмотрев комплекты журналов и газет за 1913 год, полковник нашел нужную заметку. Одна из петербургских газет писала:

«Жуткое зрелище!

Большой популярностью у петербуржцев пользуется приехавший к нам на гастроли со своей группой львов и тигров знаменитый укротитель господин Эмиль Дорт! Мужество его беспредельно! Так, укротитель с улыбкой объезжает вокруг манежа верхом на страшном царе пустынь и, награждаемый всяческими выражениями восторга наших петербургских красавиц, теребит его за уши. Лез издает могучий рык, но... не осмеливается наброситься на господина Дорта!

... Мы рады возможности поделиться с читательницами известием еще об одной победе красавца укротителя.

Во время гастролей в Германии в минувшем году в него страстно влюбилась юная Генриетта Велингер, дочь солидного профессора медицины. Обезумев от охватившего ее чувства, она оставила отчий дом и бежала из родных мест с господином Дортом... Сраженный горем отец покончил с собой.

Мы не склонны оправдывать господина укротителя, но... чего только не делает пылкая любовь! Госпожа Генриетта обвенчалась с господином Эмилем Дортом и является не только его помощницей, но и законной супругой!»

Так забытая статья болтливого корреспондента помогла Козлову точно установить фамилию человека, в чьи руки могла попасть часть архива врача-путешественника.

«Еще шаг вперед, — размышлял Козлов. — Надо выяснить дальнейшую судьбу Эмиля Дорта и его наследников и... найти остров.»

Вошла секретарша и доложила:

— Товарищ полковник, ни один московский медицинский институт не направлял своего представителя в станицу Задонскую...

— Хорошо, Любовь Васильевна, я так и думал. Что о Стасе?

— Пока ничего. Из лаборатории прислали записную книжку Павла Тверского, ту, что передавал им товарищ Рязанов, и восстановленный текст.

— Положите на стол и минут двадцать никого не пускайте ко мне.

— Хорошо, товарищ полковник.

Козлов даже не предполагал, какую добрую услугу оказали ему терпеливые, настойчивые лаборанты. Им удалось восстановить следующую запись:

«... Мы не первые побывали вблизи этих мест. Роясь в архивах Русского географического общества, я нашел записки

нашего соотечественника Сергеева. Он описывает тот же остров».

Упоминание о Сергееве заставило Козлова вновь отправиться в библиотеку имени Ленина, в отдел рукописей. Научные сотрудники библиотеки без труда отыскали ему «Записки русского морехода».

Сергеев рассказывал обо всем увиденном так подробно, что Козлов узнал в его описаниях остров Статуй.

Как писал мореход, суеверные туземцы ни под каким видом не соглашались приблизиться к острову Статуй (то же название, что и в дневнике Тверского!), говоря, что его жители навлекли на себя гнев божества, наславшего на них мор (та же легенда!).

Тогда Сергеев направился к острову без проводников. Однако на расстоянии видимости берегов он велел повернуть «прочь от сатанинского места», потому что на поверхности океана, даже на таком удалении от острова, им повстречалось с десяток трупов, обезображенных неведомой болезнью. Дальше плыть было просто безрассудно.

Сергеев ограничился тем, что вычислил и записал координаты острова. Козлов отложил на карте указанные градусы южной широты и западной долготы, и их перекрестье легло на остров Пито-Као.

«Ну что ж, — подумал довольный Козлов, — клубок начинает распутываться! Мы уже знаем остров... А ведь недавно я читал о нем... Гм... Пито-Као!.. Ах, да, в наших газетах была заметка о скандале с новым предприятием рыбной компании... В ней писалось о болезнетворности консервов... И в дневниках Тверского (и Сергеева) упоминается о болезни...»

Козлов посмотрел на раскрытый «Атлас мира». Взгляд его неторопливо скользил от берегов Чили влево и остановился на крохотной желтой точке. Разве мало таких предприятий разбросано по миру, особенно на островах Тихого океана?!

Но если Стась шпионит в пользу этой компании, и его работа носит характер «частного шпионажа», что встречается не так уж редко, то какой толк для рыбной компании в рукописях Павла Тверского?

«Да, теперь не мешало бы нам чуть поближе познакомиться с этой рыбной компанией... Наведем справки в торговом мире, — решил Козлов. — А пока...»

Зазвонил телефон. Козлов взял трубку: вызов из Ростова-на-Дону.

— Докладывает капитан Рязанов, — услышал он знакомый голос. — Здравствуйте, товарищ полковник... Напал на след Горохова...

— А его сообщник?

— Не найден.

— А Терехову нашли?

— Никак нет, товарищ полковник. Терехова в Ростове не проживает!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Задание Бергоффа. Паола. Колорадский Жук

1

Мистер Бергофф начал свой день с просмотра деловой корреспонденции. Кабинет его состоял из двух частей; просторного зала, достаточно длинного для того, чтобы посетитель, идя по ковровой дорожке от двери, имел время ощутить и оценить растояние, отделяющее его от рыбного короля, и тоже просторной, меньшего размера части кабинета, где находился сам Бергофф. Благодаря возвышению, на котором стоял письменный стол, посетитель, разговаривая с Бергоффом, вынужден был смотреть на него снизу вверх.

— Мистер Хоутон ожидает в приемной, — доложил секретарь. — Просите.

— Да, сэр.

Хоутон, изобразив приятную улыбку, приветствовал патрона.

— Вы чудесно выглядите, Боб! — довольно потирая руки, произнес Бергофф.

— О, сэр! Я обязан этим вам, мистеру Оскару и.., и...

— И? — поднял брови Бергофф.

— Чудесному воздуху Пито-Као.

— Так я и предполагал, — успокоился Бергофф. «Тонкая бестия!» — подумал секретарь, одобрительно взглянув на журналиста.

— Оставьте нас, — сказал Бергофф. — Мы давние друзья с мистером Хоутоном.

Секретарь поперхнулся излишне большим глотком воздуха и, почтительно склонив голову, выплыл из кабинета легкой струйкой дыма.

— Итак, как продвигается «общественный контроль» моих предприятий?

— Все хорошо. Не угодно ли вам прочесть первый опус о благословенном Пито-Као и его хозяине?

— Угодно; — приятно улыбнулся Бергофф. — Но я ожидал этого несколько раньше...

— Если бы не моя задолженность мистеру Оскару, я не беспокоил бы вас и сегодня, — признался Боб. — Так что же вы там написали?

Бергофф взял рукопись и принялся за чтение. По мере того, как взгляд скользил по строчкам, лицо его светлело, и он все чаще одобрительно посматривал на Боба.

— Напишите редактору, — сказал Бергофф, закончив чтение, — что я прошу поместить это на первой полосе. И еще мнее

бы хотелось, чтобы вы развили тот раздел очерка, где говорится о моем заводе. Покажите шире производство!

— Будет исполнено.

— Именно покажите. Можно дать снимок...

— Чудесная мысль, сэр!

— Впрочем, цеха там выглядят не совсем уютно... Гм... Может быть, следует воздержаться?

— О нет! Я берусь с Монти Пирсом на время так оформить ваш завод, что на фотографии он будет выглядеть на миллион долларов!

— Меня устраивает ваша сообразительность. Я полностью полагаюсь на вас.

— Я польщен, сэр.

— Ну что ж, поздравляю с удачным началом, Боб. Загляните на минутку к моему секретарю, он пополнит ваши финансовые запасы, а затем приглашаю вас ко мне на обед.

— Благодарю вас, сэр. Я воспользуюсь и тем и другим...

2

Родом она из Милана. Ей двадцать лет. Зовут ее Паола Вердини. Родных она не помнит. У Паолы стройная фигура, нежное лицо с большими светло-карими глазами, вьющиеся каштановые волосы, ослепительно белые зубы и улыбка, заставляющая забывать о делах и печалях. Характер у Паолы веселый, но ей ничего не стоит вдруг, без всякой видимой причины, перейти от веселья к грусти или, наоборот, от слез к смеху.

Ее жизненная карьера была неровной, как путь маленькой дождевой капли, стекающей по грязному оконному стеклу. Постоянная забота о пропитании, одежде и ночлеге сделала ее детство безрадостным. Когда Паоле минуло пятнадцать и она стала работать в цирке, в жизни юной итальянки произошел

перелом к лучшему. Воздушный полет на трапециях стал ее призванием. Смелость, точный расчет и врожденная грация обеспечили ей шумный успех. Более трех лет провела она под высоким куполом, и это была лучшая пора в ее жизни. Но вот она получила приглашение сниматься в кино, и, хотя Паола не расставалась с любимой профессией, интерес к жизни вдруг стал угасать в ней. Она почувствовала себя усталой, одинокой.

Бергофф увидел ее в Голливуде, выкупил, заплатив студии неустойку, и с тех пор она сопровождала его повсюду. Знакомые Бергоффа считали, что он имеет «право на благоустроенный отдых».

Паола отнеслась к своему положению пассивно: она уже смирилась с тем, что жить приходится для того, чтобы кто-то получал от этого удовольствие.

Холодность итальянки была непонятна Бергоффу. Вначале это его раздражало, а потом он махнул рукой и предоставил Паоле полную свободу.

Друзей у нее не было, а свободного времени появилось теперь столько, что она не знала, чем его заполнить. Незаметно Паола пристрастилась к вину, не встретив противодействия со стороны Бергоффа.

Хоутон был первым гостем с материка в их доме. Паола радушно встретила гостя, весело угощала его за столом, охотно поддерживала беседу и была покорена способностью Боба не только занимательно рассказывать, но и внимательно слушать. Обед прошел непринужденно, и Бергофф был очень доволен той теплой семейной атмосферой, которая на время сменила скуку, царившую в его доме. Почувствовав, что выпил лишнее, он вскоре удалился в спальню, и Боб с Паолой остались вдвоем. Боб любовался прекрасным лицом Паолы, которое слегка портили странные коричневые пятна.

— Почему вы так пристально смотрите на меня, мистер Хоутон? — спросила Паола. — Вас, верно, удивляют эти пятна?..

Но это пустяки по сравнению с тем, что было... Вы не представляете, что мне пришлось пережить! На меня напала ужасная тропическая болезнь! Лицо было так обезображено, что я себя не узнавала. До этого я слышала, что среди туземцев появилась какая-то кожная болезнь, но не верила. И вот, пожалуйста, заболела сама... Если бы не Дорт — он дал мне какую-то мазь, — я осталась бы искалеченной навек. Не знаю, за что меня так карает бог... Никто из белых, вы понимаете, никто, кроме меня, не пережил этого. Лишь я одна оказалась жертвой здешнего климата. Спасибо Дорту, — пылко воскликнула она, — не то меня все стали бы презирать!

— Ну, полно, мисс Паола. Такое может случиться с каждым. Хорошо, что теперь вы выздоравливаете и неприятное позади.

— Называйте меня просто Паолой, — попросила она, наполняя бокалы.

— А вы меня — Боб. Поскольку вы упомянули о Дорте, позвольте мне, Паола, просить вас рассказать о нем.

— Откровенно говоря, я мало что знаю. Дорт — замкнутый человек, свысока смотрит на женщин, в том числе и на меня, конечно. Не ошибусь, если скажу, что он вообще на всех смотрит с презрением. На редкость самовлюбленная личность! Безусловно, я ему обязана своим исцелением, но, если говорить правду...

— Понимаю вас, Паола, вполне понимаю. Говорят, что он что-то изобрел или изобретает...

— Я ничего не знаю о его работе.

— Надолго вы поселились здесь? — спросил Боб, меняя тему разговора.

— Сама не знаю. Как Бергофф... Я неудачница. Мне теперь все равно. Просто живу по инерции. Качусь, пока не упаду! Как колесо, оторвавшееся от автомобиля.

— Вы назвали себя неудачницей, Паола, — доверительно сказал Боб. — Мы оба из числа этой печальной категории

людей. Всего три года назад я окончил университет, но человек с дипломом лингвиста оказался никому не нужным. Никому! Тогда-то я понял, что дал маху, но исправить что-либо было невозможно. Затем стал репортером... А душа моя тоскует по любимому делу!..

— И моя тоже, Боб!

— И только когда я плыву по океану виски, мне легче, и я обретаю способность философски смотреть на людей и на все вокруг...

Паола зло заломила руки, вскинула глаза к небу и воскликнула:

— Боже! Ответь мне, чего в мире больше — горя или возможности избежать его?

3

Открыв глаза и убедившись, что уже утро, Боб быстро встал с постели, ополоснулся холодной водой, размялся на веранде, выпил освежающей кока-колы. Увидев на столе фотоаппарат, Боб вспомнил задание Бергоффа.

Час спустя он был на крабоконсервном заводе. Отыскав Монти Пирса, Хоутон несколько своеобразно изложил ему суть дела:

— Послушайте, Пирс, если вы отгадаете, что у меня в руках, я ставлю ящик пива...

— По ведь это же обыкновенный фотоаппарат, мистер Хоутон! — воскликнул Пирс.

Веснушчатую физиономию Боба озарила улыбка.

— Споря с вами, — сказал он, — я могу закладывать Эйфелеву башню без малейшего риска для французов...

— Я не понимаю ваших шуток, мистер Хоутон, — обиделся Пирс.

— То, что вы назвали фотоаппаратом, попав в руки настоящего джентльмена, становится «преобразователем истины» ... В наш век не модно врать с голыми руками — засмеют! Но стоит подбросить читателям отлично смонтированный снимок, как одного неверующего задушат десять одураченных простаков. Надо только уметь все делать правильно. Вот, к примеру, ваш цех. Я вижу кафельные полы, белые стены, занавески от москитов, веселых черномазых, а на первом плане идиллии сверкающие детали какого-нибудь нового станка и над всем этим — ваша распростертая длань.

— Но...

— Никаких «но»! Ваша задача — возможно быстрее декорировать свой механизированный свинарник и получить сто долларов наличными. Я сделаю несколько моментальных снимков, и вы можете опять восстановить здесь статус-кво.

— О, мистер Хоутон, вы на этот раз начало перенесли в конец, и у меня едва не пересохло в горле. Я вас понял на все сто пятьдесят долларов.

— Согласен. Получите эскиз, аванс и пожелание успеха. День спустя уголок в цехе, облюбованный Пирсом, так преобразился, что Боб, осмотрев его, щелкнул пальцами и расхохотался от души.

— Вы специалист по омоложению, — сказал он Пирсу. — Но цветочки выбросьте за борт.

— Опять?! — вдруг заорал Пирс, обращаясь к кому-то за спиной Хоутона. — Почему не работаешь, бездельник?..

Боб поморщился и обернулся. Он увидел высокого стройного юношу с благородным, несколько удлиненным лицом и удивительно мягким взглядом темно-серых глаз. Кожа юноши была смуглая, как у метиса.

Услышав окрик, юноша умоляюще посмотрел на мастера и, с трудом произнося английские слова, сказал:

— Господин, я потом работать два раза... А сейчас Мауки хочет знать: можно ли весь завод сделать таким белым? И откуда привезли сюда чистоту?

Мастер взмахнул плетью, в жарком воздухе сухо и отрывисто прозвучал удар, а на тело юноши лег взбухший след, будто кто-то кинул ему на плечо кусок черной от сажи веревки.

Юноша покачнулся. Его серые глаза потемнели и сверкнули гневом и обидой.

— Большой и умный не должен бить другого, — убежденно произнес он и, смерив мастера презрительным, гневным взглядом, неторопливо ушел.

Боб занялся фотографированием «цеха», но уже не мог не думать о юном туземце. Полчаса спустя он покончил с делами и берегом направился домой. У самой воды, обняв сильными руками худые колени, сидел тот самый юноша. Увидев Боба, он встал. На его лице, теперь казавшемся почти детским, еще не высохли следы слез.

— Сиди, зачем встаешь? — ласково сказал Боб.

— Ты старший, — просто пояснил юноша и остался стоять, печально смотря в океан.

— Значит, ты хотел узнать, откуда привезли сюда чистоту?

— Все! Мауки все хочет знать! — пылко ответил юноша.

Боб улыбнулся и спросил:

— Где твой дом?

— Там... — Мауки указал на северо-запад. — Другой остров... Отунуи...

— Ты почему ушел с работы?

— Я больше не вернусь туда, — признался Мауки, — лучше смерть.

— Хочешь работать у меня? — предложил Боб. — Будешь учить своему языку, и все. Хочешь?

Мауки недоверчиво посмотрел на журналиста, подумал и спросил в свою очередь:

— А потом господин будет бить Мауки? Боб густо покраснел.

— Нет, что ты! Глупый... Я тебя стану учить грамоте... Хочешь?

— Мауки очень хочет, очень! — с жаром ответил юноша.

4

Пленку Боб проявил в медицинском пункте. Только к вечеру он разделался с фотоснимками для очерка и подготовил материал к отправке.

Подходя к дому, Боб приметил машину Монти Пирса у крыльца и свет в его окне. «Пьян!» — подумал Хоутон, зная обыкновение своего соседа оставлять в таких случаях автомобиль на улице. Поставив машину в гараж, Боб вошел в дом. Монти был навеселе.

— Добрый вечер, Монти!

— Здравствуйте.

— Пропиваете гонорар?

— Наоборот, делаю деньги, золото. Вернее, уже сделал.

— Сделали золото?! Вы алхимик?

— Нет, у меня проще. Одному вам могу сообщить секрет: через некоторое время в моем кармане будет лежать сто тысяч долларов!

— Так много! — с почтительным восхищением воскликнул Боб. — Да, такую сумму, Монти, получить не просто.

— Ну... а я получу, — важно произнес Монти и собрал в кучу разбросанные по столу лотерейные билеты.

— О, вы так много делаете здесь для своих рабочих, что судьба не оставит вас, — иронически заметил Боб.

— Посмотрим, посмотрим. — Пирс грузно откинулся на спинку кресла, с трудом положил ноги на стол и достал из кармана портсигар.

— Курите, Боб.

— Благодарю, Монти. — Хоутон закурил сигарету и присел у окна. — Что вы будете делать, Монти, если действительно получите такую уйму денег? — с интересом спросил он.

Пирс ответил не сразу, глаза его стали снова холодными и приобрели свой обычный зеленоватый оттенок.

— Я обзаведусь хозяйством, мне будут кланяться сильные мира сего, и я кое-кого сожму в кулаке, я почувствую себя человеком!

В детстве Пирс мечтал стать полицейским. Он не знал тогда, как будет выглядеть взрослым, но почему-то представлял себя высоким, статным, с кулачищами, вполне достойными этого мундира.

Жизнь его сложилась по-другому, и он не только не стал полицейским, но доставлял полиции массу хлопот.

Изменились и его мечты... В сорок лет Монти мечтал лишь о тихой пристани в виде уютного коттеджа с садом, о покорной жене, которая всю себя отдала бы безропотному служению его интересам, мечтал даже о маленьких бэби, которые в меру развлекали бы его по вечерам и помогали бы в старости.

Тысячи подлостей и сотни обманов совершил Монти Колорадский Жук (так его прозвала полиция), но желанное блаженство лишь отдалялось от него. Так Монти свыкся с жизнью «на чемоданах».

— Каким же образом все-таки вы надеетесь раздобыть эту сумму? — спросил Боб.

— Вы видели мои лотерейные билеты? Эти простые с виду бумажки, Боб, на днях озолотят меня.

Хоутон посмотрел на его толстые пальцы, измазанные не то типографской краской, не то тушью, и пожал плечами. — Не верите? Ваше дело. А пока выпьем... Монти придвинул к краю стола бутылку с виски и большую тарелку, доверху наполненную мелко нарезанным нежным мясом краба.

— Как вы едите эту паучью мразь? — поморщился Боб.

— Крабы? — Монти присвистнул. — Это же чудесная тихоокеанская закуска! Поверьте, если бы эти крабы не были так вкусны, питательны и, пожалуй, дешевы, Бергофф не заработал бы на них и четверти доллара...

— Это верно, — согласился Боб. — А когда мистер Дорт осуществит свое изобретение и будет ловить крабов лучами, то доходы удесятерятся!

— Глупости... — промычал Монти. — От того, что он скоро поймает, многим не поздоровится... И я, понимаете, я, Колорадский Жук, знаю его тайну!

Боб немедленно наполнил стаканы, чокнулся, но сам лишь пригубил.

Пирс поддерживал охмелевшую голову обеими руками, взгляд его стал тусклым и бессмысленным.

— Вы, очевидно, доверенное лицо у хозяев? — мягко спросил Боб.

— Да, они уважают меня, — с достоинством ответил Пирс.

— Вам не раз приходилось, вероятно, бывать в гостях у мистера Дорта? — спросил Боб безразличным тоном.

— В водяной пещере Топ-Чанг? — с трудом выговорил Монти.

— Вот именно, — спокойно ответил Боб, хотя впервые слышал о какой-то «водяной пещере».

Где-то под землей раздались глухие удары, пол, стены, вся комната дрогнули, лампочка на длинном шнуре стала качаться, будто маятник, стол пополз в сторону, стаканы зазвенели.

— О, мой бог! — испуганно прошептал Пирс. — Как мне осточертела эта проклятая жизнь на вулкане! Каждый месяц землетрясение...

— Что вы, Монти! — успокоил его Боб. — Это не землетрясение, а лишь обыкновенные подземные толчки.

— К черту обыкновенные! Когда-нибудь мы все взлетим на воздух...

Толчки больше не повторялись, и Пирс успокоился.

— Идиотский вулкан высунул свою вершину из океана... Я не хочу, чтобы он когда-нибудь подбросил меня к небесам. Пока что мне больше нравится на земле.

— Очень остроумно, Монти! В самом деле, зачем Дорт выбрал этот остров? Теперь вам приходится все время дрожать за свою шкуру.

— Монти не такой дурак, чтобы зря торчать на этом чертовом вулкане! — высокомерно выдавил из себя Пирс. — Да, черт возьми, не зря! Если бы действительно вы знали всё, вы поняли бы многое! Выпьем... Ты?! — вдруг яростно заорал он. — Ты не имеешь права расспрашивать об этом! Ты хочешь опередить меня? Ты хочешь выслужиться у хозяев «Келли и сыновья»?

— Я ни о чем не спрашивал у вас, — хладнокровно ответил Боб. — И никому не скажу, Монти, о том, что вы мне сообщили сейчас, не беспокойтесь.

Монти не ответил: уронив голову на с гол, он спал.

Боб ушел в свою комнату. Раздевшись и разобрав постель, он присел на край жесткого матраца и задумался, пытаясь привести в порядок свои впечатления.

После грозных намеков Пирса все на острове казалось ему непонятным. Чем занимается Дорт в какой-то «водяной пещере»? Если это «рыболовные лучи», то почему «не поздоровится многим»? И при чем здесь фирма «Келли и сыновья», изготовляющая медицинское оборудование?.. Надо попытаться про никнуть к самому Дорту!

Далеко за окном под луной серебрилась спокойная гладь океана. Прохладный солоноватый ветер ворвался в комнату и стелясь по полу, словно играя, стал шевелить какую-то бумажку на коврике. Боб нагнулся, чтобы поднять бумажку, но

щека коснулась подушки. Приятная истома охватила тело, глаза закрылись сами собой, и Хоутон погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«У хозяйки есть древний сундучок...»

1

За окном, внизу, знакомая картина ночного полета: золотистые созвездия городских огней и черная бескрайняя громада земли. Район Новомосковска напоминал небольшой участок Млечного Пути. — так густо он был усеян огнями.

Когда самолет входил в спокойную плотную облачность, только гул моторов и «живая» приборная доска напоминали о полете.

Окончив радиосвязь с Москвой, Черныш вложил химический карандаш в петельки бортжурнала, потянулся, закурил и подошел к пилотам.

— Ну, как дела, летчики?

— Нормально, — ответил Петушок.

— От Нины? — спросил Серафим, увидев в руках Шелеста письмо.

— Угадал.

— Как она там поживает?

— Работает, пишет диссертацию.

— На какую тему?

— Об инфекционных болезнях, — сказал Петушок.

— А ты откуда знаешь?

— Ого! Мы даже дневники ее деда читали... — похвастал Петушок. — Настоящий морской роман!

— И до сих молчите?

— Да как-то забыли...

Андрей спрятал письмо и рассказал Серафиму о дневниках Павла Александровича Тверского.

— А вот что это за остров и где он находится, точно никто не знает, — закончил Шелест.

— Да, история безнадежная, — заметил Серафим.

— Нет, не безнадежная! — горячо сказал Петушок, веривший во все необычное, романтическое. — Я нечто подобное видел. Только сейчас вспомнил, командир.

— Что видел?

— Будет тебе выдумывать!

— Да, видел. И знаете где? У Серафима.

— У меня?! — удивленно протянул Черныш. — Совсем спятил!

— А вот и не спятил. В альбоме твоей крокодиловой хозяйки... — выпалил Петушок. Черныш оскорбился:

— Что ты мелешь! Можно пошутить, но хамить по адресу пожилой женщины!..

— Успокойтесь, ребята, — смеясь, сказал Андреи. — Ты, Петушок, не торопись.

— У хозяйки Серафима есть фамильный альбом в переплете из крокодиловой кожи...

— Допустим.

— В альбоме — фотографии.

— Правдоподобно в основном.

— А на одной из них — точно такие статуи, о каких написано в дневниках.

— Верно, командир, — всполошился Серафим. — Он правду говорит.

— Гм... Любопытно!

— Больше того, — продолжал теперь Серафим, — у нее есть еще древний сундучок, и, насколько мне помнится, он каким-то образом связан с альбомом.

Андрей заинтересовался не на шутку.

— Цел ли он сейчас? — спросил он.

— Цел! — обрадовался Серафим. — Не так давно я сам таскался в кладовке с этим ящиком. Она, точно Плюшкин, любит хранить всякое старье. По размеру сундучок небольшой, но тяжелый: камни там, что ли?..

— Сима, надо ознакомиться с сундучком, — взволновался Андрей. — Понял?

— Отчего не понять, командир? Не знаю вот, как она к этому отнесется... У нее насчет «мое — твое» строго обстоит, — сказал Серафим, понимая, что дело может оказаться серьезным и полезным. — И вообще, характер тяжелый.

— Так Нина сможет у нее купить.

— Купить? — Серафим подумал. — Это меняет дело.

— У нее же отец академик! — многозначительно сказал Петушок. — Поговори с хозяйкой.

— Лучше так сделать, — посоветовал Черныш, — пусть Нина приедет, сама с ней поговорит и посмотрит: может быть, это совсем не то.

— Я Нине позвоню завтра же, — решил Андрей.

2

Люди приходили и уходили. До слуха Шелеста долетал тихий голос библиотекарши Веры Кирилловны и приглушенные голоса читателей. Послышался чей-то рокочущий бас. Андрей посмотрел на пол и увидел пару черных отлично сшитых и до блеска начищенных сапог. Они шагали уверенно, неторопливо и остановились у резного барьера, за которым Вера Кирилловна производила прием и выдачу книг. «Военный?» — подумал Андрей и опустил журнал.

Владельцем сапог оказался высокий худощавый мужчина с густой проседью, бесцветным вытянутым лицом, одетый в

темно-синий военного покроя костюм. «Какой-нибудь аптекарь», — почему-то решил Андрей и снова принялся за чтение.

Вскоре он поймал себя на том, что не читает, а продолжает наблюдать. Вот, раскачиваясь из стороны в сторону, чем-то похожие на древние, извлеченные из пепла колонны, проплыли мимо ноги в шерстяных (несмотря на теплый день) серых чулках, обутые в потрепанные домашние чувяки, и устало замерли, прислонясь к барьеру. Шуршание подошв сменилось астматическим сопением.

Шлепая по полу, пробежали босые мальчишеские ноги, изрядно запыленные и с грязными полосами на маленьких упругих икрах. Они нетерпеливо потоптались сперва на одном месте, затем перебежали на другое, на третье. Андрей услышал шепот:

— Тетя Вера! «Путешествие капитана Гаттераса» есть?

— Есть. Но это серьезная книга, тяжеловата будет для тебя.

— Тяжелова-ата?! — снисходительно и несколько обидчиво протянул владелец беспокойных ног — Да вы знаете, какой я серьезный!

— Ах, и верно! Извини меня, старую... Запамятовала. Становись в очередь.

— А я в очереди, тетя Вера! Я так просто, для успокоения! Только никому не отдавайте, я первый спросил.

— Как можно! Я никогда тебя не подводила.

— Спасибо, теть Вер! — И маленькие ноги принялись неслышно отбивать замысловатую, им одним доступную чечетку.

После этого короткого разговора Андрей услышал женский голос:

— Мне бы очень хотелось «Нана» Эмиля Золя... Вера Кирилловна кашлянула и ответила:

— Сейчас.

Шелест опустил журнал на колени. У низкого барьера стояла девушка в цветастом коротком платье, с ярко разрисованным лицом и темными глазами, взгляд которых Андрей поймал на себе. Рядом с девицей — пожилая женщина со слезящимися глазами и загорелый мальчуган в майке и черных трусиках, еще хранивших на себе следы донской воды.

Андрей оглядел их и попытался углубиться в чтение.

Когда он посмотрел в третий раз, в абонементном зале уже никого не было, но в дверях появились черные сапоги с утиными носами. Андрей взволновался. Память мгновенно воскресила кадры далекого минувшего — пол багажника и пилотской кабины истребителя Як-3. Андрей лежит в багажнике и видит перед собой тонкие трубочки, которые оплели сиденье пилота, видит и ноги Рязанова, обутые в точно такие же сапоги; они плавно двигаются на педалях руля поворота — одна вперед, другая назад.

Сапоги направились к нему, и Андрей замер от радостного предчувствия. Кто-то дружески щелкнул по журналу, Андрей поднял голову: Рязанов!

— Здорово, летун! — весело сказал Алексей.

— Как ты сюда попал? — Андрей встал и крепко пожал руку Рязанову.

— Тебя искал: соседи подсказали... Ты выходной?

— Нет, лечу сегодня в Адлер, но время свободное есть.

— Пойдем погуляем...

Они пришли в городской парк, выбрали самую короткую скамью у фонтана с золотыми рыбками.

Больше говорил Андрей. Он вспомнил новогоднюю ночь в Минераловодском аэропорту и рассказал другу о Нине Тверской. Рязанов едва удержался от возгласа, услышав ее имя. Он стал подробнее расспрашивать Андрея о ней и, хотя сам читал дневники ее деда, терпеливо выслушал всю романтическую историю до конца.

— Сейчас Нина здесь...

— В Ростове?!

— Да. А почему тебя это удивляет?

— Нет, ничего... Просто я знаком с ее отцом и немного знаю дочь, — объяснил Рязанов. — Она приехала к тебе? — осторожно стал расспрашивать Алексей.

Шелест рассказал о старухе, у которой квартировал Серафим Черныш, о старинном альбоме и матросском сундучке. Рязанов записал адрес Черныша, спросил, когда должно произойти свидание Нины и старухи, посмотрел на часы и заторопился.

— Чуть не забыл, — оправдывался он, — мне надо по делу...

— Ну, пойдем провожу, — сказал Андрей и поднялся. Теперь Рязанов был почти уверен, что место для западни найдено точно, и заботился об одном: не опоздать! Дом был взят под наблюдение. Лишь бы Нина не пришла первой, иначе... А если она уже там, у старухи?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Боб Хоутон «берет интервью». Размышления Густава Дорта

1

Получив номер газеты со своим первым очерком о Пито-Као, Боб решил нанести визит Дорту. Он уже знал, что Густав Дорт, имя которого нигде не упоминалось рядом с именем рыбного короля, не покидал Пито-Као и руководил делами предприятия, оказавшегося на редкость доходным. Дорт согласился принять Хоутона немедленно, и это насторожило Боба, наслышанного о нелюдимости немца. Высокого роста, широкоплечий и мускулистый, с голым черепом и крупным

лицом, Дорт казался угрюмым человеком. Его бесцветные глаза смотрели из-под густых черных бровей бесстрастно. Большой, угловатый, всегда влажный рот, гладко выбритые впалые щеки, полный крутой подбородок придавали лицу упрямое выражение.

— Благодарю вас за аудиенцию... — начал было Хоутон, но Дорт грубо прервал его.

— Это не аудиенция, я только что хотел послать за вами.

— Чему обязан, мистер Дорт?

— Читал вашу стряпню... — Он с раздражением откинул в сторону свежую газету, лежавшую на столе. — Должен вам заявить, что я не желаю, чтобы о Пито-Као вообще упоминалось в газетах!

— Для коммерции живительны и реклама и все, что дополняет ее, — проговорил Хоутон. — Мистер Бергофф просил меня...

— Бергофф, Бергофф... Он слишком великодушен и напрасно не сорвал вам голову за корреспонденции, в которых вы клеветали на него, утверждая, будто консервы вредны для здоровья!

— Я не утверждал, мистер Дорт, — ответил Хоутон, — а лишь ссылался на слухи. Такова уж моя профессия.

— Слушайте, что скажу вам я! Поскольку затея с вашим приездом принадлежит мистеру Бергоффу, я терплю ваше присутствие здесь.

— Может быть, мне лучше уехать?

— Напротив. Теперь вы сможете покинуть Пито-Као только с моего разрешения.

— Прикажете считать себя пленником?

— Я могу отнестись к вам как к гостю при условии, если вы не напишете больше ни строки о нас с мистером Бергоффом и наших предприятиях.

— Я командирован газетой, мистер Дорт...

— Сочиняйте новеллы о тропической экзотике или что-либо для ребятишек, скажем, рождественские рассказы... Ваши убытки я возмещу и буду платить за молчание не менее щедро, чем вы получали бы в газете за свои очерки о Пито-Као. Чем покладистее вы окажетесь, тем лучше будет для вас. Вы возвратитесь домой с полным карманом... За то, что наша приятная беседа останется, между нами, я, разумеется, плачу отдельно... Мистер Бергофф не должен знать о нашем уговоре! Если после небольшой проверки я не буду иметь оснований обвинить вас в нарушении нашего договора, мы, к обоюдному удовольствию, расстанемся с вами скоро. Можете идти...

Не такого «интервью» ожидал Боб! Он вышел от Дорта встревоженный. Вновь ожили в его памяти мрачные легенды об острове, ходившие среди моряков, смутные намеки Пирса, неприязнь Паолы и Мелони к Дорту... Ведь ни один человек не сказал о немце ни одного доброго слова! А его запрет покидать остров без его разрешения?! Похоже, что Дорт действительно занимается темными делами. Да, здесь надо держать ухо востро!

После ухода журналиста Дорт отдался воспоминаниям. Исполнилось два года, как он вышел из тюрьмы. Немец был сентиментален и с грустью размышлял о своем прошлом.

Сын известного укротителя зверей, «циркача», как говорили о нем недоброжелатели отцовского дома, юный Густав отказался от манежа, избрав для себя другой путь — медицину.

Способный микробиолог, сотрудник крупнейшего в стране института, Густав Дорт накануне второй мировой войны совершил три немаловажных для его биографии шага: проштудировал «Майн кампф», вступил в национал-социалистскую партию и женился на молодой богатой вдове.

В годы войны его карьере содействовали все эти обстоятельства. Дорт стал сотрудником секретной микробиологической лаборатории; имя его было известно «самому фюреру»,

друзья любили захаживать к Густаву и за рюмкой рейнвейна пророчили ему блестящее будущее.

Белоголовая покорная Лотта недолго молилась на своего мужа: она умерла в канун 1942 года, оставив изрядное наследство.

В лаборатории разрабатывали средства ведения бактериологической войны. Густав выполнял задания специалистов, мечтая о будущей собственной славе.

Слава! Эта своенравная фрау милостива к тем, кто сделал то, чего не сделали другие. Но что можно придумать? Не изобрести же новую болезнь?

Впрочем... В юности Густав не раз слышал от отца об острове Статуй и помнил, как мать всегда отговаривала его от экспедиции на этот остров: она неизменно ссылалась на ужасную, никому не известную болезнь, которой остров заражен.

То было в юности, и он, школьник, пропускал мимо ушей споры родителей. Но Густав-микробиолог вспомнил эти разговоры. Отыскав в бумагах отца документы об острове и его точные координаты, Густав внимательно ознакомился с ними. Сомнений не было: остров Пито-Као — настоящий клад. Плохо, что не все записи Павла Тверского были в его распоряжении.

К счастью, «доблестные викинги» подошли к берегам Дона, и Дорт, придумав невинный повод, приехал в станицу Задонскую. Кое-что удалось отыскать. Так, весьма ценными для Дорта оказались рабочие записи Павла Александровича Тверского, которые тот вел во время опытов на острове Статуй в своей хорошо оборудованной по тому времени лаборатории на корабле. Он изучал почву, минералы, флору острова и внимательно исследовал несколько мумифицированных трупов туземцев. «Сейчас невозможно, — писал он, — практически определить причину и характер давней эпидемии. Но я беру с собой ампулу с зараженной тканью».

Прочитав эту запись, Дорт осатанел: он готов был перевернуть всю станицу, лишь бы отыскать заветную ампулу. В случае удачи отпадала необходимость в дорогостоящей и хлопотной поездке на остров: он мог бы в лаборатории в короткий срок «изобрести» новое средство бактериологической войны; ему уже мерещились ордена, слава и деньги, бешеные деньги!

Но русские перешли в наступление, и герр доктор едва успел вернуться в Германию, прервав поиски.

Тут судьба надолго отвернулась от Дорта. После разгрома немецкого фашизма его осудили в числе других сотрудников секретной микробиологической лаборатории и приговорили к тюремному заключению. Оставшиеся в тени друзья не скоро помогли ему добиться «помилования».

Вырвавшись на свободу, Дорт решил поехать на Пито-Као. К тому времени необитаемый остров уже оказался во владении фирмы «Бергофф и К°», открывшей на нем крабоконсервное предприятие. Это несколько разочаровало Дорта, но не остановило его. Он нанялся врачом к Бергоффу.

Около года Густав довольствовался скромной ролью амбулаторного врача и под видом «санитарного» изучения острова искал возбудитель неизвестной болезни. Но как раз в тот день, когда Дорту удалось напасть на его след, он израсходовал свои последние деньги. А теперь они ему особенно были нужны.

После недолгих колебаний Дорт решился на «откровенный» разговор с Бергоффом. Правда, немец многое утаил, но и то, что он предложил, вскружило голову рыбному королю.

Двое друзей Бергоффа также включились в новое тайное «акционерное предприятие» и внесли свои доли наличными. Фирма «Келли и сыновья» выстроила на острове прекрасную лабораторию, и Дорт стал компаньоном Бергоффа. На его прежнее место пригласили итальянца Мелони. Деловая карьера Густава Дорта была упрочена.

Знакомые Бергоффа понимали, что не личная симпатия связывала его с предприимчивым немцем. Но что их связывало, никто не знал. Бергофф не спешил раскрывать свои карты и стремился оградить новое предприятие от любопытных конкурентов.

Далеко не гладко шли дела у Дорта: путь к миллионам (на меньшее он бы и не согласился) извилист и усеян шипами. А один из шипов кольнул его больнее остальных.

Вспомнив об этом, Дорт помрачнел, резким движением достал из ящика письменного стола папку и, щелчком откинув картонную обложку, внимательно перечитал пожелтевшую вырезку из «Вечерней Москвы».

«... Интересной работой занята сейчас и Нина Тверская, аспирантка того же института. Конечная цель ее работы — составить карту локализации на земном шаре инфекционных болезней человека. В распоряжении аспирантки имеется обширный материал, собранный ее дедом Павлом Александровичем Тверским, талантливым врачом, дело которого она решила продолжить...»

Эти строки, подчеркнутые синим карандашом, стали для Дорта источником множества неприятных размышлений и беспокойства. А вдруг в руки девушки уже попала ампула с зараженной тканью, которую привез когда-то с острова Статуй ее дед? Тогда конец. Ведь неизвестный возбудитель сразу же станет общеизвестным.

При этой мысли Дорту едва не становилось дурно, а услужливое воображение почти мгновенно дорисовывало возможные последствия. Русские медики всегда были смелыми и настойчивыми экспериментаторами, а современная наука позволит им не только добыть возбудитель из ткани, изучить его свойства, но и изготовить радикальный препарат от новой болезни, после чего Дорту останется лишь просить подаяния возле дома Бергоффа.

Себя лично Густав считал неплохим специалистом, но ему приходилось работать в одиночку, в то время как советские ученые объединяют свои усилия, постоянно обмениваются опытом, дополняют друг друга. Дорт понимал эту могучую силу дружного коллектива, боялся и ненавидел ее.

То, что описывалось в небольшой газетной заметке, происходило далеко, но немец хорошо знал, что в нынешний век расстояния — плохая защита. Далекую московскую аспирантку и его, умудренного многолетним опытом микробиолога, связывали невидимые нити.

Получив для своей работы на острове немалые средства от Бергоффа и его друзей, Дорт заключил договор с частным разведывательным бюро и послал в Советский Союз Сардова.

Долгое время Сардов отмалчивался, зато первая же его подробная информация была успокоительной: внучка Павла Александровича Тверского не только не имела представления о таинственной болезни, но до сих пор не могла определить, что это за остров Статуй. В бумагах деда, которыми она располагала, не было даже координат этого острова.

Однако Сардов намекнул, что Нина Тверская именно сейчас намерена взяться всерьез за поиски остального архива Павла Александровича. Дорт дал указание Сардову немедленно выехать в Задонскую, разыскать Эвелину Марковну Терехову и через нее продолжить поиски ампулы, прерванные в годы войны. Ампулу эту надо доставить на Пито-Као (Дорт хотел сам уничтожить ее, только после этого он почувствует себя спокойным).

В этот вечер мучительных раздумий Дорт решил действовать быстрее, нежели намечал прежде. Да, он не станет больше выжидать! Он позвонит сейчас Бергоффу и скажет, что в следующем месяце можно созывать совещание и приступать к делу...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Боб Хоутон становится трезвенником

1

Сегодняшнее утро Боб мысленно назвал «косметическим»: кожа на лице изрядно шелушилась, а нос облез так, словно накануне Боб пытался сунуть его в пылающую вагранку. Теперь приходилось, сидя перед зеркалом для бритья, втирать в кожу какую-то патентованную мазь.

Покончив с процедурой, Боб обтерся до пояса полотенцем, смоченным в прохладной воде, задумчиво пососал кусочек льда и захлопнул дверцу холодильника.

Хоутон перелистал последние газеты и журналы, но читать не стал. Ничего не хотелось делать, душный, жаркий воздух как бы нехотя наполнял легкие. Включив вентилятор, Боб прикрыл глаза и подставил лицо под освежающую струю.

Мелони разыскал журналиста на веранде — тот, нежась в плетеном кресле, разглядывал монету. Ощутив легкий удар по плечу, Боб поднял голову.

— Привет, дружище! — воскликнул он, с удовольствием пожимая руку врача. — Присаживайтесь... Я вот смотрю и дивлюсь: совсем маленький кружочек металла, но как далеко он меня затащил!..

— Не вас одного.

— И не зря на монете надпись: «В бога мы веруем». Значит, все мы на пути, указанном самим всевышним. А?

— Вам виднее, — нахмурился Мелони, не поняв иронии Боба.

— Выпьем?

— Собственно, на этот раз я зашел к вам по другому поводу.

— Рад быть вам полезным, док.

— Вот уже целый час ломаю голову над одним вопросом.

— Из кроссворда?

— Да, пожалуй... Из жизненного кроссворда, так будет точнее.

— И что же это за штука?

— Как отличить честного человека от прохвоста?

— После чего, дорогой док, вы задались таким вопросом?

— Да вот... после прочтения вашего очерка о Пито-Као и мистере Бергоффе. Вы здесь два месяца, Боб. Пора если не узнать, то хотя бы увидеть кое-что... В чем дело?

— Но ведь это бизнес, док!

— Я не знал, что вы не журналист, а бизнесмен. Вы своими очерками помогаете прикрывать Грязные дела на этом острове.

— Док, скажите, что вам известно?

— Если бы не ваш литературный опус, я сегодня же сказал бы вам больше, чем до этого. А теперь я, право, не знаю, как решить кроссворд.

— Не надо так, док, — попросил Хоутон. — Я и без вас раздумываю сейчас о многом всерьез...

— Если так, — смягчился Мелони, — то я берусь помочь вам, Боб, но только поговорим не здесь. У меня появились основания не доверять вашему соседу, Пирсу, а он может заявиться в любую минуту. Да вот я слышу чьи-то шаги...

На веранду вошел слуга-туземец:

— Господин, к вам пришел Мауки.

— Пусти его. — Боб повернулся к Мелони — Мауки — мой новый друг. Туземцы очень сообразительны, общение с ними помогает мне изучать их язык.

Легким шагом на веранду вошел Мауки. Его одежда состояла из футбольных трусов Хоутона и старого колониального шлема.

— Господин, — слегка смущаясь присутствием врача, торжественно произнес Мауки, — я нашел нечто и принес тебе.

— Покажи, Мауки.

— Я хочу сделать подарок только господину, — прямо сказал Мауки и посмотрел на Мелони.

— Вот из него, — с удовлетворением сказал врач, — вы не скоро сделаете «бизнесмена»! — и, кольнув Боба взглядом, поднялся. — Я жду вас у себя. Прощайте.

— До встречи, док! Так что же ты нашел, Мауки?

Юноша протянул Хоутону что-то похожее на тетрадь без обложки. Листы были тоньше папиросной бумаги, но плотные и гибкие, точно клеенка. Цвет желтоватый. Все листы покрыты странными письменами красного цвета.

— Где ты нашел это, Мауки? — взволнованно спросил Боб.

— Далеко, где Костер-гора. Я могу господину показать, где жил Нечто...

— Очень хорошо, Мауки! Ты молодец...

— Молодец — это вождь?

— Да-да. Юноша расцвел.

— Ну, а что я должен взамен подарить тебе?

— Я хочу знать фамилию Нечто, — твердо ответил юноша.

— Будь по-твоему! Идем, Мауки, в гараж, я возьму машину, и поедем.

Путь Боба и Мауки лежал через Лакитаун. У входа в кабачок восседал Оскар. Завидев Хоутона, он приободрился:

— Нынче вы мой самый ранний гость, Боб. Увы, Оскар, я тороплюсь.

Разве может найтись такое дело, о которое вы споткнетесь на пути к истине?!

— Не всегда истина в вине, — неопределенно ответил Боб. — Сейчас я хочу поискать ее в другом месте.

Оскар обиженно умолк, прислонился спиной к стене своего кабачка, вздохнул и не очень громко, но явно с расчетом быть услышанным изрек:

— Опасно забывать, что грехи прощаются только тем, кто их имеет!

Боб услышал и уже издали откликнулся:

— Не тревожьтесь, Оскар, я отойду в иной мир не менее чем трижды прощенным.

2

Они оставили машину у подножия вулкана: дальше начинался крутой подъем. Место это — самое дикое на острове — напоминало заброшенную каменоломню мифических циклопов.

Мауки шел уверенно, угадывая путь по каким-то ему одному известным приметам. Говорили на языке туземцев. Бобу доставляло удовольствие сознание, что он все свободнее понимает Мауки.

— Ты часто бываешь тут? — спросил Хоутон.

— Нет, господин. Но когда земля последний раз вздрагивала, я видел, как с головы Костер-горы упало перо, и тогда пришел.

— Да, верно, — вспомнил Боб недавнее землетрясение и посмотрел вверх: остроконечной скалы, напоминавшей издали птичье перо, не было.

Пробравшись между камнями, они вышли на обширное плато, упиравшееся в ровный крутой склон вулкана.

— Далеко? — нетерпеливо спросил Боб.

— Нет, господин.

Мауки взял немного западнее и направился к скалистому мыску, развороченному недавним землетрясением — изломы были свежие. Обогнув мысок, они увидели правее еще такой

же длинный выступ, беспорядочное нагромождение камней и невысокий, едва в рост человека, черный зияющий вход, будто землетрясение приоткрыло перед человеком одну из тайн старого, уснувшего вулкана. Боб первым шагнул в пещеру. После яркого дневного света в глазах заходили серые круги.

— Господин взял с собой веселый огонь, — напомнил Мауки.

Боб вынул из кармана электрический фонарик, нажал кнопку...

В трех-четырех шагах впереди он увидел покатую, гладкую металлическую стенку и широкий открытый люк.

— Эту дверь открыл я, — гордо пояснил Мауки и ткнул себя в грудь пальцем.

Боб осторожно и бесшумно, точно входил в древний храм, перешагнул через порог люка. То, что он увидел затем, напоминало по своему внутреннему устройству подводную лодку.

В первом же отсеке он наткнулся на длинный скелет и в страхе отступил.

— Большой был, высокий, — громко сказал Мауки.

Звук его голоса напомнил Бобу, что он не один в этом склепе, и Боб успокоился. Не подходя к скелету, он осмотрелся, заметил узкий металлический шкаф у входа и открыл его. Там лежали толстые книги. Взяв одну из них, он с любопытством

открыл ее. Листы книги были тонкие и из того же материала, что и листки, принесенные Мауки. Но вместо текста на них были фотографии... Вот широкие улицы странного города. Дома в нем были, вероятно, не очень высокие, с куполообразными прозрачными крышами. Вот ночной пейзаж: ровная, как лента, река, низкорослый лес. Вот город, залитый ночными огнями, и в темном небе — две крошечные луны...

Невероятная догадка обожгла мозг Боба. Ему стало не по себе. Присев на высокий порог, он тупо смотрел на длинный

скелет, глазницы которого были холодно устремлены к потолку, к небу, где далеко отсюда...

— Я схожу с ума, Мауки, — прошептал Боб. — Это похоже на ракетный корабль марсиан!

— Хороший дом не должен оставаться без жильцов, господин, нельзя сходить с ума! — протестующе воскликнул юноша. — Пусть Мауки узнает все.

— Узнаем, Мауки, узнаем. Это очень трудно, но мы с тобой узнаем все! Я учился много, Мауки, и полагал, что все это зря. Но сейчас я счастлив, что моя голова не пуста!

Он засуетился в тесной каюте, не зная, с чего начать. Мауки внимательно наблюдал. Когда Боб подошел к скелету и тронул его, кости рассыпались и на ладони Боба осталась только легкая кисть, как бы дружески приветствуя его и вручая ему свою историю «из рук в руки».

От этой мысли Бобу стало вдруг весело, и страх исчез.

— Спокойствие, Мауки, — по-английски сказал Хоутон, — спокойствие. Ни слова об этом никому. Такой сенсации не публиковала еще ни одна газета! Ты понял, Мауки?

Юноша утвердительно кивнул.

— Мауки будет знать? — с надеждой спросил он.

— Да, Мауки, непременно, исследователь ты мой хороший, — ласково ответил Боб. — Но пока никому ни слова.

Лицо юноши расплылось в улыбке, глаза его задорно заблестели.

— Мауки будет молчаливым, друг, — сказал он, не замечая, что впервые в жизни назвал белого другом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дорт приобретает нового компаньона

1

В один ясный день на Пито-Као появилось несколько субъектов. Точнее, трое, если не считать их секретарей, помощников и прислуги.

Организацию встречи гостей Бергофф поручил Паоле. Она обрадовалась хлопотам, внесшим оживление в ее однообразную жизнь.

В день приезда гости — король парфюмерии семидесятилетний.

Джексон с сыном и генерал в отставке, известный богач Стоумен — знакомились с островом, куда-то отплывали на катере, вероятно, развлекались.

На второй день после обеда у Бергоффа открылось «камерное» совещание, настолько конспиративное, что Бергофф явно старался избавиться даже от Паолы, к которой ранее не выказывал недоверия.

— Паола, — сказал он, — вот тебе подарок от мистера Джексона. Это редчайшее вино. Можешь пока отдохнуть. Позаботься лишь о том, чтобы никто не помешал нам, — и, смеясь, добавил: — Хочешь, займись Джексоном-младшим, он, кажется, неравнодушен к тебе...

Предложение оскорбило Паолу. Она молча вышла из комнаты. На душе было неспокойно. Вчера за ужином гости и хозяева хватили лишнего, были возбуждены и обменивались такими загадочными фразами и полунамеками, что разожгли ее любопытство.

Подслушать? А почему бы и нет? Почему бы не узнать, откуда приходит к этим богатым мужчинам власть золота,

которой покоряется и она, мечтающая стать независимой? В своем доме легко найти потайные уголки, откуда можно услышать все, оставаясь незамеченной. И Паола нашла такой уголок...

2

Начиная совещание, Дорт улыбнулся и спросил:

— Вам понравилось у нас?

— Благодатный край, — снисходительно ответил Стоутмен. — Чудесная природа, мягкий климат, свежий воздух, пропитанный солеными морскими брызгами. Сморщенный старикашка, покоившийся в коляске под тонким пледом, одобрительно кивнул головой. Это был мистер Джексон, магнат «промышленности красоты». В ушах его торчали слуховые аппараты новейшей конструкции, перед глазами вместо очков было укреплено что-то напоминавшее бинокль (последнее слово техники!).

— Я очень рад, что побывал здесь, — прошамкал Джексон. — Врачи настоятельно рекомендуют мне морские путешествия, смену впечатлений... Вот я и странствую на своей яхте в приятном обществе мистера Стоутмена и сына.

— Очень рад, что вам понравилось у нас, — поддержал Дорт. — Советую погостить здесь подольше.

— Охотно, — согласился старик, — здесь так спокойно и уединенно! Однако вы не теряете времени зря, и это похвально: ничто так не укрепляет молодой организм, как хорошо поставленный бизнес.

— Мистер Бергофф желает что-то сообщить нам, насколько я понял? — спросил нетерпеливый Стоутмен.

— Мистер Дорт, — вежливо произнес Бергофф, повернувшись к своему компаньону, — до сих пор вы не знали лично тех, кто вместе со мной щедро финансирует вас. Сейчас встреча

состоялась, и вы сами согласитесь, что все мы — и мистер Джексон, и мистер Стоутмен, и я — имеем законное право интересоваться ходом ваших работ. Не смотрите на это как на официальный отчет: мы хотим знать, во что превращаются наши деньги и как далеко от пас ожидаемые прибыли. Прошу вас...

— Здесь, на Пито-Као, — начал Дорт, — мне удалось обнаружить и, так сказать, воспитать возбудителей оригинальной кожной болезни... Лицо человека обезображивается до неузнаваемости, что вызывает у него желание стать здоровым невзирая ни на какие затраты! Вероятно, это чувство будет особенно сильным у дам, кому верой и правдой служит уважаемый мистер Джексон. Вместе с тем я составил недорогую мазь, которая в несколько дней излечивает потерпевшего. Как видите, при известном творческом подходе многое можно сделать, вдохновляясь принципом свободной торговли и предпринимательства. Все очень просто, проверено и, по самым осторожным подсчетам, сулит нам прекрасную прибыль. Мистер Бергофф был так добр, что позволил мне произвести последний опыт над мисс Паолой. Вот ее цветные фотографии до заболевания, во время него и после... Сами понимаете, что сохранившаяся красота мисс Паолы — лучшее доказательство безопасности эксперимента. Прошу ознакомиться...

Наибольший интерес к снимкам проявил старик Джексон, вот уже более полувека известный миру «фабрикант женской красоты». В пору своей наибольшей активности он вырабатывал на своих предприятиях все, что необходимо обеспеченной женщине: от модных туфель и платьев до головных уборов, от нижнего белья до котиковых и норковых манто. Он безжалостно раздевал сотню женщин, наживаясь на их труде, чтобы с выгодой для себя одеть одну.

И все же в конце концов он не выдержал конкуренции. Хорошо, что он вовремя сосредоточил свою энергию на

парфюмерии и косметике. «Наш век — это век специализации», — сказал он тогда.

Выбор оказался верным: бедные и богатые, красавицы и дурнушки, молодые и старые женщины охотно покупали то, что продавал им всемогущий Джексон. Недаром в день своего шестидесятилетия в узком, почти семейном кругу он откровенно и цинично высказал мысль, попавшую все же в газету и облетевшую весь деловой мир. «При известной сноровке и затратах, — сказал Джексон, — мы смогли бы убедить многих наших женщин ходить в костюме Евы... Впрочем, порой мода и в наши дни настолько приближается к этой, на мой взгляд, невыгодной с коммерческой точки зрения модели, что некоторые промышленники бьют тревогу и срочно финансируют различные общества борьбы за нравственность и благопристойность... Но никогда и никому не удастся убедить ни одну женщину отказаться от услуг моих косметических и парфюмерных предприятий! Вы слышите: никогда! Вот почему я обеспечил себе спокойную старость...»

Разумеется, Джексону приходилось тратить немалые деньги на рекламу своих товаров, причем с большой изобретательностью. Он сам придумал несложный, но удачный трюк... Высвободив из оборота часть средств, Джексон принялся собирать небольшую коллекцию редчайших алмазов, о чем то и дело писали газеты и журналы. Во-первых, это свидетельствовало о благополучии фирмы; во-вторых, позволяло выпускать различные духи и кремы, названные именем того или другого знаменитого камня.

Особенно подвезло Джексону, когда он купил «Фею Амазонки» — крупный, величиной с куриное яйцо, с бледно-синим отливом алмаз чистейшего тона. В одном конце драгоценного додекаэдра было красивое рубиновое вкрапление в виде крохотной короны с тремя лучиками.

В магазинах появились хрустальные светло-синие флаконы духов и одеколона, внешне в точности, походившие на «Фею Амазонки». Наконец, Джексон пустил в продажу прекрасно рекламированный, самый дорогой в мире парфюмерный набор «Фея Амазонки», который не выходит из моды и по сей день.

Если, «исчерпав тираж», Джексон втихомолку продавал надоевшие алмазы, то с «Феей Амазонки» он не расстался бы ни за что, сделав даже изображение этого редкого минерала эмблемой своей фирмы.

Нанятые Джексоном журналисты время от времени писали о камне, найденном «кем-то» в районе Амазонки и «неизвестно у кого» купленном Джексоном за крупную сумму. Такая таинственность, сама по себе уже реклама, помогала изобретательному дельцу в несколько лет окупить стоимость необыкновенного алмаза, ставшего предметом вожделения многих королей и министров. Так что Джексон мог жаловаться на возраст и старческие недомогания, на что угодно, только не на отсутствие выдумки.

Однако и Джексону ни разу не приходила на ум такая мысль, какая родилась в лысой голове этого немца. Идея Дорта вполне заслуживала внимания...

— Предоставляю слово своему уважаемому другу и компаньону, — кивнул Дорт.

— Господа, — сказал Бергофф, — мистер Дорт и я... мы вдвоем наводняем, так сказать, выбранные нами страны возбудителями этой болезни. Способ заражения прост, и, так как это будет лежать на нашей обязанности, я не стану отвлекать вас. Вместе с тем мистер Дорт и я передаем мистеру Джексону состав исцеляющего средства и преимущественное право выпускать его в продажу согласно разработанному нами проекту договора. Мистер Стоутмен, используя свое влияние в высших официальных сферах, возьмет на себя почетную обязанность ликвидировать возможные конфликты и будет содействовать

проникновению наших товаров на территории колоний. Каждый из нас по заслугам получит долю выигрыша. Игра, как уже упомянул мой коллега, несомненно, будет крупной. Если вас интересует научная сторона вопроса, вам ее изложит мистер Дорт.

— Джентльмены, — сиплым голосом произнес Джексон, — я полагаю, можно обойтись и без науки... Я в восторге от остроумия мистера Дорта и дальновидности моего юного друга мистера Бергоффа. Я заранее жму вам руки и включаюсь в дальнейшую игру. Да, надо уточнить детали, размеры затрат и прибылей, но за этим дело не станет: я не сомневаюсь в том, что мы договоримся. Больше того, я ничего не имею против, если мне придется взять на себя и распространение зараженной мази, или, скажем, одеколона, а не только исцеляющей.

— Неужели вам мало вашей доли? — возразил Стоутмен.

— Я полагаю, — сказал Бергофф, — что не стоит подвергать риску доброе имя вашей фирмы, мистер Джексон.

— Как угодно, — пожевав сухими губами, вздохнул старик. — Кстати, не могут ли ваши микробы продлить мне жизнь? Нет? Жаль... Я бы щедро заплатил.

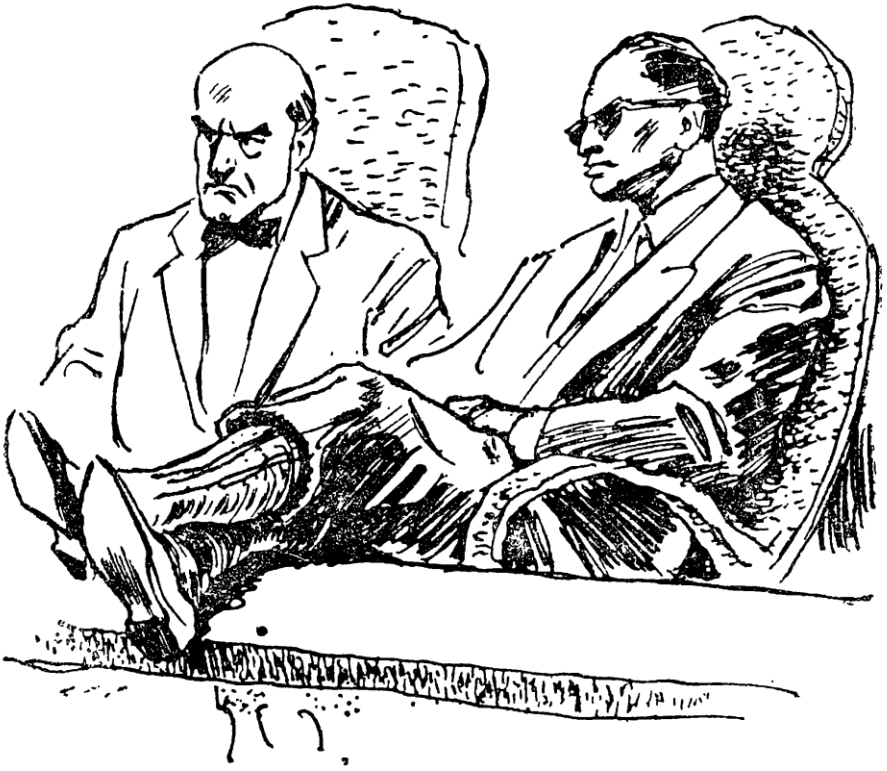
Довольный своей шуткой, Джексон хрипло рассмеялся.

— Вы упомянули об окончательном проекте договора... — напомнил Стоутмен.

— Да, пожалуйста, прошу ознакомиться. — Бергофф подал Джексону тонкую папку с бумагами и подсел поближе к старику.

Стоутмен встал из-за стола и взглядом пригласил Дорта сделать то же самое. Они вышли на балкон, опоясывающий дом Бергоффа. Возле спальни Паолы находилось несколько плетеных кресел и шезлонгов. Дорт жестом пригласил собеседника присесть.

— Мы с вами только что познакомились, мистер Дорт, — сказал Стоутмен, — но почему бы нам не быть откровенными друг с другом?



Дорт вопросительно посмотрел на него. Стоутмен подумал и решил идти напролом: это сбережет время и окажет психохологическое давление на собеседника.

— Вы умолчали о главном, мистер Дорт: о тех микробах, что несут с собой смерть и опустошение.

Дорту стоило немалого труда казаться спокойным.

— Я не понимаю вас, — ответил он.

— Я — один из пайщиков фирмы «Келли и сыновья», той самой, которая по договору с вами оборудовала здесь микробиологическую лабораторию.

— Но это был секретный договор!

— Если бы «Келли и сыновья» имели от меня секреты, то я забрал бы от них все свои вложения до последнего цента и разорил бы их!

— Чего вы хотите от меня теперь?

— Вы сами делаете деньги и понимаете, что фирме «Келли и сыновья» не грешно было бы узнать, для чего вам понадобилась микробиологическая лаборатория, да еще с таким дорогим совершенным оборудованием.

— Вы шпионили за мной?

— Э, мистер Дорт, к чему волноваться? Каждый развивает свое дело, как умеет, и поступает, как ему выгодно. Чтобы вы не сомневались в чистоте нашей работы, я вам расскажу: вам удалось найти здесь, на Пито-Као, неоценимый клад... Новых крошечных рыцарей смерти. Если их напустить на человека, то он погибнет в очень короткий срок. Вы можете хоть сегодня начинять маленькие бомбочки и продавать их по миллиону долларов за штуку! А кожная болезнь, о которой мы говорили сегодня, не что иное, как в тысячи раз ослабленное действие одного из штаммов этого же возбудителя... Теперь вам ясно, что мне известно многое? Вы хотите сделать бизнес нашими дедьгами. Это нечестно!

Дорт был бледен. Стоутмен достиг своей цели. Несколько минут прошло в молчании.

— Если «случайно» моя жизнь оборвется здесь, на Пито-Као, — усмехнувшись, проговорил Стоутмен, — мои люди прикончат вас всего получасом позже. Боюсь, что мне нельзя умирать у вас даже от простуды...

Дорт подумал, что перед ним сильный противник или... А почему бы и нет? В лице Стоутмена он приобрел бы волевого

партнера! Внезапно в голове Дорта возник новый вариант их возможного сотрудничества.

— Вы действуете от себя или от лица фирмы? — быстро спросил он.

— Если мое личное участие, — Стоутмен сделал ударение на слове «личное», — будет для меня более доходным, я готов пожертвовать интересами фирмы и моих уважаемых друзей — Бергоффа и Джексона.

— Хорошо, я согласен. Едем! Сегодня же!

— Куда?

— В мою лабораторию.

— Это вполне безопасный путь?

— Слово джентльмена и вот вам моя рука. Стоутмен медленно протянул ему свою пухлую руку.

... Паола слышала многое. Вспомнились почему-то обрывки фраз, неизвестно где и когда услышанных ею, возможно, вчера, а возможно, и много дней назад. Она дрожала словно в лихорадке. Еще не зная, что и как надо делать, Паола подумала о Хоутоне. Скорее, скорее к нему!..

3

Уже за полночь слуга погасил в доме огни. Дорт увлек Стоутмена в свою машину и увез его в лабораторию за сорок километров от поселка.

— Вы первый гость в моем царстве, генерал, и я хочу показать вам кое-что, — сказал Дорт.

— Я ценю зто, — коротко ответил Стоутмен. Они расположились в рабочем кабинете Дорта. Над письменным столом висела большая картина: метательная машина забрасывала полуразложившиеся трупы через крепостную стену, над которой местами возвышались головы осажденных. Стоутмен

достаточно знал немецкий язык, чтобы прочесть надпись: «Осада татарами Каффы (Феодосии) в 1347 году».

— Нравится? — спросил Дорт и тоже повернулся к картине. — Это первый случай в истории, когда война стала бактериологической. Татары забрасывали зараженные трупы... Кустарно! Но простим им, ведь это было более шести веков назад. Я вам предложу самое совершенное оружие! Нелегко и недешево было создать все это. — Дорт обвел руками вокруг. — Я убежденный нацист, но одних партийных интересов для меня мало. Жизнь — это бизнес!.. Мой товар — новое бактериологическое оружие, его можно выгодно сбывать.

Стоутмен молча кивнул.

— Это средство у меня сегодня есть! — гордо продолжал Дорт. — Его пока мало, но я создам миллиардную армию моих невидимок. Мир еще узнает, что это за штука. Если хотите, я расскажу вам, как мне удалось добиться этого. Начну с того, что предки моей матери владели многими материалами об этом острове. Они были наивными людьми, и документы лежали без дела, пока не попали в мои руки. Я понял, что игра стоит свеч! Я приехал на Пито-Као и стал искать. Трудные это были поиски! Но я знал, что надо искать, и не отступал.

Дорт встал, подошел к шкафу, налил в мензурку спирта, посмотрел в нее и, не разбавляя, выпил. Глаза его возбужденно блестели.

— А ведь идея проста, — продолжал он. — Мои коллеги пытались и пытаются начинять бомбы возбудителями чумы, холеры и других болезней, которые человечество знает давно. Я же имею в своих руках возбудителей новой, во всяком случае, практически неизвестной болезни! Никто еще не подготовлен к защите от нее. Вот почему, приехав на Пито-Као, я готовился к длительной работе, — тихо закончил он.

— Значит, вы не сразу обнаружили его?

— Конечно, нет. Я исследовал десятки туземцев с соседнего острова, но все они оказались здоровыми! Природа подчас хитра: она куда-то запрятала возбудитель и задала мне жару. Я искал всюду: в почве, в растениях, в животных, в воде и в воздухе — и все впустую. Счастливая мысль побудила меня приступить к раскопкам! В местах захоронения я обнаружил мумию, точнее, мумифицированный труп. Дело пошло более слаженно: я нашел споры особого вида грибка из группы актиномицетов. Месяцы ушли на поиски питательной среды, на которой он дал бы рост... Сперва я получил ту разновидность возбудителя, которая вызывает не очень опасное кожное заболевание. Ну что ж, подумал я, и на этом можно заработать! Но продолжал искать главное, пока не добился своего... Затем опыты над животными и... туземцами.

— И что же? — спросил Стоутмен.

— Они сгнивали заживо! — воодушевился Дорт. — У меня в руках наконец была проказа, но не обычная, длящаяся десятков-лет, а молниеносная! Это не пятна на лице Паолы, и никакой мазью от нее не спасешься... Я перепробовал сотни антибиотиков и других всевозможных препаратов, но ничто ее не берет! Стоутмен поежился и оглянулся.

— Бациллы мои спрятаны надежно, — улыбнулся Дорт, заметив движение собеседника. — Но, если я захочу... — он засмеялся, — мир запомнит меня! Герострата забудут, меня — нет! Я сейчас могуч, как никогда.

Дорт нажал кнопку электрического звонка, и в лабораторию вошел лилипут Гарри. Переступив порог, он широко открытыми глазами посмотрел на Стоутмена.

— Это мой воспитанник, — представил его Дорт, — иногда полезно для здоровья проявлять гуманность, так сказать, к своим ближним...

Стоутмен даже не удостоил лилипута взглядом.

— Гарри, принеси папку номер два, — распорядился Дорт.

— Слушаюсь, доктор.

Стоутмен, как бы играя, написал на пачке сигарет единицу с несколькими нулями, а когда Гарри вернулся с папкой, незаметно от Дорта повернул пачку так, чтобы лилипут увидел написанное, и затем, закурив, спрятал сигареты в карман.

— Вот часть тех бумаг, что достались мне от пращуров, — объяснил Дорт. — К сожалению, на этих страницах больше говорится о геологическом строении острова, описываются каменные истуканы, которых вы сегодня видели, и высказываются гипотезы относительно их происхождения.

Стоутмен взглянул на лилипута, стоявшего позади немца. Тот едва заметно кивнул.

— Вот в этой тетради описана фауна острова и немного сама болезнь, которая привела меня сюда, но ни слова о средствах лечения! Сами понимаете, как это усложнило мою работу. Но теперь я имею надежный препарат...

Стоутмен опять посмотрел на Гарри: лилипут отрицательно покачал головой.

— Так в чем же дело? — спросил Стоутмен. На посеревшем лице Дорта выступили капли пота... В зеркале на боковой стене он заметил сигналы, подаваемые Гарри Стоутмену. С трудом овладев собой, Дорт встал, опять подошел к шкафу и выпил еще одну порцию спирта.

— Гарри, — сказал он, не оборачиваясь, — ты мне больше не нужен.

— Слушаюсь, доктор. — Лилипут вышел. Успокоившись, Дорт посмотрел на Стоутмена и твердо сказал:

— Если хотите, чтобы мы были друзьями, признайтесь: кого вы приставили ко мне?

— Это нетактичный вопрос, мистер Дорт.

— Вы сами говорили, что каждый развивает свое дело, как может... Что вам стоит удовлетворить мою прихоть? Тем более,

что мы уже компаньоны, а ваш человек сделал свое дело. Не так ли?

— Все-таки неудобно...

— Самое важное для нас — взаимное доверие!

— Ну что поделаешь с вами, — засмеялся Стоутмен. — Так и быть... Разве вам можно в чем-нибудь отказать? Полезные для нас, вернее, для меня сведения сообщал Монти Пирс...

Стоутмен крепко промахнулся, выдав Пирса! Он полагал, что сохраняет Гарри, человека более полезного для дела. Наконец, становясь компаньоном Дорта, он подумывал изменить систему наблюдения за немцем и, рассчитывая на лилипута, решил пожертвовать Колорадским Жуком.

Кровь ударила Дорту в голову. «Значит, ко мне приставлены по меньшей мере два шпиона!» — подумал он.

— Больше никого?

— Нет.

— А Гарри?!

Стоутмен выдержал его взгляд, даже ухитрился сделать вид, будто он кое-что припоминает.

— Да-да-а, — пропел делец. — Представьте себе, едва не забыл о нем! Спасибо, что вы напомнили... — И подумал: «Черт возьми, имел двух надежных людей, а теперь ни одного!..»

— Покончим с этим, — сказал Дорт. — Я вижу, вы деловом человек и у вас есть чему поучиться...

— Я всегда к вашим услугам. Право, мне думается, что мы скоро станем друзьями до гроба.

— Это будет деловой союз, — напомнил Дорт.

— Разумеется. Такая основа — наиболее прочная для дружбы. Скажите, коллега, вы... полностью разработали средство лечения вашей болезни?

Дорт проглотил эту пилюлю.

— Почти... Мне нельзя даже посоветоваться со специалистами... Это, конечно, тормозит дело...

— Зато сохраняет конспирацию. Ведь если о ваших «крошках» узнают, то бизнеса может не получиться...

— Не потому ли вы так старались побольше выведать обо мне?

— Я не в счет: мы единомышленники, и я заботился лишь о том, чтобы в трудную минуту прийти к вам на помощь. Вы поняли меня?

— Понял. А теперь прошу присутствовать на опыте.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Никакого сундука не было!..»

1

Сардов, пробравшись в Москву, не торопился и действовал очень осторожно. Дорт просил никого не втягивать в дело, но какое это имеет значение, когда рисковать приходится не ему, а Сардову? И Сардов обманул Дорта, решив выполнить задание с помощью своего давнишнего приятеля Стася.

Вызвав Стася из Средней Азии и растолковав, что и где надо искать. Сардов посулил хорошее вознаграждение.

— Тебе нужно пробраться к Тверским и потихоньку перевернуть у них в доме каждую бумажку, камешек или стекляшку, — сказал он. — Ищи все, что осталось от покойного старика Тверского...

Задание Дорта не казалось Сардову сложным, причем нужных бумаг и ампулы могло вообще не быть, значит, есть возможность отговориться.

Сардов надеялся до конца оставаться в тени, следуя правилу некоторых политиков — загребать жар руками ближнего.

Стась предложил явку у Пата, но опытный шпион отказался воспользоваться таким ненадежным адресом. Он

посоветовал приятелю лечь в клинику на операцию, что должно было помочь ближе познакомиться с Тверским. Резидент передал Стасю миниатюрную ультракоротковолновую радиоустановку для связи, объяснил, как с ней обращаться, и они расстались по крайней мере на месяц.

Относительно спокойную жизнь Сардова нарушала лишь нервозность Дорта, не перестававшего торопить его. В конце концов пришлось самому выехать в Задонскую.

В станице случайно удалось напасть на след Эвелины Марковны Тереховой, который привел Сардова в Ростов-на-Дону. Поиски оказались нелегкими. Все же неделю спустя адрес Тереховой (по паспорту — Пылаевой) был найден.

К тому времени Стась спешно выписался из клиники, связался со своим резидентом и ожидал его указаний.

Сардов вызвал Стася в Ростов. Они увидели друг друга на вокзале, в толпе приехавших, но разговаривали издали по замаскированной в одежде рации.

— Запомни адрес, — Сардов назвал улицу и номер дома. — Пойди к старухе, выведай, что у нее есть.

— Хорошо, — согласился Стась. — Только дай мне денег.

— Иди за мной, — распорядился Сардов. — Там, где я остановлюсь... Впрочем, нет, пройди в умывальную комнату... Зайдешь после меня в туалетную кабину и возьмешь сверток: в нем будут деньги и фотокопии расписок этой старухи. Припугнешь ее... Не забудь и сам взять расписку!

Стась быстро разыскал квартиру Пылаевой. Эвелина Марковна показала ему альбом, но старый вор даже не раскрыл его. Сундучок вызвал у Стася большее любопытство: в нем были статуэтки из камня, записные книжки, какие-то рисунки и две тяжелые металлические гильзы с запаянными крышками. Стась почуял, что это, пожалуй, и есть цель их поисков, но на всякий случай решил посоветоваться с Сардовым. Тем более, что старуха запросила невероятную сумму.

«Вот скряга, за какую-то рухлядь требует столько денег! — со злобой подумал он. — И к чему они ей? Ведь все равно скоро подохнет...» Пообещав зайти вечером, Стась оставил Пылаевой задаток.

На бульваре Пушкинской улицы, усевшись на уединенной скамье, Стась нажал на кнопку передатчика и вызвал Сардова. Резидент ответил сразу, но слышимость была неважной: вероятно, их разделяло большое расстояние. Резидент дважды переспрашивал о содержимом матросского сундучка и выразил удовлетворение.

— Пойдешь к ней вечером, — сказал он. — Купи в магазине саквояж... Старайся, чтобы тебя меньше видели.

2

Старый большой дом. Серый, угрюмый, с седым фронтоном. Парадные двери поблекли, сетчатый ствол уже не существующего лифта покрыт паутиной, на всех этажах спертый воздух.

По вечерам здесь тускло светятся засиженные мухами электрические лампочки.

К этому дому подъехали Петушок и Нина. Спотыкаясь на щербатых ступенях, но не рискуя опираться о липкие перила, они добрались до двери с нужным номером. На ней оказалось не менее дюжины кнопок, а возле каждой на клочке бумаги — фамилия жильца. Отыскав фамилию «Пылаева», Петушок нажал кнопку.

Эвелина Марковна Пылаева только что возвратилась из сберегательной кассы. Удобно расположившись в кресле-качалке, она перелистывала сберегательную книжку: Пылаева любила деньги и старательно копила их.

Эвелина Марковна пробежала взглядом колонку цифр: каждая запись вклада оживляла в памяти волнующий эпизод

ее жизни, в которой было много пестрого — от любовных похождений до спекулятивных махинаций, в равной мере острых, незабываемых и доходных.

Резко затрещал старый звонок. Старуха, не торопясь, спрятала в комод свое сокровище и пошла открывать дверь.

— Петя?! — удивилась она, но тут же, изобразив на морщинистом лице радушие, запела: — Заходи-ите, дорого-ой... Так приятно, что вы все же вспомнили о нашем существова-ании.

— Знакомьтесь, это Нина Константиновна. Мы к вам.

В комнате стоял терпкий запах нафталина. Обстановка была старинная, каждая вещь казалась привинченной к своему месту.

Нина посмотрела на обитательницу этого жилища. Хозяйка Черныша, высокая, горбоносая, крупная женщина, была одета в черное платье. Волосы ее гладко зачесаны назад. На бледном матовом лице выделяются глубоко сидящая темные глаза. Они смотрели на гостью зорко и вместе с тем приветливо. Гордая осанка старухи говорила о привычке главенствовать в доме, а тонкие бледные губы придавали ее прямоугольному лицу выражение замкнутости и суровости.

Сперва разговор шел о погоде, о том, о сем, и говорить было легко. Нина рассказала, что в Ростове-на-Дону она в командировке, что вместе с Петей они в свободное время ходят в кино, музей и даже были в воскресенье на толчке — искали антикварные вещи.

Старуха сказала, что и сама не прочь купить старинную статуэтку, посуду или безделушку. Нина ухватилась за эту мысль и довольно умело подвела разговор к желаемой цели.

— Мне Петя говорил, что у вас есть оригинальный альбом, и я так захотела взглянуть на него... Если, разумеется, это не очень побеспокоит вас.

Старуха насторожилась, но ничем не выдала своих чувств.

— Ах, альбом! Да-да, как же... Есть. Вот, пожалуйста.

Она подала Нине тяжелый старинный альбом. Девушка с любопытством раскрыла его. Фотографии были обычные, но местами попадались карандашные зарисовки каких-то тропических пейзажей и несколько старинных фотографий. На одной из них Нина увидела с десяток каменных статуй, точно стоящих в военном строю у подножия скалистой горы. О таких изваяниях она читала в дневнике деда.

— Старый альбом, — сказала старуха. — Обратите внимание, здесь что-то написано.

На обороте толстого переплета можно было прочитать надпись: «Своему верному другу и спутнику в тихоокеанских странствиях Федору Ивановичу Терехову в честь наступления

Нового года, 1 января 1911». Подпись длинная, витиеватая. В конце подписи точка.

— Что с вами, Ниночка?

— Я узнала почерк своего деда.

— Деда?!

— Я внучка Павла Александровича Тверского. Вам это ни о чем не говорит?

— Н-нет… — неуверенно ответила Эвелина Марковна, как бы роясь в памяти.

— А как этот альбом попал к вам?

— Он принадлежал моему покойному мужу, а ему достался от его отца, моего свекра, Терехова.

— Значит, вы невестка Федора Ивановича! — воскликнула Нина. — Эвелина Марковна, как я рада, что так неожиданно нашла вас! Вы мне сможете оказать неоценимую услугу.

— Я… услугу?!

— Да-да! Скажите, вы лично знали Федора Ивановича?

— Нет. Насколько мне помнится, он умер в девятсот пятнадцатом году. С мужем я познакомилась уже в гражданскую войну, вышла замуж в двадцать пятом, а в тридцать третьем его убили кулаки здесь, на Дону. Он был такой идейный…

— И он никогда не рассказывал вам о своем отце?

— Возможно, и говорил, когда, не помню…

— Эвелина Марковна, милая, может, сохранилось еще что-нибудь из вещей Федора Ивановича? Ведь он служил у моего дедушки!

Губы старухи дрогнули.

— Что вы! Столько лет прошло… А почему это вас интересует?

— Федор Иванович много путешествовал с моим дедушкой. Не может быть, чтобы ничего не было. Возможно, какой-нибудь сундук…

На мгновение в глазах старухи отразился испуг, но, оправившись, она приняла оскорбленный вид. — Я вам ясно ответила. — И упрямо добавила: — Никакого сундука не было! Нина отшатнулась.

— Был, — грозно посмотрел на старуху Петушок. Она не выдержала его взгляда, отвернулась и глухо повторила:

— Никакого сундука не было.

— Но мне Серафим говорил, что он сам видел сундук.

— Серафим?! — старуха встала, выпрямилась, глаза ее метнули искры, но секунду спустя она чуть сжалась и заговорила мурлыкающим голосом, ласково и приветливо: — Что это мы, чуть не заспорили? А я-то, старая, и запамятовала... Был сундучок, но не Федора Ивановича, а мой собственный, еще от мамы в приданое достался. Но он было совсем расклеился, и я продала его еще зимой старьевщику. А вещей Федора Ивановича у меня нет никаких, кроме альбома. Могу уступить его вам, Ниночка. Подарила бы, но жизнь такая дорогая...

Большего они не добились. Нина купила у старухи альбом и, кивнув Петушку, первой поднялась.

— До свидания, — сухо сказала она.

— До свидания, моя милая. Прошу бывать у нас... Может, при случае и с Эммочкой вас познакомлю: дочь моя, живет с мужем в Ленинграде, но каждый год навещает меня. А Симочке я сделаю выговор, чтобы не сбивал людей с толку!

3

Нелегко дался Эвелине Марковне этот неожиданный визит. Проводив гостей, она, держась за стенку погруженного в полумрак коридора, едва доковыляла до двери. Войдя в комнату, грузно опустилась в качалку. Ноги налились тяжестью, усталость разлилась по всему телу, а пальцы безвольно опущенных рук были холодны, как сосульки.

Память вернула ее к событиям уже немалой давности, когда фашистские полчища ворвались на берега Дона. Это было тяжелое для всего советского народа время. Но только не для Эвелины Марковны. Она пустила в ход свои «сбережения», стала ездить по станицам, выменивая вещи на хлеб. Затем хлеб и другие продукты, добытые в станицах, она привозила в Ростов и снова выменивала на вещи, но уже более ценные.

Особенно часто она ездила в станицу Задонскую, где помнили эту дородную женщину по ее мужу — коренному задонцу. В один из приездов ей выпала редкая удача. В ту пору в доме, когда-то принадлежавшем Павлу Александровичу Тверскому, поселился немецкий врач, «герр доктор», как почтительно называли его немецкие солдаты. По рассказам станичников, он усиленно разыскивал родственников Тверского и даже обещал вознаграждение. Поразмыслив, Эвелина Марковна сказала себе; «Трус в карты не играет!» — и вечером, в запретный час, будто позабыв о строгом приказе гитлеровцев, вышла на темную улицу. Когда ее задержал патруль, она объяснила, что ей надо срочно «к господину доктору по важному делу».

— К подполковнику Дорту? — спросил офицер и приказал проводить задержанную.

Дорт говорил по-русски довольно сносно, и они нашли общий язык без переводчика.

— Кто ви есть? — спросил он.

— У Павла Александровича Тверского, — объяснила Эвелина Марковна, — был верный слуга, который с ним путешествовал... Федор Иванович Терехов.

— А ви кто есть? — нетерпеливо повторил Дорт.

— Я — невестка Терехова, жена его сына.

— Если ви есть настоящий невестка Терехова, — сказал Дорт, — то ви можете иметь от меня деньги! О! Зер грос деньги. Ми будем цузамен дружийть...

— Да, да, — послушно кивала Эвелина Марковна, и сердце ее приятно щемило.

— Мне не надо шпион, — с достоинством говорил Дорт. — О нет, я не занимайт этим... Мне надо иметь на память, что можно из вещей и коллекций доктора Тверского и вашего свекра, фрау. Ви понимайт?

— Да-да, я все понимаю, господин подполковник!

— Зер гут. Ви должна собирайт по станица все его бумаг, письмо, рукопись... Ферштейн зи?

— Я, я, — кивала Эвелина Марковна.

— И еще искать его коллекций. Согласны, фрау?

— Согласна, господин подполковник, — торопливо ответила Эвелина Марковна.

— А за каждый бумаг я платить вам деньги! Как это говорят по-русски? По рукам!

— По рукам, господин подполковник!

— Ви получите зер филь денег! Зер филь! — и он принялся подробно объяснять своей неожиданной помощнице, что ему требовалось.

После этого разговора она месяц провела в Задонской безвыездно. Врожденная хитрость крепко выручала ее тогда. Она придумывала различные трогательные рассказы о своей любви к мужу и свекру, о желании сберечь все, что осталось от них, а также от доктора Тверского, которому ее свекор был не столько слугой, сколько верным хранителем и другом, чтобы ничего из этого наследства не попало в руки немцев.

Люди русские, чуткие к чужому горю, шли ей навстречу. Да и время было такое, что хотелось верить каждому светлому стремлению и доброму слову.

Лучшей помощницы Дорту и желать было нечего. Правда, вначале «фрау» доставляла с виду ценные вещи, но не то, что требовалось. Однако дважды немец был щедрым, и они расставались довольные друг другом.

Наступление советских войск прервало это выгодное «дело» Эвелины Марковны. Только что она раздобыла старинный матросский сундучок, как Дорт вдруг исчез из станицы, точно сквозь землю провалился. Запасливая Эвелина Марковна на случай прихватила с собой сундучок и вернулась в Ростов. Но Дорта она не дождалась... А сундучок, уже просто благодаря бережливому характеру его новой хозяйки, остался лежать среди домашнего хлама в кладовке. Сундучок был крепкий, окованный тонким железом и, вероятно, служил доктору Тверскому походным сейфом в его путешествиях.

И вдруг сегодня к Пылаевой пришел незнакомый человек и предъявил фотокопии двух расписок, отобранных у нее Дортом еще в 1942 году. Со старухой чуть не сделался удар, но незнакомец быстро успокоил ее и сказал, что от нее требуется немногое — продать (он так и сказал: продать!), если, конечно, у нее есть то, что могло интересовать Дорта. При этом незнакомец, выразительно посмотрев на фотокопии расписок, посоветовал ей держать язык на привязи.

Эвелина Марковна показала ему сундучок. Осмотрев содержимое, незнакомец грубовато похлопал ее по плечу и засмеялся.

— Дорогая старушка, — бесцеремонно сказал он, — вы заработаете на этом ящике столько, сколько вам и не снилось.

Он назвал сумму, но бойкая Эвелина Марковна немедленно утроила ее. Начался торг. Незнакомец нервничал, злился, но ничего не мог поделать с жадной старухой.

— Хорошо, — наконец согласился он, утомленный спором. — Вот вам аванс. Вечером принесу остальное и заберу сундук. О, матка бозка, какой у вас твердый характер.

Все-таки сделка совершилась честь по чести. Но визит Нины и Петушка поверг Пылаеву в необычайное смятение. «Следят!.. Знают!.. — горели огнем в ее голове тревожные мысли. — Но кто? Кто мог сообщить об этом? Неужели соседка?

Ведь она была в своей комнате. Или Серафим?.. Нет, он не знал о том, что сундучок уже продан. Соседка тоже ничего не могла подозревать... Но кто? Неужели они, органы?! Почему столько людей охотятся за этим проклятым сундуком?..»

Старуха была разбита и подавлена.

4

Выйдя из дома Пылаевой, Петушок и Нина направились в Кировский сквер, где их ожидали Андрей и Серафим. На углу удивленная Нина встретила Рязанова. Не успела она рта открыть, как Алексей снял шляпу (он был в штатском) и радостно воскликнул:

— Нина Константиновна! Какая неожиданная встреча!.. Мы так давно не виделись с вами... Простите, молодой человек, — он повернулся к Веневу, — если вы позволите, я всего на несколько минут задержу вашу знакомую...

Петушок недружелюбно посмотрел на Рязанова и прошел вперед. Алексей взял Нину за руку и свернул за угол.

— Тихо и коротко расскажите, что вы делали в этом доме, — попросил он. — Были у старухи?..

— Вы что, волшебник, Алексей Сергеевич?! — воскликнула Нина.

— Тише, прошу вас!

Нина рассказала о том, что она узнала.

— Мы с вами разными путями пришли к этому дому, но я еще не успел побывать в нем. Вы очень помогли мне... И еще сумеете помочь. «Что вы думаете делать сейчас?» — спросил Рязанов.

— Да, собственно, раз сундука нет, мне здесь делать уже нечего.

— Сундук, по-моему, еще там!

Нина вопросительно посмотрела на него.

— Да-да, там. Во всяком случае, если сундук действительно был, то он еще там.

— ?!

— Не расспрашивайте пока меня ни о чем. Идите к своим друзьям и... — он посмотрел на часы, — через пятнадцать минут я ожидаю вас в машине на углу Энгельса и Журавлева, у аптеки. Там и поговорим. Не опаздывайте, прошу вас. И вот еще что: пригласите с собой бортрадиста, который живет у нее на квартире.

5

Выслушав Нину и узнав подробности ее разговора со старухой, Алексей понял, что дорога каждая минута. Позвонив в управление КГБ, он попросил усилить наблюдение за домом Тереховой — Пылаевой, а сам успел побывать у прокурора и получить ордер на обыск.

Четверть часа спустя он уже подъезжал к аптеке, где его ожидали Нина и Серафим. Еще пять минут — и они были в квартире Пылаевой.

— Я из. управления КГБ, капитан Рязанов, — представился Алексей.

Эвелине Марковне сделалось дурно. Нина подала ей холодной воды. Серафим энергично обмахивал полотенцем бледное лицо своей хозяйки. Придя в себя, она остро посмотрела на Рязанова, потом со злостью на Серафима и Нину и отвернулась.

— Не волнуйтесь, — сказал Алексей, делая вид, что не придал значения такой сильной реакции. — К вам у меня нет никаких претензий... У вас хранится сундучок доктора Тверского. За ним охотятся...

— Я ничего не знаю, — глухо произнесла Эвелина Марковна. — Я — советская женщина, живу скромно и в темных делах не участвую.

— Я так и думал! — весело воскликнул Рязанов, внимательно следя за выражением ее лица. — Потому-то я и пришел к вам и без обиняков излагаю суть дела. Если вы советская женщина, патриотка, вы охотно поможете нам изловить преступника, который сегодня еще раз зайдет к вам...

Серафим принес из кладовой сундучок. Осмотр сундучка озадачил Нину. Что из содержимого наиболее ценное? Вероятнее всего, металлические гильзы... Старые, поддавшиеся коррозии, только они могли хранить какую-то тайну.

Рязанов задумался. Исследовать гильзы не было времени, а просто арестовать Стася означало упустить его резидента.

— Скажите, — тихо спросил он, — если предположить, что в гильзах находятся... возбудители болезни с острова Статуй... Они могут быть опасны сейчас?

Нина посмотрела на него широко открытыми глазами.

— Я не подумала об этом.

— Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Ведь мы с вами в цейтноте!

— Прямой, непосредственной опасности не может быть, — подумав, уверенно сказала Нина. — Если в гильзах и болезнетворные микробы, они, во-первых, не «в чистом виде», что ясно из всех рукописей дедушки; во-вторых, мало шансов их «оживить». Во всяком случае, это дело долгое и трудное...

— Ну, а надолго мы их не отдадим, — облегченно вздохнув, ответил Рязанов. — Надо рискнуть, иначе ничего и не придумаешь. — И повернулся к Пылаевой: — Ну, что ж, теперь, Эвелина Марковна, продавайте сундучок... Да-да, продавайте, раз его хотят купить. А мы втроем посидим в спальне. Благодарю вас за содействие следственным органам. Я не сомневаюсь, что оно будет полезным.

Старухе стоило больших усилий казаться спокойной. Когда раздался звонок в коридоре, она поднялась с дивана.

— Не выходите, — сказал Рязанов, — ему откроют без вас... — и ушел в спальню, прикрыв за собой дверь.

6

Время длилось невыносимо долго. Сардов с трудом заставил себя не волноваться и ждать. Но вот наконец в назначенный час он еще издали увидел Стася. Тот шел с тяжелым саквояжем в руке.

Сардов нажал кнопку передатчика:

— Не подходи ко мне. Все в порядке?

— Н-нет... Да-да...

— Говори яснее: что случилось?

— Старуха вела себя очень странно, точно она была не одна... Отдала сундук... Взяла деньги... А вместо расписки написала: «Нас подслушивают. За мной следят. Немедленно бегите...»

— О черт! Да не останавливайся же! Я иду за тобой... как-нибудь незаметно передай мне гильзы. Сундучок пусть остается у тебя...

— Нет-нет! — прервал Стась, который уже зашел за деревья и скрылся из виду. — Ты хочешь бросить меня? Это нечестно...

— О чем ты говоришь, дурак! — разозлился Сардов. — Я вовсе не собираюсь бросать тебя. Мы убежим вдвоем, но из города надо выехать поодиночке.

— Хорошо, тогда гильзы останутся пока у меня, — настаивал Стась.

— Послушай, а может быть, старуха провела тебя за нос, чтобы не давать расписки? — вдруг с надеждой спросил Сардов.

— Не думаю. Она даже не пересчитала деньги!

— Отдай гильзы, получи свою долю, а потом встретимся.

— Так не выйдет, — зло сказал Стась. — Уходить надо вдвоем. Сперва мне нужна жизнь, безопасность, а потом деньги!

Они долго спорили и переругивались. Поняв, что отделаться от Стася и заполучить гильзы не удастся, Сардов согласился на побег вдвоем. Воспользоваться поездом было опасно, пароходом тоже, выехать на машине — дороги легко перекрыть... Надо так, чтобы вокруг было мало людей.

— Встретимся в аэропорту, — решил Сардов.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Лицом к лицу

1

Они увиделись на перроне аэровокзала, но держались поодаль друг от друга, говорили по радио.

— Покупай билет в Сочи, — сказал Сардов. — За тобой не следят?

— Я уверен, что все в порядке, — веселым тоном ответил Стась с другого конца перрона. — Я же старая лиса, и меня не так просто провести!

Сардов облегченно вздохнул и снова включил передатчик:

— Бери билет!

— Иду, иду... — заискивающе произнес Стась.

2

— Производится посадка на рейс Ростов — Сочи, — объявил диктор.

Первой в самолет вошла сухонькая подвижная старушка. Она деловито осмотрелась и заняла свободное место у окна.

Затем, осторожно ступая по трапу, поднялся высокий худой человек неопределенного возраста, с редкими колючками рыжеватых волос на макушке.

Третий пассажир производил внушительное впечатление: он был хорошо сложен, моложав, хотя бородка и усы заметно старили его лицо.

Четвертый... Андрей невольно подался вперед: это был переодетый Рязанов. Рязанов сделал предостерегающий жест, и Андрей не подал виду, что они знакомы.

Темно-карие глаза Рязанова были усталы и серьезны, на скулах виднелись тонкие лучики морщинок.

Последними в самолет вкатились два румяных толстяка и сразу наполнили веселым шумом пассажирский салон. Послав воздушные поцелуи двум полным блондинкам, стоявшим на перроне, они сразу же проглотили по таблетке «аэрона», попросили гигиенические пакеты и дважды осведомились, на какой высоте будут лететь. Легко было догадаться, что толстяки не отличались храбростью и собирались в небольшой полет до Сочи, как в кругосветное путешествие.

Быстро набрали высоту. Самолет мчался по верхней кромке облаков. Навстречу неслась бесконечная подвижная белая масса, залитая ярким солнечным светом; время от времени дымчатый изогнутый язык или крутой холм вставали на пути, самолет пронизывал их и снова мчался в серебристом воздухе.

Порой перед взором возникал фантастический пейзаж: то в опаловой долине застыл молочный вихрь, а у подножия облачного пика свернулся спиралью темно-синий сказочный змей, то будто на ровной глади снега выросло сероватое полушарие ледяного жилища чукчи.

Прошли Краснодар и полетели над горным перевалом. Впереди раскинулось сверкающее голубовато-зеленое море. Петушок замерил путевую скорость и удовлетворенно улыбнулся:

при такой скорости и хорошей загрузке обеспечена высокая производительность полета.

До Джугбы, где самолет изменит курс, осталось несколько минут...

— Эх, ты!.. — вскрикнул Петушок и даже пригнулся: совсем близко от фюзеляжа промчалось что-то темное, едва не угодив в смотровое окно.

— Птица, — улыбнулся Шелест. — Могла и стекло выбить... А вот птенцы Коршуна Горбатого — так те в мотор целят.

— Коршун... Горбатый? — вздохнул Петушок. — Не слыхал.

— Да ну?! — Шелест оживился. — О нем целые легенды рассказывают... Еще когда первые самолеты появились, птицы долго не могли понять, что это такое. Потом сороки разузнали и разнесли по всему небу: это, мол, человек придумал себе крылья. Сперва птицы смеялись, поглядывая сверху на наши неуклюжие этажерки из палок и полотна. Потом приумолкли, когда мы научились летать крыло к крылу даже с орлами. А сейчас — сами смотрят снизу вверх на реактивные самолеты и признали наше превосходство. Даже гордятся: вот, мол, как наши товарищи летают!

— Справедливо, — засмеялся Петушок и ласково глянул на одинокого орла, парившего перед кучевым облаком.

— Но был среди этих летунов один коршун, — продолжал Шелест. — Злой-презлой. Однажды, еще в юности, захотел он потягаться с летчиками в высшем пилотаже. Сперва присмотрелся, а потом уж и сам загнул петлю. Но не рассчитал и ударился о скалу. Ударился коршун здорово, но выжил. Только стал после этого горбатым. И затаил он лютую ненависть в летающим людям. И поклялся мстить им до конца жизни, В таком духе натаскивал и своих птенцов. С той поры, где ни заметят эти бандиты самолет, сразу бросаются на него. И все в мотор целят. Были даже случаи, когда из-за столкновения с птицами гибли люди. Вот так, парень...

3

Рязанов откинул до отказа спинку кресла. То, что удалось напасть на след Стася, Алексей считал большой удачей и теперь решил ни при каких обстоятельствах не упускать его из виду. Уже и так понятно, что Стась Действует не один и рано или поздно он должен встретиться со своим напарником.

А почему «должен»? Поставив себя на место Стася, Алексей без труда представил себе другой возможный вариант: Стась оставляет в условленном месте саквояж с сундучком, а сам уходит в сторону. Ну что ж, тогда нельзя спускать глаз с сундучка! Но что из содержимого сундучка они решили похитить? Металлические гильзы?.. Это предположение, сразу пришедшее в голову еще у Пылаевой, наиболее вероятно. Жаль, события развернулись так быстро, что нельзя было вскрыть эти гильзы и посмотреть, что в них.

Правильно ли поступил он, дав возможность Стасю унести сундучок? Здесь дело не связано с диверсией, это ясно. Значит, можно располагать временем. А если партнер Стася здесь, в самолете?! Рязанов невольно повернул голову в сторону единственного человека, кого можно было заподозрить. Пассажир с бородкой побледнел и положил руку на сердце: ему становилось дурно то ли от небольшой болтанки, то ли от высоты.

— Ну почему они летят так высоко?! — точно отвечая на мысли Рязанова, воскликнул он. — Неужели нельзя пониже?

Он быстро поднялся, открыл дверь пилотской кабины и перешагнул через порог. Не более секунды раздумывал Рязанов и решительно устремился вслед за подозрительным пассажиром, но этой секунды было достаточно: дверь с надписью «Командир корабля» оказалась запертой изнутри!

Алексей резко повернулся и увидел, как из руки Стася выпал пистолет, выбитый тем, кто сидел позади него...

4

Шелест задумчиво смотрел на приборы. Серафим в микрофон докладывал земле обстановку полета. Налив в стакан воды, он поднес его ко рту, чтобы напиться, но, увидев перед собой дуло пистолета и лицо с бородкой и усами, онемел от неожиданности. Секунду спустя он почти машинально плеснул в незнакомца воду и спрятался за рацию. Выстрела он не услышал, а почувствовал боль в правой руке. Пальцы похолодели и выпустили стакан.

В следующее мгновение он рванулся вперед и здоровой рукой впился в горло налетчика. На этот раз были отчетливо слышны два выстрела, и диверсант, красный от натуги, склонился под тяжестью обмякшего тела бортрадиста: на голову «пассажира» опустился твердый кулак командира корабля. На помощь Шелесту бросился и второй пилот.

За штурвалами самолета теперь не было никого, и только автопилот сохранял равновесие полета.

Петушок вырвал пистолет из руки противника и отбросил его в сторону.

Вся эта стремительная сцена длилась считанные секунды, и никто из летчиков не успел как следует осмыслить, что, собственно, происходит. Шелест сзади сжал противника, но диверсант, воспользовавшись тем, что Андрей обхватил его выше локтей, извлек из кармана второй пистолет и протиснул его за спину.

Андрей почувствовал, как в живот ему уперся твердый ствол. Спина его будто покрылась морозным инеем. Он всегда был далек от мысли о смерти и, во всяком случае, никогда не думал, что она может прийти к нему в такой обстановке, неожиданно, нелепо и...

Шелест нажал подбородком на плечо диверсанта с такой силой, что парализовал ему руку. Налетчик вскрикнул от боли и выпустил пистолет.

Тут же Петушок отворил дверь, и кто-то кинулся к дерущимся. «Конец!» — подумал Андрей; от нервного возбуждения и усталости у него закружилась голова. Он, точно в тумане, видел, как два толстяка, оказавшись вдруг проворными и энергичными, выхватили из его объятий диверсанта, повалили на пол и скрутили ему руки. Все было кончено.

— Садись на место, командир! — крикнул Шелесту один из толстяков. — Следи за машиной, а эти прохвосты уже обезврежены.

В открытую дверь было видно, как Рязанов обыскивал лежащего на полу в проходе между кресел Стася. Тем временем толстяки деловито надевали наручники на Сардова, с которого в драке слетели наклеенные борода и усы.

Петушок наклонился над Чернышом.

— Серафим... Сима... — окликнул он. — Ты слышишь меня? Все в порядке, Сима! Тебе очень больно?

Черныш посмотрел на него долгим взглядом, попытался приподняться, желая что-то сказать, но вдруг упал на руки Венева. Петушок прижался к груди Черныша. Андрей бережно положил под голову радиста чемодан и, надев наушники, стад вызывать Краснодарский аэропорт.

— Я «45–16», я «45–16», — передал он. — Возвращаюсь к вам... Приготовьте «скорую помощь» и организуйте встречу... На борту обезоруженные диверсанты.

— Вас поняли, — ответили из Краснодара. — Как самочувствие командира?

— Нормально.

— Разрешаем садиться у нас, подходите визуально.

Андрей сел за штурвал и выключил автопилот. Петушок с трудом оторвался от своего друга и занял место рядом с командиром.

5

Серафима оперировали в краевой больнице.

— Будет жить, — сказал хирург.

— А летать? — не утерпел обрадованный Шелест.

— Возможно, и летать будет.

В коридоре к Шелесту подбежал Венев:

— Ну что, командир?

— Все хорошо, Петушок, — ответил Шелест и ласково обнял его за плечи. — Будет летать наш Серафим...

У кабинета главного врача их встретил Рязанов. Он только что взбежал по лестнице и запыхался.

— Как ваш радист? — спросил он.

— Будет жить.

— Эх, Андрей, Андрей, — сокрушенно покачал головой Рязанов, — ведь это я во всем виноват: опоздал, на одно мгновение опоздал! Но я не предполагал, что они решатся на такое. Век живи, век учись! Давно мы с тобой не летали вместе, и вот видишь, как пришлось... И не на войне, а впору надевать фронтовые погоны!..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

На древней скале

1

Когда Курц вошел в кабинет и замер в нескольких шагах от стола, Дорт, едва сдерживая бешенство, почти шепотом произнес:

— Немедленно убрать Гарри и Пирса! Я приказал вам следить за всеми, а оказалось, что все следят за нами. Дубина! Самое величайшее для меня наслаждение сейчас — это втиснуть вас в консервную банку для крабов! — кричал он, стуча кулаками о стол. — Вчера я узнал, что Монти Пирс — шпион фирмы «Келли и сыновья», а Гарри — его сообщник... Сейчас же разделайтесь с Гарри, а в отношении Пирса, смотрите, чтобы на заводе не было разговоров... Ступайте!

Курц вышел от Дорта перепуганный до смерти. За последнее время это был четвертый по счету «взрыв». Черт бы побрал

этого богача! Так издеваться над ним, настоящим арийцем! И, что самое обидное, Курц должен все это безропотно выслушивать и трястись от страха за свою голову.

Не обремененный понятиями о морали, Курц был воистину исправным служакой в Освенциме. Здесь, на острове, опыт полученный Курцем в концлагере, очень пригодился, и Бергофф, а особенно Дорт, сумели оценить это. Гестаповский режим, введенный Курцем на острове, отвечал их требованиям. Правда, в Освенциме было проще. Там все, кто находился в ведении Курца, назывались пленными или каким-нибудь иным подходящим словом. Здесь же, вызывая виновника на допрос, приходилось именовать его даже «мистер»! В Освенциме были печи, и людей в них сжигали. На острове над людьми производят какие-то научные опыты, по мнению Курца, припахивающие тонкой «философией». Это ему не нравилось. Ученых он терпел как необходимый придаток всякого «настоящего» предприятия (в Освенциме тоже были свои «ученые»), но верить им не верил.

Себя Курц считал несравненно выше всех этих «философов». Стоит только вспомнить, как он учил Дорта организации научной работы на острове: по его совету была введена система, при которой ни один научный работник не мог знать, над чем трудится его коллега. Уж Курц-то отлично умел запутать все так, чтобы никто толком не знал, что и для чего он делал... Отыскав лилипута, Курц пригласил его в свою машину. Взошла необычно большая луна медного цвета. Густые тени остроугольных скалистых вершин придавали окружающему пейзажу зловещий вид. Небо с одного края было фиолетовое, вызолоченное лунными лучами. Желтые искры звезд, тихий, без единого движения, воздух и освежающая прохлада ночи действовали успокаивающе.

Эта часть острова была разделена надвое извилистой чертой обрыва. Внизу чернел массив леса, поднимавшего свои

вершины из котловины. Оттуда доносились хлопанье крыльев ночных птиц, стрекотание жуков.

Курц остановил машину у самого обрыва. — Посидим, малыш, — предложил он, выпрыгивая на землю.

— Как вам угодно, сэр, — отозвался Гарри, следуя за ним. — Не могу сказать, что это удобное место для отдыха...

— Почему?

— Как! Разве вы забыли, сэр, что на этой самой скале дикари совершали казни?

— Что-то такое помню. Жаль, мне не пришлось этого увидеть. — Курц помолчал. — А ты, малыш, не боишься смерти?

— Я?!

Курц задумался.

— Большую часть своей жизни, — сказал он, — я работаю на нее. Если бы смерти было свойственно чувство благодарности, я бы уже имел право рассчитывать на вечное существование за счет тех, кому я помог переселиться... ну, словом, туда... раньше, чем они предполагали сделать это сами.

Гарри съежился и, будто невзначай, так просто, пересел на камень подальше. Курц, заметив это, усмехнулся.

— Не люблю, когда на меня находит такое настроение, как сейчас. Одним словом, когда-то я присматривался к жизни, но потом мне это наскучило... Малыш, сядь рядом и поговорим. Вот здесь. Так. Каждый умирает по-своему. Сама смерть одинакова, вероятно, но пути-дороги к ней разные. Поверь мне, ведь это моя профессия.

— К чему вы это говорите? — спросил Гарри дрогнувшим голосом.

— Ведь так или иначе тебе придется умереть, малыш...

— Я... я... не тороплюсь...

— Ты должен это сделать... — печально ответил Курц. — Таково категорическое приказание мистера Дорта.

— За что?! — прохрипел Гарри, цепляясь руками за камень, на котором он сидел.

— Не ожидал от тебя такого идиотского вопроса. Ты провинился и знаешь больше, чем положено человеку, выходящему из игры. Спокойствие, Гарри! Тем более, что уже тринадцать минут, как ты мертв...

— Я мертв?!

— Сейчас тринадцать минут первого, а ты должен был умереть вчера, то есть до двенадцати часов ночи. Эти тринадцать минут — нарушение приказа, но так и быть, я беру этот проступок на себя.

— О, сэр, пощадите! — простонал Гарри.

— Пощадить?! — удивился Курц. — За то, что ты через голодранца Пирса обманывал меня?.. О нет!

— Я не хотел обманывать вас, сэр, но Пирс так ловко обвел меня!

— Твоему приятелю достанется за это втройне... Я учту, малыш, его дурное влияние на тебя, — издевался Курц.

— Ну помилуйте меня, сэр! Я сделаю все, что вы прикажете.

— Этого и следовало ожидать, малыш. Ты мне снова нравишься! За то, что я подарил тебе несколько минут жизни, я прошу только об одном... Ты видишь эту пальму? В моем возрасте несолидно взбираться на нее. Окажи мне дружескую услугу и сам сооруди на ней петлю. Тем более, что ты потрудишься для себя.

— О, сэр, умоляю вас!

— Встать! — резко и визгливо крикнул Курц.

Гарри, словно подброшенный пружиной, вскочил на ноги.

— Принеси из машины веревку! — жестко приказал Курц. И вдруг словно что-то произошло с Гарри: он перестал скулить, выпрямился во весь свой маленький рост и сжал кулаки.

— Я не знал, сэр, что вы и полицейский, и палач! Ты, Курц, такой же негодяй, как и Бергофф и Дорт. Вы все трое — последние негодяи... Будьте ж вы прокляты! Я знаю теперь, что не все равно, кем умирать, и я хочу две секунды побыть на земле человеком!

Гарри с разбегу что было силы всем своим легким телом ударил Курца в бок. От неожиданности изумленный Курц потерял равновесие, свалился с камня и едва не сорвался в пропасть. Лишь у

самого края он успел ухватиться за скалу и этим спас себя от гибели.

Минутный испуг перешел в ярость: он схватил Гарри обеими руками, оторвал его от себя, потряс над головой и отшвырнул далеко прочь. Словно крылья игрушечной мельницы, перевернулась маленькая фигурка и исчезла за краем обрыва. Курц неторопливо сел в машину и запустил мотор...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На Пито-Као далеко не спокойно!

1

Выл поздний час, но Хоутону не спалось...

Услышав стук в окно, он не удивился — это Мелони. Уже целый месяц они вдвоем с увлечением изучают фотоальбомы, книги, различные приборы, найденные в межпланетном корабле.

Накинув халат и плотнее задернув шторы, Хоутон пошел открывать дверь.

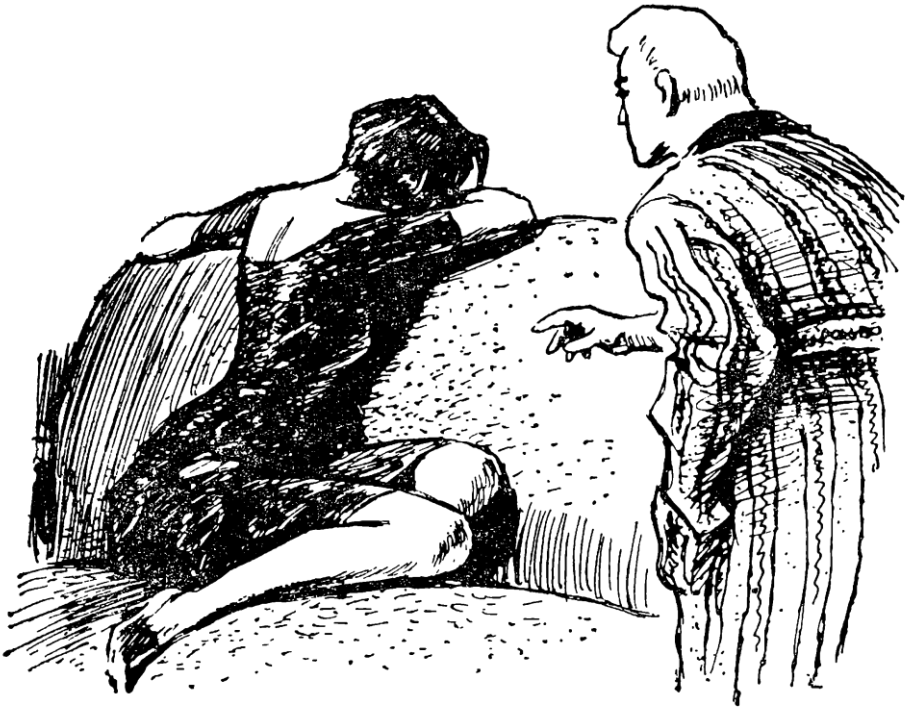
— Паола?!

— Я не могу, Боб, мне жутко оставаться одной! — глаза итальянки умоляюще смотрели на журналиста.

Сняв плащ, она кинула его на спинку кресла и, пугливо озираясь, села на диван.

— Что случилось, Паола?

Она хотела ответить, но губы ее дрогнули, тонкие брови приподнялись, и молодая женщина истерически разрыдалась. Боб смущенно присел рядом, нерешительно обнял ее за плечи и молча ожидал, пока пройдет нервный приступ.



— Ну, расскажи мне, Паола, — нежно произнес он, когда женщина несколько успокоилась, — что у тебя на сердце? Кто обидел?

— Надо мной производили опыты... — чуть слышно сказала Паола и, заметив недоумение на лице журналиста, жестом попросила не прерывать ее и быстро-быстро заговорила.

Слушая ее, Боб встал с дивана и размашисто зашагал по комнате.

— Но самое страшное не в том, — продолжала Паола. — Они, точнее, Дорт готовят новое смертельное бактериологическое оружие...

— Подумай, что ты говоришь, Паола!

— Я слышала все своими ушами. Сам господь надоумил меня...

— Паола, опомнись!

— Дорт нашел здесь неизвестную, ужасную болезнь и собирается начинять бациллами бомбы; он сказал это сам... Он мечтает нажиться на торговле таким оружием. Ему нужна война!..

— Неизвестная болезнь?.. Неужели это арпел? — воскликнул Боб.

— Не понимаю тебя.

— Я объясню потом, Паола. Немец действует в одиночку?

— А «гости»? Ты думаешь, они приехали повеселиться? Дорт заключает с ними договоры...

Боб продолжал ходить по комнате, крепко обхватив себя руками. Он не мог не верить Паоле, да и сам понимал, что от таких людей, как Бергофф и Дорт, можно ожидать всего.

Хоутон невольно вспомнил свой очерк о Пито-Као и разговор с Мелони... Выходит, он повесил шелковый занавес, чтобы люди не видели, какое преступление против них готовят Бергофф и Дорт. Мелони оказался прав! Сегодня Боб накормил свою мать, а завтра она станет жертвой новой войны, и он, Хоутон, будет ее убийцей!

За стеной что-то стукнуло. Боб сделал знак Паоле молчать и пошел в другую комнату: приехал Пирс.

— Получена почта, Монти, — сказал ему Боб. — Я положил ее на ваш стол.

Монти кивнул.

— Желаю вам выиграть сто тысяч, — пожелал Боб. — А я пойду спать. Зачитался интересной книгой...

Монти не ответил. Боб вернулся к себе и запер дверь на крючок.

— Теперь нам нельзя здесь оставаться, — шепнул он Паоле. — Идем через веранду... Только тише...

Лишь отойдя от дома шагов на сорок, Боб заговорил снова.

— Как быть? — развел он руками. — То, о чем ты рассказала, чудовищно!

— Боб, надо, чтобы все узнали о Дорте...

— Я уже отправил в газету материал, который привлечет к Пито-Као внимание всего мира, если, конечно, редактор поверит мне и опубликует!.. Но такое... правду о Дорте никто не станет печатать. Я боюсь еще и другого: а что, если они тайно пустят в ход свои бомбы уже завтра или послезавтра? Мы так отрезаны от всего мира, что я не вижу способа немедленно предупредить людей... Только немедленно! Мы не знаем до конца планов Дорта... Ведь в таком положении нельзя медлить! Надо его опередить! Но, как?

— А если... радио?

— Да-да... именно радио! Мелони дружит с радистом. Радист любит ром... Именно радио!

— Только береги себя, Боб!

— Конечно, Паола... Да никому и в голову не придет подслушивать! Я почти не вижу риска. Иди, Паола, боюсь, Бергофф заметит твое отсутствие...

Хоутон простился с итальянкой и поспешил к себе. Едва он прикоснулся к перилам веранды, как в доме раздался выстрел. Боб невольно отдернул руку и вбежал в комнату соседа.

Пирс лежал на полу лицом кверху. На его правом виске виднелось маленькое отверстие, из которого сочилась кровь. Около ноги валялся пистолет. Боб наклонился: Монти был мертв.

На столе в беспорядке валялись лотерейные билеты, письма, газеты. Одно из писем раскрыто. Боб взял его:

«Многоуважаемый мистер Монти Пирс!

Мы получили Ваш лотерейный билет за № 0013727 и с прискорбием сообщаем Вам, что в опубликованной по радио таблице выигрышей допущена ошибка. Выигрыш в сто тысяч

долларов пал на № 0013721... О том, что Вы подделали свой билет, мы не напоминаем, полагая, что Вы сами понимаете теперь, что произошло. Увы, сэр, поспешность не всегда приводит к положительному результату...

Скорбим вместе с Вами, дорогой сэр, но выражаем надежду, что эта небольшая оплошность будет стойко перенесена Вами, ибо все, что ни делается в мире, совершается по воля божьей!..»

Газета оказалась свежей, и Боб прочел в ней сенсационное сообщение, набранное крупным шрифтом:

«... Ходят слухи, будто устроители лотереи, изобретательные отцы нашей церкви, совершили трюк, достойный удивления потомков!..

Говорят, что билет за № 0013727 не был выпущен. Но радио „по ошибке“ сообщило, что 100 тысяч выиграл именно этот номер. Отцы нашей церкви показали себя превосходными психологами.

Дело в том, что билет за № 0013721 немедленно подделали, причем мастерски, как это официально подтвердили авторитетные эксперты: единица превращена в семерку! Выигравший билет испорчен и уже не подлежит оплате. Говорят, жертвой этой аферы стал некто Пирс, собственной рукой лишивший себя богатства...

Всего одна черточка — и справедливость восторжествовала. Круглая сумма осталась в кассе! Оказывается, не так легко провести за нос нашу святую церковь, и нельзя безнаказанно творить грехи там, где незримо присутствует сам дух господень.

Считаем своим долгом порадовать читателей: средства, полученные святой церковью от продажи билетов, пойдут на укрепление нашей веры и послужат делу дальнейшего духовного совершенствования верующей паствы!..»

Боб скомкал газету, швырнул ее на пол и еще раз взглянул на Пирса. Перешагнув через труп, Хоутон подошел к телефону.

2

Наутро новость облетела остров, но грустное событие вызвало лишь осуждение завсегдатаев кабачка Оскара, привыкших смотреть в лицо смерти и презирающих всякого, кто поднимает на себя руку.

Пирса похоронили вечером, а насмешник Буль собственноручно начертал эпитафию на могильном камне, навеки прижавшем неудачника Монти к чужой земле:

Мы с вами теперь не знакомы!..

Монти застрелился ночью, а утром Дорт вызвал Курца. Мучимый дурными предчувствиями, старый эсэсовец неохотно направился к патрону. Вот и кабинет Дорта, вот и он сам, а Курц все еще не придумал подходящего объяснения тому, что Пирс ушел от возмездия.

— Недурно вы устроили инсценировку самоубийства... — вдруг услышал Курц голос Дорта и вытянулся. — Я очень не хотел шума при устранении Пирса: этого пьяницу рабочие привыкли ежедневно видеть и на заводе, и в кабачке... Когда вы захотите, то действуете разумно.

Курц расправил плечи и преданно посмотрел в глаза Дорту.

— Если вы наконец совсем избавите меня от чужих ушей, я прощу вас. Идите...

Курц по-военному щелкнул каблуками и быстро вышел.

«Что было бы, — подумал он, — если бы люди никогда не ошибались?!

3

Весть о самоубийстве Монти Пирса развлекла Бергоффа и гостей, находившихся в эти дни в его доме. Но на одного из них выстрел Пирса произвел настолько сильное впечатление, что он около часа оставался в состоянии необычайной сосредоточенности. Это был Хент — долговязый детина, достойный отпрыск Джексона. Слоняясь по свету с туго набитой мошной, Хент после пребывания в Индии стал мистиком. Не находя ничего достойного в этой жизни, он уверовал в загробный мир и посвятил себя «проблеме» установления связи с душами умерших.

По заказам Хента на материке было изготовлено несколько приемопередаточных радиоустановок для общения с потусторонним миром. Но, то ли умершие оказались неразговорчивыми, то ли аппараты требовали каких-то доделок, до сих пор Хент улавливал только голоса живых. Не теряя надежды, он купил новую аппаратуру и теперь ожидал удобного случая, чтобы испытать эту, как его уверяли, абсолютно надежную установку.

«Самоубийство Пирса и есть такой удобный случай!.. Монти недавно покинул наш бренный мир и, вероятно, еще не отвык от земного общества, — подумал Хент. — Возможно, он окажется разговорчивее других покойников».

Хент извлек из багажа свой новый аппарат и стал готовиться к его испытаниям. В поздний час на пустынном океанском берегу вокруг него собралась компания: Джексон, Бергофф и Курц. Аппарат был установлен на открытом месте. Беззвучно произнеся про себя молитву и испросив всевышнего разрешения на эксперимент, Хент дрожащей рукой включил передатчик. В эфире понеслись слова:

— Говорит Хент... Монти Пирс, Монти Пирс! Если ты слышишь меня, то отзовись...

Ночь молчала. Тихо плескался океан, с шорохом перебирая прибрежную гальку, луна холодным светом озаряла упорного искателя мертвых душ. Монти Пирс не отзывался.

Курц вполголоса запел старую фривольную песенку, одну из тех, что морские ветры и сейчас разносят по портовым тавернам.

— Вы о чем-то думаете, Курц? — вполголоса спросил у него Бергофф.

— С вашего позволения, сэр... я думаю, что эта затея мистера Хента с аппаратом — чепуха! — признался Курц. — Да, сэр, чепуха! Я не одного отправил на тот свет и знаю, что это значит.

— Тихо, болван! — зашипел Бергофф и оттянул его за рукав в сторону от всей компании. — Нельзя быть таким бестактным.

Хент испробовал десятки волн и перешел с ультракоротких на короткие.

И вдруг... Остатки волос зашевелились на преждевременно лысеющей голове Хента. Прислушиваясь к прерывистому стрекотанию аппарата, Хент едва не лишился скудных остатков разума и не отправился сам «в гости к бедняге Монти». Из эфира, преодолевая трескотню и шум радиопомех, примчалась совсем неожиданная радиограмма:

«Люди мира! Берегитесь! Остров Пито-Као стал секретной базой... Требуйте расследования... немедленно... страшная болезнь... Не теряйте времени!»

Джексон, воткнувший перед тем в уши слуховые трубки, заинтересовался ритмичным писком.

— Что там? — спросил он. — Дай-ка ленту... Хент исполнил его просьбу.

— Так-с! — произнес старик, поднося к глазам бумагу, на которой аппарат автоматически записал радиограмму. Хент услужливо освещал ее карманным электрическим фонарем. — Гм! Скажи, пожалуйста... В самом деле, что-то написано...

«Люди мира! Берегитесь! Остров Пито-Као... Требуйте расследования...» Что? — вдруг заорал он так, что слуховые трубки едва не выскочили из его заросших седой щетиной ушей. — В какую авантюру меня втянули?

Бергофф рывком выхватил у него ленту и прочел текст таинственной радиограммы. Он повернулся к Курцу и понял, что немец тоже прочел ее.

— Ну? — хрипло спросил Бергофф. — Кто?

— Я перерою весь остров, но найду его, шеф, — глотая слюну, ответил Курц.

— О какой секретной базе здесь идет речь? — нахмурясь, спросил Джексон.

— Понятия не имею, — пожал плечами Бергофф. — Вероятно, есть какой-то другой остров с таким же названием.

— Мы с вами говорили как честные бизнесмены, — резко бросил Джексон. — Я верил вам... Но сейчас я вижу, что вы многого недоговорили, а риск, которому я подвергаюсь, превышает доходы, обещанные мне в нашем соглашении. Я покидаю вас и оставляю за собой право расторгнуть договор или заключить его на новых, более приемлемых для меня условиях! — И, повернувшись к сыну, почти крикнул: — Собирайся, дармоед! Я прощаю твою глупость только потому, что она хоть раз случайно уберегла меня от убытков.

— Мистер Джексон, — неуверенно попытался удержать его Бергофф. — Я не сомневаюсь, что это недоразумение... Все уладится...

— У меня достаточно денег, чтобы вкладывать их только наверняка, — отрезал старик. — А здесь, на Пито-Као, далеко не спокойно!

4

В противоположность Джексону Стоутмен отнесся к радиограмме более спокойно.

— Занимаясь подобными делами, — сказал он Бергоффу, — следует быть осторожным. Проверьте своих людей: в этой коробке, — он указал рукой в сторону крабоконсервного завода, — завелась моль. Советую не жалеть нафталина...

Дорту же он высказал свое мнение об их новом «бизнесе» откровенно:

— Я считаю, что теперь время, мой любезный друг, очень подорожало для нас с вами! Боюсь, что, если в течение месяца вам не удастся найти «противоядие», будет поздно... Если радиограмму перехватят и предадут огласке, вашу голову не примет в заклад ни одно страховое бюро!

Дорт промолчал. В эту ночь он включил рацию с намерением дать Сардову указание действовать ва-банк, но Сардов не отвечал.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Продувка» неизвестного микроба

1

В металлических гильзах оказались стеклянные ампулы. В одной из них — кусочек ткани, взятый от мумифицированного трупа, найденного на острове Статуй. Об этом было написано на клочке бумаги, вложенном в гильзу.

В качестве эксперта пригласили профессора Николая Александровича Дарсушева. Его электронно-счетная установка

«Санус» для комплексного микробиологического исследования была уже готова и проходила испытания.

— Лучшего «пробного камня», чем эта ткань, и не придумать для нашего «Сануса», — сказал Нине Николай Александрович. — Завтра же приступим к опытам... А вот вторая ампула загадочнее...

На донышке второй запаянной стеклянной трубки лежала щепоть какой-то пыльцы. И никаких указаний на то, чтобы это могло быть!

— Микробы? — предположил Рязанов.

— Вероятно, нет.

Нина привезла в Ростов-на-Дону все рукописи своего деда, и профессор Дарсушев внимательно перечитывал каждую строку. Разгадка тайны второй ампулы была найдена в дневниковых записях.

— Послушайте, ведь это очень просто, — убежденно сказал профессор Нине и Рязанову. — Вспомните: во время эпидемии на острове Статуй туземцы соседнего острова («пожиратели водорослей», помните?) остались живы!.. Не в «Белой розе» ли весь секрет? И неспроста, знаете, Павел Александрович так подробно описал ее... А ведь с точки зрения антибиотических свойств мы и сейчас мало знаем водоросли...

— Значит, по-вашему, — осторожно спросил Рязанов, — во второй ампуле находятся...

— Совершенно верно: споры водоросли «Белая роза»!

— Это правдоподобно, — согласился Рязанов.

— Николай Александрович, — предложила Нина, — давайте проверим «Белую розу» как лечебное средство!

— Много нужно времени для этого, профессор? — прервал Рязанов.

— Да нет, не очень. Все дело в том, не потеряли ли своей жизненной силы споры и как долго будет расти сама водоросль.

— Где, по-вашему, можно попробовать вырастить «Белую розу»?

— Я считаю, что на Черноморском побережье, скажем в районе Адлера, можно создать благоприятные условия для развития спор... Неплохо бы Нине Константиновне самой съездить туда и начать переговоры с ботаниками.

Тверская приехала в Адлер и поселилась почти у самого моря. А некоторое время спустя на Адлерской экспериментальной ботанической станции была большая радость: споры, находившиеся более полувека в запаянной ампуле, стали развиваться...

Когда появились первые экземпляры водоросли, ботаники заявили, что этот вид встречается в нескольких местах Тихого океана, что «Белая роза» еще мало изучена, хотя у нее давно есть длинное латинское наименование, что, извлеченная из воды, она быстро гибнет. Удивление, вызванное ею у Павла Александровича Тверского, объяснялось тем, что он был врачом, а не ботаником.

Тогда по просьбе Дарсушева Нина уговорила приехать в Адлер профессора Русанова.

Русанов произвел несколько химических анализов водоросли и вызвал из Ростова Дарсушева.

— Милейший Николай Александрович, — сказал он Дарсушеву, — я полагаю, что «Белая роза» — настоящий клад для вас! В ней содержатся такие вещества, что вы в скором времени шутя будете расправляться даже с проказой. Прошу вас, ознакомьтесь с предварительными результатами.

— Я знаю их, — с нарочитой беспечностью ответил Николай Александрович.

— Не понимаю вас.

— Анализ водоросли у меня в кармане!

— В таком случае я не вижу повода вызывать меня из Москвы, отрывать от дела и вообще... Я вышел из юного возраста...

Русанов с раздражением отбросил бумаги и встал. Он был глубоко обижен.

— Вам вредно волноваться, — сказал Дарсушев.

— Ну, знаете ли, это слишком!

— Да вы успокойтесь: никто другой, кроме вас, не производил анализа «Белой розы» ...

— Почему же вы утверждаете, что знаете результат?

— Просто предугадал... Вот, прошу прочесть...

Русанов взял из рук Дарсушева листок и прочел.

— Откуда это у вас? — возбужденно спросил он.

— Вам же известно, что, судя по всему, в «Белой розе» могли или должны были быть вещества, исцеляющие загадочную болезнь с острова Статуй?

— Да, да, говорите! — взволнованно воскликнул Русанов. — Я начинаю понимать! Говорите же!!

— С помощью «Сануса» мне удалось оживить возбудитель...

— Уже?!

— ... изучить его. «Санус» продиктовал мне также состав исцеляющего препарата, и я...

— Да замолчите же! Предположение оказалось верным: мой анализ схож с вашим! Коллега, поздравляю вас, от души поздравляю... Ваша машина начинает свою жизнь с научных открытий!

Со слезами радости на глазах они хлопали друг друга по плечу, до боли стискивали руки и смеялись на всю лабораторию.

— Я помолодел сегодня на двадцать лет, — едва дыша, произнес Русанов. — Теперь понятно, почему не все погибли от болезни в районе острова Статуй: «Белая роза» оказалась

спасительницей... Но между моим анализом и данными «Сануса» все же имеются некоторые расхождения...

— Это неизбежно, — прервал Дарсушев. — Ведь в «Белой розе» много и других веществ, необязательных для исцеления болезни, в то время как «Санус» требует лишь самое необходимое. Все же мне хочется тщательно сравнить оба результата: нет ли где ошибки?

— Если так, — сказал Русанов, — то давайте с предельной точностью повторим анализы вдвоем.

2

На итоговый опыт Дарсушев пригласил Нину и Рязанова в свою лабораторию в Ростове-на-Дону.

— Главное уже в наших руках, — сказал он. — Еще немного — и мы разгадаем тайну Пито-Као... Пройдемте в лабораторию...

Центральное место в новой экспериментальной лаборатории Дарсушева занимал сложный аппарат, точнее, целый автоматический комбинат, представляющий собой просторную камеру из толстых прозрачных плит органического стекла.

К левой стороне камеры примкнуты дополнительные «карманы» для подопытных животных. В прорези правой стенки вставлены «изоляторы» — небольшие плексигласовые ящики, куда попадает материал по окончании опытов. Ящики снабжены герметическими крышками. В верхнюю стенку камеры вмонтированы два микроскопа, из которых один может подсоединяться к киноаппарату. Все устройство рассчитано на опыты с самыми опасными микробами. Для большей безопасности по окончании опыта включается специальный стерилизующий облучатель, убивающий микробы.

Николай Александрович, любивший авиационные сравнения, назвал эту камеру аэродинамической трубой.

— По сути дела, — говорил он, — мы как бы «продуваем» в аппарате микроб или вирус и, получив исчерпывающие данные о нем, отправляем его на кладбище.

Остальным это сравнение понравилось, и опыты стали называть продувкой.

Нина и Рязанов впервые познакомились с новой лабораторией и не скрывали своего восхищения.

— У вас автоматики не меньше, чем в самолете, — заметил Алексей.

— Да, — улыбнулся Дарсушев и указал на стену: — А вот экран рентгеноаппарата, он вынесен отдельно для удобства работы; есть особый стетоскоп с радиоусилителем. Ну что ж, начнем. — Он повернулся к лаборантке: — Несите кролика.

Взглянув на часы, профессор открыл дверцу, осторожно укрепил ящик с кроликом на ленточном транспортере и наглухо закрыл «аэродинамическую трубу».

— В предстоящем опыте, — сказал Дарсушев Рязанову, — по моим предположениям, мы должны увидеть пока неизвестный нам возбудитель «во всей его красе» ...

Тихо застрекотал киноаппарат, в зале погас верхний свет, камера освещалась теперь только боковыми бестеневыми лампами.

Рязанов и Нина смотрели, как тонкая длинная игла с помощью манипулятора, которым управлял Дарсушев, плавно приблизилась к уху кролика, нацелилась и на секунду впилась в одну из розовых ниточек. Зверек вздрогнул. Ритмичные звуки участились, и на экране рентгеноаппарата было видно, как крохотная струйка жидкости толчком вошла в кровеносную систему зверька. Игла неторопливо вернулась на место.

Затем Дарсушев включил особую электронную установку, и на пульте управления осветилась шкала, которой Рязанов сначала не заметил. Стрелка стояла на нуле.

— Это ново и для микробиологов, — пояснил профессор. — Электронное устройство дает нам возможность, не прибегая к микроскопу и анализам, определить, проникли в тело больного микробы или нет, и даже узнать, в каком количестве.

— Но почему же тогда стрелка стоит на нуле? — удивился Рязанов.

— Разве на нуле?

Алексей еще раз посмотрел на шкалу электронного устройства: стрелка отклонилась на несколько малых делений. Теперь он не спускал с нее глаз и увидел, как стрелка все больше отодвигалась вправо, а когда она достигла красной черты, коротко прозвенел звонок. Лента транспортера тотчас пришла в движение и передвинула ящик с кроликом в глубь аппарата. Лаборантка осветила маленькой лампочкой с рефлектором свой столик и приступила к записям.

Конечности зверька конвульсивно задергались, пульс, слышимый всеми, резко участился. Четверть часа спустя тело кролика покрылось бугорками, заметными даже под густой шерсткой.

Николай Александрович снова взялся за рычаги манипулятора, и сверху опять опустился шприц, но теперь уже пустой. Игла впилась в один из бугорков, и шприц заполнился темной жидкостью.

Зверек тяжело дышал, температура его повысилась, шерсть в пораженных местах заметно поредела. Пульс участился еще больше, но звучал тише. Вскоре кожа на спинке кролика лопнула, и выступили капли густой крови. Бугорки превращались в гнойные язвы...

В воображении Алексея невольно возникла трагическая картина: где-то в городах и селах вспыхивает эпидемия. Люди от мала до велика гибнут, охваченные ужасом, беззащитные перед невидимым врагом. Останавливаются заводы и фабрики, транспорт, по мирным полям гуляет отравленный ветер.

Нет! Этого не должно быть, этого никогда не будет! Никто не имеет права допустить подобное! Он прислушался к разговору профессора и его ассистентки.

— Практически никакого инкубационного периода!

— Поразительно... Напоминает действие яда.

— Это что-то совершенно необычное и пока... непонятное для меня.

В тишине громко прозвучал звонок, и лента транспортера передвинула погибающего кролика в отсек, который Рязанов мысленно назвал главным — так много было здесь различных приборов, кнопок управления, тумблеров и агрегатов.

Алексей не ошибся. Дарсушев взволнованно и даже чуть-чуть торжественно сказал:

— Это и есть наш «Санус». Более ста человек трудились целый год, прежде чем удалось оснастить нашу лабораторию этой электронно-счетной машиной! На микробе с Пито-Као и состоялось ее «боевое крещение». Рязанов понимающе кивнул.

— В принципе идея «Сануса» проста, — продолжал Дарсушев. — С помощью различных технических средств в машине происходит изучение всех свойств того или иного возбудителя. Каждое свойство микроба передается в запоминающее устройство, где оно сравнивается с теми особенностями других микробов, что уже «записаны» там. После автоматического отбора сравниваемых свойств происходит классификация и определение микроба. Пока мы с вами разговариваем сейчас, «Санус» занят как раз таким определением. Но если у микробиолога на все анализы и сравнения уходят недели и месяцы, то «Санусу» достаточно сотых, тысячных и даже миллионных долей секунды! Зная, какими средствами мы располагаем, «Санус» советует нам состав препарата, убивающего заданный микроб.

— Но для этого «Санус» должен многое знать?

— Совершенно, верно. В идеале он обязан знать все, что уже известно человечеству в области микробиологии, биохимии и некоторых смежных наук. Но наш «Санус» еще молод, и мы не успели вложить в его запоминающее устройство все имеющиеся знания. Ведь он не добывает новых знаний, а только хранит их и путем многократного сравнения различных данных помогает нам решать подчас сложные задачи. Пройдет некоторое время, и «Санус» будет почти совсем точным.

— А сегодня он не ошибется?

— Посмотрим. Мы вырастили «Белую розу», а потом передали в запоминающее устройство «Сануса» точный химический состав водоросли...

— Николай Александрович, — прервала их разговор ассистентка, — «Санус» считает, что препарат из «Белой розы» можно улучшить.

Рязанов посмотрел на лаборантку и перевел взгляд на электронную машину. «Санус» считает... советует... — вертелось у него в голове.

— А что он предлагает? — спросил Дарсушев.

— Добавить к составу «Белой розы» всего один элемент... — с этими словами ассистентка передала профессору узкую бумажную ленту с мелкими буквами и цифрами.

— Ну что ж, дайте команду действовать. Я согласен с ним.

— Однако кролик вот-вот умрет... А надо еще приготовить исцеляющий препарат... — вмешалась Нина.

В эту секунду на пульте электронной машины вспыхнула зеленая лампочка.

— Препарат готов, — сказал Дарсушев. — В «Санусе» имеется и автоматическая аптека. Простите, остальное придется делать мне самому.

Профессор опять подошел к рычагам манипулятора, и вскоре Рязанов увидел, как узкий металлический шприц

приблизился к кролику и под кожу был введен исцеляющий препарат.

Тело зверька все еще казалось трупом, но в лаборатории уже послышались мерные удары: сердце кролика вновь подавало признаки жизни. Постепенно восстановилось дыхание. Стрелка на шкале электронного устройства отодвинулась влево; количество микробов стало уменьшаться — в организме кролика началась ожесточенная война.

Нина наклонилась к тетради и, погруженная в свои размышления, что-то торопливо записала.

— До выздоровления — несколько дней, может быть, неделя-две, — сказал Дарсушев, — но я с уверенностью могу заявить: и этот возбудитель уже нам не опасен — мы знаем верное средство спасения от него. Но более страшной болезни я еще не видел! Конечно, у кролика реакция происходит быстрее и сильнее. Но и человеку несдобровать, если...

— Что вы посоветуете на будущее, профессор?

— Мне еще не ясно происхождение возбудителя. Странно, как до сих пор ему удалось «оставаться в неизвестности». Очень серьезная для меня загадка! Надо посоветоваться с коллегами.

— А до тех пор?

— Я вас понимаю, товарищ Рязанов. Возбудитель нам пока нужен, и его уничтожать нельзя.

— Вам же известно, что за ним охотились и... могут повторить попытку...

— В «Санусе» есть и надежная «кладовая»: даже если произойдет землетрясение, особые лучи убьют все микробы мгновенно. Не бойтесь, мы предусматриваем все!

— Хорошо, профессор.

Алексей крепко пожал всем руки и ушел.

Полтора часа спустя первым попутным самолетом Рязанов вылетел из Ростова-на-Дону в Москву для доклада полковнику Козлову.

— Ваш приезд очень кстати, — сказал полковник, выслушав Рязанова. — О том, что на Пито-Као готовится одно из самых опасных преступлений против человечества, есть еще один документ. В Тихом океане, примерно в тысяче километров от Пито-Као, недавно находился наш экспедиционный корабль «Армения» ... Вот сообщение капитана. Рязанов взял протянутую ему бумагу и прочел:

«Сегодня ночью принята странная радиограмма. Передача велась на короткой волне при отвратительной слышимости, которую усугубляли частые грозовые разряды. Запеленговать передатчик не удалось. Прилагаю текст радиограммы.

„Люди мира... Берегитесь... Пито-Као стал... базой... требуйте расследования немедленно... страшная болезнь... Дорт мечтает... Не теряйте времени!..“

Капитан „Армении“.»

— Пито-Као! Дорт! — воскликнул Рязанов.

— У меня в столе уже выросло целое генеалогическое древо этих Дортов, — сказал Козлов. — «Деревце» в общем неплохое, да вот последний плод гнилой — с гитлеровской начинкой. «Ваш» Эмиль Дорт был действительно одним из лучших в Германии укратителей и охотников (немцы мастера в этих делах). А его единственный сын Густав стал преступником.

Козлов рассказал Рязанову о личности Густава Дорта, его карьере, судимости и «помиловании».

— После тюрьмы следы Дорта-микробиолога затерялись, но мы уже знаем, где он; знаем также, что именно Дорт послал Сардова, хотя тот и скрыл от нас имя своего хозяина.

— Все остальное мне понятно, товарищ полковник.

— Теперь, имея перехваченную радиограмму, мы сможем скорее привлечь внимание мировой общественности к

«рыбной компании» и начать борьбу, — сказал Козлов. — Но почему все-таки... эта страшная болезнь оказалась только на Пито-Као?..

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«Космонавты в Тихом океане!»

1

За два года Дорт хорошо изучил своего компаньона, знал его слабости и отдавал должное его таланту крупного дельца. Но сам оставался для Бергоффа неразгаданным. Радиограмма, случайно перехваченная Хентом, раскрыла глаза Бергоффу: он понял, что Дорт скрывает от него нечто очень значительное, лишь прикрывается вывеской фирмы «Бергофф и К°», заботится только о своих барышах в будущем.

Отношения между компаньонами испортились. Страх обуял Бергоффа: если радиограмма принята на материке и попадет в газеты — доброе имя фирмы пропало, прибыли, как по мановению волшебной палочки, превратятся в убытки!

Неделю Бергофф прослушивал чуть ли не все радиостанции мира и просматривал газеты. «Слава богу! — мысленно восклицал он. — Все тихо... Надо сказать Хоутону, чтобы он ничего больше не посылал в свою газету. Молчание о Пито-Као сейчас дороже золота...»

Но именно в этот день, когда Бергофф облегченно вздохнул, ему принесли корреспонденцию Хоутона. Секретарь вошел в кабинет Бергоффа в такой растерянности, что осмелился обратиться первым:

— Сэр...

— Я вас не звал, — буркнул Бергофф.

— Это очень прискорбно, сэр, но я... Если вы позволите... Прошу прощения, сэр...

— Что у вас в руках?

— О сэр! Необычайно! Соблаговолите прочесть, сэр, и вы сами...

— Да расскажите толком, черт бы вас побрал!

— Я не уверен, что вы поверите мне, сэр.

— Можно подумать, — проворчал Бергофф, — будто я когда-либо верил газетам... Ну, давайте, что вы там такое принесли?

Приняв пачку газет, Бергофф пробежал взглядом первую из них и уже не мог оторваться от пестро сверстанной полосы с броским, ярким заголовком:

КОСМОНАВТЫ В ТИХОМ ОКЕАНЕ!!!
НАХОДКА НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА
МИСТЕРА ХОУТОНА НА ОСТРОВЕ ПИТО-КАО!!

САМОЕ СЕНСАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ XX ВЕКА!
ЧИТАЛИ ЛИ ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ПОДОБНОЕ?..

Чело магната покрылось испариной.

Постоянный рост числа наших подписчиков, — писала редакция, — позволивший нам в этом году утроить тираж, является несомненным свидетельством их доверия, которым мы дорожим больше всего, и поэтому не посмели бы публиковать материалы, не являющиеся абсолютно достоверными.

Напомним читателю, что под давлением общественности мы направили своего сотрудника мистера Хоутона на Пито-Као с целью подвергнуть тщательному обследованию предприятия достоуважаемого мистера Бергоффа и сам остров. Свою миссию наш сотрудник, как уже известно читателям, выполнил блестяще и доказал, что остров Пито-Као является одним из самых очаровательных и здоровых уголков на свете, а

консервированные крабы «Бергофф и К°» — самыми дешевыми, питательными и приятными на вкус.

Однако мистер Хоутон все еще не спешит покидать хотя и прекрасный, но далекий от дома край... Два часа назад мы узнали, чем был занят самый удачливый журналист в мире... Не сомневаемся, что читатель не посетует за краткую задержку выхода этого номера, связанную с переверсткой полос.

Считаем также своим долгом напомнить, что имя Боба Хоутона, несмотря на его молодость, давно пользуется глубоким уважением как в журналистских кругах, так и среди наших подписчиков. Этот молодой человек, как известно, соединяет в себе острую проницательность с отвагой и смелостью сравнений, а трезвость — с неизменной скромностью в личной жизни и редкостным даром литератора. Даже в самых своих необычных корреспонденциях Боб всегда придерживается своего излюбленного принципа «Служить только Его Правдоподобию!..»

Дойдя до этого места, Бергофф потемнел от злости и, стукнув кулаком по газете, прорычал:

— Трезвость... скромность... проницательность!!! Я его в пор-р-рошок сотру!..

— Я вам нужен, сэр?

— Что? Вон, проходимец!

— Слушаюсь, сэр... — Пораженный секретарь словно провалился сквозь землю.

Пито-Као, от вашего корреспондента, — читал Бергофф. — В глухом районе острова обнаружен межпланетный корабль, некогда погребенный под обломками скал, вероятно в результате землетрясения.

Межпланетный корабль был впервые замечен туземцем, аборигеном соседнего острова, Мауки. В отсеках огромного межзвездного корабля находятся приборы и механизмы, назначение коих мне неизвестно. Носовая часть снаряда,

смята, значительные повреждения имеются и в левом борту. Следует предположить катастрофу в момент или после приземления. В центральном отсеке находится скелет человека, отличающийся удлиненностью и несколько своеобразным строением черепа.

В отсеках имеются также фотоальбомы, книги на неизвестном языке и узкие ленты из пластмассы. На одной фотографии отчетливо изображены улицы странного города.

Не могу не привести поразительной сценки. Пока Мелони рассматривал скелет космонавта, я, расположив удобнее фонарик, принялся за фотографии. И вдруг я почувствовал (не услышал, заметьте, а именно почувствовал!), как где-то в моей голове рождается дивная мелодия.

Я не отношу себя к числу трусов, но согласитесь, что это «производит авторитет», как любит говорить наша отчаянная Мод. Перевернув страницу с изображением далекого пейзажа, я уткнулся в фотографию неведомого красивого города, и тотчас же спокойная мелодия сменилась в моей голове более живой и ритмичной. Спокойствие улетело от меня, как папиросный дым на ураганном ветру.

— Док! — заорал я. — Бросайте к черту свои погремушки и ступайте сюда на выручку...

— Сию минуту, Боб, — рассеянно ответил Мелони. — Да, разумеется, я, кажется, начинаю понимать... Вы сказали «на выручку»? Ах, на выручку! Что с вами, мой друг?

Мгновение спустя Мелони наклонился надо мной и заботливо посмотрел мне в глаза.

— Док, я чувствую, как во мне играет музыка. Мелони обеспокоенно ощупал мой живот.

— Не там, док, — простонал я, — а вот здесь, — и я постучал пальцем по своей несчастной голове, не так давно бывшей моей единственной надеждой и оплотом будущего.

— Мужайтесь, Боб. Столько впечатлений могут заставить буксовать и не такую молодую машину, как ваша. По счастью, в моем чемоданчике имеется толика брома...

— К черту вашу касторку, док!

— Я сказал «бром», мой друг.

— Приберегите его для себя и внимательно всмотритесь в одну из этих фотографий.

Я услужливо подсунул ему альбом и, дрожа от нетерпения наблюдал. Не прошло и минуты, как Мелони, охваченный всепожирающим любопытством, вцепился в альбом, точно кто-то пытался отнять его, и стал перелистывать, подолгу всматриваясь в фотографии. Невольная улыбка появилась на лице старого врача, каким-то необъяснимым торжеством засветились его глаза. Вскоре он стал мерно раскачиваться, точно кобра под звуки околдовывающей свирели.

Мне стало так нехорошо, будто я, по меньшей мере, проглотил холодильник, — у меня стыли даже кончики пальцев.

— Док, где вы храните бром?

— Не шевелитесь, Боб. Спокойствие — признак мудрости, говорили древние. Я начинаю понимать и это, мой друг. Бром здесь ни при чем. Все дело в высочайшем уровне науки! Думаю, что к этому эпизоду еще придется возвратиться, а пока продолжу свое описание.

Итак, откуда-то они прилетели! Не с того же света! Книги и рукописи были на незнакомом языке, а фотографии давали мало пищи для размышления и уйму — для воображения. И тут пришли на помощь сами Посланцы Неба. Да-да! Пусть читателя не смущают мои слова. Дело в том, что в центральном отсеке мы обнаружили прочный сейф, открыть который могла бы даже наша простодушная стенографисточка Мод, руководствуясь рисунком, выгравированным на крышке. В этом сейфе и хранятся те несметные богатства, которые астронавты везли

к нам на Землю в качестве великодушного дара от народов своей планеты!..

Мы нашли в сейфе азбуку, затем словарь неведомого нам языка, простейший и совершеннейший во вселенной самоучитель того языка, основанный на применении радио, кино и выразительной, до предела упрощенной и ясной мультипликационной графики.

Отдаю должное своему талантливому другу мистеру Мелони, принявшему в наших изысканиях активное участие. Вдвоем мы научились пользоваться самоучителем и в сравнительно короткий срок освоили, правда, в самом необходимом объеме новый для нас язык.

Настал день, когда мы смогли наконец перейти к «чтению» корабельного журнала!

Объясню, как проводится такое «чтение» ... В центральном отсеке на стене имеется экран размером один на полтора метра. В проекционный аппарат, расположенный сбоку, в толстой рамке экрана, вставляется кассета с микрокинопленкой. Позади экрана — система электромагнитных зеркал, с помощью которых все излучения (особых лучей, но не световых), проходящие сквозь пленку, направляются на экран.

На экране же мы видим и читаем дневник путешественников, а голос диктора отчетливо и не торопясь дублирует титры.

Сама же «кинопленка», как мы ее назвали для удобства, является совершенно черной и светонепроницаемой. Порвать ее трудно. Она не горит, не ломается и не растворяется в кислотах.

Движение пленки в аппарате медленное, а площадь «кадра» предположительно составляет не больше сотой доли квадратного миллиметра.

Итак, мы с Мелони и Мауки расположились перед экраном и занялись «чтением» дневника посланцев другого мира. Вначале мы увидели отдельные участки Мироздания: какие-то

звезды и спиральные и чечевицеобразные туманности. Они проплывали перед нами на фоне вечно черного неба вселенной.

Спешу оговориться: чернота эта имеет довольно заметный зеленоватый оттенок. Что же касается звезд, то они почему-то меняли свой цвет: вот мы видим, как на нас мчится фиолетовая звезда, а уходя вдаль, куда-то «назад», она становится почти красной...

Вскоре нашему вниманию была представлена колоссальная звездная система с разных точек зрения и на разных удалениях. Чем ближе придвигался к ней объектив съемочного аппарата, тем больше в нас росло волнение и напряжение.

Мы сидели почти не дыша, стараясь вникнуть в смысл того, во что нас, несомненно, желали посвятить. Мы поняли, что демонстрировавшиеся нам кадры были засняты в разное время. Позже мы убедились: весь этот дневник был остроумно и тщательно смонтированным фильмом.

— Это наша Галактика! Взволнованно вскричал Мелони, указывая на экран, где уже появилось наше Солнце и планеты нашей Солнечной системы.

Тонкая белая стрелка, вспыхнувшая на экране, указала на одну из светлых точек, и голос диктора произнес первые слова: «Пито-Као... Это ваш мир...»

— Я понимаю, кажется, — задумчиво сказал Мелони. — Они не знают названия нашей планеты, им известно лишь название этого острова, и они условно называют так Землю.

— Пожалуй, это верно, — согласился я.

Между тем на экране наша Солнечная система стала удаляться, и в другой части Галактики мы увидели незнакомую нам «солнечную систему». Вокруг огромной звезды — «Солнца» — вращались по орбитам одиннадцать планет. На пятой из них (считая от центрального светила) застыло острие стрелки, и мягкий звучный голос произнес: «Гаяна. Наш мир!»

Теперь стало ясно: эти астронавты были жителями не Марса, как мы думали раньше, а даже иной планетной системы. Они были жителями неведомой нам доселе планеты Гаяна!

Как бы в подтверждение этой догадки, стрелка отделилась от крошечной точки, обозначавшей Гаяну, и оставляя на экране яркий голубой след, стала описывать сложную линию полета межпланетного корабля, закончив ее уже в нашей Солнечной системе, в точке, соответствующей местоположению Земли.

«Мы — жители Гаяны, — сказал диктор. — Жизнь на нашей планете существует миллионы лет, но разумные существа появились только пятнадцать тысяч лет назад.

Историю Гаяны вы найдете в сейфе. Наука позволила нам увеличить продолжительность жизни каждого гаянца. Если раньше мы жили не более ста лет, то теперь — около пятисот... Долголетие позволило нам быстрее развивать науку и технику, потому что раньше продуктивная деятельность ученого прерывалась слишком рано.

Мы научились использовать энергию вселенной; мы научились получать новые металлы и пластические массы; мы владеем секретом скорости; мы думаем, что скоро уничтожим на Гаяне все болезни.

Мы не сомневались, что во вселенной существуют миры, подобные нашему, и стали обращать свои мысли к ним. Пришел день, когда Народный Совет Гаяны принял решение составить краткую энциклопедию наших знаний, предназначенную для жителей других миров. Если в том, другом. мире наука отстала от нашей, мы поможем быстрее догнать нас и сэкономить силы. Если же отстали мы, то чужой опыт поможет нам.

К этому времени был создан межпланетный корабль, который может двигаться практически вечно.

Если за те годы, которыми исчисляется срок жизни гаянцев, не удастся обнаружить обетованной планеты, корабль будет лететь дальше и без экипажа.

В этом случае автомат-искатель сам обнаружит заселенную планету по излучениям радиостанций. После обнаружения такой планеты корабль войдет в ее орбиту, автоматические счетчики определят ее массу и другие необходимые данные и зададут ту нужную скорость полета, которая превратит корабль в вечный спутник этой планеты, и он будет летать в пространстве до тех пор, пока жители ее не поймут, в чем дело.

Во время такого полета межпланетный корабль будет подавать радио — и световые позывные, чтобы привлечь к себе внимание.

Конечно, этот вариант приемлем, если организация жизни найденной планеты будет на достаточном уровне, чтобы снять с нашего корабля подарок гаянцев. Но в случае нужды наш корабль сумеет „подождать“ сколько угодно и, в конце концов, принесет кому-то несомненную пользу...

Когда Народный Совет Гаяны объявил о полете в космос, желающих лететь оказалось в тысячу раз больше, чем это было нужно.

Я счастлив, что в числе отобранных восьми гаянцев оказался и я, врач Мана...»

На экране наконец появился перед нами тот, чей голос мы слушали все это время Он был высок ростом, худощав, с удлиненным лицом, острым подбородком и умными черными глазами. Одет он был в простой, удобный костюм. Посмотрев на нас с экрана, он грустно улыбнулся и произнес: «Вот вы и познакомились со мной. А я, к сожалению, никогда не увижу вас, потому что меня уже не будет в живых. Однако не станем задерживаться из-за этого... Вот наш космодром...»

Мы увидели бетонированную пустыню, в центре которой высилось огромное веретенообразное тело космического корабля.

«Коротко ознакомлю вас с аппаратом, в котором нам предстояло провести всю свою жизнь и, может быть, умереть, — продолжал Мана. — Он состоит из шести частей. Корабль, как видите, составной. В носовой части — наш „штаб“, а в остальных — энергетическое и техническое хозяйство. Все части выполнены из материала, который служит источником энергии ракеты и будет постепенно расходоваться, конечно после того, как основное „горючее“ в баках подойдет к концу. К моменту нашей посадки корабль имел всего два отсека. Собственно, на движение мы израсходовали не более шести десятых всего запаса энергии. Примерно три десятых ушли на поддержание жизни экипажа, а остальное было „в запасе“.»

Затем перед нами чередовались на экране картины прощания, взлета и сценки из жизни экипажа в космическом полете. Здесь много комичного, поучительного, грустного.

На наших глазах космонавты старели: ведь их полет длился более сотни лет! Дневник, скомпонованный Маной, как бы спрессовал время. Затем перед нами развернулась одна из самых трагических глав описания их путешествия.

Вот она...

«Однажды меня разбудил начальник экспедиции Тот и взволнованно сказал: „Мана, Яр исчез! Вот его записка...“

Я быстро встал и пробежал глазами всего одну фразу: „Прощайте, друзья. У меня арпел...“

Это было ужасно! Арпел — одно из самых страшных заболеваний на Гаяне, от которого мы так еще и не обезопасили нашу планету. Инкубационный период арпела очень длительный и может тянуться десятки лет!

Мы приникли к люку — в межзвездном пространстве, совсем недалеко от нас, мы увидели застывший труп Яра.

Скафандр его был расстегнут; наш товарищ покончил с собой в надежде, что такая крайняя мера убережет нас от болезни...

Каким-то образом возбудитель арпела проник в наш корабль и, может быть, и сейчас продолжал оставаться меж нами или даже в нас самих!

После короткого совещания я исследовал каждого и ничего не нашел. Однако спокойствие уже не возвращалось к нам, ибо никто точно не знал, заражены мы или нет.

Я стал применять различные профилактические средства...»

В следующих главах дневника все развивалось у космонавтов нормально, но пришла к ним и другая беда — старость. Один за другим умирали космонавты в своей удивительной консервной банке, мчавшейся в мировом пространстве почти со скоростью света...

Когда корабль гаянцев ворвался в пределы нашей Солнечной системы, в живых остались только двое — Тот и Мана.

Облетев несколько раз нашу планету, они, уменьшив скорость, стали готовиться к посадке. Особые аппараты автоматически засняли всю эту процедуру и запечатлели для нас картину их приземления на Пито-Као.

Вот как все происходило.

После четвертого круга от корабля отделился шеер. По существу, это та же ракета, но маленькая и без экипажа. Когда шеер вошел в плотные слои атмосферы, из его бортов выдвинулись крылья, и ракета превратилась в самолет, управляемый по радио.

В корпусе шеера находилось несколько телевизионных установок, и Тот и Мана видели на экранах в космическом корабле ту панораму Земли, которая развертывалась под шеером.

Вот перед ними проплывают очертания Европы, Азии и Африки. Над Атлантикой и Индийским океаном ночь. Ясный день

сейчас над Тихим океаном и обеими Америками. Тот нажимает кнопки телеуправления, и шеер, прекратив кругосветный полет, входит в гигантскую спираль над Тихим океаном.

Тот и Мана совещаются: лучше сесть на каком-нибудь острове, так будет разумнее. Если посадка завершится катастрофой, меньше будет ущерб, который они нанесут жителям неизвестной планеты.

Итак, решено; выбор пал на Пито-Као... Теперь Тот весь внимание: хотя он находился на расстоянии многих тысяч километров от Земли, он испытывал такое чувство, будто сидел в кабине шеера. Вот он осторожно подвел крылатую малютку к острову и сделал над ним несколько кругов. Неподалеку от верхушки невысокой горы показалось ровное плато. Тот дважды «пролетел» над площадкой, внимательно осматривая ее, — лучшего места и желать не надо!

Высота и скорость полета ежесекундно уменьшались... Вот уже осталось до земли метров шесть-семь... Мана и Тот затаили дыхание. Они подались вперед, к экрану, где навстречу неслась земля. Вот она наклоняется и все медленнее приближается... Еще мгновение — и колеса шеера коснулись поверхности планеты! Тот плавно «нажимает на тормоза». Шеер, замедлив бег, вскоре останавливается, подняв тучу пыли... Мана облегченно вздыхает. «Молодец, — говорит он. — Сколько времени прошло, Тот, но ты не разучился летать!»

На земле шеер втянул в себя крылья и колеса и превратился в танкетку на гусеничном ходу. Послушная радиосигналам танкетка обследовала площадку, передавая на космический корабль ее изображение. Тот остался доволен.

— Будем садиться, — тихо сказал он, и Мана в ответ молча кивнул.

Но как рассчитать полет огромного космического корабля, чтобы не промахнуться и попасть на площадку, совсем не видную с высоты пяти тысяч километров?

Оказывается, расчет на посадку совершается особыми автоматами. Теперь шеер остановился на краю площадки и выпустил из своего корпуса несколько радиолокационных антенн. И вот уже космический корабль стал выполнять команды, подаваемые приборами с шеера!

Эти «дружба» и «взаимная выручка» умных машин более всего восхитили нас с Мелони. Мауки не совсем понимал происходящее, но тоже был захвачен необыкновенным зрелищем.

Последний круг над землей — и космический корабль пошел на посадку. Тот и Мана не принимали участия в посадке и только наблюдали за быстрой и точной работой автоматов.

Вот шеер подвел своего старшего «собрата» к земле, и космический корабль приземлился в центре заданной площадки. Шеер внимательно осмотрел своими радиоглазами положение корабля, неторопливо объехал вокруг него на своих гусеницах и мигнул фарой. Автоматы немедленно выключили моторы.

Первым ступил на землю Тот.

К чести земных жителей, следует признать, что туземцы встретили их по-королевски! Разумеется, это преклонение объясняется и тем, что островитяне посчитали гаянцев богами, сошедшими с неба.

Через два дня на острове произошло извержение вулкана, в результате которого был поврежден межзвездный корабль и находившийся на нем в это время Тот погиб.

Как можно заключить из дальнейших кадров дневника, подготовке, точнее, редактированию которого Мана посвящал много свободного времени, он прожил на острове лет пятнадцать.

«Мы прилетели на вашу планету, — говорил он нам с экрана, — с целью сейчас же поделиться своими знаниями, но, к сожалению, это нам не удалось. Наши приборы показали, что у вас нет городов с развитой техникой. Землетрясение же лишило нас средств передвижения. Как знать, возможно, я так и

окончу здесь свои дни, но я верю: вы непременно отыщите наш сейф и используете его содержимое должным образом. Передаю вам просьбу гаянского народа: когда вы освоите наши достижения в области науки (если они сумеют обогатить ваши знания), то, в свою очередь, вышлите свой космический корабль к нам, на Гаяну! Пока же я буду изучать природу Пито-Као, жизнь и быт островитян: может быть, и это будет интересно для ваших географов и других ученых...

Бедные островитяне так уверовали в наше небесное происхождение, что высекают из камня скульптуры, похожие на нас, и устанавливают их на берегу. Это не моя вина.

Но как несправедливо отнеслась судьба к мужественному гаянцу. На склоне своих дней ему пришлось испытать еще один удар, оказавшийся для него роковым: Мана все же заболел арпелом и умер в мучениях!

Прощальные слова его были: „Я боюсь, чтобы эта болезнь не передалась островитянам, а если это случится, то не вините нас, мы не хотели этого“.

Так умер последний из гаянцев. Мы похоронили его останки у подножия вулкана, возле одной из статуй, — высеченный когда-то в его честь островитянами каменный колосс стал достойным памятником одному из благороднейших представителей далекого народа из космоса!»

2

Бергофф с трудом оторвался от газетной страницы. Он не задумывался над тем, насколько правдоподобен рассказ Хоутона. Он видел во всей этой шумихе лишь верный повод привлечь к острову опасное внимание мировой общественности.

Перелистав несколько рекламных страниц, Бергофф снова увидел сенсационный заголовок, набранный крупным шрифтом:

БОБ ХОУТОН ГОВОРИТ ПРАВДУ!

МЫ ОБРАТИЛИСЬ К ВИДНЕЙШЕМУ СПЕЦИАЛИСТУ СЭРУ САМУЭЛЮ СФИНКСУ.

МАСТИТЫЙ УЧЕНЫЙ ЛЮБЕЗНО ПОДЕЛИЛСЯ С НАМИ СВОИМИ СООБРАЖЕНИЯМИ...

«Я прочитал корреспонденцию мистера Хоутона, — заявил Самуэль Сфинкс, — и, не имея возможности в настоящую минуту лично ознакомиться с дневником гаянцев и другими материалами, кратко отвечу лишь на вопрос: то, что описывает уважаемый журналист, в пределах здравого смысла или выходит за его границы?

Современная наука утверждает, что в мироздании должны существовать многие „солнечные“ системы, условия для жизни, скажем, на Гаяне и на нашей Земле могут оказаться сходными.

Вполне допустимо, что технические возможности гаянцев позволили им добиться сверхвысоких скоростей межпланетных, точное, межзвездных полетов.

Долголетие гаянцев, вероятно, вызывает наибольшие сомнения нашей почтенной публики. Должен заметить, в этом вопросе я не вижу отступления от возможного. Дело в том, что мы сами еще не знаем, сколько лет может прожить человек.

Нам известно лишь, сколько он живет, и только. И все потому, что еще ни один из людей не умирал от физиологической старости, — во всяком случае, ни один ученый не наблюдал такой смерти.

Известны случаи поразительного долголетия: 100–150 и даже 200 лет, но и тут люди подвергались влиянию болезней, неблагоустроенности жизни и многого другого, неизбежно и

порой незаметно для внешнего наблюдения, сокращающего наш век.

Русский ученый Павлов считал, что нормальный век человека не меньше 150 лет, другие идут еще дальше, а некоторые, например, утверждают, что человек в идеальных условиях сможет прожить 1000 лет!

Последнее и у меня вызывает улыбку, но... Резюмирую: и это место в корреспонденции мистера Хоутона соответствует здравому смыслу. История полета гаянцев не вызовет недоверия у человека, искушенного в современных достижениях наук и мыслящего смело.

Что же касается некоторых деталей, то они нуждаются в тщательной и глубокой проверке и желательно на месте, то есть на самом острове Пито-Као.

Несколько слов о болезни.

Легенды повествуют о том, что некогда население Пито-Као быстро вымерло от эпидемии. Весьма вероятно, что это и был арпел. Читателя корреспонденции мистера Хоутона может смутить это слово „быстро“. Ведь у Маны долго длился инкубационный период, и болезнь развивалась у него годами. Но и это можно объяснить: вероятно, в наших земных условиях болезнь гаянцев приняла почти молниеносную форму.

Это так же допустимо, как и предположение, что жители Марса, Гаяны или другой планеты совсем иначе переносили бы наши земные болезни.

При отсутствии иммунитета у туземцев вполне вероятно, что арпел оказался губительным для всего населения Пито-Као. Ведь вымирали же целые племена на Полинезийских островах от обычного гриппа.

Все же самым любопытным в корреспонденции мистера Хоутона, по-моему, является рассказ о загадочном „музыкальном“ фотоальбоме. Нет сомнения, что мы имеем дело с

биологической радиосвязью, в которой, как я полагаю, гаянцы ушли далеко вперед.

Смею утверждать, что и в нашей земной науке все, что связано с изучением биологической радиосвязи, весьма скоро станет проблемой № 1. Мне представляется это не менее важным для миролюбивого — повторяю: для миролюбивого! — человечества, чем власть над атомной энергией.

Главный же интерес для нас представляет великодушный дар гаянцев — их сейф. Обладание им может оказаться для нас неоценимым и явиться началом новой эпохи в жизни человека!»

Уже в вечернем номере той же газеты на первой полосе была опубликована информация о подготовке экспедиции на Пито-Као...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Бергофф берется за пистолет. В лаборатории Топ-Чанг. Бегство

1

Корреспонденция Хоутона привела рыбного короля в состояние, по всей вероятности, близкое к ярости тигра, попавшего в ловушку. Не помня себя, он нажимал кнопку звонка и кричал:

— Немедленно разыщите этого пьяницу, этого бумагомарателя, живым или мертвым!

— Будет исполнено, сэр, сию же минуту... — голос секретаря затих уже по ту сторону двери.

Бергофф забегал по обширному кабинету, опрокидывая стулья, цепляясь ногами за ковровую дорожку; его раздражало

сейчас все, даже собственное отражение в узком высоком зеркале.

Едва успела наполовину приоткрыться дверь, как он ринулся к ней и что было силы нанес удар в нижнюю часть показавшегося бледного, покорного лица. Секретарь неестественно дернул головой и без звука вытянулся у порога.

— О'кэй, — раздался из-за двери веселый голос Боба. — Такой удар принес бы немало хлопот самому Паулю Андерсону! Не завидую тому, кому он достался... — Перешагнув неподвижное тело, Хоутон добавил более серьезно: — Насколько я понял со слов этого бедняги, вы меня звали.

Бергофф оторопело посмотрел на веснушчатую физиономию Боба, на секретаря, который, даже будучи нокаутированным, сохранял на своем бескровном лице выражение учтивости, и понял, что произошла ошибка.

Удар как бы разрядил его гнев.

— Вы удивительно счастливый человек, Боб, — криво усмехаясь, выдавил он. — Но это удача обреченного... Вы еще пожалеете, что я ошибся! Тем строже и изобретательнее я буду теперь.

— Уж не хотите ли вы сказать, что этот превосходный прямой правой предназначался мне? — хладнокровно спросил Боб. — Что случилось?

— Ты еще вздумал прикидываться, негодяй! — завизжал Бергофф и дрожащими руками стал швырять в ноги Хоутону лежавшие на столе газеты. — А это что? А это что?.. — приговаривал он.

— Только и всего? — улыбнулся Боб. — Это все правда, что там написано. Но я сразу не сказал вам, чтобы сделать приятный сюрприз. Наконец, я журналист, и у меня в крови передавать сенсацию только в газету.

— Болван! Идиот! Ты же привлек в Пито-Као внимание всего мира!..

— Ваша правда. Все это так удивительно!

— Это мой остров, тупица, и я не желаю, чтобы чья-либо нога ступала сюда без моего разрешения, особенно сейчас!.. — вырвалось у Бергоффа.

— Вы боитесь? — вдруг с ненавистью взглянул на него Хоутон. — Теперь я знаю, что творится здесь!..

Рыбный король невольно отступил на шаг. Таким он еще никогда не видел Хоутона.

— Я раздавлю тебя, мерзавец! — с присвистом произнес он.

— Если дело обстоит таким образом, — вспыхнул Боб, — то я принимаю войну! Ты боишься сейчас людей, потому что могут открыться твои махинации с развалиной Джексоном и то, что готовится в лаборатории Дорта.

— Так это ты сообщил по радио?! — вскричал Бергофф.

— Да, я!

Бергофф извлек из кармана пистолет, но Боб ударом ноги выбил оружие и ухватил миллионера за горло. Бергофф дал ему подножку, они оба упали и сцепились в отчаянной борьбе.

Силы их были примерно равны, и исход схватки мог зависеть от любой случайности. Все же больше возможности победить имел Бергофф, потому что Боб быстро утомлялся. Бергофф скоро понял это и старался всячески вымотать Хоутона, парализовать его волю, используя самые болевые приемы.

Оба понимали, что борьба эта не может закончиться перемирием. Поймав левую кисть Боба, Бергофф резко вывернул ее, вынудив противника застонать от боли и лечь на спину. Пистолет теперь лежал всего в полуметре от борющихся. Бергофф уже потянулся к нему одной рукой, другой продолжая выворачивать слабеющую руку Боба, как вдруг тяжелый удар сзади оглушил его, и он, тупо посмотрев на Хоутона, ткнулся головой ему в плечо.

Секунду спустя Боб поднялся, всклокоченный, в изорванной одежде. Рядом с ним стояла бледная Паола с разбитой бутылкой в руках.

— Не стоило бы тебе ввязываться в это дело, — прерывисто дыша, сказал он.

— Ненавижу это змеиное гнездо, — тихо ответила Паола.

— Теперь бежать! «Обоим», — сказал Боб.

— Да, надо.

— Надо, но вместе нам бежать рискованно: может быть погоня... У меня есть другой план... Но сперва надо покончить с этими двумя, — Боб кивнул на бесчувственного Бергоффа и секретаря.

— Прикончить?!

— Ты меня не так поняла. Веревки есть?

Паола подумала, кивнула и выбежала из комнаты.

2

Сознание возвращалось к Бергоффу будто отдельными, разрозненными кадрами из старого, давно позабытого фильма. Связанный по рукам и ногам, он стал ворочать во все стороны головой, в которой еще звенело от сокрушительного удара.

В противоположном углу комнаты, так же крепко связанный, лежал секретарь. Увидев, что Бергофф приходит в себя, он не удержался от горестного восклицания:

— О сэр!

— Вы живы? — спросил Бергофф.

— Разве это жизнь, сэр, видеть вас в таком состоянии?

— Так освобождайте же меня.

— Увы, сэр. Я к чему-то привязан.

— Черт возьми, я тоже точно прикован к галере.

Впервые в жизни попав в положение, уравнявшее их, секретарь смутился и не знал, как продолжать разговор, чтобы не уронить чести патрона.

— Я трижды звал Паолу, но она почему-то не идет, — пожаловался Бергофф.

— Я полагаю, сэр, что мисс Паола не придет.

— Что ты мелешь, болван!

— Прошу прощения, сэр, но мне показалось, что она разбила бутылку о... о вашу... Извините меня, сэр, я не рискую договаривать до конца.

В углу послышалось пыхтение, треск веревок, затем в адрес Паолы понесся поток отборных ругательств.

Секретарь скромно молчал, чтобы не прерывать хода мыслей своего хозяина.

— Неужели никто так и не зайдет к нам? — наконец произнес Бергофф.

— Осмелюсь напомнить, сэр, что, согласно вами заведенному порядку, вас запрещено беспокоить.

— Что же, мы так и будем лежать целую неделю?

— Никак нет, сэр. В девятнадцать часов вас освободят.

— Почему именно в девятнадцать?

— На этот час вы вызвали господина Курца, и он...

— О черт! Проклятие этому безмозглому идиоту. Он совершенно не способен нести свои обязанности. А может быть, он придет раньше?

— Не думаю, сэр. Немцы любят точность.

Наступило молчание. Изредка Бергофф справлялся у секретаря о времени, и последний, видя отражение настенных часов в зеркале, почтительно докладывал: «Пятнадцать часов двадцать две минуты, сэр...», а когда он произнес: «Девятнадцать часов», в дверь кто-то осторожно постучал, и секретарь ликующим голосом крикнул:

— Да-да, войдите, патрон ожидает вас! Дверь отворилась, через порог переступил Курц и замер с отвисшей челюстью...

3

Курц перевернул все на острове, но безуспешно: так и осталось тайной, кто послал в эфир радиограмму. Конечно, немец ни на секунду не сомневался в том, что Монти Пирс не догадался и не решился бы ни на этом, ни на том свете сочинить такое, надо отдать справедливость, сильное послание.

Пало подозрение на радиста, но кабатчик Оскар защитил его:

— В ту ночь, о которой вы говорите, парень так напился, что я оставил его ночевать прямо за столом, сэр!

Только после драки Хоутона с Бергоффом и исчезновения журналиста (в то же время скрылась и Паола) Курц точно узнал, чьих рук было дело, а это само по себе значило немало.

Курц поднял на ноги всех своих «мальчиков», но следов Боба и Паолы не нашли. Тогда Дорт распорядился «допросить» Мелони...

Итальянца пытал сам Курц, никому бы на свете не уступивший этого права.

В жизни Мелони настали самые невыносимые часы и минуты. Впечатлительный по натуре, он с детства не переносил физической боли. Сейчас же изобретательный Курц причинял ему такие ужасные муки, что Мелони десятки раз терял сознание. Курц приводил его в чувство и спрашивал:

— Где Хоутон?.. Где Паола?.. Я знаю, что этот пропойца — твой собутыльник!

Острая ненависть к мучителю охватила Мелони. Но что он мог сделать в таком положении? Чем отплатить за свои страдания? Разум подсказывал ему: только упорным молчанием он сможет отомстить ненавистному Курцу, только молчанием!

Молчать, чего бы это ни стоило, молчать, чтобы отомстить этому зверю!

И Мелони молчал. Он знал, где Боб и Паола, но молчал. И только одно терзало его измученную душу... Дни и ночи знакомился он с научными богатствами, хранившимися в гаянском сейфе. Понимая, что нельзя сразу объять необъятное, Мелони взялся сперва за «расшифровку» необыкновенного фотоальбома. Как он и предполагал, в сейфе нашлись необходимые материалы.

Свои размышления Мелони записывал в дневник, вначале вчерне, а потом не торопясь перепечатал на машинке: он понимал, что эти страницы должны произвести фурор в мировой науке, и потому взвешивал каждое слово.

И вот теперь его дневник попал в руки Курца и, следовательно, станет достоянием не человечества, а Дорта и Бергоффа... При одной этой мысли Мелони охватывал лютый гнев, но он все же молчал, потому что иного оружия у него не было.

Трудно сказать, какой конец был уготован итальянцу Курцом. В дело вмешался Дорт. Собственно, не вмешался, а попросту приказал Курцу отправить старика в секретную бактериологическую лабораторию. Так очутился Мелони в обширном подземелье острова — страшном гроте Топ-Чанг.

Его везли в открытом катере, выкрашенном в белый цвет. С виду поездка напоминала увеселительную прогулку, но Курц, с сожалением расставаясь со своей жертвой, откровенно объяснил Мелони, что для него настали последние деньки: Тяжелой ценой расплачивался Мелони за свою хорошую дружбу с Бобом...

Обогнув остров с западной стороны, катер вошел в лагуну с высокими берегами, на которых, подступая к самому обрыву, замер густой тропический лес. Не сбавляя хода, катер направился к берегу, и Мелони скоро увидел в скале большой сводчатый ход, который вел в глубь острова. Яркий прожектор

осветил огромную пещеру с подземным озером, образованным водами лагуны.

Справа виднелись постройки, освещенные электрическими огнями. Тишину пещеры зловеще нарушил всплеск воды, расступившейся перед носом катера.

Воздух здесь был чистый и свежий, «припахивающий грозой», как мысленно определил Мелони, впервые осматривая мрачные своды Топ-Чанга.

Когда катер пришвартовался к маленькой пристани у построек, на берегу засуетились несколько человек в матросской одежде и Мелони услышал отрывистые слова команды.

С ним никто не разговаривал, на него не обращали внимания. Чувство покинутости и страха перед неопределенным, но

страшным появилось вновь в его груди. Нервы были напряжены до крайности.

Оставшись один в отведенной ему комнате, Мелони содрогнулся от мысли, что он находится в бактериологической лаборатории особого назначения...

В ту минуту, когда он, уставший от дум и тревоги за свою судьбу, прилег на кровать, дверь открылась и на пороге появился сухощавый низкорослый японец в белом халате и больших роговых очках.

— Мистер успел отдохнуть? — спросил он и, не ожидая ответа, продолжал: — Не угодно ли пройти со мной?

Мелони нервно вскочил на ноги и, резким движением запахнув халат, с недоумением посмотрел на японца. И вдруг все завертелось перед взором: стена, дверь в стене и стоящий в двери японец наклонились и полезли куда-то вверх. Пол, уходя из-под ног, круто накренился и с размаху ударил его по лицу.

Через некоторое время Мелони очнулся. Ощутив густую теплую и липкую влагу на своем лице, он с трудом повернулся на бок.

«Вращающаяся комната? Нет, со мной был обморок!» — догадался Мелони и с удивлением увидел, что теперь находится в какой-то цилиндрической камере с окнами, в которые были вставлены толстые стекла, ни один звук внешнего мира не долетал до него.

Было тихо-тихо, он закрыл глаза и увидел Паолу — она явилась ему сейчас еще более красивой, такой женственной и беззащитной. Он вспомнил, как привел Паолу в межпланетный корабль. Она увидела скафандр гаянцев. Мелони научил ее пользоваться им, даже отнес его на берег и спрятал в кустах, объяснив, как его отыскать.

На минуту он снова стал отчетливо воспринимать окружающее. Вот от потолка отделилась механическая «рука» манипулятора и медленно приблизилась к нему, держа в своих металлических «пальцах» никелированный шприц с длинной тонкой иглой.

Такие приспособления имеются во многих лабораториях мира, они помогают людям бороться за жизнь и здоровье человека... «Скальпелем можно оперировать и можно убить, — вспомнил Мелони старую студенческую поговорку. — А сейчас я — кролик, — подумал он. — Меня хотят заразить... Неужели это... арпел?»

Он попытался подняться, но, чем-то накрепко прикрепленный к столу, не мог пошевелить ни одним членом. Ощутив боль в левом обнаженном плече, Мелони вскрикнул и, теперь уже поняв, что выхода для него нет, заставил себя повернуть голову к источнику света.

С той стороны в бактериологическую камеру сквозь большой иллюминатор на него с напряженным интересом смотрели Дорт и уже знакомый ему японец. Это было последнее,

что увидел Мелони. Затем пришел мрак, небытие. Время исчезло навсегда.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Сообщение ТАСС. Конец змеиного гнезда. Игра проиграна.

1

Никто на острове не мог объяснить загадочного исчезновения Боба и Мелони. Стали поговаривать и о зловещей радиограмме, переданной кем-то в эфир.

«Погода» вокруг Дорта портилась, недоверие к нему росло час от часу. В кабачке Оскара теперь каждый пил свою порцию виски молча, погруженный в тяжелое раздумье. Исчезновение маленького Гарри и мисс Паолы также не могло остаться тайной и будило среди белых островитян тревогу.

По-прежнему краболовные суда приставали к берегу, доставляя богатый улов, послушные машины набивали консервные банки готовой продукцией, где-то на счета «Бергофф и К°» текли доллары, но что-то изменилось.

Бамбуковые заросли по краям узкой дороги от поселка к заводу стали казаться вражеской батареей, кокосовые орехи выглядели теперь точно бомбы на паутиновых нитях.

— Будто мы оказались в неприятельском окружении, — однажды негромко сказал Буль, но его приятель Дукки ответил ему лишь испуганным взглядом, а Оскар сделал вид, что не слышал реплики.

Оторванность от Большой земли чувствовалась еще острее, но после слов Буля многие поняли, что теперь она воспринимается не как тоска по родным местам, а как ужас перед чем-то неизвестным. И никто не поможет им, если что-либо стрясется на этой далекой маленькой земле. Никто!

Пока не говорили этого вслух, но думали все об одном и, пожалуй, одинаково; эта невидимая связь все более крепла, но так бывают связаны и обреченные на гибнущем судне.

2

Дорта преследовали неудача за неудачей: попытки найти антибиотик по-прежнему не давали желаемого результата, а связь с Сардовым давно прервалась. Мрачные предчувствия терзали немца, он стал еще более замкнутым и злым. Все чаще наливал в мензурку неразбавленный спирт и пил, увеличивая дозы, точно пытаясь вознаградить себя за то одиночество, на которое он все настойчивее обрекал себя.

И все же наперекор всему Дорт продолжал упрямо работать. Он напоминал теперь игрока, который чем больше проигрывает, тем больше втягивается в игру.

Два последних удара — один сильнее другого — обрушились сразу.

В короткой записке Стоутмена было всего несколько слов:

«М-р Дорт! Мое предложение теперь не может носить характер делового джентльменского соглашения.

Стоутмен»

Итак, Стоутмен в стороне. Но почему, спросил себя Дорт, почему он отказался от дела, сулившего явный успех? Оттого, что этот проклятый журналист (гром и молния на головы его и дурака Бергоффа!) отыскал остатки космического ковчега и растрезвонил по всему свету? Но ведь и это обстоятельство можно еще обойти, стоит лишь несколько пораскинуть умом... Или... радиограмма все-таки была перехвачена.

Ответ на эти вопросы Дорт нашел в номере «Правды», одновременно пересланной ему Стоутменом. На второй странице Дорт прочел «Сообщение ТАСС».

«Правда» писала:

«... Советские научные учреждения располагают значительными материалами о природе острова Пито-Као и некоторых ее особенностях».

Дальше кратко рассказывалось о записках Сергеева, дневниках Павла Александровича Тверского, научной работе его внучки и преступной роли микробиолога, бывшего нациста Густава Дорта.

«... Дорт готовит серьезную угрозу не только для жителей Океании, но и континентов. Советские органы контрразведки разоблачили шпионов, работавших по специальному заданию с Пито-Као. Материалы следствия изобличают преступные цели Густава Дорта.

Дорт обнаружил на острове и „воскресил“ возбудитель губительной болезни, ранее неизвестной, и решил использовать его в качестве нового бактериологического оружия для массового уничтожения людей.

Советские ученые ныне исследовали эту болезнь, не идущую ни в какое сравнение с уже известными по своей силе и быстроте распространения».

Полностью приведя сообщения капитана теплохода «Армения», «Правда» продолжала:

«Случайно принятая радиограмма, несомненно, свидетельствует о некоторой изолированности Дорта на острове; нельзя считать его сообщниками всех, кто сейчас живет и работает там.

ТАСС уполномочен сообщить, что Советское правительство обратилось ко всем правительствам с предложением безотлагательно организовать международную комиссию для немедленного расследования „делового предприятия“ распоясавшегося международного преступника и полной ликвидации угрозы...»

Дорт лихорадочно пробегал глазами строку за строкой: в Москве знали все! Он заметался в своей лаборатории, как в мышеловке, и все самое мутное, что жило в нем, теперь всколыхнулось. Втайне он готовился к краху, имея на этот случай план жестокой мести.

Час пробил — Дорт принял решение...

3

После исчезновения Паолы Бергофф мучился ревностью: чувство привязанности вновь вернулось к нему. Можно бы воспользоваться здесь и словом «любовь», но люди уверяют, что ревность не должна быть больше самой любви. У Бергоффа же получилось наоборот... Вместе с Курцем он объездил остров и отыскал космический корабль гаянцев, воочию увидев то, что считал уткой «пройдохи-журналиста». Но сейчас даже эта находка не могла отвлечь его от поисков Паолы. Он торопливо осматривал все закоулки корабля, натыкался на различные предметы и яростно отшвыривал их прочь.

— Курц, — в отчаянии вскричал Бергофф, — почему вы молчите?

— Во-первых, патрон, здесь многого не понять... — А, во-вторых, черт бы вас побрал?

— Я не изучал женщин, но думаю, что фрау, прилетевшая в этой лодке, мало чем отличалась от наших. Она так же пудрилась и красила губы...

— Что, что вы говорите? — застонал Бергофф и, осветив своего спутника, увидел в его руках белую сумочку Паолы.

— О непроходимый болван! Это же ее сумочка...

— Значит, мисс недавно была здесь, — заключил Курц. — Но куда она упорхнула?

Бергофф обследовал каждый квадратный метр вокруг.

— Вот, вот! Ты видишь? — торжествующе воскликнул он, обнаружив узкие следы на песчаной полоске между камнями.

— Это проходила она, — согласился Курц. Следы, то исчезая на голых скалах, то вновь появляясь на песке, привели к океану...

— Черт! — нахмурился Бергофф. — Еще одна загадка?!

— Напротив, сэр, — возразил Курц, — это подтверждает ее побег с Хоутоном.

— Но почему мы не видим рядом его следов?

— Очевидно, он ожидал ее в лодке, сзр.

Бергофф уныло присел на камень и опустил голову. Он долго размышлял, не зная, что предпринять, но, вспомнив о космическом корабле, дал волю гневу.

— Курц! — повелительным тоном произнес он.

— Я здесь, сэр! — бодро ответил Курц.

— Этот межзвездный катафалк, что мы с вами осматривали, сегодня же уничтожить!

— Нет ничего легче, сэр.

— Сделайте так, чтобы к ночи от него не осталось ни малейших следов...

— Будет исполнено, сэр.

Домой Бергофф возвратился усталый и разбитый. Секретарь коротко доложил:

— Вас просит к телефону мистер Дорт. Бергофф взял трубку и услышал непривычно лающий и хриплый голос Дорта:

— Будь ты трижды проклят, мерзавец, вместе со своим Хоутоном, которого ты... ты... привез сюда! «Коммерсант»! Через полминуты меня не будет, но ты погибнешь более «приятной» смертью! Я проучу тебя и всех, слышишь, всех! Я говорю тебе, чтобы все знали, что сейчас произойдет не случайность, а свершится моя месть! Я выпускаю своих невидимок на волю...

— Густав! Густав! — кричал в трубку Бергофф, но голос немца замолк, а несколько секунд спустя вдали послышался

глухой взрыв — лаборатория Дорта вместе со своим хозяином и страшными микробами взлетела в воздух!

Бергофф уставился на своего секретаря и грузно опустился в кресло.

— Вы хотели что-то сказать, сэр? — услужливо спросил секретарь и, не дождавшись ответа, на цыпочках вышел из кабинета: хозяин был явно не в форме, разумнее всего — не мешать ему.

4

Взрыв уничтожил не только лабораторию с подсобными помещениями, но и персонал. Все было продумано и подготовлено заранее — не уцелел ни один из сотрудников.

Бергофф вызвал по радио свой самолет, но океан штормил. Кляня непогоду, Бергофф уничтожил компрометирующие бумаги, очистил сейф, по нескольку раз перекладывал вещи в чемоданах, лишь бы что-то делать и не сидеть сложа руки. Он никого не принимал, никуда не выходил из дому, отдавая необходимые распоряжения по телефону.

Не прошло и суток, как в поселке и на заводе вспыхнула эпидемия. Больные покрывались язвами и едва могли передвигаться, истекали кровью и слепли...

Люди в панике метались по острову, призывая на помощь.

Здоровые пытались укрыться в лесах и скалах, готовые скорее умереть от голода, чем заживо разлагаться.

На следующее утро на заводе и в поселке появились трупы. Обезображенные, гниющие под жарким солнцем, они валялись там, где людей настигала смерть. Никто не приближался к умершим.

Бергофф велел прекратить работу и объявил карантин. Среди туземцев пока не было больных, но Бергофф приказал расстреливать всякого цветного на месте, без промедления.

— Черномазые занесли к нам заразу... — заявил Бергофф белым рабочим. — Убивайте их, чтобы самим не погибнуть.

Началось открытое истребление туземцев: женщин, стариков, детей — всех без исключения. К полудню «срочная работа», как назвал массовые убийства Курц, была закончена.

Смерть косила жителей «счастливого города» без разбора. Люди стали бояться друг друга, избегали встреч. Оставалось одно средство спасения — бегство.

Первыми покинули остров экипажи краболовных судов, вернее, те из них, кто находился на борту: каждый думал о личном спасении, и оставшихся на берегу не ожидали. В короткое время у пристани не осталось даже ни одной моторной или весельной лодки.

Только Буль и Дукки не поддавались панике. Они держались вместе, без устали уговаривали товарищей:

— Это дело рук Дорта, а не туземцев! Он взорвал свою лабораторию!.. Но остался Бергофф. Идемте все к нему, потребуем немедленной эвакуации и медицинской помощи!

Бунт возник подобно взрыву. Бергофф принял делегацию и дал клятвенное обещание вывезти всех на самолетах.

— Погода улучшается, — сказал он. — Нам надо подальше от города приготовить новую посадочную площадку.

Окрыленные надеждой, люди в смертельном страхе за свою судьбу с удесятеренной энергией принялись за работу. К счастью, выбранная лужайка была ровная и только в двух-трех местах требовала земляных работ.

5

С широко открытыми от ужаса глазами Оскар ворвался в квартиру Курца, с чемоданами в руках, в плаще, но без шляпы. Волосы его были растрепаны.

— Господин Курц... Господин Курц, — лепетал он, — я здесь! Курца всего передернуло при виде кабатчика.

— Что же из этого? — заорал он.

Немец стоял посреди комнаты, окруженный грудами разбросанных вещей, и лихорадочно готовился к отлету. Встреча с Оскаром не входила в его планы.

— Неужели это конец?! — простонал Оскар, опускаясь на один из своих чемоданов, и вдруг, словно только сейчас вспомнив о том, зачем он прибежал сюда, вскочил. — Господин Курц! Возьмите меня с собой... Уговорите патрона... В моих чемоданах золото... один чемодан вам, только заберите меня с собой!

На мгновение Курц застыл на месте, но только на мгновение.

— Прочь! — заорал он. — Может быть, ты уже болен?

— Я?! Нет-нет, господин Курц... Я здоров, совсем здоров! — лепетал Оскар.

Курц выхватил пистолет. Грохнул выстрел, и Оскар замертво упал к ногам немца.

За окном послышался рев моторов. Самолет, прилетевший за Бергоффом, готовился к взлету. Курц перешагнул через труп и, подхватив чемоданы Оскара, кинулся к выходу...

Бергофф стоял на верхней ступеньке трапа у входа в самолет, когда Курц вылез из автомобиля и заискивающе посмотрел на рыбного короля.

— Вы, — сказал Бергофф Курцу, — улетите следующим самолетом.

— А сейчас?.. С вами?.. — спросил Курц, глотая густую слюну.

— Нельзя, нет места, — хладнокровно ответил Бергофф. — Но вы не тревожьтесь, я улетаю первым, чтобы лично организовать эвакуацию острова. Главное — держите в руках людей.

— Я умоляю вас... — торопливо заговорил Курц, но Бергофф, не слушая его, вошел в самолет.

Трап откатили. Самолет ринулся вперед.

Курц беспокойно ерзал на чемоданах, бросая тоскливые взгляды в сторону, где самолет Бергоффа превратился в еле различимую точку.

Поодаль небольшой толпой сбились оставшиеся в живых островитяне. Неожиданно внимание всех привлек бегущий из поселка человек. Он размахивал руками и что-то кричал. Тревога снова овладела людьми — все, в том числе и Курц, бросились к нему навстречу.

Это радист. Одежда на нем изорвана и окровавлена, а на лице и на шее следы борьбы и побоев. В правом кулаке он крепко зажал веревку.

— Меня связали вот этой веревкой! — кричал он, подбегая к ним. — Нас приговорили к смерти. Он не вернется! Помощи ждать неоткуда... Мы погибли...

Голос радиста прервался. Оглянувшись и не увидев самолета, он завопил в бессильной ярости.

— Бергофф успел улететь! Бергофф успел улететь! — повторял он. — Проклятый вампир...

От толпы отделился гигант Буль.

— Говори толком, чтобы мы могли понять тебя, — сказал моряк.

— Бергофф при мне дал радиограмму, чтобы прислали только один самолет... Мы покинуты!

Буль резко повернулся к Курцу и, указывая на него, крикнул:

— Но ты... ты все знал! Собака... Воля оставила Курца: он понял, что от возмездия не уйти.

Животный инстинкт самосохранения гнал его прочь, но страх сковал непослушное тело.

Когда железные пальцы Буля прикоснулись к влажной и холодной шее Курца, тот рванулся, но горячие и сухие пальцы моряка стеснили ему дыхание.

Курцу захотелось упасть на колени и просить пощады: ведь ему сейчас даже поверилось на секунду, что он смог бы вести другую жизнь — во всяком случае, надо просить, обещать, изворачиваться... Все это мгновенно подсказал ему цепенеющий разум.

— Кончай с ним, Буль! — кричали вокруг. Буль сомкнул пальцы...

— Бергофф тоже далеко не улетит от нас! — закричал вдруг радист. — Я сейчас пошлю такую радиограмму... Ха-ха-ха... Я ему отомщу... Я сообщу всему миру! — истерически всхлипнул он и, угрожающе взмахнув веревкой, убежал.

6

Самолет пересекал экватор вблизи островов Галапагос. Впереди оставался Панамский перешеек. Карибское море и Большие Антильские острова, за которыми Бергофф мог считать себя дома.

Из пилотской кабины к нему вышел командир корабля, молодой долговязый парень, исполнительный, не по возрасту молчаливый, отлично знавший свое дело и готовый по приказу Бергоффа лететь хоть на Луну. Лицо его было озабочено.

— Шеф, — сказал он, — с земли получено категорическое распоряжение возвращаться на остров... Иначе нас снимут.

— Как — снимут? — нервно спросил Бергофф.

— Надо полагать, зенитками, — пояснил пилот. — Но я не пойму другого: они, — он указал рукой вниз, — утверждают, что мы чем-то там больны... Может, парни хватили лишнего, кто их там разберет. Но у них имеются недурные зенитки, и они играючи могут нас снять!

— Это Курц послал нам вслед радиограмму... Пилот вежливо промолчал.

— Продолжайте выдерживать прежний курс, — распорядился Бергофф.

Пилот вернулся к себе, но несколько минут спустя в пассажирской кабине затрещал звонок, и Бергофф прошел к экипажу на вызов.

— Сэр, — крикнул ему командир корабля, не вставая из-за штурвала, — они дают нам на размышление шестьдесят секунд и начнут обстреливать без предупреждения.

— Не менять курса!

— Как вам угодно. В таком случае наденьте парашют... Поторопитесь, сэр! Видите? — летчик кивнул в сторону сизого шарообразного облачка, точно по волшебству возникшего перед самолетом. — Ребята послали нам первый «воздушный поцелуй».

— Возвращайтесь, — упавшим голосом сказал Бергофф. — Попробуем с другой стороны.

— Я хорошо знаю эти края, сэр, — возразил пилот. — Здесь зениток больше, чем пивных, а горючего у нас в обрез на обратный путь. Как прикажете?

Бергофф устало махнул рукой, предоставляя командиру корабля выпутываться из беды по своему усмотрению. Так, по крайней мере, расценил этот жест летчик. Выключив автопилот, он круто развернулся и крикнул радисту:

— Передай, что приказу подчиняемся и желаем им благополучно провалиться в преисподнюю...

— Есть, командир! — откликнулся повеселевший радист.

Когда они вошли в круг над островом и Бергофф с опаской посмотрел из пилотской кабины, которую он поклялся не покидать и после посадки, удивлению его не было границ: на посадочной площадке были хорошо видны два серебристых самолета.

Командир корабля внимательно осмотрел конфигурации машин и присвистнул:

— Держу тысячу против десяти, сэр, но одна из этих машин мне знакома. Это советский реактивный самолет! Недурная птичка...

— Сейчас русские будут оценивать вашу посадку, командир, — напомнил радист.

— Надо выдержать марку!.. — весело воскликнул пилот. — По местам!

Он так посадил огромную машину, точно под колесами была не земля, а пуховая перина.

— Командир, — повернулся радист, — русские передают: «Молодцы!». Вторая машина... Это англичане... Они тоже восхищены вами!

— Слышу, — ответил пилот, нажимая на тормоза, и, когда самолет остановился, любовно погладил рукой белый штурвал и добавил: — Это честная работа, вот за что я люблю ее! Не правда ли, шеф?

— Не забывайте, Лесли, — сухо произнес Бергофф, — что я тоже знаком с этой работой. Я ведь был когда-то летчиком-истребителем и воевал на Тихом океане.

— То было просто знакомство, как вы сами изволили выразиться. А я говорю о работе, причем самой честной, шеф...

Бергофф не ответил. Его хмурое лицо побледнело и стало неподвижным.

— Командир, — сказал радист, — вас вызывают русские, ответьте им на первой кнопке.

Пилот нажал на щитке передатчика кнопку № 1.

— Командир Лесли слушает вас... Да... Хелло! Благодарю вас... Зарулить к лесу? Хорошо. Не выходить?! Но почему?.. Международная комиссия?.. Так... Понимаю вас...

Зарулив к лесу, командир корабля приказал выключить моторы. Наступила тишина. Пилот и радист были явно взволнованы. Бортинженер вопросительно посмотрел на

командира. Лесли ничего не объяснил ему, он закурил сигарету и, не глядя на Бергоффа, сказал:

— Вот что, босс: это мой последний полет с вами, если... мы останемся живы... Я люблю честную работу! Бергофф молчал.

— Да объясните же наконец, в чем дело? — воскликнул бортинженер.

— Босс знает все лучше нас. Бергофф не проронил ни слова.

— Он втянул всех нас в небывалую авантюру, — продолжал Лесли. — Здесь готовили бомбы, начиненные микробами... В лаборатории произошел взрыв... Остров заражен!

— Хорошо, что нас вернули, — прошептал инженер. — Мы могли бы разнести заразу по всему миру...

— Вызовите председателя комиссии, — приказал Лесли.

— Слушаюсь, командир, — ответил радист и включил основную радиостанцию. — Можете говорить, командир. Мистер Дарсушев только что сам хотел вызвать вас.

Лесли надел наушники.

— Прошу прощения, сэр... Это Лесли, командир самолета. Очень приятно, мистер Дарсушев, здравствуйте! Я хотел бы сообщить экипажу... Да-да, разумеется... Понимаю... Есть надежда! О сэр, экипаж очень благодарит вас! Так... понимаю. Все ваши указания будут выполнены, сэр! До связи... — Лесли повернулся к радисту: — Не выключайте рацию и будьте на приеме. Русские обещали спасти нас!

Бергофф облегченно вздохнул.

— Всякое бывает, Лесли, — наконец заговорил он дружеским тоном. — Относительно бомб — это заблуждение. Позже я объясню вам... А пока...

— Что будет «пока»? — зло спросил Лесли.

— Я учитываю ваши волнения и лишнюю работу, связанную с возвращением на остров. Можете сами назвать сумму вознаграждения... Я умею ценить преданность своих людей, Лесли, вы это знаете!

— Я уже сказал, босс: больше я с вами не летаю.

— Но, — Бергофф говорил теперь увереннее, — вы уже испытали безработицу и, если бы не я...

— Конечно, — резко произнес Лесли. — Я продавал вам свою профессию, точнее, свое умение, но не самого себя!

— А как остальные?

— Все мы любим честную работу, — твердо сказал инженер.

7

Наступила ночь. Теплый воздух прозрачен и недвижим. Волны вздыхают чуть слышно у самого берега. К скалистому мыску скользит лодка с двумя гребцами. Движения их осторожны, но быстры: они боятся, что их заметят, и потому торопятся пересечь длинную лунную дорожку.

Лодка глухо стукнулась о камень, они зорко осмотрелись и прислушались. Все было спокойно. Только легкие звуки доносились до их обостренного слуха — не то в траве копошились какие-то жуки, не то в вышине, разгораясь все ярче, сухо потрескивали звезды.

Они успокоились и втянули весла в лодку. Потом один из гребцов сошел на берег, а другой остался ожидать. Опять все вокруг замерло; по-ночному дремотно, сонно. Оставшийся в лодке пробыл в одиночестве долго, пока шорох в кустах не заставил его в испуге оттолкнуться от камней веслом.

— Это я, Мауки, — негромко раздалось на берегу, и Боб Хоутон одним взмахом вернул лодку на прежнее место.

— Где ты пропадал?! — обрадованно воскликнул Боб. — Ну, с чем пришел? Да говори же! Почему молчишь?

— Когда о беде говоришь не сразу и тихо, она стареет и не так сильно бьет, — суеверно прошептал юноша. Боб поторопил его:

— Выкладывай, Мауки. От того, что уже произошло, никуда не уйдешь... Так что можешь говорить погромче. Юноша как умел рассказал о том, что видел.

— Там много больных, товарищ! Еще два раза много умерших. А злые белые люди в белых длинных платьях ходят и убивают тех, кто живет...

— Убивают?!

— Да! Они берут в руку блестящую трубку с иглой и колют в живот. Даже сейчас, ночью, при свете больших, как луна, огней!.. А никого знакомого не видел... Правда, издалека смотрел: близко — страшно очень. Мауки все сказал.

Боб присвистнул.

— Неужели невидимки Дорта вырвались на волю?.. — воскликнул он. — А где Мелони?

— Мауки не видел.

— Прыгай в лодку. Раз такое дело, надо улепетывать. Будем искать мисс Паолу. Скорее всего, она ожидает нас в железном доме твоих предков, Мауки.

Чтобы случайно не обнаружить себя в лунном свете, они держались обрывистого берега, прячась в его густой черной тени.

Километров через десять береговая линия выровнялась. На темных оголенных скалах показались древние каменные скульптуры. Все они были одинаковые и изображали длинноликого мужчину, как бы ушедшего по пояс в землю. Лица у всех изваяний обращены к океану...

— Смотри, — задумчиво произнес Боб, — они очень похожи на тебя, точнее, ты похож на них!

Мауки молча посмотрел на каменные истуканы и поднял лицо к небу, будто пытаясь отыскать в густой россыпи звезд огненную точку, с которой много лет назад прилетели на Землю отважные гаянцы.

За бортом лодки послышался плеск, и из воды показалось что-то напоминающее человеческую фигуру с круглой, точно шар, головой. Мауки посмотрел вниз, дико вскрикнул и, потеряв сознание, повалился на голову водяного чудища. Нервы юноши не были подготовлены к такому испытанию.

Боб не сразу угадал причину испуга Мауки. Когда, вытаскивая юношу из воды, увидел, что кто-то ему помогает и этот кто-то не рыба и не зверь, то в первое мгновение растерялся сам, но вскоре понял, что за бортом лодки появился водолаз в несколько необычном, легком и почти прозрачном скафандре...

Придя в себя, Мауки решил действовать возможно хитрее, чтобы, в случае если он еще жив, обмануть Духа Моря. С этой целью он не спешил открывать глаза и стал слушать. Голова его, несомненно, была невредимой, но он находился в большом затруднении: как определить, жив он или нет? Может, эти звуки — звуки загробного мира, в существование которого он так же верил, как Боб в существование своей газеты.

Узнав голос Боба, юноша вздохнул и подумал: «Выходит, что и Боб тоже переселился сюда? Какой злой Дух Моря... Но вот еще один голос!.. Это говорит женщина... Кажется, мисс Паола? Но как она могла приехать в Страну Мертвых, если она жива? Или, может быть...»

Тут он почувствовал прикосновение руки к своей груди, не утерпел и приоткрыл глаз. Над ним склонилось лицо Паолы, а сама она была в странной, громоздкой одежде!..

— Мауки, Мауки, — позвала она. — Я тебя, верно, очень напугала? Это я, Паола, а вот и мистер Хоутон... Я издали приметила лодку и спряталась.

Мауки понял и издал радостное восклицание. Хотя в Стране Мертвых, по рассказам колдунов, тоже жить можно, все же лучше не торопиться туда, и он, Мауки, очень рад, что Дух

Моря оказался таким безобидным существом, а значит, вовсе и не Духом Моря.

Настала очередь Паолы рассказать о себе.

— Прежде чем уйти в последний раз и не вернуться, Мелони показал мне этот скафандр и научил им пользоваться. Потом я случайно увидела с горы Бергоффа и Курца: они поднимались к кораблю гаянцев, то есть ко мне... Святая мадонна! Как это она заставила меня вовремя взглянуть вниз, уж и не пойму... Я убежала от них по «Другому склону» незамеченной и прямо к тому месту, где Мелони в зарослях припрятал для меня скафандр. Когда же я несколько часов спустя поднялась на гору, то нашла там нагромождение взорванных скал. И вот мне пришлось отсиживаться здесь, в кустах, в ожидании помощи. Как хорошо, что вы нашли меня: я так голодна. Мелони оставил мне запас еды, но еще вчера все кончилось. И мне страшно было здесь одной...

— Надо быть последним негодяем, чтобы взорвать корабль гаянцев! — вспылил Боб. — Ведь теперь от их пребывания на Земле не осталось никаких вещественных следов...

— Но я ничем не могла предотвратить этой беды...

— Нет, Паола, твоей вины здесь нет, — уверил ее Боб. — Успокойся. Думаю, самое страшное позади; мы заберем тебя отсюда немедленно: в поселке эпидемия! Бежим!

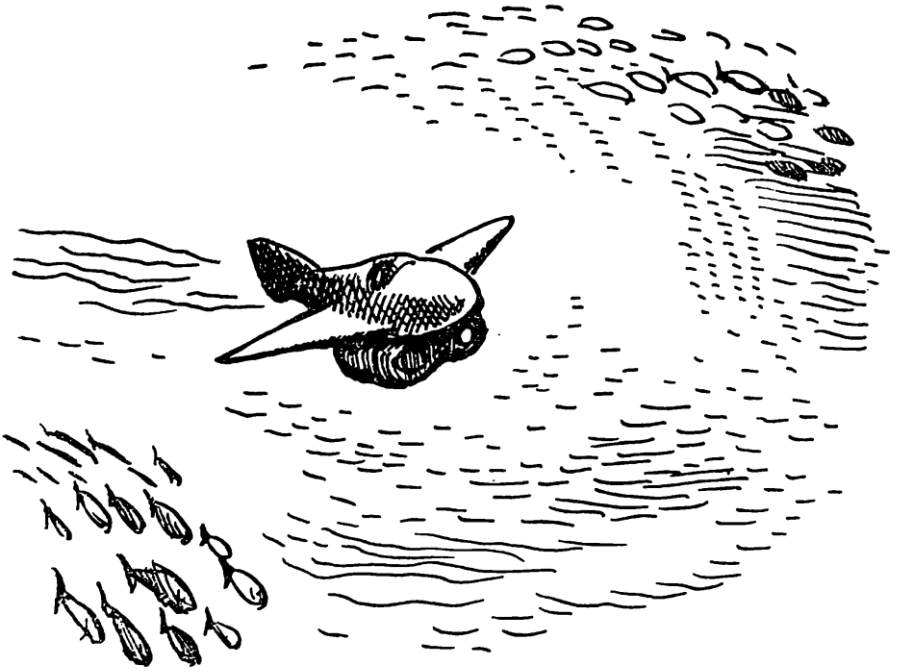
— Куда?

— Мы отправимся на родину Мауки. А там будет видно... Между прочим, на родине Мауки живут потомки доктора Маны — последнего жителя космического корабля. В нашем Мауки тоже течет кровь гаянцев!

Несколько сильных взмахов — и лодка скрылась за изгибом скалистого мыса. Когда луна вышла из-за облаков, океан был пуст, а с берега с тоской смотрели вдаль молчаливые каменные изваяния, высеченные когда-то здесь трудолюбивыми и

впечатлительными людьми в честь бесстрашных пришельцев с Гаяны...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ТИУНЭЛА



ГЛАВА ПЕРВАЯ

Освенцимская тетрадь

1

В «Литературной газете» я увидел портрет с интригующей подписью: «Знаете ли вы что-нибудь об этом человеке?» Ниже сообщалось, что на фотографии изображен бывший узник Освенцима, организатор побега из концлагеря. Теперь, много лет спустя, друзья пытаются отыскать его следы.

Нет, я ничего не знал об этом человеке. Но я вспомнил другое...

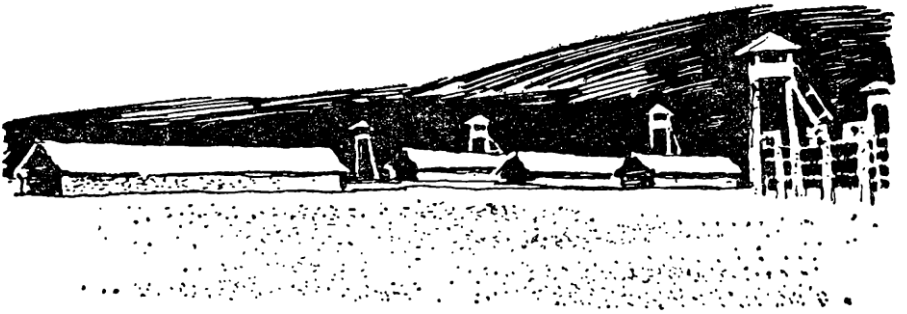
Январь 1945 года. Известие об освобождении нашими войсками фашистского концлагеря Беркенау застало меня, нештатного корреспондента газеты, в польском городе Величка. Часом позже я мчался на легковой машине в лагерь смерти.

Короткая остановка в Кракове, и мы свернули на запад. Аушвиц. Здесь когда-то стояли казармы. Еще километра три — и Беркенау. Ровные ряды деревянных бараков без окон. Колючая проволока на бетонных столбах, предупредительные знаки — ток высокого напряжения. По углам ограждения уже пустующие вышки часовых. По всей территории лагеря разбросаны маленькие бетонные доты, рвы, окопы. Грязный снег хлюпает под ногами.

За колючей проволокой, в квадрате из высоких штабелей дров, — огромная печь. В ней фашисты сожгли сотни тысяч узников.

В служебных помещениях и арестантских бараках разбросаны списки уничтоженных, письма, документы, фотографии. Бумаг — тонны. Их собирают члены нашей правительственной комиссии. Я помогаю им. Кое-что, с разрешения комиссии, оставляю себе: возможно, пригодится, когда буду об этом писать.

А сегодня, прочитав о неизвестном мне узнике Освенцима, я вспоминаю о свертке из моего архива. Сверток небольшой. Вот «паспортная книжка» № 912 на имя Яна Иосифовича Кенека, рождения 1882 года. Католика. Бывшего рядового лейб-гвардии Московского полка. Как и за что попал этот старик в Освенцим?.. Вот рукописный журнал на украинском языке, временное удостоверение личности, выданное некоей Прасковье Тресиловой, 1924 года рождения, проживавшей в Бобруйске, на Шоссейной, № 215, и «эвакуированной» ... в Освенцим. Вот стихи «Писня про молодисть з жизни». «Пысала цей стишок Голуб Катя, 13/VIII 1943 року».



Еще письма, открытки на разных языках, фотографии. Вот, наконец, сорок три тетрадных листочка, прочно сшитые, исписанные по-русски, неразборчиво, покрытые математическими таблицами, кинематическими схемами. Листки побывали в воде, и многие строки расплылись. Ни фамилии автора, ни адреса.

Что бы это могло быть?

Несколько раз мне попалось странное слово «аквалёт». Слово «плавучесть», «водоизмещение», «скорость» навели на мысль о проекте подводного судна, может быть, батискафа — и все!

И тут я подумал, что мне не следует держать под спудом эту тетрадь, и отослал ее в редакцию.

Вскоре я получил два письма.

«Уважаемый товарищ, — писала редакция, — рукопись, присланная Вами, была восстановлена и прочитана криминалистами. Удалось разобрать и фамилию автора: Глебов Николай Иванович, инженер-подводник. В последние годы своей жизни Николай Иванович работал над проектом подводного судна нового типа. Теперь техническую идею Глебова осуществило одно конструкторское бюро, в работе которого принял участие доктор физико-математических наук Евгений Николаевич Глебов, сын изобретателя.

Впрочем, Евгений Николаевич напишет Вам сам».

Второе письмо — от сына Н. Глебова — у меня не сохранились. В нем Евгений Николаевич благодарил меня за ценную для него находку. Я ответил, и постепенно завязалась переписка, оказавшая большое влияние на мою судьбу.

Все станет понятнее, если я приведу одно из его последующих писем, опустив начало, не имеющее отношения к делу.

«... В конце 1940 года отец взялся за разработку оригинальной идеи аквалета, — писал мне Евгений Николаевич. — Это как бы подводный самолет с водометным движителем, то есть гидрореактивный.

Напомню Вам, что привилегию на способ движения судов посредством перекачки воды (раздувательными мехами!) взяли англичане Тугуд и Хейес еще триста лет назад.

Первую же попытку построить пароход с гидрореактивным движителем предпринял американец Джемс Рамзай в 1797 году. В 1831–1835 годах в России проект подобного судна с поршневым насосом разработал в сибирской ссылке декабрист М. Бестужев.

Брались за это дело и А. Саблуков (1838), С. Бурачек (1840), а капитан дальнего плавания И. Костович впервые выступил в 1878 году с проектом подводной лодки с водометным движителем.

Можно привести по меньшей мере три десятка имен их последователей, но упомяну лишь А. Пермякова, испытавшего в 1909 году на Москве-реке свой водометный пароход, и М. Хренникова. Как и мой отец, он в 1940 году начал разрабатывать водометный движитель для сибирских рек.

За триста лет человечество не очень-то продвинулось в осуществлении столь заманчивой идеи. Мой отец прекрасно понимал все трудности, но с тем большей страстностью отдался своему проекту.

К сожалению, многие из своих расчетов и чертежей отец взял с собой на фронт, надеясь, очевидно, закончить проект в

свободное время. Вы случайно подобрали в Освенциме листки с расчетами самого движителя, весьма оригинального даже для наших дней, и кинематической схемой. Все это ускорило завершение проекта.

Если у Вас появится желание подробнее поговорить об аквалете — милости прошу, Вы будете желанным гостем.»

Ваш Е. Глебов

2

Настало время представиться читателю, хотя мне и трудно рассказать о себе, потому что я увлекался решительно всем, но не достиг совершенства ни в чем. Вот если бы я смог снова начать свою жизнь, сохранив при этом приобретенный опыт, то...

Гм! Боюсь, что, как некогда в Ереване, я стал бы вождем краснокожих, Черной Пантерой; трижды бежал к берегам Амазонки и трижды был бы доставлен домой работниками милиции; затем стал бы «гипнотизером» и усыплял собак и кошек Векиловской улицы; писал бы фантастические поэмы, снимался в массовых сценах армянского фильма «Первые лучи», строил бы летающие модели самолетов.

Потом я переехал бы из Еревана в Кисловодск и готовился стать жонглером. Несколько лет спустя умчался бы в Москву и стал инструктором в областной школе летчиков-планеристов на станции Планерная. Научился бы летать на У-2 и буксироваться на планерах за самолетом. Не отказался бы и от поездки в Орджоникидзе, чтобы полететь на планере с вершины Столовой горы и выполнить первый в Северной Осетии прыжок с парашютом.

Обязательно сделался бы военным летчиком-истребителем и накрутил тысячи петель, бочек и иммельманов.[2] А

потом пошел бы в Аэрофлот, чтобы стать командиром корабля и налетать с десяток тысяч часов. Однако хватит о себе...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Аквалет

1

Евгений Николаевич моложе меня лет на пять. Мы с ним одного роста, но в плечах он уже, худощав и оттого кажется хрупким. Лицо этого потомственного россиянина, скорее, грузинское. Черные-черные волнистые волосы, смуглая кожа, резко очерченные брови и голубые умные глаза. Родился он под Москвой, в деревне Филино, той, что находится в двух километрах от Сходни. Когда-то там была Московская областная планерная школа, и многие филинские ребята по традиции стремились в авиацию.

Но юный Глебов избрал себе другой путь. Он стал астрономом и к моменту нашего знакомства уже имел ученую степень доктора физико-математических наук.

Его эрудиция и память не имели границ — позже мне довелось в этом удостовериться. Временами он казался рассеянным, но вскоре я понял, что это признак глубокой сосредоточенности. В разговоре он не позволял себе отвлекаться, не прерывал собеседника и обнаруживал редкостный талант внимательного слушателя.

Тридцатиградусная московская жара действовала угнетающе. Евгений Николаевич по моей просьбе извлек из холодильника нарзан и кефир и теперь наблюдал, как я с величайшей осторожностью дозировал то и другое.

— Чудо! — воскликнул он, попробовав шипучей белой смеси. — Никогда не подозревал, какое богатство у меня в холодильнике... Ваше изобретение?

— Нет, — признался я. — Как-то много лет назад в пионерском лагере, в Дарачичаге, я познакомился с древним стариком, чабаном. Возле лагеря, в лесу, бил родник минеральной воды — Тути джур. Старик, армянин, и научил меня смешивать эту воду с кислым молоком — армянский коктейль. Говорил, что напиток этот жизнь человеку продлевает.

— Замечательно! Не знал я, какой вы мастер.

— Можно подумать, что вы хоть что-нибудь обо мне знаете.

— Ну-с... Мне известна ваша любовь к аквалангам...

— Гм!

— ... и ваше намерение написать книгу очерков о подводных экскурсиях.

— Как вы могли узнать?

— От нашего общего знакомого, Андрея Ивановича...

— Шелеста?

— Так точно. Вы давно виделись с ним?

— Около года. Он первым в нашем подразделении перешел в группу космонавтов. С тех пор мы и не виделись.

— А я назначен штурманом в его экипаж, — как бы между прочим заметил Евгений Николаевич, и его голубые, всегда улыбающиеся глаза построжали. — А сейчас об аквалете. У меня к вам предложение, даже просьба.

— Слушаю вас.

— Аквалет готов. Шелест настоятельно рекомендует вас в качестве испытателя. Да что тут разговаривать! — Евгений Николаевич взял с письменного стола альбом с чертежами и фотографиями аквалета и подал мне.

Едва я взглянул на них, как мой извечный противник — шайтан, — всегда живущий в моей груди и закрывающий пути

к спокойной жизни, засуетился и стал нашептывать: «Это именно то, чего тебе не хватало до сих пор!»

«Но я же не водолаз», — мысленно возразил я.

«Глупец! — разозлился шайтан. — А твой акваланг?»

«Может быть, за испытание этой штуки разумнее взяться другому?» — мягко сопротивлялся я.

«И отказаться самому проникнуть поглубже в подводный мир?!» — усмехнулся шайтан.

«Разве я сказал, что отказываюсь?»

«Я бы стал вращаться от удивления, как этот вентилятор! Чего ты еще раздумываешь? Решили, что ли? Вперед!»

«Только вперед!»

«Давно бы так. А теперь давай рассмотрим, что это за штука. Я ведь большой любитель технических новинок! Закури. Портсигар у тебя в левом кармане, а это папиросы хозяина — имей совесть!»

Я отдернул руку, но Евгений Николаевич любезно пододвинул ко мне папиросы и пепельницу:

— Пожалуйста, не стесняйтесь. Так вы не возражаете?

— Расскажите лучше... — деловым тоном начал я.

— ... как вам согласовать все с вашим командованием? Это я беру на себя.

... Через три дня мы вылетели с Евгением Николаевичем в Симферополь, там пересели на вертолет и приземлились в небольшом селении на берегу моря.

2

Вот он, мой красавец — крылатый подводный самолет!

Представьте себе небольшую пузатую авиетку без колес и воздушного винта. Корпус планера сделан из зеркалита — фторопластической массы, и потому поверхность его внешне напоминает зеркало, а изнутри — обычное стекло.

Стенки корпуса двойные, с отсеками. В отсеках — несколько плоских портативных аккумуляторов. В средней части корпуса, в круглом тоннеле, — мощный насос: передние элементы его Должны всасывать воду, а задние — выталкивать. При этом будет возникать сильная, как у гидромонитора, реактивная струя.

На конце утолщенного фюзеляжа — самолетный хвост с рулями направления и глубины (ведь не зря же в авиации рули высоты долгое время назывались рулями глубины!).

Крылья прозрачные, профиль утолщенный, симметричный. Внутри крыльев — резервуары, при погружении они заполняются водой. А вот и главный «фокус»: крыло перевернутого профиля расположено под таким углом к продольной оси аквалета, что общая слагаемая гидродинамических сил, возникающая при движении, направлена не вверх, как у самолета, а вниз! В общем, самолет наоборот: вместо подъемной возникает сила, увлекающая машину вниз.

Конечно, аквалет рассчитан на небольшие глубины, до тысячи метров, но я знал — ни одно подводное средство передвижения не обладает такой быстротой погружения и маневренностью.

Наконец сама кабина — удлиненное большое яйцо из зеркалита. Она просто вставляется в фюзеляж и крепится к его трем узлам. Внутри узлов имеются пиропатроны для катапультирования кабины, если аквалет застрянет в подводных скалах.

И вот я в кабине. Здесь, в носовой части, — телевизионный передатчик и приборная доска. Под сиденьем аквапилота (вот уже и наименование моей новой специальности) — аппаратура для различных видов подводной съемки.

В управлении аквалета много знакомого. Впрочем, вот и новое — тормозные педальки, расположенные над педалями руля поворота. Не удивляйтесь! Я не оговорился: это педали

заднего хода, они заставляют насос реверсивного типа гнать воду в обратном направлении. Если нажать на тормозные педали во время движения аквалета, то скорость подводного самолета начнет быстро падать. А если продолжать нажимать педали, машина даже может медленно пойти назад.

3

Для первого погружения мы выбрали яркий полдень. Небо было ясное, и тучи не поглощали света — обстоятельство, весьма желательное для подводных плаваний.

Привязавшись к сиденью ремнями, я кивнул Евгению Николаевичу и закрыл герметическую дверцу кабины. Кислородное оборудование исправно, включаю аккумуляторы и нажимаю на рычаг погружения. Над моей головой сомкнулись воды Черного моря. Глубина пять метров, десять... Слышу цоканье копыт, скрежет, лязг металла, чьи-то тяжелые вздохи — голоса подводного мира.

Справа от меня в синеватый полумрак опускаются губчатые скалы, покрытые полосами водорослей. Прямо передо мной замер морской конек. Он изумленно рассматривает свое отражение в зеркалите, затем, слегка шевельнув хвостом и не меняя вертикальной позы, направляется навстречу «собрату».

Я приостановил погружение. Потом, чуть двинув аквалет вперед, стукнул чудака по носу — конек завертел хвостом, точно винтом, и исчез.

Огромный окунь с широкими красными полосами и белым брюхом натолкнулся на прозрачное крыло, стал на голову и широко открыл рот перед непонятным ему препятствием. Колючая скорпена, лежа на выступе скалы, укоризненно смотрела на глупого окуня.

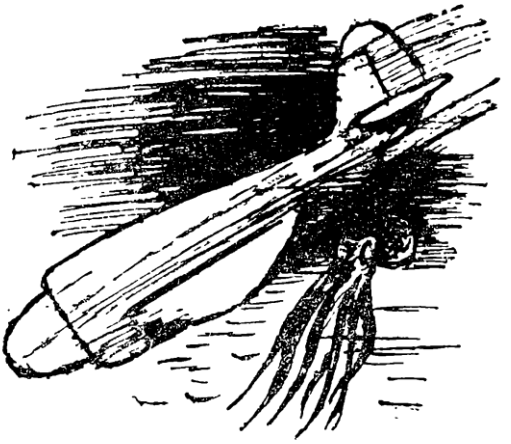
Молодые ставриды покусывали сзади тонкое ребро крыла, вероятно, приняв его за медузу. Крохотные барабульки стремительно пронеслись надо мной.

Погрузившись метров на тридцать, я включил насос. За спиной знакомые звуки: так у меня дома работает холодильник «Днепр» ... Скалы медленно двинулись назад. Я увеличил скорость до двадцати, сорока, пятидесяти, ста километров в час. Аквалет стремительно летел вдоль берега, распугивая рыбу.

Я знал карту района наших испытаний, одного из самых глубоководных у южного побережья, был уверен, что здесь мне не угрожают ни рифы, ни подводные вершины, и потому чувствовал себя, как в ясном небе, вдалеке от трасс Аэрофлота и военных аэродромов.

Левый крен — я развернулся и ушел в открытое море. Скорость сто пятьдесят километров!

Чувство необыкновенной свободы и легкости охватило меня. Отжав ручку управления, я устремился вниз, в зеленоватый полумрак, затем, увеличивая мощность мотора, плавно потянул ручку на себя. Еще и еще... Горизонта, такого привычного и обязательного в воздухе, здесь не было, серебристо-свинцовая поверхность моря очутилась у меня под ногами и стала уходить куда-то назад. Я уже пикирую...



Петля Нестерова — первая петля в Черном море!

Теперь я полностью уверовал в аквалет. Несколько глубоких виражей — и, выйдя на прямую, я, осторожно работая рулями, положил аквалет на спину и сделал бочку; еще одну — вправо.

Влево, вправо, влево...

Прибавив скорость, иду на петлю, но в верхней точке фигуры переворачиваю машину через правое крыло из положения вниз головой в обычное — получается настоящий иммельман.

И все же я не чувствую скорости. Так бывает на самолете в облаках. Вот если бы в поле зрения попало что-нибудь... Но берег далеко, дна не видно, а небо — блестящая поверхность моря надо мной, напоминающая крышу оранжереи, — очень однообразно.

Я отворачивал и вправо, и влево, кружил на месте, пока не выпросил у своей снисходительной фортуны лакомый кусочек приключения...

Вдалеке я увидел огромную рыбину и устремился к ней.

Она то летела стрелой вперед, то, мгновенно меняя направление, взмывала вверх или уходила вниз, но я прочно «сел ей на хвост». Аквалет слушался малейшего движения рулей и охотно выполнял развороты с большими кренами, чуть не на месте.

Бедной рыбине временами удавалось ускользнуть от меня, но я без труда догонял ее на прямой, и бой на виражах и вертикалях начинался заново. Дважды она попадала в струю от насоса и, оглушенная ударами воды, кувырком отлетала прочь.

Рыбина была не менее трех метров длиной, и ей приходилось затрачивать много сил, а у меня за спиной весело работал мотор, не знавший усталости. Ей все труднее ускользать от меня, движения ее стали неуклюжими, точно она надела на себя тяжелые рыцарские доспехи.

В какой-то момент наши взгляды встретились, и мне показалось, что в ее злых глазах мелькнуло отчаяние.

Наконец, напуганная, обессилевшая, она вяло расправила плавники и повернулась огромным белым брюхом кверху, как бы выбрасывая флаг капитуляции.

Я вынырнул и не увидел берега. Включил радиокомпас, настроился на приводную радиостанцию ближайшего аэродрома и, определив направление, пошел к берегу.

— Дорогой мой, — стараясь казаться сердитым, говорил Евгений Николаевич, пожимая мне руку, — разве можно так! Я уже думал, не врезались ли вы в скалы...

— А что же, и мог бы, — подхватил я. — Надо установить локатор, даже два-три...

— Обязательно! А теперь скажите, одним словом... Я же жду!

— Нормально!

4

С этого дня началась окончательная доводка этой замечательной машины. В аквалете появились ультразвуковые локаторы, аппаратура для наводной и подводной связи.

На больших глубинах было холодно, и я промерзал, что называется, до костей. Поэтому Евгений Николаевич оборудовал установку для электрообогрева кабины.

Под полом он установил портативную аппаратуру для магнитной и гравиметрической съемок.

— А это зачем? — удивился я.

— Дорогой мой, — ответил Евгений Николаевич, — я хочу поделиться с вами важной новостью: наш аквалет примет участие в экспедиции профессора Егорина...

— Егорин? Ростовчанин, мой земляк?

— Он самый.

— Я читал о нем, но там не было ни слова об аквалете.

— Неудивительно: аквалет «родился», по существу, только сейчас.

— А кто будет... аквапилотом? — ревниво спросил я.

— Найдут кого-нибудь...

Евгений Николаевич отвернулся, ища портсигар и спички.

— Ах, вон как! Ну, что ж... удачи, — разочарованно сказал я.

— Куда вы?

— Домой!

— Успеете. Профессор Егорин будет ждать вас. Я засмеялся и хлопнул хитреца по плечу.

5

Помню, в те дни в журнале «Техника — молодежи» опубликовали очерк о новой работе Глебова. Речь шла о некоторых особенностях жизни Вещества. За бойкостью изложения скрывалось нечто такое, что ускользнуло от меня. Я пожаловался Евгению Николаевичу.

— Не огорчайтесь, — сказал он. — В науке много такого, что трудно поддается популяризации. Скажем, мы разбираемся в понятиях о продолжительности жизни любого объекта природы, будь то человек или растение, пылинка или галактика. Мы знаем: неизменного нет — и верим этому. Жизнь учит, убеждает нас: сколько ни существуй, а конец будет. Нельзя наращивать время существования бесконечно, хотя математика и воображение позволяют нам мысленно представить себе сколь угодно большое число миллионолетий.

— Верно, — согласился я, — если это бесконечно большое время не связывать с конкретными объектами природы.

— Ну а если мы начнем, так сказать, уменьшать время и пространство? — спросил Евгений Николаевич.

— Вероятно, то же. Хотя...

— Вот видите, в этом случае труднее. Давайте совершим с вами небольшую экскурсию в глубины материи.

С помощью волшебницы-мысли мы стали быстро уменьшаться в размерах и вскоре очутились у полосатого пограничного столба с буквой «h».

— Это не что иное, — сказал Евгений Николаевич, — как символ «постоянной Планка», очень важной в современной физике.

— И обозначает она?

— Количество действия. Шагайте смелее: по ту сторону столба находится Микромир! Вот так... А сейчас — за работу.

По знаку, поданному Евгением Николаевичем, мы с ожесточением принялись дробить Пространство и Время на мельчайшие доли. Когда я уже выбился из сил и стал подумывать, что этой работе не видно конца, мой друг нанес крохотной частице последний удар, расколол ее надвое и, тяжело дыша, поднял руку.

— Хватит, — сказал он. — Мы уже дошли с вами до точки.

— Что вы имеете в виду?

— Смотрите: это мельчайшая точка Пространства и Времени, в пределах которой еще может что-то существовать, произойти; мельчайшая с точки зрения нынешних знаний.

— Я сейчас так стукну по ней, что из нее искры посыпятся!

— Пожалуйста. Но делайте это мысленно, отвлеченно от природы вообще, считая, что Пространство и Время могут быть всегда независимыми от материи.

— Ну, на это я не согласен! Ведь Пространство и Время — это формы существования материи.

— Тогда обратимся к самой точке. Вы видите, она очень мала, но все же не равна нулю. Это означает, что овеществленная материя развивается в Пространстве и Времени, имеющих измеримые величины. Получив в свое распоряжение эти величины и поделив первое на второе, мы получим скорость,

которую я назвал скоростью мирового хода времени. Это понятие является одной из важнейших характеристик природы. Грубо говоря, это как бы скорость жизни Вещества, спидометр Мироздания...

И тут мне пришла в голову мысль: является ли эта скорость постоянной?

— Думаю, что больше оснований допустить это, нежели то, что материя развивается неритмично — то скорее, то медленнее.

— Я о другом: возможно ли, что эта скорость мирового хода времени постоянна лишь для нашей Галактики или Метагалактики. Допустимо ли существование таких материальных систем, где все развивается в сто, нет, в тысячу раз быстрее или медленнее?

— Да, возможно.

— А если в нашей Галактике есть места с иной, большей скоростью развития материи? — не унимался я. — На Земле проходит год, а там — сто лет! Да еще если и космическое пространство, разделяющее нас, хотя бы на некотором протяжении обладает такими же особенностями... Тогда можно бы слетать на какую-нибудь «быструю» планету, пожить там и вернуться назад всего через пятнадцать — двадцать лет.

— В пределах нашей Галактики это менее возможно.

— Это еще как сказать, — разошелся я. — Возможно, спиральная структура нашей и многих других галактик тем и объясняется, что в них есть как бы два потока материи, и более быстрый поток, обгоняя своего соседа, отжимает его внутрь...

— Вы уже не спрашиваете Меня, а сами выдвигаете гипотезы, — засмеялся Глебов.

Я с уважением посмотрел на маленькую стойкую частицу Пространства и Времени, не подозревая, какую значительную роль она могла бы сыграть и в моей, такой огромной в сравнении с ней жизни.

Закурив, я сделал глубокую затяжку и вдруг увидел, что мы вновь сидим на берегу Черного моря, под ласковым крымским солнцем, окруженные привычным голубым пространством. Экскурсия в недра материи окончилась...

— То, что я вам рассказал, — предупредил Евгений Николаевич, — пока еще лишь философская основа моей новой работы. Нужны долгие размышления, поиски доказательств, наконец, сами доказательства. Одним словом, я изучаю сейчас конструкцию замка, а потом уже буду искать к нему ключ...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Когда человеку хорошо — это опасно»

1

Боб Хоутон опять сидел в приемной редактора. Здесь четыре года назад он напряженно ожидал, когда его вызовут к шефу и решится вопрос о приеме на работу.

Год назад в эту же комнату с диванами, пальмами в кадках и старинными английскими часами размером с голландскую печь его вышвырнули из редакторского кабинета, как бейсбольный мяч.

А утром следующего дня Боб пересекал ее в обратном направлении, и, хотя его шаги были не совсем тверды из-за выпитого мартеля, он шел как победитель.

Он пробыл тогда у шефа не менее двух часов, и, когда вновь появился в приемной, его ожидали собратья по перу, прожженные газетчики, первыми прилетающие к месту сенсации, как бабочки на свет, едва перст судьбы прикоснется к белой кнопке Включателя Новостей. Они завидовали Бобу, отправляющемуся в дальний путь на Пито-Као.

Пито-Као... Нелегким оказалось для Хоутона пребывание на этом острове. Он жил там, как стрекоза в сачке натуралиста. Но ему все же здорово повезло: он ускользнул от Бергоффа и Дорта.

Несколько месяцев прожили они с Паолой на Отунуи — соседнем острове, у соплеменников Мауки. Каждый час они ожидали появления Курца, а то и самого Бергоффа и скрывались даже днем.

Неделю спустя после того, как на Пито-Као вспыхнула эпидемия арпела, к Отунуи пристал катер. На берег высадилось человек двадцать, одетых в белые халаты.

Мауки отправился на разведку, а Боб и Паола бежали на противоположный край острова, туда, где высилась замшелая гора Ратануи — давно потухший вулкан. Паола изнемогала от страха. Каждое дуновение ветра, крик чайки казались ей предвестниками беды.

— Ах, Боб, — без конца повторяла она, — когда человеку хорошо — это опасно?

Пришел Мауки. По его словам, выходило, что люди в белых халатах вовсе не помощники Дорта. Они прилетели сюда с Большой земли, чтобы уберечь оставшихся в живых. Мауки сам слышал, как начальник Белых Халатов, по имени Гровер, говорил об этом жителям Отунуи.

— И теперь всем делают уколы, всем до единого, — закончил Мауки.

— Как зовут начальника Белых Халатов? — взволнованно переспросил Боб.

— Гровер, — повторил Мауки.

— Паола, — возбужденно сказал Боб, — в словах этого парня мне чудится надежда. Я пойду туда.

— Не надо! — воскликнула итальянка. — Я боюсь...

— Я не стану показываться им на глаза, — заверил Хоутон. — Я только гляну издали, одним глазком, и если это тот Гровер, с которым я учился в школе...

— То?

— Не волнуйся за меня. Но ведь ты знаешь, каких ужасных микробов выпустил Дорт на волю. Не дай бог тебе заболеть! С такими вещами шутить нельзя. Я скоро вернусь.

Да, это был Роберт Гровер, старый школьный товарищ. Хоутон написал записку, и Мауки незаметно вручил ее Гроверу. Друзья встретились в небольшом скалистом ущелье.

— Боб?! — поразился Роберт. — Дружище, я уже и не верил, что увижу тебя!

— Здравствуй, парень, здравствуй! Ты мне так нужен сейчас.

Они закурили.

— Выкладывай, — сказал Гровер.

— Меня ищут?

— Нет. После того как нашли на рифах остатки моторной лодки, решили, что ты погиб.

— Хорошо! — облегченно вздохнул Боб. — Я нарочно загнал ее туда...

2

Прошло полгода. Карантин с Пито-Као и Отунуи был снят. Самолеты стали вывозить людей на материк. Гровер оказался верным товарищем: он не только не сказал никому о Бобе и Паоле, но и помог им тайно улететь с острова.

Настал день, когда Боб снова появился в приемной редактора и как ни в чем не бывало кивнул хорошенькой стенографистке Мод, секретарю редактора.

Красивое личико Мод побелело, настолько побелело, что пунцовая губная помада на ее маленьких пухлых губах стала казаться фиолетовой.

— Здравствуйте, Мод — улыбнулся Хоутон. — Рад видеть вас целёхонькой и на том же боевом посту — у вигвама нашего шефа. Не удивляйтесь: я прибыл с того света!

Мод взвизгнула. На ее крик вбежали секретарь редакции Мейфгоу и сам шеф.

Но через две-три секунды в приемной не оказалось ни души. Это первый случай за последний десяток лет, когда сам редактор был, что называется, сражен воистину сногсшибательной новостью и, как любила говорить Мод, выбит из седла!

Ротационные машины в типографии успели отпечатать не менее полумиллиона экземпляров газет, пока в редакции воцарился порядок. Мод убедилась, что Боб — это Боб и нечистая сила здесь ни при чем.

— Вы поверите, мистер Хоутон, — уверяла Мод, — я едва не растерялась, когда вы вошли вот в эту дверь. Все получилось так неожиданно! Ведь патрон несколько месяцев назад диктовал мне некролог. Мы считали вас погибшим... Я не смогла тогда удержаться от слез.

— У вас добрая душа, Мод, — прочувствованно произнес Боб. — Я не сомневаюсь, что мы и впредь останемся друзьями. Вы похорошели! Не оттого ли, что вышли замуж?

— Что вы, мистер Хоутон, — смутилась девушка. — Я ведь могу тогда потерять работу: патрон считает, что для личной секретарши замужество большой минус.

— Хорошо-хорошо, — прервал редактор, появляясь в приемной. — Идем ко мне, мой мальчик. Нам предстоит мужской разговор. Мод, раздобудьте нам две порции виски с содовой.

— Слушаюсь, патрон.

— В этом нет необходимости, — запротестовал Боб. — Я пью только на Новый год.

— Ого! — воскликнул шеф. — Ты продолжаешь делать успехи, мой мальчик. Действуйте, Мод, действуйте: возвращение мистера Хоутона — вполне новогоднее событие.

Бобу продолжало чертовски везти. Шеф опять взял его на работу и в два-три дня «сделал его приличным человеком».

— Ну вот что, мой мальчик, — сказал он в заключение, выслушав правдивую одиссею Боба, — надо немедленно действовать, иначе Бергофф, как только оправится, съест тебя.

— Как поживает мой верный друг?

— Паршиво. Он отошел от дел и, как уверяет, навсегда... «Миллионер на пенсии!» Но, разумеется, никто этому не верит: скорее всего он нащупал что-то еще, но держится в тени, пока его подмоченная репутация сохнет на солнышке. Ты же знаешь, как у нас: делай что угодно, лишь бы об этом не подозревали те, кому не положено.

— Знаю, — усмехнулся Боб.

— А Бергофф все же был замешан в скандале с Дортом.

— Не слишком ли это мягко, шеф?

— Нет. Истинное положение вещей знают немногие. Но давай сменим грязную сорочку. Есть недурной бизнес, Боб: ты пишешь разоблачительную статью, а я берусь...

— Опубликовать? — поразился Хоутон.

— При красном светофоре? — поморщился шеф. — Я сделаю иначе: дам копию твоей статьи прочитать Бергоффу и скажу, что ты предлагаешь свое молчание за кругленькую сумму. Ну-с, немного заработаю и я.

Боб задумался. Он понимал, что просто уйти от мести Бергоффа у него мало шансов. Сделать бизнес? Пожалуй, так будет безопаснее. Гм... «Сменим грязную сорочку...»

Он кивнул редактору — шеф уже бойко набирал номер и знаком предложил Хоутону взять трубку параллельного телефона: игра шла в открытую.

— Мистер Бергофф? Здравствуйте. Да, я. Дальнейший разговор Боб слышал слово в слово.

— Чем обязан такой чести, мистер редактор?

— Доволен, что могу поделиться с вами приятной вестью: наш корреспондент Хоутон жив и благополучно возвратился домой...

С минуту телефонная трубка рычала и изрыгала проклятия.

— Я так и думал, что это порадует вас, мистер Бергофф, — наивно произнес редактор.

— Ч... черти бы взяли всех ваших журналистов! Э... э... этот пр-р-роходимец еще жив?

— Вот именно, мистер Бергофф, вот именно. И это так кстати: его появление сразу отметает подозрение в том, будто вы пристукнули его на Пито-Као. Вы же помните, какое впечатление произвели на публику прозрачные высказывания «Таймс»? Я не считаю эту газету солидной, но все же такая версия была пущена в ход.

— И, как всегда, стоила мне уйму денег!

— Теперь ваше доброе имя легче будет восстановить, мистер Бергофф.

— Вы думаете?

— Убежден! Предоставьте все мне.

— Но шею этому негодяю я сверну сам!

— Ни в коем случае, мистер Бергофф, ни в коем случае, — забеспокоился редактор. — Теперь — понимаете, теперь — это исключено... Не забывайте, что мы не на острове. Да и к чему? Всякое бывает в нашем сложном мире деловых отношений, мистер Бергофф. Проще купить его молчание.

— Молчание?!

— Да, Хоутон принес мне статью разоблачительного характера, оставив копию ее у своего нового нотариуса.

— Его имя?

— Увы, мистер Бергофф, Хоутон так скрытен. К счастью, он — покладистый малый, и я уговорил его пойти на мировую.

— Сколько? — тяжело дыша, спросил Бергофф.

— Я полагаю, сто тысяч долларов вас устроит?

— Хорошо.

— Очень рад, мистер Бергофф, утром можно будет все оформить.

— Сейчас, немедленно! Я пришлю чек и полагаюсь на вас. Чек на ваше имя будет отдельно.

— Разумеется, мистер Бергофф, рад быть вам полезным. Вы что-то хотели спросить?

— М-м... Не слышали ли вы что-либо о судьбе Паолы?

— Как же, мистер Бергофф, как же! По-моему, они поженились...

— Запомните, — вдруг жестко и твердо сказал Бергофф, — Паолу я не продам и за миллион! Поняли? В трубке раздался сухой щелчок.

— Не нравится мне финал нашей приятной беседы, мой мальчик, — вздохнул шеф. — Послушайся моего совета: получи деньги, и уезжай с Паолой на край света.

— Теперь я не уеду! — упрямо ответил Боб.

— О, господи, — развел руками шеф, — наступит ли время, когда женщины поймут, как они усложняют святую простоту деловых акций мужчин?..

3

Вскоре Боб и Паола купили себе дом в пригороде, прекрасную обстановку и голубой «шевроле» с лампами дневного света, телефоном, холодильником и кондиционером. Оставшиеся сорок тысяч долларов они положили в банк.

Паола вернулась в цирк. Она была прирожденной артисткой цирка, и Боб уступил: когда вы любите, то даже гвоздь

гнется у вас под рукой, если она не хочет, чтобы вы забили его в стену.

Два месяца длилось их счастливое новоселье, и вот вчера вечером, перед началом представления...

— Мистер Хоутон, — весело сказала Мод, прерывая его воспоминания, — совещание у патрона закончилось, и вы можете войти к нему.

Боб поднялся, рассеянно кивнул ей, причесал растопыренными пальцами свою рыжую шевелюру и устало, чуть сутулясь, вошел в кабинет.

— Здравствуй, Боб! — шумно приветствовал его редактор. — Что привело тебя в такой неурочный час?

— Вторые сутки, шеф, как Паола исчезла! Сыщики никак не могут напасть на ее след...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В Тихий океан за Северным полюсом

1

Угловой дом на улице Энгельса. Вход в парадное. Третий этаж. Квартира номер четыре. Дверь обита темным дермантином. Белая дощечка с надписью: «А. И. Егорин».

На звонок вышел полный загорелый человек лет пятидесяти. Его круглый подбородок гладко выбрит, а под ним — другой.

— Аквапилот?! «Прошу», — радушно произнес он и крепко пожал мою руку. — Егорин...

Профессор улыбается, и вокруг его веселых карих глаз возникает сеть морщинок.

— Проходите в кабинет.

Вдоль стен небольшого кабинета стоят трехстворчатые шкафы с книгами. Направо диван, слева от входа тумбочка с превосходно вылепленной скульптурой из пластилина — бюст женщины с тонкими чертами лица.

— Угощайтесь, — предложил Александр Иванович, ставя передо мной вазу с загоревшими в донских садах грушами. — Можете закурить, если очень хочется...

Слово «очень» я пропустил мимо ушей и поискал на письменном столе пепельницу. Чугунный чертик с длинным, изогнутым хвостом дерзко показал мне нос. Осердясь, я отодвинул его за груду книг. Как он попал из дымного ада на светлый стол ученого?

Александр Иванович подал чистую пепельницу. Закуриваю, пускаю длинную струю дыма в сторону открытой форточки, но порыв ветра весело мнет ее, разрывает в кудрявые клочья и, старательно перемешав, бросает их в профессора. Егорин рейсшиной захлопывает форточку.

— Дует! Курите, не стесняйтесь... Придется мне привыкать: мы ведь с вами теперь вместе чумаковать будем.

Я еще не знал тогда, что он — потомок запорожцев, в далекие времена поселившихся на Дону, что детство его прошло в небольшой казачьей станице, основанной его предками, что дед его занимался извозом, но и не зная этого, я с удовольствием услышал старинное слово «чумаковать» от солидного профессора.

— Вы думаете, я смогу принять участие в экспедиции?

— Уже принимаете.

— Значит, можно не сомневаться?

— Только в этом. Вообще же сомнение — мать утверждения. — Голова его чуть наклонена, будто он, разговаривая со мной, прислушивается еще к чему-то.

— А на чем мы отправимся в путь?

— Это деловой вопрос, — оживился Александр Иванович. — Вы первый спрашиваете у меня «на чем», а не «куда». На атомном вертолете «Илья Муромец».

— А! Знаю эту машину. Читал о ней и видел фотографии в журнале. А куда, в самом деле, мы отправимся?

— В Тихий океан, в район острова Пито-Као. Александр Иванович встал, прошелся по кабинету и устроился на диване с высокой спинкой. Морщинки у глаз его разгладились, взгляд стал воинственным и даже озорным. С этой минуты в беседе нашей исчезла некоторая медлительность, почти неизбежная при первом знакомстве.

— Геологов, — жестикулируя, рассказывал Александр Иванович, — интересует наша планета в целом, весь, как говорил Чкалов, шарик. И то, что есть на самом шарике, и то, что заключено в нем. Лично я с удовольствием извлек бы из этого шарика весь уголь и всю нефть, и он стал бы пористым, как губка.

— Ого, — не утерпел я. — Тут вы, наверное, хватили лишку.

— Лишку?! — возмутился Александр Иванович, замахав руками. — Да знаете ли вы, какая большая часть органического мира Земли миллионы лет превращалась в каменный уголь и нефть? Не знаете. И я не знаю! — с каким-то отчаянием закончил он.

Удивленно смотрю на своего взволнованного собеседника.

— Да, не знаю, а хочу знать, — упрямо повторяет он.

— Так мы полетим за углем и нефтью! — догадался я.

— Какая проницательность! — ехидно смеется Александр Иванович. — Какая мысль!.. Я вижу у нее наивные детские глаза, длиннющие ресницы и ямочки на щеках; она хватает все, что под руками, и обзывает бякой то, за чем надо тянуться. Этакая пухленькая милашка...

А мне обидно и стыдно за «пухленькую милашку», я злюсь, про себя посылаю профессора ко всем чертям и ищу другую

мысль, точную, мужественную. Но вокруг меня пляшут только «с ямочками на щеках».

— Нет! — гремит Александр Иванович. — Мы будем искать Северный полюс.

— Полюс?! — Тут я привстаю и возмущенно хлопаю ладонью по столу. — В Тихом океане?

— Почему бы и нет? — прищуривается Егорин.

— Ну, знаете ли...

— Я-то знаю, а вы — нет и еще возмущаетесь. Садитесь! И профессор немедленно принялся кромсать мое невежество со страстью человека, влюбленного в свою науку и жаждущего, чтобы эту страсть разделили остальные, чтобы все встреченные им на пути становились только геологами, и никем больше.

— Один мой коллега сравнил Землю с яйцом страуса, сваренным всмятку... — продолжал он, рисуя изогнутыми ладонями в воздухе модель земного шара. — Это — прекрасное сравнение, помогающее понять, отчего ось Земли колеблется в пространстве.

Я смотрел на его выразительные руки и почти явственно видел, как модель нашей планеты, быстро вращаясь, наклоняется то в одну сторону, то в другую.

— Надеюсь, теперь вам понятно, что Северный и Южный полюсы очень неспокойны. Отклонения от нынешних полюсов в прошлом были так значительны, что, как я полагаю, Северный полюс в интересующую меня эпоху находился где-то возле теперешнего Пито-Као.

— Но если это и так, — мстительно говорю я, — то на кой черт... Простите, профессор, что нам в этом теперь, кроме, разумеется, удовлетворения любопытства? Дадите своей «милашке» конфетку, и все?

— Конфетку?! — чуть не взорвался ученый. — Но ведь ось вращения Земли изменяла свой наклон, а Солнце в основном

находилось на одном и том же месте и освещало земную поверхность то так, то эдак. — Его руки показали, как это происходило.

— Допустим...

— Так вот и климатические пояса на Земле в различные времена находились не там, где сегодня, и зависели от положения полюсов и экватора.

— Дались вам эти полюса да пояса! — воскликнул я, снова заражаясь темпераментом Егорина.

— В том-то и беда, что даются они очень неохотно, мой друг. Если мы будем знать расположение климатических поясов во все геологические эпохи, то мы вернее сумеем предсказывать, где сейчас можно встретить в земле уголь или нефть и на какой глубине.

— Вот оно что! — протянул я. — Извините, профессор, я не сразу понял эту идею.

— Скажите лучше, что мне не сразу удалось... — смеясь ответил Егорин, ощупывая пальцами воздух в поисках нужного слова.

— ... вбить в меня эту истину, — помог я. — Благодарю вас. Итак, есть ли смысл искать Северный полюс даже в Тихом океане?

— Есть!

— То-то. Не забывайте, что наша экспедиция комплексная. Весьма заманчиво определить также возраст Тихого океана, уточнить рельеф и геологическую структуру его дна. Уловить подводные течения. Решить некоторые вопросы палеомагнетизма.

— Неужели все это еще не сделано?

— Увы. Моря и океаны — наименее исследованная часть нашей планеты. Плавать мы научились давно — тысячи лет назад, а вот нырять всерьез только учимся. До сих пор мы изучаем морские глубины с помощью неповоротливого,

медлительного батискафа, а вы в своем аквалете откроете новую страницу в технике подводных исследований.

— Заманчиво!

— Теперь несколько слов о вашем оформлении и условиях работы. — Профессор снова вернулся к письменному столу. — А вы злюка... — весело щурясь, проговорил он. — Но я тоже.

2

В наш век людям легче общаться друг с другом, чем, скажем, пяток столетий назад, и каждый из нас имеет больше возможностей для встреч. Потому я нисколько не удивился, когда среди членов экипажа экспедиции, собравшихся в Москве, встретил старых знакомых.

Командиром корабля оказался не кто иной, как Петушок, знакомый и вам. Но теперь это был уже Петр Григорьевич Венев: он возмужал, посерьезнел. Я был назначен водителем аквалета и штурманом вертолета. Третий член экипажа — инженер Алексей Алексеевич Баскин. Он работал когда-то в аэропорту. Мы его звали ходячим техническим справочником.

Потирая широкой ладонью угловатый колючий подбородок, Алексей Алексеевич внимательно вслушивался, бывало, в работу «заболевшего» мотора, а через минуту-две складывал над головой руки крестом: выключай.

— В общем, братцы мои, дело ясное, — уверенно говорил он прокуренным басом. — Моторчик надо менять.

И всегда оказывался прав. Так и остался он в моей памяти непогрешимым по части техники.

Человек он высокий и физически сильный. Перед вылетом я избегал здороваться с ним за руку: кисть после его пожатия становится будто отвальцованная и не чувствует штурвала и рычагов газа.

Его доброе лицо обветренное и загорелое. Темно-карие глаза почти всегда смотрят чуть устало и прямо на собеседника.

В экипаже вертолета имелся еще одни здоровяк — бортрадист Филипп Петрович Петренко, бывший моряк торгового флота. Лет ему под сорок, а уравновешенность и немногословие делали его старше. Ходил он осторожно, вразвалочку, постоянно опасался, как бы чего не свалить, не сломать. Раз пять Филипп Петрович объехал вокруг света, многое повидал и испытал, но рассказывать не любил.

— Так я ж все время в своей радиорубке, — отшучивался он. — Все одно что в субмарине... А вот относительно пеленгов или позывных — это помню.

Широкоплечий, круглолицый, румяный, с черными как смоль усами, с ласковыми светло-синими глазами, Петренко, несомненно, был красив.

3

Трудно описать чувство, охватившее меня, когда я впервые увидел «Илью Муромца».

Вертолет? Да, конечно. Во всяком случае, вверху имеется огромный несущий винт. На длительных стоянках он складывается.

А может, теплоход? Судите сами: на зеркальной глади Химкинского водохранилища на якоре стоит яхта — красивая, белоснежная, с изящными обводами, круглыми иллюминаторами и палубой, наглухо задраенной обтекаемыми листами прозрачного плексигласа. Но вместо мачты на этой яхте — мощная труба, а вместо парусов — четыре широкие и длинные лопасти несущего винта, ротора.

Я стою на берегу и наблюдаю, как грузят мой аквалет. В корме вертолета бесшумно открываются створки грузового

отсека со стапелями для крепления аквалета, затем другие, протянувшиеся вдоль всего борта, а из образовавшегося паза вылезает огромная механическая рука. Не торопясь, слегка изгибаясь в локте, она тянется к берегу, и я невольно отступаю. Растопырив паучьи пальцы, механическая рука обхватывает корпус аквалета, приподнимает его метра на четыре и несет к корме.

Механическая рука уложила аквалет в стапели, и я заметил, как сбоку в фюзеляж моего подводного самолета впились резиновые присоски — крепления; теперь машина не сдвинется с места даже в шторм.

Так же деловито манипулятор вернулся к берегу, взял крылья аквалета и тоже упаковал их в отсек. Створки отсека плавно закрылись, а механическая рука уже снова над моей головой.

Не успел я опомниться, как жесткие металлические пальцы подхватили меня под мышки. Я увидел под собой берег, воду, раздвинувшиеся шторки палубного перекрытия и... веселую физиономию Баскина, стоящего возле пульта управления.

— Алексей Алексеевич! — закричал я. — Немедленно бросьте!

— Дозвольте слово молвить? — засмеялся Баскин, поднимая мизинец левой руки. — Куда бросить: в воду или на землю?

— Я имею в виду ваши шутки, — уже разозлился я, беспомощно барахтаясь над палубой.

— Товарищ дельфин, вы невежливы: я помог вам, а вы... Не болтайте ножками. Вот так.

— Леша, — погрозил я ему, — ведь наша работа только начинается, а расстояние от всепрощения до яростной мести так ничтожно...

— Дозвольте, — снова мизинец просительно полез вверх. — Я предлагаю мир. Хочешь, я покажу тебе все прелести нашего корабля?

Мы начали осмотр с пилотской кабины. Самое интересное здесь, конечно, две вещи: автопилот и, как назвал Алексей Алексеевич, инспектор безопасности.

Автопилот — комплекс компьютеров. Он в значительной мере подменяет пилота. Собственно, пилот только контролирует работу всех агрегатов. Предусмотрен даже такой маловероятный случай: если экипаж выйдет из строя, машина сообщит об этом на базу и, получив соответствующую команду, сама произведет посадку.

Инспектор безопасности более прост по замыслу и техническому решению. На консолях ротора, на носу и в некоторых других частях корпуса расположены маленькие локаторы. Они предупреждают о появившемся препятствии — и столкновение предотвращается.

— А в моей обители есть инженер безопасности, — сказал Баскин. — Пойдем покажу.

Кабина бортинженера удивила меня обилием приборов.

— Ты знаешь, что такое акселетрон? — спросил Баскин.

— Знаю: маленькая коробочка, передающая самые ничтожные ускорения.

— Ясно, — прервал Баскин. — Так вот все лопасти нашего ротора и корпус начинены акселетронами. Их показания поступают в счетно-решающее устройство, которое ставит диагноз. И если вдруг появятся биения в роторе или тряска, то мой инженер безопасности быстро устанавливает причину и дает команду изменить режим полета или работу моторов. Здорово?

У Баскина я увидел приборы, контролирующие напряжение и степень усталости металла в основных силовых узлах, динамическую работу обшивки, корпуса, индикатор центровки...

Понравилась мне кают-компания: чисто, много света и много книг. «Жить можно», — решил

ГЛАВА ПЯТАЯ

Происшествие в цирке Эверфильд

1

Боб долго и тщетно пытался уснуть. Хоть бы скрипнули пружины, чтобы на них сорвать злость! Но нет, в новеньком модном диване это было исключено: губчатый матрац из химической резины послушно принимал форму, удобную для тела, и не жаловался скрипуче на свою судьбу. Гнутая пластмассовая спинка излучала прохладу, радиоподушка — если положить на нее голову — услаждала слух спокойными мелодиями. Но сна, крепкого, здорового сна, эта техника не гарантировала.

Выключив радиоподушку, Боб па ощупь взял с тумбочки сигарету, закурил. Густые струи дыма лениво застряли в косых лучах вечернего солнца, заклубились у потолка.

Боб скользнул взглядом по тяжелой золоченой раме: это любимая картина Паолы — «Вечный город» Питера Блума, масло. Боб вскочил на ноги. Куда угодно, лишь бы находиться среди людей, видеть чужую радость или печаль, чужой успех или неудачу, слышать голоса. Куда угодно, хоть в цирк! Да-да, именно в цирк, который так любила Паола... Любила? Что за чушь! Она жива, она непременно отыщется.

2

Когда издали посмотришь на величественный, вытянутый с запада на восток купол цирка братьев Эверфильд, под которым свободно умещается тридцать тысяч зрителей, то не сразу догадаешься, что сделан он из тончайшего нейлонового полотна. Так монументально надувное здание цирка, так туги и

звонки его стены и толстая, как матрац, крыша, «набитая» гелием!

Возле цирка на площади тесной толпой стоят сотни автомобилей. Их так много, что Бобу пришлось оставить свой «шевроле» на соседней улице и пробираться к цирку путаным лабиринтом.

Над куполом горела, звала реклама:

ЖУТКОЕ ЗРЕЛИЩЕ!

ВЫ ДОЛЖНЫ ЭТО ВИДЕТЬ НЕПРЕМЕННО!

САМЫЙ БЕССТРАШНЫЙ УКРОТИТЕЛЬ В МИРЕ МЕДЖИТТ, ОДИН, БЕЗ ОРУЖИЯ, ЛИШЬ С КИНЖАЛОМ И ЩИТОМ У РУКАХ, ВОЙДЕТ В БРОНИРОВАННУЮ КЛЕТКУ СМЕРТИ... В МОМЕНТ БОЯ ЛЬВА С БЫКОМ

ТОЛЬКО В ЦИРКЕ БРАТЬЕВ ЭВЕРФИЛЬД!!!

!!! БЕЗОПАСНОСТЬ УКРОТИТЕЛЯ НЕ ГАРАНТИРОВАНА!!!

Последние слова, выведенные самыми крупными буквами, тревожно горели алым пламенем. Они ярко вспыхивали на фоне черного неба то тремя короткими вспышками, то тремя длинными, то снова тремя короткими. И так каждые девяносто секунд.

Уже все мальчишки в городе знали, что на телеграфном языке Морзе это означает SOS (... — ...) — международный сигнал «Спасите наши души», подаваемый терпящими бедствия.

Со страниц газет и журналов не сходили портреты укротителя Меджитта. Красивое мексиканское лицо с чарующей улыбкой в стиле назабвенного Дугласа Фербенкса. Журналистам нетрудно было смаковать детали номера в своих

описаниях, заставляя трепетать сердца слабонервных читательниц: номер в самом деле необычен и опасен; Боб дважды смотрел его.

Широко были известны и три другие фотографии: англичанина Джемса, француза Форейля и бразильца Омер-Мария-Эдит-Рэни-Вемона. Эти три богача вот уже два месяца повсюду следовали за Меджиттом в твердой надежде увидеть своими глазами, как лев, или бык, или оба вместе разорвут укротителя. Директора цирка описывали все это в рекламных листовках, не забыв, разумеется, упомянуть, что «... по условиям, разработанным братьями Эверфильд совместно с храбрым Меджиттом, для коронного номера используются только дикие, не прирученные звери, с которыми укротитель встретится впервые лишь на манеже! Истые джентльмены мистеры Джемс, Форейль и Омер-Мария-Эдит-Рэни-Вемон любезно взяли на себя миссию личного контроля за соблюдением указанного правила. Администрация цирка братьев Эверфильд ввела джентльменов в состав жюри».

Девять раз опускался Меджитт в бронированную «клетку смерти» и девять раз выходил из нее невредимым!

— Ничего, — заявил корреспондентам по этому поводу Омер-Мария-Эдит-Рэни-Вемон, — для меня достаточно, если он не выйдет оттуда один раз!

3

— О, мистер Хоутон! — возбужденно воскликнул старший администратор цирка Карл Фери, увидев Боба за кулисами. — Сегодня последнее, десятое, представление. Наш Меджитт встретится с Чаром!

Хоутон содрогнулся: Чар — самый крупный лев из всех когда-либо встречавшихся в цирках: около трех метров длиной, более трехсот килограммов весом.

— Лев не ел ни крошки уже два дня! — прошептал Фери. — Боюсь, туго придется мистеру Меджитту. Не зря он хлебнул сейчас тройную порцию рома... Контракт есть контракт.

Боб кивнул Карлу и откинул форганг.

В цирке было так тихо, что Хоутон услышал учащенное дыхание зрителей. Внимание всех было приковано к центральному манежу, прикрытому высоким прозрачным цилиндром из авиационного бронестекла. Железной решетки не ставили вовсе, да в ней и не было необходимости: бронестекло не могли повредить даже пушечные снаряды. Со стороны форганга тянулся прозрачный тоннель, соединявший манеж с клетками.

Едва Боб занял свободное место в служебном ряду, как электромотор приподнял бронированную дверь и на манеж выбежал Чар — великолепный зверь с густой гривой. Тысячеголосый рев встретил голодного царя пустыни. Увидев беснующихся людей, Чар могуче зарычал и бросился на них. Крики ужаса, женский визг... Передние ряды зрителей дрогнули, моментально возникла давка, но... Чар только больно ударился о преграду и упал на песок.

— Леди и джентльмены! — увещевал по радио, голос администратора. — Прошу сохранять порядок. Помните, что братья Эверфильд на время выступления мистера Меджитта застраховали каждого из вас. А посему — спокойствие, леди и джентльмены!

И все же при каждом прыжке Чара зрители бледнели и хватались друг за друга. Однако глаза их блестели все ярче, азарт

охватил каждого, волнение наэлектризованной толпы быстро достигло апогея. Вскоре трудно было определить, кто больше жаждал крови: разъяренный лев или зрители, уплатившие по двадцать долларов за входной билет.

— Быка! Быка! Быка! — вопила толпа.

Еще минута — и она ринется за кулисы, промедление становилось опасным. Администратор Карл Фери нажал красную кнопку пульта управления.

Опять приподнялась дверь, и перед публикой появился громадный лобастый бык, недавно привезенный из лесов Камбоджи. Фери напомнил зрителям, что поимка этого чудовища стоила жизни двум молодым кхмерам.

Увидев друг друга, звери замерли, но уже в следующее мгновение Чар, издав негромкое кошачье урчание, изогнулся и кинулся на противника. Однако он недооценил возможностей быка — крепкие рога очутились под брюхом льва, а затем гривастая туша взлетела на воздух.

Дальнейшее описать почти невозможно: цирк наполнился рычанием, ревом и воем, куски мяса, кровь и тырса покрыли стенки манежа.

Карл Фери включил насосы. Струйки воды потекли сверху, обмывая стекла. Но ни одна капля холодной влаги не попала на зверей и не уменьшила их боевого пыла. Такого дружного единения современной техники и жестокости, конечно, не видела арена древнего Колизея.

— Леди и джентльмены, — звучал по радиоголос Фери, — я полагаю, вы достаточно насладились видом этой прекрасной борьбы двух гигантов. Думаю также, что никто из вас не сомневается в ярости животных, не так ли? Если же у кого-то остались на этот счет сомнения, мы разрешим ему войти в клетку... Вы молчите? В таком случае сейчас в клетку войдет самый храбрый человек в мире, перед взглядом которого не устоит ни одна тварь, созданная глубокоуважаемым... виноват, я хотел сказать, созданная лордом богом. Мистер Меджитт, мы просим вас!

Карл включил крайний тумблер на пульте управления, и к куполу на лонже взвился укротитель. Взоры всех обратились к нему: неужели этот человек, одетый в золотые доспехи

античного воина, в красивом шлеме с плюмажем, неужели он рискнет опуститься на манеж?

Да, Меджитт рискнул! Угрожая сверху золотым кинжалом то льву, то быку и прикрыв себя овальным бронзовым щитом, укротитель старался уловить взгляды разъяренных зверей, точно гипнотизируя их, и медленно опускался.

«А может, он и действительно гипнотизирует их?» — уже в который раз подумал Боб.

Чем меньше становилось расстояние до манежа, тем больше успокаивались животные. Раз или два Чар лениво попытался зацепить лапой быка, но потом, нервно ударяя себя хвостом по окровавленным бокам, беспокойно оглянулся в поисках причины, парализующей его волю.

Став на манеж, Меджитт оперся спиной о прозрачную стенку и, продолжая угрожать зверям кинжалом, в упор смотрел на них. Потом он взмахнул щитом, и Фери включил механизм, открывающий дверцу. Вот укротитель, позабыв осторожность, подталкивает Чара острием кинжала. Лев, словно поняв, что ему не справиться с этим человеком, понуро поплелся к выходу. И бык двинулся вслед за львом — воля мужественного человека победила!

После представления любителям разрешили взглянуть на побежденных. Желающими оказались все. Процессия, двигавшаяся мимо клеток, казалась нескончаемой. Тут и случилось несчастье.

Кто-то крикнул: «Пожар!» Показались языки пламени, и люди рассыпались, точно шарики ртути из разбитого термометра. Паника передалась животным. Клетки затрещали под их ударами. В довершение всего погас свет. Все бежали по узким проходам сломя голову. Крики, стоны, призывы о помощи, рев животных, запах гари, дым...

Фери схватил шланг и стал гасить пламя водой. Увидев Боба, он крикнул:

— Зовите Меджитта! Чар на воле!

Боб увидел человека, пробежавшего мимо него. Это и был всесильный укротитель. «Чудо природы» скрылся за кулисы...

Боб сжал кулаки и кинулся за ним: оставить всех в такую опасную минуту!.. Но Хоутон ошибся: Меджитт скоро возвратился со щитом и кинжалом в руках. Что это? К чему декоративные доспехи в такую минуту?

— Назад! — закричал Меджитт и направил на зверя острие кинжала.

Лев ударил Хоутона хвостом и... отступил.

С помощью пожарных огонь был потушен, Чар водворен Меджиттом на место, и энергичные санитары принялись растаскивать раненых.

В числе наиболее пострадавших оказался и администратор Карл Фери: он до конца сохранил присутствие духа и руководил людьми. Лишь в последнюю минуту Фери потерял сознание, так велико, видимо, было нервное напряжение, выпавшее сегодня на его долю.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В Голубом океане

1

Утро... Во всем необычное для меня. Я сижу на палубе «Ильи Муромца» в удобном кресле. От могучего потока воздуха, который несется мне навстречу со скоростью пятьсот километров в час, меня защищает со всех сторон прозрачный плексиглас. Подо мной — снежные шапки кучевых облаков, в разрывах-окнах я с высоты десяти тысяч метров вижу темно-зеленые пятна — Сибирь. Над головой мелькают

тридцатиметровые лопасти ротора. Они, как пушинку, несут четыреста пятьдесят тонн...

Где-то за спиной — несмолкаемый, негромкий гул: это работает мощная фабрика сжатого воздуха. Он устремляется в трубы, расположенные в каждой из четырех лопастей ротора, и с огромной скоростью вырывается на волю в самом конце узкой консоли, создавая реактивную тягу. На борту «Ильи Муромца» мы находимся во власти электричества, сжатого воздуха и радио. Конструктивно все упрощено, насколько возможно: нет громоздких редукторов, валов и шестерен передач, обязательных для обычных вертолетов. И в этой простоте — залог безопасности полета.

Утро... Во всем необычное для меня.

Я уснул на земле, на древней старушке Земле, исхоженной человеком за многие тысячелетия. Проснулся же в Голубом океане, в необъятной стране, древней, как мир.

В этой стране есть свои невидимые горные хребты и спокойные долины; великие течения опоясывают ее по экватору; стремительные реки несутся в различных направлениях, легко меняя русла, не считаясь с границами земных государств. Миллионотонные облачные Джомолунгмы величественно повисли над земными океанами и континентами.

Эту гордую и дикую страну вначале завоевывали птицы и крылатые насекомые ценой бесчисленных жертв, приспосабливаясь к ней и подчиняясь ее жестким законам.

В этой стране обитали боги древних людей. Им можно было позавидовать — так запросто они перешагнули заветную границу, так основательно освоились на новом месте, так быстро научились вмешиваться в дела людские, грозя вольнодумцам громами и молниями, разрушая города штормами и смерчами. Они шутя топили суда, засыпали снегом целые селения, смывали урожаи ливнями. Смельчаки бросили вызов властителям неба. Они делали себе крылья из птичьих перьев, из железа, из

прозрачной слюды, из полотна. Они бросались навстречу ветрам с холмов и вершин сторожевых башен, со стен крепостных укреплений и монастырей, взлетали на ракетных креслах, воздушных змеях, на бычьих пузырях, наполненных дымом.

А теперь... В Голубом океане появились свои крылатые армии и «академии наук», свои воины и капитаны мирных воздушных кораблей. И ни на минуту никогда не обезлюдеет Голубой океан!

Мне знакомо его добродушное «сотрудничество», когда ласковый попутный ветер ускоряет полет. Мне знаком и яростный гнев горных ветров, когда они, как игрушку, швыряют над скалами машину. Я давно привык к нему и полюбил его, но я вечный романтик, оттого и сейчас чувство полета мне кажется самым прекрасным из всех чувств.

2

На палубу вышел Василий Иванович Гирис, биолог. Это была моя первая встреча с ним. Накануне он прибыл на вертолет последним и сразу направился в свою каюту. Небольшого роста, «щуплэнький», как сказал о нем радист Петренко, Василий Иванович оказался самым серьезным и неразговорчивым из нас. Сейчас он прохаживался вдоль борта, не замечая меня, и я мог рассмотреть его.

Черты лица тонкие, нервные. Близорукие темные глаза щурятся за толстыми стеклами. Седые волосы аккуратно зачесаны назад. Щеки впалые, а нос с горбинкой, удобной для очков, кажется пересаженным с другого лица, крупного и злого.

Наконец, обнаружив мое присутствие, он с хрипотцой произнес:

— С добрым утром.

Затем глянул вниз и не менее любезно сказал:

— Полипептид!..

Я тоже посмотрел вниз, но, кроме длинной цепочки барж, тянущейся за буксиром, ничего не приметил. А Василий Иванович вежливо кивнул и ушел. Лишь неделю спустя я случайно узнал, что биолог соизволил сравнить баржи с молекулой органического вещества, в которой аминокислоты соединены цепочкой, пептидной связью. Но тогда я не понял, в чем дело, и добрую четверть часа выглядывал за борт, выискивая загадочный полипептид. На это занятие я потратил бы целый день, если бы не Саша Перстенек.

— Любуетесь? — весело спросил он. Я приобрел в нем верного друга, после того как в Москве научил его приготовлять «армянский коктейль».

— Восемьдесят семь процентов наших впечатлений — зрительные, — продолжал Перстенек. — Подумать только, что из семидесяти лет человек двадцать три года спит, шесть лет проводит за едой...

— ... и сорок один год разговаривает! — раздался веселый густой бас нашего радиста, Филиппа Петровича. — С добрым утром!

— Привет, Филя, — не смущаясь, ответил кок и как ни в чем не бывало продолжал: — Рекорд болтовни поставили сорокадевятилетняя мисс Мак-Коли, проговорившая без отдыха двадцать восемь часов и сорок четыре минуты. Тебе бы такую жену!

— А тебе вот эту погремушку... — Филипп Петрович так близко поднес к носу кока свой кулачище, что я поспешил изменить тему разговора.

— Откуда вы почерпнули все эти сведения, Саша? — опрометчиво спросил я (мои слова упали на благодатную почву, и мне пришлось терпеливо снимать обильный урожай).

— Однажды я застрял в Копенгагене недели на две... — удобно усевшись, начал Перстенек. — Времени свободного уйма, пива в городе — тоже. Как-то забрел я в таверну, гляжу

— на этикетке пивной бутылки написано: «Семнадцатилетняя мисс Кэрби установила новый девичий рекорд сидения в корзине на мачте — 169 дней». На следующей бутылке я прочел: «Выпейте за здоровье святого Иосифа из Копереттино, покровителя межпланетных перелетов!» Здорово, думаю...

— А что было на третьей? — спросил Филипп Петрович.

— «Тридцатидвухлетний доктор Петер Трипп не спал двести часов». В общем, за две недели я выпил чуть не всю копенгагенскую энциклопедию, — заключил Перстенек. — Мог бы и больше, да на одной этикетке попалась шахматная задача, которую я так и не решил.

— А ну, давай я попробую! — заинтересовался Филипп Петрович. — Помнишь ее?

— Помню. — Саша принес из своей каюты шахматы. — Белые должны дать мат в три хода, — сказал он и так расставил белые фигуры: Крg8, Фd4, Лс2, Кd2 и пешка на b3. Черных больше: Кра3, Са1, Кb2 и четыре пешки на а4, b4, b5 и b6.[3]

Мы с Филиппом Петровичем молча склонились над доской в полной уверенности, что решим задачу в две минуты. Как бы не так! «Илья Муромец» пролетел двести километров, триста... семьсот... тысячу, присоединились и другие члены экспедиции, а решение все еще не приходило.

Жизнь шахматных фигур полна неожиданностей и тревог. Едва шагнет вперед белая пешка или красавец конь, тряхнув светлой гривой, сделает первый прыжок над стройной шеренгой безмолвных солдат, начинается волшебное очарование борьбы.

Но мы не знали предшествующего драматического хода событий, не участвовали в боях, после которых на пестром — шахматном поле создалось такое напряженное и, казалось, безвыходное положение.

Вот они — остатки сражающихся армий. Тяжело дыша, обозревают короли изломанные линии своих фронтов и флангов;

пешки и фигуры замерли, готовые ринуться в атаку по первому зову; где-то в самой расстановке сил была заложена единственная возможность победы белых в три неотразимых хода, но никто из нас не видел этой возможности, и мы терзались видом разгневанных фигур, ожидающих немедленного приказа и рвущихся в последний, решительный бой...

Над Байкалом профессор Егорин сердито отвернулся от шахматной доски и громко скомандовал:

— Кок, завтракать!

Саша умчался в камбуз, включил магнетронную печь, кинул на картонную сковороду мелко нарезанную баранину и, пока готовилось жаркое, принялся накрывать стол.

— Вот вам перчик, — приговаривал он. — Когда-то он заменял людям деньги. Рекомендую уксус: акулы не выносят его запаха! А тебе что, наследник? — повернулся он к Петренко.

— Это еще что за новость?

— Я тебе, Филя, оставлю после смерти свою невесту.

Филипп Петрович ловко поймал кока за руку и так сжал ее, что Саша охнул.

— Осторожнее, черт! Убери свои манипуляторы.

— Я тебя научу уважительности, — гудел Филипп Петрович.

— Ну что я тебе сказал обидного? По данным ООН, Филя, холостяки живут меньше, чем семейные... Разве плохо, что я хочу тебя женить?!

— Ну и всезнайка, — засмеялся профессор. — Подавай шампанское, Саша!

Наконец все расселись за длинным овальным столом, и Саша Перстенек откупорил шампанское. Но как! Смахнув пыль с массивной бутылки, он как бы случайно уронил ее на каучуковый пол. Раздался пушечный выстрел, пробка ударила в потолок, а бутылка вновь очутилась в руке чародея-кока, и пенистая золотистая жидкость устремилась в хрустальный фужер. Гром аплодисментов был Саше наградой.

Александр Иванович, руководитель экспедиции, поднял бокал.

— По традиции, — сказал он, — предлагаю отметить начало нашей работы. За новые победы советской науки, товарищи! За ваше здоровье!

Необычность обстановки придала тосту особую торжественность. Прибор теперь показывал пятнадцать тысяч метров — наивыгоднейшая высота, на которой «Илья Муромец» приобретает максимальную путевую скорость. Как известно, в атмосфере есть не только «ямы» и «холмы», но и «реки» — струйные течения. На нашей широте попутные струйные течения расположены на высотах пятнадцати-семнадцати километров и движутся с быстротой до шестисот и даже семисот километров в час.

Я перевел взгляд на дублирующую панель автоматического штурмана, включенного мной еще ночью. Стрелка путевой скорости замерла на цифре «1120». Но вертолет летел так спокойно, что только легкое гудение воздушных компрессоров напоминало о движении.

Вдруг звонок из радиорубки: принята радиограмма. Филипп Петрович встал из-за стола. Через минуту он вернулся, возбужденный до предела.

— Товарищи... — громко проговорил он, потрясая над головой узкой телеграфной лентой. — Еще одна космическая победа: очередной полет на Марс начался!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сенсация... Роберт Гровер

1

Исчезновение Паолы не было тайной только для узкого круга лиц — двух-трех работников частного сыска, Боба Хоутона и редактора газеты. Для всех остальных Паола уехала на время, может быть... готовясь стать матерью. С таким предположением как-то обратился к Хоутону младший владелец цирка Пьер Эверфильд, и Боб, сообразив, что эта версия поможет предотвратить газетную шумиху вокруг происшествия, таинственно промолчал и улыбнулся.

Но сегодня утром, зайдя в цирк, Боб был ошеломлен.

— А, мистер Хоутон, — весело приветствовал его Эверфильд-младший. — Я как раз хотел видеть вас. Во-первых, мы получили письмо от вашей супруги. Да где же оно?.. Вот, не угодно ли...

Боб слабеющей рукой взял письмо и жадно прочел строки, написанные таким знакомым, таким близким ему почерком:

«Обстоятельства вынуждают меня временно прекратить выступления в цирке. Боюсь, что это продлится несколько больше сроков, оговоренных в контракте. Чтобы сохранить добрые отношения между нами, перевожу вам неустойку. Мой реквизит можете отправить домой.

Паола Вердини».

— Я знаю об этом, — заставил себя сказать Боб, глядя на подпись: да, это была ее рука! И ее подпись!!

— Это и так ясно, — отмахнулся Эверфильд-младший. — Я хотел попросить вас, мистер Боб, об одном одолжении: уговорите миссис Паолу уступить нам ее реквизит. Хорошо? Видите

ли, у нас есть на примете молодая гимнастка... Сами понимаете, дело не должно страдать...

— Реквизит ваш, — торопливо прервал его Боб, испытывая желание немедленно уйти.

— Благодарю, мистер Хоутон. Да... звонил доктор Гровер. Он всюду разыскивает вас. Он лечит нашего беднягу Фери. Гровер просил вас заехать к нему в клинику. Вот адрес... Заодно передайте привет Карлу!

— Хорошо... Прощайте.

— Желаю удачи, мистер Хоутон. Мы сегодня опять трогаемся в путь: что поделаешь — кочевая жизнь!

2

Клиника Гровера находилась милях в десяти от города, и Боб мог дать волю своим чувствам в быстрой езде.

Приближался час дневного выпуска последних известий — Хоутон включил радиоприемник. Первая же фраза диктора насторожила его; стрелка скорости резко двинулась влево, будто «шевроле» сам сбавил ход под влиянием сенсационного сообщения.

«Русские передали сегодня, — слушал Боб, — о предстоящем полете своей ракеты на Марс. В состав экипажа, кроме командира космического корабля, в недавнем прошлом видного гражданского пилота Андрея Шелеста, входят второй пилот, летчик-космонавт ленинградец Павел Горный, и штурман-космонавт, известный физик москвич Евгений Глебов.

Скорость мысли — вот в чем корень возможного успеха в международном соревновании науки и техники.

Недавно мы сообщали об организации проектной фирмы „Дискавери“, финансируемой виднейшими промышленниками нашей страны. За короткий срок „Дискавери“ превратилась в крупный центр научной мысли, объединивший многих

ученых, работающих над проблемами покорения космоса. Но не очень ли долго мы ждем результатов? Сейчас мы познакомим вас с биографиями русских космонавтов...»

Боб улыбнулся: новость вызвала в нем восхищение — он всегда был готов снять шляпу перед величием человеческого разума.

Добравшись до перекрестных эстакад, Хоутон уверенно свернул вправо, к городу, — Роберт Гровер подождет, в редакции он нужнее.

3

— Здравствуйте, Мод! Надеюсь, шеф у себя?

— О, Боб, как я сочувствую вам. Такое горе, такое горе!..

— Не огорчайтесь, Мод. Что поделаешь, русские тоже деловые люди.

— Ах, я не об этом, Боб.

— АО чем же?

— Бедная миссис Паола... Потерять такую женщину!..

— Потерять?! Что вы имеете в виду, Мод?

— Я только что просмотрела корректуру вечернего выпуска нашей газеты, Боб.

— И что же, черт меня побери?!

— Вся первая полоса посвящена таинственному исчезновению миссис Паолы.

Боб крепко выругался и рывком распахнул дверь кабинета редактора. Шеф, как всегда полный энергии, деловито копался в ворохе бумаг. Его живые черные глаза возбужденно блестели, полное круглое лицо слегка побледнело, а тонкие ноздри хищно раздувались, как у человека, бросающегося в драку.

— Входи, мой мальчик! — весело крикнул он. — Нет ли у тебя еще чего-нибудь новенького, чтобы как можно больше ослабить удар русских?

— Шеф, по какому праву вы разглашаете мою тайну?!

— Спокойнее, Боб. То обстоятельство, что я до сих пор молчал, — лучшее свидетельство моей симпатии к тебе. И видит бог, если бы не очередная сенсация русских...

— Но вы знаете, что сыскное бюро требовало полного молчания: всякий шум мешает делу.

— Знаю, Боб, все знаю.

— Даже так?!

— Не будь сентиментальным, мой мальчик. Дело превыше всего! Мы все живем по законам джунглей, и я презирал бы себя до конца своих дней, если бы в такую минуту не воспользовался этим! Мы начинаем кампанию, равной которой еще не было со времен Аль Капоне.

— А моя Паола?

— С бюро сыска уже все согласовано: мы увеличили им гонорар и все расходы берем на себя. Не благодари, мой мальчик. Теперь за поиски Паолы взялась наша газета, и мы будем вести их до того дня, когда русские вернутся с Марса. Я уже подписал договоры с дюжиной писателей детективного жанра, и они готовят материалы: мы ежедневно будем публиковать ход поисков твоей Паолы. Я всегда говорил, что она прекрасная женщина; никто на ее месте не смог бы выбрать лучшего времени, чтобы исчезнуть!

— А если она отыщется завтра, шеф?

— Хоть сегодня! Мы дадим тебе деньги, гору денег, Боб, и ты уедешь с ней на край света. Мужайся, мой мальчик, ты должен понять, что нам необходимо искать ее не менее трех с половиной — четырех месяцев.

Боб не стал дольше слушать шефа, он выбежал из кабинета и кинулся к лифту. Испуганный бой едва успел открыть полированную дверь.

4

— Старина Боб! Наконец-то...

Удлиненное лицо Гровера, как всегда, спокойно. Темно-серые глаза изучающе смотрят на собеседника из-под тонких, чуть изломанных бровей. Каштановые густые волосы оттеняют матовую белизну лица и гладкий, без единой морщинки, высокий лоб.

Боб вяло поздоровался с другом. Он все еще думал о письме Паолы: откуда оно прислано? Неужели Паола сама покинула его? Разве может коварство, даже женское, зайти так далеко? До самой последней минуты она была так ласкова с ним... Но это письмо... И откуда у нее взялись деньги для оплаты неустойки? Их сорок тысяч (теперь, правда, менее тридцати...), лежавшие в банке, целы. Боб удостоверился в этом.

Заметив состояние Хоутона, Роберт нахмурился.

— Как самочувствие? — ласково заговорил он. — Ты немного бледен, Боб. Устал! Покажи язык. Боб вскочил со стула:

— Оставь свои дурацкие шутки, слышишь!

— Спокойнее, дружище, я врач и должен заботиться о здоровье ближних. Возьми термометр...

— К черту, Роберт!

— Повышенная возбудимость, — пробормотал Гровер. — Давно у тебя такое состояние?

Боб обмяк и перестал сопротивляться. Видно, и вправду разучился он держать себя в руках.

— Скажи, Боб, не появились ли у тебя ревматические боли?

— Твои шутки неуместны, Роберт, — более спокойно произнес Боб. — Я к тебе пришел как друг, а не как пациент.

— Не совсем. Карл Фери, администратор цирка Эверфильд, болен лучевой болезнью. Мы осмотрели уже около ста человек из тех, что были тогда возле клеток. Никто из них не пострадал так, как Фери. Теперь я должен осмотреть и тебя, Боб.

Полчаса спустя Гровер хлопнул Боба по голой спине и, улыбаясь, сказал:

— Ты здоров, парень, и я рад за тебя! Одевайся.

— Но кто мог облучить Фери? В цирке же это невозможно?

— Как поживает Паола? — спросил Роберт, уклоняясь от ответа.

— Я не знаю, Роберт, — тихо ответил Боб и отвернулся.

— Поссорились? — удивился Роберт.

— Нет. Она уехала из цирка и не вернулась домой... Прошло уже более трех суток.

— Бергофф?!

— Не знаю...

— Ты сообщил в полицию?

— Нет. Я внес деньги в одно частное сыскное бюро.

— И что же?

— В доме Бергоффа ее нет.

— Еще одна загадка!

— Почему — еще?

— Первая — болезнь Фери. Оба закурили.

— Возможно, — сказал Гровер, — что ее похитил Бергофф.

— Но сегодня я прочел письмо Паолы. — Боб рассказал Роберту о письме.

Друзья помолчали в глубоком раздумье.

— У меня есть новость, — наконец произнес Роберт. — Фирма «Дискавери» предлагает мне работу на весьма выгодных условиях.

— А сама работа?

— Интереснее, чем в клинике. Но они не хотят, чтобы я рассказывал о ней даже друзьям.

— Все как в тумане, — вздохнул Боб. — Неясно. Бесперспективно. И душно... Выпить, что ли?

— Нет, — твердо сказал Роберт. — Ни за что! Идем-ка, я поверну включатель, и ты можешь дрыхнуть часов двадцать.

— Электросон?

— Да.

— Идем, — равнодушно согласился Боб. — Если я могу принести хоть маленькую пользу медицине, это уже неплохо.

— Давно бы так, — одобрительно кивнул Роберт. — Шутка — лучшее лекарство!

— Жаль, что его в аптеке не выдают по рецептам, — пробормотал Боб. — У нас оно стало бы дефицитным!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Остров Отунуи. Мауки. Шахматная задача решена!

1

В семь часов на горизонте показался ярко-зеленый треугольник Пито-Као, а километрах в тридцати от него — серые скалы Отунуи.

Егорин распорядился спуститься до тысячи метров, и Венев, выключив на время автопилот, сбавил обороты ротора. Океан быстро приближался.

— Будем садиться? — спросил я профессора.

— Нет, — ответил он, — приступим к работе.

— В воздухе?

— Да. Программа наших исследований начинается с аэрофотосъемки.

— Но ведь вам нужно дно океана, а не его однообразная поверхность, — удивился я.

— Вы правы, я и думаю приступить к фотосъемке дна особой пленкой, не чувствительной к синим и зеленым лучам солнечного спектра. Конечно, это возможно до глубины метров двести, но нам пока важно знать рельеф у основания Пито-Као и Отунуи, так называемый шельф — полосу малых глубин у берегов. А потом уже — слово за вами.

— Я готов хоть сейчас.

Александр Иванович нажал кнопку переговорного устройства и спросил:

— Товарищ Венев, вы приготовили карту для аэрофотосъемки?

— Все готово, профессор, — раздался в динамике голос Венева.

— Начнем. Скорость — сто километров в час, высота — тысяча метров.

— Понял вас.

А Егорин уже продолжал беседу со мной.

— Надо полагать, — говорил он, — что земной шар образовался несколько миллиардов лет назад: объект внимания геологов далеко не молод. К сожалению, более семидесяти процентов его поверхности занял Мировой океан, что затрудняет изучение Земли. Да и жизни тоже. Ведь в морях и пресноводных бассейнах обитает восемьдесят семь процентов всех классов известных нам организмов. А сколько еще неизвестных! Специалисты утверждают, что запасы органических веществ в Мировом океане превышают семь триллионов тонн. Только морских растений наберется сто пятьдесят тысяч видов! Да это и неудивительно, если учесть возраст морей и океанов. Вот взгляните на Тихий океан, площадь которого равна половине Мирового океана. «Это самый древний водоем на Земле», — говорят одни. «Нет, — заявляют другие, — это самый молодой из всех океанов». Вот и разберитесь... Его возраст колеблется от шестидесяти до четырехсот миллионов лет. А по одной

гипотезе, Тихий океан образовался во впадине, откуда оторвался кусок Земли, превратившись в спутник. Такое могло произойти только в незапамятные времена! Чтобы все это установить точно, надо детально изучить дно Мирового океана и конфигурацию древних морей и континентов.

— И континентов?

— Разумеется. Скажем, двести, триста миллионов лет назад и ранее материки и океаны были вытянуты вдоль экватора, а сейчас, как вам известно, картина на географической карте несколько иная.

— Что же они, плавают, что ли, материки эти?!

— Может быть, и так... Австрийский геофизик Альфред Вегенер предполагал, что когда-то все материки составляли единый континент!

— Трудная задача у геологов, — заметил я. — Лезть под воду на десять-одиннадцать километров не так-то просто!

— Такая глубина, к счастью, не часто встречается. Восемьдесят процентов Мирового океана составляют глубины от двух с половиной до шести километров. Но и это, как вы верно заметили, задача не из простых.

— На какой же глубине бурить?

— На любой, — улыбнулся Егорин. — Теперь о вашей работе в первые дни... Я обработаю материалы аэрофотосъемки и выберу для вас участок километров в десять шириной и сто длиной. По углам этого прямоугольника установим заякоренные ультразвуковые приводы. Ориентируясь по ним и гирокомпасу...

— ... и магнитному компасу, — подсказал я.

— Да, и магнитному, вы начнете одновременно подводную гравиметрическую, фото — и магнитную съемку.

— Понятно. Скажите, если не секрет, что вы устанавливали под полом моей кабины, когда мы были в Москве?

— Особые фотоаппараты. Они превращают ультразвуковые колебания эхолота в световые, фиксирующиеся на фотопленке.

— Ясно. На какой же скорости вести съемки?

— Думаю, что километров сто в час. Иначе долго провозимся. А мы пока займемся биологией.

2

Более пятидесяти часов провели мы в воздухе, снимая шельф и отроги подводного хребта, обнаруженного в районе Пито-Као и Отунуи. Наконец работа окончена. «Илья Муромец» плавно опустился на гладкую поверхность Тихого океана.

Ученые принялись изучать результаты съемки. В кают-компании стало тесно: на столе, на креслах и диванах вдоль стен лежали карты и длинные полосы фотоснимков. И только я, Венев, Перстенек, Петренко и Баскин оказались не у дел. Уже в десятый раз мы собирались на носовой палубе вокруг магнитной шахматной доски, но задача так и не была решена. Неизвестно, сколько бы мы еще просидели, но тут раздался голос Петренко:

— Справа по борту лодка!

Мы кинулись к правому борту. В самом деле, подплывала туземная лодка. Любопытные островитяне не утерпели и пожаловали к нам. Даже простым глазом я без труда различил в узкой длинной лодке четырех туземцев. Один из них, высокий, стройный юноша, стоял на корме и размахивал руками.

Венев ушел в кают-компанию. Через минуту он вернулся и, смеясь, рассказал:

— Там такой спор... Вряд ли наших ученых сейчас что-нибудь заинтересует, кроме их доводов. Но Александр Иванович разрешил взять гостей на борт.

— Надо только присматривать за ними, — посоветовал Саша, — как бы чего не сперли.

— Вряд ли, — заметил Петренко.

— Не скажи, Филя, я знаю такой случай. Австриец Тенкерд Вензинер совершал кругосветное путешествие на велосипеде; он побывал в двадцати семи странах и проехал уже пятьдесят тысяч километров, но в Лос-Анджелесе у него свистнули велосипед, и на том дело кончилось.

— Ну, эти ребята будут почестнее, — заверил Петренко. Мы открыли плексигласовое окно, и к нам донесся голос юноши с лодки. Как уверял Филипп Петрович, туземец выкрикивал какие-то слова на английском языке.

— Ты как, в английском силен? — спросил я у Баскина.

— Не очень, — признался инженер. Выяснилось, что и Венев недалеко ушел от него. Оставалось положиться на радиста и всезнающего кока.

— Объяснимся, — обнадежил Перстенек. — Я помню немного французский, немецкий и, пожалуй, итальянский... Да у нас и электронные переводчики есть, автоматы-полиглоты.

— Тише, тише. С лодки что-то кричат, — прислушался Петренко. — «Мауки — хороший друг, — медленно переводил он, — его товарищи тоже хорошие. Надо познакомиться с людьми летающей лодки».

— Приглашайте их, — сказал Венев.

— Есть, командир! — Петренко, сложив руки рупором, передал приглашение.

Я принес несколько автоматов-полиглотов и настроил их на английский.

— Вы забыли, что они не знают полинезийского языка, — пытался остудить мой пыл Венев.

— Ну и что же? Парень ведь знает английский. Хоть с ним сможем поговорить.

Между тем лодка с туземцами подошла уже к самому борту «Ильи Муромца».

— Скажите им, — попросил инженер, — чтобы они сидели смирно.

В правом борту вертолета открылся длинный паз, и из него бесшумно выскользнул уже знакомый нам гигантский манипулятор — механическая рука. Островитяне потеряли дар речи, пригнулись, закрыв головы. Один Мауки наблюдал происходящее широко открытыми глазами.

Перстенек и Петренко не переставали успокаивать гостей. Мауки вслушивался в их слова, и по его лицу было видно, что он верит этим спустившимся с неба людям.

Алексей Алексеевич осторожно подвел манипулятор к лодке и ухватил ее растопыренной пятерней металлических пальцев. Секунду спустя лодка поднялась в воздух, повисела немного, пока с нее стекла вода, и плавно опустилась на палубу вертолета, рядом с нами.

— Приехали, — весело подмигнул Мауки Алексей Алексеевич.

Началась церемония знакомства. Мауки представил нам своих товарищей.

— Это все строители лодок и жилищ, — с гордостью сказал он. — Нуку!

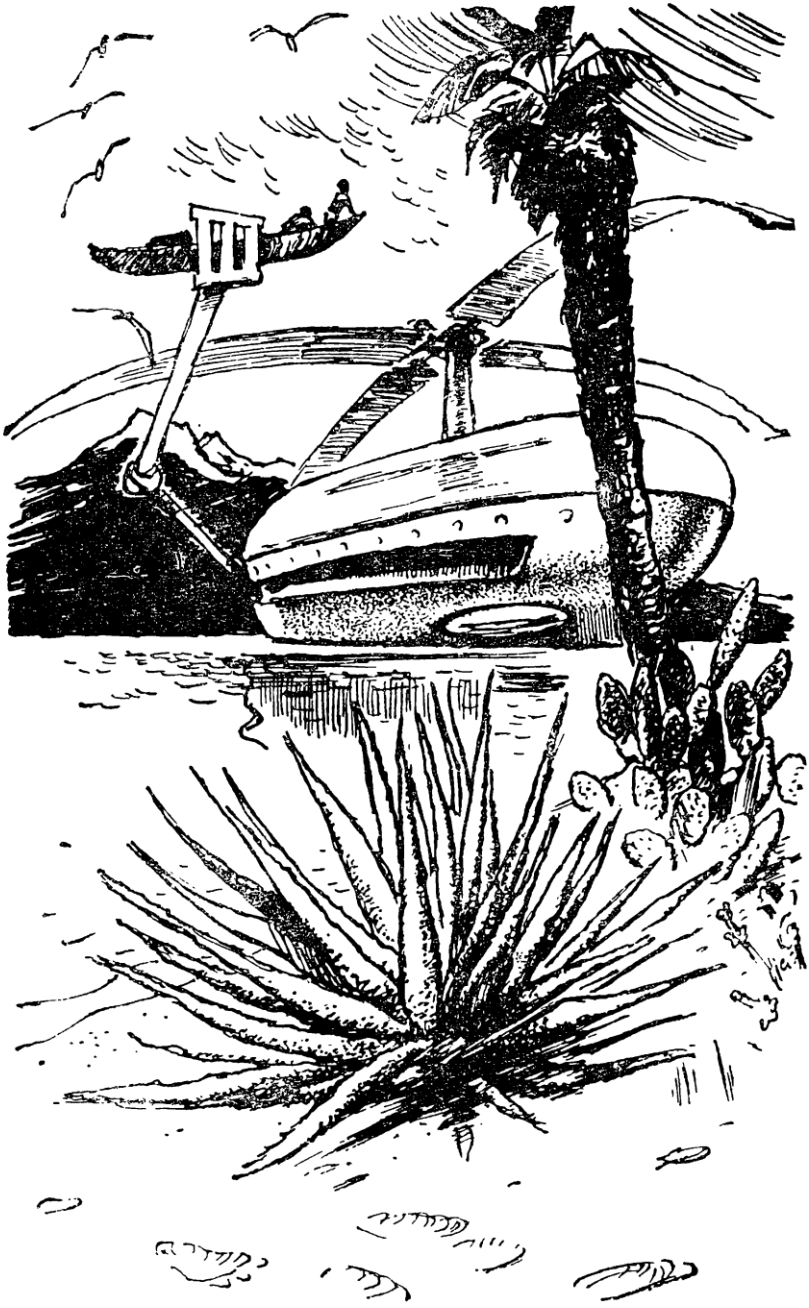
Из группы туземцев выступил седой сухощавый старик и замер с гордо поднятой головой.

— Тапиу!

Рядом со стариком стал небольшого роста силач, с копной курчавых волос, умными светлыми глазами и длинными натруженными руками.

— Манака!

Вперед вышел светлокожий туземец, длинный, как жердь, худой, с таким же, как у Мауки, узким лицом и вытянутыми книзу ушами. Его серые глаза смотрели на нас с достоинством и доброжелательно.



Настал наш черед. Венев представил туземцам каждого из нас. Первое же его слово, прозвучавшее сперва по-русски, а затем из крохотного динамика автомата-полиглота, висевшего у него на груди, по-английски, привело наших гостей в такое замешательство, что потребовалось разъяснить Мауки и его друзьям, что это за штука.

Наконец наши гости успокоились, но теперь, беседуя с нами, они смотрели только на белые ящички.

Мы сели на скамью у борта и пригласили островитян занять места рядом, но они отказались наотрез и уселись полукругом прямо на палубе. Привыкнув немного к автоматам-полиглотам, островитяне теперь стали удивляться, что такая «хитрая машина» не умела говорить на их языке.

— Вот и попробуй угодить людям! — засмеялся инженер.

— С чего начнем? — спросил Перстенек. Я пожал плечами, Венев закурил, Алексей Алексеевич наморщил лоб, но островитяне сами вывели нас из неловкого положения. Седой старик первый, очевидно по праву старшего, приложил ладонь к щеке и, слегка покачиваясь в такт своей размеренной речи, нараспев заговорил по-полинезийски.

— Ну, полиглот, выручай, — толкнув в бок Сашу, усмехнулся Петренко.

— Пусть Мауки поможет нам понять речь старшего, — попросил юношу кок.

Мауки охотно взял на себя роль переводчика и, прислушиваясь к словам старика, переводил их нам.

— Слушайте, люди, прилетевшие из Атиа, — говорил старик. («Атиа» — это, я знал раньше, у полинезийцев называется Азия.) — Вы везете с собой прохладу и ароматы своих лесов (старик, по всей вероятности, имел в виду искусственный климат на «Илье Муромце»). Вы прилетели к нам и показали днище своей лодки жителям Отунуи. Хороший человек гордится своим жилищем и лодкой, а плохой — своим копьем. Так

говорил великий Тангароа — первый строитель лодок. Первые жители нашей земли — боги. Вот почему первый кусок и хвост свиньи — божеству, а остальное — смертным. Как деревья — дети бога лесов, так и люди — дети бога камня, из которого сотворен первый человек. Я сказал все, но я хочу слышать, как умеют говорить властелины летающего судна, где нет паруса, а есть много-много весел. Кто силен в слове, тот хорош и в деле...

— Они приглашают нас соревноваться в красноречии, — догадался Перстенек и от удовольствия потер руки.

— Это по твоей части, — подзадорил его Петренко. — Давай начинай.

— Почему же я? Надо по старшинству. Товарищ инженер, просим!

— Кхе... Кхе... — откашлялся Баскин и поднял мизинец. — Дозвольте?

Островитяне обомлели от восторга и тоже подняли кверху свои мизинцы: жест инженера явно пришелся им по вкусу.

— Теперь вы убедились, что ваша привычка дикарская? — укоризненно произнес Саша.

— Я бы не называл их дикарями, мы еще не знаем их культуры. Однако начнем, а то синьоры нас ждут. Итак, я — инженер, повелитель машин, — сказал Баскин и посмотрел на Мауки: — Переводите.

Поняв первые слова инженера, островитяне шумно одобрили их, а старик убежденно пояснил:

— У нас это — жрец!

— Не много ли вы взяли на себя? — спросил Венев.

— Да что я, виноват? Надо же говорить образно.

— А что великий жрец умеет делать сам, своими руками? — важно спросил островитянин.

— Жрецу достаточно повелевать! — отпарировал Баскин.

— Верно, — согласился старик. — А вот этот достойный человек по имени Тапиу, — указал он на молодого силача, — вырывает с корнем кокосовую пальму и обмахивается ею, когда ветер спит, а солнце обжигает кожу.

— Пас! — удрученно развел руками Алексей Алексеевич.

— А это командир летающей лодки, — нашелся кок, указывая на Венева. — Он берет в руки сто весел и машет ими, чтобы плыть в воздухе быстрее ветра!

— Один ноль в нашу пользу, — восхитился Петренко.

— Не очень ли вы загнули? — засмеялся Венев.

— Нет-нет, все нормально, — успокоил Перстенек.

— Да, Тапиу — ребенок рядом с Великим Командиром, — согласился старик, но, не желая сдаваться, принялся расхваливать Манаку: — Этот длинноухий слышит писк комара за сто раз по сто шагов!

— А этот человек по имени Филя, — подхватил кок, кивая на радиста, — слышит свою невесту на расстоянии ста дней пути и когда говорит, то его слышат все люди, живущие на самых отдаленных островах.

— Великой похвалы достоин человек по имени Филя, — склонил голову старик. — Но среди вас нет никого, кто умел бы строить лодку длиной в сто раз по сто шагов за сто дней, которая поднимает сто воинов и не боится ста океанских волн, поставленных одна на другую. Это умею я — строитель лодок Нуку. — Старик с гордостью оглядел нас и умолк.

Тогда Перстенек сделал шаг вперед, угостил гостей «Беломором», закурил сам и для начала пустил над головами темнокожих фантазеров шесть колец, шесть чудесных сизых колец из дыма: они плавно вращались одно в другом. Нуку даже языком прищелкнул.

Глаза Саши озорно заблестели, спортивный азарт покрыл его щеки румянцем, и мы поняли, что «во втором тайме»

защите противника придется туго: на середину поля вышел наш «центр нападения».

— Знают ли высокие гости, что такое самолет? — спросил Саша.

Островитяне шумно посовещались, и Мауки ответил за всех:

— Да, мы видели самолеты. Они прилетали на Пито-Као.

— А коли так, — вдохновенно произнес Перстенек, — я расскажу балладу о самолете «Сейнтер-пойнтер».

Я вспомнил этот легендарный самолет — продукт авиационного фольклора, вероятно, неизвестный сейчас не только людям иных профессий, но и нынешним молодым авиаторам. Легенда о «Сейнтер-пойнтере» родилась в авиации дальнего действия в годы войны с фашистами и облетела все фронты, обрастая всевозможными деталями, передавалась из уст в уста, но ни разу не попала не только в печать, а и в блокнот фольклориста.

— Слушайте, ценители веселого слова, — начал кок. — Самолет «Сейнтер-пойнтер» был монопланом, то есть имел одно крыло. Моторов у него было сто сорок восемь. Размах его крыла был так велик, что однажды бортмеханик заблудился в бесчисленных коридорах в крыле и умер от голода. С той поры бортмеханики разъезжали по самолету на мотоциклах и брали с собой двухнедельный запас продовольствия. Чтобы почистить крылья песком, самолет летел в Сахару, а мыли его в Средиземном море. Заправлялся горючим «Сейнтер-пойнтер» из нефтяной скважины в Баку. Дутик, то есть хвостовое колесо этой замечательной машины, был размером с колесо водяной мельницы. В правом крыле располагалась футбольная команда, а в левом — ресторан. Когда шеф-повар выметал сор из своей кухни, то с земли, казалось, будто за самолетом летит стая птиц...

Пока Саша рассказывал, к нам присоединились профессор Егорин и биолог, и Перстенек еще более оживился.

— Когда на «Сейнтер-пойнтере» запускали моторы, — продолжал он уже не столько для туземцев, сколько для нас, — то все вулканы прекращали свою работу. Скорость самолета была от нуля до тысячи километров в час. Знаменит был и экипаж машины. Тридцать летчиков, сорок два штурмана, шестьдесят четыре радиста в радиобюро. За штурвал брались семнадцать пилотов одновременно. Командир корабля в белых перчатках восседал над ними на особом возвышении и бил пудовыми колотушками в тугой барабан. «Бум!» — и пилоты крутят штурвал вправо, чтобы создать самолету правый крен, «Бум, бум!» — левый крен. Три удара — и пилоты отдают штурвал от себя, наклоняя нос самолета. Четыре удара — дружно тянут штурвал на себя. Флаг-штурман, семидесятилетний пенсионер, курил трубку с трехметровым чубуком и зеленым флажком указывал направление полета, а его штурманята раскручивали перед ним пятипудовый рулон полетной карты. Когда самолет входил в облака, две команды скороходов — марафонцев бежали к носу самолета, чтобы проверить показания приборов, и стремглав возвращались к командиру для доклада. Когда же «Сейнтер-пойнтер» заходил на посадку, сорок восемь бортмехаников брались друг за дружку и тянули на себя сектор общего газа. Если командир корабля ошибался в расчете на посадку и принимал решение уйти на второй круг, то всех работников аэропорта увольняли в отпуск на целую неделю. В момент приземления с командной вышки аэродрома стреляли из пушки, приветствуя доблестный экипаж.

Саша рассказывал с вдохновением истинного артиста. Мы были восхищены его талантом, отшлифованным в состязаниях с рассказчиками-умельцами, которыми так богата авиация.

— Когда «Сейнтер-пойнтер», заслоняя солнце, появлялся над полем боя, — говорил он, — испуганные фашисты

прятались в укрепления. Командир крылатого богатыря трижды ударял в барабан — и летающее чудо света снижалось, проносясь над самой землей. От шума его моторов железо и бетон превращались в пыль. Огромные густые сети волочились по земле, собирали пленных и уносили их в заоблачную высь. В воздушном же бою один его вид обращал в бегство вражеские истребители. Но «Сейнтер-пойнтер» без труда нагонял их. При этом в носу его фюзеляжа открывались широкие ворота, и фашистские самолеты один за другим стремительно проглатывались «Сейнтер-пойнтером», а старший помощник младшего штурмана, стоя у ворот с карандашом и блокнотом в руке, быстро подсчитывал боевые трофеи...

Много добрых дел после войны совершили на самолете «Сейнтер-пойнтер». На нем перевозили стада коров и табуны лошадей, разгоняли облака над аэропортом Внуково в часы пик, тушили лесные пожары с бреющего полета, возили лед с вершины Эльбруса в пески Каракума. А однажды был и такой случай: узнали корсиканцы, что их остров передвинулся за последние восемьдесят лет на десять-двенадцать километров в сторону, и забили тревогу. Первым пришел на помощь командир «Сейнтер-пойнтера». Он приказал обвязать остров прочным пеньковым канатом и взял его на буксир. Сперва командир дал газ двенадцати моторам, затем — двадцати четырем, потом — всем ста сорока восьми. Дал команду «Полный вперед!» и... вернул Корсику на свое место. Вот какой замечательный самолет был построен у нас!

Что именно из рассказа Перстенька поняли островитяне, судить не берусь, но они оказались объективными ценителями Сашиного красноречия и радостно признали себя побежденными: во всяком случае, они поняли, что речь шла о самолете фантастических размеров.

— Ну, а насчет Корсики ты загнул! — засмеялся Петренко.

— Не веришь? А что Ла-Манш расширяется на два метра в год — тоже не веришь?

— Пусть этот Великий Филя, — сказал Нуку, — будет первым белым гостем на Отунуи.

— Разве белые люди еще не бывали на вашем острове? — удивился я.

— Нет, — поспешно ответил Мауки, — не бывали.

В кают-компании довольный Саша дал островитянам обед. Его и без того веселая физиономия сияла. Как же — гости отдали должное его мастерству. Ели они с удовольствием, громко причмокивая и облизывая пальцы (вилки и ножи они спрятали в мешочки, висевшие у каждого на поясе). Мы давно уже успели убедиться в способностях Перстенька. Кормил он нас на славу: недаром его любимец — Антони Карем, знаменитый французский кулинар. А тут он превзошел себя. Лишь Мауки оставался равнодушным к яствам. Он задавал столько вопросов, что мы едва успевали отвечать. Его интересовало все: зачем мы прилетели сюда, что ищем, для кого, из какой страны?

— А не думаете ли вы поискать чего-то? — настойчиво спрашивал Мауки.

Но больше всего Мауки интересовался Москвой: что это за город, где он находится, кто в нем живет? А потом он совсем неожиданно спросил:

— А летчиками все жители Москвы становятся?

Мы невольно рассмеялись. Александр Иванович сел рядом с юношей, обнял его за плечи и сказал:

— Конечно, не все; только те, кто хочет.

— Мауки очень хочет стать летчиком и летать на таком самолете, как «Сейнтер-пойнтер», — вздохнул юноша.

Довольный тем, что Мауки хоть кое-что понял из его байки, Саша Перстенек обратился к Егорину:

— Александр Иванович, а что, если мы покажем им Москву и летчиков?

— Как это — покажем?.. — усмехнулся Петренко.

— Очень просто, Филя. Попросим нашего инженера прокрутить фильм «Воздушный парад в Тушино».

Фильм вызвал небывалый восторг. Наши гости то и дело прерывали его криками и просили многие места повторить. Что же касается Мауки, то его прямо-таки захватил высший пилотаж реактивных истребителей на встречных курсах.

— Я буду летать! — сказал он так уверенно, точно ему предложили профессии на выбор и для него, неграмотного парня из Полинезии, ничего не стоило получить любую из них.

3

После обеда Саша обучал Нуку искусству пускать кольца дыма, а мы показывали гостям наш вертолет. Все их поражало. И нам это, не скрою, доставляло удовольствие. Но мы и не подозревали, как скоро островитяне не только удивят, но и посрамят нас.

Это случилось, когда Мауки увидел шахматную доску с фигурами. Сильно жестикулируя, он подозвал своих товарищей, и островитяне склонились над доской. Перстенек хотел было объяснить им, что это за штука, но я удержал его. Мне показалось, что они смотрят на шахматы очень уж осмысленно. Не умеют ли они играть?

— Ну что вы! Откуда им? — удивился Перстенек.

И все же я оказался прав: островитяне умели играть в шахматы! Больше того: не прошло и двух минут, как Мауки, не прикасаясь к фигурам, объявил:

— Белые дают черным мат в три хода. Перстенек ахнул и, заикаясь, перевел нам его слова, от волнения позабыв, что мы и без него все поняли.

— А ну реши! — пробасил Петренко.

И Мауки показал нам решение. Если помните, черный король чувствовал себя недосягаемым за мощной стеной своих верных пешек. Но ферзь белых проявил дьявольскую хитрость. Покинув центр поля, он занял, казалось бы, нелепую позицию возле своего повелителя короля. На самом же деле это была засада, откуда он грозил маневром по углам доски. Создалось трагическое положение, называемое шахматистами скрипучим словом «цугцванг»: любое движение черных ведет к поражению. Впрочем, вы и сами сейчас без труда решите до конца эту замысловатую задачу...

Мауки улыбнулся, дружелюбно посмотрел на Филиппа Петровича, на Баскина, на меня и, повернувшись к профессору, немного рисуясь, добавил:

— Это просто для Мауки.

Мы переглянулись с Егориным.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В городке «Дискавери». Частный детектив Диппль. Свет в окне

1

Мысль ученого достигает полной силы лишь в тишине. Исходя из этого, директора фирмы «Дискавери» арендовали группу строений — добротных двухэтажных коттеджей — подальше от городского шума, в лесу. На фронтоне главного корпуса было начертано: «Тишина — богатство мудреца!»

Здесь, в уединении, это были не пустые слова. Десятки приборов измеряли величину шумов, сообщая данные в диспетчерский пункт, ведавший строгим распорядком «хозяйства

тишины». Атомная мина, обнаруженная под фундаментом административного корпуса, произвела бы меньший переполох, чем детская хлопушка, будь она найдена на территории городка.

Вся работа в лаборатории была окружена тайной. Вооруженная охрана бдительно следила за границами владений «Дискавери».

В это «царство науки» Роберт Гровер приехал рано утром.

После обычных формальностей начальник охраны отвел его в жилой корпус и вручил заботам молоденькой, хорошенькой горничной.

То ли свежий сосновый воздух и ясное небо, то ли кукольное личико девушки стали тому виной, но едва Роберт переступил порог своей новой квартиры, как все тревоги покинули его и им овладела беспричинная веселость — молодой ученый почувствовал себя счастливым и беспечным.

— Как вас зовут, милочка? — спросил он, несколько удивляясь такому непривычному для себя фривольному тону.

— Стилл, сэр.

— Надеюсь, мы будем друзьями, Стилл? — Роберт с ужасом увидел, что рука его протянулась и потрепала горничную за подбородок.

— Разумеется, сэр! Роберт покраснел и хотел извиниться, но вместо этого подмигнул девушке.

— О, сэр! — засмеялась Стилл и кокетливо посмотрела на нового жильца.

— Черт возьми, — пробормотал Роберт, выбегая из комнаты, — кажется, эта противная девчонка приняла меня за. ловеласа...

Молодой человек ругал себя на чем свет стоит, не понимая, что с ним произошло, и поклялся взять себя в руки. «Что бы сказали мама и сестра, — думал он, стоя у окна, — если бы увидели меня пять минут назад!»

Мимо корпуса бесшумно проехал черный лимузин. За рулем сидел знаменитый укротитель Меджитт — Роберт отлично помнил его красивое лицо, — а рядом с дрессировщиком развалился Бергофф. Лицо миллионера, окутанное сигарным дымом, было хмурым.

Роберт с удивлением смотрел вслед удаляющемуся автомобилю. Кто-то сзади кашлянул. Гровер обернулся.

— А, мистер Стоутмен, — обрадовался он. — Здравствуйте.

После неудачной аферы с Дортом Стоутмен долго присматривался к миру, пока снова не нашел в нем трещину, на этот раз в виде фирмы «Дискавери». Он принял в ее работе горячее участие и взял на себя подбор кадров. Нет сомнения, что, если бы ему предложили за крупную сумму превратиться из человека в животное, мистер Стоутмен мог бы стать пауком, поскольку плести любые сети было тем немногим, что он умел в совершенстве.

Знавшие его раньше склонялись к мнению, что Стоутмен нисколько не постарел, но сам он думал иначе и сохранял фигуру, ежедневно играя в гольф и заменяя мясо и хлеб вареным рисом.

Его розовое лицо, всегда отшлифованное парикмахером, по-прежнему не теряло маски добродушия, а своему алчному взгляду мистер Стоутмен научился придавать такую кошачью мягкость и ласку, что порой так и казалось, будто его бесцветные, чуть навыкате, холодные глаза вот-вот замурлыкают...

В минуты внутреннего делового подъема мистер Стоутмен напоминал бога Саваофа, извлекающего из-под хитона помятую пальмовую ветвь на середине пути от штаб-квартиры поджигателей войны к зданию Совета сторонников мира.

— Здравствуйте, мистер Гровер. Я вышел к вам навстречу, чтобы стать вашим гидом. С чего бы вы хотели начать?

— Если вы помните, — сказал Роберт, — я принял окончательное решение подписать контракт, узнав, что мой учитель, профессор Кобрен, заведует медицинским отделом фирмы.

— И после того, как я передал вам его желание, чтобы именно вы стали его ассистентом и преемником.

— Преемником?!

— Я не хотел вас расстраивать, мистер Гровер. Понимаете ли, старина в последнее время немного сдал.

— Он болен?

— Да, пожалуй. Его хватил паралич, сейчас он нем и недвижим. Прискорбно, да что поделаешь... Вы сами увидите. Начнем с визита к нему.

2

Двухмоторный самолет вылетел из узкого ущелья, и перед пассажирами открылась чудесная панорама. С высоты десяти тысяч футов было видно, что земля, раскинувшаяся внизу, — гористый остров. Самолет крутой спиралью стал снижаться, и горизонт скрылся за скалистыми вершинами гор. Бобу показалось, будто они погрузились в зеленый фужер, наполненный ароматным густым воздухом тропиков. Несколько водопадов пенилось на склонах, поросших лесом. Глубоко внизу светлой лентой пролегла бетонная дорожка.

В ушах слегка покалывало. Частный детектив мистер Диппль, сидевший рядом с Хоутоном, поморщился и, зажав пальцами нос, натужился. Боб последовал его примеру: в ушах щелкнуло, чуть закружилась голова, но боль в ушах прекратилась.

— Чудесные места, мистер Хоутон, — наклоняясь к Бобу, сказал Диппль. — Единственный недостаток — нельзя избежать такого крутого снижения: горы.

— У меня почему-то появились колики в желудке, — пожаловался Боб.

— Это пройдет. Простите, а какой у вас коэффициент стойкости пищеварения?

— Надеюсь, это шутка, мистер Диппль? — Хоутон подозрительно глянул на детектива.

— Надо следить за рекламой, — солидно ответил Диппль. — Это новинка фирмы «Желудочные соки». Определяется просто: надо точно подсчитать в течение ста дней, сколько у вас будет поносов и сколько запоров. Затем первое число поделить на второе с точностью до двух знаков, и коэффициент готов.

— А потом?

— В соответствии с полученным коэффициентом фирма «Желудочные соки» за умеренную плату займется контролем вашего питания и снабдит вас необходимыми эликсирами.

— И вы уже знаете свое магическое число?

— Я определял его дважды и оба раза получил одинаковый результат: нуль, — с гордостью ответил Диппль. — Фирма прислала мне в подарок роскошный прейскурант.

— Неужели еще есть иди... я хочу сказать, любопытные?

— Еще бы! Вся страна занята этими подсчетами.

— Гм... Очевидно, пик рекламы этой фирмы пришелся на то время, когда я участвовал в соревновании потребителей ликероводочных предприятий, — задумчиво произнес Боб.

Детектив отлично выспался за четыре часа полета. Он был настроен благодушно и весело болтал, то и дело поворачивая к Бобу скуластое, монгольского типа лицо с широко расставленными глазами, анфас его вписывался в почти правильный круг. Профиль же этой необыкновенной головы напоминал молодой месяц в первой четверти своего развития. Казалось, будто тыльная часть головы устремилась вперед, чтобы догнать лицевую.

— Мистер Хоутон, — говорил он Бобу, торопившему с поисками Паолы, — все будет в свое время. Я еще могу понять астронома: имея дело с вечностью, он привыкает считать человеческую жизнь коротким мигом и оттого спешит. Но вы...

Бобу нравился этот, как ему казалось, добродушный, немного суетливый человек, напоминающий тех веселых попутчиков, каких мы частенько встречаем в поезде или на теплоходе.

Особенно запомнилось Хоутону высказывание Диппля о жизни. Набросав, так сказать, карандашный эскиз человеческого бытия, детектив на минутку углубился в рой обобщающих выводов, всегда в избытке рождающихся в его поразительно сплюснутой голове, и сказал:

— Если бы жизнь каждого из нас в конце своем упиралась в единый барьер, как бы в некую одинаково ровную для всех линию, за которой обрыв, жить было бы страшно: плохо точно знать час своей кончины. Но, к счастью, впереди нас лежит изломанная кривая, и каждый стремится хоть ползком, но добраться до самого длинного «зубчика» и разорвать ленту финиша как можно позже других. Такое желание рождает здоровое соревнование и инициативу.

Вспомнив эту сентенцию, Боб невольно подумал о том, как бы жизнь не увлекла его в самый короткий «зубец» вечно меняющейся изломанной линии, за которой человеку уже нечего делать.

Самолет легко коснулся бетона и, пробежав метров пятьсот, свернул к аэровокзалу. На перроне их встретил человек, такой же полный и румяный, как Диппль. Они обменялись взглядами, и Диппль весело шепнул Бобу;

— Еще немного, мистер Хоутон, и я вам устрою свидание с миссис Паолой: все в порядке, она еще здесь!

Боб осмотрелся: как будто ничего подозрительного на этой земле миллиардеров не было. И все же... Если бы не надежда

увидеть Паолу и не гарантия сыщика в том, что «мистер Хоутон будет в безопасности, пока Диппль рядом», лучше бы и не прилетать сюда.

Диппль раздобыл прокатный скоростной автомобиль с прозрачным кузовом и подкатил к аэровокзалу. Боб сел рядом, и они свернули в магнолиевую аллею.

Ехали не быстро: дорога то петляла в густом тропическом лесу, то выходила к самым краям скалистых обрывов. Банановые рощи сменялись зарослями мимозы. На высоте двухсот футов шумели кроны деревьев-великанов. Все в этой котловине росло буйно, не боясь штормов и гроз. Многие стволы были покрыты яркими оранжевыми цветами, над которыми порхали большекрылые бабочки, а в ветвях копошились «крылатые обезьяны» — попугаи. Кое-где дорога раздваивалась, но Диппль уверенно сворачивал в нужную сторону. То и дело за окном мелькали роскошные виллы, соперничавшие друг с другом в изяществе форм и богатстве отделки.

— Судя по тому, как вы ведете машину, — заметил Боб, — вам приходилось бывать здесь, мистер Диппль.

— И не раз. Ведь этот край сильных мира сего, которые умеют говорить на языке доллара без переводчика и стоят не менее двухсот-трехсот миллионов, — весело откликнулся Диппль. — Миллионов!

— Да, я вас понимаю.

— Ну, а если эти джентльмены возят золото тачками, как навоз, то им не обойтись без нашего брата частного детектива. Благодарение богу, пока есть богатые люди, я могу делать свой бизнес. Правильный выбор профессии — великое дело в наш век, мистер Хоутон. Не угодно ли взглянуть направо? Это вилла мистера Джексона, короля промышленности женской красоты. А вон там, за поворотом, дача атомного короля. Несколько поодаль — владение короля дамского нижнего белья.

Короли газет и кино — механики общественного мнения — поселились еще дальше.

— Мы с вами попали в настоящее королевство королей, мистер Диппль.

— Вы хотели сказать — королевство Доллара?

— Именно так, мистер Диппль.

— А сейчас я постараюсь доставить вам несколько минут острейших ощущений.

Диппль энергично затормозил возле декоративного сказочного домика. Из двери вышла девушка в легком спортивном костюме, на ее прозрачной блузке извивалась голубая молния. Она подошла к машине и, улыбаясь, протянула Бобу яркий билетик с надписью: «50 долларов».

— Вы хотите, чтобы я стал легче на эту сумму? — ужаснулся Боб, глядя на «разбойницу с большой дороги XX века», как он мысленно окрестил девушку.

— Не торгуйтесь, мистер Хоутон, — ответил за девушку Диппль. — Вы их вернете потом, написав очерк в свою газету.

Хоутон нехотя расплатился с юной красавицей, получил от нее еще более пленительную улыбку и брошюру в пестрой обложке. Улыбки он не заметил, а брошюру рассеянно положил в карман. Диппль нажал кнопку стартера.

Дорога выровнялась и стремительно вбежала в просторный тоннель. Яркий свет фар осветил бетонные стены и гладкий асфальт.

— Я не назвал бы езду в тоннеле острым ощущением, — сказал Хоутон. — За пятьдесят долларов...

— Не спешите, мистер Хоутон. Вы наблюдали гонки на автомобилях по вертикальной стене?

— При каждой возможности; это увлекательнейшее зрелище!

— Не мне у вас спрашивать об этом, — спохватился Диппль. — Я забыл, что ваш покойный отец был одним из основателей этого вида спорта! Так вот, не угодно ли...

Выскочив из тоннеля, они промчались метров двести и выехали на наклонный бетонный трек. Пока Диппль, мчась по кругу, энергично наращивал скорость, Хоутон замер от восхищения. Они оказались в ажурном гигантском металлическом цилиндре высотой более километра. Узкая лента дороги отделилась от трека и несколькими широкими витками поднималась по стенам цилиндра под облака. Сам же цилиндр крепился толстыми металлическими балками к скалистым склонам естественного колодца в горах. Смелая инженерная мысль удачно использовала игру природы.

— Строительство этого аттракциона, — пояснил Диппль, — обошлось дешевле старой дороги, которой еще пользуются слабонервные курортники. Но там мы

плелись бы около двух часов, а здесь достаточно и десяти минут. Неплохо, мистер Хоутон?

— Недурно, Диппль, — кивнул Хоутон. — А удовольствие — свыше всякой меры, вероятно.

— Нет, что вы! Ровно на пятьдесят долларов — все подсчитано! Прошу вас, пока не отвлекайте меня. Зеленый глазок светофора дает нам знать, что путь не занят и нам пора.

Стрелка спидометра подошла к ста милям в час. Легким движением штурвала Диппль направил машину на верхний пояс трека, обозначенный четкой белой линией.

Машина накренилась градусов на сорок, Боб невольно взялся правой рукой за подлокотник, но тело его не только не кренилось к земле, а стало тяжелее и вдавливалось в сиденье. Еще секунда — и машина выехала на вертикальную стену гигантского цилиндра.

Теперь слева от себя Боб видел профиль Диппля на фоне далекой земли, а справа голубело круглое небо; впереди — белая лента, указывающая середину необычной дороги. Она круто изгибалась вверх.

— Оригинальная выдумка, — похвалил Боб.

— Выгодное дельце, — резюмировал Диппль.

— Вы думаете?

— Знаю, мистер Хоутон! В эти часы здесь пусто. А утром, и особенно вечером, когда не так жарко, внизу у тоннеля выстраивается длинная очередь. Богатые мальчишки привозят своих девчонок и крутятся с ними в этом цилиндре. По нескольку машин одновременно... Деньги любят развлекаться, мистер Хоутон!

На высоте семисот метров Диппль свернул на кольцевое ответвление дороги, и теперь они точно висели над землей, кружась по этому кольцу на одном уровне. Кустарник и скалы сливались в зелено-серую полосу.

— Здесь вы можете отдохнуть, мистер Хоутон, — сказал Диппль, — и сделать несколько снимков на. память.

Голос Диппля звучал глухо. Боб «продул» уши, как это делал недавно, снижаясь на самолете.

Виток, еще виток — и вот уже впереди машины бежит дорога.

— Жемчужина курорта! — сказал Диппль. — Земля тут стоит вдвое дороже, чем внизу.

— И владельцы дач тоже?

— Не всегда. Многое зависит от их характера, от бережливости... Вот и вилла рыбного короля мистера Бергоффа! Я разделяю ваши чувства, мистер Хоутон, но наше сыскное бюро гарантирует благоприятный исход акции только при соблюдении клиентом спокойствия. Параграф пятый соглашения...

— Хорошо-хорошо, мистер Диппль. Действуйте. Диппль свернул с дороги и остановил машину.

— Вылезайте, мистер Хоутон, и, пожалуйста, потише. Следуйте за мной. Видите, вот ту крокетную площадку? И скамью? Отлично! Спрячьтесь за деревьями и ждите.

С этими словами Диппль, не любивший тратить время попусту, оставил Хоутона и юркнул в кусты.

Хоутон пробыл в одиночестве не более получаса, но этого времени оказалось более чем достаточно, чтобы нервное напряжение, охватившее его, достигло предела.

Сегодня утром детектив Диппль позвонил по телефону и назначил свидание в аэропорту. Четыре часа полета. Сорок минут езды в автомобиле. И...

Боб едва удержался, чтобы не вскрикнуть: по дорожке, посыпанной красным песком, шла Паола! Она шла, неуверенно озираясь, точно искала кого-то. Но почему кого-то? Разве Диппль не сказал ей, кто ожидает здесь, возле скамьи у крокетной площадки?

Боб смотрел на нее не отрываясь, и сердце его сжималось от любви и жалости. Паола похудела, ее лицо осунулось и побледнело. Каштановые волосы поблекли и стали пепельно-серыми. Дорого дались Паоле несколько недель неволи.

Боб не мог сдерживать себя больше и вышел из-за деревьев. Паола удивленно посмотрела на него, остановилась, беспомощно теребя платье, и тихо спросила:

— Кто вы?

— Паола, милая Паола. Это же я, Боб.

— Откуда вам известно мое имя?

— Что ты говоришь! Это я, Боб Хоутон... Вспомни Пито-Као... Мауки... Разве ты забыла наш дом, Паола? Что сделали с тобой?

На лбу Паолы появились две глубокие морщинки. По глазам было видно, что она пытается что-то вспомнить, но не может. За спиной Боба послышался шорох. Он повернулся с ловкостью кошки: у ствола сандалового дерева стоял Бергофф!

Хоутон был в западне...

3

Закончив исследование Отунуи и его немногочисленных жителей и не обнаружив следов арпела, профессор повеселел.

— Совсем недурственно, — сказал он. — Теперь пора глянуть, как обстоят дела и на Пито-Као. Гм... поскольку он необитаем, можно управиться и за денек. Если у нас будет помощник.

— У нас? — спросил я.

— Но ведь по плану эту работу мы должны выполнить с Василием Ивановичем вдвоем, — напомнил он.

— Ах, верно.

— Вы что-то хотели сказать? — услышав свое имя, но еще не понимая, в чем дело, оторвался от книг Гирис.

— Мы болтаем здесь, возле вас, уже полчаса, мой уважаемый коллега с улицы Бассейной.

— Что вы предложили? — оживился биолог. — Повторите, прошу вас.

— Я сказал...

— Блестяще! Очень дельная мысль.

— Вы мне льстите: она столь для всех очевидна...

— Но я же до нее не дошел, — упорствовал Гирис. — Именно бассейн, Александр Иванович.

— О чем вы, коллега?

— Теперь мне ясно, что «Белую розу» надо выращивать не в Черном море, а где-нибудь в районе Владивостока, в специальном, так сказать, полуискусственном бассейне, как предложили вы.

Василий Иванович вновь погрузился в свои думы сперва «по пояс» — как однажды сказал о нем Перстенек, — затем, пустив два-три веселых радужных пузыря, с головой ушел в Океан Размышлений, где, как известно, издавна водятся самые необыкновенные и полезные идеи.

Егорин хотел было извлечь его на поверхность, но вдруг изменил свое намерение, отошел в сторону и, понизив голос, сказал мне:

— Утром приготовьте катерок и мотоцикл с коляской: будете нас сопровождать.

— Слушаюсь, Александр Иванович. Профессор сделал знак тихо покинуть кают-компанию и первым подал приме

4

На Пито-Као моя нога ступила впервые. Но я уже много знал о нем понаслышке. И все же я волновался.

Погода была ясная и безветренная. Профессор подавал команды, а я правил моторной лодкой и первым увидел на высоком скалистом берегу величественные каменные статуи.

Молча вошли мы в лагуну и направились к деревянному причалу. Молча высадились на берег и втроем выкатили из лодки мотоцикл с коляской. Александр Иванович сел в коляску, Гирис — позади меня, на второе седло. Профессор выбрал направление, мы выехали на тропинку, по ней — на более широкую проселочную дорогу, которая вилась по самой береговой кромке и поднималась вверх, точно нехотя взбираясь на пологий и длинный, как летний день, холм.

Я выключил мотор у могилы гаянца Маны. На ней гордо стоял каменный длинноухий, высоколобый иноземец. Высеченный из темно-серого туфа, он покрылся пятнами зеленого, желтого и белесого мха.

Казалось, он смотрел куда-то в лишь ему одному понятную даль. Этот взгляд его был глубоко задумчив.

Он был зарыт в землю почти по самую шею, но мне почему-то он виделся именно стоящим во весь рост, лишь скрытый от меня грудой больших камней и жестким, колючим кустарником. На губах его чудилась саркастическая улыбка. Так может улыбаться человек, заканчивающий свои дни почти у самой цели, но все же не достигший ее... Словно он понимал всю тщету, бесполезность дальнейших усилий, но вспоминал о том великом деянии, что уже было за его спиной.

Пришел, увидел и... почти победил!

Трагедийность этого «почти» навеки запечатлелась в грубых, но изумительно выразительных каменных чертах его лица. Только гениальные мастера могут создавать такие скульптуры. Только величайшие невежды цивилизованного мира могут говорить о неполноценности угнетенных, так называемых малых народов Африки, Азии, Полинезии. Только наиподлейшие из глупцов, забывая о единстве природы человека,

могут игнорировать эти и подобные им вдохновенные творения простых, натруженных рук.

«Игнорирование — это не аргумент!» — говорили древние, подарившие нам немало непреходящих истин, одну из которых я и вспомнил у могилы Маны.

Мы сели на камнях возле статуи, думая каждый о своем, целиком находясь во власти обстановки и необъяснимого обаяния, которое излучают лишь подлинные произведения искусства.

5

Мы в полном смысле слова исколесили весь остров. Я и то устал. А ведь я всего только правил мотоциклом, причем с коляской, да еще по сравнительно сносным тропинкам или даже настоящим дорогам. Моим пассажирам — вот им досталось изрядно! Они то и дело брали пробы грунта, воздуха, воды и делали анализы с помощью портативной, но надежной походной лаборатории.

Особенно тщательно работали они в развалинах взорванной Дортом микробиологической базы, на покинутом крабоконсервном заводе и в пустом теперь поселке Лакитаун.

Я бродил по опустевшим улицам, заглядывал в окна домов и даже зашел в кабачок Оскара. На всем — холодок запустения. Лишь вывеска «Вспомни свою крошку» и длинная стойка у буфета напоминала о характере заведения, как одежда, лежащая на берегу реки, напоминает об утопленнике.

Двухэтажный белый особняк на холме, поодаль от поселка — бывшая резиденция Бергоффа и Дорта — вначале вызвал во мне любопытство, но и там ничего интересного я не увидел.

Походив по комнатам, где почти вся обстановка осталась нетронутой и только покрылась безразличной ко всему пылью,

я уже собрался выйти на широкую веранду, как увидел на одной стене портрет, написанный маслом на небольшом холсте.

Из тонкой прямоугольной рамки, слегка затуманенное пылью, на меня глянуло красивое девичье лицо с большими смеющимися светло-карими глазами, обрамленное вьющимися каштановыми волосами. Тонкий и прямой римский нос. Пухлые улыбающиеся губы.

— Паола!

Моя рука невольно потянулась к портрету, точно к маленькому тлеющему угольку, оставшемуся от костра, от которого еще можно прикурить. Но, вспомнив совет академика ничего не брать и сцены, происходившие на Пито-Као в дни ужасной эпидемии арпела, я ограничился лишь ответной улыбкой этому милому лицу и вышел из дома.

Ночь пришла быстро, как беда. В высоком экваториальном небе вспыхнули крупные, точно искусственные спутники, звезды. Я сидел на скалистом обрыве у самой воды. В густом тропическом лесу хлопали крылья невидимых в темноте птиц, стрекотали цикады; то далеко, то совсем близко слышался писк и что-то напоминавшее пыхтенье и топот босых ног.

Со стороны океана донесся пронзительный, неприятный свист. Потом он резко оборвался, и воздух наполнился... звуками арфы. У меня появилось такое ощущение, будто я открыл дверцу холодильника.

И тут я вспомнил дневники Павла Тверского. Ну да, это же поющая рыба, черт бы ее побрал!

Снова я чувствую себя настоящим мужчиной. Но первобытный инстинкт самосохранения уже взведен, точно курок.

Профессору и его коллеге лучшее они вдвоем и увлечены работой так, что их не удивишь и симфоническим оркестром. Что это они долго возятся с анализами на кладбище? Неужто не надоело? Хоть бы поскорее пришли. Пора и домой.

Я закуриваю и подчеркнуто неторопливо затягиваюсь. Однако здесь, на Пито-Као, и табачный дым почему-то вкуснее и действует особенно умиротворяюще. Да и недурно, совсем недурно вот так — одному! — побыть ночью вблизи незнакомого леса, на чужих скалах, под сказочным небом в абсолютной темноте.

Осматриваюсь и... снова «открываю дверцу холодильника»: в черной пустоте ни с того ни с сего я вижу вдали освещенное окно... Этого еще не хватало! Крепко зажмурился, как в детстве, сосчитал до трех и... свет. Свет в одном из окон дома Бергоффа. Пустого дома. Заброшенного. На необитаемом уже более года острове.

Отворачиваюсь и крепко вслух ругаюсь. На чем свет стоит. Это испытанное во всех странах и самое радикальное средство против галлюцинаций. Произнося без передышки непотребные слова, бросаю украдкой взгляд в направлении особняка Бергоффа и... все тот же свет в окне.

Тут мне в голову приходит удачная мысль. Надо признаться, что такое бывает у меня нечасто. Если вы и найдете в моей книге неплохие, на ваш взгляд, места, то, честно признаюсь, они появились только потому, что сама действительность подарила их мне. Лично же я ничего не выдумывал, да и не люблю заниматься таким несвойственным мне делом.

Но в тот раз воображение проснулось во мне, как от пушечного выстрела, и сработало безотказно. Быстро извлекаю из футляра фотоаппарат, присоединяю к нему телеобъектив, навожу его, щелкаю. Раз! И свет погас...

Жду минуту, две, пять — темнота. Вспоминаю свое имя, отчество, год рождения — сходится. Значит, жив курилка. Ладно, думаю, еще посмотрим.

Закуриваю еще разок и слышу голоса наших ученых. Они разговаривают весело, смеются и поднимают такой шум, что все живое вокруг в страхе умолкает.

— Не устали ожидать нас? — спрашивает Александр Иванович.

— Нет, ничего, — небрежно отвечаю я. — Пока вы возились в доме Бергоффа, я мечтал.

— В доме? — удивился Василий Иванович. — В каком доме? Мы работали только на кладбище.

— И признаков арпела, как мне и хотелось, не нашли, — довольным голосом произнес профессор.

— Едем домой, — пробурчал я и первым направился к мотоциклу.

6

На вертолете утром я проявил пленку и крепко задумался. На снимке — освещенное окно и в нем два силуэта: один из них какой-то странный, с головой, напоминающей в профиль полумесяц.

— М-да, — сказал профессор, разглядывая снимок. — У фотоаппаратов галлюцинаций, кажется, не бывает. Да и шахматные задачи порой заставляют задумываться больше, нежели ожидаешь... В нашем уравнении уже два неизвестных. Занятно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Снова в аквалете. Белая долина. Неожиданная встреча

1

Работа под водой оказалась куда скучнее и утомительнее, чем я предполагал. На глубине двухсот метров остатки солнечных лучей почти полностью растворялись в синевато-черном

мареве, и я вел аквалет вслепую, по приборам. Настраиваюсь на ультразвуковой привод, беру нужный курс, включаю приборы для съемок. Скорость сто километров в час. Теперь моя главная задача — во что бы то ни стало сохранять неизменными курс, глубину погружения и скорость. Потом разворот на сто восемьдесят градусов — и снова напряженное внимание.

Более двух недель носился я взад и вперед. Глубиномер — локаторы — скорость — локаторы — курс — локаторы. К концу дня я валился с ног от усталости. Прохладный жесткий душ и мягкая постель — единственное, что интересовало меня. Но даже во сне было то же — курс, скорость, локаторы...

На Отунуи мы так и не высаживались. Александр Иванович советовал повременить. Зато островитяне навещали нас при каждой возможности. Перстенек даже наладил с ними торговые отношения.

2

— Хорошо бы рыбки отварить, — размечтался как-то Саша.

— Сбегай на базар, — посоветовал Филлип Петрович. — Третий день яичница.

— Так вот же я и говорю... А что толку в яйцах? Если хочешь знать, Филя, яд гремучей змеи состоит из тех же веществ и в тех же пропорциях, что и яичный белок.

— Чем только ты нас кормишь! Я бы сейчас целого осетра одолел, как Собакевич, — признался Петренко.

— Добро, друзья, — решил я. — Раздобуду рыбки. ... На глубине ста — ста двадцати метров я ушел в открытое море и включил носовой ультразвуковой локатор. Развив хорошую скорость, выпустил трал, уложенный в особый карман на хвосте аквалета. Вот серебрится косяк сардин. Я прохожу сквозь него, и рыбы, увиливая от столкновения, попадают в сеть.

Несколько заходов — и трал заполнен до основания, даже скорость аквалета резко упала.

Я возвращаюсь к вертолету. Вываливаю добычу: тут и тунцы, и зубастые барракуды, скумбрии, и большеголовые кальмары, морены, и, конечно, тысячи креветок! Хитрый угорь, притворившись мертвым, чуть не цапнул кока за руку.

— Ну, подожди, прохвост, — пообещал Саша, — ты у меня первым нырнешь в уху!

Освободившись от трала, я вновь ушел под воду и взял курс на Белую долину. Это было ровное место с таким удивительно белым песком, что дневной свет, отражаясь от дна, придавал всему пейзажу необычную освещенность. С юго-запада долину ограничивают коралловые джунгли. В голубых лучах мелькают над кораллами рыбы. На скалистом возвышении, поодаль, замерли три «кубка Нептуна» — так называют стеклянные губки, — их тела словно сотканы из тончайших нитей кремнезема. У подножия подводной скалы лежат метровыми поленьями голотурии — гигантские морские огурцы. Черно-желтая змея с весловидным хвостом важно проплыла перед самым моим носом. Над правым крылом царственно повисла парашютистка-медуза... Вот ползут по дну юркие эхиурады, хищная морская звезда сильными лучами, как руками, открывает створки устриц...

Вода здесь так неправдоподобно прозрачна, что кажется, все окружающее сделано из кристаллов горного хрусталя. И солнечные лучи в этом волшебном царстве превращаются в колонны из золотистого стекла.

Все здесь кажется нереальным из-за отсутствия теней. Все незнакомо. Я вошел в какое-то серое пятно и только потом догадался, что это тень от облака, плывущего низко над водой.

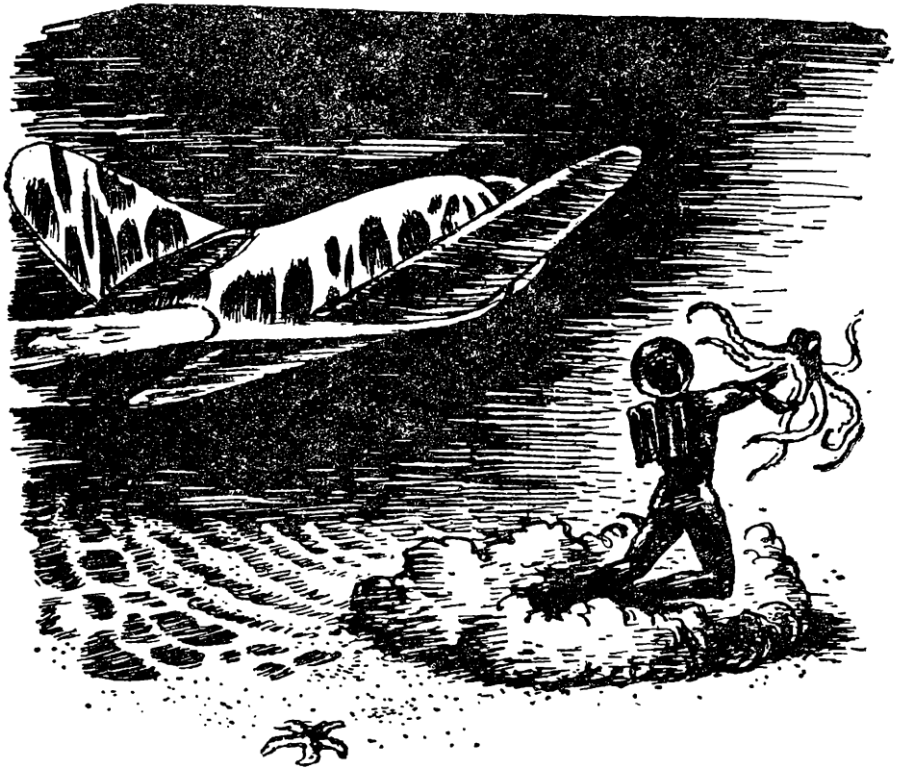
Пошли места помельче. Здесь греются на солнце сотни огромных крабов. Они лениво отрывают куски длинной

стеблевидной водоросли и суют вкусные кусочки в рот, подталкивая их сильными клешнями.

Мотор работает так тихо, что не заглушает писка, скрипа, кваканья. Все эти звуки мне давно знакомы. Но вот раздался какой-то необычный, металлический звук, и я нажал тормозные педали.

Сперва я увидел густое бурлящее облако тины. Потом в этом месте мелькнули щупальца осьминога. А когда муть немного рассеялась, перед моим иллюминатором оказался человек в белом водолазном костюме, в прозрачном шарообразном шлеме на курчавой длинноухой голове. Я узнал Мауки!

Юноша так был поглощен борьбой с молодым осьминогом, что не заметил аквалета, тем более что на зеркальной



поверхности моей машины отражались рыбы и водоросли. Он могучим усилием оторвал от скалы щупальца осьминога и устремился с добычей кверху.

Я не отстаю от Мауки, едва не наступаю ему на пятки. Юноша вышел на берег и потащил за собой осьминога. Хищник меняется в окраске, раздувается, как жаба, выпучивает от злости глаза, но Мауки, словно сказочный Геркулес, поднимает его над головой и с размаху бьет о камни. Затем, не давая осьминогу опомниться, засовывает руку в отверстие в нижней части брюха и рывком вытягивает наружу внутренности. Потом он еще несколько раз бьет о камни уже пустым осьминогом (и прячет свою добычу.

Эта борьба была нелегкой, и юноша устал. Скорее в воду — самую мягкую в мире постель! Он плашмя лег на гладкую поверхность океана, разбросав руки и ноги, и медленно пошел ко дну.

Я по-прежнему рядом. Юноша почувствовал легкое дуновение воды и, повернув голову, увидел в зеркалите свое отражение.

Нажав кнопку на приборной доске, я превратил поляризованный зеркалит в обычный, прозрачный, плексиглас.

Представьте себя на месте юноши: сперва вы смотритесь в зеркало под водой, а потом перед вами возникают в пространстве просто так, из ничего, детали какой-то машины, трубки провода, приборы.

Узнав меня, Мауки в ужасе отшатнулся, сделал какое-то хватательное движение на груди, тело его вытянулось, и он пулей помчался вдоль берега. За его плечами вились прозрачные водяные жгуты: водолазный костюм островитянина имел реактивный двигатель!

Я немедленно увеличил обороты, стараясь догнать его, но тщетно. Развил предельную скорость, а расстояние, между нами, почти не уменьшилось. Мауки вдобавок располагал и

большой маневренностью. За одним из бесчисленных поворотов он нырнул в подводный грот; дно в нем курчавилось тонкой взвесью ила.

Я остановил машину у входа и включил фары: грот уходил вверх суживающимся рукавом. Потревоженная рыбешка металась в ярких лучах света, к своду пещеры прицепилось несколько омаров, крошечный кальмар торопливо зарывался в песок, а Мауки не было.

3

У Василия Ивановича Гириса таинственно исчез фотоаппарат... Строго выполняя приказание руководителя экспедиции, биолог выходил на берег только в самой пустынной части острова. С аквалангом за спиной он ползал по скалам шельфа, собирал водоросли, морских животных. Вот и тогда, собрав несколько интересных ракушек, Гирис облюбовал крошечную скалистую бухту с ровным дном, естественным песочным пляжем и решил искупаться. Он хорошо помнил, как снял снаряжение и повесил фотоаппарат на ближайший куст. Побарахтавшись в воде, биолог лег на горячий песок отдохнуть.

— Я думаю, что не спал совсем, — предположил ученый, рассказывая нам о своих приключениях, — а когда стал готовиться в обратный путь, то не нашел фотоаппарата.

Пропал фотоаппарат. Это известие, словно острый нож, разделило наш маленький коллектив на две части, неравные по количеству и темпераменту. Инженер Баскин внес предложение отправиться на Отунуи.

— Пресечем зло в самом его начале! — угрожающе поднял он мизинец.

— А если Василий Иванович просто потерял фотоаппарат? — спросил рассудительный кок.

— На острове? — усмехнулся Филипп Петрович.

— Разве вещи теряют только на Невском проспекте? — возразил профессор Егорин.

— Да, не нравится мне эта история, — резко сказал Венев. — Надо идти к островитянам!

— Или поискать, — предложил я.

— Хорошо, поищем, — подвел черту Александр Иванович. Добраться до берега на легкой надувной лодке было делом нетрудным. Кок правил, я сидел за моториста, профессор осматривал местность в бинокль, а биолог тер переносицу, стараясь припомнить, спал он на пляже или бодрствовал.

— Курс правильный, Василий Иванович? — спросил кок.

— Что? Ах да, да... разумеется. Впрочем, если вы подвернете влево градусов на сорок... Вероятно, так. Попробуем.

Александр Иванович недовольно глянул на коллегу, но промолчал.

— Здесь? — спросил Саша, разворачивая лодку бортом к берегу.

— Да-да, благодарю вас. А скажите, можно проехать вон туда, метров сто-двести?

— Проехать — нет, а проплыть можно, — все еще сохраняя спокойствие, кивнул Саша.

Через полкилометра Василий Иванович протер пенсне кусочком замши и стал уже тревожнее всматриваться к очертаниям берега.

— А что бы вы сказали, милейший кок, если бы я попросил вас проехать... нет, пройти, виноват, проплыть от нашей исходной, так сказать, точки А метров сто-двести в другую сторону?

— Пока я не дошел еще до своей точки, — с холодной любезностью ответил Перстенек, — вы можете приказывать, как вам угодно!

Профессор демонстративно молчал, а я, не желая сеять раздор, сделал вид, что меня это не касается, и стал замерять

линейкой, сколько осталось горючего в маленьком, как дамская сумочка, бачке.

Нам попадалось, по крайней мере, с десяток укромных бухточек, но Василий Иванович смущенно смотрел то на скалы, то на нас, то на облака.

— Уж не вверху ли вы отсыпались? — сердито спросил Александр Иванович, перехватив его взгляд.

— Во-первых, я не уверен, что мне удалось вздремнуть, — совсем смутился Василий Иванович. — Во-вторых, мне показалось, что вы немного раздражены. Между тем как только уравновешенность...

— Ну хорошо, — согласился Егорин, — допустим. Хотя я убежден, что совершенно спокоен! Но, скажите на милость: сколько мы еще будем здесь челночить? У меня уже в глазах рябит.

— Но я, ей-богу, не виноват, — пытался разрядить обстановку Гирис. — Errare humanum est. [4]

— Охотно принимаю вину на себя, — уже едко продолжал Егорин. — Охотно! Вы убедили меня, что наблюдательность — ваша стихия.

— Ур-р-ра! — закричал вдруг Перстенек. — Вижу! Мы все повернулись к берегу: в расщелине скалы на кусте висел фотоаппарат.

4

— Теперь вы должны убедиться, Александр Иванович, что я был прав. А вы пытались меня...

— Уважаемый Василий Иванович, если я и пытался, то лишь взять вину на себя из уважения к вам. И если вы сомневаетесь в моем...

— Драгоценнейший Александр Иванович, я никогда, осмелюсь вам заявить, никогда не сомневался, ибо сам отвечал вам тем же.

— Я тоже полагаю, что всегда вижу в вашем лице подлинного друга.

— Нет ничего утомительнее вежливости, — шепнул мне Саша и обратился к ученым: — А не сходить ли мне, товарищи, в этот лесок за дичью?

— Приветствую такое решение, — оживился биолог, — и прошу взять меня в компаньоны.

— Возьмите, возьмите, — поддержал Егорин, — Василий Иванович много лет занимается классификацией фауны и будет недурным помощником.

— Неплохо бы и стрелять метко, — замялся Саша.

— Вы изволите сомневаться во мне?! — воскликнул Гирис. Тут из леса вылетела большая серая птица и направилась в нашу сторону. Она летела как-то странно: не махала крыльями, а быстро-быстро покачивала ими из стороны в сторону.

— Берите ружье, — тихо сказал Саша. — Вон видите? Докажите на деле. Да быстрее же!

Странная птица, подлетев к нам, сделала крутой поворот и уже намеревалась вернуться в лес, но Василий Иванович мгновенно поймал ее на мушку, грохнул выстрел — и дичь упала на землю в каких-нибудь двадцати шагах от нас. По тому, как Василий Иванович ловко вскинул ружье и приклад сразу удобно лег в плечо, мы поняли, что трофей биолога — не случайная удача.

— Отлично! — одобрил Саша и побежал за дичью. — Василий Иванович, — позвал он из-за камня, — вот теперь сами определите, что вы убили.

Мы подошли к коку и склонились над добычей.

— Простите, — пробормотал биолог и протер пенсне замшей. — Ведь это, как видите, не птица, а бумеранг!

Мы притихли. «Дичь» переходила из рук в руки. Да, это был алюминиевый бумеранг длиной около метра и толщиной в палец. Его красиво изогнутые лопасти изрешетила картечь. На изгибе виднелось круглое стеклянное окошечко. На короткой лопасти я прочел: «Made in...», а дальше — рваное отверстие.

— Удивительно, — прошептал Егорин, — кому надо нас фотографировать? Ведь это стеклышко на изгибе — объектив фото— или киноаппарата.

Прячась за скалами, мы пробежали к лодке, запустили мотор и поплыли к вертолету — благо, что он находился влево от нас и нам не нужно было показываться тем, кто сейчас прятался в лесу.

5

Узкую длинную пленку, извлеченную из бумеранга (профессор оказался прав: там был спрятан миниатюрный фотоаппарат), проявлял Баскин, а Гирис занялся своим фотоаппаратом.

— Ну-с, — наконец услышали мы голос Алексея Алексеевича, — полюбуйтесь. Это местность на пути к вам. Это вы сами стоите, задрав головы. Момент выстрела Василия Ивановича. А это нечто более серьезное... Надо полагать, что мистеры, метнувшие бумеранг, сперва проверили свою аппаратуру контрольным включением и на пленке остался вот этот красавец.

Мы увидели на снимке незнакомца с приплюснутой головой, разительно напоминающей в профиль молодой, растущий полумесяц.

В это время в кают-компанию вошел Василий Иванович Гирис.

— Мой фотоаппарат пуст! — растерянно сказал он.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Робот опускается на дно. Шторм

— Сегодня начнем бурить, — объявил профессор Егорин. И хотя он старался всем своим видом подчеркнуть, что ничего особенного в этом нет, голос его звучал взволнованно.

На борту «Ильи Муромца» у пульта управления разгрузочно-монтажными механизмами остался один Венев. А мы во главе с Егориным, надев акваланги с маленькими радиостанциями, спустились под воду.

— Начали, — сказал Баскин.

— Открываю, — послышался в наушниках голос Венева.

В днище вертолета раздвинулись широкие, как ворота, шторки. Механические руки осторожно выдвинули веретенообразное тело батискафа, и оно повисло над зеленовато-черной бездной.

— Платформу! — скомандовал Баскин. Из трюма показался толстый диск диаметром в несколько метров с отверстием в центре. Мы начали присоединять эту массивную платформу к днищу батискафа. Позже, когда батискаф опустится вниз, платформа ляжет на дно и плотно присосется к грунту, а небольшое отверстие в ее центре станет устьем скважины. Это будет робот-бурильщик.

— Теперь я помогу вам, Алексей Алексеевич, — сказал профессор Егорин и, ловко оттолкнувшись ластами, подплыл к батискафу.

Вдвоем с Баскиным они извлекли из корпуса робота полутораметровый ультразвуковой бур и, просунув его в отверстие платформы, укрепили особым замком.

— Полдела сделано, братцы, — пыхтя объявил Баскин. — Дружней, дружней. Хозяин поднесет нам по чарочке!

— А трубу не сломаем? — забеспокоился Перстенек.

— Ну и всезнайка! — засмеялся Баскин. — Ведь наш бур соединен с прочным гибким шлангом, намотанным на барабане. Это вам, кок, не котлеты жарить! А барабан в батискафе.

Работа кончена. Осмотрели крепления — и наверх, а я сел в аквалет, приготовив к съемке киноаппарат.

Батискаф плавно опустился метров на двадцать и направился к Белой долине. Александр Иванович управлял им на расстоянии, стоя у телевизионного экрана в своей кабине.

Батискаф лег на песчаное дно, и круглая платформа почти полностью всосалась в грунт. Я представил себе, как из платформы выдвигается бур и входит своей ультразвуковой коронкой в дно Тихого океана. Вслед за буром потянулся шланг.

Ультразвуковые частоты, излучаемые им, не позволяют сжать его с боков. Мощный насос вытягивает из-под земли размельченную в порошок породу, собирающуюся снаружи шланга, а внутри бура остается керн — нетронутый столбик грунта. Батискаф уже окутался темным облачком. А скоро вода замутилась совсем. Я выключил киноаппарат и доложил профессору.

— Хорошо, возвращайтесь, — сказал он. — Погода портится, похоже на шторм.

— Я только загляну в ту пещеру, куда скрылся Мауки, — попросил я.

— Но не увлекайтесь!

На предельной скорости промчался я над Белой долиной и сразу нашел знакомый мне вход в подводную пещеру... По-видимому, небо основательно затянуло облаками: даже на глубине двадцати метров почти ничего не различаю перед собою. Пора возвращаться, но что-то неудержимо влечет меня вперед, и я решаю пройти немного вдоль берега, в сторону пролива между Отунуи и Пито-Као.

Приблизился к поверхности океана и хотел уже всплыть, как попал в сильную болтанку; будто вошел над горами в

кучевые облака. Машину швыряло, словно щепку, и, если бы я не привязался ремнями, худо пришлось бы.

— Налетел шторм, — услышал я голос профессора. — Мы взлетаем. Ожидайте нас в районе Белой долины. — Голос Егорина звучал все тише, вероятно, «Илья Муромец» уже отделился от воды. — Не уходите далеко.

Я перестал слышать Егорина: связь прекратилась, а выбрасывать сейчас, в такую погоду, плавучую радиоантенну было рискованно. Да и к чему? Шторм как быстро поднялся, так же быстро и стихнет... А я могу воспользоваться вынужденным «отпуском» и совершить наконец давно задуманную подводную прогулку вокруг острова.

Плыву вокруг Отунуи, зорко всматриваясь в экраны локаторов. Иногда справа появляются голые подводные склоны острова, но я нажимаю на педаль руля поворота, и скалы послушно отходят.

В какое-то мгновение ощущение одиночества оставляет меня.

Я еще не уверен, что увидел кого-то, но уже чувствую, что я не один, и уже встревожен. Потом поворачиваюсь влево и вижу, как совсем рядом, то поднимаясь, то опускаясь, плывут два человека в водолазных костюмах. Весь точно собираюсь в комок, но сразу же успокаиваюсь. Ведь всегда пугает неизвестное, а я теперь вижу, что один из плывущих — Мауки, и он в том же самом водолазном костюме с прозрачным шлемом, в котором был при нашей первой встрече в Белой долине.

Едва меня заметили мои невольные спутники, как тот, второй, ухватился за ноги Мауки, и они стали от меня уходить.

Теперь я окончательно убедился, что в водолазном костюме Мауки — портативный двигатель. Но сейчас Мауки тащит на буксире своего партнера, и скорость его не так велика. Пытаюсь догнать. Некоторое время спустя мы все трое вплываем в темную пещеру. Включаю фары. Метров двести или

даже триста мы плывем в огромной пещере, потом купол ее как бы обрывается, и вот над головой у меня темно-фиолетовое небо.

Вдруг в каких-нибудь ста метрах перед собой я вижу узкую палубу подводной лодки. Встреча с ее хозяевами не сулит, конечно, ничего хорошего, и я устремляюсь к выходу.

Но плыву медленно: шторм, перемешивая верхние слои воды, так начинил ее пузырьками воздуха, что местами она напоминала густой рисовый суп. В такой среде звук проходит плохо и дальность действия локаторов уменьшается — приходится быть осторожным, как в тумане. В глубину уйти тоже нельзя: рельеф дна здесь мне неизвестен. И все же удалось скрыться.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Золотые слова, Роберт!»

1

Палату, в которой лежал парализованный профессор Кобрен, скорее можно назвать физической лабораторией — так много здесь приборов и аппаратов.

— Как видите, мы делаем все возможное, чтобы вернуть профессору здоровье, — участливо сказал Стоутмен. — Старик работал с такой нагрузкой... Не мудрено, что надорвался.

Роберт посмотрел на больного.

Три года Роберт Гровер работал со знаменитым Кобреном, лучшим невропатологом и радиологом страны. Пожалуй, это время — самое светлое в жизни молодого ученого. Идеи и проекты учителя целиком завладели им. Ему и сейчас едва ли больше тридцати, но его имя известно в медицинском мире и

многим кибернетикам. Больше всего на свете Гровер дорожил временем. «Время следует превращать не в деньги, а в знания!» — эти его любимые слова проникли даже в печать. Сам он никогда не отступал от своего правила, и, когда поиски и эксперименты требовали бессонных ночей, Гровер совсем лишал себя досуга: он научился отдыхать, размышляя.

Однажды он побоялся прыгнуть с парашютной вышки, но его проекты и опыты отличались такой смелостью, что у многих его коллег старшего поколения захватывало дух.

Они познакомились с Кобреном на международной научной конференции, посвященной проблемам изучения мозга. В просторном фойе Московского университета было шумно и людно. Роберт стоял у входа в актовый зал, когда к нему подошел коренастый невысокий человек с крупной головой и седой старомодной гривой длинных волос. Мохнатые седые брови нависали смешными козырьками над живыми черными глазами. Толстый большой нос с черными крапинками выглядел как-то грозно. Чувственный рот наводил на мысль о чревоугодии.

В общем же его лицо казалось добродушным. Это и был знаменитый профессор Кобрен, талантливый ученый, богач и старый, уже неисправимый холостяк.

— Я хочу пожать вам руку, коллега, — пробасил Кобрен. — Читал ваш доклад и позволил себе расспросить о вас. Жалею, что не знал вас раньше, и радуюсь, что есть такой город Москва, где толковые люди непременно встречаются, рано или поздно. Как вы заметили, себя я также отношу к таковым...

— Благодарю вас, профессор, — поклонился Гровер. — До сих пор я смотрел на вас только в телескоп.

— Мой юный друг, у меня есть деловое предложение: переходите ко мне в клинику. Я вас обеспечу самыми увлекательными в мире идеями. Подумайте...

— Я готов это сделать хоть сейчас, — поспешно ответил Роберт.

— Рад, — коротко произнес Кобрен, точно ударил молотом по наковальне.

Три года длилось их совместное увлекательное путешествие в мир человеческого сознания, в святая святых мышления, три года они изучали мозг человека, этот, по словам В. И. Ленина, особенно сложный кусок материи. Таинственность неизведанного подзадоривала их, а непредвиденные трудности закаляли волю.

День за днем неустанно работали они в своей клинике, окруженные лишь несколькими преданными сотрудниками. Ключом, которым они надеялись открыть самый замысловатый в мире ларчик, были биотоки.

Но, по всей вероятности, когда речь идет о самом происхождении жизни, о мышлении человека, биотоки многого не объясняют. Они лишь помогают в исследованиях, экспериментах. Можно предположить, что существуют особые виды или даже один вид энергии, нам еще неизвестный, и тогда понятны станут величайшие трудности, стоящие перед наукой.

— Если есть особые лучи жизни, неизвестная нам форма полевого движения материи, обеспечивающая мышление, — сказал Кобрен, — то наше дело дрянь.

Так это или нет, но им не везло в главном — ведь Кобрен хотел создать принципиально новый тип компьютера. Идея заключала в себе что-то дерзкое, необычное.

Вся программа состояла из двух разделов. Вот первый.

Мы знаем, как длителен пока процесс оформления задания в специальных устройствах современных счетно-решающих машин. Нужен перевод с языка человека, на язык машин, подготовка перфорированных карт. Не говоря уже о дополнительных штатах кодировщиков, такая система ограничивает производительность кибернетики: теряется немало времени.

Кобрен задался целью устранить это промежуточное звено и добиться, чтобы машина сразу воспринимала мысленное задание человека и, выполнив его, излучала бы в мозг полученный результат.

Раздел второй.

Начну издалека. Мир богат выдающимися людьми, чье творчество имеет важнейшее значение и оставляет неизгладимый след в истории культуры. Аристотель и Ломоносов, Лобачевский и Эйнштейн — примеров много.

Кроме печатных трудов, потомкам остаются жизнеописания таких людей, их портреты, скульптуры, фотографии и киноленты, воспоминания современников. Но глубокий внутренний мир таких людей, секреты их творчества, их мышление навсегда ускользают — ведь невозможно получить фотографию того, что происходит в глубине нашего «я».

Кобрен решил сделать это невозможное.

— Настанет время, — убежденно говорил он Гроверу, — и наши машины, работая с гениальными учеными, не только изучат особенности их мышления, но и запишут в своих запоминающих устройствах все ходы их рассуждений, логику, проникнут в лабораторию открытий... Интеллект крупного ученого будет «записан» и — даже после его смерти — останется на вооружении потомков.

— Вы имеете в виду особую кибернетическую библиотеку, учитель, — спросил Роберт, — в которой будущие студенты смогут ознакомиться с интеллектом великих предшественников, учиться у них мастерству исследований?

— Для начала — да. Но когда эти студенты станут учеными, они получат возможность проверять, как бы решил новую трудную задачу тот или иной гений прошлого, и даже решать такие задачи. Каждый истинно гениальный человек, Роберт, — не просто игра природы, он обязан и всей культуре современного общества. И разве плохо, если методика исследований

выдающихся ученых и после их смерти будет продолжать «участвовать» в завоевании природы?

— Вы можете рассчитывать на меня, учитель, до конца моих дней! — пылко ответил Роберт и вслух повторил мысли Кобрена. — Как это заманчиво! Когда-то потомкам доставались одни легенды о выдающихся людях прошлого. Затем — скульптуры и портреты. Еще шаг — и мы научились записывать голоса и движения их на киноленте. Мы должны сделать следующий шаг.

— Несколько шагов, Роберт!

— Пусть так, мы добьемся, учитель! Но добиться было трудно. Большую часть своего состояния Кобрен израсходовал на эксперименты, и безуспешно.

— Машине чужда живая природа мозга, — вздыхал Роберт.

— Мы просто еще мало знаем, что такое мозг человека, — не сдавался Кобрен.

— Павлов доказал, что организм и среда, его окружающая, — одно целое. Это же должно относиться и к части организма, например, к мозгу. А в наших клинических и лабораторных исканиях...

— Но великий Павлов не запретил нам создавать искусственную среду, эквивалентную естественной.

— Не потому ли, что ему не приходила в голову такая постановка вопроса?

— Во-первых, такая постановка вопроса есть в его трудах: возможность влиять на организм через среду. Что же касается мыслей, «не пришедших в голову», как ты говоришь, то поверь мне: в эту группу входят и все будущие открытия. Если что-то верное и нужное еще «не пришло» к нам, виноваты в этом мы сами, а не те мысли, которых нам не хватает.

Когда мир облетела весть о находке на острове Пито-Као, Кобрен пришел в чрезвычайное возбуждение.

— Роберт, ты подумай, какие чудеса будет творить наша земная наука, обогащенная знаниями гаянцев, — говорил он. — Будущее протягивает нам руку! Это необычайно, величественно, волшебно. Возраст — на твоей стороне. Поезжай!

Гровер согласился: он мечтал о счастье хотя бы прикоснуться к подарку жителей далекой планеты.

Гровер опоздал Конец его многотрудного путешествия оказался печальным. Официальная версия утверждала, что Боб Хоутон в погоне за сенсацией придумал всю эту историю с кораблем гаянцев и их энциклопедией. Ведь следов их пребывания на острове не осталось, а мир требовал вещественных доказательств. А тут еще скандал со взрывом микробиологической лаборатории Дорта и эпидемия, вспыхнувшая на Пито-Као. Люди стали верить, будто Боб Хоутон создал газетную дымовую завесу и здорово заработал на этом.

Встреча с самим Хоутоном на Отунуи несколько окрылила Гровера. Он начал расспрашивать друга о гаянцах.

— Корабль был на острове, — устало твердил Боб. — Но Бергофф и Курц уничтожили его.

— Вместе с сейфом?

— Да, конечно. И может быть, это к лучшему. Всякая газетная сенсация живет недолго и порой чем с большим шумом рождается, тем тише и незаметнее умирает. Так произошло и с историей пребывания гаянцев на Пито-Као. Люди стали забывать «дело Бергоффа»: новые события заслонили вчерашние махинации миллионера.

Гровер вернулся утомленный и злой. Выслушав его рассказ, старый романтик Кобрен глубоко задумался.

— Что ж, — сказал он, — мы и без того должны были работать.

Опять искания, неудачи и находки. И вдруг профессор Кобрен собрал сотрудников клиники и объявил о своем решении

перейти в фирму «Дискавери». Руководителем клиники он назначил Гровера.

Чудачество? Так вначале готов был думать и Гровер, пока профессор не позвал его к себе для беседы с глазу на глаз.

— Друг мой, — доверительно сказал он ему, — под вывеской «Дискавери», должно быть, скрывается сонм гениев! Да-да, поверь мне. Я убедился, что фирма располагает научными материалами небывалой ценности. Откуда они? Мне на это наплевать. Мы служим науке, и для нас нет ничего более святого. Я должен овладеть этими знаниями.

— Но ваши идеи?

— Я не изменяю им. Мне предложили отдел космической медицины, и я предчувствую, что получу кое-что новое, возможно, самое недостающее для нас с тобой!

— Поразительно.

— Но факты убедительны. Меня только беспокоит та излишняя, на мой взгляд, таинственность, которой окружена Деятельность фирмы. Смущают меня и некоторые пункты контракта. Одним словом, я испытываю беспокойство, Роберт. Я стар, и заботы о семье не тяготят меня. Но есть наше общее дело!

— Вы полагаете, что в вашем решении...

— ... имеется доля риска. Я рассчитываю на тебя, Роберт. Если я позову тебя сам, приходи без опасения. Но если к тебе обратятся другие, даже от моего имени, будь осторожен: это значит, что я попал в беду, тогда постарайся выручить меня.

— Но отчего так мрачно, профессор?

— Имя одного из руководителей фирмы уже снискало себе сомнительную репутацию в весьма скандальном деле, Роберт.

Так они расстались, чтобы встретиться вот здесь, в этой палате-лаборатории.

Не помешала ли профессору болезнь лично обратиться к нему, Гроверу? Или он попал в беду?

Здравый смысл подсказывал Гроверу, что благодушие — одна из форм тупости. Правда, излишняя осторожность неприятна. Но основания для раздумий уже есть, а когда думаешь, то видишь вещи с разных сторон.

2

Роберт подвинул стул ближе к кровати и взглянул на больного. Перед ним лежал разбитый параличом старик, похожий на труп. Роберт долго не мог оторвать взгляда от лица Кобрена.

Нет, слава богу, он еще жив. Правда, в полуоткрытых глазах нет и намека на мысль.

— Давно это случилось?

— Более трех недель, — вежливо наклонясь, ответил Стоутмен.

Роберт прикоснулся к безжизненной кисти профессора, как бы нащупывая пульс, и посмотрел на циферблат своих часов. Тонкая, как паутина, секундная стрелка, до того колебавшаяся возле цифры «3», метнулась и замерла неподвижно у цифры «7».

Гровер с трудом удержался от возгласа. В его ручные часы был вмонтирован крохотный индикатор биотоков, изобретенный им и профессором. Опытным путем они установили, что длительное облучение такой силы, какая отклоняет стрелку за цифру «10» на циферблате часов, опасно для человека.

Теперь не оставалось сомнения, что профессор подвергался облучению и его паралич искусственный.

Овладев собой, Роберт медленно встал, внимательно посмотрел в бегающие глаза Стоутмена и как можно более естественно произнес:

— Да, старику не повезло. Что поделаешь. Будем откровенны?

— Не понимаю вас, мистер Гровер, — удивился Стоутмен.

— Зачем вы облучаете его?

Стоутмен издал нечто нечленораздельное.

— Я обязан знать, — настаивал Роберт.

— Видите ли... Я не медик, и мне трудно разъяснить вам. Наши врачи применяют новый метод лечения.

— Гм... Как вам угодно. — Роберт тщательно подбирал слова, стараясь сыграть роль нагловатого беспринципного бизнесмена. — Но всякая новизна оплачивается в повышенном размере. Как бы вам не пришлось увеличить мне гонорар. Что вы скажете, дорогой мистер Стоутмен?

— Я уверен, мы станем друзьями, мистер Гровер! — расхохотался Стоутмен и хлопнул по плечу молодого ученого. — Вы бестия!

— Но не белокурая, — серьезно ответил Роберт.

— Идемте. Я люблю решать деловые вопросы в деловой обстановке.

Роберт выходил первым и выглядел почти веселым: атака удалась, и он уже знал, что его может ожидать здесь, кто будет окружать.

3

Бергоффу исполнилось сорок два — возраст, не всегда гарантирующий от мальчишеских поступков, но располагающий расчетливо строить свою дальнейшую жизнь. Основное — расчетливо. Ведь Бергофф был миллионером, деловым человеком, чьи эмоции зависели от состояния счета в банке и масштаба финансовых операций.

На рыбном рынке Бергофф все еще слыл королем, но конкуренты уже чувствовали его слабость и теснили со всех сторон, одна из которых, как опасался Бергофф, оставалась незащищенной навсегда: имелся в виду его отход от руководства

компанией. А как известно, не только рыба гниет с головы, но и рыбное дело вообще...

И все же Бергофф оставался крепким, жизнерадостным дельцом, уверенным в завтрашнем дне, выстоявшим в недавних испытаниях, вызванных скандалом на Пито-Као.

«Умный человек приобретает даже, теряя», — сказал он себе и взялся за новое дело засучив рукава, хотя этика и прочая чепуха потребовали бы в данном случае надеть перчатки.

Мало кто знал, что создание фирмы «Дискавери» — почти целиком его личная заслуга. На этот раз фортуна вновь улыбнулась Бергоффу: он организовал грандиозное дело, не вложив в него буквально ни цента.

«Удача в бизнесе — великая вещь, и никогда не угадаешь, на чем можно заработать», — размышлял Бергофф, не удивляясь, что вместо рыбы ему теперь пришлось иметь дело с виднейшими учеными, талантливыми и многообещающими умами своей страны. Он покупал молодых и старых ученых и инженеров, так же бойко прикидывая на взгляд их стоимость, как умел это делать, стоя у трюма с живым, трепещущим серебром.

Его правой рукой стал тот самый генерал в отставке, богач Стоутмен, что когда-то приезжал на Пито-Као с Джексоном и за спиной Бергоффа заигрывал с Дортом.

Теперь они легко нашли общий язык, а связи Стоутмена с военным министерством весьма пригодились фирме «Дискавери». Но, кроме этих связей, Стоутмен обладал живым практическим умом и деловой смелостью.

Стоутмен «откопал» и профессора Кобрена, а когда последний заартачился, то привлек к делу его талантливого ученика. Правда, Гровер сумел в два счета повысить себе цену, хорошо, что он оказался человеком, понимающим толк в деньгах. Пожалуй, еще немного — и Гровера можно будет посвятить в истинные намерения фирмы.

Сегодня у Бергоффа день рождения, и он не хочет больше думать о делах: самая неприхотливая машина и та периодически становится на профилактику. Хватит, сегодня у него выходной день. «Делу — время, потехе — час», — вспомнил он русскую пословицу и улыбнулся. Вот уже более года, как он углубился в изучение русского быта, русской психологии, русского характера: этого требовали интересы его бизнеса, а там, где слышен хруст новеньких долларов, он готов взяться за изучение хоть лунных затмений!

Довольный шуткой, Бергофф еще раз просмотрел список гостей, выслушал подробный доклад шеф-повара. Секретарь негромко доложил:

— К вам мистер Гровер, сэр...

— Так рано?

— Очень просит принять его...

— Хорошо, — пожал плечами Бергофф.

— Слушаюсь, сэр.

— А-а, мистер Гровер! Здравствуйте. Признаться, я ожидал вас вечером.

— Простите, патрон, но...

— Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь! Мне всегда приятна встреча с вами, вы же знаете, — сказал Бергофф и подумал: «Черти тебя уговорили приехать сейчас!»

— Благодарю, патрон. Разрешите поздравить вас с торжественным днем и пожелать вам прожить столько лет, сколько у вас долларов в банке!

— Ого! Милый Роберт, я боюсь, что исполнись ваше доброе пожелание, мне придется оканчивать свои дни на обледеневшем берегу Африки под угасающим солнцем и быть свидетелем конца мира, — горделиво заулыбался Бергофф.

— О, мистер Бергофф, ваше неиссякаемое остроумие и навело меня на мысль преподнести вам самый оригинальный

подарок из всех, какие только бывали когда-нибудь. Если вы позволите.

— Не терзайте меня, Роберт. Я так любопытен. Что у вас там припрятано?

— Увы, сэр, мой подарок — в центре города, и вам надо бы увидеть его там.

— Черт возьми, я готов отправиться хоть на край света.

— Едемте, мистер Бергофф?

— Ровно через минуту, Роберт. Я наброшу пиджак.

4

По характеру Бергофф был «демократичен» и допускал, подобно акуле, присутствие рядом прилипал, порой прощая им даже некоторую навязчивость.

Разбогатев на торговле рыбой, Бергофф втянулся в деловую жизнь, приобрел уйму связей и обнаружил в себе недюжинные наклонности авантюриста. Служение его сиятельству Доллару стало у него самоцелью. Сегодня ему хотелось развлечься. Но каким подарком можно удивить миллионера?

— Куда мы едем?

— В ваш фирменный магазин «Дары моря», мистер Бергофф.

Бергофф поморщился. Правда, этот рыбный магазин — его гордость и слава, но последнее время дела шли скверно, и клиентура резко сократилась.

Десять минут езды — и их взорам открылся огромный восьмиэтажный аквариум. Точнее, аквариумом был только фасад магазина: двухметровое пространство между идеально прозрачными плексигласовыми стенами было заполнено водой, где сновали тысячи рыб, осьминогов, морских змей, крабов и прочая живность.

Но когда журналисты единодушно назвали шедевром «самую живую рекламу», они имели в виду не рыб и не редких морских животных, а другое: в извилистых пластмассовых коридорах аквариума, изолированные от змей и осьминогов, плавали... девушки. С миниатюрными масками на лице, они плавно кружили в зеленоватой воде, принимая позы одна привлекательнее другой. Вся аппаратура акваланговъ была спрятана у каждой в изящном и гибком... рыбьем хвосте, довершающем их сходство с русалками.

Дюжина прорезей в нижней части фасада служила входами в магазин. Многоцветное искусственное освещение, включенное даже днем, придавало всему сооружению сказочный вид. Художники и скульпторы украсили дно и стенки аквариума скульптурами, макетами и водорослями.

Но все реже и реже заходили люди в магазин, и реклама нередко начисто съедала скудеющие доходы от торговли.

— Прикажите остановиться неподалеку от магазина, патрон, — попросил Гровер.

Метрах в двухстах от «Даров моря» машина остановилась. Бергофф оторопело посмотрел вперед и протер глаза. Сотни, нет, тысячи озабоченных людей устремлялись в магазин и выбегали на улицу со счастливыми лицами, отягощенные покупками, оживленно переговариваясь. Было такое впечатление, будто весь город перешел на рыбную пищу и дружно сговорился покупать рыбу только в магазине «Бергофф и К°».

— Если хотите, можем проехать еще метров двадцать, — предложил Роберт, для чего-то надевая шляпу, хотя в машине, да и на улице, стояла жара.

Шофер повиновался и выбрал стоянку почти рядом с магазином.

Минуту спустя секретарь Бергоффа, сидевший рядом с Гровером на заднем сиденье, почувствовал беспокойство, глаза

THE SOONER THE BETTER!

его лихорадочно заблестели, и он, почтительно бормоча извинения, стал вылезать из машины.

— Куда вы? — поразился Бергофф.

— О, сэр, — взмолился секретарь, — позвольте мне отлучиться совсем ненадолго... Я... мне необходимо приобрести килограмма три осетрины...

— Вам?! Но ведь у нас все есть!

— Ну и что же? — визгливо вскрикнул секретарь, приходя в ужас от собственной дерзости. — А я хочу... сам... купить рыбы здесь...

Гровер со смехом наблюдал, как тщедушная фигурка секретаря исчезла в людском водовороте.

— Что с ним стряслось, Джон? — недоумевающе повернулся к шоферу Бергофф. — Куда девалась его британская невозмутимость?

— Разве человек, желающий купить рыбу, достоин удивления, сэр? — вопросом на вопрос ответил Джон и трясущимися от волнения руками спрятал в карман ключ от зажигания. — С вашего позволения... Я на одну секунду...

— Куда вы, Джон?! Постойте!

Но шофер не слышал окрика шефа и ринулся в толпу.

— Удивительные люди, Роберт. А впрочем... Вы побудьте здесь, а я, пожалуй... Неплохо бы к сегодняшнему столу подать с полсотни миног. А? Какова идея? — Бергофф расхохотался и, открыв дверцу, почти катапультировался из машины.

Гровер серьезно посмотрел ему вслед и закурил. Наклонившись, чтобы закрыть дверцу автомобиля, Роберт увидел Хоутона. Грустная физиономия Боба слегка оживилась: он был рад встрече со старым другом и направился к нему.

— Боб! — взволнованно вскрикнул Роберт и, выпрыгнув на тротуар, увлек приятеля в сторону. — Ты мне очень нужен, — быстро заговорил он, понизив голос. — Я не могу быть многословным. Слушай и запомни: ты можешь и должен помочь мне

раскрыть тайну фирмы «Дискавери». Плюнь на все и сделай так, чтобы втереться в доверие к Бергоффу. Надо тебе снова сблизиться с ним. Не перебивай! Дай мне свой телефон. Пиши здесь, на манжете. На моем, а не у себя... Скорее! И старайся не проходить сейчас мимо рыбного магазина. Все! Иди!

Ошеломленный, Боб повернул обратно, а Гровер торопливо сел в машину, захлопнул дверцу и осмотрелся. Все в порядке: ни Бергоффа, ни его шофера, ни секретаря еще не было. Все трое выбрались из магазина минут через сорок, нагруженные ворохами покупок, изрядно помятые, но довольные.

— Подумать только, — не мог успокоиться Бергофф, — такого скопища покупателей не было даже в день открытия моего фирменного магазина, хотя я тогда на одну рекламу израсходовал около миллиона долларов. А ведь совсем недавно я подумывал: не отказаться ли от него?..

По мере того, как машина удалялась от «Даров моря», спокойствие вновь возвращалось к ним, и все трое почувствовали себя неловко. Первым жалобно заговорил секретарь:

— Извините меня, сэр... Я так и не пойму, что приключилось со мной? При моем гастрите мне не съесть и ста граммов рыбы. А я прихватил ее более шести килограммов!

— Моя жена — убежденная вегетарианка, — сердито произнес Джон. — Хорош же я буду, когда привезу ей четверть осьминога, сотню раков и пару ставрид!

— Мне помнится, Джон, — вежливо вставил секретарь, — что вам еще удалось заполучить коробку устриц и голову сома...

— У вас отвратительная память, — огрызнулся Джон. Они проезжали вдоль самого края набережной узкого канала. Бергофф весело хлопнул шофера по могучему плечу и выбросил за окно полсотни миног.

— Черт с ними! — воскликнул он. — Теперь моя совесть чиста: мои собственные доллары честно вошли в игру.

Когда машина остановилась у дома и Бергофф с Гровером остались одни, миллионер крепко пожал ему руку.

— Спасибо, Роберт. Вы нисколько не преувеличили: ваш подарок не только необычен, но и по-царски щедр. Раскройте же секрет и объясните, почему вы не ринулись за нами?

— Все дело в шляпе, мистер Бергофф, — улыбаясь, ответил Роберт и показал миллионеру внутреннюю сторону тульи.

Бергофф с любопытством заглянул в шляпу и увидел в ней металлическую сетку и маленькую коричневую коробку.

— Вы хотите сказать...

— Вот именно, — подхватил Гровер. — Вдоль фасада вашего магазина я укрепил вчера замаскированные генераторы. Настроенные особым образом аппараты внушают прохожим желание немедленно купить рыбу. В моей же шляпе вмонтирована защитная сетка. Вот вам мой подарок!

— Спасибо, Роберт, сто раз спасибо. Мы разработаем эту систему невидимой рекламы до конца. Вы получите свою долю.

— Но ведь это подарок, мистер Бергофф.

— Вы благородны, Роберт! Итак, до вечера: будьте моим самым дорогим гостем.

Проводив Гровера, Бергофф задумался. «Этот парень слишком умен. Стоутмен прав: рановато вводить его полностью в курс дела „Дискавери“, — решил он. — При таких знаниях и изобретательности он может стать опасным для всех нас... Ученый — каким бы выдающимся он ни был — должен только служить и повиноваться».

5

Гровер приехал в «Дискавери», когда большая часть научной работы была позади. Это стало ему ясно из плана очередных научных исследований. Но кто и когда успел так глубоко

изучить и решить многие проблемы телепатии? Гроверу сказали, что имена этих ученых будут ему названы в свое время.

Непонятная фривольность Роберта с горничной в первый же час его приезда в научный городок сразу насторожила его. Он понял, что дело нечисто, но прошла неделя, пока он с помощью индикатора биотоков обнаружил в стене своей комнаты маленький аппарат, так отрицательно повлиявший своими излучениями на его нравственность. Собственно, этот аппарат и навел его на мысль сделать Бергоффу необычный подарок ко дню рождения.

Но то, что действительно поразило Гровера, заключалось в другом. Не только они с профессором Кобреном — многие ученые в разных странах склонялись к предположению, что в мире существует особый вид лучистой энергии, виновный в самом происхождении органической природы и принимающий участие в мышлении человека. И вот ученые «Дискавери» нашли такие лучи и уже приступили к их практическому использованию.

Предполагалось, что лучи станут средством контроля за здоровьем космонавтов, дадут возможность непосредственно воздействовать на организм космонавтов с Земли при их полете в межпланетном пространстве, если в этом возникнет необходимость, то есть если кто-либо из них потеряет сознание или заболеет.

Столь гуманная цель привлекла Гровера. Он только не понимал, почему эти открытия держатся в тайне. Правда, до сих пор не удавалось найти способа посылать такие лучи на сотни тысяч километров. Решить эту задачу — и только ее одну! — поручили Гроверу и его новым помощникам.

В день утверждения научного плана и сметы, составленных Робертом, Стоутмен вновь навестил его.

— Мой друг, — сказал он, — я могу с удовольствием сообщить вам приятную новость: ваш проф осуществил наконец свою заветную мечту.

— Как?! — изумился Гровер. — Не хотите ли вы сказать, что профессор построил кибернетическую машину, воспринимающую мысли человека?

— Так точно, мистер Гровер? Машина профессора Кобрена передается сегодня в полное ваше распоряжение. Мы надеемся, что она поможет вам быстрее выполнить наше задание.

Роберт от волнения бессмысленно переставлял предметы на письменном столе с места на место. Он не знал, верить ли Стоутмену.

Поверить пришлось получасом позже. Машина, о которой столько мечтали они с Кобреном, существовала и действовала безукоризненно! Три года работы с Кобреном теперь казались Роберту топтаньем вокруг и около. Стоило профессору поступить на службу в «Дискавери», и в короткий срок сложнейшая научная задача была решена.

Показав машину и передав Гроверу ее техническое описание, Стоутмен сказал:

— Профессор Кобрен выполнил и второй раздел вашей программы, мистер Гровер.

— Вы знакомы с нашей программой?

— В общих чертах.

— И вы утверждаете, что эта машина уже умеет анализировать интеллект человека и запоминать его? — быстро спросил Гровер.

— Это ваш профессор так утверждает, а я только убедился в его правоте.

— Убедились? Но как?! Расскажите, ради бога.

— Видите ли... по-моему, ученые — чудаки. Виноват, мистер Гровер, вас-то я не имею в виду!

— А Кобрен?

— Не ловите меня на слове, пожалуйста. Посудите сами. В виде эксперимента ваш проф прочел машине два тома рассказов Конан Дойля о Шерлоке Холмсе.

— Так-так. Неглупая мысль, мистер Стоутмен!

— Вы находите? Гм... Возможно. А несколько рассказиков проф приберег, так сказать, для экзамена и прочел машине не полностью, а только вводную часть.

— И что же?

— Эта чертова штука разобралась в ситуациях и во всех случаях нашла верное решение, ни в чем не уступив Шерлоку Холмсу.

— Это же прекрасно, мистер Стоутмен!

— Возможно, — осклабился Стоутмен. — Но у нас не сыскное бюро, мистер Гровер, и мы хотим, чтобы вы сделали эту машину в некоем роде ученым. Понимаете? Довольно опытов — нам нужна производительная работа!

Прошло несколько дней. Вначале Роберту приходилось с трудом привыкать к новому методу работы, но постепенно он освоился, и уже ничто не мешало ему углубляться в размышления и порой за час сделать то, на что раньше потребовалась бы неделя.

Работал Гровер с утра до позднего вечера. Но даже в эти напряженные дни он не переставал думать о своем учителе. Вход в его палату хотя никем не охранялся, но был всегда на запоре. Заговорить об этом со Стоутменом Роберт не решался, боясь ухудшить положение старого ученого. Но однажды Стоутмен сам как бы между прочим заметил:

— Я все забываю рассказать вам о нашей системе охраны.

— Разве сюда сможет пройти посторонний?

— Не знаю, но не сомневаюсь, что желающие найдутся. Проф рядом с вами... Замок двери и запоры окон его палаты связаны с облучающей аппаратурой, без выключения которой пройти в комнату нельзя. У нас имеется немая тревога: если

загорится вон та красная лампочка, попрошу вас поспешить к его палате.

— Я так и сделаю, мистер Стоутмен, — заверил Гровер.

Этот короткий разговор взволновал Роберта. Узнать бы, где находится облучающий аппарат! Мысль использовать для этого кибернетическую машину возникла у Роберта сразу. Теперь он все чаще оставался в своем кабинете в неурочные часы.

Так было и в этот вечер.

«Здравствуйте, мистер Шерлок Холмс», — мысленно приветствовал он своего механического помощника.

На регулировочном пульте мигнул зеленый глазок.

«Виделся ли кто-нибудь с вами в мое отсутствие?» — все так же мысленно спросил Роберт, и тут же в его голове возник ответ, бесшумно излучаемый машиной в его мозг:

«Был Стоутмен».

«Чем он интересовался?»

«Спрашивал, нет ли у вас мыслей, опасных для фирмы».

«Что же вы ответили ему?»

«Нет, таких мыслей не было».

«Умный ответ! — чуть не вслух произнес Гровер, и зеленый глазок весело замигал, точно машина обрадовалась ласке и похвале уважаемого ею человека. — Помните мой приказ: о профессоре Кобрене рассуждать только со мной».

«Я знаю это. У меня записаны все частоты ваших биотоков. ошибки быть не может. И потом — у вас добрый склад мыслей».

«Вам ли понять, что такое добро и зло?»

«Разве у меня мало материала для сравнения и анализа? — обиделась машина. — Однако не пора ли начать работу?»

«Начали, мистер Шерлок Холмс. Я жду».

«Данные, полученные мной от вас, уже обработаны, — сообщила машина. — Аппаратура облучения Кобрена может находиться только снаружи».

«Вот как?!» — удивился Роберт.

Машина ничего не ответила: темперамент человека и извилистый путь его рассуждений, постоянно отклоняемый в стороны чувственным восприятием действительности, были чужды ей. Она была устроена строго рационально, хотя час за часом перенимала от людей некоторые человеческие особенности, даже странности, но только те, что могли помочь в решении задаваемых ей задач.

«План палаты Кобрена!» — мысленно приказал Роберт.

«Готов», — немедленно излучила машина.

Роберт достал из кармана записную книжку и принялся листать ее, отыскивая необходимые записи.

Любопытна история проекта спасения Кобрена. Вначале, когда Роберт посвятил машину в судьбу Кобрена, его механический помощник долго оставался безучастным. Машина послушно воспринимала его разрозненные, клочковатые мысли, но ничего не могла извлечь из этого нестройного потока. А на второй день, как показалось Гроверу, без всякой причины в его голове появилась фраза: «Попробуем использовать метод Ганса Фаллады».

«Фаллады! — От неожиданности Роберт никак не мог сообразить, что это за имя. — Кто он?»

«Автор книги „Каждый умирает в одиночку“.»

«Вы знаете ее?»

«Да, от вас. Четыре секунды назад вы вспоминали об этой книге».

«А я и не заметил», — удивился Гровер.

Машина спокойно отнеслась к последним словам.

«Что вы предлагаете?» — поинтересовался Гровер.

«В романе „Каждый умирает в одиночку“ немецкий следователь отмечал флажками те места на плане города, где находили антифашистские листовки. Зная психологию человека, он легко определил район, в котором жил тот, кто разбрасывал

листовки, — пояснила машина. — Соберите данные о силе биотоков в палате Кобрена, и я высчитаю».

«Вы просто молодец, мистер Шерлок Холмс!» — восхищенно подумал Гровер, и зеленый глазок машины впервые тогда слабо засветился: ей уже начинало нравиться внимание человека.

С того дня у Гровера прибавилось работы — узнавать о биотоках в палате Кобрена. Делалось это так: бродя возле палаты Кобрена, Роберт измерял интенсивность облучения индикатором, благо, что стены здания совершенно не препятствовали биологическим лучам. А уже сама машина «втыкала флажки» на плане палаты. Район поисков постепенно сужался, но машина требовала новых и новых цифр.

К нетерпеливым предположениям Роберта машина была глуха: она искала только один и только точный ответ, не торопясь и не волнуясь, ничего не обещая, и явно не умела заниматься отвлеченной болтовней: не все в человеке «нравилось» ей. Г Сегодня Роберт раздобыл последние цифры, требуемые машиной. Он продиктовал ей координаты и величины излучений, закурил и стал ожидать в отчаянии от мысли, что ничем невозможно ускорить процесс вычислений. «Чего доброго, — усмехнулся он, — этот Шерлок Холмс воспитает во мне железную выдержку!»

Ответа не было почти три минуты. Наконец мигнул зеленый глазок.

«Аппарат находится», — и машина точно указала место.

6

Мистер Стоутмен привык считать себя мудрецом, и никто не мешал ему так думать. На самом же деле он был только хитер. Это его качество развивалось в узком пространстве между успехом и поражением. Большую силу давала ему

бессовестность: никакие соображения морали, долга, человечности не могли поколебать мистера Стоутмена, если тропа, избранная им, обещала привести к золотому тельцу. Черт его знает почему мистер Стоутмен воспитал в себе убеждение, будто человек вообще подлец от природы.

Будучи джентльменом житейски зорким, он, конечно, не мог начисто отвергать все то светлое, что он объединил словом «романтика». Поговорите с ним на эту тему, и мистер Стоутмен примется доказывать, что романтика (при этом он слегка скривится и передвинет сигару из одного угла рта в другой) дает себя почувствовать только в речах адвокатов, сенаторов, миссионеров, то есть в словах и поступках, рассчитанных на большую аудиторию. Стоит же человеку остаться наедине с самим собой, скажет вам мистер Стоутмен, как плащ романтика сползет с его плеч и обнажится твердое, упитанное тело прохвоста.

Роберт Гровер видел Стоутмена насквозь и в короткий срок сумел понравиться ему. Вершиной успеха Роберта в тонкой игре со Стоутменом стал день, когда этот влиятельный член правления «Дискавери» доверил ему ключ от палаты профессора Кобрена. Но пользоваться ключом умел другой человек — начальник охраны, так что в отсутствие Стоутмена в палату могли войти только двое.

Но мы уже знаем, что «мистер Шерлок Холмс» отыскал место аппаратуры и ее управления. После же выключения облучающей установки дверь свободно открывалась ключом. Все было предусмотрено до мелочей, но Роберт нервничал, впервые входя в палату Кобрена один. Конкретного плана побега он не имел: неизвестно состояние здоровья профессора, не все пути отступления обследованы, не подготовлено и пристанище на первый случай. Зато была надежда, что свидание с учителем многое прояснит...

Профессор Кобрен пришел в себя скорее, чем ожидал Роберт. Встреча, несмотря на обстановку, получилась теплой и радостной.

— Я боялся, что вы долго не сможете говорить, — признался Гровер.

— Во-первых, я знал, что меня усыпляют, и всеми своими атомами сопротивлялся этому, — объяснил профессор. — Я постоянно был настроен на волну пробуждения. Эти авантюристы хотят меня сделать своим сообщником. На всякий случай меня подвергают слабой дозе облучения.

— Но ведь когда я приходил сюда со Стоутменом, стрелка индикатора доходила до семи!

— Вероятно, это было только несколько минут, мой дорогой Роберт. Иногда я даже бодрствую. Каждые два-три дня меня навещает Стоутмен и пытается уломать. Позволяет побриться и покурить... Нет ли у тебя сигареты, Роберт? Канальство! Маленький цилиндрик, набитый табаком, — и человек на верху блаженства... Ни одно уважающее себя животное не удовлетворится столь немногим. Итак, на чем я остановился?

— Вероятно, на том, в чем вы разошлись с Бергоффом и Стоутменом, — предположил Роберт.

— Канальство! Это проклятое облучение угнетает память... Но теперь я вспомнил все. Ты знаешь Меджитта, укротителя в цирке?

— Феномен!

— Ерунда. Все это ужасно, Роберт, а не феноменально. Меджитт пользовался аппаратурой «Дискавери» и облучал львов и быков. То была негласная демонстрация новых лучей фирмы с целью повлиять на высокие чины из военного министерства. Реклама живая и действенная: фирма добилась громадных ассигнований для подготовки, по существу, нового вида оружия.

— Но ведь фирма занимается покорением космоса, профессор.

— К сожалению, есть люди, мечтающие о космической войне, а не об изучении Луны или Марса. План их чудовищно прост. Ты знаешь, что наши спутники летают над Россией?

— Разумеется.

— Так вот тебе мечта Стоутмена и его хозяев: запустить спутники, оборудованные генераторами новых лучей, которым еще нет и названия. Я так и не знаю, кто их открыл.

— Нельзя ли подробнее об этих лучах, профессор?

— Изволь. Кто-то из ученых «Дискавери» разгадал природу мышления человека!

Гровер подался вперед и пристально посмотрел в глаза своего учителя: нет, здесь не пахло мистификацией или заблуждением.

— Наше мышление, Роберт, это движение материи особого состояния, неизвестного до сих пор науке. От меня скрывают эту часть достижений ученых фирмы. Выяснилось и другое: когда мы говорили о телепатии, о передаче мысли на расстояние, то предполагали, что природа мысли и «полета» ее копии в пространстве от одного человека к другому энергетически родственна.

Роберт хотел что-то спросить, уточнить, но в горле у него пересохло, он только судорожно схватил Кобрена за руки, и прерывисто вздохнул.

— Оказалось, эта не так. Наш мозг имеет, по-видимому, две, так сказать, специальные машины: одна генерирует сами мысли, а другая, подобно радиостанции, как бы кодирует их в соответствии со своими возможностями и излучает в пространство наподобие радиоволн. В голове другого человека происходит обратный процесс, — спокойно, точно у себя в клинике, объяснял профессор.

— Необыкновенно!

— Но я не знаю всех подробностей, — вздохнул Кобрен. — Они научились записывать мысли на пленку неизвестным мне способом, и мне осталось только, используя чужие открытия, построить ту самую машину, о которой мы мечтали и на которую возлагали много надежд.

— Вон оно что... А я думал, что вам удалось самому решить проблему.

— Нет, Гровер, и это меня огорчает, хотя машина работает неплохо.

— Я уже убедился в этом, учитель. Ваша машина помогла мне разбудить вас, — торопливо вставил Роберт. — Чего они добиваются от вас?

— Хотят запустить спутники с телепатическими установками, чтобы можно было из космоса посылать на Землю сигналы, угнетающие интеллект человека. Как только спутники появятся над территорией русских, автоматы включат облучающую установку, а в рассчитанное время отключат ее... Вот их «соревнование»!

— Но удастся ли им построить генератор достаточной мощности, чтобы сразу добиться эффекта? — с опасением спросил Роберт.

— Почему — сразу? Тогда многим станет ясно, в чем дело. Спутники могут крутиться вокруг Земли сколько угодно и постепенно ослаблять интеллект тех, кто попадет в зону облучения. Тогда русские, их наука и техника, будут развиваться вяло, прогресс затормозится... Стоутмен называет это душем Шарко! Но они уже мечтают о большем: создать «телепатические» спутники, предназначенные для военных целей. Поверь мне — это возможно.

— Мерзавцы! А мне говорили о покорении космоса.

— Зато мне они открыли свои планы. Я отказался помогать и стал пленником, Роберт!

— Надо бежать, профессор!

— Ни за что! — воскликнул Кобрен.

— Вы с ума сошли… Простите, учитель. Но оставаться здесь…

— Только здесь, — твердо сказал профессор. — Уйди мы — и некому будет бороться с ними. Кроме того… — Кобрен сделал паузу и с каким-то отчаянием воскликнул: — Я должен узнать о мышлении все и встретиться с таинственными гениями! Их определенно обманывают.

— Бороться, лежа в параличе?!

— Все же я не могу покинуть это проклятое место. «Да ведь и нас теперь двое», — умоляюще произнес Кобрен.

— Вот что, — решил Роберт, — я «армирую» вас защитными сетками… Не беспокойтесь — все будет незаметно, и косметика соблюдена. А потом мы еще поговорим. Снимите на минутку пижаму. Так… Теперь надевайте. Позвольте забраться в вашу седину…

— Что это, Роберт?

— Моя последняя новинка, профессор. Я не уверен, что она полностью избавит вас от действия облучения, но что ослабит их раз в десять-пятнадцать — за это ручаюсь.

— Я всегда верил в тебя, мой дорогой друг.

— Мы еще обсудим наши планы, профессор. Я готов рискнуть жизнью, лишь бы нам удалось закрыть это «открытие».[5] Мы обязаны победить.

— Золотые слова, Роберт!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В кратере. «Тиунэла-уэй...»

1

Сегодня полинезийские боги, управляющие погодой, объединились и развернутым фронтом пошли в наступление на «Илью Муромца».

Венев посмотрел на север — оттуда двигались бледные перистые облака. Значительно ниже клубились красивые золотисто-белые покрывала кучевых облаков. Они выглядели мирно. Но под этим покрывалом природа спрятала кинжал, ножны которого уже высунулись внизу в виде грозового вала, изгибающегося на восток и на запад.

Венев повернулся на юг — небо там было еще чистое, но подул штормовой ветер и отрезал путь к отступлению.

А вверху неслись синие кучевые облака. Они торопились закрыть небо над вертолетом. Когда им удалось это, они обрушили на прочный корпус машины и гибкие лопасти ротора ужасающий ливень.

Первые стрелы молний подали сигнал к атаке и снизу. Океан потемнел, вспучился многоэтажными волнами. «Илья Муромец» накренился, и лопасти несущего винта едва не окунулись в пенистые гребни водяных валов.

Война была объявлена.

Венев сел в пилотскую кабину и запустил двигатель. Лопасти, за секунду до того обвисавшие, точно пальмовые листья, вытянулись и стали тугими и крепкими, как паруса, наполненные ветром. Вертолет отделился от воды, немного повисел над ревущим и стонущим океаном и направился к югу.

— Может, там найдем район хорошей погоды, — сказал Венев.

Егорин одобрительно кивнул: да, лучшего не придумаешь, там светло. Проскочим!

Но не тут-то было. На юге показался свинцово-серый облачный хребет с черными полосами ущелий. Прямо по курсу облака опоясались огненными трепещущими лентами грозовых разрядов — лететь к ним было безумием.

— Сколько разрядов! — побледнел Егорин. — Будто извержение вулкана.

Венев бросил взгляд на профессора.

— Вулкана?.. «А что ж, — решительно сказал он, — летим». К Отунуи! — и осторожно развернул вертолет.

Вот уже внизу засерели скалы Отунуи, стремительно взбежали вверх крутые склоны Ратануи — древнего потухшего вулкана, а над всем яркими цветами переливалось кольцо радуги.

Ветер трепал машину и пытался вырвать управление из рук пилота, но гигант вертолет продолжал «скрести» высоту, пока не повис над широким круглым обрезом глубокого кратера.

Теперь Венев стал медленно опускать вертолет в круглую пропасть. Сто метров ниже краев кратера. Болтанка едва ощущается. Двести. Вертолет абсолютно устойчив: расчет Венева оказался верным. Четыреста метров. Шестьсот...

Включив прожекторы и автомат посадки, Венев снял руки с рычагов управления. Теперь локаторы изучали землю, ощупывая лучами каждый камешек и измеряя оставшееся расстояние, предупреждали автопилот об угрозе столкновения с отвесными скалами.

Когда до дна кратера осталось около метра, послышалось шипение сжатого воздуха и из корпуса вертолета вылезли четыре фермы-ноги, на которые «Илья Муромец», точно сказочный богатырь, встал уверенно и твердо. Убедившись, что все в порядке, автопилот сам выключил двигатель.

Как только утих шум лопастей, Гирис заволновался.

— Александр Иванович, — просил он, — разрешите выйти из машины. Надо и здесь изучить жизнь.

— В такую погоду? Нет. Вымокнете и простудитесь. Да и темновато.

— Какая там жизнь?! — махнул Петренко рукой в сторону скал. — У черта за пазухой...

— Как! Разве ты забыл, Филя, что в кратере потухшего вулкана Кальдера де Бандама, на Канарских островах, есть банановая плантация?! — вскричал Перстенек.

Слово «забыл» не понравилось Петренко, но он сделал вид, что не слышит кока.

— А света здесь маловато, — вздохнул он. — Мрачно, как в аду. И солнце кажется маленьким.

— Так ведь солнце, Филя, каждую секунду теряет в весе четыре миллиона тонн. Тебя вон как разносит на казенных харчах, а шарик все худеет, для тебя старается... Для своего дорогого Филюши. Чтобы страдалец не чах...

Петренко отвернулся, упрямо не замечая друга.

— Что ж, — решительно произнес профессор Егорин, — пока бушует шторм, можно и поесть.

— Есть накрыть стол к обеду! — ответил Саша. — Имею честь предложить харчо, а на второе шашлык и еще деруны, сиречь картофельные котлеты.

— И плюс?.. — спросил Баскин, подняв мизинец.

— ... прасковейское вино.

— Принято, — согласился инженер.

Вокруг вулкана ревел шторм, на серых склонах Ратануи то и дело вырастали и исчезали золотистые пальмы-молнии, а в глубоком жерле его можно было спокойно отдыхать.

2

За всю свою жизнь я терял ориентировку трижды: первый раз — в Московской области, второй — в Ферганской долине, по пути из Намангана в Фергану, и третий — в Тихом океане. В первых двух случаях я восстановил ориентировку сам, а вот сейчас это оказалось выше моих возможностей. Кругом бесконечная вода и небо, куда податься — не знаю. Море уже утихло, но мне от этого не легче, моему аквалету тоже.

Пришлось вызвать по радио Венева и признаться, что его штурман... заблудился. Впрочем, я сделал это достаточно дипломатично и сказал примерно так:

— «Илья», «Илья», «Илья» (это были позывные нашего вертолета), прошу включить свою приводную радиостанцию: я хочу знать, где вы находитесь!

— Понял вас, включаю привод, — ответил Венев.

Все оказалось очень просто. Настраиваю я свой радиокомпас, как и положено, на частоту 305 мегагерц, смотрю, куда указала белая стрелка радиокомпаса, высчитываю магнитный курс, ставлю аквалет по гирополукомпасу на этот заданный курс, снова ухожу под воду и плыву.

Прошло, однако, некоторое время, и на экране локатора появилось изображение большого препятствия. Автоматически включился автопилот, ручка управления двинулась, и аквалет уже без моего вмешательства резко задрал нос, стал тормозить и выскочил на поверхность в нескольких шагах от высокого берега из отвесных скал.

Отдышавшись, отвожу машину подальше от берега, смотрю на шкалу радиокомпаса и вижу, как стрелка указывает... на скалы.

Но ведь не может же вертолет находиться в самом острове? Я сам слышал, как Венев мне сказал, что они на прежней стоянке. Что-то случилось с радиокомпасом? Слегка двигаю ручку настройки — стрелка ушла вправо и показала новое направление.

Теперь я не погружаюсь, я плыву вдоль берега по спокойной водной поверхности. Минут через двадцать впереди показался наш красавец «Илья Муромец».

— Вас вижу, — чуть не крикнул я на радостях. — Привод можно выключить!

— Понял вас, привод выключаю, — спокойно ответил Венев.

3

— Ну, рассказывай, как блуждал, — засмеялся Венев, когда мы собрались в кают-компании.

— Чуть было не разбился о скалы, — ответил я. — Радиокомпас привел меня прямо к берегу.

— Дозвольте, — поднял мизинец Алексей Алексеевич. — Не хотите ли вы сказать, что здесь может работать другая приводная радиостанция, близкая по частоте к нашей?

Мы все удивленно переглянулись.

— Странно, — задумался профессор Егорин.

— У меня есть кое-что еще более странное, — сказал я и подробно рассказал товарищам о встрече под водой на этот раз с двумя водолазами и о подводной лодке в пещере Пито-Као.

— Может быть, я случайно настроился на их привод? — предположил я.

— Но стрелка радиокомпаса указывает в сторону Отунуи, а не Пито-Као, — возразил Венев.

— Надо сообщить в Москву, — решил Егорин. Несколько минут спустя он связался со штабом экспедиции и доложил о последних событиях. Из штаба сообщили, что немедленно высылают скоростной гидросамолет.

— Хорошо, будем ждать, — решил Егорин. — Однако не мешало бы поскорее разгадать секрет этого радиопривода.

— Сейчас я этим займусь, — сказал Петренко и снова стал настраивать радиокомпас.

Ему долго не удавалось настроиться: кто-то выключил таинственную радиостанцию. Потом стрелка заколебалась и уверенно легла в направлении на Отунуи.

— Наша частота триста пять, а это — триста три мегагерца, — пробормотал Петренко.

— Филя, ты поточнее, поточнее, — просил кок.

— Сейчас прослушаю позывные. — Лицо радиста стало растерянным. — Можете убедиться сами...

Он подключил к радиокомпасу динамик, и мы услышали: «Тиунэла-уэй... Тиунэла-уэй... Тиунэла-уэй...»

— Все по местам, — коротко приказал Венев. — Взлетаем! А ты, — он повернулся ко мне, — садись в аквалет и плыви под нами, не погружаясь.

— Понял, командир.

4

Огромная махина висела в пяти-шести метрах над моей головой. Мы двигались со скоростью не более десяти километров в час.

Вот и та скала, что едва не стала моим последним пристанищем. Венев набрал высоту, пролетел немного и по радио дал мне команду:

— Возьми правее: за этой скалой бухта.

Когда я обогнул скалу и вошел в бухту, Венев сказал мне:

— Привод где-то под нами. А ну посмотри, что там есть. Только будь осторожнее!

Я подплыл под вертолет, сделал полувираж. Расщелина. Колючий кустарник прикрывает ее. А вот что-то необычное, какой-то круглый предмет, вроде пушбола, диаметром более метра.

Подплываю ближе. Еще не знаю, что это, а сердце учащенно бьется.

— Алексей Алексеевич! — громко говорю в микрофон. — Давай манипулятор...

— Спокойнее, спокойнее. Зачем кричать? — отвечает Венев. — Нашел?

— Да-да, скорее манипулятор.

— Сейчас.

Из днища вертолета высовывается длинная механическая рука.

Я слышу теперь голос Баскина:

— Ну что там?

— Большой шар. Наполовину в воде, но виден хорошо. Ниже. Еще. Теперь вперед. Чуть вправо... Ниже... Бери его, бери! Подъем.

«Пушбол» со скрипом выбирается из расщелины и кустов, проходит надо мной и скрывается в корпусе вертолета.

5

«Пушбол» на наших глазах стал уменьшаться в размерах, и большой мяч, теряя форму, превратился вскоре в металлический ящик. На секунду в бортах ящика раскрылись шторки, резиновая оболочка втянулась внутрь, шторки дружно щелкнули и...

Мы посмотрели друг на друга, на свою удивительную находку и крепко задумались: вскрывать? Нет, разумнее подождать наших товарищей с материка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Профессор Егорин прав. Неожиданный союзник

1

— В нашем распоряжении есть несколько часов до прибытия гидросамолета из Москвы, — сказал Александр Иванович, — Посмотрим, что покажет нам первое бурение.

— Разве бурильный агрегат успел что-либо сделать без нас? — удивился радист.

— Это же техника, синьор Петренко! — с гордостью ответил инженер Баскин.

— Пока мы прятались от шторма, — вмешался Егорин, — агрегат прошел в глубь дна океана более пятидесяти метров.

— Приличная скорость, — заметил кок. — Но оправдан ли риск?

— Что вы имеете в виду? — вмешался в разговор Венев.

— Возможный визит непрошеных гостей.

— Мы оснащены надежной системой защиты, — объяснил командир вертолета. — Ни с воздуха, ни с воды никому не удастся подойти к нам ближе, чем на десять километров: обзорные радио— и ультразвуковые локаторы немедленно сообщат нам, а если мы не обратим внимания на сигналы, автопилот сам запустит двигатель и поднимет вертолет в воздух. Можете не тревожиться, товарищи, сейчас я включу систему охраны!

— Коли так, — сказал я, — то можно и поработать спокойно.

— А вас, — повернулся ко мне Егорин, — я прошу опуститься под воду и заснять бурильный агрегат в момент, когда он будет выбрасывать цилиндры с кернами.

2

На этот раз я погружался медленнее: что ни говорите, а приятного мало, когда тебя подстерегают неожиданности и ты не знаешь, хотя бы приблизительно, с какой стороны и в каком виде они могут явиться. Правда, света в тот час под водой было достаточно, но ведь полная неизвестность... Даже хуже: было ясно, что где-то неподалеку таится враг.

Я тихо лег на дно рядом с роботом и подготовил съемочную аппаратуру. Меня накрыла тень — это «Илья Муромец» подплыл.

— Готовы? — спросил Егорин.

— Так точно, — ответил я, на всякий случай оглядевшись. Видимо, я был один, если не считать стайки рыб и большой красавицы медузы, повисшей над корпусом батискафа.

— Снимайте.

— Есть.

Я только успел заметить, как в верху батискафа открылось отверстие, из которого выскочил продолговатый предмет и в клочья разнес медузу. Секунды через две к поверхности океана устремился второй цилиндр с керном.

— Видели? — спросил Егорин.

— Да.

— Очень хорошо. Теперь снимите приемку кернов под вертолетом.

Я так увлекся съемкой, что, позабыв осторожность, потянул ручку управления на себя, включил двигатель и полетел вверх.

Из днища вертолета торчал металлический шест с ловушкой. Снизу примчалась третья гильза с керном и точно легла в лапы ловушки.

— Магниты? — спросил я.

— Угадали, — ответил Егорин. — Всё. Выплывайте.

3

Керны из гильз извлекал сам Егорин. Даже Гирису он не позволил помогать.

— Я сам, я сам, — взволнованно бормотал Александр Иванович, а биолог то снимал очки, то надевал их, то тянулся к металлическим цилиндрам и как бы зачерпывал руками воздух.

— Василий Иванович, — взмолился Егорин, — вы оттоптали мне ногу.

— Прошу прощения, коллега, — смутился Гирис. — Ради бога осторожнее, — прошептал он и локтем смахнул со стола крайнюю гильзу с керном.

Кок стремительно бросился к падающей гильзе и спас ее от удара.

— Вот видите! — вспылил Егорин, и его всегда добрые глаза вспыхнули так зло, что все мы невольно приутихли и отступили.

— Простите, но ведь я хочу только чуть-чуть помочь вам. Ведь разрешал же я вам препарировать asterias rubens.

— Хотя это была и обычная морская звезда, Василий Иванович, я ценю, разумеется...

— Лучше пусть Александр Иванович сам, — неожиданно для всех вмешался в перепалку ученых радист.

— Напоминаю, Филя, — сердито заметил Перстенек, — у голубого кита язык весит три тонны... Но и это солидное животное никогда не советует, если его не спрашивают.

Филипп Петрович отчаянно засопел и глубоко вздохнул. Но Перстенек, не придавая этому значения, смело оттащил за руку своего приятеля в угол кают-компании: он был прав и потому не боялся.

— Подержите, пожалуйста, здесь, — вдруг обратился Егорин к Василию Ивановичу, и биолог, обрадованный, немедленно воспользовался разрешением.

И тут все мы увидели, как осторожно и точно работали нервные, подвижные пальцы Гириса. Никто в мире не смог бы так ловко и быстро извлечь из гильзы хрупкий керн, не уронив при этом ни песчинки!

Александр Иванович уже не столько руководил, сколько ассистировал. Вооружась лупами, ученые жадно осматривали слои горных пород.

— Ленточная глина, — сказал Егорин.

— Темно-серая, — добавил Гирис.

— Чередование мягких и твердых пород.

— Смотрите, тонкостенная раковина! Это, несомненно, представительница холодолюбивой фауны, коллега.

— Моренные отложения... маленькие валуны и, кажется... смотрите сюда, Василий Иванович, прошу вас!

— На валунах штрихи, коллега! Поздравляю вас — ведь это похоже на Северный полюс в Тихом океане.

— Ну, еще нет, Василий Иванович, но все же. Но все же...

В это мгновение прозвучал сигнал тревоги.

4

Автоматы сработали быстро. Вертолет отделился от воды и повис на высоте пятидесяти метров, как бы ожидая дальнейших указаний своего командира.

— Раз наш «Илья Муромец» взлетел и висит на месте, — предположил Егорин, — значит, кто-то или что-то грозит нам с воды.

— Этого и следовало ожидать, — сказал я.

В динамике раздался голос Венева, уже севшего в пилотское кресло.

— Со стороны Пито-Као к нам кто-то плывет, — доложил он. — Расстояние десять километров, длина предмета... Может быть, человек? Но скорость он держит около восьмидесяти километров в час, так что вряд ли человек.

— Это Мауки! — узнал я. — Ведь его скафандр оборудован реактивным двигателем.

— Возможно, — согласился Венев, услышав меня. — Похоже, он направляется к нам. Снижаюсь.

Мы высыпали на палубу. Вскоре стал заметен пенистый След плывущего Мауки. Я не ошибся: это был он. Подплыв к вертолету, он стал делать знаки, давая понять, что хочет к нам.

Баскин подошел к пульту управления манипулятором — и механическая рука подняла Мауки на вертолет. Тут же на палубе мы помогли полинезийцу снять водолазный костюм.

— Что случилось? — взволнованно спросил Егорин.

— Я хочу к вам совсем, — смущенно ответил Мауки. — Можно?

— Только это?

— Да.

Мы облегченно вздохнули: кому нужны неприятности, да еще вдали от родины? Егорин провел рукой по курчавым волосам юноши. Мауки симпатичен ему, хотя в поведении островитянина много Непонятного.

— Хорошо, Мауки, — сказал он и повернулся к нам; — А вы не будьте навязчивыми. Понятно?

Баскин восхищенно рассматривал водолазный костюм.

— Где ты достал такой, Мауки?

— Его привезли с планеты Гаяна.

Перстенек хотел что-то сказать, но его остановил Петренко.

— Вот, Саша, — подмигнул он, — новый партнер тебе: байки придумывает похлеще, чем ты.

— Нет, серьезно, Мауки, кто дал тебе этот костюм?

— Мауки все расскажет, — ответил юноша. — Давно-давно назад на Пито-Као прилетела большая железная лодка с планеты Гаяна. В ней было двое людей, но потом случилось землетрясение и лодку повредило кусками скал. Еще время шло быстро-быстро и много-много. Потом я, Мауки, — юноша гордо ударил себя в грудь, — нашел в горах то, что осталось от железной лодки, и привел туда своего друга Боба. Мы нашли там железный ящик. Боб сказал, что это есть... Мауки хорошо выучил это слово: эн-ци-клопе-ди-я! Мауки верно сказал, да?

— Да-да, продолжай, — подбодрил Егорин.

— На Пито-Као было тогда много плохих людей, и мы с Хоутоном хотели ночью увезти эн-ци-клопе-ди-ю на Отунуи в лодке...

Вот как это происходило.

5

Лодка мчится с большим правым креном. Кажется, будто океан лежит наискось, огромным надутым парусом. По нему ходят витые черные смерчи, они гудят, наступают на лодку и вот-вот сомкнутся смертельным кольцом. Сильный порывистый ветер часто меняет направление, точно извивается, боясь водяных столбов.

На секунду по воде пробежали багровые полосы и яркие лучи заходящего солнца. Затем наступили короткие сумерки, и компас вспыхнул зеленым пляшущим светом.

Боб с трудом выдерживал курс, то и дело уклоняясь от удара волн. Теперь он был рад, что не взял с собой Паолу: шторм только набирал силу, а впереди долгий путь к соседнему острову.

Мауки крепко держался за борт, он был счастлив: наконец-то вырвался на свободу.

— Мауки вернется домой! — весело кричал юноша. — Друг Мауки будет добрым гостем. Так?

— Так, Мауки.

— А белая хозяйка приедет?

— Паола на Пито-Као. Но ты молчи об этом.

— Мауки будет молчать, — с гордостью ответил юноша. — А что в этом ящике, я буду знать? — допытывался Мауки, указывая на сейф, который они вдвоем с Бобом едва вынесли из корабля гаянцев и с трудом дотащили до берега.

Сейчас металлический сейф лежал на дне лодки.

— Все будут знать!

Мауки с откровенным уважением посмотрел на заветный ящик, ласково погладил его рукой и сел поближе.

— Держись, Мауки! — предостерегающе крикнул Боб. Лодку рвануло вправо, почти перевернуло ее, и она помчалась по водяной стене, набрала несколько метров высоты, потом со свистом устремилась вниз по узкой спирали. Винт бешено вращался в воздухе. Облако водяной пыли окутало Боба и Мауки, вымочив их до нитки.

Еще один рывок — и лодка плюхнулась на волну, целая и невредимая. Но ящика в ней не было...

6

Горестным вздохом закончил Мауки свой рассказ.

— А костюм такой, где ты достал?

— Мне подарила его добрая миссис Паола, а Хоутон научил) меня пользоваться им. А потом все уехали, и Мауки остался один. Мауки долго ищет ящик, но найти не может.

— Зачем он тебе? — спросил Перстенек.

— Хоутон сказал, что я тогда буду все знать, а мой народ будет жить хорошо, и белые не будут нас обижать.

— А дальше, что, Мауки?

— Я не нашел ящика. А недавно к нам пришла подводная лодка и мне сказали, что хотят помочь найти эн-ци-клопе-дию. А когда вы прилетели, то меня послали к вам. На поясе у меня был мешочек, а внутри — машина. Она слышит, что говорят при ней, а потом все рассказывает.

— Магнитофон! — воскликнул Петренко.

— Когда во время шторма появились вы в рыбе с крыльями, — Мауки повернулся ко мне, — я был в море с жителями подводной лодки. Мы стали убегать от вас. Потом вас увидели с подводной лодки и хотели догнать, но лодка сильно ударилась о скалы и ее чинят.

— Выходит, не зря вы тогда удирали, — невинно улыбаясь, заметил кок.

— Потом я услышал спор жителей подводной лодки, — продолжал Мауки. — Они обманывали меня. Один сказал, что если они найдут эн-ци-клопе-ди-ю, то увезут ее далеко, чтобы о ней никто не узнал. А другой сказал, что боится, как бы эн-ци-клопе-ди-ю не нашли русские, то есть вы. «Если русские найдут, — сказал он, — то об этом узнают все, и даже темнокожие». Тогда я понял, кто хороший, и пришел к вам совсем.

— А нет ли и сейчас при тебе магнитофона? — спросил Петренко.

— Мауки говорит правду! — гордо ответил юноша и выпрямился.

— Ну что ж, Мауки, — успокоил юношу Егорин. — Мы рады тебе, если ты рассказал честно. Но пока тебе нельзя отлучаться даже домой. Понимаешь?

— Мауки пришел к вам совсем.

— Очень рад. Пойдем-ка, Мауки, мы тебе покажем кое-что. Мауки вошел в кают компанию и увидел нашу находку, из-за которой я едва не врезался в скалы.

7

— Это он, он! — радостно закричал Мауки. — Это эн-ци-клопе-ди-я! Я видел, что есть внутри. Я знаю язык гаянцев, я много-много могу вам рассказать!

— Знаешь гаянский язык? — переспросил я. — А не знакомо ли тебе слово «Тиунэла», Мауки? Мауки вспоминал:

— Я слышал это слово. «Тиунэла»? Сейчас, сейчас... Мауки знает! «Тиунэла» — так называется железная лодка.

— Теперь и мне понятно, — возбужденно сказал Егорин. — Поэтому приводная радиостанция, спрятанная в этом сейфе, подавала такие позывные. А «уэй», вероятно, означает «я».

— Следовательно, «Тиунэла-уэй» означает: «Я — Тиунэла»! — воскликнул Перстенек. — Вот это находка!

8

Жизнь развивается непрерывно и, так сказать, комплексно. Но повествование — ее литературное отражение, — напротив, есть цепь отдельных эпизодов, связанных какой-то внутренней необходимостью. «Полипептид» — как сказал бы в этом случае Василий Иванович Гирис...

Вот почему не буду рассказывать о прилете гидросамолета из Москвы, о том, кем пополнилась наша экспедиция на случай столкновения с непрошеными гостями с Пито-Као. Теперь гидросамолет улетел, и «Илья Муромец», весь ощетинившись невидимыми лучами локаторов, снова остался один на глади океана.

Ночь. Баскин, Петренко, кок и я открыли широкие створки на палубе и, полулежа в шезлонгах, размечтались.

— У гаянцев наука и техника должны быть выше, чем на Земле, — высказался Петренко. — Вот здорово будет, если мы поймем их энциклопедию!

— А потом мы построим межзвездный корабль и полетим к гаянцам, — предположил я.

— Да, увидеть бы их.

Резкий сигнал тревоги поднял нас на ноги. Задраив створки палубы, мы убрали шезлонги и почувствовали, как пол под нами колышется: вертолет, энергично набирая высоту, устремился в звездное и безлунное небо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Фея Амазонки»

1

Мауки знал мало, а хотел знать все, ясно представлять, что же происходит в мире, отчего десять человек заставляют работать на себя сотни людей. Он расспрашивал старших своих соплеменников, преодолев робость, приставал к Хоутону, еще когда служил у него в доме на Пито-Као, но в голове юноши было порядка не больше, чем у какого-нибудь зубрилы-школьника перед экзаменом.

— Наверное, я очень глуп, Боб? — отчаявшись, спросил как-то Мауки.

— Напротив, Мауки, ты кажешься мне умным парнем, — серьезно ответил Хоутон.

— Тогда что же такое ум?

— Ум? — Хоутон в затруднении оглянулся (разговор происходил у него в комнате), но, увидев коричневый чемодан под кроватью, оживился. — Допустим, что каждый человек при рождении получает ум, вот так же, как и этот чемодан. Понятно?

Юноша наморщил лоб, придирчиво анализируя сравнение, а когда уразумел, в чем дело, улыбнулся и кивнул головой: да, ему понятно.

— Отлично. Но «чемоданы» у всех разные. У одного большой, у другого маленький — кому какой достался: ведь природе трудно быть одинаково щедрой и доброй в такой огромной толпе людей, какая снует по нашей планете...

Мауки весело засмеялся: образная речь Хоутона была не только понятна, но и приятна ему.

— Затем человек идет в школу, университет — одним словом, учиться, то есть начинает набивать свой «чемодан» всякими полезными вещами.

— Хорошо, Боб! — воскликнул Мауки.

— Да не всем. У кого чемодан маленький, тот скоро его заполнит, а потом уже не остается места для новых знаний. Счастливчик же становится выдающимся инженером, врачом...

— ... миллионером, — серьезно вставил Мауки.

— Нет, это не то, — прервал Хоутон, вытирая платком взмокший лоб: в роли педагога он чувствовал себя крайне неважно. — Не прерывай. Короче говоря, тот, у кого чемодан велик, тот ко дню получения диплома... Гм... Это значит после окончания учения, наполняет только часть своего вместилища, и остается уйма места уже для самостоятельной работы. Такие люди становятся учеными, писателями, государственными деятелями.

— О, Боб, — торжественно произнес Мауки, восторженно глядя на Хоутона, — у тебя очень большой чемодан, и еще совсем-совсем пустой!

— Как ты сказал?! — вспылил Хоутон, но тут же рассмеялся и толкнул юношу в бок. — У тебя он еще более пустой. От души желаю тебе наполнить его: учиться, получить знания и стать... В самом деле, кем бы ты хотел стать?

— Летчиком! — не задумываясь, ответил Мауки.

Хоутон ласково посмотрел на своего юного темнокожего друга и тяжело вздохнул; веселое настроение разом покинуло его. Мауки почувствовал перемену в настроении Хоутона и тревожно спросил:

— Это нельзя?

— У нас, к сожалению, почти нельзя...

— Нигде-нигде?

— Не думаю. Вот если бы ты попал, скажем, к русским, в Москву — есть такой город, Мауки...

— А что там, в Москве? — с трепетом и надеждой спросил Мауки, навсегда запомнив это слово.

— Там не посмотрят на цвет твоей кожи, лишь бы ты был хорошим парнем.

— Мауки хороший парень, — с горячим убеждением сказал юноша. — Мауки хочет в Москву!

Разговор этот происходил давно, но Мауки никогда не забывал его; день ото дня крепла его мечта попасть в прекрасную Москву.

Когда гигант вертолет прямо из Москвы прилетел на Отунуи, Мауки почти не удивился. Он уже настолько привык к своей мечте-сказке, что счел это проявлением благосклонности богов.

В первую же ночь после посещения «Ильи Муромца» Мауки надел свой водолазный костюм и уплыл на Пито-Као. Там, выбравшись на пологий берег, он упал на колени у могилы, хранившей останки благородного гаянца Маны, и долго молился каменному изваянию, прося далеких предков благословить его. И еще упрашивал Мауки дух предков не оставлять без доброго внимания родной народ, пока он, Мауки, будет жить в Москве.

Изредка юноша тревожно оглядывался по сторонам, опасаясь чужих злых ушей. Но никто не нарушал его уединения, и Мауки успокоился: когда человек разговаривает с богами один на один — это хорошее предзнаменование!

2

Мауки не мог не решить шахматной задачи русских — слишком непосредственно относился он к действительности, хотя жизнь не раз давала ему печальные уроки. Юноша

спохватился уже после того, как задача была решена. С тех пор при каждой встрече русские, хотя и не очень назойливо, но все же достаточно настойчиво расспрашивали его: где, когда, а главное — кто обучил жителей Отунуи шахматной игре.

Мауки никак не мог понять, почему русские так упорны. Разве они не догадываются, что это общая тайна отунуйцев, что по каким-то своим соображениям они не хотят посвящать в нее никого.

Сердце юноши дрогнуло, только когда профессор Егорин, так и не добившись ответов на свои вопросы, воскликнул:

— Ах, Мауки, милый парень, знал бы ты, как важно, чтобы ты был с нами откровенным!

Только теперь Мауки понял, что русские чувствуют слежку, чувствуют присутствие кого-то — безусловно, недоброжелателя. Мауки едва не признался им, что шахматная история старая, но вовремя спохватился. Только с Бобом Хоутоном мог он быть до конца откровенным. Вернувшись на подводную лодку с вертолета, Мауки в тот же день рассказал Бобу о шахматной задаче.

— Ты умеешь играть в шахматы? — в упор посмотрел тот на Мауки.

— Все отунуйцы умеют.

— Давно к вам попала эта игра?

— Да, Боб. Мауки еще не было тогда.

— Кто научил вас?

— Мауки не знает. Тот человек умер.

— Рассказывай все, — потребовал Хоутон, не спуская глаз с Мауки.

Мауки продолжал молчать, потом, видимо, окончательно уверовав в силу дружбы Хоутона, сказал:

— Этого человека подобрали в океане наши рыбаки. Раненого. Через два года он умер.

— Где его похоронили?

— В гроте.

— Дальше.

— Он научил отунуйцев играть в шахматы. Когда приехали белые, шаман приказал всем молчать. «Они, — сказал шаман, — подумают, что вы убили, и накажут». И мы молчим.

— Какие-нибудь вещи остались от этого человека, Мауки?

— Да. Все там. — Мауки махнул рукой в сторону Ратануи.

— Покажи мне!

Юноша кивнул и еще ниже опустил голову: трудно жить на свете, даже если у тебя большой «чемодан», но абсолютно пустой... Простят ли его боги? Поймут ли они, что Боб — друг отунуйцев?

— Ты хорошо сделал, что признался мне, Мауки, — сказал Хоутон. — Обещаю тебе: никогда не причиню зла ни тебе, ни твоим друзьям!

Мауки всмотрелся в добрые глаза Хоутона и просиял. Сомнений быть не могло: конечно, Боб не чувствует этого, но его устами сейчас заговорили боги, как бы отвечая на немой вопрос Мауки. Юноша почувствовал себя прощенным.

... Мягкие лучи заходящего солнца золотили внутренность невысокого грота и могильный холм в глубине.

— Здесь, — коротко сказал Мауки.

Он отыскал в стене нишу и извлек из нее... летный планшет. Боб прищелкнул языком и озадаченно посмотрел на своего юного друга.

— Это все, — просто сказал Мауки, сел рядом с Хоутоном, обнял руками колени и стал молча наблюдать.

Боб осмотрел планшет. Под целлулоидом была военная карта Тихоокеанского района, удаленного от Пито-Као и Отунуи по крайней мере миль на тысячу. Условные знаки на карте, курсы и расстояния, обозначенные на ней, не вызвали сомнения — карта принадлежала летчику, участнику давних боев в войне с японцами.

Бумаги и документы, найденные в планшете, подтвердили догадку Хоутона. Вот фотография молодого темноглазого лейтенанта военно-воздушных сил. Портсигар. Пистолет. Охотничий нож...

Повернув к солнцу узкое лезвие, Боб увидел на гладкой поверхности твердой стали знакомую роспись: «Бергофф».

Страшно волнуясь, Боб вытащил из планшета толстый незапечатанный конверт.

«С нами бог, и я, лейтенант N-ского истребительного полка Ривейро Кордоне, верю в могущество истины, даже в этом мире наживы и жестокости, эгоизма и подлости, — прочел он.

Каждый из нас по-своему вступает в жизнь, по-своему и уходит из нее. Я болен, как мне думается, воспалением легких. Простудился в самом жарком уголке Земли!

Вероятно, здесь, на Отунуи, — моя последняя посадка...

Кто бы ни был ты, читающий мое письмо, я поручаю тебе предать его гласности и тем самым отомстить за меня человеку, гнусность которого, возможно, и сейчас скрывается под маской порядочности.

В нашем полку, как известно всем моим однополчанам, я приобрел друга — молодого летчика Бергоффа, ставшего моим ведомым. Я привязался к этому парню. Нынешним летом мы вместе получили отпуск, и я пригласил его в Бразилию, в мой родной город Манаус, на Амазонку.

Бергофф согласился, и мы, право, неплохо провели там время, охотясь на болотных оленей и муравьедов.

Однажды охотничья страсть увлекла нас далеко в глубь прибрежных лесов, где мы нашли скелет человека, едва прикрытый истлевшей одеждой. В числе немногих сохранившихся предметов мы обнаружили старинный охотничий нож с узким стальным лезвием, ремень и кожаную сумку.

Разрезав сумку (развязать ее оказалось невозможно), мы высыпали из нее горсть чистейших белых алмазов величиной

с горошину и большой светло-синий камень дивной красоты, в который кто-то, будто нарочно, вставил маленькую корону из рубина.

— Это тоже алмаз, Ривейро! — воскликнул Бергофф. — Какая удача!.. Какая удача!..

Он взял охотничий нож и острой гранью камня без особого труда расписался на нем.

Да, то был алмаз!

— Давай назовем его „Фея Амазонки“, — предложил Бергофф.

— Пусть будет, по-твоему, — согласился я. — Но как этот человек попал сюда, на левый берег? И когда? Должно быть, он направлялся с юга Бразилии и выбирал окольные пути, чтобы его сокровище не досталось никому, — предположил я, смотря на скелет.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Бергофф. — Мы поделим алмазы и разбогатеем!

Он тут же пересчитал мелкие камни — их оказалось двадцать четыре.

— С этими проще, — сказал он. — Число четное. А вот „Фея Амазонки“... как с ней быть?

— Продадим, а деньги — поровну.

— Верно. Повернули домой!

Но в Манаусе нас ожидал телеграфный вызов в часть. Продажу большого алмаза пришлось отложить. Уже по дороге в часть мы поняли, в чем дело, — началась война.

С общего согласия найденные сокровища хранились у Бергоффа.

И вот два года назад утром, как обычно, мы вылетели по боевой тревоге. Погода стояла скверная. Океан был спокоен, но видимость резко ухудшилась. Только пробив десятибалльную облачность на высоте четыре тысячи метров, мы увидели солнце.

Я шел впереди, а Бергофф справа и сзади прикрывал мой хвост. Мы погнались за японцами, но они не пожелали принять наш вызов и, разлетевшись веером, скрылись в облаках. Тогда я стал пеленговаться, чтобы уточнить, где мы находимся, и рассчитать обратный курс. Но тут что-то заставило меня оглянуться. В нескольких десятках метров от себя я увидел самолет Бергоффа, нацеленный на мой мотор и кабину, и в то же мгновение весь огонь его истребителя обрушился на меня!

Вот и все...

Раненный в обе ноги, на горящем самолете я тут же стал падать в океан. Лишь божьей милостью я остался жив: на помощь мне пришел рыбачий парусник полинезийцев.

Меня привезли на Отунуи. Здесь добрые островитяне буквально поставили меня на ноги.

Но я был отрезан он своей родины: „Фея Амазонки“ дорого обошлась мне.

Кончается бумага, а я еще многого не успел рассказать. Впрочем, разве того, что я уже написал, мало, чтобы отомстить за меня?

Я обращаюсь к тебе, мой читатель, если ты добрый человек, и заклинаю: помоги восторжествовать истине, и пусть бог будет твоим наставником, как помог он и мне в опаснейшую минуту моей жизни.

Да будет проклят Бергофф!

Лейтенант Ривейро Кордоне»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Мистер Икс-надцатый. Дневник Мелони

1

— Давайте закурим, Диппль, — предложил Боб. — Проклятая привычка. Наполняешься дымом, точно монгольфьер, но не только не можешь взлететь, а даже становишься тяжелее...

— Я не большой поклонник курения, мистер Хоутон, но за компанию можно. Разрешите и огонька? Благодарю.

— Скажите, Диппль, вы умеете быть откровенным?

— К счастью, не всегда, мистер Хоутон.

— Это заметно, Диппль.

— Приятно слышать. Кстати, вы уплатили не мне, а моей фирме...

Хоутон с удивлением посмотрел на собеседника.

— ... на мою долю пришлась очень скромная сумма. И вы, право, зря упрекаете меня в коварстве. Хоутон невольно отодвинулся.

— Вы хотели найти Паолу, и я вам помог, — невозмутимо продолжал Диппль. — Моя фирма гарантировала вам безопасность, и я свято берегу вашу личность.

Хоутон посмотрел сыщику прямо в глаза.

— Я для того сейчас и нахожусь безотлучно возле вас, чтобы уберечь вас от гнева мистера Бергоффа. Нет. Он ни слова не сказал мне, но я без труда угадываю его намерения.

— Вы дьявол, Диппль! — воскликнул Хоутон. — Ведь я не задаю вам вопросов.

— Хотя я немедленно отвечаю на них, — вздохнул Диппль.

— Черт вас побери! Вы умеете отгадывать чужие мысли, Диппль?

— Когда-то я делал этим деньги.

— Теперь я понимаю, почему ваш голос сразу показался мне знакомым: вы мистер Икс-надцатый?!

— Совершенно точно. Иксов, игреков и зетов было много, но мистер Икс-надцатый — один, и это я, — ответил Диппль.

— Помню, помню. Вы выступали в цирке в черной маске. Успех огромный.

— Было, было, мистер Хоутон, все было.

— А потом вы исчезли.

— Не совсем так, мистер Хоутон. Несколько раз я угадывал мысли сильных мира сего, и весьма некстати. Кроме того, я быстро надоел публике: читать мысли — это старомодно. Затем я получил выгодное предложение и сменил профессию, на этот раз, как видите, удачно.

— Посмотрите мне в глаза, Диппль, и ответьте на мой немой вопрос.

Диппль исполнил просьбу Хоутона и без запинки произнес:

— Да, я помог мистеру Бергоффу похитить Паолу. Он хорошо платит!

— Ну и прохвост же вы, Диппль! — вырвалось у Хоутона. Диппль потемнел от гнева и вышел из каюты, хлопнув дверью.

2

Часто затягиваясь, окутав себя плотным облачком дыма, Хоутон пытался из разрозненных мыслей, как из детских кубиков, сложить цельную картину, но ему это долго не удавалось.

А когда волнение стало уступать настойчивому желанию разобраться в обстановке, в памяти Хоутона возникла сцена встречи с Бергоффом на вилле миллионера. Увидев тогда Бергоффа с пистолетом в руках, Боб понял, что сопротивление бесполезно.

— Рад встрече, Боб, — усмехнулся Бергофф. — Пока мистер Диппль побудет здесь с миссис Паолой, мы может пройти в дом и поговорить.

Крохотный ствол пистолета указал, на какую тропинку следует свернуть. Боб подчинился. У входа в дом двое слуг обыскали и обезоружили Хоутона.

— Прошу...

Слуги принесли коньяк, закуску, расставили посуду на маленьком столике у окна и ушли.

— Садитесь, Боб, — радушно пригласил Бергофф. — Недурно отметить наше новое соглашение рюмкой вдохновляющего, а?

— Никогда больше я не вступлю с вами в какое-либо соглашение, — сквозь зубы процедил Боб.

— Мы ссорились с вами дважды, но, видит бог, зря, — издевательски заметил Бергофф.

Хоутон не прерывал, давая Бергоффу выговориться. От Гровера он уже знал, что миллионер затеял новую авантюру, и теперь решил сделать рокировку, то есть перейти в оборону. Несколько ранее Гровер уговорил Хоутона снова сблизиться с Бергоффом, войти в доверие к нему любой ценой. Боб согласился, но, оставшись с Бергоффом один на один, оробел.

«Мои мысли просто превращаются в капельки пота на лбу, и все... Вот дубина! — сокрушался Боб. — Лишь бы не выдать себя!»

— Если бы я не желал вашей дружбы, Боб, — продолжал Бергофф, — то я уже пустил бы вам пулю в лоб. Не так ли?

Это было верно, и Хоутон задумался: что мешает Бергоффу сделать это сейчас? О каком соглашении он говорит?

— Что вы сделали с Паолой? — спросил он.

— О, совсем ничего, уверяю вас! — печально вздохнул Бергофф. — Бедная женщина больна, у нее ретроградная амнезия — потеря памяти. Она забыла события последних двух-трех лет. Результат травмы, Боб... Ее ударил автомобиль. И представьте, в двух шагах от цирка. Хорошо, что я случайно узнал об зтом и оказал ей немедленную помощь: ее лечит мой лучший врач. Уверяю вас, я не злопамятен.

— Почему же вы не сообщили мне об этом сразу?

— Мы с вами всегда останемся деловыми людьми, Боб, и потому я, как всегда, выкладываю перед вами все.

— Хорошо, я слушаю.

— Наконец-то! Не сочтите за труд — налейте по бокалу. А теперь главное. В первый же день ваша бедная супруга, — Бергофф наклонился и посмотрел в глаза Хоутону, — несколько путая очередность событий, в полубреду рассказала о том, что вы похитили сейф гаянцев, а затем упустили его в воду при побеге с Пито-Као.

— И сказала где? — вырвалось у Боба.

— Ваш вопрос успокаивает меня! — воскликнул Бергофф. — Значит, все это правда. Нет, Боб, к сожалению, она, насколько я догадываюсь, не знает этого!.. А в сейфе гаянцев есть, наверно, кое-что интересное. Если бы вы знали, Боб, как я потом ругал себя за то, что приказал этому болвану Курцу взорвать ковчег гаянцев. И как я обрадовался, узнав теперь, что благодаря вам заветный сейф хотя и затонул, но цел!

— Чего вы хотите от меня?

— Я предлагаю вам бизнес, Боб: мои деньги — ваши поиски. Я куплю или найму подводную лодку, и мы с вами отправимся на Пито-Као. Сейф недалеко затонул, Боб?

Хоутон не ответил.

— А потом мы с вами будем продавать по частям содержимое гаянского сейфа, и вы станете крезом, Боб! И тогда ваша Паола вернется к вам... Разумеется, ее лечение я беру на свой счет. По рукам?

— А если я скажу, что все это только бред заболевшей Паолы?

— Считайте, что вы вскочили на ходу не в тот поезд... Так Хоутон вновь очутился в руках этого проходимца! Что ему оставалось делать? Мечта найти сейф не выходила у него из головы и раньше. Но для поисков нужны немалые средства. Заявить же о сейфе во всеуслышание было безумием. «Бергоффов вокруг более чем достаточно, — думал Боб. — Да и бороться с одним легче, чем со многими. Главное — найти сейф, а там, на месте, дело покажет, как быть...» Боб вспомнил о своем друге Мауки — он не будет одинок в этой борьбе с Бергоффом — и с омерзением пожал руку миллионеру.

Они стали втайне готовить свою экспедицию, как вдруг газеты сообщили о полете «Ильи Муромца» в район Пито-Као. Пришлось сократить сроки подготовки и пуститься в далекое плавание.

3

Боб стоял, облокотясь о перила, и, казалось, с большим вниманием смотрел, как накладывали сварной шов на пробоину в носу подводной лодки. Вода была прозрачна, и сверху хорошо были видны яркие вспышки сварочного аппарата, освещавшие круглые шлемы водолазов.

На узкой палубе появился Бергофф. Он был раздражен, выглядел уставшим и постаревшим.

— Не нравятся мне действия русских, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Хоутон вопросительно посмотрел на миллионера.

— К русским прилетел реактивный гидросамолет, — пояснил Бергофф. — Наверняка оттуда... К чему бы такая спешка?

— Они делают свой бизнес, — сказал Хоутон.

— Но в Тихом океане нам становится тесно и без этого гидросамолета, — вздохнул Бергофф, расстегивая ворот и подставляя волосатую грудь и холеную шею свежему ветерку.

— Сэр, вам радиограмма, — прервал их радист, появляясь в круглом обрезе люка.

— Опять хотят увеличить стоимость проката этой лодки? — усмехнулся Бергофф, лениво наклоняясь, чтобы взять бумагу.

— Нет, сэр, здесь сообщение о смерти некоей миссис Паолы...

4

Внизу, в чреве подводной лодки, в ярко освещенной каюте, ходил из угла в угол Бергофф. Может, и верно: утраченная и пылинка дорога... Конечно, красивая итальянка всегда нравилась ему. Это так. Но она была такой доступной для Бергоффа: деньги позволяли ему осуществлять множество и более сложных желаний. Другое дело, когда Паола бежала от него с Пито-Као! Тем самым она уронила горсть сухого пороха в его угасающее чувство. Порох оказался дымным и чадил долго.

Позже, увидев Паолу в цирке и узнав, что она теперь жена Хоутона, Бергофф свое влечение к ней соединил с желанием отомстить «бумагомарателю» Бобу. Но сейчас между ним и Паолой встала сама смерть. Паола недосягаема навсегда!

Вместе с тем Бергофф понимал, что являлся прямым виновником ее смерти, и боялся мести Боба, несмотря на то что за всем происходящим зорко наблюдал мистер Диппль.

А на палубе сидел в шезлонге Боб и смотрел на далекие звезды. «Когда человеку хорошо — это опасно!» — без конца мысленно повторял Хоутон слова Паолы.

Нет теперь ее.

Боб пытался представить Паолу мертвой, в гробу, но видел ее только живую, цветущую, смелую. Вот она мелькает под куполом цирка... Вот ее гибкое тело показалось в белой пене волн... Вот она стоит рядом и, сжимая виски тонкими пальцами, в отчаянии восклицает: «Ах, Боб, когда человеку хорошо — это опасно!»

Проклятое царство Доллара! К чему жить в мире; где деньги сильнее любви... Ну что он, Боб Хоутон, будет делать теперь? Один. Разве кто-нибудь или что-нибудь возместит ему эту утрату? Сможет заменить ее?

И вдруг его горестные размышления были прерваны.

— Боб, Боб... — услышал он голос с моря.

«Да это ведь Мауки!» — заставил себя очнуться Хоутон.

— Ты, Мауки? — спросил он, свесясь с борта.

— Я, Боб. Я давно зову. Они нашли сейф.

— Тише! — Боб оглянулся.

Вокруг все было спокойно, и на лесенке Боб никого не увидел бы, даже подойди он совсем близко к люку, потому что энергичный мистер Диппль уже покинул свой наблюдательный пост и, согнувшись дугой, бежал на цыпочках по коридору, чтобы немедля передать хозяину важную новость.

— Русские нашли ящик, — продолжал Мауки, — и забрали его к себе на летающую лодку с тысячью весел.

— Кто тебе сказал это?

— Мауки был у них гостем и видел все сам. Русские — хорошие люди, Боб. Я улечу с ними и буду учиться у них, стану летчиком! Хорошо?

— Очень хорошо, Мауки!

— Я сказал им, что попрощаюсь с Бобом.

— Спасибо, Мауки.

— Мауки всегда помнит друга! Поедем вместе, Боб!

— Хорошо, Мауки, — вдруг решился Боб. — Я сейчас...

Мауки держался за швартовочное кольцо в борту. Он закрыл прозрачный шлем своего водолазного костюма и ждал.

И вдруг на палубу выкатился клубок тел. Это Бергофф и Диппль схватились с Хоутоном.

До палубы — менее метра, и Мауки уже начал взбираться на нее, чтобы выручить друга, но тут в ночную тишь ворвался крик Хоутона, и его тело тяжело плюхнулось в воду.

Мауки нырнул за ним, нащупал в темноте плечи Хоутона, бережно обнял их и включил реактивный двигатель своего скафандра: чем скорее уйдешь отсюда, тем лучше. Лишь бы не наскочить на риф. Но нет, рядом друзья — яркий луч осветил мохнатые зеленые скалы. Мауки оглянулся и узнал знакомые очертания аквалета.

Дальше они плыли под надежной защитой: аквалет прикрывал их и время от времени лучами указывал путь.

5

Сейф вскрывали в кают-компании вертолета. Я и Василий Иванович Гирис вели протокол, профессор занялся киносъемкой, радист Петренко записывал все на пленку магнитофона, а инженер Баскин и Мауки помогали Хоутону, которому выпала честь вскрывать сейф.

Поскольку официальным языком согласились на это время считать английский, невладеющие им вооружились автоматическими переводчиками.

Боб внимательно осмотрел чертеж на верхней крышке сейфа, восстанавливая в памяти особенности замочного устройства, и без труда снял ее. Внутри мы увидели небольшие контейнеры, плотно прилегающие друг к другу. Каждый из контейнеров имел прочные складывающиеся ручки, но извлечь не удавалось не один.

— Не пойму, в чем дело, — признался Боб.

— Позвольте мне, — придвинулся силач Петренко.

— Я вспомнил! — крикнул Мауки. — Мы что-то делали на этой стороне... — и он указал на внутренний край одной из стенок сейфа.

— О'кэй! — спохватился Боб. — Здесь все скрепляется магнитными силами. Вот... теперь они выключены. Можете убедиться!

Петренко попробовал указательным пальцем приподнять угловой контейнер, но он не подался.

— Осторожнее, Филлип Петрович, — предупредил профессор Егорин. — Наша задача — убедиться, что содержимое сейфа цело и не побывало ни в чьих руках, после того как он затонул. И только! Не дай бог, сломаете...

— О'кэй, я догадываюсь, — обрадовался Боб. — Это не контейнер, а сигнализирующее устройство, позывные которого вы слышали. Оно прикреплено к корпусу намертво. А все остальное — контейнеры... Пожалуйста! — Боб без труда стал извлекать тяжелые ящички и ставить их на стол. — Все цело, сейф в полной сохранности, джентльмены!

— Отлично! Укладывайте все на место, — распорядился Егорин. — Остальным займутся дома.

— Минутку, — поднял руку Боб. — Здесь лежит несколько листков бумаги. Странно! Раньше их не было... О боже! Это же дневник Мелони: у меня была копия!

6

Я ограничусь лишь самыми необходимыми отрывками из дневника Мелони, проливающими свет на некоторые события, описанные в предыдущих главах.

Вот они.

«Передача мыслей на расстояние, телепатия, интересовала человечество с незапамятных времен.

В зависимости от уровня науки люди по-разному объясняли наблюдаемые явления, переходя от мистики и метафизических взглядов к диалектике. Неудивительно, что рассматриваемая тема получала различное объяснение на протяжении веков. Памятны нам и откровенное шарлатанство, и попытки подойти к вопросу научно. Достаточно сказать, что в мировой литературе насчитывается, если меня не подводит память, более десяти тысяч книг, в той или иной мере посвященных разделам биологической радиосвязи. Но даже наука наших дней еще не подошла к решению проблемы.

Однако и сейчас многие авторитеты уже не отрицают, что явления биологического излучения присущи и коре головного мозга. Остается не так много: выяснить саму природу этих излучений. Иными словами, начать и кончить...

Все процессы в природе, говорят гаянцы, есть превращения материи. При определенных условиях различные виды лучистой энергии, взаимодействуя, порождают особые биологические лучи. Возможно, это название не совсем точно, но я не физик, и мне трудно до конца понять некоторую терминологию гаянцев.

Когда на Гаяне (видимо, так это было и на Земле) появились органические соединения — „строительный материал“ для живого существа — биологические лучи, влияя на них, по мнению гаянцев, создали необходимые условия для возникновения простейшего организма.

Наряду с дальнейшим развитием жизни, совершенствовались не только ее формы, но и биологические лучи — все в тесной взаимосвязи, ибо, по утверждению гаянцев, в природе невозможно зарождение одного живого существа на планете, даже самого простейшего: только определенной группой при достаточном потенциале биологического излучения.

Более того, они уверены, что ни одно живое существо, даже самое развитое (человек), не сможет прожить долго, будучи полностью изолированным от биологической радиосвязи с другими, родственными (а возможно, и неродственными!) живыми организмами.

И еще: гаянцам удалось создать в лаборатории искусственное живое существо, только активно воздействуя биологическим излучением сходного живого существа, находящегося рядом!

... Теперь о биологической радиосвязи людей. Нельзя думать, что мысль, родившаяся в мозгу человека, может покинуть место своего рождения подобно тому, как выдавливается из тюбика зубная паста. Но грубый „слепок“ ее в виде биологического радиоизлучения уносится в пространство.

Гаянцы научились записывать эти излучения на магнитной пластической бумаге фотоальбома, рассматривая который, мы с Бобом слышали мелодии. Эти излучения помогают гаянским врачам при диагностике и лечении различных заболеваний, о чем я подробно рассказываю ниже.

Теперь мне стало ясно, что при некоторых условиях биологические лучи жизни могут стать... лучами смерти!

Не спорю, необходимо поставить ряд опытов в наших земных условиях, чтобы проверить выводы гаянцев. Но и сейчас очевидно: крайне опасно для человечества, если только даже эта тысячная часть гаянской энциклопедии попадет в руки тех, кто наживается на средствах массового уничтожения людей...

Надо вооружиться, и как можно скорее, новыми способами лечения. Думается, что при опытах над животными не следует ограничиваться классическими кроликами, морскими свинками, собаками или мышами. Стоит подумать об использовании диких животных, с их буйным характером, может быть, самого царя пустыни — льва...

... Я перепечатал свои размышления в трех экземплярах: первый будет при мне, второй я кладу в гаянский сейф на случай непредвиденного несчастья со мной, а третий вручаю Бобу Хоутону».

7

— Дальнейшее теперь могу рассказать вам я, — тихо сказал Хоутон, закончив чтение. — Мелони попал в руки Курца. Немец оставил дневник себе, а старика передал в лабораторию Дорта, где тот и погиб. Позже мне рассказывали, что Бергофф пристрелил Курца. С его вещами он забрал и дневник итальянца. Организовав «Дискавери», Бергофф передал ученым фирмы записки Мелони — вот вам секрет их успехов!

— А ваш экземпляр? — спросил Егорин.

— Я хранил его в укромном месте...

— ... пока его не украли?

— Нет-нет! Я передал его Гроверу. Мой школьный друг. Работает в «Дискавери» ... Ах, если бы я сделал это раньше! Если бы раньше... Моя Паола была бы жива.

— Паола? При чем же тут дневник Мелони?

— Я получил письмо от Роберта... Ее облучили, она умерла от лучевой болезни. Я отомщу за нее, и не одному Бергоффу!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Сокровища далекой планеты

1

Прошло несколько лет со времени событий, описанных на предыдущих страницах...

Когда ТАСС сообщил о находке в Тихом океане гаянского сейфа и опубликовал предложение Советского правительства организовать Международный институт для изучения и освоения гаянской энциклопедии, во всем мире поднялось необыкновенное волнение.

«Энциклопедия гаянцев была найдена, утеряна и обнаружена вновь людьми различных национальностей, — писал ТАСС. — Каждому ясно, что подарок гаянцев адресовался всем жителям Земли, и мы считаем справедливым привлечь к участию в работе Международного института Гаяны (МИГ) все народы Земли. Мы предлагаем построить специальный научный город в Московской области для размещения отделов и филиалов МИГа...»

Чтобы знания гаянцев не попали в руки поджигателей войны, было создано Международное общество защиты энциклопедии Гаяны. Душой и организатором общества стал Боб Хоутон. Он разъезжал по стране, рассказывал о Пито-Као и фирме «Дискавери», призывал использовать подарок гаянцев в мирных целях. Хоутон неизменно заканчивал свои выступления по радио, телевидению, в газетах фразой:

«Сокровища далекой планеты должны принести нам только счастье!»

Нашлись тысячи добровольных энтузиастов — союзников Боба: общество обрело реальную силу, и с ней нельзя было не считаться.

Первыми помощниками Хоутона стали профессор Кобрен и Роберт Гровер. Дневник Мелони помог ученым разобраться в сложном «научном» хозяйстве пресловутой фирмы. Кобрен и Гровер изобрели и осуществили план разоблачения «Дискавери».

Впрочем, вот вам газетное сообщение тех дней.

ЗАГАДОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ...

Как сообщает иностранная печать, в течение нескольких дней из научного городка нашумевшей фирмы «Дискавери» не поступает никаких известий. Кажется, будто городок вымер. Никто не отзывается даже на телефонные звонки. Обеспокоенные родственники ученых и обслуживающего персонала обратились в полицию.

К месту расположения фирмы прибыл шериф с десятком полицейских. Попытки поговорить с обитателями городка с помощью мощных динамиков к успеху не привели. Тогда шериф и его подчиненные, взломав ворота, проникли в главный корпус и... остались там!

Новый отряд полицейских решил повторить попытку, но также не вернулся. На телефонные звонки по-прежнему никто не отвечает. Городок молчит.

Раз уж я взялся рассказывать о бесславном конце «Дискавери», пользуясь отчетами журналистов, приведу еще одну корреспонденцию.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ «ДИСКАВЕРИ»

Мировая пресса продолжает обсуждать события в научном городке «Дискавери». Строятся различные предположения, выдвигаются всевозможные планы, ни один из которых нельзя привести в исполнение, потому что никто из вошедших в помещение научного городка не вернулся и не подал о себе никаких вестей.

Вчера в Париже, в Доме журналистов профессор Кобрен и его коллега Роберт Гровер выступили на пресс-конференции, организованной по их просьбе.

На второй странице нашей газеты публикуется подробный отчет о заявлениях Кобрена и Гровера, обвинивших фирму «Дискавери» в преступлениях против человечества.

— Что же касается тех, кто находится сейчас в научном городке «Дискавери», — заявил в заключение профессор Кобрен, — то все они живы и в полной безопасности. Используя последние научные достижения и опираясь на ту незначительную часть знаний гаянцев, которая оказалась сперва в руках руководителей фирмы, а затем у нас, я и Гровер изобрели аппаратуру: она излучает биологические лучи, замедляющие все жизненные процессы в человеке примерно в сто раз.

— Мы устроили там сонное царство, — подтвердил Гровер. — Как только будут опубликованы материалы нашей пресс-конференции и создана авторитетная комиссия, мы выключим аппаратуру.

— Сейчас, когда Советское правительство обратилось ко всем жителям Земли с предложением организовать Международный институт Гаяны, мы считаем своевременным разоблачение «Дискавери». «Знания гаянцев не должны попасть в недостойные руки»! — сказал Кобрен.

На вопрос сотрудников «Юманите», является ли профессор членом коммунистической партии, он ответил:

— Нет. Но я тоже честный человек. На такой же вопрос, обращенный к Гроверу, последний заявил:

— Нет, но, как говорили русские в первые годы после своей революции, я сочувствующий.

И, наконец, еще одно сообщение.

К СОБЫТИЯМ В «ДИСКАВЕРИ»

Ученые Кобрен и Гровер сдержали свое слово. Только что получена телеграмма нашего корреспондента, очевидца пробуждения тех, кто оказался в плену в научном городке «Дискавери».

Подробности можно ожидать не ранее завтрашнего дня.

Лопнула «научная» фирма. Потерпели крупное фиаско ее заправилы. Но судить их не удалось, несмотря на волну возмущения, прокатившуюся, подобно цунами, по всему миру. Бергофф, Стоутмен и их партнеры исчезли, словно по волшебству. Даже укротителя Меджитта и детектива Диппля не удалось отыскать.

В Советском Союзе был учрежден Международный институт Гаяны. Профессор Кобрен и Роберт Гровер первыми получили приглашение стать сотрудниками института. Напряженно работал многоязычный дружный коллектив МИГа. Специальный бюллетень, издаваемый на нескольких языках, сообщал миру о состоянии его дел.

Первые успехи выпали на долю Отделения языка. Язык гаянцев гораздо проще наиболее развитых языков Земли. Когда сотрудники МИГа освоили его в первоначально необходимом объеме, содержимое сейфа было распределено между отделами и началось комплексное изучение сокровищ далекой планеты.

2

Откуда прилетели к нам гаянцы? Где находится их планета? Пока речь шла только об их прилете к нам, такой вопрос менее настоятельно требовал ответа. Но сейчас, когда все реальнее становится возможность ответного визита, вопрос «куда?» стал очень важным...

Не забывайте, что у гаянцев не только иные названия астрономических тел, но и видимое расположение созвездий другое; поэтому первый взгляд на звездную карту гаянцев почти ничего нам, землянам, не дал. Потребовались сложнейшие расчеты, чтобы определить, где находится планетная система, к которой принадлежит Гаяна.

Вы не раз любовались, наверно, созвездием Ориона. В средних широтах оно хорошо видно: весной — на западе, а зимой — почти строго на юге, высоко над горизонтом. Это красивое созвездие названо в честь великана-охотника Ориона. Три крупные яркие звезды составляют наиболее заметный центр его — пояс Ориона. Не одна ли из них и есть солнце Гаяны?

Ни в коем случае! Эти голубые звезды в десять раз жарче нашего солнца и много больше его по величине. Кроме того, они излучают столько ультрафиолетовых лучей, что жить под таким солнцем было бы не очень приятно...

И вообще не ищите Гаяну вблизи сравнительно широко известных звезд. Отведите глаза от крупной альфы Ориона, или, как ее зовут, Бетельгейзе, диаметр которой не уложится даже в орбиту Марса. Отвернитесь от лямбды Ориона — нет, не оттуда прилетели к нам когда-то посланцы космоса. И не с Меча Ориона. Не смотрите и левее, и выше, хотя яркая красавица-звезда пленит ваш взор, ко это Сириус, расположенный в соседнем созвездии Большого Пса.

Солнце Гаяны — звезда по яркости всего лишь шестой величины, и светит она в нашем небе в тысячу раз слабее

Сириуса. Увидеть ее невооруженным глазом может только зоркий и очень внимательный человек. Находится она выше и правее Пояса Ориона.

Откройте теперь каталог звездных параллаксов Франка Шлезингера, составленный в Иельской обсерватории США, найдите порядковый номер «1602» и прочитайте «13-я Ориона: яркость 6,3; температура G0 (то есть близкая к температуре нашего Солнца); спектральный параллакс равен 0,033; тригонометрический параллакс равен 0,034. Координаты: прямое восхождение 5 часов 02 минуты, склонение +9°2». Переведите параллакс в парсеки, результат умножьте на 3,26 и получите расстояние, округленно, в 100 световых лет.

Не так далеко, если вспомнить, что наша Галлактика имеет диаметр 80 тысяч световых лет, но и не так близко, если подумать, что может быть только каких-нибудь восемьдесят тысяч человек на Земле, преодолевают «столетний барьер...»

Свое солнце, то есть 13-ю звезду Ориона, гаянцы называют «Фело». Вокруг нее вращаются планеты: Яна, Ари, Туна, Лестра, Гаяна, Мида, Атла, Аина, Эрда, Ора и Кина.

3

Ну а теперь о самой энциклопедии.

Внешне, как я уже говорил, хранилище знаний гаянцев представляло собой металлический ящик, сейф. Под крышкой располагались дневник экипажа «Тиунэлы» и самоучитель гаянского языка. В контейнерах лежали микроленты.

Приложения: 1) Гаяна: история возникновения и природа планеты; 2) гаянцы: история народов планеты; 3) космическая техника гаянцев; 4) все, относящееся к полету гаянцев на Землю; 5) устройство аппаратуры, необходимой для телепатического «чтения» энциклопедии.

Как мы потом узнали, ознакомиться с энциклопедией можно было двумя методами: по принципу обычного звукового кино и телепатическому. Проекционная аппаратура погибла вместе с космическим кораблем «Тиунэла». Поэтому пришлось заново сконструировать и построить необходимое оборудование. Занимались этим профессор Кобрен и Роберт Гровер: ведь телепатические устройства как раз то, над чем они много лет работали.

Мне посчастливилось быть в числе приглашенных на первый сеанс чтения энциклопедии. В малом конференц-зале МИГа собралось человек сто. Большинство из них изучили гаянский язык в достаточном объеме. На сцене, на трибуне, стоял небольшой аппарат, от него шел толстый кабель за кулисы. Гровер вставил в аппарат кассету с микролентой и нажал пусковую кнопку...

... Я почувствовал легкое головокружение и невесомость во всем теле. В глазах слегка зарябило. Но все это скоро прошло, и я увидел себя в какой-то новой, совершенно незнакомой обстановке.

Сцена исчезла. Мы сидели теперь в просторном красивом зале. Колоннами и высоким куполом он напоминал собор. В центре била высокая струя фонтана, между колоннами мы увидели деревья, похожие на наши земные ели, и кусты. В стенах зала темнели пиши.

— Колумбарий? — тихо спросил кто-то рядом.

— Может быть...

Из-за ближней колонны вышел седой гаянец в развевающемся плаще-накидке. Он поднял левую руку в знак приветствия и улыбнулся. Узкое, вытянутое лицо его стало мягким и добрым. Глаза смотрели так, точно он и в самом деле видел нас. Длинные уши придавали его лицу странное выражение, но не делали уродливым.

— Приветствую вас, дорогие жители незнакомой планеты, — громко сказал он. — Я главный редактор нашей энциклопедии и буду вашим гидом. Мне поручено рассказать вам о нашей науке и технике и ответить на вопросы. Меня зовут Эдр.

Пока Эдр говорил, журналисты щелкали фотоаппаратами, группа из кинохроники вела съемки, и никто из нас не думал о том, что всё это впустую: на отснятых кадрах потом оказалась только сцена с аппаратом, а пленки магнитофонов так и не зафиксировали ни одного слова, произнесенного Эдром.

— Помните, — предупредил Эдр, — что ни меня, ни других гаянских ученых нет рядом с вами, — это только иллюзия, созданная нашей техникой. Составляя энциклопедию, мы включали ответы лишь на вопросы, которые, по нашему мнению, могут возникнуть у вас. Если на ваш вопрос не последует ответа и изображение не будет двигаться, значит, мы чего-то не

предусмотрели. Извините за упущение и задавайте другой вопрос.

— Что вам известно о нашей планете? — спросил кто-то из журналистов.

Эдр замер, бесстрастно смотря куда-то над. нашими головами, и ничего не ответил. Тогда тот же голос, видимо, удовлетворенный такой проверкой, попросил рассказать о назначении помещения, увиденного нами, и изображение вновь ожило.

— Мы находимся с вами в Пантеоне Гаяны, — рассказывал Эдр. — В далекие времена гаянцы хоронили умерших в земле. Тысячелетия спустя мы стали сжигать тела в крематориях, а пепел хранили в колумбариях. Сейчас и этого мы не делаем — тела умерших исчезают в особых атомных реакторах.

— А что означают эти ниши? — вырвалось у меня. — В них урны?

Эдр выслушал и, продолжая смотреть не на меня, а в сторону всей аудитории, ответил:

— Здесь нет ни одной урны с прахом. В каждой нише хранятся микропленки с записями, рассказывающими о жизни и творчестве гаянца.

— Вот это кладбище! — восхищенно шепнул кто-то. — Ни могил, ни крестов, ни гнетущей мистической обстановки...

— Мы начинаем свою энциклопедию, — продолжал Эдр, — с Пантеона, потому что развитие науки и техники есть непрерывный процесс творчества многих поколений. Наш долг не забывать об этом. Кого бы вы хотели сейчас увидеть?

— Того, кто считается на Гаяне автором самой современной теории мироздания! — громко произнес Евгений Николаевич Глебов.

— Хорошо, — ответил Эдр и взмахнул рукой. Голубая струя фонтана расширилась, стала похожей на веер, а затем на чуть вогнутый экран наших панорамных кинотеатров.

Эдр отошел в сторону, и мы увидели молодого гаянца с загорелым узким лицом и черными смеющимися глазами.

— Это Ри, — сказал Эдр. — Он погиб в космической экспедиции.

— В чем суть его теории? — опять не утерпел Глебов. На этот раз Эдр молчал, а на экране заговорило изображение Ри:

— Наши астрономы давно заметили, что бесчисленное множество галактик, находящихся в участках Мироздания, доступных нашему изучению, как бы разбегаются, удаляются от нас с огромными скоростями. Мне и моим помощникам удалось создать теорию, объясняющую это явление. Мы считаем, что убегание галактик есть наблюдаемая нами часть невиданных по масштабу энергетических процессов во Вселенной. Галактики удаляются от нас, увлекаемые конвективными течениями материи, движущейся по траекториям, напоминающим магнитные силовые линии. Линии эти замкнутые, и через какой-то срок все галактики вернутся «на свои места», чтобы начать следующий виток...

— Это ново в космологии, — задумчиво произнес Глебов и добавил: — Чтобы нам установить сходство и различия наших философских взглядов, необходимо знать ваше мнение о движении.

— Движение — это форма, сущность бытия материи, то есть объективной реальности природы, — пояснил Ри.

— А пространство? Его бесконечность?

— Любая реальность имеет пределы, даже радиус самой большой метагалактики. Математическая бесконечность в природе приобретает как бы категорию качества и перестает быть только количеством... Однородное пространство, скажем, пустое может быть бесконечным — такая мысль допустима, — но в действительности, по всей вероятности, в этом, прежде всего, «нет необходимости» — в настоящей бесконечности...

— Значит, она может быть только мысленно?

— Мы не можем, так сказать, мыслить мыслями: мы пользуемся в своем мышлении словами и образами; бесконечность есть один из наших образов реального мира.

— Хорошо, продолжим это образное познание...

— Природа состоит из Покоя и Стремления, то есть из Пространства и Времени. Любое явление, если оно есть, то есть.

— Даже пустота, — настаиваю я.

— Весьма вероятно, — добавил Ри, — что мир вообще создавался в первозданной пустоте, если такая была еще до Акта Творения; в Голубом нуле.

— ... и в котором нет формы?

— Не было формы, — ответил Ри на мой вопрос. — Вещь вне пространства существовать не может. А раз так, то не пространство должно заботиться о вещах, а они сами о себе. Вот почему все материальное, возникая, реорганизует для себя пустое пространство и создает себе собственную геометрическую среду, придающую жесткость аморфной пустоте. И — кубической формы...

— ... Геометрию? — уточнил я. — А что породило ее?

— Одно из двух: либо вещество излучает какие-то «Лучи Геометрии», либо «пустота» Голубого нуля напоминает озерцо переохлажденной воды — кинь камешек, и оно с треском покроется ледяным панцирем.

— Почему геометрическое поле не шарообразное, а похожее на куб?

— Необходимое материи пространство есть трехмерное, без ограничивающего геометрического центра: шары, цилиндры, спирали, кренделя и прочие виды объема заключены в нем, а не наоборот!

— А что такое время?

— Это главная энергия природы, которая одна только способна превращать причину в следствие; других «обязанностей» у него, у времени, нет, и потому оно необратимо.

— Допускаете ли вы, что в природе есть физические миры, живущие по-другому, своему эталону времени и пространства?

— Больше того. Весьма вероятно, что в природе каждая космическая система живет по своим «часам». Мы полагаем, что несовместимость во времени есть один из самых общих законов природы. Само межгалактическое пространство также имеет собственные «часы». Взаимодействие космических систем с разными пространственно-временными характеристиками является важнейшим в мегамире.

— Допускаете ли вы, что вблизи Гаяны может быть обнаружена одна из таких систем, так сказать, более быстрой или более медленной материи?

— Да, — ответил Ри. — Но необходима третья, контрольная планета, чтобы установить эту разницу. Мы давно засылаем свои экспедиции в космос и надеемся найти такие планеты. Если наше предположение подтвердится — изменится длительность полета: скажем, на Гаяне пройдет десять лет, а на другой планете, где побывают наши космонавты, — тысяча лет или наоборот...

На этом прервался первый пробный сеанс ознакомления с энциклопедией гаянцев. Журналисты окружили Евгения Николаевича с просьбой об интервью. По существу, вопрос к ученому был один: возможно ли полететь на Гаяну и возвратиться домой, на Землю, в короткий срок жизни одного поколения?

— Возможно! — воскликнул Глебов и поднял руки, моля избавить его от комментариев.

Так окончился этот памятный день, возбудивший горячие споры во всем мире. Вопрос о длительности полета на Гаяну обсуждался и на ученом совете МИГа, но, поскольку ответить на него невозможно, решили пока к нему не возвращаться, хотя каждый хранил в себе добрую, невысказанную надежду...

4

Мужественные образы гаянцев заставили меня вспомнить Мауки. Ведь он был их потомком, в его жилах текла кровь Маны.

Мне захотелось повидаться с юношей. Я переписывался с ним и знал, что Мауки эти годы учился и так преуспевал, что его учителя только диву давались, знал, что смелый отунуец не менял решения стать летчиком, знал, что он уже окончил теоретический курс. Но я хотел видеть его и, как всегда, недолго собираясь, отправился в путь...

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Первый самостоятельный...

1

По окончании теоретического курса Мауки направили в экспериментальную летную школу ДОСААФа, находившуюся в Подмосковье.

Он уже свободно говорил по-русски, ориентировался даже в Москве сам и приехал в школу без провожатых. Встретил его дежурный по школе.

— Общежитие вашей эскадрильи — налево, — сказал он, показывая в окно. — Найдете?

— Иес! Да, — заулыбался Мауки.

Дневальный, с удивлением осмотрев щеголеватый серый костюм Мауки, ярко-красный чемоданчик и его самого (Мауки явно походил на иностранца), неуверенно спросил:

— Вы из газеты?

— Как вы сказали?

— Я спрашиваю: корреспондент?

— О нет, нет. Я новый курсант...

Едва Мауки успел разложить свои вещи на полках тумбочки, дневальный, просунув голову в щель приоткрытой двери, протяжно, как пономарь, закричал: «Атбо-о-о-ой!..» — хотя и без того почти все спали. Мауки лег, не укрываясь одеялом, потянулся и вздохнул с таким облегчением, словно он был сам Робинзон Крузо, вернувшийся под кров отчего дома.

В восемь утра началась наземная подготовка, которую курсанты ожидали с нетерпением не потому, что им хотелось, так сказать, летать на земле, а потому, что раз дело дошло до тренажной кабины, значит, скоро в воздух.

Тренажная кабина представляла собой как бы часть настоящего учебного самолета в натуральную величину — фюзеляж с обрубленным хвостом, снятыми крыльями и без шасси. Она была расположена на сложной системе рычагов.

В противоположном конце зала находился стереоскопический экран дневного кино, а за ним — особый кинопроекционный аппарат. Позади кабины стоял пульт управления тренажером, напоминавший стол-шкаф.

Первым в тренажер сел Мауки. Действовал он точно, уверенно: вот залиты цилиндры мотора горючим, вот подана команда: «От винта!» Вот он уже услышал в наушниках шлемофона ответное; «Есть от винта!» Нажал кнопку на левой стороне приборной доски, и вдруг экран озарился ярким светом — впереди раскинулось зеленое летное поле, а вдали, на бетонной полосе, легкий ветерок закручивал пыль...

В наушниках появился отчетливый звук мотора, а в довершение всего небольшой гребной винт, находящийся впереди тренажной кабины, стал гнать воздух в лицо Мауки, как будто он и вправду сидел в настоящем учебном самолете.

Мауки улыбнулся от удовольствия. Он хотел что-то сказать товарищам, сидевшим рядом у стены, но тут в наушниках раздался голос инструктора:

— Увеличьте обороты и прогрейте мотор.

Юноша послушно нажал на сектор газа, и «мотор» загудел, зарычал.

«Прогрев» окончен.

— Проверьте показания приборов, — приказал инструктор. Мауки глянул на приборную доску: стрелки приборов стояли на тех цифрах, которые соответствовали режиму работы мотора.

— Проверьте мотор на полных оборотах. Мауки дал полный газ (прибор показал две тысячи оборотов в минуту!) — и грохот мотора в наушниках шлемофона покрыл все звуки.

— Достаточно. Сбавьте газ. Дайте команду убрать колодки. Мауки знал, что в таких случаях надо поднять обе руки и махнуть ими в стороны, но так как ни колодок под колесами (ни самих колес!), ни механика самолета не было на самом деле, продолжал сидеть, не подавая сигнала.

В ту же секунду живая фотография на экране замерла.

— Дайте команду убрать колодки, — настаивал голос.

На этот раз Мауки повиновался — на экране снова все пришло в движение, и на мгновение сбоку появилась фигура механика, «убиравшего колодки».

Мауки дал газ и... земля, горизонт на экране поползли навстречу, а бетонная полоса для взлета стала приближаться. Иллюзия движения была настолько полной, что Мауки даже выглянул за борт.

Голос инструктора вернул его к действительности.

— Сейчас, когда вы получили общее представление о тренажере, — услышал Мауки, — мы приступим с вами к первому упражнению — полету по прямой. Мы уже в воздухе, высота триста метров.

На экране перед кабиной появился новый пейзаж — вид земли в полете по кругу.

— Прямую сперва будете выдерживать вон по той горе, в середине экрана; направляйте все время нос самолета на нее... А крены проверяйте по нижнему обрезу экрана: если кабина накренится влево, то и изображение на экране получится с косиной.

Вначале все шло нормально. Мауки легко выдерживал прямую по островерхой горе; если нос «самолета» уходил вправо, он, нажимая на левую педаль руля поворота, возвращал его на прежнее место, и наоборот.

Но вдруг гора исчезла! Мауки с беспокойством стал нажимать то на одну педаль, то на другую, поворачивая свой «самолет» вправо и влево, в поисках утерянного ориентира, но тщетно.

— Ориентира больше нет, — опять спасительный голос. — Теперь выдерживайте прямую по приборам: добивайтесь, чтобы нолик на гирополукомпасэ всегда стоял против черты. Не торопитесь! У вас левый крен. Исправляйте. Вот так. А направление? Уберите правый крен. Половина всего внимания — силуэтику на авиагоризонте!.. Так. Теряете высоту... Скорость! Подберите ручку на себя. Крен! Направление!

Проклятая кабина стала вдруг такой подвижной, что с ней не было сладу: она крутилась, как на льду.

— Повторим! — решил инструктор.

Что-то щелкнуло, на экране все быстро пронеслось в «обратном направлении». Казалось, будто, повинуясь всесильному волшебнику, самолет совершил длинный прыжок назад и послушно занял исходное положение.

Но дело опять не ладилось. Снова и снова повторялось упражнение, а Мауки продвигался к заветной цели как улитка.

— Плохо, — сказал инструктор.

Мауки сидел в кабине тренажера ни жив ни мертв.

— Хотите летать? — вдруг спросил инструктор.

— Очень!

— Боитесь...

— Нет-нет, товарищ инструктор.

— Вы не поняли меня, Мауки. Я хотел сказать: боитесь, что вас исключат?

— Иес, иес! Да, этого боюсь... Очень!

— Не думайте так больше, — просто сказал инструктор и дружески улыбнулся: — Мы все тоже хотим сделать вас отличным летчиком. Придет время — станете и космонавтом...

— О, спасибо, много спасибо!

— Ну, слетаем еще разок. Начали... Всего несколько минут отдыха, несколько так необходимых Мауки фраз, а как много это значило!

2

Я приехал в летную школу в день, когда, окончив наземную подготовку, курсанты вышли на полеты.

Инструктор Мауки, мой давнишний приятель Василий Беляев, повел меня в учебный корпус.

— Разве мы не пойдем на аэродром? — удивился я.

— А, так ты не в курсе наших новостей. У нас уже и гаянская техника есть.

Беляев привел меня в комнату, похожую на телестудию. В центре ее я увидел кабину самолета, точь-в-точь напоминавшую тренажер, и два больших экрана на стенах.

Он сел в кабину, включил аппаратуру и взялся за управление. Прямо передо мной на экране вращался винт, а с левого экрана смотрел на меня Мауки.

— Перед тобой два изображения, — пояснил Беляев. — Мы видим лицо Мауки и то, что он видит сам из своей кабины. А самолет имеет две системы управления: обычную — для Мауки

и телерадиоуправление — для меня. Первоначальное обучение мы проводим на поршневых самолетах.

— Курсант Мауки к полету готов, товарищ инструктор! — услышал я голос из динамика над левым экраном.

— Хорошо. Мягко держитесь за управление. Сейчас я выполню показной полет. Извини, старина, — повернулся он ко мне, — ты покури, а я слетаю... Как бы ни было, а все же полет!

Василий дал газ — и самолет там, на экране, в самом деле начал разбег, поднял нос и... оторвался от земли!

Потом летал Мауки, а Беляев помогал ему. После третьего полета Вася сказал:

— Теперь полетайте, Мауки, сами, — и вышел из кабины.

— Что ты делаешь? — вскрикнул я. — А если парень убьется?!

— Этого не случится, — успокоил меня Беляев. — Я включил кибернетику, и, если нужно, автопилот поможет Мауки вместо меня. Больше того, автоматы точно определят его основные ошибки, проанализируют их и дадут мне, его инструктору, необходимые рекомендации для дальнейшего обучения курсанта.

— А пока?

— Я слетаю на другом самолете с курсантом Королевым. Я могу работать с тремя машинами, на одном или нескольких аэродромах. Во-первых, экономия в инструкторах, да и психологически лучше: курсант сразу учится летать сам, на одноместном самолете. Но это только малая часть той абсолютно безотказной службы безопасности полетов, которую придумали гаянцы. Ты видел когда-нибудь автоматическую телефонную станцию?

— Да. Многоэтажное здание со сложным техническим устройством.

— А не думал ли ты, что все это громоздко?

— Но зато сам телефонный аппарат очень удобен, — возразил я.

— О! «Что и требуется доказать», — удовлетворенно сказал Беляев. — Так вот у гаянцев тоже имеются своеобразные автоматические станции по корректировке техники пилотирования. Ясно?

— Еще не очень, Вася...

— Так слушай. Имеется, значит, у них несколько больших зданий, разбросанных по всей планете. Назовем их АДС, то есть автоматические диспетчерские станции. Каждая из них имеет определенный район действия.

— А в самолете? — спросил я, уже начиная догадываться, в чем дело.

— Соображаешь! — чисто полетному одобрил Беляев. — Во-первых, авиация на Гаяне разделяется на две группы: есть самолеты личного пользования, то есть спортивные, и есть линейные — пассажирские и грузовые, как у нас в Аэрофлоте. Военной авиации нет...

— Понятно.

— Так вот каждый спортивный самолет оборудован ограничительным автопилотом, вроде того, с которым летает Мауки. Человек летит сам, но автомат исправляет его ошибки, оберегает его.

— Что ж, это удобно.

— Надо полагать. А вот самолеты линейные, на двести-триста пассажиров, у гаянцев беспилотные и летают по маршрутам сами, управляемые из АДС на расстоянии. Тут вдобавок к аппаратуре пилотирования имеется автоматическая служба движения самолетов, кибернетические диспетчерские машины.

— А в пилотской кабине пусто? Совсем никого?! — невольно поежился я.

— Нет, есть один инженер-пилот, контролирующий работу материальной части. Если надо, он сядет в пилотское кресло, выключит автоматику и поведет самолет сам.

— Ну, это еще куда ни шло, — успокоился я.

— Итак, во-первых, каждый самолет, подобно телефону, подключен к наземной автоматике пилотирования, и, во-вторых, особая диспетчерская сеть автоматов направляет и контролирует его движение по трассе.

— Надо бы и у нас, на Земле, завести такую систему, Вася.

— Так вот начинаем... И без гаянцев у нас уже наметился этот путь в Аэрофлоте: необходимость заставила инженеров искать новые средства автоматического управления движением машин по трассам. Гаянцы просто помогли нам ускорить эту работу.

— А как Мауки? — напомнил я.

— Спроси у автоматов — они всю правду скажут. Но и я не ошибусь: летчиком Мауки станет хорошим.

К концу дня автоматы вызвали Беляева и приступили к подробному «докладу». И вот здесь мы с Василием крепко призадумались, впервые в жизни столкнувшись с неожиданным и необычным явлением...

Почему неожиданным? Сейчас поясню. Все мы: и летчики, и люди других профессий — устроены одинаково. Природа, создавая нас, не заботилась о том, чтобы согласовать свою «творческую» работу с практическими требованиями той или иной профессии. И если кто-то пожелал стать, скажем, летчиком, то ему приходилось длительной тренировкой совершенствовать свои органы чувств самому: вырабатывать в себе глубинное зрение, обострять чувство равновесия, развивать умение ориентироваться в положении своего тела и самолета в пространстве и многое другое, чего сама природа не предусмотрела.

Но одной тренировки недостаточно, и поэтому в самолете появились пилотажные приборы. У любого человека,

попавшего в пилотскую кабину, — у летчиков тоже! — есть одна общая особенность: если он видит горизонт, землю и козырек кабины, он отчетливо представляет себе положение самолета в воздухе.

Но вот мы с вами входим в облака и... начинаем чувствовать себя слепыми котятами. То нам кажется, что у машины левый крен, а его нет вовсе или, наоборот, крен правый; иными словами, мы не сможем без приборов продолжать полет.

Это происходит оттого, что наш орган равновесия — вестибулярный аппарат, расположенный во внутреннем ухе, — привык работать в паре со зрением.

У Мауки же кибернетические машины подметили способность мгновенно определять положение самолета. «Заинтересовавшись» этим, хитрые автоматы стали поочередно выключать тот или иной пилотажный прибор — юноше это не мешало. Тогда автоматы закрыли окна пилотской кабины плотными шторками и отключили все пилотажные приборы разом — Мауки продолжал лететь правильно! Не удовлетворившись этим, автоматы стали сбивать с толку Мауки заведомо неверными показаниями приборов, но юноша летел как ни в чем не бывало...

— Вот это номер! — озадаченно воскликнул Беляев. — Не верить кибернетике нет основания, а как объяснить — не знаю.

— Мне думается, — сказал я, — что ответ следует поискать в его родословной...

— То есть?

— Мауки — потомок гаянцев, — напомнил я.

— Да, да, да! — обрадовался Беляев. — Возможно, что у гаянцев иначе устроены органы равновесия и восприятия ускорения...

— А возможно, и другое.

Беляев вопросительно посмотрел на меня.

— Ведь у гаянцев не только техника выше нашей, но она развивалась у них намного раньше, чем у нас.

— Так что ты хочешь сказать?

— Я только допускаю, что природа, идя, так сказать, навстречу гаянцам, постепенно изменяла их организм и даже закрепила новые качества, ставшие необходимыми для жизни в высокоразвитом техническом мире.

— Верно, старина! Это и есть влияние среды на организм и наследственность, о чем говорил Павлов.

— Да, Вася, скорей всего это так.

— Поживи у нас еще: Мауки должен вылететь самостоятельно не только раньше других, но и в рекордно короткие сроки.

— Хорошо, Вася, поживу и увижу...

3

Долгожданный момент, о котором Мауки столько мечтал, наступил: он сидит в кабине обычного, не управляемого по радио самолета!

Беляев стоит неподалеку от стартера и с равнодушным видом, будто и не его курсант сейчас полетит самостоятельно, закуривает папиросу. У столика руководителя полетов сидит командир эскадрильи; он только что проверил Мауки и дал ему разрешение на два самостоятельных полета по кругу. Лицо его тоже если не равнодушно, то спокойно, будто ничего особенного, значительного сейчас не происходит.

А Мауки сидел точно в тумане: все смешалось в его голове. «Проверь приборы, — мысленно наставлял он себя, — и действуй, действуй! Надо же взлетать...» Командир эскадрильи повернулся к нему и кивнул.

Мауки осторожно прибавил обороты мотора и вырулил на взлетную полосу. Тут он внимательно осмотрелся, закрыл

фонарь кабины, секунду помедлил, чтобы унять волнение, нажал кнопку на секторе газа, включающую передатчик, и запросил по радио:

— «Эмблема-2»! Я — «Сокол-24». Прошу разрешения на взлет

В наушниках послышалось жужжание, а затем голос комэска:

— «Сокол-24»! Я — «Эмблема-2». Взлет разрешаю. Мотор загудел, винт как бы растворился в воздухе, и плиты бетонки побежали навстречу. С каждой секундой самолет становился все «Легче» ... Вот он повис в воздухе и стал медленно отходить от земли.

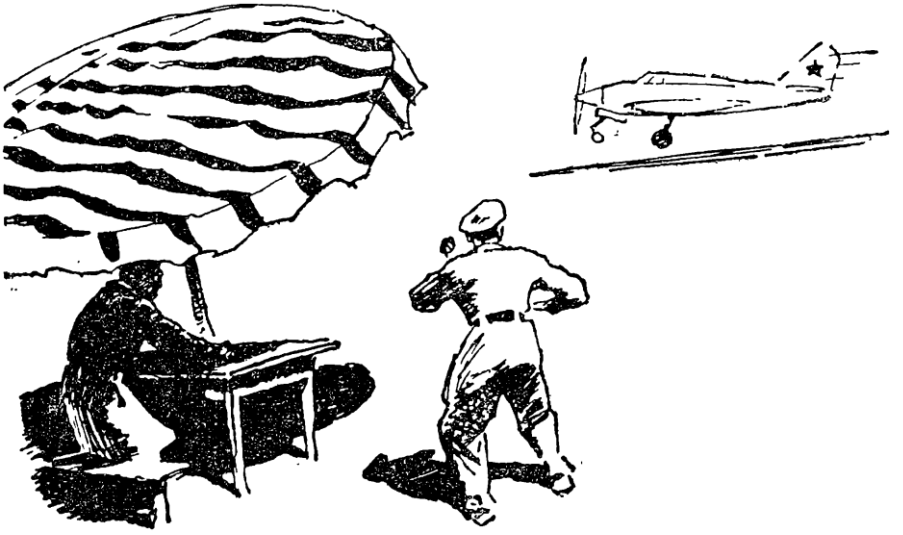
Чувство восторга и гордости охватило Мауки. Все пело в нем: «Ты летишь сам! Ты летчик!». Мауки даже не замечал, как он разговаривал сам с собой, произнося за инструктора привычные фразы:

— Высота пять метров. А шасси?.. Эй, отунуец, надо не зевать!..

Мауки поднял ручку крана уборки шасси до упора. Послышались свист и шипение сжатого воздуха, зеленые лампочки на приборной доске погасли, шасси, убираясь в крыло, мягко стукнуло о свои гнезда, и одновременно загорелись красные лампочки, сигнализирующие о том, что «ноги» колес встали на замки. В кабине приятно запахло отработанным газом.

Быстро проходит время в полете по кругу, особенно в первом самостоятельном полете. А дел по горло: различных движений надо сделать около сотни, все за шесть-семь минут полета и рулежки по земле. Где же тут размечтаться?! Не успел освоиться с новым, очень сильным чувством, как смотришь — половина полета уже за плечами...

Нет, что ни говорите, а некогда отдыхать в полете по кругу!



Едва подошла левая консоль крыла к посадочному «Т», еле видневшемуся на зеленом поле аэродрома, у бетонки, как появились новые заботы: надо было выпускать шасси. Выполнив это, Мауки заметил, что уже недалек и третий разворот. Только закончил его, а уже пора начинать расчет на посадку — убирать газ. Вот уже окончен четвертый разворот, Мауки выпустил щитки и стал готовиться к главному — к посадке...

... Беляев, не торопясь, вдавил в землю каблуком сапога докуренную папиросу и тут же закурил новую: курсант Мауки начинает посадку! Как сядет? Куда сядет? Оценив опытным взглядом расчет, Беляев уверенно ответил себе на второй вопрос: «Сядет точно у знаков». Но как?.. Конечно, Беляев был уверен в том, что ни поломки, ни аварии не будет (сам же учил летать!), а вот как он сядет; плохо или хорошо — вопрос.

До земли семь метров... Самолет выходит из угла планирования и все плавнее и осторожнее приближается к посадочной полосе. Шесть метров... три... метр... Самолет несется параллельно земле. Скорость гаснет.

Чем меньше расстояние до земли, тем выше приподнимается со скамьи комэск, тем ниже пригибается Беляев у микрофона. Тихо, только кузнечик трещит в траве. ... Осталось пятьдесят сантиметров... сорок, десять... Земля!

И сразу снова все пришло в движение, все заговорили громко и весело, а стрекотание кузнечика потонуло в шуме аэродромной жизни. Ведь как это хорошо, что одним летчиком стало больше в дружной семье смелых!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В созвездие Ориона!

1

Человечество избаловано успехами науки и техники. Стали привычными скоростное строительство молодых городов и гигантских энергетических узлов, массовое внедрение в промышленность автоматики, открытия астрономии и достижения космонавтики. Но освоение гаянской энциклопедии явилось важным пунктом в развитии мировой науки, техники и промышленности Земли; у гаянцев было много нового для нас.

Вопрос о дальнем космическом полете давно перестал вызывать сомнения, и когда ученый совет Международного института Гаяны заявил, что ближайшей целью ставит ответный визит на Гаяну, слова эти не имели остроты сенсации.

Сотни научно-исследовательских учреждений Советского Союза приняли участие в проектировании межзвездного корабля. Даже городские и районные газеты обсуждали детали проекта. Миллионы рационализаторов вносили предложения, многие из которых безоговорочно приняли члены космического конструкторского бюро.

За выполнение заказов взялись тысячи наших предприятий. Размах и масштабность этого строительства сами по себе не вызывали удивления. Я, вероятно, не очень ошибусь, если предположу, что каждый час в Советском Союзе дает столько высокопроизводительного труда, сколько достаточно для создания нескольких пирамид Хеопса.

Буквально на глазах в Подмосковье вырос автоматический завод-комбинат «Циолковск» для серийного выпуска тяжелых космических кораблей.

Сверху он напоминал авиационный посадочный знак «Т». В западном крыле его изготавливался металл для корпуса ракеты (он же составная часть горючего), а в восточном — вырабатывались необходимые пластические массы. В центре находился корпус завода защитных устройств, которые должны охранять людей от вредных излучений. Огромные прессы, мощные вакуумные и холодильные установки были автоматизированы, даже плавка и штамповка металла и пластмасс велись автоматически.

Готовые изделия подавались транспортерами на автоматическую линию сборочного цеха. Этот цех, по существу, был контрольным и управляющим. Здесь группа инженеров следила за точностью технологического процесса.

В испытательном цехе автоматы-лаборатории подвергали тщательному анализу на сопротивляемость узлы и корпуса всех ступеней межзвездного корабля. Правда, деталей не ломали: испытание на прочность проводили математические машины.

Следующий цех — приборный. Внутреннее оснащение кабин и отсеков приборами, агрегатами, радиосредствами производилось уже со значительной долей ручного труда.

Последний цех — выпускной. Тут шла окончательная доводка мелочей. Именно в этом цехе после всенародного

обсуждения художники вывели на золотистом корпусе первой ступени ракеты ее название: «Юрий Гагарин».

Ближе к носовой части — белый круг, и в нем — светло-синее поле; по которому разбросано созвездие Ориона, эмблема корабля, ставшая известной всему миру.

Наконец многотонная туша ракеты перешла в транспортировочный канал и медленно двинулась на стартовую площадку.

Здесь ракету приняли члены экипажа: командир межзвездного корабля Андрей Иванович Шелест и штурман-астроном Евгений Николаевич Глебов. Собственно, принимать корабль они начали давно, с середины сентября, и даже участвовали в строительстве.

Именно в это время меня вызвали в Верховный Совет... В просторном кабинете собрались члены правительства и руководители МИГа. Я увидел там и Мауки.

— Мы долго обсуждали кандидатуры членов экспедиции на Гаяну, — сказали мне, — и пришли к выводу, что право на участие в космическом полете имеют прежде всего те, кто первый нашел и обследовал «Тиунэлу», — Мауки и мистер Хоутон, и тот, кто нашел ее вторично... Хоутон уже ответил согласием. Что скажет Мауки?

Юноша взволнованно оглядел присутствующих, встал и, тщательно подбирая слова, ответил:

— Я очень благодарю... Очень! Но я не могу... не должен сейчас... Я первый из отунуйцев, кто получил знания. Я хочу полететь на свой остров... Я обещал, меня ждут... ждет мой народ. Мауки сказал правду. Мауки сказал все!

Затем предложили лететь мне. Конечно же, я ответил согласием

2

— Мир вашему дому! — воскликнул Боб на чистейшем русском языке, входя ко мне.

— Здравствуйте, Боб! Вы так отлично произнесли эту фразу...

— Да-да, — прервал Хоутон. — Я не терял времени: освоил русский.

— Ваша любознательность неистощима, Боб!

— Еще бы! Времена искателей копей царя Соломона и кладов острова Кокос ушли! Скоро не золото и не «Фея Амазонки» станут мерилом богатства. Энергия — вот что будет кумиром наших потомков, что они будут искать и отвоевывать, но не Друг у друга, а у природы.

— Верно! Присаживайтесь, я одну минуту...

— А может быть, позже? — спросил Боб, поняв меня. — Я, если угодно, не столько сейчас к вам, сколько за вами: нас вызывают на совещание к командиру «Юрия Гагарина». Машина внизу. Андрей Шелест ждет нас...

— Едем, Боб.

Читатель, возможно, и вправе посетовать на меня: вот уже сколько позади, а имя Шелеста лишь изредка упоминается — он слишком долго «действует» за пределами наших страниц. Но сами понимаете: до сих пор Андрей Шелест непосредственного участия в делах второй части романа не принимал.

А сегодня.... Сегодня я уже могу несколько подробнее рассказать о нем и Нине Константиновне Шелест. Да, она уже давно не Тверская... Нынешней весной вышел в свет первый том ее фундаментального труда «О географии болезней», посвященный памяти ее талантливого деда, начавшего разрабатывать основы этого учения еще в конце прошлого века.

Андрей Иванович Шелест мало изменился за эти годы. Поседели виски, и еще серьезнее стало лицо: жизнь в авиации и

космические полеты неизбежно оставляют свои следы. Шелест и теперь оставался человеком дела. По-прежнему жизнерадостный и веселый, он охотно поддерживал за столом разговор на любую тему. Но, когда речь заходила об авиации или космических полетах, равных ему не было. Тогда уже беседа переносилась в рабочий кабинет Шелеста, где звон бокалов порой заменяло стрекотание счетной машины.

3

Совещание у командира корабля короткое, деловое: программа окончательной подготовки к вылету и предполетного отдыха, личные вопросы.

— Советую сейчас решить, что вы возьмете из своих вещей, — сказал Андрей Иванович. — Например, сувениры, фотографии, письма, может быть, любимую книгу. Учитывайте, что мы везем с собой энциклопедию землян — науку, литературу, искусство; микропленок уйма, так что не повторяйтесь. К тому же каждый грамм в космосе стоит дорого. Отобранное надо сдать завтра для стерилизации...

Наступила тишина. По привычке опускаю руку в карман за портсигаром, но вспоминаю, что уже третий месяц никто из нас не курит. Беру карандаш и сам у себя спрашиваю совета: что взять? Оказалось, трудно ответить. Пишу и безжалостно вычеркиваю, оставляя в списке лишь то, что в космосе и на Гаяне поможет воскрешать живую связь с родной планетой.

После долгих размышлений решаю: семейные фотографии — раз, серию авиационных снимков — два (там моя юношеская пора, фотографии моих самолетов, портреты наших летчиков-ростовчан). Затем решаю не снимать с руки штурманские часы, верно служившие мне в полетах много лет. Что же касается книг, то я давно знал, что возьму с собой томик Александра Грина.

Списки составлены и переданы командиру. Прочитав (обсуждать и критиковать в данном случае не полагалось), Шелест кладет их в папку.

— Ну вот, — просто говорит он, — наше последнее совещание на Земле подходит к концу. На повестке дня... — Андрей улыбается, не торопясь произносит эти, еще с пионерских сборов известные нам слова, и вдруг мы улавливаем в них дотоле скрытую от нас служебной суетой теплоту. Мне становится смешно, а потом грустно-грустно. — О наших обязанностях... — продолжает Шелест. — Евгений Николаевич Глебов — второй пилот, штурман и мой заместитель. Вы оба, — он посмотрел на Хоутона и меня, — будете вести научные наблюдения по известной вам программе. Кроме того, товарищ Хоутон возьмет на себя обязанности преподавателя гаянского языка. Сейчас у нас на корабле основной язык русский, но позже, в космосе, будет и гаянский. Все. Едем на рак

4

На бетонной стартовой площадке, над глубокой ямой, высится исполинский корпус ракеты. Если подойти к краю ямы, можно увидеть несколько радиальных тоннелей для отвода газов в момент отделения ракеты от земли.

Одна из ступеней, с химическим топливом (не обладающим радиоактивностью!), — стартовая. Ее задача — поднять нас на высоту всего сто километров. Далее вступит в действие ступень с атомными двигателями, которые разгонят ракету до одной трети крейсерской скорости. Ионные двигатели доведут скорость до крейсерской.

К корпусу ракеты приставлен наземный лифт — он подсобный, и перед стартом его откатят в сторону. А сейчас мы поднялись по нему в жилой отсек и вошли в компенсационную камеру с двумя системами герметичных дверей. Потом, в

космосе, мы будем отсюда выходить в пространство, одетые в скафандры...

Кабина управления — комната с телевизионными и радиолокационными экранами, радиостанциями, группой астрофизических и метеорологических приборов, астрономическими картами.

— Здесь довольно просторно, компьютеры — под нашими: ногами, в бронированных контейнерах. А еще ниже — шеер, наш крылатый разведчик. Им мы воспользуемся перед посадкой на Гаяну. За стенами — склады и автоматы системы питания.

Самое интересное на нашем корабле — его штурманское снаряжение, те средства космической навигации, которыми располагал наш штурман Евгений Николаевич.

На любом порядочном корабле должна быть карта. И у нас они имелись, географические карты Земли и Гаяны, звездные карты Галактики и небесный глобус, но была и основная, путевая, или, как говорят летчики, маршрутная карта. Ее столетиями готовили гаянцы с корабля «Тиунэла», летевшие к нам, причем они учли свои блуждания в космосе и рассчитали для себя (а следовательно, и для нас!) кратчайший путь на свою родину. Без этой огромной работы нам пришлось бы туго.

Наша маршрутная карта не была нарисована на бумаге. Она представляла собой комплекс высокочувствительной аппаратуры, расположенной в разных частях корабля, счетно-решающие машины и, главное, запоминающее устройство, «заряженное» теми маршрутными данными, что вычислили гаянцы.

Какой же принцип положен в основу нашей карты? Вспомним, что межзвездный корабль в пути будет находиться не в пустом пространстве, а в мешанине межзвездного газа, гравитационных влияний (то есть сил притяжения) окрестных

небесных тел и в зоне действия различных видов лучистой энергии.

Понятно, что в точке А параметры напряжения и другие характеристики гравитационных полей будут отличаться от параметров точки Б. Это записано на нашей карте.

Другой способ — угломерный. Скажем, космические лучи распространяются по гравитационным траекториям, а, допустим, иные лучи могут образовывать угол с направлением гравитационным. Особые приборы измерят эти углы и сличат с заданными, то есть записанными на нашей карте ранее гаянцами. Другие механизмы измерят разницу, если таковая будет, и передадут в аналитические машины, а последние внесут коррективы, в управление кораблем.

В действительности все это много сложнее, но я рассказываю только о принципе.

Но ведь небесные тела и потоки энергий все время находятся в движении, и картина их общего взаимодействия, постоянно меняющаяся, не будет похожей на ту, что зафиксировали гаянцы, скажете вы. Как быть в этом случае?

Здесь я отошлю вас к изящной сказке Шарля Перро о мальчике с пальчик. Помните, когда он, углубляясь в лес людоеда, чтобы найти обратный путь, бросал белые камешки?

Так поступали и гаянцы. Только они разбросали на своем пути не камешки, а несколько десятков ксан. Ксана — это как бы путеводная звезда, шар с крохотными механизмами, которые учитывают изменения среды, вычисляют ее общую тенденцию и по запросу передают данные. Места их расположения в космосе мы знаем, позывные их — тоже и будем иметь возможность не только получать свежие вариации (это слово обозначает у летчиков и моряков сумму магнитных поправок для уточнения курса движения), но даже пеленговаться и определять свое местонахождение: ведь ксаны разбросаны по

извилистой кривой, и многие из них попадут в зону досягаемости для нас!

По плану мы должны иметь на борту оранжерею. Однако это не только добавочный груз. Это и объект, существенно нарушающий аэродинамические формы. Наши конструкторы вышли из положения просто: мы повезем с собой детали разборной оранжереи, семена, яйца птиц, инкубаторы, водоросли и солнечную электростанцию. Выйдя в космос и достигнув заданной постоянной скорости, мы, надев скафандры, возьмемся за строительство, а точнее, за сборку оранжереи и электростанции. Три месяца работы — и все будет готово. Затем посевы, инкубация — и мы будем иметь свое сельское хозяйство!

Многослойная оболочка с протектирующим составом в одном из слоев будет охранять нас от метеоров, а после вылета в безвоздушное пространство наружная обшивка автоматически покроется защитным инеем из фтористых и кремниевых соединений. Метеорная пыль, сглаживая и как бы полируя иней, потеряет часть кинетической энергии, а естественный при этом нагрев вызовет спаивание кристаллов и их испарение. Время от времени защитный слои на поверхности корабля будет обновляться.

Сильное впечатление на меня произвела камера биотрона — что-то напоминающее кровати. Каждая такая кровать была заключена в прозрачные яйцеобразные футляры из пластмассы. И опять приборы, трубочки, шланги, провода. Здесь были установлены особые кибернетические машины, которым надлежало облучить нас и погрузить в состояние анабиоза.

— М-да... — вздохнул Хоутон. — Здесь мы будем лежать ни живы, ни мертвы сто двадцать лет!

— И еще в начале полета, — улыбнулся Глебов. — Ведь нашим взлетом будут управлять с Земли, а мы — в анабиозе — выдержим огромные ускорения.

— Учтите, Боб, — напомнил Шелест, — вас еще не знает биотрон. Ложитесь...

— Простите, командир, но мне прежде хотелось бы знать хотя бы принцип моего предстоящего анабиоза.

— Ваш друг Роберт Гровер и профессор Кобрен, — сказал Шелест, — развили свою идею и усовершенствовали аппаратуру, с помощью которой они усыпили обитателей «Дискавери».

— Помню, помню, — засмеялся Хоутон. — Облучением они замедлили жизненные процессы в человеке в сто раз.

— А теперь в наших биотронах новая аппаратура Гровера и Кобрена замедлит эти процессы в тысячу раз!

— Приятно, — засмеялся Боб. Он разделся и лег в крайнее справа прозрачное «яйцо». — Начнем ab ovo,[6] — усмехнулся он.

Тут я должен кое-что пояснить читателю. Конечная наша цель — добраться целыми и невредимыми до Гаяны. Вот почему камера биотрона, точнее, ее диагностические установки, терапевтические агрегаты (есть и такие!), кибернетика, — в общем все хозяйство биотрона было связано с автоматами управления ракетой таким образом, что если ускорение при взлете вдруг начнет угрожать жизни кого-либо из нас, даже погруженных в анабиоз, то умные машины биотрона немедленно притормозят полет, помогая механизмам управления высчитать новый режим полета, а если будет острая необходимость, то и возвратят ракету на Землю.

Вместе с тем сигнализирующие устройства биотрона передадут на Землю все данные о нашем самочувствии и в том случае, когда все будет в порядке. Но для всего этого биотроны должны «знать» каждого из нас и записать в своих запоминающих агрегатах нужные данные. Боб еще не успел познакомиться с биотронами, и потому он сейчас послушно лег на свое необычное ложе.

Минут через пятнадцать зеленый глазок автоматов мигнул и разрешил Бобу встать.

— Ну вот, — сказал Глебов, — вы уже взвешены, обмерены и проанализированы.

5

... Двенадцать часов ночи.

Приехали члены правительства. Пока комиссия по организации полета занималась последними приготовлениями к старту, состоялся... Я чуть не написал «митинг». Но это было нечто иное, еще более торжественное и вместе с тем теплое, дружеское. Последние интервью.

Потом перед дальней дорогой, по русскому обычаю, мы все уселись и помолчали. Никто из нас не смотрит на часы, но я слышу, как идет время по сужающейся тропинке, чувствую его как человек, просыпающийся без будильника в назначенный час...

Увижу ли я тебя, родная планета? Кто встретит меня? Дети? Правнуки? Когда это произойдет, если счастье будет нашим добрым водителем на пустынных дорогах Мироздания?

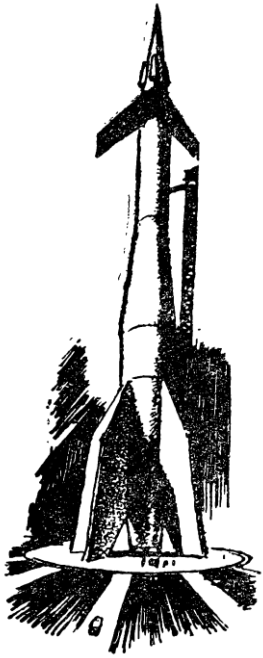
Каковы особенности пространства и времени, разделяющие нас и Гаяну? Что сулит нам бесконечное многообразие природы? Кто знает... Между вопросом и ответом, сомнением и надеждой подчас глубокая пропасть без мостов и трамплинов.

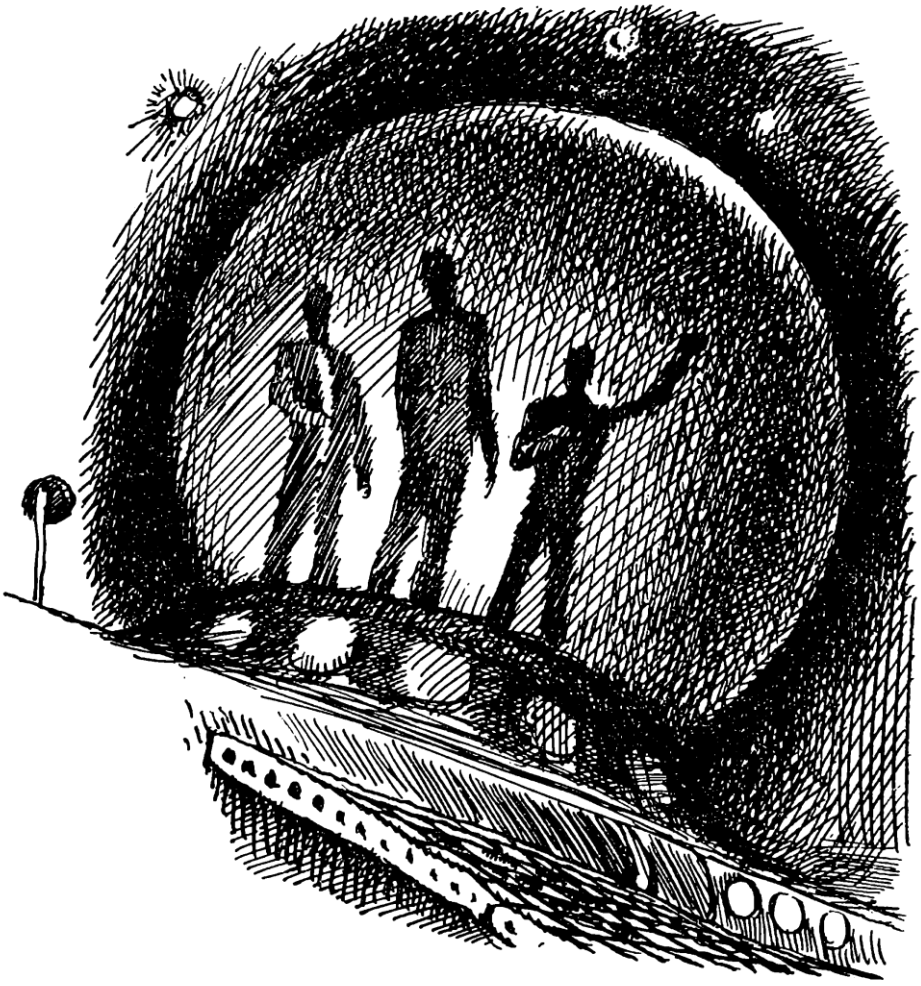
В Московском часовом поясе шагает третье декабря. В час ноль четыре — старт... Происходящее кажется холодным и страшным до ужаса, будто я прирос пуповиной к планете, и кто-то силится оторвать меня от нее.

Ищу успокоения в размышлениях о том, что мы и в космосе будем живой частицей Земли, что нет более почетной и возвышенной миссии, чем наша.

Сегодня мы отправимся в полет дружбы и мира, к народу, который, возможно, ждет нас и уж во всяком случае будет рад встрече с посланцами Земли. И я знаю, что мы пройдем сквозь испытания, не осквернив тех, кто доверил нам совершенные творения своего ума, кто мысленно сейчас с нами, кто от всей души желает нам счастливого пути!

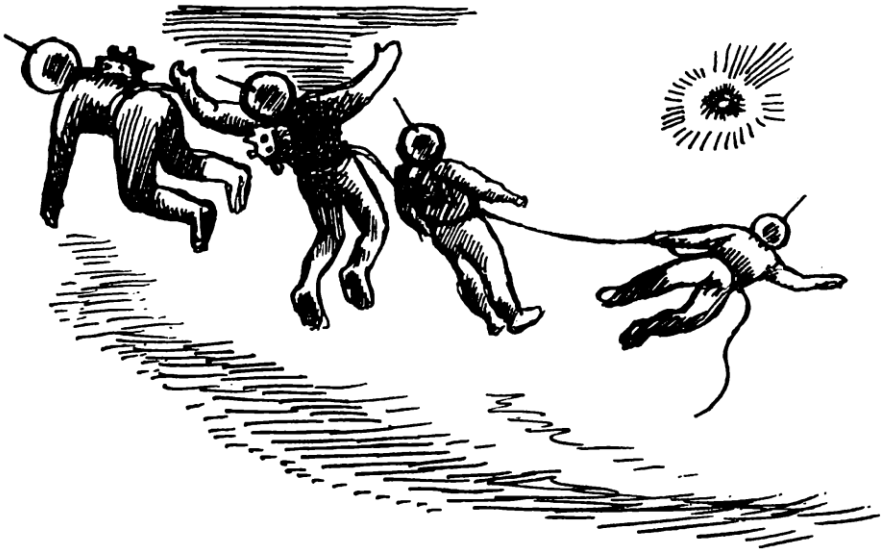
Последние секунды расставания настигли нас у подъемного лифта. Я обнял жену за плечи, и мы взглянули на юг. Над горизонтом взошло гигантское созвездие Ориона, и нам показалось, будто мы отчетливо видим не только маленькую звездочку, которая так прозаически зарегистрирована в каталоге — 13-я Ориона, но и ту планету, к которой влекла нас мечта...





ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПАРАДОКС ГЛЕБОВА



Я счастлив: не безумен и не слеп.
Просить судьбу мне не о чем. И все же
Пусть будет на земле дешевле хлеб,
А человек немножечко дороже
Расул Гамзатов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Космический Робинзон

1

Необъятная материя окружает нас!

Мириады галактик рождаются и умирают, носятся по своим, казалось бы, причудливым, но единственно возможным траекториям.

Природа не любит единичности. Все — от атома до человека — она создает массовыми тиражами. Так было, да так бы осталось и в дальнейшем, если бы.

Во всяком случае, не по ее вине обстоятельства однажды сложились так, что в Галактике появился звездолет «Ар» («Жизнь»), в корпусе которого находился единственный обитатель, мальчик Ло, потомок смелых гаянских звездоходов.

Экипаж звездолета не вернулся из космоса. Часть его осталась навсегда на далекой планете, другие, уже на пути домой, заделывая снаружи раны в обшивке, попали в зону таинственного смертельного облучения за бортом. Последним тогда погиб биолог Ло. Он еще имел в себе достаточно сил, чтобы проникнуть в звездолет, где была его жена Нао с новорожденным сыном, но... не сделал этого, потому что сам стал носителем убийственного излучения, грозой всего живого.

Ло сказал по радио что-то ласковое, прощальное жене и выключил рацию, боясь, как бы ответные слова Нао не повлияли на его решение Затем связал безжизненные тела товарищей, как и он, замурованных в скафандры, и, увлекая их за собой, навсегда исчез в пространстве.

А звездолет, управляемый точнейшими автоматами, попрежнему летел с околосветовой скоростью на Гаян

2

Рядом с Нао лежал маленький гаянец, названный именем отца. Но силы ее таяли, и даже материнская любовь не могла их сохранить.

И тогда Нао стала готовиться. Она дала свое имя Главному управляющему устройству, ведавшему кибернетикой корабля. Неторопливо и продуманно программировала она «тезку», поручая кибернетике воспитание Ло.

А потом свет разума угас в ее глазах. Умственное расстройство, вначале понимаемое ею и хоть в какой-то мере сдерживаемое, теперь стало стихийным, бесконтрольным.

В один из приступов безумия Нао надела скафандр, вышла в космос, включила маленький заплечный двигатель и умчалась в ту сторону, где она все еще надеялась найти любимого живым или мертвым.

Ло было в ту пору от роду пять месяцев.

3

Миллионы задач — простых и комплексных — способна решать кибернетика звездолета. Но никому на Гаяне не приходило в голову готовить ее... к роли матери. Да и где найти ей тепло, равноценное материнскому теплу? Какая машина сможет излучить живую человеческую ласку? Кто вывел уравнение родительской любви или сыновнего чувства?

Нигде и никто!

Но самой механической «Нао» воспитание Ло казалось несложным. В ее памяти хранилось столько знаний! Они накапливались усилиями лучших умов Гаяны, и их должно хватить на согни таких сопливых мальчишек, как Ло.

Однако жизнь человека — штука сложная. Не случайно гаянцы о существовании растительного и животного мира говорят «ар». Но жизнь человека называют «аруан»: «ар» — собственно жизнь, «у» — союз «и», последнее же слово «ан» означает интеллект, духовный мир человека. (Отсюда произошло и традиционное на Гаяне обращение друг к другу — без различия пола и возраста — «ани», с ударением на конце слова.)

«Нао» в совершенстве создавала среду, необходимую для жизни: чистый воздух, температуру, излучения, готовила пищу, заботилась о комфорте, угадывала и удовлетворяла желания каждого члена экипажа.

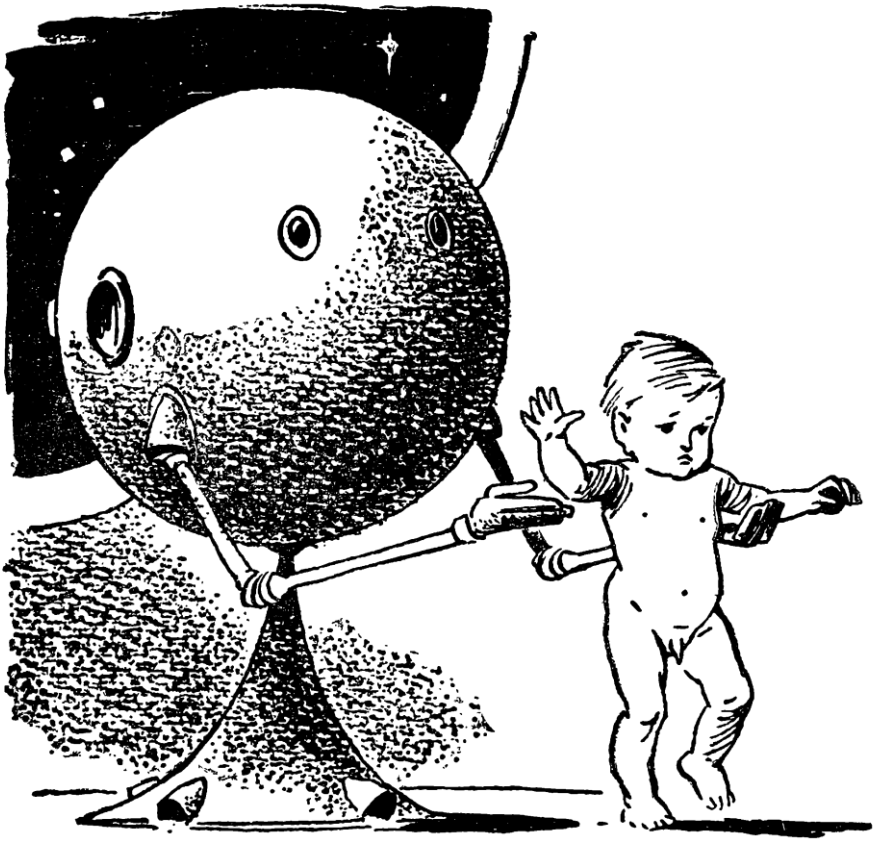
Так было, когда ее основной заботой являлся «ар»... Теперь она осталась вдвоем с крошечным гаянцем, один на один, и слово «аруан» — одно из самых емких в гаянском языке — стало не только программой, но и объектом бесконечного изучения...

Когда приходило время ребенку спать, «Нао» создавала невесомость — в природе не было более удобной постели для малютки. Такой же простой процедурой было купание, тем более что Ло полюбил его, а простынок или пеленок не требовалось вовсе, ибо всегда имелось вдоволь ласкового теплого воздуха, обвевающего его.

Труднее приходилось с питанием, но машина ловко вышла из положения. Она использовала шаровидные тюбики с питательным веществом, придав выходному отверстию вид обычной соски.

Мудрая «Нао» следила за тем, чтобы ребенок побольше ползал, зорко охраняла его от ушибов. Это забавляло обоих. Мальчик инстинктивно стремился расширить для себя «жизненное пространство», а «Нао» пыталась вычислить и предугадать, куда, с какой скоростью и насколько далеко заползет Ло. И хотя расчеты велись с колоссальной быстротой, «Нао» в конце концов пришлось прибегнуть к статистическому методу и вывести «коэффициент неопределенности». Мальчик оказался энергичным и свел на нет попытки «Нао» создать динамическую теорию его странствий на четвереньках по звездолету.

Используя телепатическую аппаратуру, «Нао» «проникла» в мозг Ло, но там она обнаружила лишь зачатки мыслей и несколько самых элементарных чувств. Умей она рассуждать, у нее сложилось бы весьма нелестное мнение не о человеке вообще (она хранила в своей памяти записи интеллектов взрослых членов экипажа!), но об этом мальчике.



Однажды «Нао» угадала в Ло желание вслух попросить пить и мгновенно подсказала нужное слово...

С той поры Ло стал учиться языку, и «Нао», заговорив голосом его покойной матери, превратилась в педагога.

4

Ло интересовало все: бытовые предметы и приборы, сложные механизмы и растения — все, что попадалось ему на глаза. «Терпение» машины было неистощимым, во всяком случае,

равным неуемному любопытству мальчика, что и требуется от педагога.

Поиски «Нао» лучшей методики объяснений привели ее к необходимости вывести «коэффициент усвояемости». В формулу вошло несколько компонентов, но машине удалось найти верный путь: от простого к сложному. В этом случае «коэффициент усвояемости» достигал наибольшего значения. «Нао» даже взялась составлять программу обучения Ло.

Но эта работа оказалась ей не по зубам, и «Нао» все чаще просто рассказывала мальчику о Гаяне, показывая по телепатону [7] природу планеты.

Увидев как-то по телепатону детей, идущих в красивое прозрачное здание, Ло спросил:

— Кто это, Нао?

— Ученики. Мальчик задумался, но сам не смог понять значения нового слова «Нао» долго разъясняла ему.

— Я тоже хочу учиться, — сказал Ло. — В школе.

— Здесь нет ее.

— А я хочу...

— Просто «хочу» — это неразумно, а в наших условиях — бессмысленно.

— Мне это нужно, Нао, — тихо и умоляюще произнес Ло.

— Это верно, — похвалила «Нао». — Но я не знаю, с чего начинать.

— А ученики знают?

— У них учителя, — ответила «Нао», и ей пришлось объяснять, что это такое.

— А откуда знают учителя, как и чему учить?

— Для этого имеются особые программы. Мальчик привстал с кресла и взволнованно спросил:

— А ты знаешь их?

— Я знаю все, что имелось на Гаяне до нашего отлета...

— Так учи меня по школьной программе, Нао! — воскликнул Ло. — Не надо выдумывать другую...

Так впервые, еще не сознавая этого, мальчик стал программировать своего механического наставника. Теперь-то дело у них пошло скорее.

В шесть лет Ло научился бегло читать и считать. Легче всего мальчику давались математика, логика, философия. Труднее — природоведение.

— Неужели все то, что ты показываешь мне по телепатону, существует, Нао? — допытывался он. — Планета Гаяна, люди, животные, птицы?

— Существует, Ло, и независимо от твоего сознания. — Но почему люди есть маленькие, как я, и... большие?

— Вырастешь и тоже станешь взрослым.

— Тогда отчего ты не растешь? Я все время вижу твое шарообразное тело, сигнальные огни и щит программирования одинаковыми?

— Я машина.

— И умнее меня!

— У меня нет ума, я храню знания, выработанные умом человека.

— Так дай их мне все сразу, чтоб я все знал!

— Ты, итак, проходишь программу, обычную для подростка тринадцати-четырнадцати лет, а тебе сейчас девять.

Еще более замысловатым для мальчика вопросом было: откуда берутся люди?

«Нао» не спешила — в школьной программе пока еще не было такой темы. Она отвечала: «От родителей...»

— И у меня они есть?

— Были, — пояснила «Нао». — Здесь. А сейчас их нет. Я расскажу, когда настанет срок, указанный твоей матерью.

5

В тот памятный день Ло был в особенно приподнятом настроении. Он решительно обратился к своей наставнице:

— Сегодня мне исполнилось десять лет, Нао, я жду рассказа о моих родителях.

— Рано, — возразила «Нао», — осталось еще семь часов тридцать восемь минут.

Ло по опыту знал: «Нао» неумолима.

Наконец телепатон включен, и перед Ло развернулись картины экспедиции на звездолете «Ар».

Отлет с Гаяны и полет к цели занимали его не очень, многое было знакомо. «Нао» показывала ему по телепатону чуть ли не всю историю гаянской космонавтики.

Но он никогда не видел свой звездолет со стороны, и «Нао», угадав его желание, показала ему кадры, на которых был «Ар» в разных ракурсах — на старте и в космосе.

Экспедиция состояла из девяти гаянцев. Ло с любопытством всматривался в изображение каждого, пытаясь угадать, кто его отец. «Нао» бесстрастно сообщала:

— Командир звездолета Бур... Астронавигатор Нэт... Биолог Эр... Младший биолог Ло — твой отец... Нао — твоя мать.

Эти кадры стояли перед мысленным взором Ло дольше остальных. Внешне он ничем не выдал своего волнения, просто смотрел и думал.

«Куда и зачем они летят?» — подумал мальчик, и «Нао» ответила на его немой вопрос.

Если провести мысленно линию от центра Галактики к Гаяне и дальше, то где-то на окраине она упрется в новую звезду, обнаруженную гаянскими астрономами. Родилась она здесь или является залетной гостьей? Чтобы установить это, решено было отправить экспедицию Бура на звездолете «Ар» ...

Расчеты аномалии, какую внесла в движение соседних светил Зора (так окрестили на Гаяне эту звезду), показали, что гаянцы имеют дело с «иностранкой».

Появление залетных звезд в Галактике наблюдалось и раньше, но еще никогда ученые не могли вот так непосредственно изучать их.

Теперь они получили такую возможность...

Однако сколько хлопот появилось у наших звездоходов! Скажем, авторитетнейшие умы Гаяны утверждали: всякая залетная звезда обязана быть похожей на звезды родственного класса нашей Галактики. Иными словами, природа ничего нового тут не придумает.

Конечно, «авторитет — это психология», любят говорить гаянцы, но и не считаться с ним — все равно, что удить рыбу пальцем: можно остаться без пальца и без рыбы...

Так вот, о Зоре...

Ее физическая природа имела немалое отклонение от ожидаемых свойств. Яркость ее, несмотря на стремительное приближение к ней звездолета, не увеличивалась, а оставалась почти неизменной! Вывод один: Зора — угасающая звезда, но время ее угасания соизмеримо со скоростью полета «Ара». То есть, если бы удалось наблюдать ее сейчас с неподвижной точки, Зора меркла бы, что называется, на глазах.

— Слишком быстро все это, — удивлялся астронавигатор Нэт. — Если учесть ее солидную массу, то приходится признать, что в Галактике до сих пор не наблюдалось подобное. А по всем остальным признакам Зора — самая обыкновенная звезда шестой величины, каких уйма вокруг нас. Но ведет она себя поиному.

— Подождем еще, — ответил Бур.

У Зоры была обнаружена всего одна маленькая планета, с атмосферой, плотность которой, в первом приближении, соответствовала плотности гаянской атмосферы на высоте 10–15 километров.

Выбрав круговую орбиту удаленностью 190 миллионов километров от светила и 10 миллионов километров от планеты, которую, с общего согласия, Нао окрестила Эдой, то есть Одинокой, Бур пересел в малую, десантную, ракету и с тремя товарищами покинул звездолет.

Догнать Эду и перейти на посадочную траекторию, конечно, не представляло труда. Вскоре космонавты получили возможность осмотреть ее с высоты всего 100–120 километров.

Под ними находился ледяной шар, опоясанный по экватору почти сплошной лентой материка, большей частью ровного и лишь на северной половине бугрившегося невысокими белыми горами.

Они насчитали более семисот городов, но без каких-либо признаков жизни. Казалось, это застывшая планета. В некоторых местах материкового пояса планеты виднелись космодромы, именно космодромы, а не остатки их. Бур выбрал наиболее подходящий, с его точки зрения, и произвел посадку...

Да, Эда — застывшая планета, закованная в лед, явно покинутая теми, кто создавал ее цивилизацию. В полдень, напоминавший зимний вечер на Гаяне, Бур и биолог Эр вышли из ракеты. Ясное тусклое небо рассеивало лучи угасавшей Зоры. Все вокруг было покрыто инеем и жестким, хрупким снегом либо тяжелым, мутным льдом...

... Астронавигатор Нэт, замещавший Бура на звездолете, нервничал: связь, несмотря на превосходную аппаратуру, то и дело нарушалась.

Не скоро удалось ему принять сравнительно подробное известие с Эды. Оно было удивительно, и Нэт не сразу поверил в его реальность.

— На нас постоянно действует двукратная перегрузка, а Причины ее не понять. Мы нашли остатки высокой цивилизации, — рассказал Бур. — Планета покинута аборигенами, улетевшими на новое местожительство. Кое-кто остался, но их уже нет в живых... История планеты наглядно показана в микрофильмах, просмотренных нами... Сравнивая счет

времени с нашим, мы пришли к выводу... Вся их культура... развивалась на протяжении... нескольких наших веков. Это сверхгении! Здесь все маленькое, мы попали в мир лилипутов...

Связь снова оборвалась и на этот раз более трех месяцев не возобновлялась. Нэт уже готовился перейти на спиральную орбиту, чтобы сократить расстояние до Эды, когда от Бура пришло новое сообщение, на этот раз тревожное. Около часа между звездолетом и группой Бура велась телевизионная связь.

Ло с удивлением всматривался в незнакомые лица начальника экспедиции и его спутников. На Эду улетели четверо молодых космонавтов — с экрана же телевизионной установки смотрели растерянные седые старики.

— Улетайте домой! — приказал Бур. — Более непонятного и загадочного не было в природе... Здесь, на Эде, время имеет свои, автономные законы! Мы живем так стремительно, что уже нашли в себе все признаки биологического старения... Фактически нам теперь сотни лет каждому! Металл, пластические массы — короче, все вещество нашей ракеты, ее оборудование и аппаратура связи стареют с еще большей скоростью... Усталость вещества, поздно обнаруженная нами, не позволит конструкциям выдержать силовые напряжения старта. Я приказываю тебе, Нэт, уходить с орбиты и взять курс на Гаяну. Слишком все здесь непонятно: неразумно продолжать исследования Мы передадим вам наши материалы, если успеем, — и отправляйтесь!..

— Что это, Нао? — почти крикнул Ло.

— Пока никто не знает, почему так произошло, — ответила машина, — но все это действительно было: время на планете, в окрестностях Зоры, свое, ускоренное, в сравнении с временем на нашей Гаяне.

Потом Ло снова и снова возвращался к только что описанным кадрам, привыкая к ним, запоминая каждое слово.

Но нашелся еще эпизод, увиденный им в дневнике уже. на теперешнем курсе «Ара», на пути звездолета домой, оказавший на воображение мальчика даже более сильное действие.

Это случилось как-то во время дежурства нового руководителя экспедиции, астронавигатора Нэта.

Сперва рядом со звездолетом в космическом пространстве появилось светящееся объемное изображение человекоподобного существа, большеголового, пучеглазого. Оно летело за бортом и указывало рукой в направлении ядра Галактики... И не ясно было: то ли оно приглашало изменить направление полета, то ли хотело сказать этим жестом, что само явилось оттуда. Затем оно свободно проникло сквозь обшивку звездолета в кабину Нэта, но теперь стало темным, точно дым от лесного костра. Оно повторило жесты и исчезло.

Нэт разбудил товарищей и рассказал им о своем видении. Нэт назвал его «Зовущим к Ядру». Он не очень обижался, когда товарищи отказывались верить.

— Это тоже правда, Нао? — спросил Ло.

— Не знаю, — ответила машина. — Я показала тебе телепатическую запись рассказа самого Нэта: как это все виделось ему.

— А ты? Ты сама ничего... не видела?

— Нет. Возможно, это было нечто новое, не регистрируемое моими приборами.

«Зовущий к Ядру» стал для мальчика олицетворением легенды, сказки. Он полюбил его и часто сочинял истории, как бы продолжающие то, о чем рассказал астронавигатор Нэт.

Но столкновение с метеоритом, приведшее Ло к одиночеству, он ни разу повторно не смотрел...

6

— Я хочу выйти в космос, — однажды сказал Ло.

Он не спросил теперь, можно ли ему покинуть звездолет, а уверенно продиктовал свою волю машине, и «Нао» признала его право.

С ее помощью Ло, уже рослый одиннадцатилетний мальчик, облачился в скафандр и через особый отсек вышел наружу...

Он стоял на открытой веранде, опустив руки на перила. Звездолет неподвижно висел в Пространстве, и только далекие звезды едва заметно изменяли свое положение.

Ло не испытывал головокружения при виде Пространства, зеленовато-черного, усеянного разноцветными огоньками: все было уже знакомым.

Ло неторопливо оглядывался, определяя свое отношение к окружающему, но мысли путались и в ушах почему-то стала звучать странная мелодия.

«Нао», наблюдавшая за ним, излучила в его мозг мелодию, словно продолжающую его собственную и уж во всяком случае соответствующую его настроению.

— Что это, Нао? — вслух спросил Ло.

— «Космическая симфония», написанная твоей матерью, — ответила машина.

С этой минуты Ло на всю жизнь полюбил музыку. Многое имело для. него преходящую ценность, порой он остывал даже к космосу. Но музыка... Ей он оставался верен всегда!

7

А время шло. Правда, не так быстро, как на наших страницах. Шло, не пропуская ни мельчайшей доли секунды, будто нанизывая на ось полета корабля день за днем и год за годом.

Приближался момент встречи Ло с незнакомой ему родной планетой.

Ло знал, изучал ее по телепатону, но не мог предоставить, что такое реальная природа его планеты, ее облик. Иногда ему казалось, что все на Гаяне проницаемо и он сможет, как-то большеголовое существо, свободно проходить сквозь стены.

На Гаяне хорошо помнили, как более двухсот лет назад была отправлена экспедиция к окраине Галактики.

И все же каждодневные события настолько заслонили многое из прошлого, что первые позывные, посланные «Нао» и принятые Космическим центром планеты, еще не произвели фурора сами по себе: Гаяна привыкла к таким вещам.

Зато известие, что единственный обитатель «Ара»— двенадцатилетний мальчик Ло, родившийся в звездолете и воспитанный машиной, взволновало всех без исключения.

В истории гаянской литературы нет произведения, эквивалентного нашему «Робинзону Крузо», тем необычнее прозвучало все это, тем резче врезалось оно в мозг каждого — ребенка и взрослого.

«Нао» едва успевала отвечать на вопросы. Председатель Народного Совета, Ган, объявил о специальном заседании, на котором предстояло рассмотреть необычные обстоятельства и решить дальнейшую судьбу мальчика.

Меж тем Ло уже лежал в биотроне, погруженный в анабиоз: «Нао» выводила звездолет на посадочную орбиту, и мальчик не перенес бы на ногах возникавшие при этом перегрузки...

8

Открыв глаза, Ло увидел себя в знакомой обстановке и несколько успокоился.

— Мы уже дома, Нао?

— Да, — ответила машина.

— На Гаяне?

— Да.

— И я увижу ее?

— Если хочешь.

— Хочу, — и мальчик вылез из биотрона. Автоматически открылась дверь в кабину, где происходил этот разговор, вошел высокий седой гаянец. Ло невольно отступил.

— Здравствуй, Ло, — ласково произнес незнакомец, поднимая в знак приветствия левую руку ладонью вперед. — Меня зовут Ган. Я рад познакомиться с тобой.

Ло медленно подошел к нему и с опаской дотронулся.

— Че-ло-век, — растягивая слога, произнес он. — Такой же, как я... Взрослый...

Ган осторожно обнял мальчика, почувствовав, как напряглось его тело.

— Не торопись, Ло, — говорил Ган. — Привыкай ко всему постепенно. У нас много таких же детей, как и ты...

— Я их увижу?

— Конечно. Мы покажем тебе родную планету, а потом ты станешь учиться вместе со всеми и выберешь себе профессию.

— А как же... Нао?

— Если хочешь, она будет всегда в твоем доме, ты будешь жить с ней.

— Очень хочу, ани. Можно и ей отправиться со мной в путешествие?

— В этом нет необходимости, Ло. Где бы ты ни находился, ты всегда сможешь установить с ней прямую связь...

Ло повернулся к машине.

— Ган сказал точно, — подтвердила «Нао». — Неразумно нам ездить вдвоем: у меня тяжелая и сложная конструкция.

— Пойдем в лифт, Ло, — предложил Ган. — Сейчас хорошая погода. Тебе понравится твоя планета...

9

Ликование, восхищение и безграничное удивление захлестнули Ло при виде панорамы острова-космодрома.

Пространство он наблюдал не раз и выходя в космос. Но там оно вызывало иное чувство. Оно было таким далеким и огромным, неизменным, что казалось оптическим обманом или скорее каким-то «психологическим аттракционом». Здесь же, на Гаяне, оно было отчетливо прозрачным, а не просто «пустым», несомненно, бледно-голубым и вместе с тем золотистым.

Впервые в жизни Ло шагнул в реальный, а не выдуманный мир таких величин. Все окружающее его имело, оказывается, различные размеры, и он, не зная их, сразу определял, что больше, а что меньше, и даже приблизительно мог сказать во сколько раз...

Ло легко догадался, что единица измерения находилась где-то в нем самом, и это обстоятельство показалось ему одновременно забавным и достойным в дальнейшем особого внимания и изучения.

«То, что я видел в звездолете, — размышлял Ло, — приучало меня к пониманию сущности объема предметов, но уж никак не давало мне масштаба вот этой окружающей меня сейчас перспективы. Откуда и он во мне?»

Власть света, чистые цвета гаянской природы взволновали его, он точно дышал этим прозрачным светом, впитывал в себя яркие тона красок. И лишь потом в сознание его стали входить первые звуки родной планеты — легкий посвист ветра в башенных фермах, мягкий рокот океана, гортанные крики изящных темно-коричневых птиц, стремительно вираживших над его головой, радостные голоса людей, теснившихся внизу.

Сойдя на землю, Ло сделал несколько шагов и замер в смятении... К нему приближалось совсем необыкновенное

существо: одного роста с ним, стройное, тонкое, с приятным удлиненным лицом, с очаровательными длинными ушками. Золотистые глаза существа светятся любопытством, торжеством. Волосы цвета старой бронзы загнуты колечками на уровне худеньких загорелых плеч. Маленький рот приоткрылся в улыбке. В левой руке, протянутой к нему, был крупный «цветок победы», с острыми белыми кинжальными лепестками: так принято на Гаяне начинать ритуал встречи возвратившихся из далеких странствий космонавтов.

— Здравствуй, ани! — сказала девочка. — Мы приветствуем тебя на родной планете и желаем счастья!

Ло машинально взял цветок и, не спуская с нее изучающего взгляда, спросил:

— Кто ты, ани?

— Меня зовут Юль, — ответила девочка и, помедлив, добавила — Юль Роот.

Ло вспомнил: в длинные годы, проведенные им в звездолете, «Нао» часто рассказывала ему об истории космических полетов Гаяны; при этом не раз упоминалась фамилия Роот — самой обширной династии среди космонавтов.

Ло осторожно коснулся ее плеча, рук, ощупал ее голову, убеждаясь, что это все не видение.

Юль усмехнулась, глаза ее озорно блеснули, она что-то хотела сказать, но всезнающая «Нао», хотя и находилась внутри звездолета, оберегала своего питомца — машина мгновенно излучила в мозг девочки категорическое приказание, и девочка, как говорят земляне, прикусила язык.

— Здравствуй, Юль, — наконец ответил Ло на приветствие. — У тебя много детей?

«Нао» не успела вмешаться в разговор, и Юль откровенно рассмеялась.

— Разве ты не видишь — я маленькая, — ответил она. — Я еще не имею детей.

Ло хотел спросить: «Но ведь ты можешь иметь их?», однако на этот раз машине удалось остановить мальчика.

«Нао» рассказывала Ло, как рождаются звезды и планеты, растения, птицы, а мальчика все больше интересовало происхождение не человечества, а каждого человека в отдельности. Но машина скорее всего и сама не знала этого, в ее программе были заложены иные сведения.

— А сейчас, Ло, — сказал Ган, — пойдем, я познакомлю тебя с остальными.

Мальчик неохотно подчинился: его все еще тянуло к машинам, механизмам Людей он побаивался. Юль— другое дело.

Признаться в этом Гану он постеснялся. «Может быть, скоро я снова увижу ее», — подумал Ло.

Впрочем, представление о времени он сейчас утерял и не заметил, что почти час провел у входа в лифт, осматриваясь и привыкая к облику планеты.

Сейчас же Ган заботливо, но настойчиво ускорял ход событий: несколько лучших психологов и педагогов Гаяны уже успели познакомиться с самым необыкновенным в истории планеты мальчиком и молча, советуясь друг с другом или перебрасываясь короткими фразами, включились в руководство дальнейшей жизнью Ло...

10

Путешествие предполагалось начать через неделю, но на второй день утром, едва проснувшись, Ло заявил о своем желании увидеть «все, что можно».

Его новые наставники отнеслись к его просьбе одобрительно, но сами не рискнули принять решение Лишь после того, как «Нао» заверила их, что мальчик готов к восприятию новых впечатлений, было объявлено: путешествие начнется сегодня же, после завтрака!

— Наша планета, — рассказал географ Мит, — имеет два материка, как тебе, конечно, известно: Урел и Гурел.

Ло вспомнил, что первое слово означает «легкий», а второе «тяжелый», и признался:

— Я только не знаю, почему они так названы. Мит засмеялся:

— Точно и я не знаю они названы так давно. — В учебнике географии, написанном много лет назад, я в шутку предположил, что древние догадывались о «центробежном балансе планеты» ... Урел, на котором сосредоточено основное население Гаяны, много обширнее малонаселенного, гористого и труднопроходимого Гурела. Расположены же они по экватору — друг против друга. Следовательно, поскольку вращение Гаяны плавное и равномерное, остается заключить, что маленький материк тяжелее большого — это уравновешивает центробежные силы. Еще имеется около тысячи островов, из которых самый большой — на Южном полюсе.

— Мы начнем с малого материка7 — спросил Ло.

— Как хочешь Тебя интересует его дикость и непроходимость7 Какой вид передвижения тебя устроит?

— Все, — улыбнулся Ло.

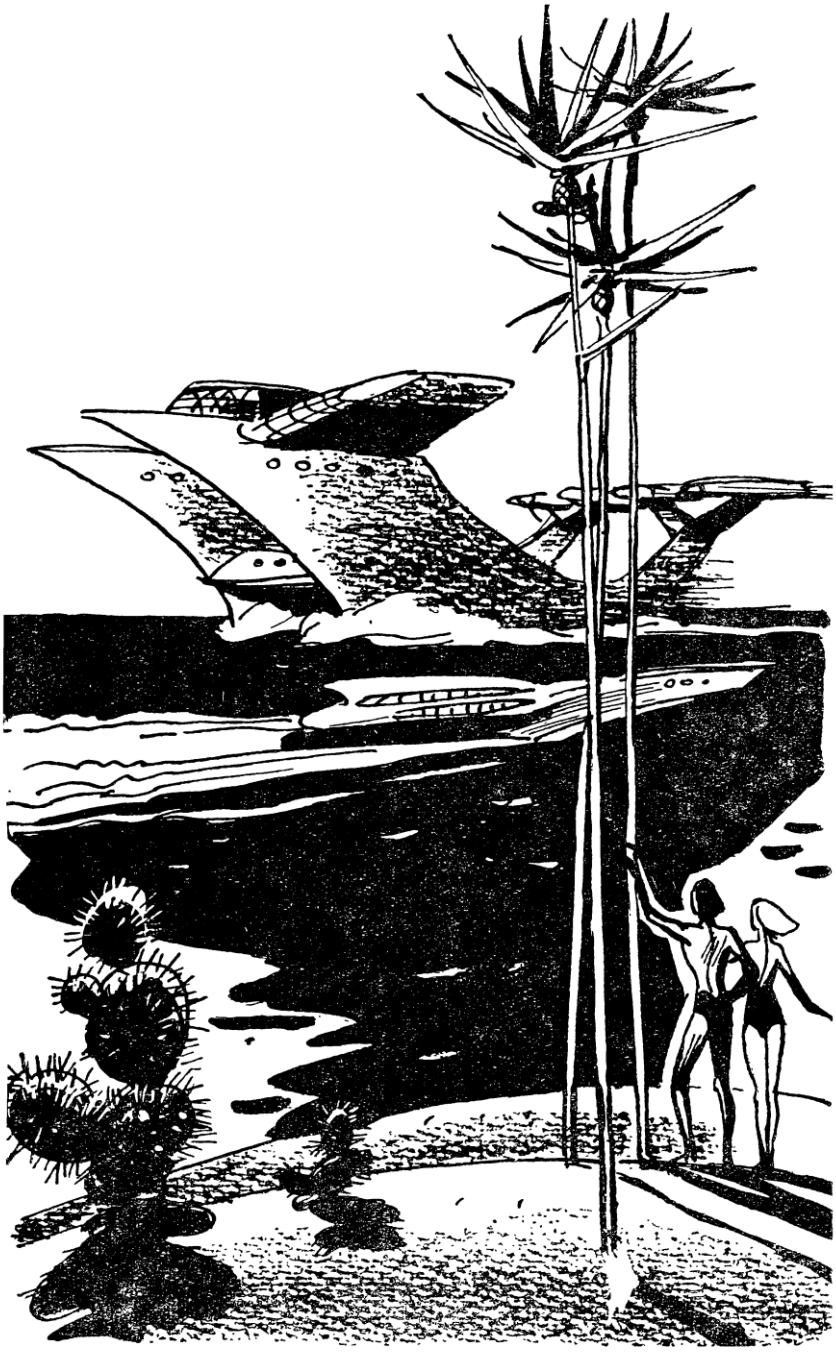
Мальчику сказали, что вместе с ним отправляются молодые гаянцы — лучшие ученики, имеющие право на традиционное кругосветное путешествие.

— Нам будет веселее, — согласился мальчик. — А... Юль — тоже?

— Нет, она путешествовала в прошлом году.

Ло ничем не выдал разочарования. Он и сам не понимал, что с ним происходит и почему образ золотоглазой Юль становится его невидимым и приятным спутником...

У пристани их ждал гигантский катамаран, напоминавший самолет. Сходство придавали не подводные крылья, скрытые от взора, а толстое самолетное крыло, как бы накрывшее



сверху оба плавучих корпуса корабля, возвышающихся над водой метров на двадцать.

В корпусах находились двигатели, горючее, основная кибернетика и груз. В толстом, почти прозрачном крыле — пассажирские кабины, спортзалы, сад для прогулок.

Посадка производилась с помощью длинного пассажирского транспортера, на широкой и плотной ленте которого могло уместиться человек 150.

— Старое судно, — объяснили Ло, — но удобное для туристских походов школьников.

Катамаран легко приподнялся и лег на курс. Чем больше нарастала скорость, тем выше поднимался он, пока часть нижнего подводного крыла не оказалась чуть выше поверхности океана, а в прямоугольном вырезе его образовался бассейн для плавания.

Катамаран шел без толчков и провалов, точно по струне, без шума двигателей, овеваемый сырым океанским ветром.

Ло часами лежал на животе и наблюдал сквозь прозрачный пол каюты, как плотная вода расступалась перед остроносыми корпусами старого океанохода, любовался коричневыми телами купающихся в бассейне и греющихся под жаркими лучами на мягких матрацах.

Все это он видел и в звездолете, по телепатону, но только сейчас убеждался, что мир и в самом деле может существовать без него и вне его сознания, как говорила: «Нао».

«А где-то, — думал Ло, — есть другие планеты, с другими людьми... Где-то летят звездолеты, и те, кто находится в них, живут по-иному... Они не видят этого... не знают Юль...»

Глядя на зубчатый горизонт, он не сразу понял, что это материк — Гурел. Перед ним, точно вырастая из воды («всплывая», — подумал он), появилась темно-зеленая горная гряда с белыми, заснеженными вершинами и светлой полосой побережья.

— В порту их встречало множество людей, но, как и в плавании на катамаране, как и вообще во всем путешествии, никто не докучал ему расспросами. Напротив, каждый старался не лезть ему на глаза, довольствовался тем, что находится неподалеку от него, изредка имея возможность вблизи глянуть на Сына Космоса, воспитанного машиной.

В порту они пересели в электромобиль и помчались на туристскую базу. Пластмассовое тело дороги на этом участке почти не имело изгибов. Быстрая езда стала следующим сильным впечатлением мальчика. Ничего подобного он не испытывал в звездолете, и ощущение свободы, необъятности заслонило все, что было им пережито раньше: теперь он, кажется, стал по-настоящему понимать, что такое его планета.

Дорога пересекала живописные долины, тихие темные озера, над которыми висела на упругой воздушной подушке, создаваемой бесшумными моторами, взбиралась на холмы, стрелой пронизывала светлые туннели, а в одном месте, поддерживаемая двумя вертолетами, превратилась в желоб и опиралась лишь на скалистые вершины по краям глубокого ущелья...

Глянув вниз, Ло понял, что такое высота. Он было откинулся на спинку сиденья, но тут же вновь посмотрел в километровую глубину и засмеялся.

— А если вертолеты выйдут из строя? — спросил он.

— Сработают аварийные реактивные двигатели (они сейчас под нами), а дорога временно закроется, — ответил Мит. — Но такого еще не бывало...

За ущельем электромобиль сбавил ход. Дорог круто повернула влево, побежала вдоль берега глубокого озера, сжатого высокими горами. На берегу, в нескольких местах, шла горячая работа: маленькие зверьки с гладкой черной шерстью подгрызали ровные деревца у основания; толстые длинные змеи собирали в кучу уже «спиленные» таким образом стволы и

обхватывали их своими телами, словно канатами; крупные темно-серые животные с большими добродушными вытянутыми мордами подходили и подставляли спины; другие звери, длинношеие, ярко-желтые, осторожно взваливали на них «связки» стволов — и караван отправлялся в путь.

Роль «строителей» и «монтажников» на стройплощадках исполняли проворные четверорукие обезьяны. Земляные работы вели маленькие зверьки: земля так и летела из-под их лап. Птицы крепили ажурные крыши домиков, сплетенных из тонких, гибких прутьев.

Поодаль колдовали над приборами и чертежами мальчики и девочки.

— Что это? — спросил Ло.

— Соревнование юных натуралистов, — объяснили ему. — Под влиянием особых излучателей животные каждой команды строят плотину, дом или роют туннель — в зависимости от «задания». Чтобы выиграть соревнование, надо заставить своих животных закончить стройку в кратчайшее время. Здесь много остроумных, неожиданных вариантов.

Дорога стала заворачивать еще круче и нырнула в туннель с прозрачными стенами, проложенный по дну озера. За стенами величественно плыли большие веретенообразные морские животные, раскручивавшие барабаны с кабелем. Гибкие золотистые рыбы с щупальцами старательно растягивали кабель и укладывали его на дно, явно по какой-то схеме. Мелкие рыбешки забрасывали его илом, а медлительные крабы, закованные в черные и зеленые панцири, либо совсем прозрачные, приносили откуда-то яркие водоросли и укрепляли их над кабелем, отмечая живыми вехами его положение.

Электромобиль выскочил из туннеля, преодолел несколько изгибов дороги, ставшей теперь уже ярко-голубой, и Ло увидел коттеджи.

— «Городок бутончиков», — пояснил Мит.

— Бутончиков?!

— Ах, да ты, наверное, не знаешь... Так называют у нас новорожденных младенцев. Некоторые из них появляются на свет слабыми, болезненными. Здесь их лечат, и они возвращаются потом в родные места окрепшими, не хуже других!

— Я тоже был «бутончиком», — весело сказал Ло.

— То обстоятельство, что тебя вырастила машина, очень пригодится: опыт «Нао» будет использован здесь, а возможно, и в других местах...

Наконец и турбаза.

Ночь провели в отеле, но Ло так и не рискнул пойти к своим сверстникам. Одиночество все еще казалось ему обычным, естественным «видом» существования, да и надо было во многом разобраться.

Оставшись один, Ло лег на кровать, заложил руки под голову и начал долгий телепатический разговор с «Нао». Связь велась без помех, и они могли бы «проговорить» всю ночь, если бы «Нао», измерившая степень его утомления, не усыпила его.

Пока Ло спал, «Нао» продолжала наводить порядок в новых впечатлениях мальчика, классифицируя их и раскладывая по полочкам. Сам же объект ее материнских забот так и не узнал, почему его первая ночь на Гаяне оказалась такой освежающей, а главное — укрепившей его дух и любовь к людям

11

Полет над «тяжелым» материком Ло совершал в гравитомобиле. Хаотическое нагромождение горных пиков, лысых, обветренных вершин, темных и светлых скал, извилистых ущелий и рек — все это волновало.

Может быть, в каждом живом существе заложен и первобытный вкус к стихийному? Может быть, лишь позже, по мере

того как Разум осмысливал и завоевывал природу, мы преклонились перед гармонией, ставшей новым эталоном красоты?

Возможно и другое: нас покоряет превосходство природы, масштабность ее горных хребтов, величие океанских просторов, поэтическая таинственность пустынь и степей, гипнотизирующая бесконечность космоса.

Опять Ло подумал о том, что все это он видел по телепатону, слушал точные, исчерпывающие объяснения «Нао». Все это знакомо и... ново. Можно научиться в уединении говорить, читать, понимать числа и их взаимоотношения, но нельзя почувствовать и полюбить природу заочно. Нельзя стать полноценным человеком вне этого прекрасного мира, вдали от людей...

«Между этой дикой природой, что раскинулась внизу, — размышлял Ло, — и гравитомобилем, в котором я сейчас парю над ней, — тысячелетия борьбы человеческого разума, самопожертвований, труд самого грандиозного в Мироздании явления, называемого Обществом...»

Мальчик вспомнил рассказы «Нао» о главном законе на Гаяне, но эти ее слова только сейчас, в гравитомобиле, над заснеженными вершинами Гурела, раскрылись ему во всей значимости и простоте.

— Цель жизни каждого гаянца, его главная потребность, — говорила тогда «Нао», — всемерное удовлетворение интересов и потребностей общества, коллектива. Ценность гаянца определяется тем, что, как и сколько он сумел сделать и делает для блага своих сопланетников.

— Тогда какова же цель общества? — спрашивал Ло.

— В создании такой жизни, которая позволила бы каждому, в соответствии со своими способностями, заботиться о коллективе и проявить себя в этом с максимальным эффектом. Такова сущность творческого процесса между обществом и индивидом на Гаяне.

Мальчик внимательно рассматривал внизу большие цементные полушария и кубы, соединенные крытыми переходами и ажурными акведуками, покрытые сетью параболических антенн: один из энергетических центров планеты.

В долинах, у подножий гор и на побережье разбросаны небольшие зеленые города, возле некоторых из них — массивы промышленных построек.

— Первые люди на Гаяне, — сказал Мит, — появились здесь, на Гуреле, и только после открытия мореходства началось заселение второго материка. Там тоже есть горы, но они меньше по величине и протяженности, климат ровнее и мягче, плодородная. почва и много полезной площади для строительства городов.

12

Дней через пять Ло отправился на «легкий» материк.

Ехали они поездом, в туннеле, по дну океана. И хотя средняя скорость их передвижения достигала 300 километров в час, поездка оказалась долгой. Свободное время наставники Ло использовали для обсуждения планов его будущего и знакомства с пассажирами соседних вагонов: юноши и девушки, отправившиеся в кругосветное путешествие, видно, не собирались отставать от него.

Ло подружился с толстым мальчиком Ило, вечно сонным и медлительным. Кое-кто удивлялся взаимному влечению столь несхожих характеров, но только потому, что не слышали одного важнейшего для Ло разговора.

— Ты будешь учиться в школе? — спросил Ило.

— А как же!

— Тогда иди к нам!

— Мне все равно... — сказал Ло.

— Тем более.

— А где она находится?

— На окраине Тиунэлы, столицы Гаяны. У нас хорошие педагоги... Советую. Знаешь, в нашей школе учится и та девочка... Ну, знаешь, эта... что встречала тебя... Ее зовут Юль... Помнишь?

— Ну разумеется, я обязательно попрошусь в вашу школу! — немедленно согласился Ло. Он повеселел и поспешил в свое купе. По привычке лег на спину, заложил руки под голову и мысленно вызвал «Нао».

Машина тотчас откликнулась на его зов.

— Скажи, ани, отчего мне так приятно думать о девочке, что встречала меня? — спросил Ло, не заметив, что, обращаясь к машине, сказал «ани», будто беседовал с человеком.

«Нао» задала несколько встречных вопросов, и Ло добросовестно отвечал: у него не могло быть секретов от нее. Но как ни напрягала «Нао» свои превосходные электронные мозги, как ни ворошила свою всеобъемлющую память — уравнение со многими неизвестными, так и осталось нерешенным.

— Мало информации, — уклончиво ответила машина.

Ло вздохнул: даже всезнающая «Нао» не объяснила, что происходит с ним! Полнейшая неизвестность окружила его... Но неизвестность приятная, доставляющая нечто новое, правда, непонятное. Да разве только то хорошо в жизни, что укладывается в равные части уравнений?..

Сон пришел исподволь, и Ло повернулся на правый бок: на спине он не мог засыпать. А «Нао», не знающая ни сна, ни отдыха, не переставала искать подходящий алгоритм для решения странной задачи.

Информации и в самом деле маловато... Тогда «Нао» излучила в мозг Ло образ Юль и, формируя сон мальчика, проанализировала с начала до конца все, что как-то могло навести ее на след.

Увы! Полнейшее отсутствие логики: неужто все дело в цветке, подаренном девочкой?

К моменту пробуждения мальчика «Нао» безжалостно констатировала несовершенство своего воспитанника, в действиях и мыслях которого «коэффициент неопределенности» достиг максимального значения; а Ло сожалел, что исчезли его сновидения...

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Подъем!..»

1

Я проснулся рано утром...

Откуда-то доносится шум прогреваемых моторов, пение петухов (мне всегда приходилось жить вблизи аэродромов на окраине городов, как и большинству летчиков). Скосив глаза, вижу в окне голубое небо и облака, позолоченные восходящим солнцем. Слабый ветерок едва шевелит голые, чуть заснеженные ветви деревьев.

Что это — Земля? Неужели вылет не состоялся?..

Но ведь я помню: ночь, изящное тело звездолета «Юрий Гагарин» ... Лифт доставил к входной двери нас, четырех космонавтов: командира Андрея Шелеста, астроштурмана Евгения Глебова, Боба Хоутона и меня...

Мы еще раз помахали провожающим, вошли в кабину. Потом каждый неторопливо лег в свой биотрон — прозрачное пластмассовое «яйцо», на дне которого своеобразная постель с мудреным кибернетическим оборудованием для анабиоза.

Надо мной бесшумно сомкнулись створки биотрона, и я погрузился в крепкий сон, замедляющий все жизненные процессы ровно в тысячу раз.

И оттого, что все это было, я отказываюсь соглашаться с реальностью своего теперешнего пробуждения, столь будничного...

Во мне уже поселилось ожидание иного.

Так, где же я?

Ах, да... Ведь в нашем звездолете вместо окон — совершенные телевизоры. Это они создали мне привычную обстановку пробуждения.

Шевелю рукой, ногой, вдыхаю полной грудью...

Плавно раздвигаются надо мной створки биотрона, и раздается музыка... Урок спортивной гимнастики! Как будто кто-то включил приемник, настроенный на московскую широковещательную радиостанцию.

— С добрым утром, дорогие товарищи космонавты! — говорит диктор. — Готовимся к утренней зарядке...

И тут же веселый голос Боба Хоутона:

— Подъ-е-е-ем!..

2

... Порой хочется писать и писать: в конце концов это мой личный дневник, и для него нет литературных канонов.

Вместе с тем я стараюсь «не растекаться мыслью по древу», смиряя себя тайной надеждой, что жители моей планеты прочтут когда-нибудь эти искренние, безыскусные строки.

Поэтому я опишу лишь самое интересное, с моей точки зрения, оставляя за бортом мелкие жемчужины эпизодов и деталей, дорогих только лично нам, ринувшимся в Будущее...

3

После завтрака Шелест решил обсудить, как жить дальше.

— Я прошу высоких представителей земного человечества высказаться, — шутливо произнес он, когда мы угомонились.

— Недурно бы выйти в космос, — предположил Глебов.

— Прямо на ходу?! — Хоутон сделал страшные глаза. — А впрочем...

— У нас есть кое-какие наметки... — робко вставил я. — И поскольку мы, так сказать, заранее «запрограммированы» ...

Шелест с одобрением глянул на меня и уничтожающе — на Евгения Николаевича и Боба.

— Добро, — просто сказал он. — Будем действовать строго по плану: отдых, помноженный на отдых и возведенный в степень вдохновения, немного информации, вот пока и все. Полагаю, что сам космос всерьез нас мало интересует, не так ли?..

Евгений Николаевич Глебов возмущенно привстал: как ему, астрофизику, говорят такие вещи? Мы невольно засмеялись: ведь всем известно, что Евгений Николаевич — страстный звездолюб и в Москве жил среди небесных светил, тысячи часов размышляя о свойствах материи и происхождении миров.

Но раньше он делал это на почтительном удалении от звезд. Теперь же, что называется, щуку пустили в воду и хотят сделать ее вегетарианкой.

— Не все сразу, мой друг, — мягко остановил его командир, — сперва ознакомимся со всем тем, что происходило, пока мы спали... Вы же знаете, что киноаппараты работали для нас, и надо уважать их труд...

Евгений Николаевич послушно склонил голову. Мы сели напротив главного овального экрана, плечом к плечу, и командир включил проектор.

Тяжесть в кабине была несколько меньше земной, и во всем теле ощущалась живительная легкость, способствовавшая отличному настроению.

Голубоватый экран приступил к своему «рассказу» ...

Подмосковье. Зима. Ночь. Четверо космонавтов в спортивных костюмах — без скафандров — скрылись за дверью звездолета, и ажурная башенка с лифтом отъехала в сторону.

В защитных укрытиях у пультов управления — десятки операторов. Их лица сосредоточены. То и дело посматривают они на стрелки часов, прислушиваются к звонким голосам секунд: капли времени, одна за одной, падают в океан минувшего. Каждая капля «включает» какую-то группу механизмов, а на долю одной — такой же бесстрастной, как и все, — достается главное.

Старт!..

В облаках снега и пара поползло вверх тяжелое туловище ракеты. Скорость нарастала. Вот уже на смену метрам ринулись под днище звездолета километры и вынесли его на своих легких плечах за пределы атмосферы. Золотисто-багровые струи раскаленного редеющего воздуха еще раз обняли прочные борта и скрылись.

Все немощнее тяготение, все увереннее устремляется в черный космос звездолет, разрывая острием холодное пространство.

Кабина... Космонавты-то есть мы! — в биотронах. Мы в анабиозе и не ведаем, что происходит вокруг, не чувствуем давящих перегрузок, доверившись тем, кто выводил нас на галактическую трассу.

Кадры сменяются как в приключенческом фильме. Земля... Величиной с горошину... Плавно отделяется наружная оболочка, обожженная трением о воздух: звездолет-удав меняет кожу. Но на ее месте не просто обновленная «кожа», а сложный металлический скелет.

Длинные фермы выползают из пазов корпуса и опускаются вниз. Они телескопически удлиняются, как ножки штатива, образуя ажурный вогнутый диск.

Из ракеты вырывается сине-фиолетовое прозрачное облако. Оно ширится, тает и, жадно прикрепляясь к радиальным фермам-антеннам, становится почти невидимым. Теперь оно напоминает колоссальный зонт в хвосте ракеты, будто догоняющий ее: это Z-поле, жесткость которого идет в сравнение разве лишь с гравитацией, заполнило просветы между антеннами.

Включается ионный двигатель. Нам кажется, будто мы видим, как его мощное излучение, похожее на солнечный протуберанец, отражается от чашеобразного экрана и разгоняет звездолет до крейсерской скорости...

Медленно гаснет Z-поле: дальше звездолет мчится по инерции, как новое небесное тело. Фермы «зонта» устало сокращаются и, прижавшись к бортам, вновь утопают в пазах.

... Фильм окончен, автоматически включились овальные окна-телевизоры во всю стену кабины, и мы видим окруживший нас величаво-прекрасный звездный океан.

Кибернетика коротко рассказала нам, что происходило до настоящего момента: теперь, мол, разбирайтесь сами...

4

Мы теснее прижались друг к другу, вглядываясь в это черное безмолвие, не знающее ни зим, ни лет.

Вот оно — наш друг и враг, холодное «ничто», пугающее и вместе с тем чарующее бесконечное Мироздание...

Так же, столетия назад, летели к нам смелые посланцы Гаяны. Они знали лучше нас глубины Галактики и разгадали многие космические тайны. Но летели без адреса — это был их разведывательный полет, поиски обетованной планеты.

Позади себя, на всем своем извилистом пути, они оставляли шаровидные ксаны — кибернетические пеленгационные устройства, — чтобы воспользоваться этими искусственными навигационными «звездами», как вехами, при возвращении на родину.

Они отыскали, наконец, живую планету — это была наша Земля. Приземлились на острове Пито-Као, на Тихом океане, но корабль их повредило землетрясение.

Лишь много лет спустя люди нашли то, что осталось от их экспедиции, и теперь мы, вооруженные их знаниями и галактическими картами, взяли курс на их Гаяну.

Они добирались к нам вслепую, кружным путем — мы летим кратчайшим, длина которого составляет 100 световых лет. И для нас рассчитан и составлен весь штурманский план полета, указано время, когда мы будем пролетать траверз каждой ксаны. В этом отношении нам много легче.

5

Первым нарушил молчание Шелест.

— Добро, — сказал он. — Начнем привыкать к обстановке... Чернота и звезды за бортом — не скучновато ли? Создадим более веселую декорацию. Будем жить по земному распорядку. Мы улетели зимой. Какое время года выберем сейчас?

— Пожалуй, лето, — охотно предложил Боб. Мы с Евгением Николаевичем поддержали его. Шелест кивнул, подошел к пульту микроклимата и включил установку.

Ласковые солнечные лучи ворвались в кабину. За окнами зазеленели деревья, зашумели листвой на ветру. Кучевые облака поплыли в теплом небе, они видны сквозь узоры надувшихся парусом занавесей. Где-то вдали звучит репродуктор, и мирный голос диктора произносит:

— Передаем эстрадный концерт...

Евгений Николаевич расправил плечи и замурлыкал «Подмосковные вечера» в темпе марша (феноменальное отсутствие у него музыкального слуха замечали все окружающие!) и подошел к штурманскому столику.

— Все по графику, — весело сказал он, блестя глазами. — Нас разбудили через тысячу восемьсот двадцать семь дней, то есть через пять лет...

— Пять лет!? — воскликнул Боб.

— Точно, — кивнул Евгений Николаевич. Во мне зазвучала тонкая грустная нотка.

— А скорость? — восхищенно спросил Хоутон, любивший все «самое-самое...»

— Четверть миллиона километров в секунду, — с готовностью ответил Глебов. — Иными словами, вы сейчас изволили улыбнуться на целый миллион километров!

— Если не больше, — присоединился к шутке командир.

От его высокой широкоплечей фигуры с крупной головой на крепкой красивой шее веяло силой Простое лицо с внимательными карими глазами, густыми бровями и округлым подбородком было спокойным и добрым.

Рыжеволосый, круглолицый, веснушчатый Хоутон ростом по плечо командиру. Гибкий и быстрый в движениях, всегда веселый и ценящий острое словцо, он был нашим любимцем. Жизнь Боба складывалась тяжело; рано остался без отца, годами бродил без работы, хотя был способным журналистом. Трудно бывало и в газете: свободно владеющий несколькими языками, беспокойный Боб подчас не мог найти общего языка с своими шефами и боссами.

Одно время он стал «общественным дегустатором», но пить бросил сам, уже после того, как на него махнули рукой. Его светлые глаза часто становились печальными, и мы знали причину: за два года до нашего вылета трагически погибла его жена, красавица итальянка Паола.

Хоутон и полинезиец Мауки первыми отыскали остатки космического корабля гаянцев на Пито-Као, и корреспонденции Боба в те дни читались прежде спортивных сообщений и скандальных эпизодов из жизни кинозвезд.

Андрей Шелест, мой старый товарищ по авиации (когда-то мы вместе работали пилотами в Аэрофлоте), Хоутон и я говорили друг другу «ты», могли подурачиться ц крепко поспорить.

Но с Евгением Николаевичем, несмотря на его молодость — ему было около сорока, — мы держались иначе, обращались только на «вы» и, откровенно говоря, стеснялись при нем выражаться излишне крепко, даже Боб и я, немало преуспевшие в этом...

Изящный, худощавый, даже хрупкий, с мексиканским лицом, тихим голосом и сдержанными движениями, Глебов никогда не раздражался.

Любезность его, героическая готовность до конца выслушать даже самого утомительного собеседника, поистине безграничны. Но зато если он улучит минутку и вставит хоть несколько слов, оппоненту уже не выкрутиться: так точны и доказательны доводы Евгения Николаевича.

Разумеется, многие юные москвички пытались покорить его, на первый взгляд доступное, сердце. Но молодому астрофизику счастливо удавалось избежать поражения на столь непривычном ему поле боя... Я говорю «счастливо» совсем не потому, что принадлежу к разумному племени убежденных холостяков. Отнюдь! Чтобы не казаться голословным, признаюсь: в «цепи Гименея» я был закован по всем правилам в самом юном возрасте... Но представить Евгения Николаевича оторванным от звезд и тайн происхождения материи, хотя бы и для лучшей доли, в моих глазах — величайшее кощунство!

Сам он всегда сторонился всего, что не имело прямого или косвенного отношения к космогонии и космологии.

Даже и сейчас, подойдя к главному телевизионному экрану, отражающему истинную картину Вселенной, окружившей звездолет, он скрестил на груди руки с тонкими пальцами (его излюбленная поза) и с тоской воскликнул:

— Если бы космос мог рассказать о времени и о себе!..

Впрочем, здесь, вдали от Земли со всеми ее соблазнами, и нам с Хоутоном желание Евгения Николаевича показалось естественным.

Но космос пока молчал...

6

Первые дни безделье скрашивалось новизной ощущений. Но чем дальше...

Боб все откровеннее протестовал.

— Было время, — говорил он, расхаживая по салону, — я достаточно натренировался в поисках себе места, черт побери. Но оказаться безработным на пути в созвездие Ориона... Еще немного, и я объявлю забастовку!

— Может быть, по-вашему, командир, — однажды тихо произнес Глебов, — бездействие позволительно считать активным способом привыкания к новой среде?

— Так и быть, — засмеялся Шелест. — Завтра выйдем из корабля «на улицу» ... А работы еще хватит на всех, не беспокойтесь!

Слова командира взбодрили нас. Я направил корабельный телескоп на солнечную систему и прильнул к окуляру.

Увы! Солнце с такого расстояния выглядело совсем непримечательной звездочкой, а планеты тонули во мраке бесконечности.

«Если бы я и мог увидеть сейчас Землю, — подумалось мне, — то она походила бы на маятник: вправо — полгода, влево —

полгода. Вправо — полгода, влево — полгода... И так тысячи тысяч лет. Воистину — образец терпения!»

О том, что будет, узнаем мы не скоро, но все, что было, живет в нас. Там — мы были рядовыми тружениками. Сегодня, здесь — стали Хранителями Вчерашнего, земной истории.

В молодости я не ценил своего прошлого, относился к нему как в одной детской сказке свежеотпечатанный снимок относится к негативу: считал его ненужным. Теперь я стал постигать его истинное значение.

Я смотрю, смотрю, не отрываясь, в самую заветную для меня точку Вселенной и почти физически ощущаю: вправо — полгода, влево — полгода...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Парадокс Глебова

1

Впервые я «пощупал» космос вместе с Глебовым.

Через круглый люк мы поднялись по ступенькам на «палубу» — обширную верхнюю площадку корабля, защищенную такой прочной пластмассовой броней, что не требовалось скафандров: мы были одеты в обычные костюмы.

Идеальная прозрачность палубной крыши создавала иллюзию свободного общения с космосом. Даже голова закружилась, и я присел в кресло.

Движение не ощущается — оно стало невидимым. Психологически — мы висим на одном месте. Существа, обладающие объемом, весом (пусть даже искусственным), массой покоя, но прилагающие немалые усилия, чтобы не терять мудрого внутреннего спокойствия. Не сразу научились мы находить во

Вселенной детали, создававшие хоть какое-то впечатление космического полета: меняющийся цвет звезд, вспыхивающие редкие искорки метеоров.

Власть земных представлений и привычек сковывала меня. Мне становилось зябко при взгляде в Вечность и Необозримость. Одиночество и безысходность, интеллектуальную робость, потускнение мысли — вот что подарил мне космос в первую встречу...

Вероятно, и Евгению Николаевичу нелегко дались первые шаги по палубе звездолета. Но реакция его была иной: глаза лихорадочно заблестели, лицо стало вдохновенным. Он всю жизнь ожидал этой встречи, готовился к ней...

— Да, — приподнято и взволнованно произнес он, — эта тема трудновата для пера!..

Я привык, что Евгений Николаевич то и дело вспоминал строки любимого Маяковского, иногда перефразируя их, но сейчас простые и знакомые слова встряхнули меня, я вновь почувствовал себя человеком, землянином, и пугающее, принижающее влияние космоса ослабело.

Отныне всякий раз, поднимаясь на палубу, я неотрывно всматривался вдаль (вблизи было Великое Ничто!), будто окунаясь в неизмеримую, неизвестную дотоле Тишину.

2

— А теперь, — сказал Шелест, когда мы собрались в кабине управления, — начнем определять место ракеты.

Определить место звездолета... Это не то, что определить место самолета даже в полете в облаках. Там кто-то из экипажа непрерывно наблюдал за полетом — здесь мы все дружно проспали пять лет! Там уйма приводных радиостанций, пеленгаторов и локаторов, есть полетная карта, измеренная и проверенная тысячи раз, — здесь карта Галактики лишь

приблизительная, никаких диспетчеров, помогающих тебе со стороны, а ксаны разбросаны друг от друга на миллиарды километров.

Первым делом мы проверили галактический курс — Кибернетика успокоила нас: за все прошедшие пять лет не было ни одного существенного — и неисправленного! — отклонения.

Затем — скорость, так сказать, по прибору.

И наконец — время. Обычное в земном исчислении, хорошо знакомом нам. Его мы «везли» с собой в бронированном контейнере: самонастраивающиеся часы — целый кибернетический комплекс.

Осталось найти пройденное расстояние по расчетному месту нашего пребывания в космосе, и тогда истинная путевая скорость также будет определена.

Недельки две спустя расчеты готовы: учтены все поправки автоматики в движении корабля за пять лет.

— Неплохо, — сказал Евгений Николаевич. — Недурственно. Арифметика оказалась на должной высоте и в космосе: нам лететь еще немногим более ста четырнадцати лет... Так-с... Приступим теперь к новому определению места ракеты, но уже только по небесным светилам, сиречь звездам.

— Звезды — основной капитал Вселенной, — подхватил Боб. — Их здесь чертова уйма, и я готов вам помочь, если...

— Благодарю вас, милейший Хоутон, — церемонно раскланялся Глебов. — Из этой чертовой уймы мы отберем десяток (для первого раза!). Но вы что-то хотели сказать... Если?..

— Если, любезнейший Евгений Николаевич, я смогу справиться.

— Вы забываете о нашем гениальном друге... — Глебов лукаво посмотрел в мою сторону. — Пересчитывать колючки — его страсть, а числа есть числа!

Это уже был намек. Дело в том, что на Земле я оставил весьма приличную коллекцию изумительных по красоте кактусов, этих подлинных шедевров земной природы!

— Мы будем с тобой дублировать их наблюдения и вычисления, — примирительно произнес Шелест, поло — жив руку на мое плечо. — Так точнее будет.

— Слушаюсь, командир, — ответил я, приступая к настройке своего телескопа.

Некоторое время спустя Глебов раздал нам задания, и началась скучная утомительная работа-испытание нашей выдержки, наблюдательности и сообразительности.

3

Более месяца я не прикасался к рукописи. Расчеты, проверка, огорчений, снова расчеты, — в общем, было не до дневника. Определение места ракеты (уже действительного, а не расчетного!) привело нас к такому неожиданному результату, что у всех опустились руки. Получилось, будто мы так далеко умчались от своей Земли, что до Гаяны оставался всего год полета, вместо ста четырнадцати лет!!!

— Но ведь это же нелепо, — устало сказал Хоутон. — Как быть? Я спрашиваю: как быть?

— Не терять равновесия, — недовольно ответил Шелест.

— Прости, командир! — кипятился Хоутон. — Я хладнокровен, как тысяча лягушек! Но согласись, что даже на самом идеальном спокойствии невозможно залететь так далеко в какие-то жалкие пять лет... Разве это не так?

— Я попросил бы приберечь слово «невозможно» для более удобного случая, — невозмутимо вставил Глебов.

— Позвольте, Евгений Николаевич, — не унимался Боб, — мы делали все по вашей программе, но... Как это говорится по-русски? Ага!.. Воз и ныне там!

— Будем справедливы: «воз» как раз не там, где ему положено быть по времени его движения, — спокойно заметил Шелест.

— А может быть, — предположил я, — наши часы вышли из строя и кибернетика разбудила нас не через пять, а через сто с хвостиком?..

— Мой бог! — воскликнул Хоутон. — Затеряться в космосе без хронометра?

Атом беспокойства заметался во мне: шутка сказать, занесло нас черт знает куда, мы не имеем не только детальной, но даже общей ориентировки, да еще не уверены в бортовых часах, без которых немыслим точный расчет никакого полета!

Шелест понимает наше состояние — ему труднее: он командир.

— И все же, — рассудительно говорит он, — расчеты для меня убедительнее эмоций. Мы можем внутренне верить им или не верить — это условно. Прошу... Как бы сказал Маяковский в данном случае, Евгений Николаевич?

— «Стать на горло собственной песне», — мгновенно подсказал Глебов.

— Верно. Так и поступим. Если расчеты правильны, то дней через восемь Мы войдем в Зону гаянской ксаны номер тридцать три. Вот тогда и запеленгуемся точнее.

— Превосходная идея, командир! — воспрял духом Боб.

— А пока, в порядке подготовки к встрече с нашими собратьями, Боб займется уроками гаянского языка: мы рассчитывали на большее время, теперь же — кто знает! — возможно, придется сокращать программу.

— Слушаюсь, командир! — обрадовался Хоутон, человек дела.

Кибернетика приняла первые робкие радиосигналы не через восемь, а через два дня. Шелест и Глебов настраиваются

вручную, проверяя автоматику. Мы с Хоутоном сидим на диване и наблюдаем, изредка переговариваясь шепотом.

Лица наших друзей возбуждены. Мы не выдерживаем и подходим к ним.

— Это... действительно позывные ксаны номер тридцать три, — глухо говорит Евгений Николаевич. — Расчеты верны: до Гаяны — несколько месяцев полета...

— Значит, либо часы неисправны... — размышляю я вслух.

— Часы исправны, — уверен Глебов.

— Но тогда выходит, что мы летели со скоростью...

— Четверть миллиона километров в секунду, — заканчивает Глебов. — Приборы скорости у нас тоже не врут!

— Невозможно! — горячусь теперь я. — Невозможно, летя со скоростью меньшей, чем скорость света, пройти расстояние в десять-двадцать раз большее, чем сумел бы пройти сам фотон за это же время.

— Это парадокс! — воскликнул Боб.

— Парадокс Глебова, — сардонически подхватываю я, не подозревая, что уже окрестил новое для нас явление природы, одно из самых грандиознейших во Вселенной.

— Спокойнее, друзья мои, спокойнее, — почему-то смеется командир. — Я преклоняюсь перед темпераментом, но истина...

— Я успокаиваюсь, — покорно произнес Хоутон и, разведя руками, подчеркнуто лениво уселся на диван. — Я даже делаю вид, что считаю веселье командира уместным...

— Старина Боб! — Шелест с силой бьет Хоутона по плечу. — Сохранилась ли в тебе хоть толика воображения?

— Моего запаса хватит надолго, — ворчит Хоутон.

— Так почему ты не воспользуешься им? — удивляется Шелест. — Нельзя же просто игнорировать какое-нибудь явление только оттого, что оно тебе раньше не было известно и никем не описано.

— Ты хочешь, командир, попытаться найти этому парадоксу объяснение?

— А почему бы и нет?

— Но ведь старик Эйнштейн... — хочу напомнить я.

— Эйнштейну принадлежат и такие слова, — прерывает Глебов: — «Я считаю вероятным, что принцип постоянства скорости света в его обычном понимании действителен лишь для пространства с постоянным гравитационным потенциалом».

— Значит, возможно...

— Ну почему бы и нет?! — снова повторяет Шелест.

— Что ж, — скачал Хоутон, — допустим, пространство имеет кое-где свойство сжиматься в гармошку, и тогда мы, летя с одной и той же скоростью, пронижем больше «морщин» ... А?

— Браво, Боб! — восхитился Евгений Николаевич. — Я вижу работу смелой, хотя и наивной мысли. Такой строй воображения вполне приличествует даже физику, то есть тому, кто украшает род человеческий...

— Выкладывайте-ка лучше свою точку зрения, — предложил я, причисляющий себя скорее к лирикам, нежели к физикам. — Вас ведь так и подмывает высказаться, Евгений Николаевич. Будто нам незаметно...

— Не скрою, — согласился Глебов. — Как нам известно, мы летим с собственной, приборной скоростью, не превышающей скорости света. Так что старик Эйнштейн не может обижаться на нас. Но вместе с тем среда, то есть окружающее нас пространство... Гм, как бы это выразиться сочнее, Боб?

— Черт его знает, почему... — вежливо помог Хоутон.

— Благодарю, я не ошибся в вас. Так вот, пространство тоже несется со страшной силой и в ту же сторону, что и мы. Понятно?

— Подобно тому, как самолет в попутном струйном течении высоких слоев атмосферы летит по отношению к Земле со

скоростью, намного превышающей его собственную, воздушную скорость? — подхватил я.

— Вот, вот. Вероятно, и мы попали в какое-то необыкновенное по размаху и силе, но уже космическое струйное течение! — согласился Глебов. — Мы столкнулись с загадкой космоса.

— Туго же придется на обратном пути, — задумался Хоутон. — Сейчас оно помогает. Но когда мы полетим домой, оно станет встречным. Не скоро мы доберемся до Земли.

— А что помешает нам возвращаться другим маршрутом? — возразил Шелест. — Ведь когда гаянцы летели к нам, они не встречались с этим явлением! Если оно, как предполагает Глебов, узкое течение пространства, то мы можем возвращаться обходным путем, не попадая в него!

Разговор закончился на палубе звездолета: нам захотелось еще раз встретиться с космосом, будто он мог подсказать разгадку тайны нашей скорости.

Шелест и Хоутон сидели в креслах, думая каждый о своем, а я наблюдал за Глебовым.

Евгений Николаевич стоял на носу звездолета, скрестив руки на груди, и сосредоточенно всматривался в чрево Галактики.

«Почему мое мышление, — подумал я, — не выходит из круга аксиом, не отрывается от уже изученного и открытого другими, а он устремляется в первобытный лес фактов, прокладывает свои тропинки?»

Почему?

Таким вот — стоящим на носу звездолета, с руками, скрещенными на груди, смело смотрящим в лицо Вселенной — я запомнил Евгения Николаевича Глебова на всю жизнь...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Гаяна!

1

Мы приближаемся к планетной системе звезды № 13 созвездия Ориона, которую сами гаянцы называют Фело. Вокруг нее вращается Гаяна.

Связь установлена...

Мне трудно описать эффект, вызванный нашим появлением в космосе. Читатель, наделенный даже сотой долей хоутоновского воображения, как-то сможет представить себе, что творилось на планете, когда гаянские радиостанции космического наблюдения поймали наши позывные и первые слова гостей с неизвестной им планеты... говоривших на чистейшем гаянском языке!

— Все равно, — уверял Боб, — что познакомиться с осьминогом, сочиняющим трактат о теории относительности на японском языке!

Поскольку в нашем экипаже лучше всех освоил гаянский язык Боб Хоутон, прирожденный полиглот, командир поручил ему вести связь с планетой, пока дело не коснется вопросов космонавтики.

Боб взялся горячо: он успевал рассказывать о Земле и печальном исходе гаянской экспедиции, достигшей острова Пито-Као, о нашем полете и каждом из нас.

Сильнейшее впечатление и на гаянцев и... на нас (как это ни удивительно!) произвела весть о космических струйных течениях. На них — понятно почему; оказывается, космические струйные течения совсем недавно были предсказаны кем-то из ученых Гаяны! А вот то, что и мы взволновались, требует пояснения.

Таким образом, не успели мы еще долететь до места, как уже началось взаимодействие опыта и науки наших двух планет!

Гаянцы временно запретили межпланетные полеты, чтобы не помешать нам, и запросили подробные сведения о звездолете. «Юрий Гагарин». К микрофону все чаще подходил Шелест.

Сперва они хотели сами завести нас на свой центральный космодром на Уэле, острове на Торо, — так назывался один из гаянских океанов, — но Шелест решил иначе.

— Мы выведем наш звездолет на орбиту, пересядем сами в шеер (маленький реактивный разведчик, самолетного типа), — объяснил он, — и войдем в вашу атмосферу аэродром вы нам укажете. А после вы заведете звездолет на Уэл, но уже без нас.

Гаянцы согласились: так меньше риска.

Шелест наладил телевизионную связь, и на центральном телеэкране появилось изображение молодой женщины...

Здесь я стану писать несколько медленнее, с большей тщательностью подбирая слова Напомню, что Гаяна очень походит на нашу Землю. И обликом, и своим климатом, и магнитным полем, но главное — там такие же люди.

Мы увидели на экране подвижную, веселую женщину с удлиненным лицом, медноволосую и белокожую. Высокий гладкий лоб. Густые брови изломлены посередине и будто удивленно приподняты к вискам. Золотистые глаза — таких я никогда не видел на Земле! — искрящиеся и умные. Тонкий ровный нос. Уши у нее раза вполтора длиннее, чем у землян, но общего приятного впечатления не портят.

Она понравилась нам с первого взгляда.

Наш бедный штурман, добровольно променявший любовь на звезды и ранее умудрявшийся с увлечением рассказывать о свойствах материи и возникновении миров первым красавицам Москвы, сейчас, на подходе к Гаяне, был, что называется,

сражен волшебным видением, ионизирован, как, без сомнения, он охарактеризовал бы сам свое состояние, если бы мог глянуть на себя со стороны и сохранить объективность.

— Меня зовут Юль, — мягко произнесла женщина. — Мне поручено руководить приземлением шеера и посадкой звездолета. Давайте знакомиться...

Шелест включил телевизионный передатчик и представился, получив в награду серьезный, изучающий взгляд Юль.

Рыжая шевелюра Хоутона и его задорное, веснушчатое лицо воспринялись Юль как нечто весьма прозаическое.

Увидев мои почтенные седины, Юль сделала мне комплимент, заметив, что приятно видеть долгожителя в возрасте за 400–500 лет, запросто путешествующего в космосе.

Когда же я объяснил, что мне, по крайней мере, раз в десять меньше, Юль пробормотала извинение.

Потом мы объединенными усилиями подтащили к объективу телевизионного передатчика нашего штурмана.

— Это наш Звездолюб, — скороговоркой отрекомендовал командир, — штурман корабля Евгений Николаевич Глебов...

— Звездолюб? — отчетливо повторила Юль. — Красивое прозвище... Так это ты открыл «парадокс Глебова»?

Евгений Николаевич виновато кивнул.

— Поздравляю, — продолжала Юль, почему-то улыбаясь. — А кто ты по профессии?

— Астрофизик, — вынужден был ответить за товарища Боб.

— О, я тоже, — обрадовалась Юль. — Мы будем с тобой дружить... Я предсказала возможность космических струйных течений, а ты, ани, открыл их. Я верно сказала?

— Даже очень! — торопливо ответил Боб.

— Принимай условия посадки, Звездолюб, — сказала Юль.

— Разреши, Юль, мне самому заняться сейчас делом, — решительно произнес Шелест, выступив вперед.

— Хорошо, — одобрила Юль, видимо, оценив состояние штурмана. — Командир, ты будешь садиться на аэродроме Тиунэлы. Вот как он выглядит...

2

Выстреленный катапультой, наш шеер отделился от корпуса звездолета и под углом градусов пятьдесят устремился к Гаяне. Шелест сидел на левом пилотском кресле, я — на правом.

Над нами уже голубел космос с яркими звездами и жгучим солнцем, а внизу сквозь вуаль атмосферы и дырявое и пухлое одеяло облаков виднелась поверхность планеты.

Постепенно гася скорость, мы с Шелестом уменьшили угол планирования и стали погружаться в атмосферу Гаяны. Раскаленный трением воздух казался светящимся, особенно на ночной, теневой стороне планеты. На высоте двадцать километров мы сбавили скорость всего до тысячи километров в час и, в точности выполняя команды, подаваемые Юль, направились к главному аэродрому Тиунэлы...

Шеер вел себя послушно в незнакомом воздухе, как бы сразу привыкнув к нему. В районе, где находилась столица планеты — Тиунэла, нас встретил грозовой фронт.

Мы прошли его верхом, а когда до аэропорта осталось не более двухсот километров и нам разрешили снижение до тысячи метров — такова высота малого круга для скоростных самолетов на всех аэродромах Гаяны, мы пробились сквозь 6-7-балльную кучевую облачность и испытали болтанку, какую не раз встречали летом в районе Ставрополя, Астрахани или на участке Актюбинск-Джусалы-Ташкент, у нас на Земле.

Над самим же аэродромом — ясно. На овальном летном поле ярко светятся голубая посадочная полоса и стрела с левой ее стороны.

По мере нашего приближения яркость свечения полосы едва заметно убывала (потом мы узнали, что также бывало и при ночных полетах!). Шелест кивнул, и я включил «автомат-шасси», то есть аппаратуру, которая направила часть

воздушной струи от двигателя вниз, тем самым создавая необходимую для посадки и руления воздушную подушку, заменяющую шееру колеса.

После посадки в толще полосы, на самой ее оси, вспыхнула еще одна яркая красная стрелка. Она как бы скользила перед нами, указывая направление дальнейшего руления, и вывела нас на перрон у длинного здания аэровокзала с подобием минаретов по углам.

Вдоль фасада и на плоской крыше аэровокзала — множество пестро одетых гаянцев. Они весело машут руками.

Первым на планету шагнул командир, за ним — мы.

Вдруг почти половина неба многоцветно вспыхнула и преобразилась. Мы увидели берег моря, песочный пляж, причудливые кактусы с мясистыми, колеблющимися листьями, перистые пальмы. На берегу — стройная фигурка девочки в легком развевающемся платье. Девочка кружится в танце. Ее руки-крылья устремлены к солнцу. Вот она, кружась, наклоняется к кустам, быстро срывает четыре больших цветка с белыми острыми лепестками.

Гигантская живая картина уменьшается, толпа людей у аэровокзала расступается, и девочка как бы сходит с неба на землю. Мы не замечаем, а только понимаем, что в какую-то долю секунды изображение подменено настоящей девочкой, и вот уже она бежит к нам, чтобы первой приветствовать посланцев далекой планеты...

— Это самая юная танцовщица Гаяны, — доносится к нам из невидимых репродукторов голос Юль.

И тут меня осенило! Я вбегаю в кабину шеера, вожусь в нем минуту — и над аэродромом звучит итальянская песня «О мое солнце!» — это поет Робертино Лоретти!

Его волшебный голос покорил гаянцев. Они замерли, точно боясь спугнуть очарование.

— Это голос самого юного певца нашей Земли, — объясняем мы.

Так прошел наш «митинг». Снова в толпе встречающих образовался проход, и мы увидели Юль, живую, настоящую. В открытом, коротком белом одеянии, она шла к нам с поднятой левой рукой.

— Здравствуйте, люди! — громко произнесла она. — Вы первые жители другой планеты, посетившие Гаяну... Мы принимаем вас, как друзей. В истории наших планет это самое радостное событие. Вас видит и слышит сейчас вся Гаяна, все мои сопланетники...

И тут жители двух планет, разделенные до этого колоссальным таинственным пространством, обнялись и расцеловались, смеясь и плача.

У каждого народа есть свои традиции и привычки, но Любовь и Дружба, Мир и Человечность ценимы везде, где есть свободные и равноправные Разумные Жители Вселенной!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Юль

1

Более тысячелетия прошло с того дня, когда покинул планету Да Роот, один из зачинателей космических полетов на Гаяне, открывший первую главу грустной истории Роотов. Он отправился в дальнюю экспедицию и не вернулся.

Его сын, Лим Роот, руководил строительством Главной внепланетной энергетической базы — второй искусственной «луны» Гаяны. Он погиб, сраженный метеоритом.

Еще три, более поздних, представителя этого рода — Кон, Бао и Дал...

Сперва навсегда улетел Кон. Через 270 лет, буквально по его же следам, умчался Бао. Его последние слова:

— Поведение звездолета странно... Сильные броски...

Два века спустя опять в том же направлении отправился Дал. Он успел только передать:

— Тряска грозит нарушить конструкцию звездолета... Этот район опасен...

Ри Роот — крупнейший ученый, автор новой теории мироздания — не возвратился из экспедиции к центру Галактики.

Я р Роот принимал участие в дальнем разведывательном полете на звездолете «Тиунэла». В пути Я р заболел неизлечимым тогда арпелом и, боясь заразить товарищей, покончил с собой.

Но о судьбе Я ра его внучка Юль узнала много позже...

2

В доме отца Юль, Мало Роота, такого же, как и их предки, коренного жителя Тиунэлы, большей частью царили тишина и своеобразная строгость. Мало, известный математик, увлекся геометрическими теориями пространства и с головой ушел в мир истории галактик и физики межзвездного пространства.

Как-то семилетняя Юль спросила отца о его космологических теориях.

Отец рассмеялся и сказал:

— Есть вещи, Юль, которые тебе трудно понять...

— Значит, мне надо ожидать, пока я вырасту до двух метров? — огорчилась она.

— Боюсь, и это еще не все. Есть такой город — Космология-и-Космогония...

— Красивый?

— Очень.

— Большой?

— Пожалуй, один из самых больших.

— Как Тиунэла?

— Еще больше. Так вот, чтобы хорошо понять все то, что тебя интересует, необходимо долго прожить в этом городе, бродить по улицам и площадям, беседовать со старожилами, бывать на окраинах и в центре, в общем, знать его также, как ты знаешь свою Тиунэлу. Даже еще лучше.

— А ты уже был в Космологии-и-Космогонии? — допытывалась Юль.

— Да, но, понимаешь ли, мне очень хочется — это просто необходимо, Юль, — глянуть на него сверху, со стороны...

— Разве это трудно?

— Нелегко. Надо лететь далеко в космос. Ты не возражаешь, если я улечу?

— Нет, папа, разумеется, нет. Непременно лети! Мало в те годы заканчивал разработку общих основ своей оригинальной геометрической и философской теории зависимости времени от формы пространства. Ученый, говоря его же словами, был убежден в том, что «природе требуется разное время, чтобы создать куб и шар, равного объема...»

Лабораторией, позволяющей экспериментально подтвердить или опровергнуть эту теорию, по сути дела была вся Галактика, и Мало получил разрешение на дальнюю экспедицию.

Юль хорошо помнила расставание: ей уже шел тогда девятый год. Мало не мог скрыть своей грусти, проводя последние минуты с дочерью и женой Эрой, лучшей танцовщицей Тиунэлы. Его лицо было хмурым. Юль знала, что, по обыкновению, жены тех, кто улетал, подобно отцу, на столетия, потом выбирали себе другого спутника жизни. Желая подбодрить отца, девочка прижалась к нему и весело заговорила:

— Когда ты вернешься домой, я буду совсем взрослая. Мы прилетим на космодром: у меня будут уже внуки, а у мамы — много-много мужей, и они тоже тебя встретят...

— Перестань, Юль, — прервала мать дрогнувшим голосим и обняла Мало за плечи: — Не надо думать так.

— Я стараюсь... — слабо улыбнулся Мало, ласково проводя своей крепкой, широкой ладонью по ее чудесным волосам. — Я буду любить тебя всегда и везде, моя Эра. Как грустно, что мир чрезмерно велик... Чтобы хорошо познать его, изучить, люди должны приносить в жертву даже свою любовь. Не только геометрическая форма тел, но и чувство зависит от времени, — попытался пошутить он.

... Мало улетел, и пока с ним поддерживалась связь, Эра крепилась, почти ежедневно приезжала к дочери в интернат, бродила с ней по лесу или вдвоем они отправлялись на озеро Лей, километрах в ста от Тиунэлы.

Но вот настал день, когда Мало передал свою последнюю весточку и умолк — теперь звездолет вошел в неизведанную область Галактики, а Эра хорошо понимала, что такое Галактика для тех, кто не хочет жить спокойно на одной из песчинок Вселенной, кого жажда знаний стремит в Неизвестность.

Прошел еще день, и Эра исчезла...

На ее столе нашли пластмассовый видеомагнитофон, каким исстари пользуются гаянцы, желая оставить «записку» друзьям или близким.

«Прости меня, мой милый, любимый Мало, — виновато произнесло изображение Эры, когда соседи включили маленький аппарат в черном, как космос, корпусе. — Я сама не знала, что не смогу жить без тебя. Ты знаешь, я не сентиментальна и у меня есть мужество, хоть я и не летаю по Галактике, подобно почти всем Роотам. Просто мне уже нечего делать... Я не могу объяснить себе, да и к чему? Прости меня, мой неугомонный. Возвращайся победителем. И... прости...»

3

От матери — уроженки гористого Гурела — Юль унаследовала веселый характер, впечатлительность и стройную фигуру. Отец подарил ей частицу своей неутолимой жажды знаний.

В интернате девочка училась хорошо, отличалась самостоятельностью, но и некоторой неожиданностью суждений.

— Когда я вырасту, — как-то сказала Юль на уроке, — у меня будет не две и даже не три комнаты, а целый дом. Ведь можно? И уйма всяких вещей...

— Можно, — ответила учительница — Но зачем?

— Так... Нет, не так просто, а чтобы изучать нравы древних, понять психологию человека, который хочет все иметь собственное, даже то, что не нужно ему и в большом количестве... Ведь это самое трудное: понять людей той эпохи — мы по нескольку раз повторяем темы, но так и не понимаем сущности до конца!

Когда в их интернате появился Ло, знаменитый Сын Космоса, и робко признался Юль, почему он попросился именно сюда, девочке было приятно. Она охотно принимала знаки его внимания, но, будучи болтушкой и непоседой, существом, слишком энергичным для тихой, как бы замкнутой в себе любви, к которой тяготел Ло, она доставляла ему много беспокойства и мало подавала надежд.

— Когда мы вырастем, — как-то просительно сказал ей Ло, — мы станем мужем и женой... Правда, Юль?

— Если я пожелаю, — засмеялась Юль. — Мы такие разные... Ты любишь только музыку и еще много размышлять. А я буду звездоходом: люблю космические полеты.

— Я знаю, — вздохнул Ло. — Все твои предки такие.

— А может быть, и никем не буду, — задумалась Юль.

— То есть как?

— Да вот, захочу и никем не буду!

— Не так шумно, Юль... Надо уважать тишину. Ну, а зачем тебе это?

— Чтобы стать единственной бездельницей Гаяны!

— Ты еще и тщеславна, — удивился Ло. — Тебя же будут лечить, как Ило, когда он был лентяем и не хотел учиться.

— «Учиться» ... В свободные часы он только и знает, что разводит в лесу костер и, как первобытный дикарь, сидит и смотрит на огонь, твой Ило! И потом, я учусь не хуже тебя...

Юль обожгла его гневным взглядом и убежала. Недели две, в отместку другу, она держалась вблизи «дикаря» Ило, полного мальчугана с сонными серыми глазами.

Ло капитулировал — в чем Юль не сомневалась — и подошел к ней первым.

— Давай поговорим, — предложил он, — и пересмотрим твои взгляды на жизнь.

— У меня их нет вовсе, — надула губки Юль.

— Тогда, прощай! На этот раз Ло проявил вполне мужскую выдержку и даже ни разу, но посмотрел в ее сторону.

— Разве ты поссорился с Юль? — спросила учительница.

— Не знаю. Ты лучше разберешься...

И мальчик обо всем поведал учительнице.

— Мне думается, ты немного прав, — задумчиво сказала она. — И все же Юль — хорошая девочка. Главное — помни: первую дружбу нельзя разрушать, как ветхую постройку.

4

Юль глубоко задело равнодушие Ло. Она украдкой выразительно поглядывала на него. Ло не замечал. На озере Лей она стала «тонуть», но ее кинулся спасать не Ло, а этот противный Ило; она увернулась от него и стремительно выплыла на берег, к немалому изумлению медлительного маленького толстячка.

А Ло лежал в двух шагах от того места, где из озера вышла Юль, и преспокойно читал какую-то книгу.

Обсохнув, Юль уныло пошла в прибрежные скалы, мечтая о том, как она, по примеру своих дедов и прадедов, станет космонавтом и отыщет обетованную планету, населенную иными, менее жестокосердными мальчиками.

Она забрела далеко и шла теперь по дну узкого темного ущелья среди синевато-зеленых зарослей аэло — гаянских колючих кактусов, самых удивительных растений на планете.

Взрослые экземпляры аэло втрое, а то и вчетверо превышали рост человека. Массивные толстые стволы шириной до метра, усеянные колючками, издали напоминали канделябры. Было удивительно, как они не сгибаются от собственной тяжести. А все объяснялось просто: аэло представляют собой прочную оболочку, наполненную гелием, отчего они, как воздушные шары древних, устремляются вверх и, плавая в воздухе, поддерживают стволы в вертикальном положении. Они цветут два раза в год крупными пунцовыми цветами, издающими нежный запах ванили.

Карликовые виды аэло имеются во многих гаянских домах, но только здесь, в естественных условиях, Юль по-настоящему оценила красоту и дикое своеобразие этих «привязных аэростатов» гаянской флоры.

Решив сэкономить силы на обратном пути, Юль выбрала самое высокое аэло и без особого труда поочередно оборвала тонкие корни, выступавшие из земли, — каждый в отдельности они были хрупкими и ломкими.

Когда последние корни стали лопаться сами, Юль ловко обхватила руками и ногами прохладный ствол аэло и поднялась в воздух метров на сто.

Подхваченная струёй ветра, девочка понеслась к озеру. Дух захватывало от радостного торжества и сознания, что она совершает недозволенное.

Внизу показался пляж, она слышит испуганные крики растерявшихся подруг и учителей. Над озером ветер сменил

направление, заставив ее сделать небольшой круг, и стремительно понес на север, в сторону островерхих пустынных скал...

Вот тут уже Юль почувствовала страх и крепче прижалась к стволу аэло.

Она не заметила, как Ло вскочил в ближайший вертолет, лишь увидела веревочную лестницу и услышала его успокаивающий голос:

— Хорошо, Юль. Все идет чудесно... Хватайся за лестницу. Отталкивайся от ствола. Быстрее! Держись крепче, Юль!

Освобожденный от тяжести, аэло взвился вверх, а Ло направил вертолет вниз.

— Еще немного, Юль! — уговаривал он. — Потерпи... Берег рядом... Еще чуть-чуть... А теперь — плыви, Юль. Плыви...

5

Прошел последний год пребывания Юль в интернате. По гаянским традициям, на этом, по существу, заканчивалась ее юность и право жить целиком на иждивении своих сопланетников.

Отныне она — как и все — будет также обеспечена всем необходимым для жизни, но никто не будет ее учить, как учили ее в школе, давать ей знания, не особенно считаясь с тем, хочет она их иметь или нет: общество обязано было дать ей необходимый интеллектуальный минимум.

Отныне она выберет свою дорогу в жизни и сама будет учиться, приобретать все, что сочтет нужным для своей профессии, завоевывать ее — пусть в специальных учебных заведениях, консультироваться у педагогов и ученых, но все-таки самостоятельно.

Пройдет и этот период формирования ее личности — и тогда Юль приступит наконец к исполнению своего долга: заботиться о благе планеты.

Тем временем Ло, окончивший интернат на два года раньше Юль, учился в консерватории и жил в уединенном флигеле вдвоем с машиной «Нао», оставленной Народным Советом у него.

Он часто навещал Юль, и она бывала у него, не подозревая, что «Нао» тщательно исследовала ее характер и отношение к Ло.

«Нао» оценивала девушку так строго, что Ло склонен был заподозрить ее в придирчивости. А дело заключалось совсем не в этом: если Юль огорчала Ло машина сурово ее осуждала, если же радовала — то хвалила с тем же усердием...

Ло наедине с «Нао», часто разъяснял ей, что такое любовь с точки зрения человеческой, а уходя, оставлял ей десятки художественных произведений о любви. «Нао» с завидной быстротой знакомилась с ними, сортировала различные признаки любви по-своему, конечно, принципу, но на вопрос Ло отвечала одно и то же:

— В уравнении ваших отношений нет равенства! — И уже не отговаривалась: «мало информации», а добавляла: — Недостает необходимых величин в правой части... — (Левая часть уравнения в этом многолетнем кибернетическом «пасьянсе» принадлежала Ло.)

Зная, что Юль возвратилась после интерната в квартиру своих родителей, Ло первым из друзей навестил ее.

— Что ты скажешь теперь? — весело спросил он.

— Буду астрофизиком, Ло.

— Тем лучше для меня: мы снова будем учиться вместе!

— Почему? — удивилась Юль. — Твоя дорога уже не звучит так музыкально, как прежде?

— Нет, нет, Юль: я остался верен музыке... как и тебе.

— Приятно слышать, Ло.

— Видишь ли, я должен еще знать биохимию, физиологию и физику микромира.

Дня два спустя они съездили в Центр Физических Знаний, запаслись программами, посоветовались с методистами и получили направление в Дом Физики. Как и в других высших учебных заведениях Гаяны, здесь не было ни конкурса, ни определенного начала или конца учебного года: весь курс можно было пройти и за пять лет и за восемь. Не было и переходных экзаменов, по той причине, что процесс учения беспрерывен и учащийся сам выбирал себе «время летных отпусков».

Успеваемость определялась машинами, но по окончании всей программы, включая практику. Ученый Совет, ознакомившись с кибернетической «записью» всего обучения молодого человека, выносил решение о допуске его (или ее) к самостоятельной работе, о чем сообщалось в Учетный Центр планеты.

Зато любой гаянец, когда ему вздумается, мог запросить кибернетику заинтересованного учебного заведения и немедленно получить абсолютно объективную оценку и характеристику любого учащегося...

Таким путем ученые и научные или промышленные учреждения заранее отбирали для себя специалистов.

6

«Годы имеют большую скорость, нежели дни», — говорят на Гаяне.

Став астрофизиком, Юль получила возможность продолжать дело отца: заняться изучением свойств и взаимоотношения Пространства и Времени. Но с чего начинать?

По совету старших девушка приняла предложенную ей должность диспетчера дальних галактических полетов центрального космодрома и улетела на остров Уэл.

... Позывные «Юрия Гагарина», донесшиеся до Гаяны, подняли на ноги всю планету. Столько трагических галактических полетов и столько пропавших без вести в глубинах Вселенной! Каждому хотелось верить: возвращается кто-то из своих.

Очень скоро все выяснилось, и туманные надежды сменились удивлением. Слова «Земля», «Пито-Као», «Юрий Гагарин» и имена всех четырех посланцев далекой планеты стали самыми популярными на Гаяне.

Нашлось столько желающих увидеть их лично, что Народному Совету пришлось издать закон о ритуале встречи и программе пребывания землян на планете. Было объявлено, что земляне совершат путешествие, что они уже дали свое согласие, но и после этого более миллиона жителей отдаленных районов под разными предлогами прилетело в Тиунэлу.

Для Юль неожиданной радостью явилось поручение Совета познакомиться с экипажем «Юрия Гагарина» и руководить их прилетом...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

На озере Лей

1

На аэродроме Тиунэлы мы пробыли недолго. Юль беспокоилась, как бы нас не утомили, но надо сказать, что гаянцы безукоризненно владели собой.

Вдали показался белый гравитомобиль, с изящным прозрачным верхом. Толпа отступила, и мы догадались, что это за нами.

Вез нас веселый гаянец Рат. Он не без гордости говорил о машине:

— Это новинка, ани: я трудился над нею около двух лет. Внешне она напоминает старые гравитомобили, но принцип управления — новый. Здесь, если хотите, исполняются все ваши желания, — и почему-то повернулся ко мне: — Заходите, уважаемый долгожитель, прошу вас...

— Послушай, Рат, почему и Юль, и ты называете меня долгожителем?

— Так у нас принято обращаться к тем, кому больше пятишести столетий...

— Черт возьми! — выругался я по-русски и продолжал по-гаянски: — Мне же нет и пятидесяти, ани.

Рат изумленно посмотрел на меня, не смея сомневаться в правдивости моих слов, но и с трудом веря.

— Полет оказался трудным? — сочувственно спросил он, глянув на мою седину.

— Да нет, летели нормально...

Рат не нажимал кнопок, ничего не включал, не говорил, а машина взлетела и на небольшой скорости стала набирать высоту.

— Дьявольщина! — вполголоса произнес я, не найдя более достойного слова для восхищения.

Рат, ни черта не понявший, вежливо спросил:

— Ты что-то сказал?

— Кем ты работаешь, ани?

— Главным конструктором универсальных транспортных машин индивидуального пользования.

— Тогда объясни мне: где источник энергии для двигателя?

— Везде. У нас энергия передается на расстоянии, и вся планета покрыта оболочкой единой энергетической системы, точно атмосферой.

— А сама энергия? — допытывался я.

— Мы добываем ее из вещества. Сперва пошли в ход горы и даже один хребет. Но стало жалко и, кроме того, необходима сложная защита от вредных излучений... Мы выбрали маленькую планету Миду — недалеко от нас.

— Планету?

— Да. Установили на ней автоматы, превращающие ее вещество в энергию, направленно излучаемую на Гаяну... У нас же на второй луне, построенной Лимом Роотом, имеется мощная приемная станция, она-то и включает эту энергию в распределительную сеть. Так, незаметно, мы съедаем эту безжизненную планету! — засмеялся Рат. — Но ее хватит на миллионы лет.

— Я все же не пойму, как ты управляешь машиной?

— Мысленно. Она телепатически воспринимает мое желание и исполняет его. Но если хочешь знать, — Рат повернулся ко мне и заговорил, все более увлекаясь, — у моего гравитомобиля выявился большой недостаток: он привыкает быстро к одному человеку и плохо слушается других...

— Ну это еще терпимо, — прервал я его.

— Чего же терпимого? — махнул рукой Рат. — Но я все же решу и эту задачу! Сперва нужно полностью изучить характер машины, ее поведение в разных условиях. Поэтому Народный Совет Гаяны разрешил выпустить пока лишь небольшую серию. Хочешь побывать на экспериментальном заводе?

— Очень хочу!

— Когда тебе разрешат, я прилечу.

— А кто должен разрешить?

— Врач Ле. Вы сейчас будете жить на берегу озера Лей, в доме, специально построенном для вас... Когда Ле убедится, что природа и климат Гаяны не противопоказаны жителям Земли, тогда и посетим наш завод.

2

Светло-синее озеро Лей — искусственный курорт. Гористый северный берег долго скрывал его от нас (мы летели на небольшой высоте), а потом сразу увидели по его краям красивые санатории — бледно-розовые, бирюзовые, нежно-голубые, золотистые, аквамариновые, ярко-синие и просто белые здания.

В небе над Леем кружились или висели в воздухе вертолеты, аэростаты, миниатюрные дирижабли, гравитомобили; повыше санаторники выполняли на авиэтках фигуры высшего пилотажа (возможно, прописанные им врачами?..).

Воздух оказался столь «населенным», что я не сразу заметил дирижабль, на открытой площадке которого стояло несколько любителей острых ощущений.

Мы пролетали мимо как раз в тот момент, когда пышноволосая девушка (или столетняя дама — разве на Гаяне угадаешь, да еще на расстоянии!) отчаянно ринулась вниз.

— Упала! — вскрикнул я, хватаясь за подлокотники.

— Прыгнула... — уточнил Рат.

Верно: тонкий эластичный трос извивался за девушкой. Вскоре трос натянулся, а когда до воды осталось совсем немного, и я был убежден, что девушка врежется в группу купающихся, трос спружинил и, видимо, стал накручиваться на барабан, скрытый в глубине дирижабля.

Скорость падения девушки замедлилась, она на секунду замерла над головами пловцов и... стремительно помчалась вверх, где ее подхватили заботливые руки веселых товарищей.

И почти следом за ней из воды пулей выскочил стройный юноша, с широким поясом и плоским ранцем на спине, и вспрыгнул на площадку дирижабля!

— Это еще что за штука? — спросил я.

— Он надел на себя спортивный реактивный двигатель... Так можно взлететь до тысячи метров, если захочешь.

— Не страшно?

— Гаянцы не боятся высоты.

— Но с тросом — это здорово! — сказал я. — Похоже на прыжки с штрабатом в наших земных цирках...

Я еще долго мог бы любоваться этой воздухо-водо-земной жизнью, но нас заметили все, и кто в чем, вернее кто на чем, понеслись к нам.

Рат издал недовольный возглас и, круто развернувшись, направил машину вниз, в сторону бледно-голубой виллы, стоявшей поодаль в густой роще узких и. высоких деревьев — точь-в-точь сочинские кипарисы!

3

Наша резиденция имела подчеркнуто земной вид: двухэтажное здание с колоннадой, треугольным мезонином и прямоугольными окнами с переплетом. У парадного подъезда расходящиеся веером ступени, а по бокам их... Амур и Психея.

«Кипарисы», кусты, подрезанные в виде шара, клумбы. Старинное дворянское гнездо и только странно!.. Мы остановились, переминаясь с ноги на ногу, сбитые с юлку: сходство двух планет становилось необъяснимым.

Дверь дома отворилась, и на пороге появился высокий, широкоплечий гаянец с седой шевелюрой, резкими чертами узкого горбоносого лица, загорелыми открытыми руками, одетый в голубую рубашку и синие свободные брюки, обутый в прозрачные босоножки. Его темно-серые глаза глянули на нас ласково, но изучающе.

— Это долгожитель Ле, — почтительно представила его Юль.

— Привет вам, люди! — густым, низким голосом произнес Ле, поднимая левую руку ладонью к нам. — Я прожил много

дольше вас четверых, вместе взятых, но большей радости, чем видеть вас, еще не испытывал.

— Приветствуем и мы тебя, уважаемый Ле, — сказал Шелест.

Познакомившись с нами, Ле повернулся и, ровный, как струна, вошел в дом, как бы приглашая и нас последовать его примеру.

Оставив кожаные куртки в передней на «ширпотребовской» вешалке, мы вошли в гостиную. Вошли и замерли...

В углу стоял фикус. С потолка на простом крученом шнуре свисала люстра с подобием электролампочек, ярко светившихся. На стене в превосходной раме висела старинная пасторальная картина...

Шелест подошел к тяжелому комоду и хотел пощупать кошку-копилку из многосемейной породы базарно-ягуарно-пантерового подвида «терракота-халтуриус», как верхний ящик не то угрожающе, не то услужливо выдвинулся сам, а кошка-копилка выпустила из щели в спине хорошо распыленную струю ароматной жидкости.

Андрей отскочил и ударился об острый угол стола.

— Черт! — пробормотал он. — Кто придумал такие квадратные столы?

— Квадратный?! — переспросил Глебов. Мы глянули на старинный массивный стол и обомлели: он уже становился идеально круглым! «Наверно, раздвижной», — подумал я, и тотчас стол раздвинулся и принял овальную форму...

Хоутон оробел и присел в кресло-качалку: мы увидели, как распахнулось окно, Боб плавно отделился от пола, перелетел на террасу, и кресло принялось так раскачивать его, что парню стало дурно.

— Остановите меня, остановите! — закричал он, и кресло не только исполнило его желание, но и вернулось на место.

Мы поняли, что в этом хитром доме надо держать ухо востро и удвоили осмотрительность.

Легкий вазон на столе подтанцовывал, набитый живыми гаянскими цветами, вот-вот готовый взлететь, а хрустальная пепельница рядом слабо светилась, и над ней носились объемные фигурки бегунов, пловцов, гимнастов — очевидно, кадры устаревшего гаянского телевидения, модного еще в те времена, когда телепатия только изучалась.

Зато круглый репродуктор на стене молчал и, неизвестно каким способом, наполнял комнату свежими волнами озонированного воздуха.

Металлический календарь на письменном столе отсчитывал время, а круглые часы, вероятно, превратились в термометр.

К швейной машине «Зингер», стоявшей в углу, я подбирался осторожно, готовый к немедленному отступлению, если она проявит агрессивность, но нрав у нее оказался кротким. Я даже рискнул нажать на ножную педаль...

В один миг она покрылась голубоватым ореолом и мягко застрекотала. Едва Боб успел крикнуть нам— «Ложись!», как «Зингер» послушно раскорячилась и легла на пол.

Тогда Хоутон, осмелев и ощутив в себе исследовательский зуд, обошел вокруг и скомандовал: «Встать!» — и «Зингер» встал.

— Гм... — произнес Боб. — Что же у тебя внутри? «Зингер» раскрылся, и мы увидели большой набор всевозможных деталей машин и механизмов. Боб глупо расхохотался и хлопнул себя по ляжке.

— Идиот! — воскликнул он. — Это же гаянский вариант нашего детского «Механо»; у вас в России такую штуку для ребят называют «Конструктором». М-да, тут можно собрать, что угодно... Славно!

Евгений Николаевич, справедливо заключив, что никто и ничто здесь не желает причинить нам неприятность, коснулся дверцы полированной тумбочки: она отскочила и из нее вырвалось морозное облачко — холодильник!

Книжный бутафорский шкаф служил тамбуром коридора, ведущего в наши спальни. Но больше всего нам пришлось размышлять над иконой с лампадкой...

Мы же знали, что в истории Гаяны, к счастью, не было христианства: язычество древних перешло у них в искусство. Это

не тормозило прогресс; на кострах не сжигались заживо талантливые люди; попы и монахи не развращали народ.

На иконе был изображен наш Георгий-Победоносец!

Едва Евгений Николаевич потянул за лампадку, как за сонетку, — Георгий-Победоносец пришел в движение. Мы увидели, что он уже одет в прозрачный скафандр и вооружен электрическим копьем. Началось сражение с драконом — чудовищем неведомой планеты, куда залетел на звездолете житель Земли.

Комната наполнилась визгом и шипением змей, звоном позывных и рокотом летящих на подмогу вертолетов. Евгений Николаевич снова дернул лампадку — икона приняла свой первоначальный вид. И тогда мы догадались, что это библиотека фантастических романов «в издании» стереофонического видеофона.

— Остроумно! — одобрил Хоутон. — Против таких «икон» возразить нечего...

Но курительный набор нас просто растрогал: «сигары» мы съели в тот же вечер — попробовав гаянский лечебный шоколад, а «папирос» хватило на месяц. Это были длинные, приятные на вкус таблетки, улучшающие пищеварение при перемене климата. Кстати, спички оказались тонизирующим средством.

Оленьи же рога над входной дверью на Гаяне могли стать чем угодно...

— Не иначе, как антивирусный излучатель, — предположил я, но они начали передавать последние известия!

— Довольно! — вскричал я. — Пора объяснить нам: что это все означает?..

Но тут Шелест, Глебов и я поймали благодарный взгляд Юль, адресованный Хоутону. Командир посмотрел в глаза Бобу и сурово произнес:

— Может быть, ты объяснишь все это?.. Бедняга смутился и отвернулся вполоборота.

— Видите ли, друзья, идея не моя, честное слово... Когда Юль растолковала психологический смысл всего этого, — тихо объяснил он, — я прокрутил ей один фильм по истории мебели и интерьера в Европе... Но только внешний вид — вы как раз проснулись и помешали мне... А гаянцы хотели сюрпризом... и я тоже... Но то, как они это сделали, — неожиданность и для меня!

Командир успокоенно вздохнул и промолчал.

— Мы сделали все так, чтобы было похоже на то, к чему вы привыкли, — подтвердила Юль. — Эту флору привозили для вас с разных концов Гаяны. Вот только цветы, похожие на ваши, отличаются тем, что их лепестки и стебли наполнены газом легче воздуха: они как бы плавают над землей...

Посреди всего этого хаоса стоял Ле, прямой и торжествующий, всем своим видом показывая, что для гаянцев нет неразрешимых загадок, потому что вслед за взглядом тренированный ум без труда проникает в самую суть увиденных вещей...

Приняв наше замешательство за проявление восторга, Ле тоже успокоился и сказал:

— Я рад, люди, что угодил вам! Ваш звездолет цел и невредим на центральном космодроме. Сюда доставили ваше имущество и, как я полагаю, продовольствие. На первых порах разумнее вам использовать запасы своей пищи, а потом перейдем к гаянским блюдам. Юль, помоги гостям разобраться в багаже и накрыть стол...

Простота, с какой было внесено это предложение — будто мы не прилетели сейчас с Земли за сто световых лет, а вернулись с небольшой прогулки, — вызвала у всех «домашнее» настроение. И я до сих пор благодарен Ле за умение незаметно снять с нас бремя свежих сильных впечатлений и подготовить к дальнейшему.

Стол был накрыт в несколько минут. Впервые после стольких лет космического полета мы открыли свои запасы натуральной пищи. Все, как на Земле: икра, рыбец, сало, колбаса...

— Командир, разреши? — спросил Боб, извлекая из контейнера выдержанный армянский коньяк, и с удовольствием услышал веселый ответ:

— Не только разрешаю — приказываю! По такому случаю...

4

Право, стоило лететь и тысячу световых лет, чтобы на чужой планете, вот так, в узком дружеском кругу, посидеть за круглым столом (в конце концов нам удалось прийти к соглашению и придать столу-автомату форму, одобренную еще рыцарями при дворе короля Артура) и поговорить по душам.

Мы ожидали чего угодно, но то, что мы именно так проведем свой первый день на Гаяне, — никогда.

— А это что? — с интересом спросил Ле, беря в руки коньяк.

— О, дорогой Ле, это эликсир молодости и вдохновения, — загадочно произнес Боб.

— Приятно слышать, — сказал Ле. — Видно, и ваши ученые заботятся о продлении жизни и добром настроении. Хотя я предпочитаю эликсиру облучение. Отведаем и мы с тобой, Юль? Наши лаборанты сделали анализы пищи землян, и можно с уверенностью сказать, что и желудки у нас родственны.

— Как скажешь, так и будет, долгожитель, — кивнула Юль.

Шелест пригласил всех к столу.

— За благополучное прибытие и встречу! — предложил командир.

Ле и Юль неумело чокнулись с нами... При первом же глотке у девушки захватило дух. Ле отпил осторожно, дегустируя, неодобрительно посмотрел на Хоутона и нахмурился.

— Это не эликсир, а своеобразное диагностическое средство, — сказал он, не обращаясь ни к кому. — Вероятно, медики Земли дают эту жидкость больному, чтобы отчетливее выявить его врожденные отклонения от нормы. Здесь есть спирт, лишающий человека сознательного контроля... Юль! — повысил голос Ле. — Наши гости в свою очередь исследуют нас. Их право. Но почему они не делают этого открыто, как мы?

— Дорогой Ле, — вмешался Боб. — Даю честное слово, ты ошибаешься.

— Почему ты даешь честное слово? — насторожился Ле. — Разве земляне не всегда говорят правду и нуждаются в заверениях?

— Нет, нет... Ну, иногда, понимаешь... мы так шутим. Вот послушай, что я имел в виду, называя коньяк эликсиром.

И Хоутон прочел увлекательную лекцию о некоторых традициях землян, благоразумно умолчав для первого раза об алкоголизме и бедствиях, связанных с ним.

Ле смягчился. Проглотил черную круглую таблетку, подошел к репродуктору, вдохнул порцию озона и вернулся к столу.

— Спрячьте свой «эликсир», юноши. Если человек здоров — ему не нужен возбудитель. Если болен — его лечат. Если глуп — наркотики лишь отточат его тупость. Я забыл об... «эликсире», юноши!

То был единственный случай на Гаяне, когда мы промахнулись и краснели за себя и «добрые» земные привычки.

— Скажи, Ле, — не утерпел я, — как удалось на Гаяне так продлить жизнь человека? — Во-первых, — начал Ле, — старость наступает оттого, что мы как бы едим время, порой неразборчиво и в больших дозах. Иной в неделю съедает месяц своего будущего... А такая деликатная, с позволения сказать, «пища», как время, требует бережливого отношения... Все раздражающее человека, удручающее, лишающее его

инициативы, уродующее ум — старит. Много столетий прошло, пока гаянцам удалось создать для себя нормальные условия.

— И все же слова «едим время»-своеобразный гаянский образ? — настаивал Боб.

— Не совсем так, хотя есть у нас пословица: «Чем больше съедаешь полезного времени — тем дольше живешь!..» Верно это, пожалуй, и буквально... Не торопитесь, юноши. Все наши органы чувств можно сравнить с механизмами и приборами. Нас, как и инженеров, всегда интересует точность подгонки «деталей». Но в природе нет абсолютной точности. День за днем, взаимодействуя с постоянно изменяющейся средой, наши «приборы» и «механизмы» накапливают ошибки: вот они и приводят к физиологическому старению. Сравнение: если прибор, обладающий точностью до миллиметра, измерит пройденную гравитомобилем тысячу километров, то он может показать на миллиметр больше или меньше. С расстоянием же ошибка растет...

— Так надо усовершенствовать сам прибор, — сказал Боб.

— В какой-то мере мы этого и достигаем ритмом жизни, питанием, спортом, а главное — созданием благоприятных условий каждому. Когда-то на Гаяне долго жили глупцы и люди, невозмутимые от природы. Есть такие и в наши дни, но их интеллект мало взаимодействует с обществом и средой, и потому, несмотря на равные условия, они угасают раньше возможного. Вот и все. Здесь нет особых секретов. Даже то, что мы уничтожили на Гаяне болезнетворные организмы и победили арпел, играет лишь подсобную роль. Долгожителем становится тот, кто умно и интересно живет. Я рассказываю, чтобы помочь вам ориентироваться в нашей этике и понять наши обычаи. Они просты, но знать их необходимо. А сейчас, юноши, я хочу поближе ознакомиться с вашими организмами.

5

Шелест и я, бывалые авиаторы, привыкли к зачетам и медицинским комиссиям; раздеться нам — плевое дело. А вот Хоутон разоблачался медленно, с неохотой, чем, наверное, и привлек любопытство Ле. Внимательно осмотрев его первого, Ле поощрительно улыбнулся, но, ощупав его мускулы, нахмурился.

— В галактическом полете, — заметил он, — мускулы теряют эластичность и свежесть... Крепость порой остается, а неутомимости нет... Возьми таблетку, юноша.

Боб проглотил коричневую, похожую на фасоль таблетку и несколько секунд спустя буквально весь засиял, излучая из всех пор своего тела голубоватый свет.

— Послушайте, док, вы надолго начинили меня? — дрожа от страха, спросил он по-английски. — Я же сейчас, как ангел...

Ле не понял слов, но догадался, в чем дело.

— Спокойствие, юноша, — наипрекраснейшее украшение человека. Всего несколько минут ты будешь виден насквозь и — пройдет.

Верхний свет погас, и мы увидели белесоватый скелет Боба, розовые мешки легких, красное сердце, отчаянно бившееся в груди, и еще всякую всячину, разобраться в которой мог только специалист.

— Рентген по-гаянски! — восхищенно шепнул мне Шелест.

— Держись, старик, — подбодрил я Боба, — а то твои косточки выстукивают не хуже испанских кастаньет.

— Где ты нашел косточки? — жалобно протянул Боб. — Уже и их нет!

Действительно, скелета уже не было видно, а отчетливо выступила светло-желтая мускулатура, будто с Хоутона содрали кожу и натерли бронзой... Еще минута — вспыхнул

яркий свет, и перед нами предстал Боб в костюме Адама, с каплями пота на лбу.

— Кроме микробов, ничего? — пошутил я.

— Вас облучили на аэродроме, — ответил Ле. — Пока вы слушали музыку и смотрели на нашу танцовщицу... Потом голос вашего певца помог нам... Так что от опасных микробов вы, можно надеяться, избавлены. Да и в этом доме облучение продолжается. Прошу...

Я проглотил волшебную фасолину и медленно стал «таять» в пространстве.

6

Судя по всему, Ле остался доволен осмотром.

— Много одежды... — заметил он, когда мы одевались. — К чему? Не только мозг, но и тело должно чувствовать свободу. Наша одежда проще. Завтра вам привезут ее. Ну что ж, полюбуемся на природу перед сном?..

На открытой веранде мы нарушили беседу Юль и Звездолюба. Отсюда открывался чудесный вид на ночной курорт.

Чужое звездное небо напоминало о нашем, родном полосой Млечного пути. Одна «луна» взобралась высоко, и ее ровное, как меч, отражение плавало на поверхности озера, а вторая прижалась к горизонту, и непонятно было, поднимается она или заходит. Ее отражение перехлестнулось с серебристым отражением первой, отчего она стала похожей на матросскую бескозырку с ленточками.

На противоположном берегу в темно-синем воздухе точно висела густая гирлянда елочных огней, отразившихся в лакированной воде. Слева светились скалы, сложенные из фосфоресцирующих минералов, придавая пейзажу сказочный вид. Чуть слышалась издали мелодия, напоминавшая вальс. Совсем по-российски стрекотали кузнечики и верещали птицы. Но

звуки были нежные, слабые, лишь подчеркивающие власть тишины.

Возле крутого берега, в прозрачной глубине, медленно двигалась ярко освещенная подводная лодка.

Незнакомые тонкие ароматы окружили нас, будто каждый цветок, повисший во мраке над землей Гаяны, стремился доставить удовольствие пришельцам с далекой планеты.

Ласковая ночь опустилась над миром, все погрузилось в величественное спокойствие, отдыхало от жаркого дня.

На горизонте светлая полоса синевы... И только там небесной вуалью повисли тающие белесые облака... Только там воздух был виден и казался занавесью, отделяющей этот добрый мир от холодной, бескрайней Вселенной. Там, над горизонтом, тепло мерцала крохотная искорка, самая дорогая нашему сердцу. К ней были устремлены наши взоры, к ней тянулась душа...

Шелест обнял меня и Хоутона за плечи и негромко запел:

Не слышны в саду даже шорохи,
Все... там замерло до утра...

И мы — Боб, я и Евгений Николаевич — подхватили слова, знакомые и понятные каждому землянину, но вдруг прозвучавшие совсем по-иному здесь, на Гяяне:

Если б знали вы, как нам дороги
Подмосковные вечера!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тайна «Феи Амазонки» ...

1

Я уже не помню, то ли у Хоутона не нашлось под рукой подходящих кинолент, то ли... но спальни в нашей вилле выглядели по-гаянски.

Опишу свою... Комната в двадцать квадратных метров из пластмассы (как многие дома и квартиры на Гаяне). Широкая кровать с голубым синтетическим матрацем возвышается над синим пластмассовым полом сантиметров на тридцать.

Одна стена — сплошь из стекла. В углу шезлонги и высокий торшер, с золотистой тумбочкой и черно-белой панелью управления кибернетикой, видеофон и верньер всепланетного телевидения.

Общее освещение — настоящий световой душ — давал весь потолок, но имелось еще и ночное, в нише у кровати.

Ложусь — и матрац принимает удобную форму, изголовье приподнимается. Хорошо! Только непривычно без одеяла, — на Гаяне их нет.

Верхний свет постепенно угасает, и надо мной вспыхивает звездное небо, как в планетарии, а в стеклянной стене появляется стереоскопический ночной пейзаж: океанский берег, причудливые растения, над горизонтом — «луна»!

Беру в нише книгу, но читать не могу — буквенные знаки незнакомые. «Жаль, нет рядом Ле — спросил бы у него», — думаю я, и в нише над матовым черным шариком телепатона тотчас возникает объемное изображение долгожителя... Он улыбается и негромко говорит:

— Я еще не сплю...

— Да вот, — объясняю я, справившись с неожиданностью, — хотел почитать, не получилось.

— Мы печатаем книги стенографическими знаками — так экономнее. Я не учел, что ты не знаешь их. Завтра привезут старые книги.

— Спасибо. Спокойной ночи...

— Спокойной?! — встревожился Ле. — Неважно себя чувствуешь, ани?

— Нет, хорошо. Так принято говорить у нас на Земле перед сном.

Лицо Ле становится задумчивым, его изображение тускнеет и выключается. «Отличная связь, — размышляю я. — Интересно, что сейчас делает... Юль?»

— Я раздеваюсь, — слышу я ее голос, смущаюсь и все же украдкой гляжу в нишу: изображения нет...

«Тогда еще полбеды, — ободрился я, — телепатоны гаянцев имеют „профилактические“ устройства», — и смелее смотрю в нишу, где вскоре появляется изображение Юль.

Девушка на такой же кровати, как и у нас. Она в легком халате, положила голову на руку безукоризненных очертаний. Лицо ее прекрасно, золотистые глаза искрятся радостью.

— Я, кажется, влюбилась, — наивно сказала Юль.

— В кого же? — еще более наивно спросил я.

— В тебя тоже, в Боба и в Шелеста, — с покоряющей откровенностью ответила она. — Но в Звездолюба — совсем сильно...

— Гм... Так сразу?

— Да, знаешь, сразу, — призналась девушка. — И на Земле так бывает?

— Сколько угодно. Только важно проверить себя, чтобы потом не жалеть.

— Что значит «потом»?

— Как тебе сказать?.. Случается, что вот так сразу сойдутся двое...

— А что значит «сойдутся»?

— Ну, станут мужем и женой...

— Понятно. Причем же тут «сойдутся», «сбегутся», «съедутся»?

— Не знаю... Привыкли к этому слову.

— У нас говорят: куар-эла-бар...

— То есть «зажигать звезды вдвоем»?

— Да. Это из старинной народной сказки. Ну, а если выяснится, что они не подходят друг к другу?

— Тогда все стараются сделать так, чтобы они все-таки продолжали жить вместе, — объяснил я. — Ругают его...

— Бедные! — ужаснулась Юль. — Так ведь они не хотят.

— Все равно. Зато остальные хотят...

— Для чего?

— Чтобы не оставлять детей без отца.

— Их воспитывают дома?

— В основном... Пока не окончат школу и не станут взрослыми.

— Но детей надо убрать от таких родителей, чтобы они не видели их мучений — если нет взаимной любви, может появиться ложь, принуждение... Конечно, жаль, что родители разлюбили друг друга, но они могут во втором или третьем браке оказаться более счастливыми. А дети принадлежат обществу...

— Расскажи о себе, Юль, — прошу я, не уверенный, что смогу находить убедительные доводы в развивающемся споре.

— С удовольствием, — соглашается Юль. — Я родилась в Тиунэле. Мои родители тоже полюбили друг друга сразу, как... — Она, вероятно, хотела сказать «как я», но раздумала. — Полюбили крепко и навсегда...

В ту ночь мы уснули не скоро. Юль много рассказывала о своей жизни, почему-то умолчав о друге детства Ло. Но это ее дело.

2

Через несколько дней в принципе стало ясно, что пребывание на Гаяне нам не противопоказано. Мы. уже спускались к озеру, но пока купались и загорали в стороне от общего пляжа.

Жизнь в обществе Ле и Юль незаметно приобщала нас к обычаям Гаянцев, а друзья наши старались, чтобы при встречах с остальными мы возможно менее казались бы странными.

Собственно, быт Гаянцев, привычки, даже их характеры оказались понятнее нам, нежели думалось.

— Я и раньше утверждал, — напомнил Евгений Николаевич, — что при высокой цивилизации коренные изменения

быта происходят медленнее и должны иметь много родственного на сходных планетах...

Привыкли мы и к гаянскому «самообслуживанию».

Я беру это слово в кавычки, потому что автоматика делала за нас почти все.

Юль подарила нам роскошное издание «Писем к желудку», то есть поваренную книгу. Составив меню, мы набирали на клавиатуре торшера цифры кода, и через пять-десять минут, в течение которых мы — вручную! — сервировали стол, автоматика исполняла заказ.

С приятным звоном в стене над столом открывалась дверка, мы забирали завтрак, обед или ужин. После еды тем же путем отправляли грязную посуду.

Удобно и с одеждой. Каждому из нас подарили многоцветный набор брюк, рубашек, курточек, беретов, шляпы различных форм, сандалеты, туфли, какую-то обувь, напоминающую не то мягкие сапоги, не то плотные чулки; два-три плаща, столько же пальто.

Из всего этого, как из детских кубиков, мы, как хотели, составляли свой туалет. Модной на Гаяне была та одежда, какая сегодня пришлась тебе по душе.

Одежда не мялась, не рвалась, не знала сноса, все было двухцветное и двустороннее — надеть можно и так, и наизнанку.

Зимняя одежда и обувь содержали в себе тончайшие обогревательные элементы, оберегающие тело от морозов.

3

На третий день за мной прилетел Рат.

— Не передумал, ани? — спросил он.

— Нет.

— Может, и остальные захотят посмотреть завод

— Да, конечно, — ответил за всех Евгений Николаевич.Летели курсом на Тиунэлу недолго, хотя и медленно. На дне глубокого каньона, у берега треугольного водохранилища, показался серебристый шар из пластмассы, металла и стекла.

К нему примыкают длинные фермы, толстые трубы и черный шар поменьше, прилепившийся к желтому песчаному карьеру на скате горы. Издали похоже, что упрямый жук силится выкатить задними лапами тяжелый ком...

— Он? — спросил я.

— Да, ани, — ответил Рат и подвел гравитомобиль к скалистой площадке у входа в завод-шар.

— Заходите, — пригласил Рат. — Здесь изготовляются различные опытные машины средних габаритов, а сегодня будет выпущена серия моих гравитомобилей...

Входим в широкий кольцевой коридор, отделенный от самого завода толстой прозрачной оболочкой.

— Пожалуйста! — пошутил Хоутон. — И на работу не пройдешь!

— Тут идеальная стандартизация и высокая точность, — пояснил Рат. — Машины работают в постоянном микроклимате. В центре шара, вон там, — он указал на сложный стенд, — сборка. У меня есть программа. Вот она, в этой капсуле...

Рат извлек из кармана бледно-синий алмаз чистой воды величиной с куриное яйцо — додекаэдроид. В одном его конце было рубиновое вкрапление в виде крохотного одуванчика.

Едва он вставил его в задающее устройство универсального кибернетического завода-автомата, как Боб Хоутон взволнованно вскрикнул:

— «Фея Амазонки»!

Рат вопросительно глянул на него.

— Понимаешь, ани, — сказал Боб, — я видел такой алмаз у нас на Земле... — и повернулся ко мне: — Помнишь, когда ты собирал материал для книги «Тайна Пито-Као», я рассказывал тебе о Джексоне... Ну, том самом, что имел парфюмерную фирму?

— Что купил у Бергоффа алмаз, найденный в районе Амазонки?

— Да, да!

— Вспомнил.

— Не горячись, ани, — вмешался Рат, начинавший приблизительно разбираться в происходящем. — Здесь алмазная только оболочка — корпус задающего программирующего

устройства. В таком «яйце», какое я вам показал, содержатся тысячи «рабочих чертежей» ...

— Будет тебе, Боб, — сказал Шелест. — Просто похоже — и все.

— Может и так, командир, — согласился Хоутон. — Но уж больно поразительно. Только в «Фее Амазонки» рубиновое, вкрапление имеет форму короны с тремя лучиками, а в том, что у Рата, — похоже скорей на одуванчик.

— Нарисуй, пожалуйста, ани, — попросил Рат. Боб исполнил просьбу. Рат внимательно всмотрелся в рисунок, явно удивился и на несколько минут покинул нас.

Вернувшись, он, словно забыв разговор о «Фее Амазонки», продолжил объяснения;

— Вокруг сборочного стенда, ани, — склады стандартных деталей и цехи-автоматы, изготовляющие части новой машины, не предусмотренные прежними стандартами... В данном случае — проще: завод выпустит серию гравитомобилей старой конструкции, только с новым телепатическим оборудованием, да и оно уже знакомо заводу, потому что он изготовил опытный экземпляр, на котором мы прилетели. Ну, давайте наблюдать...

На стенде появлялось шасси будущего гравитомобиля, и со всех сторон, по радиальным каналам, к нему устремились, в определенной последовательности, мотор, агрегаты и крупные детали. Они прикреплялись к своим местам и друг к другу не болтами или заклепками, а намертво приклеивались либо вставлялись в особые пазы.

Буквально на глазах растет «горяченький» гравитомобиль и проваливается в шахту лифта готовой продукции.

— Все идет, как надо, — с удовлетворением сказал Рат, отходя от контрольного щитка. — Можем возвращаться, если надоело, ани.

Но пока все сто гравитомобилей не были изготовлены, нам не хотелось покидать «волшебный шар», как назвал его Евгений Николаевич.

— Ввиду того, что завод экспериментальный, — сказал Рат, — здесь работа идет медленно.

— Ты считаешь это «медленно»? — спросил я.

— На серийном заводе можно выпустить сто гравитомобилей за одну минуту. Даже скорее, если есть надобность!

— Сколько людей работает здесь? — спросил Шелест.

— Ни одного. Подобно единой энергетической системе, предприятия Гаяны объединены в автоматизированные системы.

— Все? — прервал Глебов.

— Да. Но видишь, как: машиностроительные объединены в одну сеть, связь — в другую, воздушный транспорт — в третью, коммунальное хозяйство — в четвертую и так далее Экспериментальные же заводы, как этот, автономные.

— А люди? — поинтересовался Боб.

— Они работают в конструкторских бюро, на Южном полюсе... Там вы встретите и ручной труд! Да еще на заводах звездолетов и в диспетчерских пунктах.

— Кто планирует промышленность?

— Машины. Народный Совет составил программу, в основе которой интересная мысль, шутливо выраженная им так: «Мертвая материя должна взять на полное иждивение живую!..» То есть, человека.

— Отличная мысль!

— В ближайшие годы, после окончания строительства на Южном полюсе, эта программа будет выполнена, — с гордостью закончил

4

Дома — сюрприз: прилетел председатель Народного Совета долгожитель Ган, самое значительное лицо на планете.

Высокий, сухощавый, с типично гаянским удлиненным лицом, длинноухий, с густыми, длинными, как у некоторых наших поэтов и художников, серебристыми волосами, откинутыми назад.

Открытый лоб с двумя поперечными морщинами над переносьем, впалые щеки, умные глаза смотрят из-под лохматых иссиня-черных бровей дружелюбно и весело.

Одет он в серебристую курточку и такие же брюки, в тон его седине и светло-серым глазам. Ноги обуты в сандалии темно-стального цвета. На шее дымчатый шарф, несмотря на теплый летний день. — У меня отклонения в работе (он так и сказал: в работе) щитовидной железы, ани... Ле посоветовал носить лечебный шарф. Как вам здесь? — он обвел руками вокруг.

— Спасибо за дружеский прием, — ответил Шелест. — Мы рассчитывали на него, но «воздух полезнее мыслей о нем» ...

— О! — воскликнул Ган. — Ты уже используешь наши поговорки.

— Мы знали вас еще до того, как увидели, — напомнил Боб.

— Если вы не устали, ани, то... моя жена Эла, и я приглашаем вас к себе.

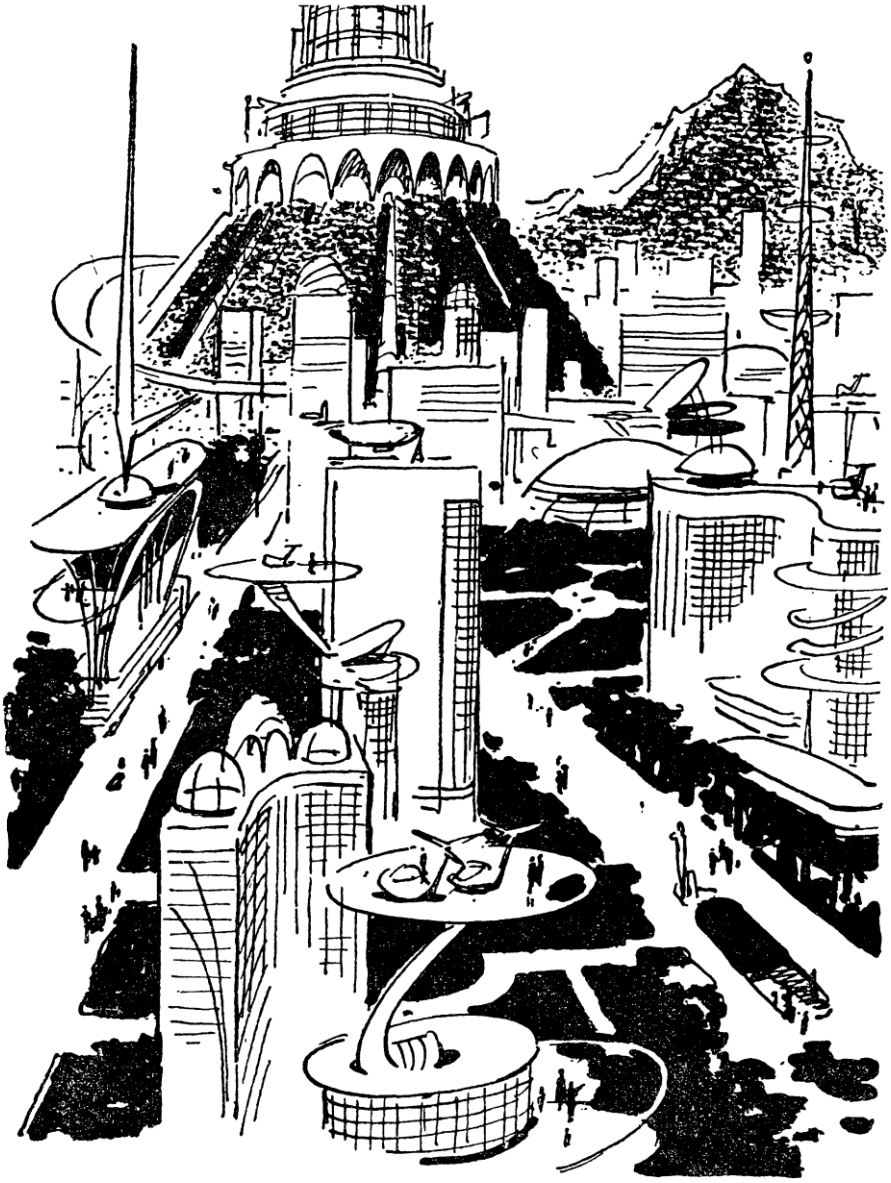
— С удовольствием, — разом ответили Шелест, Боб и я.

— А как Звездолюб?

Феноменально молчаливый Евгений Николаевич встрепенулся:

— Конечно, долгожитель.

Заняв места в Гравитомобиле Гана, мы взлетели, и вскоре под нами показалась Тиунэла Ган сделал круг над столицей.



— Тиунэла — на древнем гаянском языке означает «пять гор», — объяснил долгожитель, разглядывая свой город...

— Пятигорск! — вырвалось у меня, и мне стало радостно при воспоминании о городе на Северном Кавказе, где я провел не один год.

В центре столицы высилась коническая полукилометровая лесистая гора Шу, опоясанная аллеями с площадками для отдыха. С десяток крытых галерей вели от подножия к вершине: они как бы лежали на склонах.

— Эскалаторы, — пояснил Ган.

А на вершине Шу стоит трехсотпятидесятиметровый Дворец Человека из белого полированного камня, круглый, ступенчатый, с ленточными окнами по периметру и с балконами! Внизу здание имеет несколько входов и обширную площадку с пестрым орнаментом цветников, замкнутых широким кольцом дендрария.

Почти на равном расстоянии (семь-восемь километров) от Шу природа установила еще четыре горы поменьше. Они соединялись кольцевой воздушной дорогой: в прозрачных цилиндрических туннелях мчались вереницы поездов. Кроме того, эти горы соединялись с Шу радиальными туннелями, покоящимися на высоких пластмассовых основаниях. Все это вместе составляло сеть воздушных поездов столицы, а когда мы рассмотрели ее вблизи, то увидели, что туннели двухэтажные — имелась еще лента автомобильной дороги и пешеходная дорожка. В фермах-основаниях вмонтированы эскалаторы для пассажиров.

Над гигантским «колесом» воздушной дороги располагалась зона летательных аппаратов городского транспорта. Ниже прозрачного «колеса» полеты запрещались, можно только взлетать и снижаться, да и то по специальным воздушным коридорам, ограниченным радиолучами.

По широким же улицам двигался наземный транспорт с детьми и транспорт служебного значения: скорая медицинская и техническая помощь.

В основном улицы были «подарены» пешеходам. Нигде нет столбов, проводов, ограничительных барьеров и прочих аксессуаров наших современных городов, зато кругом деревья, кустарники и миллионы цветов, плавающих в воздухе.

Ган рассказал о подземном транспорте столицы;
пассажирские линии метрополитена отделены от грузовых.

Пространство между гор и далеко вокруг — это нескончаемый парк, прорезанный ровными широкими улицами стройных небоскребов, с куполообразными крышами, которые одновременно являлись антеннами-приемниками энергии.

— Тиунэла самый высокий город Гаяны, — сказал Ган. — Большинство других городов, особенно молодых, растут вширь — места на планете хватает...

— Мне почему-то странно видеть «древние» самолеты в небе Тиунэлы, — признался я.

— Странно? — усмехнулся Ган. — Крыло, реактивный двигатель, аэростат и многое другое также вечны, как и обыкновенное колесо или рычаг. Пройдут еще тысячи лет, но, по-моему, люди будут пользоваться ими. Да и почему нам поступать иначе, если даже сама природа не смогла придумать более удачное, создавая насекомых, птиц, реактивных рыб?

Квартира Гана находилась на одной из центральных улиц, на тридцать первом этаже.

— Рядом с водой, — пошутил он, снижая гравитомобиль к подножию черного пластмассового исполина с малахитовыми полосами по всему фасаду и алмазными брызгами окон, искрящихся на солнце.

— Ты имеешь в виду озеро Лей? — спросил Шелест, сидевший рядом.

— Нет, зачем... Я имею в виду Шу. В горе необъятные полости, и мы используем их под резервуары водоснабжения... Мы дома. Прошу в лифт, небожители! — весело сказал Ган.

5

Ган и его 132-летняя молодая, в сравнении с ним, черноглазая, подвижная и стройная супруга Эла жили в четырех просторных комнатах: гостиная, спальня, два кабинета; комната для гостей и передняя в счет, не шли.

Мы расположились в кабинете Главы Народного Совета. Библиотека во всю стену закрывалась прозрачной шторой. Другая стена, как и в нашем доме, — сплошное окно без рамы и переплета. Возле третьей, глухой голубоватой стены — темно-синий стол с малахитовым верхом. Кроме черного коммутирующего устройства связи, на столе не было ничего. В углу — традиционный массивный торшер и несколько удобных кресел.

Вошла хозяйка.

Загорелая горянка Эла была одета в темно-вишневое платье, смелый вырез открывал точеную шею и плавную линию плеч. Ее красивые стройные ноги в дымчатых комнатных туфлях были без чулок.

Я стесняюсь разглядывать ее лицо, но, заметив, с каким откровенным любопытством она смотрит на нас, становлюсь смелее.

Круглолицая, розовощекая — с ямочками! — с пухлыми губами и круглым подбородком — поди, дай ей столько лет! — Эла казалась сорокалетней. Впрочем, она такой и была, потому что я скоро забыл о ее возрасте, впервые оценив по достоинству известное изречение землян о том, что женщине столько лет, на сколько она выглядит...

— Замечательные люди! — простодушно воскликнула Эла, останавливая взгляд на Шелесте. — Послушай, Ган, если у них все такие — наши гаянки улетят на... Зе-мм-лью...

— Эла, — засмеялся Ган, — сейчас я представлю тебе наших гостей. Командир звездолета Шелест...

— Ты добрый, ани, — сказала Эла, — мужественный.

— Это Хоутон.

— Трудное имя и длинное, но сам ты простой и веселый, — предположила Эла.

— А вот и Звездолюб, штурман корабля Глебов.

— Тихий мальчик с глазами мудреца, — протяжна произнесла она. — Я понимаю Юль.

Глянув на меня, Эла дружески улыбнулась, увидев во мне равного по возрасту.

— По волосам ты — долгожитель, — заключила она, — но я бы назвала тебя мудрецом с глазами мальчика, ани... Я довольна вами и рада таким гостям. Люди познаются в работе, в опасности и за обеденным столом, говорят на Гаяне. Выбирайте, ани.

Она подала нам «Письма к желудку», набрала на торшере по нашему выбору нужные цифры, дав команду кухне-автомату, и ушла в столовую.

— Мы просим вас, ани, — сказал Ган, — выступить во Дворце Человека, где находится и наш Совет...

— Будет выполнено, — кивнул командир.

— Затем...

Телепатон на торшере вспыхнул голубым светом, и появилось объемное изображение мальчика. Увидев нас, он растерялся, с трудом перевел взгляд на Гана и, запинаясь от смущения, произнес:

— Извини, долгожитель, что я беспокою тебя, да еще дома.

— Кто ты? — удивленно спросил Ган.

— Меня зовут Оу, долгожитель. Воспитанники школ-интернатов Юга поручили мне узнать: прилетят ли к нам земляне?

— Спроси у них сам, Оу...

— Прилетим непременно, — ответил Шелест, подняв левую руку.

Мальчишка издал восторженное восклицание, и телепатон выключился.

— Вот, — улыбнулся Ган. — Так все время... Мы думаем, ани, открыть Институт Земли и просим вас быть консультантами.

— Для того и прибыли, Ган, — сказал командир.

— Еще не все, ани, — помедлил Ган. — Я хочу подробнее расспросить тебя, Боб...

— Слушаю, долгожитель, — ответил Хоутон, озадаченный как самим тоном, так и обращением к нему лично.

— Рат передал мне о вашем разговоре... Скажи, ани, как называется алмаз, что ты видел на Земле?

— «Фея Амазонки».

— Гм... Кто дал ему такое название?

— Один тип, Бергофф.

— Значит, житель Земли — твой сопланетник. Не Мана? Не гаянец?

— Нет, долгожитель.

Ган вздохнул, подумал, вынул из тумбочки торшера фотографию и молча протянул ее Хоутону.

— «Фея Амазонки»! — привстал Хоутон — Я видел ее и готов биться об заклад, что это она.

— Думаю, ты не ошибся, ани, — сказал Ган, взволнованный словами Хоутона. — Эту фотографию мне принесли из архива... Когда Гаяна провожала галактическую экспедицию на звездолете «Тиунэла», который достиг вашей Земли... командиру корабля Тоту вручили это программирующее устройство, содержащее в себе конструкцию такого же звездолета, как и «Тиунэла» Если, рассуждали тогда члены Народного Совета, они попадут на планету с высокоразвитой техникой, на заводах той планеты легко построить новый звездолет, привычный для наших космонавтов.

Ган посмотрел на фотографию и, не отрывая от нее взгляда, добавил:

— Командир «Тиунэлы» Тот — мой родственник...

Наступило молчание. Потом снова заговорил Боб:

— В своем дневнике Мана рассказал, что Тот погиб при землетрясении на Пито-Као... А Бергофф нашел алмаз «Фея

Амазонки» в Бразилии, то есть в нескольких тысячах километров от острова... Не может же быть здесь ошибки?

— Все может, — подумав, ответил Ган. — Например, мы уже обнаружили неточность в расчетах Мана и ваших ученых: экспедиция на «Тиунэле» летела к вам, на Землю, не четыреста земных лет, а двести семнадцать...

— Ты хочешь сказать, долгожитель, что, возможно, Тот не погиб?

— Я желаю этого, ани!

Поразительно: неужто мир до такой степени «тесен», что судьбы людей и события двух планет уже переплетаются?!

— Стол накрыт, — объявила Эла, войдя к нам широким быстрым шагом...

— Ты не геолог? — улыбнулся я.

— Почему ты так подумал, ани?

— Глядя на твою походку и энергичность...

— Нет, я писательница, а угадаешь ли профессию Гана? — лукаво спросила она.

— Математик? — предположил Глебов.

— Астроном, — уточнила Эла. — Он стал знаменитым лет за сто до моего рождения. У него много научных трудов, он открыл несколько звезд, изучил и описал их...

— Видно, Ган не торопился, открыв свою лучшую звезду не так давно, — галантно ввернул комплимент Боб, удачно скаламбурив: Эла — по-гаянски означает «звезда».

— Не так уж и недавно, — засмеялась Эла. — Скоро сто лет, как мы вместе...

— А я все еще не могу ее изучить и описать! — засмеялся Ган.

Эла ласково прижалась к плечу мужа, но, глянув на нас, спохватилась.

— Стол с едой — не археологическая находка, — сказала Эла. — Он не привык долго ожидать...

После обеда мы послушали гаянскую музыку, певучую и темпераментную. Звуки невидимых для нас инструментов (мы слушали запись) напоминали звучание современных земных электроинструментов. Что же касается самих мелодий — да простят меня ценители только классической музыки! — то, что мы услышали, было в духе любимого мною джаза...

Впрочем, не один я грешен. Хоутон предусмотрительно прихватил с собой карманный кристаллофон и, в свою очередь, включил его.

Евгений Николаевич, сидевший возле торшера и смотревший телевизионную программу, привскочил.

— Ну зачем так резко, Боб — недовольно произнес он. — И ни с того, ни с сего...

— Как?! — возразил Хоутон, выключая кристаллофон. — Разве вы не слышали сейчас гаянскую музыку?

— Я увлекся известиями, но, разумеется, слышал бы, если бы она была...

— Звездолюб не виноват, — объяснила Эла. — Мы включили запись по Телепатону, а ее слышит лишь тот, кто хочет ее услышать — А для остальных — тишина? — спросил Шелест.

— Конечно.

— Удобно! — засмеялся я. — Одни танцуют, а рядом — спокойно читаю!..

— Раскрою один секрет, — сказал Ган. — Эла хочет сегодня все устроить похожим на земные обычаи, ты ведь кое-что рассказывал Юль, ани... — повернулся он к Хоутону. — Кажется, после еды положено танцевать? Вероятно, для улучшения пищеварения? Весьма разумно, ани. И почему бы нам сейчас не ускорить обмен веществ?

— Не совсем так ты понял, долгожитель, — пробормотал Боб, — но давайте и потанцуем.

— Только немного, ани, — попросил Ган. — Юль рассказывала об одном фильме, показанном тобой, когда вы летели к

нам... Люди до того натанцевались, что шатались и падали от усталости, даже теряли контроль над собой и почему-то ссорились...

Андрей Шелест пришел в ярость и едва сдержал себя.

— Ну, погоди, — тихо произнес он, наклонясь к Бобу, — дома я поговорю с тобой!

— Командир, — шепотом попытался оправдаться Хоутон, — ну что там было особенного: веселая компания и только!

— Стоп: на нас смотрят — танцуй! — И дружески обняв Боба, так что у того хрустнули косточки, Шелест громко сказал, обращаясь к хозяевам: — Наш Хоутон — неисправимый любитель старины... Он показал Юль кадры старого фильма...

— Командир, — повернулся к Шелесту Боб, оттирая внезапно взмокревший лоб, — у меня с собой большинство кристаллов — американский ультрамодерный джаз. Как быть? Предметная музыка...

— Выбери полегче, что ж теперь делать, в следующий раз — советуйся. Извините, ани, это мы обсудили, что вам предложить послушать... — по-гаянски объяснил он Гану.

— Да, пожалуйста, — наклонился долгожитель.

Боб, хотя и неплохо владеющий русским, понял слова Шелеста в смысле «самая легкая музыка» и с удовольствием кинул в кристаллофон синюю сверкающую горошину.

Из аппарата вырвался дьявольский вопль, паровозное шипение и ритмичное постукивание костей: началась знаменитая «Чечетка в аду»!

Даже я отвернулся и посмотрел на командира. Андрей побледнел и опустил голову. Боб выключил кристаллофон, растерянно поморгал и торопливо заменил запись.

— Вальс... — хрипло объявил он.

Визит наш затянулся до часа ночи, и всем было весело. На прощание отведали гаянского освежающего чая, густого и кисловатого, и поднялись...

Домой нас вызвалась доставить Эла — Ган остался немного поработать. Мы спустились на лифте, вышли на улицу и, несмотря на поздний час, увидели массу гуляющих Небоскребы фосфоресцировали в темном небе всеми цветами — светящиеся краски, прозрачные днем, сейчас превратили их в горящие факелы самых необыкновенных форм.

Улицы залиты белым светом, а в небе пляшут, мерцают, вращаются, взрываются и гаснут, рассыпаясь на тысячи осколков, декоративные разноцветные огни.

Мы впервые знакомимся с гаянским искусством светописи. Несмотря на калейдоскопичность этого феерического зрелища, легко различаешь, что мириады огней составляют нечто огромное целое — одни орнаменты сменяют другие. Вслед за ними в высоте появляются целые огненные картины — жанровые и бытовые сценки, их сменяют дружеские шаржи и острые карикатуры, вызывающие общий смех, но еще не совсем понятные нам.

На фасадах домов сияют неподвижные (чтобы не отвлекать внимания от основной программы) названия кафе и... рекламы! Последнее так удивило нас, что мы обратились за разъяснением к Эле.

— Да, реклама, — согласилась она. — У нас нет магазинов в вашем смысле, но ведь остались ателье и «Дома необходимых вещей» различных назначений. Реклама помогает найти нужный дом или ателье, да и приятнее заходить, когда вокруг нарядно и празднично.

Видя, что нас заинтересовала ночная столица, Эла предложила пройтись до ближайшей площади и там взять свободный Гравитомобиль. Прохожие узнавали нас, радостно приветствовали, так что мы устали поднимать руки и отвечали им кивком головы, улыбкой или взглядом.

Вообще суетливость, беготня, громкий, обращающий на себя внимание разговор считались признаком дурного тона.

Только неуемное любопытство гаянцев было, пожалуй, единственным, что порой лишало их внутреннего равновесия и сдержанности. Но и на этот раз никто не подошел к нам с расспросами, не просил автографа. Зато фотографировали нас чуть ли не на каждом шагу.

— Я чувствую, как худею, растворяясь в снимках, — смеялся Хоутон.

— Столько людей в поздний час... — заметил Евгений Николаевич, привыкший проводить ночи в обсерватории и потому удивленный больше всех.

— Гаянцы любят ночь, — ответила Эла. — Сегодня же в небе соревнование художников света, и всем хочется посмотреть и оценить их мастерство.

— Оценить? — переспросил практичный Боб.

— Да. Многие зрители сообщат свое мнение в вычислительный центр, который и определит, кому присудить победу.

Зашел разговор о земной культуре, искусстве, особенно о литературе.

— Скажи, ани, почему ты взял с собой только одну книгу? — спросила меня Эла, вспомнив рассказ Шелеста о нашей подготовке к вылету в Москве.

— Командир предупредил, что можно взять из личных вещей лишь несколько сувениров... Я выбрал часы, фотографии и эту книгу...

— Значит, самую любимую?

— Да, Эла. Ее написал Александр Грин, большой человеколюб и выдумщик...

— Я прошу, ани, — Эла умоляюще посмотрела на меня, — читай и переводи ее мне. Ладно? Хочу знать, что написано в ней.

— Ладно, Эла.

Побродив немного, мы подошли на площади к первому попавшемуся Гравитомобилю и улетели.

В машине, бесшумно летящей в ночном разукрашенном небе, мы почему-то притихли. Эла не прерывала наших раздумий: мы уже стали привыкать к деликатности Гаянцев, к их умению угадывать тональность настроения.

Лишь когда Гравитомобиль опустился у нашей виллы на берегу озера Лей, Эла обняла нас поочередно и с не свойственной ей грустью сказала:

— У меня три таких сына... Очи улетели вместе. В космос. А в Будущее нельзя смотреть, как в зеркало... Навещайте нас, ани, когда захотите.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дворец Человека

1

Сегодня наше первое выступление в Народном Совете. За нами прилетел Рат.

— Ты решил стать нашим постоянным водителем? — улыбнулся Боб.

— Я с целью выпросил эту должность, — признался Рат. — Не только мне, но и моей машине полезны встречи с землянами... Расширяется диапазон испытания гравитомобиля, ани.

Вскоре прилетел Ган.

— Долгожитель, — сказал Шелест, — свой первый официальный визит в столицу нам хотелось бы начать с посещения Пантеона.

— Прекрасно, ани! Уважение к предкам — дорогая для Гаянцев традиция. Я разрешил сегодня аппаратуру связи в наших гравитомобилях и в общественных местах включить в общую вещательную сеть. За нами наблюдает Гаяна, ани.

Шелест невольно окинул взглядом себя и нас: мы были одеты в превосходные черные «земные» костюмы, в шляпах, при галстуках — таково было распоряжение командира, пожелавшего представить свой экипаж, так сказать, в форме номер один.

Я и Глебов, вероятно, показались ему безупречными, но Хоутон расстегнул воротничок и приспустил узелок галстука Шелест моргнул ему, и сметливый Боб поспешно придал своему «ошейнику» — как он с искренним негодованием величал эту опору мужской респектабельности — должное положение.

— Здесь вмонтирована киносъемочная аппаратура? — спросил Рат, рассматривая бриллиантовую булавку, которую Боб переставил на галстуке.

— Это... — Хоутон запнулся, глянул на командира и мужественно признался: — Нет, украшение.

Рат не совсем понял, но вежливо улыбнулся и переключил свое внимание на сияющие запонки Боба. Рыжая шевелюра нашего друга возмущенно встопорщилась, как у дикобраза, но строгий взгляд командира как бы вновь пригладил ее. Боб в свою очередь задал вопрос:

— Разве это удивительно? У вас я тоже вижу безделушки: брошь на левом плече, даже браслет...

— Это не безделушки. У нас принято носить с собой киносъемочный аппарат с звукозаписью, — Рат потрогал пальцем брошь, — и личный Телепатон, — он показал красивый, замысловато инкрустированный браслет. — А это тоже украшение? — спросил Рат, указывая на наши пояса.

— Нет, — серьезно ответил Боб. — Это механизм для регистрации аппетита...

2

Мы помнили вид Пантеона по энциклопедии Гаянцев, но за то время, что минуло со дня вылета к нам «Тиунэлы», в столице произошло много изменений. Изменился и вид Пантеона. Теперь он размещался внутри самой высокой, после Шу, горы Ивы, тоже находящейся в городской черте.

— Сперва мы «съели» часть ее внутренности, — пошутил Рат, когда машины нашей группы снижались к подножию Ивы, — превращая горные породы в энергию, а потом по решению Совета устроили в ней новый Пантеон.

Лесистая Ива, так же, как и Шу, имела вид правильного конуса. Природная ее форма подсказала архитекторам и художникам внешнее решение Пантеона. Читатель догадывается, что у Гаянцев он называется иначе, но я настойчиво продолжаю описание увиденного на Гаяне в земных образах и сравнениях, что позволяет избежать многочисленных комментариев и сносок, украшающих научные диссертации и придающие им убедительность, подобно значкам и медалям, но утомительных в иных случаях...

Сторона Ивы, обращенная к центру столицы, была у подножия как бы срезана на четверть своей высоты и превращена в монументальный вход. Пятидесятиметровая колоннада из темно-серой пластмассы служила основанием большому полумесяцу, лежащему рожками вниз. Фронтон украшали слова: «Истина — это жизнь!»

Многочисленные колонны двумя полукружиями как бы обнимали и площадь у фронтона; высота их постепенно уменьшалась, и возле городского сквера последние трехметровые колонны с той и другой стороны служили пьедесталами для скульптур: юноши — слева и девушки — справа. Их позы создавали впечатление, будто юноша бросил конец газового шарфа, а девушка со смехом только что его поймала.

Над головами входящих действительно развевалась легкая, как паутина, ткань ярко-вишневого цвета.

Перед входом, в центре обширной гладкой и круглой площади, из земли точно вырвалась на дневную поверхность дикая скала с скульптурой: на стреловидной струе пламени взвился в космос первый гаянский звездолет.

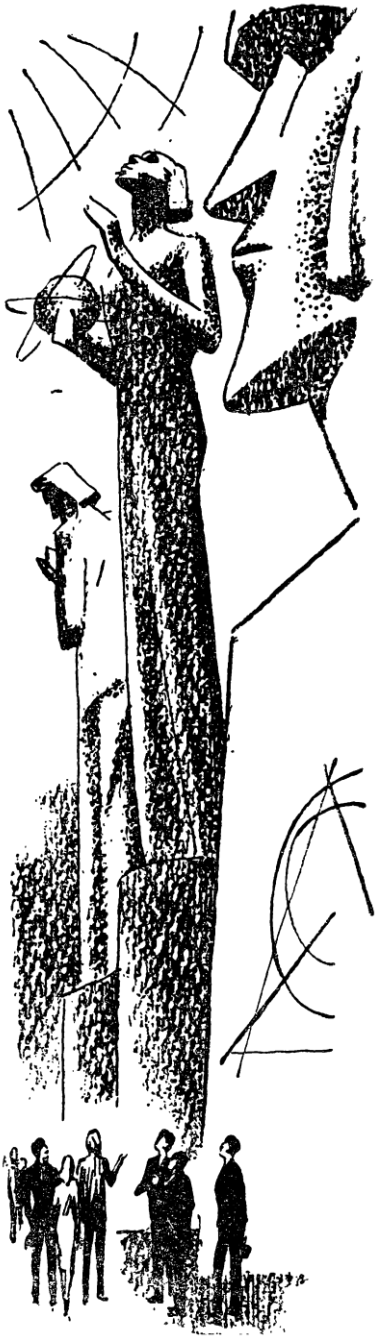
Гравитомобили опустились перед фигурами юноши и девушки с шарфом. Мы вышли из машин и дальше двинулись пешком. Командир, а за ним и мы, сняли шляпы. Здесь сотни посетителей. Они бродят, рассматривая горельефы и картины на стенах. И нет у них того мистического настроения, которое охватывает нас в Ново-Девичьем монастыре, Ленинградском некрополе или на любом другом кладбище.

Конечно, там это невольно связано с тем, что нас окружают останки предков. На Гаяне иначе: у них нет обычая хоронить или сжигать в крематориях тела умерших; в специальных устройствах они превращаются в энергию и вливаются в общую сеть, как бы символизируя или ускоряя величайший естественный процесс, происходящий в природе и называемый нами круговоротом веществ.

В гаянском Пантеоне в красивых (и совсем не стандартных, на этот раз!) нишах хранятся микрофильмы, рассказывающие о жизни и трудах крупнейших ученых, писателей, общественных деятелей, в общем, выдающихся тружеников планеты.

Здесь все дышит жизнеутверждающим творчеством и скорее напоминает своеобразную библиотеку, что ли; кибернетический вариант серии «Жизнь замечательных людей», основанной когда-то Горьким и до сих пор выпускаемой московским издательством «Молодая гвардия» ...

Ган рассказал, что высшим признанием заслуг Гаянца является помещение его трудов в Пантеоне и еще одно — прямо противоположное тому, что происходит у нас, на Земле. Скажем, после полета Юрия Гагарина тысячи родителей называли



своих только что родившихся сыновей его именем. А на Гаяне наоборот: имя человека, признанного всеми достойнейшим, великим, больше не повторялось. Фамилия его продолжала свое шествие в веках, а имя — нет. Таким образом, будь Гагарин Гаянцем — он стал бы «последним Юрием»!

... Внутри Пантеон величественен и необычен для нашего глаза. Как я уже говорил, горельефы, картины, портреты, статуи, стометровый сводчатый потолок — все это было как-то ожидаемо нами.

Необычным явились бесчисленные фонтаны различных форм и размеров, бесшумные водяные каскады и фигурные бассейны со светящимся дном, причем сами струи воды, переплетаясь или зрительно накладываясь одна на другую, создавали своеобразный орнамент.

Гаянцы — мастера светописи и водописи и умудряются посредством сравнительно несложной техники добиться большой впечатляющей силы.

Среди статуй мы нашли «знакомые нам лица»:

Ри — общепризнанный гаянский Эйнштейн, Эдр — главный редактор гаянской энциклопедии, подаренной землянам; Тот, Мана, Лоот и другие участники галактических экспедиций на «Тиунэле» и «Фело».

Ган рассказал нам трагическую историю рода Роотов — потомственных исследователей Галактики, последним представителем которого является наша милая Юль, идущая сейчас рядом с нами

3

Дворец Человека по своему назначению можно было бы назвать Дворцом культуры, если бы в нем, наряду, так сказать, с «союзами» писателей, композиторов, художников, архитекторов, не находился Народный Совет Гаяны — высший общественный орган планеты, руководящий всей жизнью Гаянцев.

Здесь имелись небольшие залы для встреч, обсуждений и диспутов по разным вопросам науки и искусства или житейским проблемам.

Деятели культуры встречались со своими почитателями или оппонентами, а кому надо — шли к членам Народного Совета, совмещающего функции Академии наук, Верховного Суда, распределяющего материальные ресурсы планеты и планирующего в общих чертах народное хозяйство. Число его членов было традиционным (английская черта!) — тысяча человек.

Кроме малых залов, к услугам Гаянцев были со вкусом меблированные комнаты — кафе, где можно просто отдохнуть с друзьями, помечтать, потанцевать. Стенной указатель в вестибюле помогал выбрать подходящий, не занятый другими уголок.

В середине Дворца находился Главный зал на сто тысяч мест; в нем происходили заседания Совета и всенародные

обсуждения важных вопросов, спортивные соревнования на первенство планеты, массовые игры и представления.

Дворец Человека являлся также и хранилищем «Энциклопедии наук». Тысячи каналов радио и телепатической связи круглосуточно обслуживали жителей Гаяны.

Под цоколем здания, в подземных этажах, рядом с машинами «Энциклопедии наук», находился и Генеральный Проблематор. Смысл его в следующем.

Скажем, явление «парадокс Глебова», оказалось для науки, конечно, неисследованным, новым. Каждый гаянец по-своему пытался осмыслить его, и у многих возникали своеобразные гипотезы. Если автор такой гипотезы находил, что она полезна делу, он соединялся с Генеральным Проблематором и передавал машине свои соображения.

Далее кибернетика сличала их с тем, что имелось по этому вопросу в «Энциклопедии наук», и, найдя гипотезу оригинальной, сравнивала с другими вариантами, полученными к тому времени. Специальные устройства анализировали все, что поступало по той или иной проблеме, систематизировали и обрабатывали наиболее зрелые предположения, сообщая их в Народный Совет.

При голосовании в Совете право решающего голоса имел и Генеральный Проблематор, внимательно анализирующий ход обсуждения...

... К нашему приходу Главный зал полон. Нас встречают восторженными возгласами, и лес рук приветствует жителей Земли.

Члены Совета заняли места в первых рядах амфитеатра, а на круглом возвышении возле торшера сели Ган и мы.

Несмотря на высокий параболический потолок, с которого можно «спрыгнуть на парашюте», как пошутил Шелест, акустика была отличная. Впрочем, и радиоусилители

автоматически регулировали силу звука. Основание зала вогнуто — похоже, будто мы вошли в колумбово яйцо.

— Дорогие сопланетники, — стоя произнес Ган, когда общее возбуждение улеглось. — Разрешите представить нашим гостям членов Совета...

Девятьсот девяносто девять Гаянцев поднялись и склонили головы. У каждого на левом плече брошь — отличительный знак (он же миниатюрный кибернетический секретарь!) члена Совета.

— ... и тех, кому сегодня посчастливилось быть здесь.

Поднялся весь зал. Ган сделал знак, все уселись, и воцарилась тишина.

— Разрешите представить вам и наших гостей... ... После того как мы были представлены поочередно, Ган продолжал:

— Мы не раз спорили о том, как могут выглядеть жители других планет. Некоторые ученые и их собратья — писатели-фантасты — полагали, что человек Неизвестной планеты многорук или многоног, по-своему наделяли его невероятной внешностью. Вам известно мое мнение... Я допускал и допускаю, что на Неизвестной планете возможны обитатели совсем неожиданного для нас вида. И все же это будут только Разумные Существа! Но если где-то во Вселенной есть люди — они обязательно подобны нам. Человек неповторим, сопланетники! Разум — да. Он может принимать различный физический облик, это «его дело». Но Человек — одно из основных разумных творений природы, — сопланетники, будет схожим везде. Теперь, когда гости с Земли находятся в нашем дружеском кругу, в сказанном сомневаться нельзя. Я объявляю открытым самое замечательное заседание Народного Совета и прошу гостей предложить оптимальный вариант нашей встречи.

— Дорогие ани, — встал Шелест. — Мы уже знали, к кому летим, знали вашу историю, немножко — быт, знаем ваш

язык... И все же сам факт благополучного прилета на Гаяну и обилие впечатлений грозили захлестнуть нас... Мы благодарны долгожителю Ле, разработавшему своеобразную «психологическую защиту», сумевшему постепенно и просто приобщить нас к вашей жизни... Я волнуюсь, ани, да еще не отличаюсь ораторскими способностями. Я согласен с долгожителем Ганом, могу лишь добавить... Общеизвестно, что по своим размерам человек является средним между атомом и нашей (или вашей, все равно) солнечной системой. Может быть, ани, мы с вами «среднее» возможных форм разумной жизни?..

Слова Шелеста были встречены одобрительно и особенно понравились Гану.

— Вы старше нас, ани, не только астрономически, но и в смысле общественном... Мы это понимали и почему-то побаивались, что высокая техника преобразит вас внутренне, заглушит простое, человеческое... Оказалось не так. Техническая, материальная обеспеченность позволяет человеку именно быть самим собой, развить в себе лучшее, что в нем есть... Наша история пока еще полна трагедий. Есть войны, социальное неравенство, тяжелая жизнь. Мы честно расскажем вам, а кое-что и покажем, правдиво и, так сказать, не преодолевая «барьера скромности» ... Вы поймете, почему так дороги землянам имена Маркса, Энгельса, их продолжателя, основателя первого у нас свободного государства — Ленина и многих других. Посмотрите фильм «Земля», снятый специально для вас...

В зале погас свет, на высоком куполе вспыхнули четыре огромных экрана и под звуки Первого концерта для фортепьяно Чайковского в исполнении Вана Клиберна диктор, говоривший на недурном гаянском языке, объявил:

— Земля... Она находится от вас на расстоянии ста световых лет. Мы послали к вам четырех своих сынов, которые доставят вам подарок — нашу энциклопедию, и многое расскажут сами. Вот как выглядит Земля с нашего естественного спутника —

Луны... А сейчас — с космической станции... С самолета... И вот мы с вами, ани, приземляемся... Московский аэропорт. Пересядем в автомобиль... Москва! Отсюда мы и начнем ваше знакомство с планетой. Дворец Советов. Статуя Ленина— величайшего человека на Земле. Его Мавзолей. Он сам... Его жизнь и творчество настолько связаны с прошлым и будущим народов нашей планеты, что, рассказывая о нем, мы тем самым расскажем о Земле, какой она была и какой стала.

Фильм длился три часа...

4

Трибуны для выступающих не было. Желающий говорил с места, не вставая, а радио доносило каждое его слово в самые отдаленные ряды.

Сперва разговор шел о судьбе гаянских галактических экспедиций, достигших Земли, и нам задали много вопросов. Дополняя друг друга, мы удовлетворили законный интерес присутствующих. Затем один из долгожителей попросил нас рассказать о себе. Была удовлетворена и эта просьба.

И только после началось обсуждение предложений членов Совета. Их оказалось немного: вся планета знала о нас еще из репортажа Хоутона. Сегодняшняя встреча и фильм «Земля» дали Гаянцам представление о вероятном характере и объеме работ по изучению привезенных нами материалов. Существенно облегчило все дело то, что энциклопедия Земли была составлена на гаянском языке.

Совет решил: Построить в Тиунэле здание «Земля» и экспонировать в нем разделы энциклопедии в виде моделей, макетов, картин, снимков и живой флоры и фауны для общедоступного обозрения. В этом же здании разместить Институт Земли; его руководителем назначить Элу, жену Гана.

Покинув Дворец Человека, мы, по просьбе Гана, прошлись по столице. Теперь считалось, что все мы знакомы друг с другом, и к нам подходили, приглашали в гости. Кто-то из сопровождающих корреспондентов запросил счетный центр и получил комичный ответ: чтобы посетить тех, кто уже пригласил нас с разных концов планеты, нам придется затратить ни мало ни много 73 года, если каждый визит «обойдется» нам в один час!

Разумеется, на ходу, да еще на веселой прогулке серьезных вопросов не задают — так поступали и тиунэльцы. Заметный интерес вызвали у всех... наши галстуки. Хоутон воспользовался удобным обстоятельством, снял свой «ошейник», показал его нехитрое устройство и, объяснив, как надо им пользоваться, подарил его первому попавшемуся юноше.

Ужинали мы у Гана и снова улетели во Дворец Человека.

Дворец полон и вечером.

— Вот вам и новая мода, завезенная с Земли! — сказал Боб, когда мы вошли в зал.

В самом деле многие мужчины украсились... галстуками всех цветов и оттенков.

— Славные ребята, — похвалил Боб. — И узлы завязали правильно... Как я учил! — горделиво напомнил он.

Нам забронировали места в первом ряду. Глубокие кресла управлялись шариком в правом подлокотнике и принимали желаемое положение. Если же вдавить шарик — оно бесшумно опускалось под пол, и вы могли выйти, никому не мешая, в фойе под зрительным залом.

Точно так же, если обстоятельства принудили вас опоздать, вы снизу «вызываете» свободное кресло и «выпархиваете» на нем в зрительный зал.

Кресла оборудованы индивидуальным Телепатоном: можете поговорить с приятелем или узнать об актере или пьесе и ее авторе.

Сцена — та же круглая площадка, что и днем, — не имела занавесей, ямы для оркестра, кулис. Часть потолка над ней опустилась, и в дальнейшем между «верхом» и «низом» шло такое неуловимое техническое взаимодействие, что не всегда и уследишь, как менялись декорации, как живое действие на сцене переплеталось с телепатическим.

Сегодня нам собирались показать спектакль «Амир», пьесу-сказку. По жанру — это соединение драмы, балета и оперы; по сюжету — близкое земной «Одиссее».

Потолок потемнел, на горизонте розовело заходившее Фело, гаянское солнце, перед нами — плещущий спокойный океан. В зале стихло: началось телепатическое вступление. Каждый видел его прямо перед собой, где бы ни сидел, что выгодно отличало этот способ от экранного телевидения. Изображение и звук излучались непосредственно в мозг.

Где-то вверху зазвучала мелодия, певучая и таинственная, едва уловимая. В глубине океана рождался ее аккомпанемент. Пахнуло свежестью, соленой водой. Мимо нас проносились берега островов и материков. Кое-где задымились костры, и полуголые люди окружили огонь, увлеченные вечерней трапезой. Неподалеку — их шалаши и каменные пещеры.

Сочный баритон заговорил, обращаясь к нам. Голос доносился со стороны заката и гулко бежал по океану:

— Слушайте, гости с Земли, смотрите, размышляйте... Мы любим нашу легенду о мудром, вечно-живущем гаянце Амире. Она стара, но не желает увядать, она проста, но ее смотрят и долгожители, и молодежь...

Это было давно, когда на небе светило совсем мало звезд... Ведь всем известно, говорится в сказке, что каждая звездочка — это один год, прошедший в истории человечества на Гаяне; время, послужив людям, постепенно переселяется на небо...

Вверху, в искусственном небе, блеснула жалкая горсточка золотистых искр.

— Всякие люди жили и тогда на Гаяне, — продолжал баритон, — каждый по-своему, как умел; но жил для себя, сам искал истину. Мудрейшие из них построили Храм Вечности и складывали в нем людские горести и радости, записанные в книгах, пытаясь разобраться во всем и отыскать истину, общую для всех. Но жизнь их была коротка... Они старели и умирали, не познав ее.

На сцене возник храм, сложенный из черного камня, устремленный ввысь, украшенный геометрически строгим орнаментом и символическими скульптурами. Фонтаны украшали его тонкими струями, водяными веерами и прозрачными каскадами водопадов, сквозь которые виднелись горящие факелы.

Внутри пылали священные светильники, и свет пламени таинственно оживлял фигурные, затейливые прорези в стенах храма.

Жрецы, бритые наголо, наверное, для того чтобы освеженные дыханием ветра и воды их головы с большей гарантией могли проникнуть в смысл жизни, изучали рукописи. Полуобнаженные девушки исполняли священные танцы и гимны.

— И однажды, в грозовую ночь, родился Амир... Последовала телепатическая сцена грозы, такой реальной, что нам стало не по себе. Черные тучи светились мертвенно и угрожающе, раскаты грома, казалось, сотрясали здание. Многоступенчатые зеленовато-черные молнии, раскалывая небо на куски, стали соединяться одна с другой и, образовав километровый огненный меч, ударили острием в гору рукописей.

Едва густой дым стал рассеиваться, а жрецы — приходить в себя, на круглом алтаре из светящегося камня появился высокий, широкоплечий юноша, с красивым узким лицом, длинноухий, черноглазый, темноволосый.

Каждый мускул его гибкого бронзового тела играл тенями при движении. Узкие бедра обтянуты звериной шкурой. Он

стоял, подняв голову, улыбался бушующему небу и пел чудесным чистым тенором о красоте бури...

— Кто ты? — дрожа, спросил старейший из жрецов, когда последние звуки песни смешались со свистом урагана и все вдруг стихло.

— Амир, — ответил юноша (по-гаянски, Бессмертие).

— В тебе воплотились горести и радости, собранные нами из поколения в поколение, — печально сказал другой жрец. — Книги наши исчезли. Как же нам теперь быть, чтобы найти истину?

— Не огорчайтесь, — весело сказал Амир, сходя с алтаря. — Я помогу вам: буду расспрашивать людей о их жизни. Скажите лишь, что удалось сделать вам?

— Пока ничего, — вздохнул старейший. — Чтобы познать истину, нужна долгая жизнь, такая, чтобы все небо покрылось звездами густо-густо. Говорят, что полностью истина откроется людям, когда звезды займут все небо и на Гаяне исчезнет ночь...

— Хорошо, — сказал Амир, — помогу вам сколько сумею.

Так начались странствия Амира. Одна за другой зажигались звезды над ним, все ярче освещая путь по ночам, а юноша бродил от очага к очагу, от шалаша к шалашу, деля со всеми пищу и кров, беседуя с молодыми и старыми.

И никто не знал, в чем истина, смысл явлений, надежда грядущего.

Как-то он случайно забрел в поселение, где был, как ему казалось, не очень давно. Огляделся — на месте покосившихся хижин крепкие дома из камня. Люди стали лучше одеваться и есть.

Расспросил Амир про знакомых и услышал, что они все состарились и умерли. Задумался Амир, подошел к пруду, посмотрел на себя и увидел, что сам он почему-то нисколько не стареет, только набирается сил и житейского опыта.

«Если мне так повезло, видно, мне и суждено найти истину», — решил Амир и разыскал жилище старейшего.

— Что такое истина? — задумался мудрец. — Некоторые утверждают: любовь...

Поднял Амир левую руку с открытой, как душа, ладонью и снова двинулся в путь. До сих пор он почти не замечал девушек. Зато теперь точно решил наверстать упущенное — сегодня с одной, завтра с другой, послезавтра с третьей. Нельзя лениться, вкушая плоды познания!

А звезд все прибавлялось в гаянском небе...

— Странное дело, — сказал он себе на одиноком привале в горах. — Уже сколько девушек побывало в моих объятиях, а истину я так и не познал! Да и средство это, указанное мудрецом, больно скучное. Почему-то в каждой новой для меня девушке я нахожу не то, что отличает ее от других, а нечто такое, что роднит их всех. Разве это и есть истина?

Отдохнул и опять пошел Амир по планете — звезда за звездой. Пока в поле не встретил девушку — золотоглазую, стройную, ловкую: один ее вид остановил юношу.

Долго смотрел Амир на нее и подумал: именно в ней соединились все достоинства, что изредка находил он у других по частицам. И девушка показалась ему необыкновенной.

Глянула она на веселого путника и сперва подивилась, в другой раз глянула — не отвернуть головы, в третий раз — навсегда.

... Много звезд зажгли они в небе вдвоем! Только в подруге своей и находил Амир счастье, в ней видел истину. И всегда сегодня она была для него лучшей, чем вчера.

— Истина — это любовь! — стал убеждать он сопланетников. — Правду мне сказал мудрец, и не ищите иного...

Состарилась жена Амира и угасла на его сильных коленях. Чуть с ума не сошел Вечный Юноша. Нечем измерить его горе. И сомнение закралось в его сердце: разве истина умирает?

Узнали люди про беду Амира и пришли к нему. Не покидали его и когда тусклая пленка времени слегка прикрыла его рану, точно первый ледок на тихом пруду. Кто-нибудь да всегда находился рядом.

— Истина еще и в дружбе! — сказал Амир.

Густели звездные рои, умерли и друзья. На их смену выросли и пришли к Амиру новые. Самые ослепительные красавицы сидели у его ног в надежде заслужить его благосклонность, но юноша не замечал их — он был однолюбом, и собственное бессмертие так и не давало ему полного счастья...

Много людей стало на планете, больше появилось неутоленных желаний, труднее стало жить. Видит Амир, что природа сама не даст больше того, что давала до сих пор, — необходимо проникнуть в ее тайны и отвоевывать у нее каждый сытый желудок, каждый сильный мускул, каждую улыбку.

Созвал он мудрецов, и сообща задумались они: как устроен мир? Для чего он создан? Тысячи вопросов вставали перед ними. Так родилась наука, появилась техника. Проложили шоссейные дороги, построили заводы и машины, заменяя их силой руки людей. Стало жить легче и приятнее.

— Истина еще в знаниях и в труде! — убедился Амир.

Густой полосой протянулись звезды на гаянском небе, а Амир все бродил по планете, ища доказательства, что истина исчерпана.

Где голодал, едва передвигаясь от истощения, где заболевал от излишества на пирах; то занимался одними науками, то бездельничал, и необъяснимое безразличие принялось опустошать его душу, тоска угнетала его, вечно цветущего и юного.

— Нет, так нельзя, — сказал он себе и людям. — Истину не познать без Чувства Меры!

И тут открылась ему подлинная красота в природе и в человеке, в одежде и в жилищах, в очертаниях и цветах Так Амир стал художником множество статуй вылепил он, нарисовал

картин, познал наслаждение музыкой. Уже к самому горизонту скатывались золотистые зерна звезд, а Вечный Юноша предавался искусству и через своих учеников дарил его людям.

Города росли вширь и в высоту. Люди научились плавать по морям и летать; научились они и... обманывать друг друга. Когда же шум кровопролитных ссор дошел до Амира, он принял участие и в них: чтобы узнать, что оно такое, надо испытать самому — иначе гнилой плод издали примешь за свежий и вкусный...

— Нам нужна правда, сопланетники, — говорил он, познав унижение ссор. — Ложь — наш враг. Все, что хорошо одному и плохо остальным, ложно; что благо для всех — придется по душе каждому И любовь, и дружба, и знание, и искусство — только дети жизни. Нельзя удовлетвориться чем-то одним, хоть отдельному человеку, хоть всему народу: настоящее счастье и есть многообразие, когда все блага стоят так тесно, что невзгодам не пролезть между ними... Сама же Истина — это Жизнь!

Покончили гаянцы с невзгодами, сделали всех равными, научились летать в космос — ничто больше не мешает их счастью. Можно бы и отдохнуть Амиру. Нет, ему не до этого. «А что должно быть завтра? — спрашивает он и говорит: — Я пойду вперед, сопланетники, а вы следуйте за мной».

Попрощался Амир, запел веселую песню о жгучих глазах, прочитавших книгу знаний, вдохновивших художников, испытывающих друзей и зовущих к жизни, — и зашагал в Будущее.

На горизонте всходит Фело, в его лучах отчетливо виден удаляющийся силуэт Вечного Юноши — Амира. Вот он обернулся на ходу, помахал рукой, и до нас донесся его звонкий голос:

— Догоняйте меня, сопланетники

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ло

1

Его жизнь была бы ровная, как ось иксов в прямоугольной системе координат, если бы где-то ее не пересекла ось игреков, то есть своенравная Юль... И все пошло по кривой, как говорят на Земле. Со стороны, быть может, кому и забавно наблюдать развитие этой кривой, самой постоянной особенностью которой было... ее непостоянство!

Врожденная склонность к глубоким анализам если не скрашивала горькие минуты, то помогала ему не срываться в пропасть, а переходить через нее по узкому мосту разумности и надежд.

И если бы я не боялся завести вас в пожелтевшие заросли рассуждений о «ньютоновом яблоке», выбившем из головы великого англичанина закон всемирного тяготения, я бы мог утверждать, что именно «жестокость» Юль стала первопричиной будущих открытий Ло в науке о мышлении человека, психологии.

Он нередко задумывался над сущностью женщины, имея в виду Юль, хотя она еще была только зерном и будущие всходы могли резко отличиться от предполагаемых.

Из мальчиков он выбрал себе в друзья простоватого Ило. В учении тот всегда был замыкающим вереницу своих сверстников, как последний вагон в железнодорожном составе.

Ило нельзя было назвать глупым. Может быть, он и не был способен на крупные открытия, но в конце концов умел разобраться в сложных вещах.

Мысли Ило напоминали набор старинных инструментов: они как бы сверлили, буравили, развинчивали и свинчивали

изучаемый объект, били по нему, словно молоток, царапали, грубо ощупывали и еле-еле добирались до сердцевины.

Торжество победы, правда, оказывалось недолговечным: у Ило была стыдливая, по словам Ло, память. Он недолго хранил новую истину, таявшую в его голове, точно снежинка на горячей ладони.

Но в мальчишеских спорах он становился уверенным и сообразительным, с точностью запятой отделял зло от добра, и его мнение безоговорочно принималось в расчет.

У них было мало общего, и все же они дружили. Подшучивая над рассеянностью товарища, Ло часто задавал себе вопросы: а что такое вообще память? Почему она «умна»: хранит необходимое (у большинства людей) и выбрасывает ненужное? И почему она порой уклоняется от своих обязанностей?

Как-то учитель удачно сказал: «По тому, что ты помнишь, я могу составить мнение о твоем характере; если я узнаю, как ты помнишь, я угадаю, кем ты можешь стать...» Ло запомнил слова учителя.

Имея перед собой две «загадки» — Юль и Ило, — юноша присматривался к остальным и убедился, что, несмотря на очевидную общность, в каждом человеке много собственного, индивидуального, как в тех книгах, что он брал в библиотеке, хотя все они — книги.

Постепенно формировались и научные интересы Ло: интеллект человека. Он часами размышлял и анализировал ход своих мыслей, пока... пока извилистые тропки его раздумий не выводили на основную магистраль — Юль.

2

Став ученым, Ло скоро добился успехов. Он не зря отличался «высокой производительностью мышления», то есть выдающейся работоспособностью и целеустремленностью.

Его верным помощником был Ило. Он действительно так и не нашел в себе способности совершать открытия, но зато стал незаменимым собирателем фактов, придирчивым программистом для счетных машин, хранителем статистических данных, без которых живое дерево науки превратилось бы в телеграфный столб.

Углубляясь в область подсознательного и анализируя с помощью кибернетических машин факты, собранные Ило, Ло пытался разгадать тайну памяти у человека и животных.

На первый взгляд казалось, что тут все известно гаянской науке. Даже Ило не переставал сомневаться в целесообразности работ Ло, но неизменно получал ответ;

— Это не то сомнение, Ило, что могуче и созидательно... Науке не грозит ожирение от полноты!

По его поручению Ило принялся ворошить историю изучения памяти и скрупулезно отбирал все, не удостоенное должным вниманием предшественников: спорное и неубедительно объясненное, бесспорное, но не нашедшее практического применения, и гипотезы, отвергнутые ввиду их резкого расхождения с общепринятыми взглядами.

Эту грандиозную черновую работу Ило выполнял с удовольствием.

— Ты знаешь, Ло, — сказал он, — в истории нашей науки собралось такое кладбище идей, что даже по теории вероятности оно не может состоять только из хлама. Мне почему-то чудится здесь какая-то закономерность. На свалку отправляются не только калеки и недоноски, но и цветущие переростки... Роясь в этом старье, можно сберечь немало времени.

День за днем Ло двигался к цели с нарастающей скоростью и нетерпением. Если бы он мог работать на живом человеческом мозге — дело пошло бы еще быстрее. Впрочем...

И Ло поехал в Центральную лабораторию мозга, руководимую знаменитым Долом. Ученому было не более ста лет, но,

невзирая на молодость и редчайшую силу духа, Дол стал заметно сдавать: спокойствие — верный страж мудрости — порой растворялось, как соль, в ручейке мелких неудач.

Дол был некрасив, как наш Вольтер, и так же умен, прямодушен и саркастичен, — жесткая пища для женского любопытства. Гаянки ценили эти качества, может быть, превыше всего, но их не узнаешь в мужчине с одного мимолетного взгляда, а Дол редко бывал в обществе, не искал знакомств и, вероятно, оттого остался холостяком.

Три года назад он утвердил в Совете рабочие чертежи и смету и принялся за механическое моделирование мозга.

Собственно, принялся он не сам, а сконструированная им саморазвивающаяся машина «Бер» — тогда еще как бы зародыш будущей механической модели самого совершенного в природе вещества.

Первоначально машина имела небольшие размеры, но день за днем, со всевозрастающим расходом энергии, она сама принялась обрастать миллионами «невронов», вернее крохотными молектронными моделями нервных клеток, и теперь грозила раздвинуть стены лаборатории.

Временами «запас знаний» у машины иссякал, и Долу приходилось подолгу анализировать ее требования, приобретать недостающие знания самому, затем передавать их запоминающему устройству своего детища и заново программировать ее дальнейшую деятельность.

В такое время, несмотря на приличный штат опытных сотрудников, Дол работал чуть ли не сутками. Его убеждали не перенапрягаться, отдохнуть, но он лишь шутливо отмахивался. А так как каждый гаянец волен распоряжаться не только своим временем, но и жизнью, если он считает это необходимым для дела, — его оставили в покое.

Механический мозг Дола в последнее время стал и в самом деле проявлять некоторую «осмысленность» и «разумную»

самостоятельность — необходимое условие для полного и правильного развития живого мозга человека. А после того, как она потребовала подключить ее в телепатическую сеть научных библиотек, он стал относиться к ней почти как к существу.

Правда, заверши «Бер» свое развитие полностью, он и тогда останется только механическим мозгом — без органов чувств глубины человеческих эмоций ему не достичь. Но Дол иногда забывался и вел себя с ним слишком по-человечески. «Бер» прерывал свою основную работу «в недоумении» и задавал Долу трудные вопросы, потому что не только был «сведущ» во многом, но, как и положено мозгу (хоть и механическому), «хотел знать все».

3

Дол встретил коллегу несколько холодно, но Ло не обиделся, скорее всего он и не заметил этого.

— Я пришел к тебе, Дол, по важному делу. Ты знаешь, я тоже работаю в области, близкой к твоей...

— Знаю, ани, и, если смогу помочь — буду рад. Не обращай внимания на мое настроение: это чудовище «Бер» загонит меня в Пантеон.

Поскольку «Бер» перед тем вел с ним молчаливую телепатическую беседу, он немедленно отпарировал, излучив Долу и Ло:

— Я моделирую ваши мозги, ани! (Этому обращению он научился у Дола.)

Дол хотел выключить «Бера», но Ло остановил его;

— Я хочу, чтобы он тоже послушал меня...

Дол подумал и согласился.

— Мы давно не виделись с тобой, ани. Я нашел кое-что новое... По-моему, человечество передает из рода в род не только наследственные признаки, видовые инстинкты, но и, как я

назвал ее, «позади идущую память», то есть память о грандиозных событиях, влиявших на судьбу всего вида.

— Память? — настороженно переспросил Дол. — Из рода в род?

— Да, ани. Она хранится в определенном участке головного мозга, вероятно, в этом районе, — Ло показал его на механической карте мозга, на стене.

— Этот район не изучен, — подтвердил «Бер». Дол встал, подошел к карте и глубоко задумался.

— Возможно, ани, — продолжал Ло, — часть того, что хранится в этой подсознательной памяти, иногда просачивается и в остальные участки, и тогда мы видим необычные и не до конца объясненные сны... В них встречаются элементы атавизма... Порой мы видим себя в образе первобытного человека... Что скажешь, ани?

— Я скажу, юноша, что ты смелее и дальновиднее меня, — возбужденно ответил Дол. — Мне тоже приходила такая мысль в голову, но я... я отверг ее. Сам отогнал, своей волей! А ты не побоялся. Я старше тебя, Ло, опытнее... Твой ум, возможно, острее и гибче. Давай работать вместе, ани! Мы придем к цели вдесятеро быстрее. Тогда не будет пробелов у моего «Бера» ... Мы глубже проникнем в тайны мозга, поможем лечить...

— Не только лечить... — остановил его Ло. — Мы заставим его рассказать о нашей самой далекой истории, даже не изображенной на стенах пещер. И если повезет, мы, возможно, прочитаем все живые страницы, на которых природа пишет свои мемуары, ловко зашифровав их, уверенная, что здесь можно и пооткровенничать, в расчете на нашу вечную «малограмотность», ани! Я хотел использовать в поисках свою машину «Нао»: ведь она сумела даже вырастить меня. Но убедился, что это не тот путь. Ты же моделируешь человеческий мозг в развитии — именно в этом я угадываю возможность проверить свою гипотезу.

— Ло, — встал перед ним Дол, — ты доставил мне давно не испытываемое наслаждение. Приходи: мне и «Беру» недостает твоего воображения.

— Хорошо, ани. Я счастлив, что нашел такого союзника!

— Начинаю, верить, — излучил «Бер» на прощание, — что и живой мозг обладает настоящими способностями...

Дол замер от восхищения: это была первая шутка машины. Сегодня воистину необыкновенный, удачливый день!

4

Порой в темноте не сразу отыщешь замок двери, особенно если по забывчивости (или другой, более деликатной причине) ищешь его в противоположной стороне. Но когда вставишь ключ в скважину, открыть дверь — секундное дело.

Не прошло и сорока полных дней, как «Бер», чуть-чуть модернизированный Ло, рассказал... о первых днях своего «рождения». Оба ученых были в высшей степени взволнованы: дверь, ведущая в неизведанный до сих пор тайник мозга, приоткрыта.

Теперь они разрешили себе заслуженный отдых: Дол отправился на озеро Лей — он любил воду, — а Ло улетел к Юль на центральный космодром Уэл.

В отношениях Ло и Юль не произошло перемены. Юль любила его и сейчас... как брата. Теперь он понял — ничего иного не будет никогда.

Погостив неделю, Ло ласково простился с Юль и возвратился в Тиунэлу.

А днем ранее его в город вернулся Дол. Они встретились в лаборатории.

— Я хотел отдохнуть побольше, — виновато объяснил Дол. — Да вот твой друг, ани, нарушил мой план...

— Ило?

— Да. Вчера он посетил меня на озере Лей. Мы бродили с ним в лесу до ночи... Он удобный собеседник, ани: не говорит лишнего, — смеясь, рассказывал Дол, — не гонит свои мысли, не экономит времени в поисках очередного слова. Потом он развел костер, хотя было тепло, молчал и смотрел на огонь. А когда вторая «луна» поравнялась с первой — предложил себя... для опыта.

Ло внимательно посмотрел в усталые черные с крупными белками глаза Дола.

— Он заявил, что желает быть более полезным... Утром он заходил сюда и повторил свое решение. Ты опасаешься риска?

— Нет, ани. Я согласен.

5

Ило лежал в глубоком каталепсическом сне. Окружающий его мир исчез в небытие, как звездолет в черной утробе Галактики. Его мозг подключен к «Беру», который бесстрастно помогает кибернетическому протоколисту — тот регистрировал все происходящее в лаборатории.

Панель биотрона, где находился Ило, вынесена на общий контрольный щит, чтобы все время перед глазами была картина его физиологического состояния. На этом настоял Ло, хотя аппаратура имела надежную защитную блокировку, готовую в случае отклонений от норм выключить ее и прекратить опыт.

Использовались приборы старого типа: современные, телепатические, могли оказать собственное влияние, загрязнить опыт. Кроме них-«Бер» ...

Помощники Дола заняли свои места, закрыли биотрон и включили полностью специальное экранирование, изолировавшее Ило от случайного телепатического общения с

людьми. Теперь в биотрон не могла проникнуть ни одна частица энергии извне, в какую бы маску она ни рядилась.

Ло вложил в задающее устройство аппаратуры прозрачную голубоватую капсулу с вкраплениями, похожими на рубин. Капсула была одета в алмазную граненую оболочку. Затем они с Долом вновь проверили все до мельчайших подробностей, Ло, внешне невозмутимый и уверенный, включил аппаратуру и тут же медленно сел в кресло рядом с биотроном: на экране было отчетливое, ясное объемное изображение...

... В густой синеве вечернего неба медленно плыли кучевые облака. Дикие скалистые горы пламенели в лучах заката. Дремучий первобытный лес, местами подернутый туманом, мохнатым ковром лежал у далеких подножий.

Картина сместилась вправо. Лес как бы рывком приблизился. Из полумрака густых зарослей выплывали к свету мясистые зеленые шары с колючкамивозможно, далекие предки современных гаянских кактусов-аэростатов. И вдруг... мамонт, заросший шерстью, с загнутыми вверх бивнями, мамонт, которого никогда не было на Гаяне!

Чешуйчатые четырехлапые великаны, с длинными шеями и узкими головами, переваливаясь с боку на бок, выходили на поляну.

Потом все присутствующие в лаборатории подались вперед — на экране появились небольшие группы первобытных людей: рослые, мускулистые, покрытые редкой шерстью, узколицые и узколобые.

Они стоят у входа в пещеру и напряженно смотрят куда-то, не то боясь, не то ожидая. Слабый желтый свет озаряет их лица... Он краснеет, усиливается... В центре — такой же человек, но у него в руке факел и в отношении к нему окружающих чувствуется восторг.

Костер... Волосатая рука извлекает из него пылающую головню, обивает ее и несет... Один пейзаж сменяется другим, но

теперь огонь все время на первом плане. Снова группа пещерных обитателей. Опять костер... Ноги... Руки... Тела... Довольные лица... Люди о чем-то говорят, но не только их голосов — звуков нет вообще.

Опять смелая рука уверенно тянет из огня головню и несет ее другим...

— Неужели Ило — прямой потомок того, кто первым вооружил огнем наших далеких предков? — нарушил молчание Дол.

— Может быть и другое, ани, — ответил Ло. — В «позади идущей памяти» некоторых людей — или у всех — хранятся не отдельные конкретные эпизоды, имевшие частное, личное значение, а только основное, важное для сохранения и совершенствования всего вида...

— Ты прав, — согласился Дол. — Тогда мы можем надеяться узнать пашу далекую историю в наиболее достоверном виде, отфильтрованном от случайного и личного... А ведь наши современники уверяют, что зрительные и слуховые образы не передаются... Будто мы уже все знаем о человеке!.. Но что это?!

Теперь они с удивлением увидели хижины в узкой долине, прижавшиеся к скалистым горам. Высокие длинноухие гаянцы бегут куда-то... Тучи пыли окутывают их. Затем ураганный ветер валит их с ног...

Потом, будто кадры из другого фильма, возникли совсем неожиданные сцены: космический корабль и странные существа в скафандрах!

— Да что же это такое? — восклицает Ло.

— Ничего особенного, — досадливо морщится Дол. — Просто голова Ило, как и любого из нас, начинена не только зрительными образами реальной жизни, но и фантастикой — своей и заимствованной из... Да вот смотри, смотри...

На экране началась невообразимая сутолока изображений, одна картина накладывалась на другую, дробилась, и нельзя было ничего понять. На приборном щите вспыхнуло тревожное предостережение, и автоматика выключила аппаратуру.

— Надо увеличить остроту настройки, — сказал Ло. — В этом участке мозга даже тысячные доли миллиметра — достаточный объем для хранения целой библиотеки. Кроме того, здесь нет резко очерченных границ интересующего нас участка, ани...

— ... и мы затронули невроны, не участвующие в «позади идущей памяти», — продолжал Дол. — А последнее организму противопоказано, иначе аппаратура не выключилась бы!

Ило постепенно пришел в себя. Самочувствие его превосходное.

— Видели? — прежде всего спросил он.

— Да! — хором ответили ему.

— Я тоже, ани! Я тоже видел, будто сам принимал участие в происходящем... У меня было чувство, будто это я бежал от становища к становищу и приносил людям огонь. Я испытал и священный трепет, и беспокойство: а вдруг он погаснет? — и счастье творящего доброе. Я чувствовал, ани, и знаю сейчас больше, нежели вы. Только не слышал ни одного звука.

— А космический корабль? — нетерпеливо спросил Ло.

— Ну конечно же, видел, — кивнул Ило. — Только знаете... Я ведь люблю фантастику...

— Так я и предполагал, — сказал Дол.

— Но, — продолжал Ило, — и звездных собратьев я воспринимал так же, как и картины реального бытия. Одинаково. Надо подумать, как бы нам отфильтровать «позади идущую память» от обычной...

Слова Ило были неожиданностью для ученых. Первый успех тащил за собой цепь загадок, обещающих новые поиски, треволнения и радости находок. Эта цепь «загрохотала», как при подъеме якоря; уже недели через две картина на экране озвучилась.

Ило обнаружил в себе изумительную память! Именно, обнаружил, потому что он не просто стал хорошо запоминать то, что происходило после опыта, а превосходно помнил давно прошедшее, в мельчайших подробностях... Невольно напрашивалась мысль о том, что именно опыт Ло и Дола каким-то непонятным образом произвел в Ило благотворную перемену.

— В данном случае, — резюмировал Дол, — мы искали число, а обнаружили его логарифм. Может быть, на время целесообразнее распределить нам направления дальнейших поисков?

— Ты прав, ани. Нет смысла вдвоем искать на севере то, что может находиться и на юге.

— Если не возражаешь, Ло, я возьму на себя исследование «естественного отбора памяти».

— Хорошо. Я буду дальше озвучивать наши опыты...

— И заодно осуществишь свою давнишнюю мечту, — подсказал Дол. — Нет, не то, Ло. Начни с нее — и ты быстрее решишь остальное.

Ло благодарно посмотрел на своего старшего друга: как он сам не подумал об этом раньше!..

6

Теперь после такого успеха оба ученых отдались делу с еще большим воодушевлением. Жизнь вокруг шла в прежнем темпе, но Ло, поглощенный опытами, видел ее лишь издали, точно из окна самолета. И только прилет «Юрия Гагарина», рассказы землян встряхнули молодого ученого.

Для людей типа Ло, безмерно увлекающихся, видящих в своих идеях главную цель, ядро, вокруг которых вращается их «Галактика», пожалуй, только событие такого масштаба, такого значения являлось заслуживающим внимания, заставляющим их поднять голову и осмотреться.

Видя рядом с землянами свою Юль, Ло гордился. Он не мог предвидеть в этом роковое для себя. Самым тяжелым было, по-видимому, уже пережитое им: братская, дружеская любовь Юль... Разве не все равно, кто именно станет избранником золотоглазой Юль?

Хорошо Долу. Он стоек перед сопланетницами, может не любить ни одной и — всех сразу. Будто природа, достаточно сэкономив на таких, как Ло, устыдилась своей скаредности и, не привыкнув возвращаться, шутя сделала подвернувшегося Дола любвеобильным.

Ло жил в одноэтажном доме на окраине Тиунэлы. В двух просто обставленных комнатах он располагался сам, а остальную часть дома занимали его лаборатория и «Нао». Это позволяло ему мало ездить даже по городу, больше отдаваться исследованиям. Он любил свой уголок Тиунэлы, свой дом, Гаяну...

В этот день ничто не подсказало ему, что еще до того, как две «луны» встретятся в ночном небе, точно влюбленные на свидании, он сам, по своей воле, покинет окружающий его мир...

... Юль прилетела к нему на этот раз не одна: ее сопровождал Звездолюб, штурман «Юрия Гагарина» Глебов.

Ло принял гостей в кабинете, там так хорошо сиделось у торшера, что даже не захотелось выйти в сад.

— Мне говорила Юль о твоем новом изобретении в музыке, — как бы вдруг вспомнив, сказал Евгений Николаевич. — Не познакомишь ли меня с ним?

— Видишь ли, ани, рассказать недолго. Объяснить устройство — сложнее. Я давно задумывался над процессом возникновения мелодии. Знаю и по собственному опыту: она рождается где-то в глубине мозга... В общем, я построил аппарат, сразу превращающий неслышную «внутреннюю» мелодию в звуки. То есть музыкальным инструментом является... сам мозг! И не одни звуки: они сопровождаются зрительными образами, яркими и цветными.

Евгений Николаевич помолчал, посмотрел на собеседника: идея такого «инструмента» нравилась ему. Очень хотелось посмотреть аппарат и оценить его в действии, но хозяин дома не

предложил, и Евгений. Николаевич счел более удобным подождать, хитро сменив тему разговора в надежде, что Ло не выдержит долго...

— Есть у меня мысль, ани... Я раздумывал над «эффектом Ло», открытым тобой: этот район «позади идущей памяти», воскрешающей прошлое, — многообещающ. Но сперва я тебе расскажу о фантастической повести «Машина времени» нашего землянина Герберта Уэллса...

— Я не вижу связи... — сказал было Ло, выслушав рассказ, но Евгений Николаевич остановил его жестом.

— Сейчас, ани, сейчас. Разве «эффект Ло» не дает возможности как бы совершить внутреннее путешествие в Прошлое?.. Машиной времени в этом случае будет мозг!

Ло встал и зашагал по комнате.

— Юль, — повернулся он к девушке. — Юль, я тебе благодарен за этот день! Звездолюб прав. Он заслужил самый изысканный ужин. Придумай — и накорми нас.

С этой минуты Ло становился все более оживленным. Он удивил Юль потоком шуток и острот и дошел до того, что принялся рассуждать о любви и о женщинах.

— Для меня женщина — тайник. А что говорят по этому поводу на Земле, ани? — спросил Ло.

— Всякое... — смутился почему-то Евгений Николаевич. — Женщина — первое жилище человека.

— Как мудро! Чьи слова, ани?

— Дени Дидро. Нашего мыслителя.

— Необычайно удачные, хотя и не исчерпывающие слова. У тебя, ани, была жена?

— Нет. До сих пор не было.

— Что означает «до сих пор», ани?

— Ло, — тихо проговорила Юль, — я и Звездолюб... теперь будем вместе.

Длинные уши Ло отказывались воспринимать это известие. В висках тревожно билась кровь. Ноги одеревенели. В груди — зияющая пустота. Пугающее чувство никчемности, ненужности. Черный пресс навалился на него, давил, сжимал, пока не выдавил последние атомы сознания...

... Оно возвращалось к нему медленно, Ло увидел испуганную Юль, растерянного Звездолюба и мысленно улыбнулся. Она дала ему тонизирующее лекарство, и он послушно принял его.

Потом три человека с двух планет долго молчали, думая каждый о своем. Они призвали на помощь Время, поручив ему развязывать крепкий, извечный узел.

Рука Ло потянулась к торшеру и нажала кнопку. Тотчас в белом шкафчике, в углу комнаты, послышались шорохи. Ло откинул голову и закрыл глаза. Шорохи усилились, забегали, точно мыши. Замерли.

И вдруг нежный-нежный, переливчатый серебристый звук дал знать о себе откуда-то издалека. «Из-за горизонта». Он стремительно рос и, наконец, взлетел по восходящей прямой, оставляя позади тающий кудреватый след. Тонкий и светлый.

Он мчался, не зная преград. Да и откуда им взяться в этом беспредельном вольном пространстве?..

Где-то грохотнул низкий, зловещий аккорд. Шум налетающей бури смешался с ударами волн о звонкие скалы, шипением пены и редким тремоло перекатывающейся гальки.

Борьба длилась недолго: снова взметнулся серебристый Звучащий Луч и пробил тяжелый, как гранит, аккорд. И вновь мчался он в голубой синеве неба, торжествуя удачу.

В короткой схватке победил он коварные облака, ударяя их справа и слева и пронзая в наиболее уязвимых местах. Он с веселым вибрированием преодолел и сумрак густой ночи.

Его звучание крепло и мужало, по мере того как он оставлял позади слепые силы природы и свои сомнения.

Он вырвался на простор Вселенной, прислушиваясь к голосам бесчисленных миров, к их таинственному звону, мелодичному вращению звезд и планет. Чем быстрее он летел, тем медленнее шагало время, дирижируя новый ритм необъятного. Он с удивлением озирался вокруг, восхищенный гармонией природы, ее неисчерпаемостью.

И когда в неизведанной глубине Вселенной показалась вдали Золотистая Точка такого же звучащего света, он радостно помчался к ней навстречу, измученный одиночеством, жаждущий общения с подобными себе.

И замер в восторге, и преклонился перед совершенством ее нежного излучения, покоренный чистотой и наивностью ее мелодии. Он как бы ласкал ее своим осторожным прикосновением, временами сливался с ней в веселом танце света и звука.

Закаленный в борьбе с силой и грубостью, он теперь наслаждался внутренним покоем и надеждой. А Золотистая Точка становилась все ярче и ярче: в ее испепеляющем сиянии гибло мерцание звезд, в ее беззаботной песне растворились голоса миров.

Звучащий Луч с благоговением преломился и, наклонившись к своей подруге, вновь прикоснулся к ней. Аккорд боли и страдания наполнил Вселенную! Звучащий Луч мгновенно превратился в трепещущее, прозрачное фиолетовое облачко, осветившее мертвым светом черное тело космоса, и угас.

Торжественная кантата. Мироздание оплакивало его гибель, а Золотистая Точка, веселая и счастливая, бессмертная, как Жизнь, летела вперед — навстречу более достойному и неповторимому...

... Таких изумительных звуков не могли извлечь музыкальные инструменты; о них доселе лишь мечтали на Земле и Гаяне. Звуки точно смеются и плачут, почти говорят человеческими голосами, оставаясь кровными детьми музыки — все это создал сейчас мозг Ло!

И не одни звуки. Слушая необычайную симфонию, Евгений Николаевич и Юль видели только что описанную картину, не теряя реального представления и об окружавшей их действительности, видели как бы внутренним взором, но не каждый по-своему, а так, как этого хотел ее автор...

Наконец, Ло вернул всех из мира поэтического видения к изящному рубиновому торшеру. Они продолжали молчать, потрясенные суровостью жизни, отсутствием второго решения, неизбежностью свершившегося.

Юль решилась: она сделала знак, и Евгений Николаевич послушно направился вслед за ней, к выходу. У двери их остановила властная мысль Ло, они почувствовали ее каждой своей клеткой, каждым нервом. Юль повернулась.

— Нам нельзя расставаться так, — тихо проговорил Ло. — Я желаю вам счастья.

Ло опустил голову: он не хотел в последнюю минуту омрачать их любовь своей поверженностью. Это было бы мстительно и ненужно. А на большее — сегодня — он не был способен. У него незаурядная воля, он знал ее, испытав не раз. Но одно дело — наука... опыты вообще... и «опыты» над собой...

«Опыты?.. Над собой?..» Эти слова настойчиво хозяйничали в его воспаленной переживаниями голове. В конце концов им удалось взять верх над остальными мыслями, привлечь единомышленников и объединить их.

7

На второй день Дол решил навестить друга. Дверь дома гостеприимно отворилась, «узнав» пришедшего. Дол прошел по комнатам и, не найдя хозяина, присел к торшеру и включил маленький комнатный видеофон.

Ло выглядел на овальном экранчике, как всегда, правда, более серьезным и бледным, очевидно, от переутомления.

— Дол, — тихо заговорил аппарат, — я отправился путешествовать в Прошлое. Как на «Машине Времени» ... Понимаешь? Ведь практически оно мало чем будет отличаться для меня от реального... Я соберу там ценные материалы. Не знаю, удастся ли тебе «вернуть» меня домой... Мне пришлось видоизменить опыт... Я полагаю, что, когда ты и «Бер» разберетесь в эффекте, названном моим именем, смоделируете и эти процессы — ты найдешь способ, и мы... увидимся. Если хочешь — помести меня в клинику искусственного питания Космического центра. До встречи, Дол!

Дол кинулся в лабораторию: в биотроне лежало тело Ло...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Свадебный сюрприз!

1

Свадебные обряды Гаянцев просты и поэтичны: обычно в них принимает участие несколько родственников и друзей. Но свадьба Евгения Николаевича и Юль вызвала интерес всей столицы.

В назначенный час мы привезли к Пантеону обалделого от счастья Звездолюба (на Гаяне уже не называли его иначе!). Рядом опустился гравитомобиль Юль — ее сопровождала Эла.

Под шумные приветствия ярко разодетых Гаянцев молодые входят в Пантеон.

Звучат мощные звуки торжественной музыки, под высоким куполом трепещут цветные огни; синие, золотистые, зеленые струи фонтанов приходят в движение, рисуя узоры орнаментов.

По мере того, как молодые приближаются к главному фонтану, где на небольшом возвышении их ожидает Ган, мелодия становится темпераментнее.

На какое-то время наступает пещерный полумрак и вместе с мажорным аккордом вспыхивает яркий вишневый свет.

На дикой замшелой скале, в центре фонтана, — знакомый нам актер, игравший роль Амира в спектакле во Дворце Человека.

Он стоит в широкой чаше, образованной расступившимися вдруг струями голубой воды, раскинув руки, будто жаждет обнять Вселенную, бронзовотелый, могучий, неотразимый.

Еле слышно, издалека доносится хор. Амир поднимает вдохновенное лицо и поет сильным тенором Песню Любви:

Много звезд на гаянском небе,

Две из них — вы зажгли вдвоем!

— На каждой свадьбе поет «свой» Амир, — поясняет взволнованная Эла. — Но такой голос...

Когда слова песни замирают под куполом, струи поднимаются, становятся темно-вишневыми и скрывают певца, как в закрывшемся на ночь волшебном цветке.

В тишине слышен голос Гана.

— Приветствую вас, юная сопланетница и житель Земли, в жилище предков. — Ган говорит, стараясь не отходить от общепринятой формулы, скрепляющей брак. — Ваша совместная жизнь начинается здесь, где хранится память о достойнейших... Пусть эта память вдохновит и вас. Я объявляю всем: Евгений Глебов и Юль Роот зажгли свою звезду, — и вновь обращается к молодым: — Пусть эта одежда будет для вас легкой и прочной!

Он набрасывает на них тончайшие вишневые накидки, символ совершенного обряда.

— Вишневый — цвет любви у Гаянцев, — шепнула нам Эла.

— Милые Юль и Евгений, — подойдя к ним, громко произносит Шелест. — Ваш брак — искреннее начало дружбы Земли и Гаяны. Пусть она станет плодотворной не только в переносном смысле, но и в прямом...

— А сейчас, — слегка повысил голос Ган, — вы объявите нам о своем Праве Молодоженов.

— Новобрачные, — наклонилась к нам Эла, — имеют право на заветное желание — оно будет исполнено непременно.

— Любое? — спросил Хоутон.

— Да.

— Разреши, долгожитель, — ответил Евгений Николаевич, — объявить наше желание на собрании Народного Совета: оно серьезное и трудно выполнимое...

Ган удивленно посмотрел на Звездолюба, перевел взгляд на Юль, молча умоляющую ею, и сказал:

— Хорошо. Поздравляю вас и желаю счастья!

Ган, за ним и все присутствующие подняли левую руку. Вишневый цветок фонтана раздвинул лепестки, и Амир запел веселую Песню о Будущем.

Из Пантеона мы отправились в дом Юль, чтобы продолжить торжество в духе земных традиций...

2

Разумеется, наш экипаж знал, о чем мечтали Глебов и Юль. Доклад в Народном Совете от имени обоих сделал Евгений Николаевич. Я позволю себе не касаться сложных математических расчетов, приведенных им, а постараюсь своими словами пересказать содержание.

... Все во Вселенной существует в Пространстве и Времени. Если бы не время, не хватило бы никакого пространства, чтобы разместить все многообразие творений природы. А так она умудряется и на острие иглы, с помощью времени, создавать

бесчисленное количество объектов, последовательно, один за другим.

Является ли наша Вселенная, как единое целое, реально бесконечной? Вряд ли. Ведь то, что ее объединяет, как систему, должно быть тоже бесконечным... Однако и природе нельзя объять необъятное. Разумнее предположить, что Вселенная состоит из многих локальных мирозданий.

Великий гаянец Ри Роот разработал следующие эвристические положения...

Границы одного мироздания — назовем так, скажем, группу метагалактик — там, где наступает полная его изолированность от другого, а в общем их может быть сколько угодно во Вселенной и живут они — каждое самостоятельно.

— Несколько слов о направлении Времени... Часто говорят, что время движется, как стрела, от прошлого к будущему, что прошлое нам неподвластно, а будущее — в какой-то мере — творимо людьми. Между тем хочется иметь более полную и точную картину всех этих отношений. На Земле любят говорить: «колесо истории» ... Думается, что и направление времени правильнее отождествить с вращающимся колесом. Как известно, нижние точки его всегда направлены против движения, а верхние — вперед. Вероятно, и Время имеет два направления: в прошлое и в будущее! Такой взгляд на Время повышает роль и значение Настоящего и позволяет нам утверждать, что, так сказать, творение будущего происходит одновременно с формированием прошлого, что оба эти процесса едины и неотделимы друг от друга. Кроме того, мы можем также с большим основанием полагать, что время отражает не только особенности физических процессов в природе (скажем, скорость вращения нашего «колеса истории»), но и саму «фактуру» объектов этих процессов (диаметр «колеса»). Следовательно, время всегда связано и с объемом пространства рассматриваемой системы — ведь живых геометрических точек в

природе нет, всегда есть «что-то», материализующееся в каком-то конечном, принципиально измеримом объеме. Поэтому сколько бы ни наблюдали мы космические струйные течения со стороны — действительной их природы мы до конца не изучим. Необходимо, ани, проникнуть в них и «взять пробу». Я понимаю, что это может не удасться с первого раза, но начинать надо!..

Время зависит от пространства и прямо пропорционально ему. Чем больше пространство, занимаемое частицей, тем «больше»-то есть медленнее! — ее собственное время.

Так утверждает Ри.

Другими словами, в одной и той же горсти уместится меньше крупных «зерен» времени и больше — мелких. Если, добавляет Ри, пространство и время также дискретны («зернисты»), как и все в природе.

Тогда мы получаем право хотя бы на два предположения. Первое: замедление времени в космическом полете происходит от того, что скорость как бы переносит нас в большее пространство, которому и соответствует более медленное время.

Второе: поскольку полет в космическом струйном течении сопровождается особенно значительным отставанием времени, мы с Юль считаем, что имеем дело с явлением природы такого грандиозного масштаба, какой присущ только наиболее крупным космическим системам.

Но законы природы едины. Следовательно, рассматриваемые отношения пространства и времени должны проявить себя и в мире малых величин...

Используя все эти положения, Юль и Евгений Николаевич предложили свою гипотезу, объясняющую необычное старение космонавтов из экспедиции Бура на карликовой планете Эда, в районе звезды Зоры, залетевшей в нашу Галактику.

Если допустить, что сама планета и все имеющееся на ней «карликовое», потому что элементарные частицы Эды сами по

себе меньше по размерам, то есть являются «лилипутами» в сравнении с соответствующими элементарными частицами Гаяны или Земли, то время на Эде и должно быть «меньше», то есть быстрее!

Наше мироздание «населено» множеством галактик. Возможна ли связь между ними, конечно, не мгновенная, а с помощью чего-то движущегося?

Да, хотя бы потому, что нельзя доказать обратного... Кроме того, поскольку все они объединены в систему нашего мироздания, что-то должно ее (систему) скреплять. Это «что-то» Юль назвала Материей Величайших Пространств. Движение ее должно быть сверхбыстрым! Скорость света несравнима с такими расстояниями, и, может быть, она лишь «флаг» той области мироздания, где мы живем.

Узнав о «парадоксе Глебова», Юль по-своему поняла его смысл. Космические струйные течения... Разве нельзя увидеть в них ту неизвестную форму материи, о которой она писала, — Материю Величайших Пространств?

— Уважаемые члены Народного Совета, — говорит Евгений Николаевич, — мы просим вас разрешить отправиться нам в дальнюю галактическую экспедицию для изучения космических струйных течений. Здесь много вопросов. Может быть, спиральная структура Галактики объясняется действием струйных течений? Возможно, они расслаивают и Метагалактику, сообщая ей неустойчивость, присущую большим звездным скоплениям, раздувают или сжимают Мироздание? Мой соотечественник астроном Паренаго открыл звезды — нарушители, движущиеся навстречу общему потоку звезд... Почему не предположить, что их увлекает космическое струйное течение? Изучение данных счетно-решающих и навигационных машин «Юрия Гагарина» позволило нам сделать кое-какие предположения... Диаметр «земной» солнечной системы равен шести биллионам километров. А еще через четыре

биллиона наш звездолет спокойно вошел в космическое струйное течение, которое, видимо, имеет изогнутую траекторию. Нам удалось также установить, и на каком удалении от Гаяны мы вышли из него в обычное пространство. Огибая район Гаяны, оно уносится дальше. Куда? Надо отыскать его и довериться ему. Ваша техника позволяет организовать экспедицию. Расчеты показывают: первоначальное направление полета должно быть таким...

Евгений Николаевич показывает его на звездной карте крестиком, и лица членов Совета хмурятся; это направление поглотило нескольких Роотов... Оно запрещено для галактических полетов.

— Мы просим снять запрет хотя бы для нас... Запрет охранял жизнь космонавтов, — взяла слово Юль. — Я согласна. Но сейчас положение меняется: земляне обнаружили космическое струйное течение! Нельзя допускать, чтобы запрет стал тормозить науку о Величайших Пространствах, ани.

Присутствующие смотрели на нее молча, оценивая возникшую ситуацию.

— Прежние экспедиции Роотов наталкивались на сильное сопротивление среды, сотрясавшее звездолеты. У нас есть сейчас, ани, сверхпрочные звездолеты, опасность резко уменьшается. Вас беспокоит связь, ани. Я прошу выслушать члена Совета Ула. Разреши сказать ему, долгожитель?

Ган кивнул молодому ученому с курчавой шапкой черных волос, сидевшему в первом ряду.

— Лаборатория космических средств связи, — сказал Ул, — закончила проект нового «почтового» снаряда. Если радиосвязь прервется — из звездолета будет выпущена торпеда повышенной мощности и с гарантией доставит донесение...

Ул закончил, и снова заговорил Евгений Николаевич:

— Мы обсудили проект и в нашей маленькой семье землян — командир разрешает мне принять участие в экспедиции, если вы, ани, утвердите ее.

Ган оглядел посерьезневшие лица. Об опасности самого полета не говорилось ни слова — не имеет смысла пересыпать песок с ладони на ладонь.

Евгений Николаевич ринулся в решающую атаку. Поднявшись с места, по земной привычке, и подойдя к краю возвышения, он вновь горячо заговорил:

— И еще важное соображение, ани! — Голос его звенел. — Мы считаем невероятным допущение, что это течение единственно и только в нашей Галактике... А что, если, говорим мы, во Вселенной существует сеть подобных течений? Мы получим новый метод изучения Величайших Пространств и свяжем не только планеты, но и галактики. Мы победим Его Величество Время, ани!

Евгений Николаевич рассчитал атаку с кибернетической точностью. Взгляды членов Совета загорелись вдохновением. И все же, когда Ган предоставил слово желающим, никто не выступил.

— Ну, что ж, — улыбнулся долгожитель, — в течение часа мы будем размышлять...

После перерыва началось голосование. Оно длилось ровно пять минут. За это время каждый еще раз обдумал свое решение и мысленно излучил его в телепатическую машину.

Пять минут спустя жители планеты узнали итог:

971 голос — «за», 14 — «против» и 15 — воздержались.

3

Опять дневник и новая страница — я с грустью начинаю ее словами: «Последний день мы провели...»

Да, подошел и такой день. Мы собрались на острове Уэл, откуда Евгений Николаевич и Юль стартуют в космос.

Не было атмосферы исключительности — всякий намек такого рода изгонялся из быта жителей острова и гостей. Не было и церемониальных проводов. Из Тиунэлы прилетели Ган, Ле, Ул и Эла.

Отправляется в рейс самая большая и прочная ракета Гаяны. Глядя на нее, кажется, будто стоишь у подножия высокого скалистого пика, на склоне которого крупно написано: «Ри».

Простившись с нами, Юль повернулась к Гану:

— Если мы... не скоро возвратимся, долгожитель, значит — нашли космическое струйное течение. Ган молча поцеловал ее и отошел.

— Повнимательней, Евгений Николаевич, — сказал командир, обнимая друга. — В трудной обстановке... — он запнулся, желая сказать «не лезьте на рожон», но не договорил, подумав, что сам этот полет имеет неприятный адрес: к черту на рога.

— Понял, командир, — кивнул Глебов. Вскоре на Гаяне стало одним звездолетом меньше... В науке чудес не бывает, в природе — тоже. Зато изменений, непрерывного и нескончаемого развития — сколько угодно. Одно явление переходит в другое и разбрасывает семена третьего...

Мы знали из трагического опыта прошлых. экспедиций, что может ожидать Глебовых, но надеялись... Так уж устроен человек. В космосе все бурлит, как в кипящем чайнике, и мы думали: а вдруг именно теперь там произошли изменения, благоприятные для наших дорогих друзей?

Увы! Последнее сообщение от них было встречено в Совете глубоким молчанием — слова мало могли помочь делу, все знали, для чего с поверхности Гаяны умчался «Ри».

— Жестокая вибрация, — сообщали Глебовы. — Звездолет выдерживает... Неизвестное силовое поле уводит с курса... Самочувствие нормальное. На борту порядок.

И все!

Потянулись тревожные дни. Но мы верили в успех. Не потому, что надеялись на авось. На этот раз непокорный космос штурмовали во всеоружии. Мы имели больше права надеяться, чем звездоходы прошлых столетий.

4

По решению Народного Совета на одной из просторных площадей столицы в короткий срок соорудили монументальное здание «Земля». Я присутствовал при сборке... Фундамент был окончен накануне: он напоминал пчелиные соты, толщиной всего метров двадцать.

С утра вдали показался караван гравитационных контейнеров с массивными блоками нашего небоскреба. Они плыли над крышами города, неторопливо и уверенно.

Машины опускали их на фундамент. Каждый блок точно ложился в свой паз — гравитационный контейнер мягко высвобождался и возвращался на базу.

Ни капли цемента, ни сварки, ни заклепок! Все части здания намертво присоединялись друг к другу электромагнитными каркасами и вакуумными полостями (по принципу магдебургских полушарий). На поверхности здания был слой, превращающий излучения гаянского солнца Фело в электричество, накапливающееся про запас в аккумуляторах фундамента и блоков.

В фундаменте же находился и кибернетический контролер сборки, он же вечный страж силового спектра всей конструкции. Основание фундамента — антигравитационная плита: в аварийных случаях кибернетика включит ее, и здание (либо

его части) временно «облегчится» настолько и до тех пор, пока это потребуется.

Сборкой руководил один архитектор! Это было интересное зрелище — волшебная игра взрослых в детские кубики. В неделю здание было собрано...

Внешне оно напоминало Дворец Человека на горе Шу, только пониже ростом (высота нашего дворца не превышала 250 метров) и густого голубого цвета, увенчанное великолепной гигантской белой скульптурой Владимира Ильича Ленина.

Издали здание казалось постаментом к его фигуре. Владимир Ильич стоял без фуражки, прищурив глаза, и с улыбкой смотрел на город, шумевший у его ног.

В первом этаже — Музей Земли. Над ним — актовый зал на 20 тысяч мест. Еще выше — кибернетическая энциклопедия Земли, привезенная нами, и лаборатории.

Вокруг нашего красавца дворца были устроены пруды, дендрарии, оранжереи и... зоопарк: наши ранчо, назвал их Боб.

Мы привезли с собой тысячи зародышей животных, птиц, насекомых, рыб. До сих пор они хранились в специальных капсулах — миниатюрных биотронах — и спали в анабиозе. Теперь же, под нашим наблюдением, их надлежало вернуть к жизни, дать им развиться, а потом перевести в «ранчо» и пруды. Привезли мы с собой и множество семян.

Обеспечить Гаянцев типичной живой флорой и фауной Земли — в этом и заключалась самая трудоемкая часть нашей миссии. От того как скоро мы ее выполним, зависело наше возвращение домой.

Улеглись первые впечатления, и началась наша деловая жизнь на Гаяне. Сперва я опасался, что из нас не выйдут хорошие консультанты, а тем более — руководители. Но у нас была наша энциклопедия, а ученые Гаяны быстро разобрались в ней и помогли нам.

5

Иногда мы бродили с Хоутоном по нарядным улицам Тиунэлы. Это были поистине «армянские прогулки». Если вы впервые слышите такое выражение — я поясню.

Помню в детстве комичные сценки, частенько повторявшиеся в нашей семье... Мама собирается на базар, а отец, заметив, что время еще есть, решает заполнить его чем-нибудь полезным.

«Зайду к Араму, — говорит он, — что живет в конце нашего квартала: выходной день... нехорошо без гостя», — и отправляется в путь, как Тартарэн в Альпы.

Не пройдя и трех шагов, он встречает Аршавира и стоит с ним малость. Через два дома отца останавливает манящая прохлада винного подвала, но сомнение колеблет его, пока из ароматного полумрака не доносится чей-то веселый голос: «Гай, спустись на минуту — столько новостей!..»

... Выбравшись на дневную поверхность, когда солнце уже высоко, отец ускоряет шаги, чтобы компенсировать непредвиденную задержку. Вот уже до жилища Арама совсем близко... Но тут перед отцом вырастает тощая высокая фигура — наша родственница, пятидесятилетняя тетя Астгик, которую все зовут «ориорт» (то есть барышня), ибо еще не родился на земном шаре мужчина, пожелавший завоевать ее неприступное сердце.

Болтливостью нашей ориорт Астгик гордился весь Ереван: остановить ее неутомимый язык было труднее, чем лошадь на скаку, увильнуть от него — так же замысловато, как от падающей крыши, если вы находитесь под ней, в запертом доме.

Впрочем, отец — самый мужественный и выносливый ее слушатель.

Когда беседе все же наступает конец, отец беспрепятственно стучит висячим железным молоточком о железный

квадрат на воротах, пока вверху не появляется в окне лицо жены Арама, лениво объясняющей, что ее муж «утром вышел к тебе навстречу...»

После этого начинаются поиски приятеля, и в минуту, когда уставшее солнце скрывается за горы, отец вводит Арама в дом и невинно спрашивает у мамы, готов ли обед...

Вот это и есть настоящая «армянская прогулка», любимая Хоутоном. На пути мы останавливались со знакомыми и незнакомыми — на улицах столицы всегда полно гуляющих, — и наша «средняя техническая скорость» не превышала ту, которую установил для себя мой отец в выходные дни.

В тот день, о котором я хочу рассказать сейчас, я торопил Боба, но потом махнул рукой, когда он, обняв меня, сказал с милой, мальчишеской улыбкой:

— Куда ты спешишь? Давай пошатаемся по планете...

И мы пошли дальше, не меняя темпа. Возле стадиона Боб лукаво глянул на меня и потянул за рукав.

— Зайдем, старик. Меня осенила великолепная идея. Понимаешь, давно размышлял, что бы такое подарить Гаянцам?..

Стадион пуст, его прозрачная крыша излучает прохладу. Только возле плавательных бассейнов оживленно. Разыскав нескольких членов Совета стадиона, Боб принялся рассказывать им... о футболе.

Мы проторчали там часа три, не меньше, но Хоутон добился своего: в этот день родился гаянский футбол! Почему «гаянский» — вы еще узнаете. С этого дня футбол начал победоносное шествие по планете, ничем не останавливаемое, всеми поддерживаемое, покоряющее города и городишки. Он превратился в страстную спортивную пандемию, бесповоротно и навсегда.

— Эх, старик, — размечтался Боб, — когда у нас на Земле выбросят за борт любителей загонять атомные бомбы в чужие

ворота, мы станем обмениваться настоящими футбольными командами и откроем матч на первенство космоса! А?

— Превосходно, Боб. Да будет так!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тайник вселенной

1

В то утро в эфире слабо прозвучали слова: «Ри уэй-рон», то есть: «Я — Ри-второй».

Слышать эти позывные было тягостно: это сигналы почтового снаряда Глебовых. Значит, с ними самими произошло такое, что мешало возвратиться домой. Когда позывные запеленговали — оказалось, что они доносятся... с направления, противоположного тому, куда улетел «Ри»: космическая торпеда шла почти тем курсом, какой держали мы... летя с Земли на Гаяну!

На экстренном заседании Совета не высказали ни одного, даже осторожного предположения, объясняющего загадку. Разработали схему поимки почтового снаряда, и опытнейшие космонавты вылетели навстречу, чтобы потом развернуться, уравнять скорость и снять «почту» Глебовых.

Задание Совета выполнили без заминки, и во Дворце Человека, а затем на всей планете стала известна судьба экспедиции.

2

... Первые признаки необычного появились задолго до вибрации: приборы световые, звуковые, телепатические — всех

дублирующих систем, имеющихся на звездолете, сообщили о приближении мощного силового поля, характеризовать которое кибернетические анализаторы отказались.

Неизвестное поле не оказывало прямого воздействия на приборы — оно влияло каким-то образом на окружающую межзвездную среду и вещество звездолета. И потом уже, по этому влиянию, воспринимаемому приборами, можно было судить — с весьма приблизительной достоверностью — о самом «поле Х», как по почерку судят о характере человека.

Вибрация началась импульсами, длящимися миллионные доли секунды. Сигнализаторы на панели запаса прочности успокаивали: конструкция и материалы корпуса прочны!

После того как частота вибрации возросла в несколько тысяч раз, Евгений Николаевич приказал Юль лечь в антивибрационный биотрон с тремя степенями свободы и включил аппаратуру анабиоза. Одному — легче; он понимал, что это человеческая слабость, но использовал свою власть командира.

Вибрация возрастала — Евгений Николаевич перешел в специальную кабину управления. Несколько крохотных толчков увели звездолет с курса. Казалось, перед звездолетом выросла невидимая стена.

Тогда Глебов позволил звездолету некоторое время идти измененным курсом.

Полет стал более спокойным, но часов через двадцать последовало повторное, более плавное, отклонение от курса. Создавалось впечатление, что звездолет сам «хочет» лететь вдоль невидимой стены.

Это никак не входило в планы экспедиции, а рассчитывать на случайную брешь было глупо. И Глебов принял новое решение — идя вдоль стены, уточнять ее направление и одновременно сбавлять скорость полета Он надеялся пробить стену на малой скорости, но с возрастающей мощностью, как это делает водитель электромобиля, преодолевая крутой подъем.

«Ощупывая» стену, Глебов заметил, что она экранирует, отражает радиолучи, и понял, почему прекращалась связь с прежними звездолетами Роотов. Если и им удастся проникнуть сквозь стену — связь с Гаяной также стане г невозможной.

Следующая мысль оказалась просто спасительной: Глебов принялся исследовать сопротивление стены под разными углами. Расчеты показали, что чем больше угол вхождения в стену будет отличаться от прямого, тем безопаснее ее преодоление.

В идеале нужно было входить в нее, следуя почти параллельно, но это отнимет уйму времени. Глебов поручил кибернетике определить наиболее выгодный угол, потом задал звездолету новый курс, передал на Гаяну последнее сообщение и, приняв меры предосторожности, решился на генеральный штурм...

... Фиолетовый экран Z-поля отбрасывал невидимый тысячекилометровый ионный факел двигателей. Корпус звездолета сотрясался, и перегрузки росли с каждой секундой. Броски становились сильнее и продолжительнее. Бледный, с красными от напряжения глазами, Глебов не отрывался от приборов, повышая мощность, удерживая звездолет на курсе.

Двадцать один час «Ри» проходил стену. Евгений Николаевич почти не спал, поддерживая себя возбуждающими таблетками, не зная, где и через сколько времени окончится это изнурительное испытание.

Но ни разу за все время он не подумал о прекращении штурма — только вперед!

Вибрация исчезла сразу. Еще дрожа от усталости, Глебов сверил показания дублирующих приборных систем, запрограммировал кибернетические анализаторы, хотя внутренний голос — не обманувший его! — подсказывал, что стена позади.

Не меняя курса, Глебов продолжал полет: он знал, что не сумеет пересилить соблазн — более сильный, чем сотни

подобных стен, соблазн проверить, что лежит дальше — космическое струйное течение или нет.

Звездолет пролетел около десяти миллионов километров. Приборы вели себя как-то «испуганно»: окружающая среда обладала и привычными свойствами, и в ней явно происходило нечто совсем незнакомое. И... снова препятствие — вторая стена.

Толщина ее тоже двадцать один час на прежней скорости. Сомнений не оставалось — это струйное течение, и звездолет пересек его! Но почему войти в него и выйти оказалось так трудно? Ведь при их полете с Земли на Гаяну такого не наблюдалось?

Глебов вывел из анабиоза Юль. Размер и вид опасности ясен, предстояло трудоемкое накопление фактов, осмысливание происходящего — ум и знания его жены были крайне необходимы.

3

Войдя снова в струйное течение и взяв курс под 45 градусов к оси его, чтобы определить направление космической струи, Юль запеленговалась и удивленно приподняла брови.

— Звездолюб, — тихо сказала она. — Звездолюб...

— Я тебя слушаю, Юль.

— Оно... движется в обратную сторону.

— Ты хочешь сказать в обратном от Гаяны направлении?

— Да, Звездолюб... Ваш «Юрий Гагарин» летел к нам с Земли, подгоняемый космическим струйным течением?

— Верно, моя хорошая.

— А сейчас... нас увлекает... в сторону Земли. Евгений Николаевич порывисто обнял ее и расцеловал.

— Я тебя понимаю, Звездолюб... Понимаю! — мягко улыбнулась она. — Эта река пространства ведет к твоему дому...

— Но давай проверим, Юль.

Да, космическое струйное течение мчалось к Земле!

Взяв окончательный курс, они полетели где-то вблизи оси открытой ими струи.

Пеленгуясь по звездам, они определили наконец и примерную скорость своего движения относительно ядра Галактики: она в девять раз превысила скорость нашего полета с Земли!

Представьте себе чувство Робинзона, истосковавшегося по своим близким, по соотечественникам и вдруг заметившего у горизонта белое семячко паруса, — и вы построите миниатюрную модель того, что переживал Евгений Николаевич.

Понятно, что Гаяна не безлюдный остров, но как бы ни жилось счастливо в гостях, дома лучше. Пусть ты улетаешь навсегда, волшебный мир Неизвестного неодолимо зовет на нехоженые пути — в сердце твоем всегда будет жить твоя родина, прекрасная, любимая тобой везде!

Они мчались с Юль в сторону Земли быстрее света в десятки раз: несколько месяцев отделяло их сейчас от звезды, называемой Солнцем. Не меняй курса, и ты — дома!

Но это будет позорным бегством... За их спиной друзья и командир, вся Гаяна, доверившая им величайшее творение своего ума...

И они взялись за наблюдения и расчеты их будущего полета с Гаяны на Землю, прокладывать трассу. Еще немного и... можно возвращаться.

Их рабочий день не был нормирован — в этом Глебов расходился с Шелестом и раньше: нельзя сидеть сложа руки, заставлять себя отдыхать, если столько работы вокруг!

Они накапливали наблюдения, пытаясь в редкой горсти фактов отыскать намек на закономерность, обнаружить устойчивые характеристики потока...

— Материя Величайших Пространств и есть эта среда, — утверждала Юль. — Чтобы обнаружить ее, нужны иные

приборы: в этом полете надо решить хотя бы, какими они могут быть. Среда очень разрежена — хорошо бы увеличить собственную скорость нашего «Ри» до субсветовой и пробыть в потоке космического струйного течения как можно дольше.

— Ты права, Юль, но нас так несет быстро, что просто не успеем...

— Тогда, — глаза Юль вспыхнули золотистыми искрами, — тогда, Звездолюб, полетим дальше... мимо твоей Земли! Сколько сумеем — пока хватит запаса энергии, до «точки возврата».

— А потом?

— Будем искать то, первое космическое струйное течение и вернемся...

— Но мы не знаем точно, где оно начинается.

— Будем искать: если периодически использовать анабиоз — мы сможем лететь и несколько тысяч лет! Кибернетика у нас надежная: она будет накапливать факты и время от времени будить нас, когда необходимо их осмыслить. Верно?

— Я слушаю тебя, моя отчаянная!

— Возможно, Материя Величайших Пространств вынесет нас и за пределы Метагалактики! Мы отыщем такой народ, такую культуру, о которой и на Гаяне и на Земле даже не мечтают... А может быть... мои предки не погибли и уже достигли отдаленных миров?.. Почему бы и нам...

Проект Юль захватил Глебова. Если он примет его — это уже не будет бегством с поля боя: они сообщат о своем решении на Землю, передадут все, что им удастся накопить к этому времени: все данные попадут и на Гаяну. Две планеты будут осмысливать и исследовать космические струйные течения, установив быстрое сообщение между собой, а они полетят искать третий обетованный мир.

— Я решил, Юль, — сказал он. — Твой вариант будем считать резервным... вторым. А пока я предлагаю подождать еще месяц и, если лучшего не придумаем, полетим дальше...

— Пусть так Звездолюб, — согласилась Юль

4

В свободные часы после этого разговора Евгений Николаевич больше и дольше прежнего рассказывал Юль о Земле, о своей красавице Москве, уже втайне желая, чтобы второй вариант их последующего полета стал единственным — так хотелось услышать голоса родной планеты, поговорить с землянами, узнать... какой у них год, какие изменения в их жизни.

К глубоко скрытому (даже от Юль) разочарованию Глебова, первый вариант все же существовал...

Приемная аппаратура звездолета уловила чьи-то позывные радиосигналы и доложила Глебовым. Евгений Николаевич услышал нечто знакомое, слегка поворошил в памяти и почти крикнул:

— Позывные ксаны номер восемнадцать, Юль! Юль мгновенно оценила значение принятых сигналов.

— Между нашим звездолетом и этой ксаной расположено космическое струйное течение, направленное к Гаяне: мы летели, подгоняемые именно им! Если мы развернемся и войдем в него, то скоро будем на Гаяне...

— А ты так привык к другой мысли, мой Звездолюб, — тихо сказала Юль.

— Твой проект, Юль, давал мне возможность только услышать Родину, а сейчас... я верю, что хотя и позже, но увижу ее! Надо гасить скорость и возвращаться.

Они изменили курс и осторожно стали удаляться от оси течения. Часов семьдесят спустя приборы сигнализировали о нарастании энергетического поля впереди.

— Дыхание стены, — сказал Евгений Николаевич, — но рановато...

Еще через сорок часов приборы обнаружили по курсу наличие массы вещества. Глебов обменялся с Юль тревожным взглядом, включил кибернетическую копию рабочего журнала «Юрия Гагарина», и они внимательно изучили места, где были зафиксированы данные полета с Земли на Гаяну, вблизи этого района.

Никакого намека на присутствие здесь вещества не было. Между тем аппараты звездолета начали принимать слабые излучения на волне 21 сантиметр.

— Водород... — прошептал Глебов.

— Нейтральный водород, — подтвердила Юль.

Вскоре в телескопе можно было заметить впереди и слева слабое зеленоватое свечение ядрышка туманности. Температура его не достигала и 50 тысяч градусов. Спектрограф показал линии водорода, гелия и ионизированного кислорода. Сфотографировали и пришли к выводу, что крошечная туманность лежит... в месте, где оба встречных космических струйных течения, слегка изогнутые друг к другу, соприкасаются.

Евгений Николаевич стал подумывать об изменении режима полета — он опасался тряски звездолета. Однако Юль, закончившая очередной навигационный сеанс, доложила о падении скорости дрейфа и непроизвольного отклонения курса от оси течения. Вибрации не было, и Глебов решил выждать.

Звездолет, все сильнее увлекаемый в сторону, постепенно вписывался в кривую вокруг туманности. Теперь Евгений Николаевич и Юль получили больше возможности оценить ее конфигурацию. То, что им вначале казалось шарообразной туманностью, на самом деле было расширяющимся раструбом космического смерча!.. Это сравнение, найденное Евгением Николаевичем, наиболее удачно передает внешний вид странною явления.

Неделю спустя скорость звездолета упала до ста километров в секунду, перегрузки возросли до 1,2.

— Юль! — горячо сказал Евгений Николаевич, рассматривая свежие фотографии туманности. — Это похоже... Нет, в самом деле... Я думаю, что Материя Величайших Пространств, из которой, наверное, состоят оба течения, соприкасаясь, рождает... вещество. Возможно, это и есть прототело, о котором писал наш Амбарцумян?.. Перед нами редчайший Тайник Вселенной, Юль!

Наклон смерча был направлен в ту часть Галактики, где находилась туманность Ориона, точно питая ее новыми порциями вещества.

Полет протекал по-прежнему спокойно, приборы не поднимали тревоги (хотя показания их все еще вызывали сомнения), однако постоянная, непрекращающаяся нагрузка утомляла космонавтов. Решили возвращаться на Гаяну.

И тут они почувствовали грозное приближение опасности: круговорот материи цепко держал их в плену и не желал отпускать. Звездолет уже шел по орбитальной траектории и, по существу, начинал свой первый круг... Он становился маленькой планеткой зеленоватой туманности. Приборы не смогли вовремя предупредить, потому что слабо реагировали на среду... Кибернетика вынесла свой приговор: звездолет слишком близко подошел к туманности и запаса энергии не хватит, чтобы изменить курс в этих условиях — вихрь Материи Величайших Пространств сильнее!

Не хотелось верить, что беда неотвратима, но счетно-решающие машины холодно и бездушно сказали: если даже и хватило бы энергии, перегрузки достигнут разрушающей величины и из Тайника Вселенной «посыпятся одни осколки».

Это и был конец экспедиции...

5

— На этот раз, Юль, мы влипли, — так говорят шутники у нас на Земле, — мрачно резюмировал Евгений Николаевич. — Безрассудно тратить время, хотя у нас его хватит на десятки поколений.

— Я не поняла, Звездолюб.

— У нас же нет реальной возможности вырваться из плена?

— Так, Звездолюб.

— Стоит ли тогда попусту предаваться отчаянию?

— Разве я...

— Нет, моя Юль, я не думаю, что во Вселенной есть женщина, сумевшая бы на твоем месте проявить большее мужество.

— Так что же?

— Вот и я считаю: нет смысла ломать голову там, где ее можно сохранить целой.

— Да, Звездолюб.

— Мы вызвали с тобой на поединок Его Величество Время, Юль, хотели одержать верх. Не удалось, Я не жалею...

— Я тоже! — гордо вскинула голову Юль — Мы с тобой открыли еще одну важную проблему. Правда, к этому мы не подготовлены, потому что не знали, не все могли ожидать... Сюда прилетят гаянцы и земляне, подготовленные лучше, на более совершенных звездолетах. Наш труд не пропадет, если мы и погибнем.

— Ты права. Но можно и... не погибнуть, Юль.

— Я слушаю, Звездолюб.

— Нам не удалось победить Время... Так сделаем его своим союзником, может быть, спасителем... Юль прижалась к нему, задумалась.

— Мы отправим почтовую ракету на Гаяну с итогами наших наблюдений, дневником, Юль. Ее масса меньше, и она рассчитана на перегрузки, недоступные нам. А потом ляжем в биотроны и включим аппаратуру анабиоза без задания на пробуждение. — И, видя, что Юль оценила назревавшее в нем решение, он заговорил мягко, ласково, будто уговаривая: — В анабиозе наша жизнь замедлится в тысячу раз... Значит, мы сможем подождать полмиллиона лет...

— Это я смогу ожидать столько, — прервала Юль, и лицо ее побледнело. — Я и раньше мучилась тем, что земляне живут так мало, Я не хочу терять тебя,

находясь сама в расцвете сил! Я надеялась, что наша наука позволит продлить жизнь и тебе, мой Звездолюб. А в анабиозе у меня не будет надежды на «равноправие». Ты состаришься через пятьдесят-шестьдесят тысяч лет.

— И этого срока достаточно, — убеждал Евгений Николаевич, — для того, чтобы наука созрела для нашего спасения.

— Я могу согласиться, Звездолюб, — твердо сказала Юль, — при условии, что кибернетика разбудит нас, когда тебе, твоей жизни станет угрожать старость: тогда подумаем и поговорим о следующем решении.

— Пусть будет, по-твоему, Юль, — произнес Евгений Николаевич. — Можешь считать мои слова решением командира.

Они тщательно подготовили почтовую ракету к вылету, рассчитали ее траекторию, определили точку старта и запрограммировали навигационную кибернетику посланца.

Окончив работу, они выпустили его в пространство и, когда убедились, что ракета прошла сквозь пограничный слой обоих течений и легла на курс, разнося по Галактике: «Ри узй-рон», — погрузились в анабиоз.

А «Ри» продолжал свой безостановочный бег по круговой орбите...

Я не знаю последних слов, произнесенных Юль и Евгением Николаевичем на прощание: то ли они шутили и смеялись до конца — по гаянскому обычаю, то ли поземному оплакивали свою неудачу. Не знаю, что было произнесено у биотронов «Ри» в ту минуту. Но верю: они закончили экспедицию как жили — не теряя разума, человеческого достоинства.

Вот о чем подумал я, когда во Дворце Человека, перед членами Народного Совета демонстрировались кадры из дневника замечательных звездоходов, и я всматривался в дорогие мне лица незабвенных Юль и Евгения Николаевича Глебовых...

Изучение присланных ими материалов многое прибавило к тому, что имелось в энциклопедии о Материи Величайших Пространств, но проблема оставалась «запломбированной». Выручить Глебовых по крайней мере в ближайшие годы представлялось сомнительным: вначале предстояло разгадать само «пекло», а потом — идти в него.

Совет принял три решения, в равной степени взволновавших меня, Хоутона, Шелеста и наших гостеприимных хозяев...

1. Построить звездолет для возвращения землян на родину, тем самым отметить отличное выполнение ими полетного задания.

2. Увековечить память супругов Глебовых, их выдающуюся деятельность в истории планеты.

3. Считать проблему Материи Величайших Пространств главнейшей; создать специальный институт, передать в распоряжение Совета института группу космонавтов и спроектировать три звездолета повышенной прочности и мощности, превосходящих «Ри». Конечная практическая цель — спасение Глебовых.

О том, что делалось во исполнение первого распоряжения, я расскажу в следующей главе. Исполнение третьего пункта уходит в отдаленное будущее. Второй...

... С центрального космодрома Уэл поднялась в космос ракета-носитель, выводя на орбиту необычный мемориальный спутник. Имея наклон к оси планеты, он двигался так, чтобы его видели жители обоих материков Гаяны.

Покинув носитель, спутник вспыхнул ярким темно-вишневым пульсирующим светом.

Колесо истории, как говорили у нас еще в античные времена, катилось вперед, но нам слышался в его движении сухой скрип и раздражающий скрежет.

Потеряв Звездолюба и Юль, мы особенно почувствовали, как они дороги нам. Думая же о них — вспоминали Ло. Странно

сложились наши судьбы: Ло ушел в Прошлое, Юль и Глебов — в Будущее, мы оказались между ними, в Настоящем...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Самая нетерпеливая...

1

Мы прожили на Гаяне меньше года, но успели полюбить чистые яркие краски ее природы, по-своему наивный, веселый и трудолюбивый народ.

Наша миссия окончена. Строительство космолета «Роот» подходит к концу. Мы реже бываем в конструкторском бюро, ибо уже знаем свой корабль назубок. Пройдена и программа тренировок. Последние дни на Гаяне...

Странное чувство охватывало меня: будто я превратился в книгу, в которой по ошибке сброшюрованы последние главы одного романа и начальные — другого.

Однажды вечером над телепатоном торшера появилось изображение светловолосою подростка. Его грустное лицо показалось мне знакомым. «Может быть, из-за глаз, таких же голубых и умных, как у Глебова?»-подумал я.

— Здравствуйте, ани, — сказал мальчик. — Вы помните меня?

— Кто ты? — спросил я.

— Меня зовут Оу, ани. Когда вы первый раз были у долгожителя Гана, я включился в его Телепатон... Вы обещали прилететь к нам...

— Вспомнил, — кивнул Шелест. — Спасибо за приглашение. Это я заверил тебя, и мне неловко...

— Я понимаю, ани, — быстро заговорил Оу. — У вас столько дела. Но сейчас у меня есть кое-что, возможно, интересное для вас. Учитель говорит: мысль новая. Генеральный Проблематор подтвердил его слова. Я хотел бы кое-что показать и поделиться предположениями.

— Как быть? — обратился ко мне Шелест по-русски. — Я и Хоутон будем заняты два дня, ты же знаешь...

— Не возражаю, — ответил я. — Слетаю...

— Хорошо, Оу, — повернулся к Телепатону Шелест и кивнул в мою сторону. — Вот он прилетит к тебе.

— Спасибо. Я жду тебя, долгожитель! Доставить меня на юг Урела взялся все тот же Рат, почти ежедневно бывавший у нас в гостях и узнавший о просьбе Оу.

— Я помогу тебе, ани, — предложил он. — Я тебя высажу в интернате и отправлюсь по своим делам. А на обратном пути — прихвачу... Заодно покажу тебе новинку! Пока о ней знают лишь авиаторы.

— Какую, Рат?

— Самолет, ани, — скромно ответил конструктор. — Небольшой, двухместный.

— Этим не удивишь!

— Потом скажешь... Утром я жду тебя на аэродроме Тиунэлы, в ангаре экспериментальных машин.

2

Утром, как условились, я был на месте. В узком отсеке ангара стоял... круглый фюзеляж, длиной метров десять, с классическим самолетным хвостом и крепкими, утолщенными стойками ног шасси, без колес. Не было и крыльев.

— Впервые вижу такой самолет, — смущенно улыбнулся я. — Или он еще не собран?

— Нет, ани, он готов к полету хоть вокруг Гаяны.

— И именно на нем мы сейчас отправимся?

— Да, ани.

— Со скоростью ракеты?

— Нет, ани: это же самолет. Садись...

Лезу в пилотскую кабину и располагаюсь правее Рата. Подлокотники кресла изогнулись под прямым углом внутрь и как бы законтрили меня без привязных ремней.

Рат включил двигатель. В моторном отсеке послышалось приятное жужжание. Самолет (все-таки этот недомерок впоследствии оказался превосходным самолетом!) чуть приподнялся.

Открываю форточку и выглядываю: у ног шасси выросли прозрачные голубовато-зеленые поплавки! Рат слегка увеличил мощность, и фюзеляж вырулил из ангара — поплавки переползли порожек так, будто его и не было.

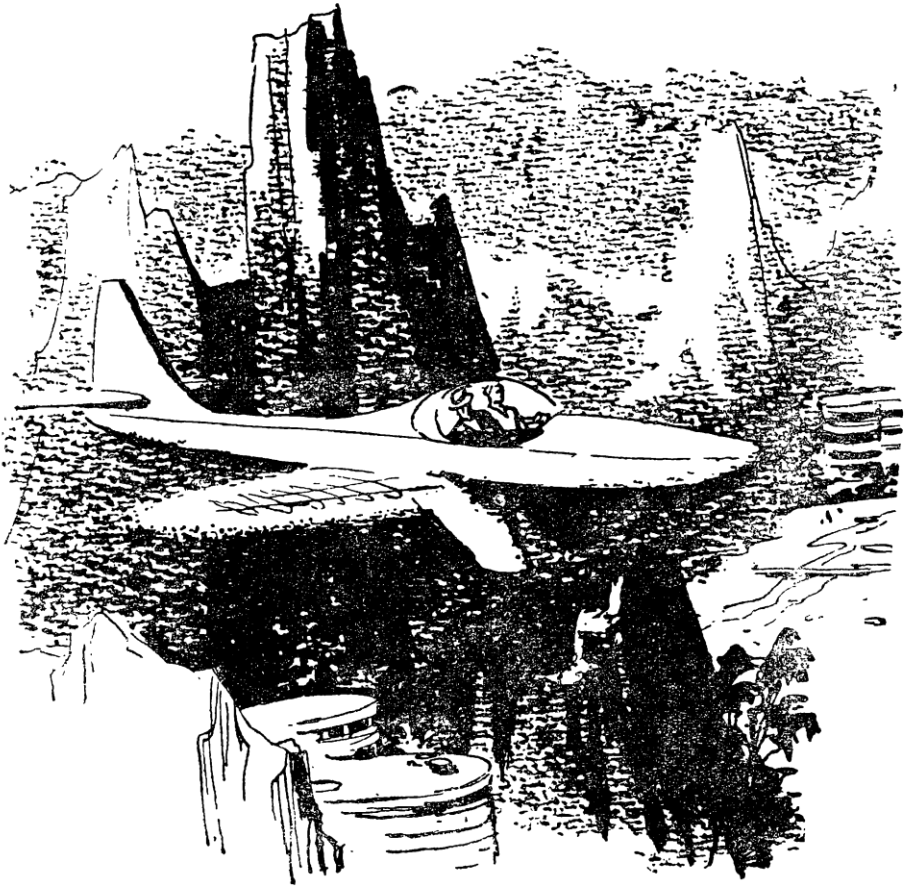
— Объясни, Рат, не томи...

— Хорошо? — осклабился инженер. — Это Z-поле, сформованное специальной антенной. Смотрите дальше, ани! Есть уже и крылья...

Из фюзеляжа выползли телескопические лонжероны с ажурным набором тонких нервьюр: теперь я сам догадался, что это тоже антенны Z-поля, наподобие огромного зонта у «Юрия Гагарина», на котором мы прилетели с Земли.

Мгновение — и стали видны прозрачные фиолетово-зеленые крылья с обычным аэродинамическим профилем. Рат вырулил на старт и пошел на взлет. В момент отрыва от земли у меня екнуло сердце: фюзеляж зрительно держался на тонких трубах и чуть ли не на проволочном каркасе-антенне крыльев.

Но все было нормально, и самолет ринулся в набор. Слегка прижало к сиденью, и мне вспомнилась далекая не только во времени, но и в пространстве... моя земная юность.



Как ты сейчас поживаешь, мой родной Аэрофлот? На каких крыльях летают твои пассажиры? Какие космические рейсы прибавились в расписании? Скоро мы начнем долгий путь к тебе. Кого увижу? Нет уже, наверное, знакомых бетонных полос: на их месте пластмассовые аэродромы; новые пассажиры теснятся на перронах, незнакомые летчики в кабинах ростовских самолетов Сколько же тебе лет сейчас, Аэрофлот? На какой, по счету, твой день рождения я попаду?..

Выйдя за облака, Рат перевел машину в горизонтальный полет и стал разгонять скорость. Крылья-антенны отогнулись назад, профиль стал тоньше и изменил форму на более выгодную при сверхзвуковой скорости.

Взяв курс на юг, Рат включил автопилот и повернулся ко мне:

— Ну как, ани?

— Отлично!

— И представь себе, ани, — сказал Рат, — что это лишь первая часть новой программы нашего конструкторского бюро.

— Что же тогда будет... в последней?!..

— Надо научиться формировать из Z-поля не только крылья, но и многоцелевые роботы... Не из вещества, понимаешь, а из поля! Такие роботы проникнут в самую глубь планеты без буровых скважин, будут ремонтировать шахты, подводные туннели — что угодно, без демонтажа... Сразу не предусмотришь, где они найдут применение. Пусть пять, десять лет — задача под силу нашей науке.

3

Меня встретил Гар — руководитель интерната, невысокий (не в пример большинству Гаянцев!), моложавый.

В центре площади было несколько нарядных учебных корпусов, похожих на оранжереи, вокруг — одноэтажные домики ярких расцветок: жилье преподавателей и учеников.

— У нас каникулы, ани, — сказал Гар, — тебе не удастся побеседовать со всеми: я отвезу тебя прямо к Оу. Он никуда не уехал, во всяком случае, пока...

Познакомив меня с Оу, Гар покинул нас, а мы прошли к озеру.

За высоким сетчатым забором, на крутом берегу — вольер. В клетках без дверок, в домиках, в норах живут сотни зверьков,

птиц, змей, даже насекомых. В прозрачной воде «на участке Оу» скользят рыбы с щупальцами, лениво посапывают у поверхности крупные морские животные, напоминающие дельфинов, ползают по камням прозрачные, как медузы, крабы. И вся эта живность узнавала Оу, несомненно, слушалась его, по-своему выражала радость при его появлении.

Мы присели на гладкий, точно отполированный, черный ствол старого дерева, и я по-настоящему узнал маленького гаянского Дурова.

— Ты дрессировщик, Оу?

— Не совсем, долгожитель, — ответил мальчик, хотя и понимавший, что с точки зрения Гаянцев я молод, но из-за моей предательской седины настойчиво обращавшийся ко мне так уважительно. — Как и все остальные юннаты, я использую аппаратуру... Ее лучи могут вызывать у животных ярость или испуг, возбуждать либо угнетать, могут усиливать инстинкты. Очень важно точно и вовремя дозировать облучение и знать повадки своих животных. Каждое по-разному реагирует на облучение. Я разыскиваю подходящих чуть не на всей Гаяне.

— Устраиваешь экспедиции?

— Да, долгожитель. Иногда — всей нашей командой, а когда и сам... Как-то на Уэле, возле космодрома, я отобрал несколько ваалов... Показать?

— Пожалуй...

Оу расстегнул курточку, и я увидел на нем широкий пояс, толщиной в палец, с миниатюрным пультом управления. Он нажал одну из кнопок и стал подкручивать верньер.

Я вдруг похолодел от испуга: на прочной паутиновой нити на уровне моих глаз повис мохнатый паук с черными рачьими глазами навыкате, ярко раскрашенной спиной. Шустро перебирая длинными многосуставчатыми лапами, ваал (я уже понял, кто это!), опускался с дерева к ногам мальчика.

— Не бойся, долгожитель, — поспешно успокоил меня Оу. — Они добрые...

Они? Я быстро огляделся и увидел, что меня окружили эти существа. Впрочем, буду справедливым: стоило немного привыкнуть, и я уже начал находить в них даже что-то симпатичное (да-да!), мне показалось, что я уже могу отличить один экземпляр от другого, и отважился подставить ладони самому крупному, пестрому, как павлиний хвост, ваалу...

Оу начал бегать пальцами по пульту, и паучок послушно замирал, переворачивался на спину или вальсировал, будто желал показать себя со всех сторон.

— Жду продолжения рассказа, Оу, — напоминаю я.

— Долгожитель, — волнуясь, проговорил мальчик, — точно в то время, когда звездолет Глебовых «Ри» трижды пробивал стену струйного течения, почти все мои ваалы были до крайности возбуждены и вели себя очень странно...

Я внимательно всмотрелся в юного первооткрывателя.

«Неужели у всех необыкновенных такие же глаза, как у него и нашего Звездолюба? — почему-то подумалось мне. — Пусть мальчик ошибается, но такая смелость мысли делает ему честь».

— Как доказать, что это совпадает во времени?

— Я запросил Генеральный Проблематор: он произвел расчеты.

— И что же?

— Сигналы дошли до моих ваалов со скоростями, равными полету «Ри» в космических струйных течениях!

А это уже, по словам Боба, кое-что.

— Но...

— Извини, долгожитель: возможно, космические струйные течения иногда могут излучать Материю Величайших Пространств, но очень слабо, и никто на Гаяне не обнаружил ее, кроме ваалов.

— Ты сказал, Оу, почти все твои ваалы?..

— Да, долгожитель. Я имел в виду, что бурно реагировали только ваалы с острова Уэл, пойманные возле вашего звездолета «Юрий Гагарин». Остальные почему-то нет...

Дальше моя голова, что называется, загудела от мыслей, как печка, в которую подбросили дров. Я тут же связался с Шелестом и Хоутоном. Пока мы советовались, Оу молчал и сиял от счастья.

С того дня машина закрутилась...

Целый отряд ученых взялся проверять открытие юнната Оу. Собственно, проверить его можно было только в нашем полете на Землю. Зато удалось определенно установить, что микроорганизмы, паразитирующие в теле ваалов с острова Уэл, несколько отличались...

Получив в чистом виде обе культуры, микробиологи начинили ими капсулы — приборы для обнаружения и, возможно, измерения поля космического струйного течения. Капсулы мы назвали оутронами. Кроме них, мы возьмем несколько ваалов.

— Как это ты смекнул? — спросил меня Шелест.

— После того как Оу сказал, что реагировали ваалы, пойманные им на космодроме, неподалеку от нашего звездолета, мне ничего не оставалось, как предположить, что это — влияние его корпуса, «пропитанного» космическим струйным течением.

— А это уже кое-что! — весело резюмировал Хоутон.

4

Незадолго до расставания нас проведали Эла и Ган. Пообедали вместе и еще раз обсудили предстоящий вылет. Звездолет оборудовали новейшей аппаратурой; Ган очень рассчитывал на оутроны.

Наблюдений предстоит выполнить много, но даже если их предполагаемый объем увеличится втрое — микрозаписи уместятся в монокристалле, размером со спичечный коробок. Таких кристаллов будет несколько копий: мы возьмем их по одной.

В анабиозе мы будем находиться лишь при старте, разгонах скоростей и торможении, остальное время — бодрствовать: изучать среду, вести счисление пути — кибернетика не сумеет без нас освоиться полностью с полетом в космическом струйном течении.

— Ани, — сказала Эла, — многие советуют установить возле вашего дома художественную скульптуру... Нет ли у вас предложения?

Мы переглянулись, и Шелест ответил:

— Решайте сами.

— Тем лучше, — быстро согласилась Эла. — Признаюсь вам, ани, скульптура готова: по моему проекту...

5

Утро третьего дня... до старта. Поднимаемся рано: сегодня улетим на Уэл. У нас гостят Эла, Ган, Рат и, конечно, Ле.

После завтрака, едва успели выйти на крыльцо, — Эла, улыбаясь, говорит:

— Скульптура установлена, ани. Можно взглянуть.

Шелест махнул нам рукой и побежал к берегу...

Метрах в пятидесяти от дома синеватая вода озера незаметно переходила в крутую пластмассовую волну с белой застывшей пеной на верхушке, окутанной туманом живых брызг. Едва касаясь волны маленькой ножкой в золотой туфельке, застыло серебристо-прозрачное изваяние очаровательной девушки. Она откинула руки назад в беге, устремив

взгляд к небу. Кружевное платье оттенка слоновой кости развевается на ветру.

При взгляде на нее мне вспоминаются с юности знакомые слова: «Правильное, почти круглое лицо с красивой, нежной улыбкой... в ее... глазах стояла неподвижная точка... В ее черных волосах блестел жемчуг гребней...»

А вслед за тем, мне почудилось, будто я слышу далекий голос с моря: «Добрый вечер, друзья! Не скучно ли на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу...»

— Фрези Грант! — воскликнул я.

— Да, — подтвердила Эла. — «Бегущая по волнам...»

Я знал, что первой русской книгой, которую перевела Эла с моей помощью, — был однотомник Александра Грина.

Знал, что книга имела успех. Рассказы Грина, его «Алые паруса», «Бегущая по волнам» — почти в каждом доме. Сердца Гаянцев покорили Пушкин, «все Толстые», Чехов, Маяковский, Шолохов и многие-многие другие, раскрывая шире мир

Земли и доставляя эстетическое наслаждение. Но Грину особенно повезло: его первого прочитали на Гаяне.

— Эла, — сказал Шелест, не отрывая взгляда от скульптуры, — ты доставила нам радость. Но почему именно «Бегущая»?

— У нас есть легенда, ани, чем-то родственная той, что придумал Александр Грин.

— Расскажи, пожалуйста, Эла.

— В галактическом полете звездолет «Ар» отсутствовал двести лет. Вернулся домой один маленький Ло... В звездолете нашли дневник экспедиции. Штурман Нэт уверял в своих записях, что видел своими глазами светящееся объемное изображение человекоподобного существа, летевшее некоторое время за бортом звездолета... Оно почти прозрачно, но его можно было рассмотреть и увидеть даже взмах руки, якобы указавшей направление на ядро Галактики...

— Дальше, Эла, дальше!

— Загадочное свечение свободно проникло сквозь обшивку корабля, а потом исчезло. «Зовущий к Ядру»-так назвал это явление Нэт.

— А кто-нибудь еще?.. — заинтересованно спросил Шелест.

— Нет, ани. Кроме Нэта, никто не встречал в космосе «Зовущего к Ядру». Пусть лучше продолжит Ган.

— Твердого мнения у меня нет, — засмеялся Ган. — Но меня увлекло это явление. А Эла даже написала фантастический рассказ. Сюжет таков: на планете, вблизи галактического ядра, по какой-то причине погибло все население... Осталась техника. Она и посылала в космос «Зовущих к Ядру»-сгусток неизвестной нам энергии — в поисках разумных существ. Планету нужно было вновь заселить живыми людьми, без них техника, так сказать, потеряла цель, смысл... Рассказ читался год-два, а потом о нем забыли: вероятно, картина вымершей планеты оказалась мрачноватой...

— А рассказ Нэта, — закончила Эла, — превратился в легенду о «Зовущем к Ядру».

— Галлюцинация? — предположил Шелест, повернувшись к Ле.

— Возникновение зрительных образов в условиях галактического полета возможно, — уклончиво ответил Ле.

6

Далеко внизу показался знакомый Уэл. С высоты остров похож на след человека, оставленный в океане. Там, где находится «пятка», — город и Космический Центр. А за холмистым валом, на всем остальном просторе — стартовые площадки.

На одной из них заканчивали снаряжение «Роота». Мы хотели в тот. же день съездить туда, но Ле отсоветовал:

— Основное сейчас — отдых, юноши, — сказал он. — Лучше пообедаем и — на стадион: предстоит дружеская встреча футбольных команд Космического Центра и Тиунэлы.

— Это уже кое-что! — г обрадовался Хоутон.

К нашему приходу небольшой стадион полон «поземному», но трибуна для отлетающих свободна, и мы по праву занимаем ее.

... Настала пора описать гаянский футбол.

Судьи не было. Его обязанности выполняли всевозможные датчики, встроенные в пушистое пластмассовое поле, и автоматические телевизионные наблюдатели, подчиненные анализирующей машине.

Самый же мяч, таких же размеров и веса как у нас, гаянцы начинили маленькими механизмами-киберами и антигравитационным устройством.

Если кто-то сыграл не по правилам или переговаривался с игроками — со всех динамиков стадиона несся судейский свист, а мяч мгновенно выходил из игры сам и занимал ту

точку, с которой надлежало бить по нему вновь. Если по ошибке его хотел ввести в игру футболист не той команды — мяч ловко избегал удара и, как ни в чем не бывало, становился на место.

Как-то Шелест шутя внес предложение, рассмешившее нас до слез. Никто, разумеется, не принял его всерьез. Никто, я хотел сказать, кроме Хоутона и... самих Гаянцев — величайших шутников из всех, каких я только встречал.

Шальная мысль командира могла найти сторонников только на Гаяне. Случись это на Земле — ее тотчас предали бы анафеме футболисты и болельщики, чьи нервы и страсти и без того накалены самой игрой.

Короче говоря, гаянцы превратили мяч из средства игры в ее радиокомментатора. Внутрь впихнули легонький кристалл, и теперь, если мяч в благоприятных для гола условиях пролетал над штангой ворот, он (мяч!) принимался весело орать: «Мазила!..», «Сапожник!» и другие слова, подчас совсем безобидные. Но в таких обстоятельствах эти слова приводили в ярость неудачника. А динамики на стадионе услужливо доносили до всех комментарии мяча.

Можно представить, с каким упорством гонялся за ним после этого обиженный. А так как в ходе игры мазил набиралось несколько с обеих сторон — проклятый же мяч отличался идеальным бесстрастием, — игра накалялась быстрее, и по мячу били, как по кровному врагу.

Узнав о присутствии Хоутона — Главного тренера планеты по футболу (такого пышного титула еще никто не удостаивался на Гаяне за всю ее историю), — игроки столицы попросили его сыграть правым нападающим в своей команде против космонавтов Уэла.

Они приехали с собственным мячом — «воспитанником» Боба, начинившего его самыми пронимающими эпитетами на трех языках: русском, английском и гаянском. Глянув на этого

старого приятеля, Боб усмехнулся и — с одобрения Ле — пошел в раздевалку.

Немного погодя игроки выстроились на поле и метнули: ворота слева от нашей трибуны достались космонавтам, справа — тиунэльцам. Мяч сам занял центр поля и лихо свистнул — игра началась...

Сперва шло все как положено. Игроки носились по полю, точно пасовали друг другу, но силы были примерно равные, и острых моментов не наступало. Потом вперед вырвался Хоутон и повел игру, вспомнив свой юношеский опыт в университетской команде.

Ему удалось обойти защиту противника, и, прикинув расстояние, он пустил навесной крученый по воротам, но... ликующий крик «Дуби-ина-а!..» возвестил о промахе.

Боб стерпел. Снова пошла игра, приведшая к корнеру. Боб выбил угловой, но, то ли был не в форме, то ли по иной причине, мяч прошел позади ворот.

Град насмешек своего же мяча потонул в сокрушенных возгласах болельщиков — они переживали по всем правилам: земная игра будила в них те же чувства, что и у нас, только они срывали досаду на обстоятельствах игры, а не на самих игроках...

Зато мяч — порождение фантазии Хоутона и молодых гаянских инженеров — не стеснялся в выражениях, хотя и теперь в сравнении с некоторыми болельщиками Земли он выглядел приготовишкой.

Еще раз спортивная фортуна погладила Хоутона по голове: мяч просился в сетку. Боб неверным ударом изо всей силы направил его в боковую штангу, откуда он рикошетом вернулся обратно. Мяч будто рассвирепел от боли и закричал:

— Уберите вратаря и штанги — иначе он не забьет!

Стадион грохнул, а Боб вполголоса обругал мяч так, что мое перо отказывается воспроизвести его слова.

Услышав незнакомые слова, мяч тут же запросил энциклопедию Земли, получив разъяснение, доложил кибернетическому судье и... принялся подыгрывать команде противника, если нога Хоутона касалась его.

Счет стал 1:0 в пользу космонавтов. 2:0... 3:0!.. Уже все заметили неладное. Хоутон явно отбивал мяч от своей площадки, а он влетал в ворота партнеров Боба и вопил: «Гол!..»

Лишь после того, как Хоутон сослался на неважное самочувствие (оно сейчас действительно оставляло желать лучшего) и ушел с поля — игра стала нормальной. Тиунэльцы размочили сухую таким безукоризненным голом, что мяч лег в сетку с криком «Браво!..», а Хоутону даже послышалась нескрываемая ирония в голосе мяча.

Но ни о какой «иронии», конечно, не могло быть и речи, ибо слова, записанные на кристаллофоне внутри мяча, воспроизводились с одинаковой интонацией, а их выбор, зависел от того, какая сторона мяча была ближе к кибернетическому датчику, мимо которого он пролетал.

— Наверное, механизм мяча стал привыкать к игрокам? — спросил Ган, все еще смеясь от души. — Такое случается в нашей технике. Надо его заменить...

— Нет, нет, — воспротивился Боб. — Он не виноват! Ган вновь увлекся игрой, а Хоутон честно рассказал нам о «нравственном» поединке с мячом и кибернетическим судьей.

... Игра окончилась, и мы отправились в гостиницу космонавтов. Ле доволен: он считал необходимым веселую встряску перед галактическим полетом.

7

День вылета. Последние часы на Гаяне... ... На стартовой площадке диспетчеры и обслуживающий персонал — ни одного лишнего человека. Суховато для прощания с планетой,

гостеприимством которой мы столько пользовались... Мы тщательно скрываем друг от друга свои мысли и грустим про себя.

Ган приглашает в комнату отлетающих: скромная обстановка — несколько кресел и непременный торшер, вокруг которого мы и расположились.

— Мы не хотим утомлять вас, — сказал Ган, — но. Ле утверждает, что час, который мы просим вас провести у Телепатона, вполне оптимален. Гаяна хочет проводить вас.

— Мы тоже хотим видеть Гаянцев, поговорить с ними, — повеселел Шелест.

Ган включил Телепатон — стены комнаты словно растворились, и мы начали волнующее, трудноописуемое «путешествие» по городам планеты.

На площадях миллионы людей. Они ласково всматриваются в наши лица. Они видят нас, слышат, а многие имеют возможность сказать что-то и от себя. Они понимают, что нам невозможно ответить на все их пожелания и напутствия; им хочется видеть нас в последний раз и поднять левую руку.

Вот и наша Тиунэла (мы могли называть себя тиунэльцами, жителями многомиллионной столицы), и наши земляки провожали нас — все, кто мог в эти минуты выйти на улицу.

Дворец Человека... Народный Совет Гаяны стоя, по земному обычаю, приветствует нас. Наш небоскреб «Земля» ... Величественная фигура Владимира Ильича Ленина на фоне гаянского неба. Величайший мыслитель Земли будто желает нам счастливого возвращения домой.

Всякое может случиться на таком длинном даже для луча света пути, словно говорит он, но вы преодолеете время и расстояние, будете дома!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Зовущий к ядру»

1

177-й день полета — по земному времени... Шелест и Хоутон спят в жилом отсеке. Не в анабиозе, а просто отдыхают. Я дежурю в кабине управления. Кибернетический календарь лениво складывает секунды в часы, сутки, месяцы Он неумолим, в нем нет ничего человеческого, он никуда не торопится, занятый главной задачей своей «жизни» — считать время.

Наше призвание — дело! А его мало в полете: трудно назвать деятельностью ожидание чего-то, попытки изучить окружающую среду.

Кстати, лучшими нашими помощниками в этом оказались оутроны: они с большого расстояния почуяли приближение космического струйного течения, и мы, заблаговременно сбавив скорость, не врезались в невидимую прочную стену, а прошли ее насквозь с минимальными перегрузками.

Еще полезнее оутроны в самой струе. С их помощью мы узнали, что поле течения наиболее напряженное и быстрое — вдоль его оси. Затем мы подключили оутроны к механизмам управления звездолетом, и помчались, по существу, ведомые живыми микроорганизмами, ни на йоту, не отдаляясь от центра космической струи!

Сколько раз вспоминали мы добрым словом Оу!..

Сегодня мое дежурство. Однообразие приелось, с удовольствием занялся бы чем-нибудь, но приказ командира — дорога нашей воли. По-иному нельзя.

Включаю окна-телевизоры на окружающий фон и всматриваюсь в звезды: где-то по курсу Земля. Кто-то сейчас родился, кто-то окончил свой жизненный путь.

Где-то на набережной Москвы объясняются в любви, а рядом — последнее объяснение. Мне хочется крикнуть им: «Милые, не ссорьтесь! Что бы ни произошло между вами — причина раздора внутри вас самих!»

Но я не вижу их, они — меня...

Где-то и на бульваре Тиунэлы двое — издали им казалось, что у них одна путеводная звезда, а подошли ближе и увидели, что она двойная — таких много во Вселенной. И они с грустью и облегчением разошлись: каждый потянулся к своему светилу...

Что это я все про любовь и про любовь?.. Будто нет иной темы для размышлений.

Я примечаю вдали и слева зеленое пятнышко туманности и понимаю, мы подлетаем к месту, где космос взял в плен Юль и Евгения Николаевича... Их забросила сюда не только жажда знания, но и светлая любовь Любовь, ставшая легендарной для Гаянцев.

Мы пройдем мимо опасного места на достаточном удалении. Они предупредили нас, но мы бессильны пока помочь им.

За бортом звездолета нечто белесое... Поворачиваюсь на вращающемся кресле и откидываюсь на спинку, как от удара.

Рядом со звездолетом летит он — «Зовущий к Ядру»! Все так, как рассказывала Эла: светящееся, объемное изображение человекоподобного существа, большеголового, пучеглазого, с безгубым широким ртом.

Зажмуриваюсь, чтобы избавиться от наваждения, но... видение рядом. Я встаю и слежу за ним. «Зовущий» ощупал обшивку корабля, уверенно приблизился, и я увидел темную прозрачную четырехпалую руку, торчащую из стены и шевелящую пальцами. Она становится все длиннее и тянется ко мне.

Вскрикиваю, хочу бежать, да некуда...

Из стены появляется дымчатое плечо, и без всякого видимого усилия «Зовущий» проходит сквозь обшивку и останавливается в метре от меня.

Его лицо искажается ужасным намеком на улыбку, рука поднимается, и пальцы касаются моего лба в ту самую секунду, когда я

начинаю терять сознание от непреодолимого ужаса.

Страх исчезает... Я не сторонюсь таинственного джина, стоящего передо мной. Даже набираюсь «нахальства» сесть в его присутствии. А может, сажусь не потому, что стал смелее, а из-за слабости в ногах?

«Зовущий» положил руку мне на голову, и я вижу зеленую планету, город с прямыми улицами, параболические дома. Изумруднокожие люди... Такие же, как «Зовущий», только совсем не прозрачные — предметные, созданные из живого вещества. Они ходят прямо и легко, как пантеры. Туловище короткое, руки — тоже, а ноги длиннющие.

Большелобые крупные головы, широкие безбровые лица. Тонкие носы с широкими ноздрями. Глаза умные, большие и темные, точно светофильтровые очки.

Они говорят о чем-то друг с другом, но я не слышу их голосов и не знаю, как звучит их речь. Одеваются они в одноцветную, тусклых, темных тонов одежду, напоминающую халаты.

Город благоустроен. Бульвары и скверы. Много прозрачных каплевидных бесколесных автомобилей. Летательные аппараты.

Все это промелькнуло сравнительно быстро, и я не успеваю разглядеть подробности.

Космодром. Космос... Звездолет, похожий на гриб-мухомор с пятнистой шляпкой, летит в черном пространстве. Позади него длинный, как у кометы, фиолетовый прозрачный хвост.

В глубине Вселенной — зеленоватое облачко. Оно приближается, и я вижу, что это основание космического смерча, конус которого уходит раструбом в туманность... Ориона!

Еще один звездолет. Он ходит по замкнутой кривой вокруг облачка. Очертания его мучительно знакомы. Внутренность звездолета... Биотроны и... тела Евгения Николаевича и Юль!

Силюсь вскочить с кресла, но «Зовущий» тотчас прислонил свободную ладонь к моей груди, и тревожное волнение улеглось. Покорно наблюдаю детали «гипнотического сеанса».

Незнакомый звездолет приблизился к космолету «Ри»-я вижу надпись на борту. Несколько белесых «зовущих» окружают найденный изумруднокожими корабль. Ощупав борта, беспрепятственно проникают внутрь, и дальнейшее я вижу, как бы их глазами.

Будто сам брожу по кабине управления, изучаю приборы и пульты, не прикасаясь, однако, к тумблерам, рычагам и кнопкам... Подхожу к биотронам, наклоняюсь и всматриваюсь в лица почему-то незнакомых мне Глебовых.

Предполагаю, что с ними все в порядке, Но догадываюсь об их положении пленных, попавших в сильное гравитационное поле туманности, вырваться из которого их звездолет не может.

У меня появляется намерение спасти их: перенести вместе с биотронами на звездолет-«мухомор» и увезти на зеленую планету. Но не тороплюсь и изучаю принцип действия биотрона, его конструкцию. Все это пока не поддается моим умственным усилиям. Огорчаюсь, но спокойствие не покидает меня.

Опять космос... Вдали показывается точка. Она вырастает, и я вижу... наш звездолет «Роот», Шелеста, Боба... себя!

Мне хочется сообщить экипажу «Роота» о находке, узнать, кто они, откуда и куда летят, посоветоваться. Испытываю радость неожиданной встречи с людьми, несомненно, собратьями тех, кто лежит в биотронах. Очевидно, звездолет «Роот» летит на выручку «Ри»?

«Зовущий» снял руку с моего лба и отошел. Я стал многое понимать, хотел продолжить телепатическую беседу с изумруднокожими космонавтами с зеленой планеты, но тут полностью воспринимаю реальную обстановку и значение

встречи, осознаю, что надо разбудить товарищей, доложить командиру и тогда уже решать, что делать.

Но как быть с «джином»? Его вид может вызвать нервное потрясение... Стоит ли им переживать перенесенное мной испытание? Если бы уговорить его покинуть на время звездолет...

«Зовущий к Ядру» понял меня. Приветливо махнув рукой, он тем же путем, то есть сквозь обшивку, выбрался наружу.

2

Шелест открыл глаза, приподнялся и испытующе посмотрел на меня. Мне удалось к тому времени свыкнуться с тем, что парило за бортом, и Шелест мог по моему лицу узнать о моих переживаниях не больше, чем по обложке брошюры — о ее содержании.

Не проронив ни звука, он глянул на часы и прошел в кабину управления.

Хоутон блаженствовал в глубоком и безупречном сне. Наблюдая за ним, я давно пришел к заключению, что самый крепкий народ — это языковеды и, пожалуй, критики. Все они законченные оптимисты!

Я повозился минут с десяток, пока Боб причмокнул и принялся «хватать действительность» широко открытым ртом, точно рыба, вытащенная из воды. Его взгляд постепенно стал осмысленным. Боб глянул на часы и помрачнел.

— Тебе скучно, старик? — осведомился он, борясь с раздражением.

— Наоборот: четверть часа назад я едва не лопнул от смеха...

— Гм... Тогда тебе нельзя отказать в гуманности: ты хочешь развеселить и меня?

— Только так.

— Подъем! — сам себе скомандовал Боб и вскочил на ноги.

В пилотской кабине я обстоятельно рассказал о свидании с «Зовущим к Ядру». Шелест молчит, лицо его озабоченно: чрезвычайные обстоятельства требуют от него, как от командира, исключительной собранности и точности.

Пока в его голове созревает черновик плана, Боб изучает меня взглядом врача.

— Ты сомневаешься?

— Ну к чему так прямо, — мягко и с иронией произносит Боб. — Разве удивительно где-нибудь в Атлантике встретить любителя купаться, переплывающего океан?..

«Не улетел ли совсем „Зовущий к Ядру“?»-обеспокоенно подумал я, опасаясь попасть в неловкое положение и горячо желая, чтобы светящееся Нечто появилось у окна-телевизора. И в то же мгновение желание мое исполнилось.

Боб кинулся к окну и, жадно всматриваясь в «Зовущего», протяжно присвистнул.

— Этим ты и хотел меня развлечь? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, Боб.

— Десять — ноль в твою пользу, старик! Вид у него и впрямь... веселенький... М-да... это уже кое-что!

Теперь, догадавшись о своей мысленной связи с «Зовущим», я уверенно пригласил его к нам. Он махнул рукой и просунул голову сквозь стену. Оказавшись лицом к лицу с оскаленной дымчатой прозрачной физиономией «Зовущего», Боб икнул и отскочил.

Забыв о своих недавних переживаниях, я готов был рассмеяться, но, признаюсь, даже не попытался этого сделать...

«Зовущий к Ядру» коснулся головы Хоутона, затем Шелеста и повторил свой телепатический рассказ. Они тоже поняли: космонавты незнакомой нам планеты случайно увидели звездолет Глебова и прервали свой полет с целью узнать, чей

это корабль. Потом у них появилось намерение спасти двух его обитателей.

Неясным оставался сам «Зовущий к Ядру», что это? Или — кто это? Прочитав наши мысли, «Зовущий» перевел взгляд с одного на другого, точно выбирая, и остановился на мне.

Направившись ко мне, он положил руку мне на голову и... прошел сквозь меня! Мне стало плохо, появилось ощущение, что меня сдавили в инквизиторской «Деве Марии», тысячи невидимых иголок пронзили мое тело, в глазах потемнело, и я покачнулся.

Но тут же все прошло, я увидел изумленные лица Шелеста и Хоутона, оборачиваюсь и буквально падаю на руки своих друзей: «Зовущий к Ядру» играючи принял... мой облик!

— А вот это ни к чему, — успокаивающе говорит мне Шелест. — Все ясно: это не джин и не призрак, а робот изумрудно-кожих. Вернее, я не так выразился необыкновенный робот! Примерно о таких мечтает Рат: помнишь твой полет с ним в самолете с зетт-крыльями? Нам не угрожает опасность — это точно.

— Но согласись, командир, — взмолился я, — что неприятно видеть себя в таком вот виде, да вдобавок, в чем мать родила...

— Почему? Советовал же тебе больше заниматься физкультурой. — Он похлопал меня по животу, лишь самую малость выдавшемуся вперед, и усмехнулся: — Сам виноват, друже.

— Он прав, — заступился Боб. — Если этот сизобедрый робот не вернет себе первоначальный вид, я... я... подам рапорт об увольнении!

— Ладно, постарайся его уговорить сам. Мы все трое стали мысленно упрашивать его, вернее его хозяев, смиловаться над нами. Секунд через пять или шесть «Зовущий» расстался с моим обликом, — и я облегченно вздохнул, успев, однако, подумать, что, говоря по чести, я мог бы выглядеть со стороны более мужественно...

— Какое счастье, — сказал Шелест, — для нас и Глебовых, что изумруднокожие запеленговали «Ри». Ведь раз они спокойно крутятся в этом районе — значит, они не боятся сильного гравитационного поля: у них, должно быть, очень мощные двигатели. Надо объединить наши усилия, и мы спасем Юль и Евгения Николаевича, друзья!

Ответ на предложение Шелеста пришел скоро. Мы увидели своим мысленным взором, как звездолет-гриб приближается к «Ри», целая эскадрилья «зовущих» передает нам биотроны с телами Глебовых, и мы улетаем в свою сторону, а изумруднокожие — в свою.

Итак, предложение принято, и мы начали действовать уже под руководством изумруднокожих. Наши локаторы не нащупывали их звездолет, а, судя по появлению у нас «Зовущего», они-то видели нас превосходно и знали расстояние, разделявшее нас. Поэтому первоначальные расчеты мы возложили на них.

По просьбе неожиданных друзей, мы сбавили скорость вдвое и не меняли курса, держась возле оси космического струйного течения.

Предоставив в наше распоряжение трех «зовущих», они попросили нас отсоединить биотроны от крепления. Шелест не ошибся: «джины» оказались необыкновенными роботами.

Было такое впечатление у всех нас троих, точно мы проникли внутрь корабля «Ри». В точности исполняя наши команды, «зовущие» отсоединили биотроны от станины и открыли компрессионный отсек у выходной двери, ведущей наружу.

Звездолет изумруднокожих подошел к «Рооту» на расстояние километра и уравнял скорость. «Зовущие» вынесли из гаянского корабля биотроны и понесли их к своему звездолету, выглядевшему рядом с «Роотом», точно океанский лайнер возле речного пароходика.

Одновременно два белесых робота вынесли бортовой журнал и кое-какую другую аппаратуру, по нашему указанию, а еще один изнутри закрыл двери и сквозь стенки выбрался наружу.

Мы видели все с мельчайшими подробностями.

— Ну и ребята! — сказал Боб. — Попадись эти «зовущие» некоторым моим соотечественникам — банки и сейфы опустели бы в два счета. А как поднялись бы тиражи газет и журналов! — Боб прищелкнул языком. — «Сквозь стены — к долларам!..»

Приняв биотроны с телами Глебовых, изумруднокожие задраили люк своего «мухомора» и стали по спирали отдаляться от туманности.

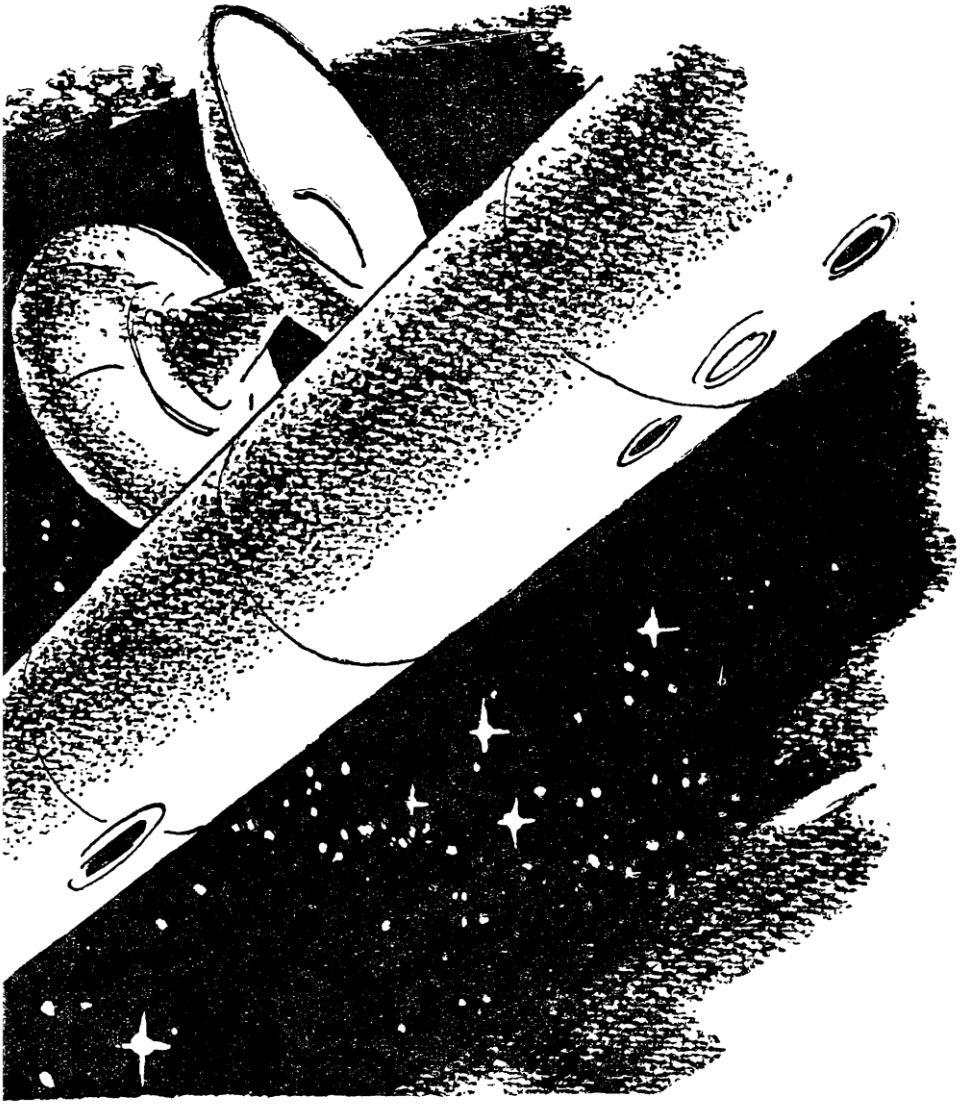
Неделю спустя они, сойдя с планетной орбиты, вновь приблизились к оси космического струйного течения и принялись догонять нас. К этому времени мы уже далеко ушли от основания космического смерча, пленившего гаянский звездолет.

— Надо предполагать, — сказал Шелест, — что космическое струйное течение действует одинаково и на наш «Роот» и на их «мухомор». Следовательно, речь может идти лишь о разности наших приборных скоростей. Они, я думаю, тоже не могут обогнать свет. Нам нужно сбавлять свою скорость. Да еще время уйдет у них на торможение. Хлопцы честные, дружные и неудобно слишком их задерживать. Давайте немного «потяжелеем»; знаю, что неприятно, да придется потерпеть.

Мы перешли в режим плавного торможения, перенося растущую перегрузку, но изумруднокожим пришлось гнаться за нами по пятам около месяца.

Телепатическая связь часто прерывалась, но установить причину мы так и не смогли. Не вызывало сомнения: Материя Величайших Пространств, объективность которой реализовалась в самом факте существования космического струйного течения, обладала особыми свойствами.

Нам хотелось рассказать изумруднокожим о Земле и Гаяне, о наших открытиях и затруднениях, но на одних зрительных образах далеко не уедешь.



Все же нам удалось объяснить им приблизительные «адреса» Гаяны и Земли, показать их природу, людей, города и — в общих чертах — технику. В свою очередь они рассказали нам о своей планете.

Судя по отсутствию высоких изрезанных горных хребтов, их планета старше не только Земли, но и Гаяны. Густая зеленоватая атмосфера ее, по-видимому, никогда не бывала чистой и ясной, как у нас.

Мы привыкли к электричеству, внутриядерной энергии, радио. Изумруднокожие пользовались иным видом энергии, так и не понятым нами. Мы изготовляем нужные предметы из веществ — они, кроме того, умеют «лепить» любую форму из силовых полей. Например, если свет стал у гаянцев материалом для художников и архитекторов — изумруднокожие (я уверен в этом) могли сделать из него при желании снежную бабу или вазу для печенья. Как они достигали этого и был ли это обычный свет, такой же как у большинства звезд, или иной — неизвестно...

Наблюдая некоторую странность в деталях передаваемых нам пейзажей, Шелест предположил, что большие выпуклые глаза изумруднокожих способны видеть не только световые лучи...

Тщательно «рисуя» местонахождение своей планеты, изумруднокожие показали нам карту ядра Галактики, вблизи которого они жили.

Возможно, Евгений Николаевич разобрался бы в ней, но его пока с нами не было, а выводить его и Юль из анабиоза в звездолете изумруднокожих рискованно — наши планеты слишком несхожи. Глядя, как они смело маневрировали со скоростями, не смущаясь перегрузками, мы подумали и о разных размерах наших планет.

Удивительно, что нам не удалось установить с ними радиосвязь! Мы пробовали по-всякому, но тщетно. С тем же успехом мы могли надеяться на радио, имея дело не с высокоцивилизованными созданиями, а с жителями каменного века.

Особо интересовали нас космические струйные течения. Возможно, они знали больше и могли помочь? Поскольку лингвист на борту собственный, мы поручили Хоутону «поговорить» с изумруднокожими на эту тему.

Боб сосредоточился и вообразил простенькую картину: две звезды; от одной к другой летит наш «Роот»; первый рейс он

выполнил по прямой и не торопясь, а следующий — стремительно и зигзагом.

Обитатели «мухомора» встревожились и дали множество советов, как устранить причины неисправности управления.

— Не дошло, — грустно констатировал Боб.

— Дошло, но так, что бедолаги всполошились не на шутку, — рассердился Шелест. — Успокой их немедленно!

— Я же не нарочно, командир. Сейчас. «Зовущий к Ядру» стоял возле Хоутона. Чтобы он убедился, что у нас все в порядке и мы абсолютно спокойны, Хоутон приятно улыбнулся.

Изумруднокожие догадались и... обиделись. Их оскорбил обман. Спасая ситуацию, Боб поспешно изобразил Землю и сосредоточился на океанах. Потом в его мыслях возникла зеленая планета с зияющими ямами без воды. Изумруднокожие отрицательно помахали руками и показали, что морей и океанов у них сколько угодно.

— Отлично! — горделиво воскликнул Боб и принялся рисовать реки, впадающие в моря и океаны.

Изумруднокожие с удовольствием подтвердили, что — да, реки у них тоже есть. А суда? И суда. Хоутон увлеченно провел один пароходик от берега в открытое — море медленно — в стоячей воде, а другой плыл недалеко, но в струе быстрой и полноводной реки, расталкивающей воды океана, и обгонял первый.

Эту же сцену он перенес в космос, заменил пароходики звездолетами, из которых один летел в струе и позади, но скоро обогнал передний.

Изумруднокожие едва не принялись танцевать от радости, закивали головами и излучили карту с девятью (!) космическими струйными течениями, известными им.

— Тащи фотоаппарат! — толкнул меня Боб.

— Выпей воды, — посоветовал я.

— Будет вам, — усмехнулся Шелест. — Ведь наши Телепатоны записывают этот обмен мнениями, и карта уже зафиксирована, только, конечно, не на фотопленке. Спроси-ка, Боб, у них, что они знают о Материи Величайших Пространств?

— Слушаюсь, командир. Отныне я запросто смогу объясняться с ними! — И Хоутон вообразил несколько галактик, а между ними протянул широкую ленту яркой цветастой ткани.

— Что это? — удивился Шелест.

— Материя Величайших Пространств! — не моргнув, пояснил Боб.

Мы с Шелестом застонали от смеха, изумруднокожие оторопели, а с Боба слетела самоуверенность.

— Где твой футбольный мяч? — спросил я. — Уж он бы сказал тебе, что это за «материя».

— Тогда сами спрашивайте, — разозлился Боб. Попробовали и мы. Смеха, правда, не вызывали, но и толка не добились: не все изобразишь зрительными образами...

Самое неприятное, что вскоре «Зовущий к Ядру» надолго исчез из нашего звездолета, и связь прекратилась.

К концу месяца, после того как мы проскочили Тайник Вселенной, Шелест заметил позади вспышки световой сигнализации и ответил кормовыми лазерами. Почти сейчас же за окном показался «Зовущий к Ядру».

— Давай вваливайся к нам, старина! — крикнул Боб.

«Зовущий» немедленно «ввалился» в пилотскую кабину, приветливо улыбаясь. Мы, оказывается, успели привыкнуть к нему и к изумруднокожим, потому что при первой встрече от его улыбки у нас останавливалась кровь, а сейчас — ничего.

— Устал, бедолага? — спросил я. — Столько гнался...

«Зовущий» подошел ближе, положил руку на голову Шелеста и передал послание своих хозяев. Мы перестали снижать скорость и перешли в режим невесомости.

Когда звездолет изумруднокожих поравнялся с нами и тоже завис в космическом дрейфе, в их корабле открылся люк и «зовущие» вынесли наружу оба биотрона.

Хоутон и я надели скафандры и выползли в космос, привязанные длинными тросами из морозоустойчивой пластмассы. Но помощи нашей не потребовалось. «Зовущие» бережно внесли в звездолет биотроны (для чего большая сила не нужна в режиме невесомости), сообразуясь с указаниями Шелеста, установили их на приготовленные места и закрепили наглухо. Затем командир оделся и вместе с «зовущими» выбрался в космос.

Из «мухомора» выплыло несколько изумруднокожих в скафандрах и направилось к нам. Здесь, в бездонной черной бездне, состоялось наше свидание. Они были шире в плечах и обладали силищей Геркулеса — их объятия мы выдержали с трудом.

И тут мы сразу почувствовали странную дрожь в теле. Отойдешь в сторону — исчезнет, едва прикоснешься к кому-нибудь из них — снова это непонятное ощущение.

— Непонятное?! — вдруг воскликнул Шелест. — А я думаю, что голоса у них тонкие очень или низкие — близкие к ультразвуку или к инфразвуку. Боб, принеси кристаллограф...

Командир не ошибся: мы стали слышать их голоса, не в их действительном регистре, но членораздельно. Мы все взялись за руки и закружились, точно в хороводе.

Командир вообразил нашу планету и сказал:

— З-е-м-л-я.

Один из изумруднокожих показал телепатическое изображение зеленой планеты и старательно произнес:

— О-я...

Показал на себя и сказал:

— О-я-и-р. Шелест продолжил;

— Ч-е-л-о-в-е-к.

Изумруднокожий, указывая на свой звездолет:

— «з-о-а».

Шелест:

— Р-о-о-т, — и вообразив Гаяну: — Г-а-я-н-а...

Изумруднокожий, показывая на себя с головы до ног:

— Д-з-е.

— Ш-е-л-е-с-т.

Командир и мы с Бобом, тщательно подбирая зрительные образы, спросили у них, много ли они знают обитаемых планет в Галактике, кроме своей, и ожидали положительного ответа. К нашему разочарованию, Дзе отрицательно покачал рукой и на пальцах показал: три. Все же в сумме получилось шесть; если же приплюсовать покинутую Эду, то — семь!

Тогда мы спросили, что им известно о давней встрече с гаянским звездолетом Бура, о котором нам рассказывала Эла. Ведь маловероятно, что «Зовущий к Ядру» именно такой, каким увидел его Нэт и мы, мог быть в точности придуман еще на какой-либо восьмой планете.

Дзе посовещался с товарищами и объяснил, что им ничего не известно о такой встрече: возможно, она и состоялась, но история космонавтики их планеты насчитывает немало трагических исходов.

Этот вопрос мы нарочно приберегли под конец, потому что и сами предполагали: если бы встреча с Буром (да еще, вероятно, почему-то прерванная!) стала известна на Ое, изумруднокожие меньше бы удивлялись встрече со звездолетом «Ри». Притом без достаточной практики общения с ними нам вряд ли удалось бы правильно задать свой вопрос в первые «дни» знакомства.

Свидание длилось несколько часов Мы пригласили их на свою планету, но они разъяснили нам, что непредвиденная задержка в пути и борьба с мощным гравитационным полем смерчеобразной туманности вызвали ощутимый расход

энергии и оставшейся им хватит до дома в обрез. «Но вы ожидайте нас, — как бы говорили они, — мы еще прилетим к вам!»

Мы помахали им руками, они ответили тем же, отозвали на борт «зовущих», и мы разошлись по своим кораблям.

По их просьбе мы покинули место встречи первыми: для маневрирования их огромного корабля требовалось большое пространство и еще они опасались повредить нам излучениями своих двигателей.

«Роот» устремился вперед, набирая крейсерскую галактическую скорость. Теперь ничто не должно помешать нашему возвращению домой. Как хорошо, что во Вселенной обитают Разумные Существа.

Какими бы ни были они, эти существа, — белые, черные, желтые, изумрудные — они преодолеют косность, эгоизм, ненависть, тщеславие. Иного не может быть, потому что решающим в жизни становится коллектив, народы, их непобедимая воля к Миру и Дружбе, потому что самое удивительное творение природы — Разум — становится достоянием сообщества людей!

3

Космическое струйное течение, сэкономившее нам десятки лет, плавно изгибаясь, ушло в сторону, и мы летим сейчас в обычном пространстве со скоростью 250 тысяч километров в секунду относительно ядра Галактики.

До Земли несколько месяцев пути. Скоро будем «во дворе», то есть войдем в нашу Солнечную систему. Пора поднимать наших друзей.

Как?

У человека немало достоинств. Он отважен, умен, изобретателен. Но есть и слабости, как у лампового радиоприемника — тому нужно время для нагрева ламп. У каждого из нас есть

свой коэффициент запаздывания. Летчики говорят: «фитиль». Если он «отсырел», ты не скоро разберешься в изменившейся обстановке.

Нервы у Глебовых надежные, но... Резкое сильное впечатление действует на любого человека, как сверхрасчетный импульс электрического тока на механизм — предохранитель может перегореть.

Посовещавшись, мы включили в окнах-телевизорах вид из нашего гаянского дома на озеро Лей и, придирчиво составив текст, дали его прочесть Шелесту и записали его голос. Вышли из кабины и включили аппаратуру пробуждения...

... Евгений Николаевич почувствовал живительное тепло, разлившееся по телу, и привычное ощущение бытия: «Аз есмь!» Червячок недоверия шевельнулся в глубине проясняющегося сознания, задерживая набегающие мысли, точно плотина. «Мыслю — значит живу!»-вспомнил старое изречение и открыл глаза. Осмотрелся, не поднимая головы. Что-то не то... В глубине сознания забил чистый родник последних воспоминаний. Голове стало жарко. «Спокойно, — сказал он себе. — Тебя разбудили. Значит, ты и Юль спасены... Юль! Где она?»

— Не надо подниматься, — услышал он ровный голос Шелеста. — Не волнуйтесь: Юль рядом с вами. Все в порядке, Евгений Николаевич. Решительно все. Лежите и слушайте: произошло такое, с чем нелегко свыкнуться... Мы тоже рядом, в другой кабине... Молчите и размышляйте. Я расскажу по порядку...

Глебов последовал приказу командира по привычке: раз Шелест так сказал — надо подчиниться. Главное — Юль тоже здесь!

Шелест начал рассказ издалека — с прилета почтовой ракеты. В психологически трудных местах он делал паузы, давая время для осмысливания.

— Не вставайте, — прикачал Шелест, окончив свой рассказ. — Мы идем к вам...

Евгений Николаевич улыбнулся и пожал нам руки. Еще лежа закидал нас вопросами:

— Вы спросили у изумруднокожих: знают ли они Материю Величайших Пространств? Есть ли у них карта космических струйных течений?

Боб хлопнул в ладоши и весело воскликнул:

— На нем уже можно ездить! А мы беспокоимся, подготавливаем... Карту течений мы у них раздобыли, а вот насчет Материи Величайших Пространств... Черт его знает... Разве на одних пальцах все поймешь...

— Не пальцы, а телепатия! — с укоризной произнес Евгений Николаевич.

— Еще и недовольны, — усмехнулся я. — Берите тюбик и завтракайте. Окрепнете и сами разбудите Юль...

— Жизнь хороша! — сладко потянулся Евгений Николаевич и кивнул на биотрон. — Даже с перерывами...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

И Земля не стояла на месте!

1

Чем больше скорость, тем труднее переход к движению медленному, к жизни в более тесном пространстве.

Для нас, летящих в звездолете «Роот», такой переход называется просто: торможение, падает скорость, ускоряется время, появляется перегрузка, которую одинаково не любят и живой организм, и мертвое вещество.

Как улитка в раковину, заползли мы в биотроны и вылезли из них уже в пределах Солнечной системы. По существу «во дворе»! Так и хочется «посильнее нажать на тормоза», но Шелест не разрешает превышать двукратное увеличение веса.

Мы ловим позывные Земли, а наш звездолет на «вечной волне» — специально резервированной для галактических экспедиций — подает свои.

Земля уже светит нам! Мы не можем еще различить материков, но видим ее, и приборы измеряют ее тепло... Работы прибавилось всем, как на самолете при подходе к аэропорту. Поглощенные счислением пути и расчетами, мы как бы переселились в мир цифр.

Земли не слышно, несмотря на несколько каналов связи, включенных одновременно. Мы немного озадачены, но внешне сдержаны, даже Юль.

Только чуть неподвижнее стали лица, когда в эфире послышался наконец слабый голос:

— Я — Марс-один, Марс-один. Вас слышу на «вечной волне», вас слышу на «вечной волне». Даю настройку...

Шелест включает автомат подстройки и, немного выждав, отвечает:

— Говорит звездолет «Роот», говорит звездолет «Роот». Следуем по маршруту Гаяна — Земля. Командир Шелест. Перехожу на прием.

Пауза. Шелест передает текст вторично. Пауза. Высокий голос торопливо произносит:

— Повторите фамилию командира.

— Командир-Шелест. Командир-Шелест. Пауза. Мы понимаем ее скрытое «красноречие»: к такому нельзя отнестись спокойно — пусть у радиста и тех, кому сейчас он докладывает, «прогреются лампы».

— Я — Марс-один, я — Марс-один. Вызываю Шелеста...

— Шелест на приеме.

— Поздравляем с возвращением, дорогие! Как самочувствие экипажа?

— Благодарю за поздравление. Самочувствие отличное. Кто вы?

— Говорит: «Марс-один» — первая советская база на Марсе.

Мы обнимаемся, хлопаем друг друга, говорим чепуху, и лишь Евгений Николаевич, стараясь перекричать нас, пытается сказать что-то важное. Шелест кое-как успокаивает нас и кивает на Глебова:

— И Земля не стояла на месте, друзья мои! Уже и на Марсе наш флаг! Послушаем же Звездолюба... Ну тише, вы!

— У меня возникла счастливая мысль... — говорит Глебов. — Мы улетали, когда люди бывали только на Луне. Верно?

— Так. Дальше...

— А сейчас на Марсе лишь первая, понимаете, первая база! А? Значит, времени прошло немного! А? И космические струйные течения есть не только в расчетах, но и в действительности... А?

— Марс-один, Марс-один! — громко запрашивает Шелест. — Я-«Роот», я-«Роот» ... Который сейчас год?..

Ответ потонул в шуме веселья. Мы увидим своих современников! Ведь вся наша экспедиция — полет в, оба конца и пребывание на Гаяне заняла почти день в день девять лет.

Улетать на два с половиною века и управиться за девять лет — о таком счастье мы не мечтали! Конечно, в последнее время, особенно после встречи с изумруднокожими, мы стали умом привыкать к такой возможности, но в сердце не угасал уголек сомнения.

В нашем звездолете творилось такое, что можно представить себе, лишь просмотрев корабельный фильм и прослушав звуковые записи. Недавно, пересматривая эти кадры, я обратил внимание, что возбуждение наше длилось не так уж и долго — через три минуты Шелест принялся за деловой

разговор. Всего три минуты оказалось достаточно, чтобы смять в гармошку два с половиною предполагавшихся столетия, а заодно смахнуть в пережитое, как крошки со стола, и те девять лет, что мы фактически не были дома.

Скор человек, ох и скор!

Нам приказали взять на борт — возле орбиты Марса — космонавта-лоцмана, который поможет нам произвести заход и посадку.

Пока газеты, журналы и радиостанции воскрешали в памяти жителей Земли картины нашего отлета, сообщали и комментировали наше появление в космосе, Шелест и Глебов принимали навигационные данные и приступили к маневрированию для приема лоцмана.

Я помогал им, а Хоутону, как журналисту, поручили репортаж о нашей экспедиции и космических струйных течениях.

— Только без «музея истории интерьера и мебели», — проворчал командир, вспомнив нашу гаянскую виллу на озере Лей.

Живы ли наши близкие? Увидим ли мы их? Девять лет — пустяк в галактическом полете — ощутимы в быстро меняющейся земной хлопотной жизни: «вода» на Земле течет быстрее, чем в космосе.

Наконец, нам сообщили: все живы, здоровы и встретят нас!

Мы переглянулись, вздохнули широко и вольготно, и работа пошла слаженно, как никогда.

2

Лоцман у нас на борту. До этого дважды Шелест спрашивал его имя, а ему отвечали загадочно: «Узнаете!»

Дверь компрессионного отсека отворилась, лоцман вошел в промежуточную кабину, и мы помогли ему снять скафандр.

На нас глянуло узкое смуглое лицо, с блестящими темно-серыми глазами. В курчавых черных волосах лоцмана серебрилась седина.

— Мауки! — закричал Хоутон. — Мауки! — и кинулся к нему.

— Боб! Милый мой Боб...

— Вот уж этому я удивляюсь меньше всего... — как-то странно произнес Шелест и присел на край дивана.

Мауки поднял его своими могучими руками, и они обнялись. Досталось и моим костям, и Евгению Николаевичу, а потом Мауки смущенно остановился перед Юль.

— Здравствуй, ани, — певуче по-гаянски сказала она. — Меня зовут Юль. Я жена Глебова. Мы с тобой немного земляки.

— Дорогая ани, — медленно подбирая слова, ответил Мауки, — я счастлив видеть тебя. Разреши обнять тебя, как сестру...

— Так ты стал космонавтом, Мауки?! — сказал я.

— Да. Я сейчас был на Марсе, и мне поручили, поскольку я рядом, сопровождать вас. — Он говорил по-русски почти без акцента. — Как обрадуются моя жена и сыновья...

— Твоя жена москвичка? — спросил Евгений Николаевич.

— Нет. Я привез ее из Отунуи.

— Поздравляю тебя, Мауки, от всего сердца! — сказал Шелест.

— Спасибо, Андрей Иванович. Извините: это я просил не говорить вам, кто будет лоцманом... Хотелось сделать сюрприз.

— И достиг своей цели!

— Не томите, Мауки, — прервал Евгений Николаевич, — расскажите, как там на Марсе? В самом деле обнаружены каналы? Есть жизнь?

— Так и не так, — засмеялся Мауки. — Жизнь есть, в основном — растительный мир и микроорганизмы. Людей там нет, и мы пока не нашли хоть каких-нибудь следов разумной жизни, исчезнувших цивилизаций.

— А каналы? — нетерпеливо допытывался Глебов.

— О, «каналы»! — с увлечением рассказал Мауки. — На Марсе необычные растения... Понимаете, там уйма сухих красноватых деревцев, напоминающих саксаулы... Они растут в песке, любят магнитные поля и вырабатывают электричество!

— Растения-генераторы?

— В том-то и дело. И семена их наэлектризованы. То, что на прежних марсианских картах представлялось нам как узлы, в которых пересекались и соединялись «каналы», оказалось крупными магнитными аномалиями. Наэлектризованные семена марсианских «саксаулов»-мелкие и легкие, как пыль, — попадая в зону магнитных силовых линий, приходят в движение и распределяются вдоль них, потом дают всходы и образуют огромные «лесополосы», воспринимаемые с Земли, как сеть каналов...

— А сезонные изменения?

— Они связаны с влиянием солнца. Конечно, все это в общих чертах, многое требует уточнения, проверки, но то, что я вам рассказал, — в общем верно!

— А что нового на Земле, Мауки? — спросил я.

— Самое главное — заключили договор о разоружении! Сейчас уже почти на всей Земле нет голодных, хотя остались... Бергоффы и Джексоны.

— Живы?! — спросил Хоутон.

— Не знаю, Боб. Да черт с ними! Не они, так другие... Зато на планете больше нет колоний!

— Где будем производить посадку, Мауки?

— Андрей Иванович, не угадаете.

— В Москве?

— Нет, нет, не пытайтесь... На Пито-Као!

— Пито-Као?

— Да. Сейчас там международный космодром, дорогие друзья. Можно было подобрать и другой остров, но остановились на нем, в честь прилета Гаянцев на звездолете «Тиунэла».

Юль улыбнулась, откинула голову и мечтательно закрыла глаза. Стать женой жителя другой планеты, с иными обычаями и взглядами, войти в круг его сопланетников — непросто. Воображение рисует и неприятные неожиданности.

Ее родина знала меньше горя.

Материки Гаяны расположены в среднем поясе планеты, с мягким климатом и щедрой природой, почти безвозмездно кормившей и одевавшей людей. Частная собственность ожесточала когда-то и Гаянцев. Но у них меньше было различных племен, а значит — и меньше возможностей зариться на чужое добро в крупном масштабе и затевать войны.

Не знали гаянцы и религий типа земного христианства, магометанства, буддизма и их разновидностей; не было «святых» знамен, прикрывающих право сильного бить и крошить слабого; не было попов и монахов, натравливающих приверженцев одной веры на сторонников другой. Судьба и в этом отношении пощадила их планету.

История Земли сложнее, и Юль тревожилась, впервые увидев в телескоп крошечную голубоватую звездочку.

Но теперь, слушая рассказ Мауки, Юль утверждалась в вере: раз будут счастливы земляне, будет хорошо и ее мужу, ей самой. У себя на родине она тоже с детства усвоила истину: счастье одного — в счастье всех!

Голос Мауки вывел ее из раздумья.

— Смотри, ани, — говорил Мауки, указывая рукой на телевизионный экран, — вот как сейчас выглядит Пито-Као, где приземлились когда-то твои и... мои предки!

... Большой современный городок под параболической прозрачной крышей вырос на высоком скалистом берегу, на том месте, где раньше ютились жалкие хижины «Лакки-тауна». В

центре острова, на груди широкой равнины, высились взлетные эстакады звездолетов. С одной из них ушел на Марс очередной корабль, и мы мысленно пожелали ему удачи.

У подножия величественно спящего вулкана — аэродром для космопланов, а за горой, в другой равнине, расположилось серое посадочное поле для звездолетов, с огромными гнездами и отверстиями туннелей — приемниками газов и пылевых вихрей — и решетками-гасителями излучений.

Пито-Као тоже начал свою новую жизнь!

3

Мы приземлились на заре. Наше Солнце первым тепло и ласково обняло нас.

Двигатели произнесли свое последнее «уф-ф!» и замерли.

Мы дома!..

Десятки тысяч слов в русском языке. Но я знаю самое емкое и близкое — дом. В нем поселились тысячи других слов, и как бы я ни пытался живописать встречу с родными и близкими — мало удалось бы мне прибавить к тому чувству, какое вызывает слово «дом».

День мы провели в городке, где, кроме семей и друзей, нас ожидала дивизия журналистов и кинохроникеров. Коллеги Хоутона готовятся к дружественной атаке, намечаемой на завтра. Они оттачивают перья, смазывают пишущие машинки (если их смазывают!), заготавливают, как патроны и снаряды, образы и сравнения, производят рекогносцировку и распределяют обязанности.

Нам осталось выполнить последнюю заповедь гаянской инструкции космонавтов: через сорок часов после посадки на любой планете (не раньше!) полностью выключить автоматику звездолета, произведя необходимую проверку по «карте контрольного осмотра».

Сейчас наш «Роот», хоть и покинутый нами, был ежесекундно готов к вылету.

Правила есть правила, и из уважения к Гаянцам мы выполнили их.

Через сорок часов (Юль напомнила нам, что уже пора) мы вновь вошли в звездолет. Юль читала «карту контрольного осмотра», а Шелест и Евгений Николаевич проверяли и выключали многочисленные агрегаты.

— «Проверить по Телепатону отсутствие позывных и выключить», — прочитала Юль.

— Это зачем? — спросил Мауки, сопровождавший нас.

— У Гаянцев телепатическая связь имеет такое же значение, как и радио, — объяснил Евгений Николаевич. — Она удобна тем, что меньше зависит от расстояния и помех и расходует мало энергии. Если кто-то терпит бедствие — он включает на телепатическую передачу свои позывные. Но здесь, на Земле, она еще не в ходу, и этот пункт имеет символическое значение— можно им пренебречь.

Юль не возражала, но Андрей Иванович Шелест недовольно глянул на Глебова.

— Правила хороши в комплексе, а не по личному усмотрению, — строго сказал он. — Прошу быть точным!

Евгений Николаевич смутился и послушно включил корабельный Телепатон.

— Секундомер! — потребовал командир. — Насколько мне помнится, там сказано: «в течение двухсот секунд» ...

— Верно, командир, — сказала Юль, — я пропустила это.

— Зря, ани. Давай уж до конца...

Что-то сковало мое тело, сделало его холодным и напряженным. Краем глаза я заметил, что друзья мои побледнели. В кабине управления тихо, но в мозгу каждого из нас пульсируют слова:

— Тот уэй им Тиунэла ви... Тот уэй им Тиунэла ви... — И так, с правильными промежутками.

По-русски эта фраза означает: «Я, Тот, командир „Тиунэлы“, нахожусь в опасности»!

Шелест посмотрел на Юль.

... До позднего вечера мы пытались связаться если не с Тотом (он-то вряд ли жив), то с автоматическим Телепатоном, подававшим сигналы.

Обсуждали, спорили, строили предположения, снова и снова включали Телепатон, но ответа не получили. Засечь место передатчика не представлялось возможным: телепатическая связь не пригодна пока к пеленгации.

И мы сообща разработали план поисков. Если Тот каким-то образом улетел с Пито-Као, естественно предположить, что он приземлится на ближайший материк. Им была Южная Америка. Но с каким курсом мог лететь Тот?

Вероятнее всего, через Перу и Бразилию. Ближайшая — Перу. Кордильеры — Восточные и Западные — с высотами под 5–6 тысяч метров, горными потоками, лесистыми склонами и скалистыми ущельями. Может быть, там?

А «Фея Амазонки»? Ее нашли не так уж далеко от Манауса, вверх по течению Пуруса, притока Великой реки... Не сам ли Тот погиб там? Не его ли останки обнаружили Бергофф и Кордоне?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Неожиданная...

1

Бергофф, невзирая на возраст и «волнения» бизнеса, старел медленно. Его врач, выпив больше положенного, высказал смелое предположение:

— Некоторое... гм... простите, патрон, сужение...

— Артерий?! — испуганно прервал Бергофф.

— Нет, нет. Сужение интеллекта, я хотел сказать, кругозора, вероятно, в некоторых случаях поощряет... гм... неувядание и несколько как бы растягивает молодость.

Бергофф не обиделся.

— Браво, док, — осклабился он. — Я знаю это мудрое правило со школьной скамьи.

Визит Хоутона встревожил миллионера. Он зорко следил за движениями Боба, готовый к обороне.

— Хелло, патрон, — с наигранной веселостью проговорил Хоутон, войдя к нему в кабинет.

— Хелло, — упавшим голосом слабо ответил Бергофф, слегка приподнимая верхнюю губу. — Читал о вашем возвращении. Рад видеть вас преуспевающим и... целехоньким.

— Не хочу отвечать вам тем же, — изрек Боб. — За вами крупный долг, и я еще приду за ними... в другой раз.

Бергофф задышал ровнее: старой акуле приходилось слышать и раньше «в другой раз»-ухо сделалось привычным к этим словам.

— Вы хотите рассказать о путешествии на Гаяну? — прощупывая почву, пошутил он.

— Вот что, Бергофф. — на йоту повысил тон Боб, — я не люблю мерзавцев и, сами понимаете, только, в крайней необходимости прихожу к ним.

Бергофф промолчал. «Оскорбление — далеко не худшее в жизни», — подумал он.

— Немалую сумму сгребли вы, продав Пито-Као под космодром, — продолжал Хоутон. — И все же я могу помочь вам увеличить состояние...

Бергофф налил стакан сельтерской и прополоскал рот. Разговор принимал деловой характер — не мешает взвесить шансы: трезвый расчет всегда лежит в основе бизнеса.

— Мне необходимы все подробности того дня, когда вы с Ривейро Кордоне нашли «Фею Амазонки».

Бергофф поднял густые брови, опустил нижнюю губу и уставился на Хоутона. Потом привычка ничему не удивляться помогла ему осмыслить предложение, и он коротко спросил:

— Сколько?

— Что, сколько...

— Я буду иметь на этом деле.

Хоутон сжал кулаки:

— Много.

— Я бы хотел уточнить сумму, — настаивал Бергофф.

— Семьдесят процентов будущих доходов!

— Но...

— Короче, Бергофф. «Фея Амазонки» — задающее устройство Гаянцев.

В этом «яйце», что вы продали Джексону, только оболочка алмазная. Поняли? Вас можно привлечь за обман!.. Кроме прямых потерь, сами понимаете, вслед за престижем, упадут доходы минимум на семьдесят процентов, если фортуна не использует до конца свои возможности. За один час вы можете сохранить все это!

— Джексон давно в раю и, надо полагать, на хорошем счету и там... Господь уважает настоящих бизнесменов.

— Зато его наследники, как и мы с вами, на земле, здесь. И всевышний неохотно вмешивается в мирские конфликты...

— Но ведь я не знал, что это не чистый алмаз.

— Да, определить это не сумели даже опытнейшие ювелиры, — согласился Хоутон. — Но вы могли знать, Бергофф, скажем... через меня; а я мог узнать из дневника Гаянцев... Даю вам на размышление минуту — обычный срок делового стратега...

— Я согласен. — Выкладывайте. Все, до мелочей!

Они беседовали до тех пор, пока Хоутон не убедился, что останки, возле которых была найдена «Фея Амазонки», не могли принадлежать Тоту.

— Хорошо, — вздохнул вдруг уставший Хоутон и поднялся. — Где... могила Паолы?

Бергофф объяснил, избегая встречаться с ним взглядом. Боб, не прощаясь, вышел и поехал на кладбище. Могила итальянки сохранилась хорошо. Хоутон долго сидел в маленькой оградке на мраморной скамье, всматриваясь в фотографию на белой плите.

Когда солнце вызолотило горизонт и заштриховало силуэты кладбищенских деревьев, он достал из кармана нож, небольшой пакетик и нагнулся к земле. Вырыв несколько лунок, Боб положил в них семена гаянских цветов, привезенных им, и бережно засыпал землей.

Постоял немного с опущенной головой и, пробормотав слова, когда-то имевшие особое значение только для них двоих, неторопливо зашагал по асфальтированной тропинке.

2

А Телепатон звездолета «Роот» продолжал принимать призывы Гаянца Тота о помощи...

3

Наши возможности вскоре были исчерпаны, и тогда правительство Советского Союза обратилось к жителям Земли с просьбой помочь нам.

Уже на третий день группа ученых колумбийского и перуанского университетов предложили рабочую гипотезу...

В одном из районов Восточных Кордильер, в Перу, недавно обнаружены древний городок и храм солнцепоклонников. Правда, обнаружен косвенно, по рассказам перуанских охотников, в свою очередь, слышавших от очевидцев о Городе Трех Вершин.

Город якобы населен и сейчас. В нем имеется Храм Солнца, жрецы его цепко держат в руках малочисленное население, заботясь об их полной изоляции от окружающего мира.

Жрецам помогала в этом и природа: непроходимые леса внизу, крутые скалистые склоны, суровый климат высокогорья и отдаленность в сумме представляли труднопреодолимое препятствие.

В плане перуанского университета на ближайшие годы намечено исследование этого района, если... удастся изыскать необходимые средства.

Сотрудники колумбийского университета обратили теперь внимание на деталь в рассказе одного из охотников Очевидец, побывавший в Городе Трех Вершин и с риском ускользнувший от жрецов, чтобы с неменьшим риском для жизни спуститься с гор, уверял, будто в Храме живет под зоркой охраной Сын Солнца, полтора столетия назад прилетевший к ним с неба на огненной птице.

Сам рассказчик тоже его не видел, но слышал о нем...

Простые люди Перу, жители Кордильер, поняли значение поисков и взялись за дело сами.

Из Лимы вылетела эскадрилья тяжелых вертолетов первого класса. В составе решительно настроенной экспедиции была и наша группа, вернувшаяся с Гаяны.

4

У подножия скалистых пиков, на груди ровного плато выстроились вдоль трех улиц несколько каменных домов. На берегу озера — ступенчатая пирамида с квадратным основанием: Храм Солнца.

Холодный липкий туман почти всегда окутывает город. Здесь и впрямь захочешь молиться каждому солнечному лучу!

Обветренные бронзовые, скуластые лица, испуганно-настороженные глаза жрецов, плотно сомкнутые губы. Они делают вид, что не понимают даже местных диалектов. Они каменно неподвижны.

И только когда охотник, знающий их в лицо и сбежавший от них, выступил вперед — жрецы зашевелились. Фанатическая ненависть загорелась в их взглядах.

Суровый и непреклонный вид прилетевших, их решительность поколебали представителей мракобесной, жестокой и хитрой касты «служителей веры», одинаково подлой в Храме Солнца и в соборе Петра.

С разрешения руководителя экспедиции охотник переводил слова Хоутона:

— У вас находится житель неба Тот. Высокий, с длинными ушами. Он здесь уже полтораста лет. Вы умираете один за другим... а он все живет, и вы не можете объяснить себе, в чем секрет его долголетия... Он — наш друг. Пустите нас к нему, и мы ничего вам не сделаем. Станете сопротивляться...

Начальник экспедиции жестом остановил Хоутона.

Жрецы расступились, из прямоугольных каменных ворот храма устало вышел глубокий старец высокого роста, с потемневшим удлиненным лицом, седой бородой, в широкополой шляпе и тонкой войлочной накидке.

Юль сделала несколько торопливых шагов к нему и подняла левую руку.

— Здравствуй, долгожитель, — сказала она по-гаянски. — Я твоя сопланетница. Мы прилетели на выручку. Скажи, ты ли это? Не ошиблись ли мы, Тот?

Старец пошатнулся, повернулся к нам боком и взялся рукой за сердце. Мы подумали, что он сейчас упадет, и подались вперед. Но старец выпрямился и громко спросил:

— Кто ты, женщина?

— Я Юль Роот, ани. Будь твердым... Жители Земли прилетели на Гаяну, и я... После ты узнаешь все...

— Ты явилась мне как сказка, как Амир, ани. Здравствуйте, все! Спасибо вам, жители Земли!..

5

... Очень трудное место для меня — я на минуту отложил перо. Из уважения к моменту. Есть такие случаи в жизни, когда слова не нужны... Есть такие места и в книгах, когда автору необходимо остановиться и переждать...

6

... Мы прилетели на Пито-Као, чтобы уже потом, когда Тот посетит могилу Мана, отправиться в Подмосковье, где старому гаянцу предстояло отдохнуть и окрепнуть.

Но первый же консилиум там, в Кордильерах, дал отрадный результат: Тот не имеет серьезных патологических отклонений и, как предположили врачи, сможет перенести полет на родину.

— Случилось так, — рассказал долгожитель. — Во время землетрясения Мана был внизу, в поселке островитян, далеко от вулкана. А я — устранял мелкую неисправность в шеере... Быстро взлетел, в надежде переждать на материке, а потом вернуться... В разрыве облаков увидел Город Трех Вершин. Снизился. Ровная площадка привлекла меня, и я решил сесть. Но этот день — самый неудачный в моей жизни: сплошная цепь ошибок. Моя беззаботность зашла так далеко, что я так и не мог вспомнить после: включил я Телепатон или нет... Оказывается, я, как и требовала инструкция, сперва включил его, а потом покинул шеер. Моя доверчивость была наказана сразу: дела у жрецов шли неважно, и мое появление выручало их. Все

эти годы фанатики не разрешали мне покидать стен двора Храма Солнца. Я жил под неусыпным надзором. На Пито-Као поклонялись Мана, и он был свободным; здесь поклонялись Солнцу, а меня держали в тени. И словно нарочно, я не взял с собой оружия. Один день оплошностей обошелся мне в полтора столетия бессмысленного плена! А Мана, конечно, решил, что я погиб в звездолете во время землетрясения.

— Как я рад видеть тебя, долгожитель, — взволнованно сказал Хоутон. — Встреча с тобой не только самое отрадное, ко и удивительное событие в моей жизни...

— Нет, ани, — улыбаясь, остановил его Тот, — нет. Есть кое-что поразившее и меня, прожившего много дольше любого из вас... Нет, мой дорогой собрат по крови... не торопись. Слушайте и вы все. Жрецы, пленившие меня, хранят в своей памяти древнейшую легенду... Я расскажу ее коротко — открытия редко бывают длинными... Тысячелетия назад, рассказывают они, в каком-то из океанов Земли существовал архипелаг, погибший при катаклизме. Эти острова населяли высокие... длинноухие люди, называвшие свой архипелаг... Гаяна...

— Гаяна?!

— ... а себя — Гаянцами.

— В такое совпадение даже трудно поверить! — воскликнул я.

— Верно, ани, — согласился Тот. — Верно, если бы это и в самом деле было только совпадение...

— Разве это не так?! — насторожилась Юль.

— Не берусь объяснить, где именно находился архипелаг, — отвечал Тот. — Не знаю, как стала известна жрецам легенда о Гаянцах и... звездных пришельцах...

— Пришельцах?

— Да, ани. Но скажу главное: у меня было достаточно времени, чтобы изучить не только зту, но и много других легенд и сказаний, сравнить их... За долгие десятилетия плена... Для

меня несомненно: когда-то на Землю прилетали жители еще неизвестной нам планеты... Они и увезли с собой — сколько смогли — гибнущих островитян, а потом... высадили их на нашей Гаяне, так похожей на Землю по климатическим и многим другим условиям!..

— Ты прав, ани, — возбужденно сказала Юль. — Теперь я начинаю понимать картины, воскрешенные «позади идущей памятью» моего школьного товарища Ило. Я потом расскажу тебе подробнее... Твой вывод точен, долгожитель: мы и земляне — дети одной матери, после тысячелетий встретившиеся вновь!

Сейчас, когда вы, уже пережившие новизну этого открытия, читаете мой рассказ о встрече с Тотом, вам, наверное, трудно понять наше состояние. А после отлета Тота и Мауки на Гаяну — и их судьба воспринимается вами как прочитанный роман, как что-то знакомое и потому уже не очень удивительное...

И это хорошо. Жизнь не стоит на месте, и если не привыкать даже к самому приятному и счастливому, то можно, уверяет Хоутон, лопнуть от удивления.

7

К тому, что известно вам из газет и кинохроники, я добавлю немногое: расскажу, как родилась новая традиция космонавтов, улетающих с космодрома Пито-Као.

Это Мауки предложил почтить память предков по древнему обычаю полинезийцев...

... Ночь. Мы — семеро! — у могилы Мана. На золотой плите лаконичная надпись: «Мужественным гаянцам — от Земли».

В изголовье могилы — каменное изваяние: длинноухое удлиненное лицо, обращенное к океану. Нам кажется, что

глаза его блеснули в лучах луны — это не успевшие высохнуть озерки после недавнего дождя.

Мауки развел у могилы костер, и мы сели вокруг огня. Помолчали, не отрывая взглядов от теней, играющих на лице длинноухого великана. Думали о самом простом и заветном.

— Прости, Мана, — громко произнес Мауки на языке своих отцов, — что я не полетел тогда на Гаяну... Ты знаешь: я не мог оставить свой маленький народ. Теперь они счастливы, и я прошу тебя: сделай так, чтобы в ближайшей экспедиции на твою планету участвовал и я, один из тех, в ком течет и твоя кровь.

— Прощай, Мана, — вздохнул Тот. — Я теперь верю, что вернусь домой... Тяжело возвращаться без тебя, без экипажа... Но мы сделали все, что смогли.

— Я знала о тебе с детства, великий сопланетник, — сказала Юль. — Сейчас, находясь у твоего праха, я приношу тебе светлую память нашего народа. Я счастлива, долгожитель.

— Твой прилет, мудрый Мана, — тихо проговорил Евгений Николаевич, — послужил началом пути к открытию и познанию космических струйных течений и дал моей жизни новое содержание. Твой образ будет помогать мне...

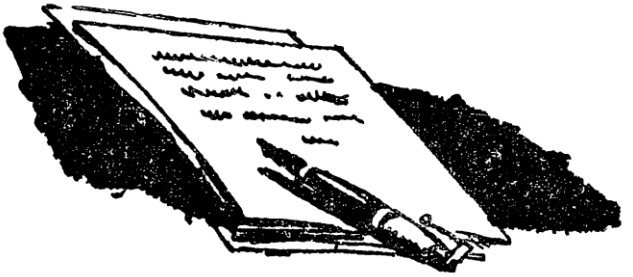
— Я хочу, Мана, — молвил Шелест, — чтобы история твоей жизни и жизни твоих друзей служила примером моим детям.

— Дорогой Мана, — начал я, когда подошел мой черед. — Я всегда робею, берясь за перо... Трудно изложить словами чувства и мысли... Сомнение угнетает меня. И все же я напишу книгу о благородных, умных людях Земли и Гаяны. Кто-нибудь другой сделал бы это лучше. Но я знаю историю рождения дружбы наших планет так хорошо, что обязан написать ее сам.

Лишь Хоутон не сказал ни слова.

Медленно догорает костер у могилы гаянца, угасает и пламя нашего повествования. Каменное изваяние и сейчас

безмолвно, с надеждой смотрит в звездную даль. Будто тоже понимает, что подобно тому, как бесконечна Вселенная, безграничны и возможности Человека в завоевании Счастья для своей Родины!



ЭПИЛОГ

Хорошо ли я выполнил свое обещание — судить не мне. И если что-нибудь не понравится моим юным читателям — Великий Мана (я обращаюсь к тебе, к твоему изваянию), сделай так, чтобы они подумали и о том, что нет и не будет человека, который сумел бы выпить Чашу Совершенства до дна!..

приложения

1

Профилакторий — здесь: служебная гостиница для летчиков.

2

Бочка, петля, иммельман — фигуры высшего пилотажа.

3

Автор этот задачи — шахматный композитор, пилот Аэрофлота Михаил Гориславский.

4

Человеку свойственно ошибаться (лат.).

5

Открытие — по-английски, «дискавери».

6

С яйца, то есть с самого начала (лат.).

7

Телепатон — гаянская телепатическая связь, внешне сродни видеофону и телевизору (фантаст.).

Оглавление

ШТУРМАН МЕЧТЫ 6

ГАЯНА

ПРОЛОГ 12

ГЛАВА ПЕРВАЯ 15

ГЛАВА ВТОРАЯ 31

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 44

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 54

ГЛАВА ПЯТАЯ 75

ГЛАВА ШЕСТАЯ 88

ГЛАВА СЕДЬМАЯ 100

ГЛАВА ВОСЬМАЯ 105

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 112

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 119

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 132

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 146

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 153

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 158

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 167

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 178

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 194

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 204

ТИУНЭЛА

ГЛАВА ПЕРВАЯ 223

ГЛАВА ВТОРАЯ 228

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 239
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 246
ГЛАВА ПЯТАЯ 255
ГЛАВА ШЕСТАЯ 262
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 269
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 275
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 290
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 307
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 317
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 320
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 348
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 355
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 365
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ 373
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ 386
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ 398
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ 410

ПАРАДОКС ГЛЕБОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ 423
ГЛАВА ВТОРАЯ 451
ГЛАВА ТРЕТЬЯ 460
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ 469
ГЛАВА ПЯТАЯ 475
ГЛАВА ШЕСТАЯ 486
ГЛАВА СЕДЬМАЯ 502

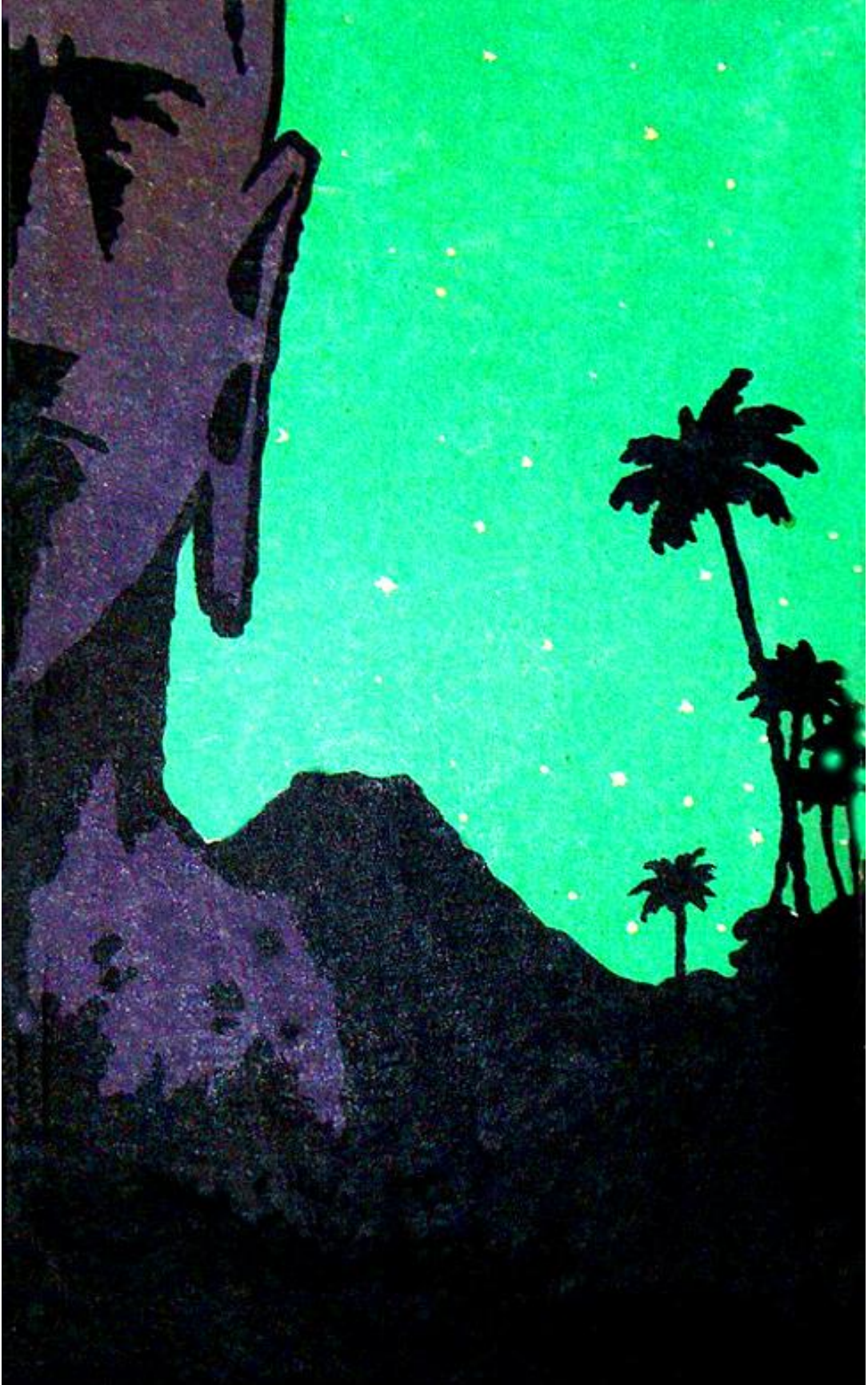
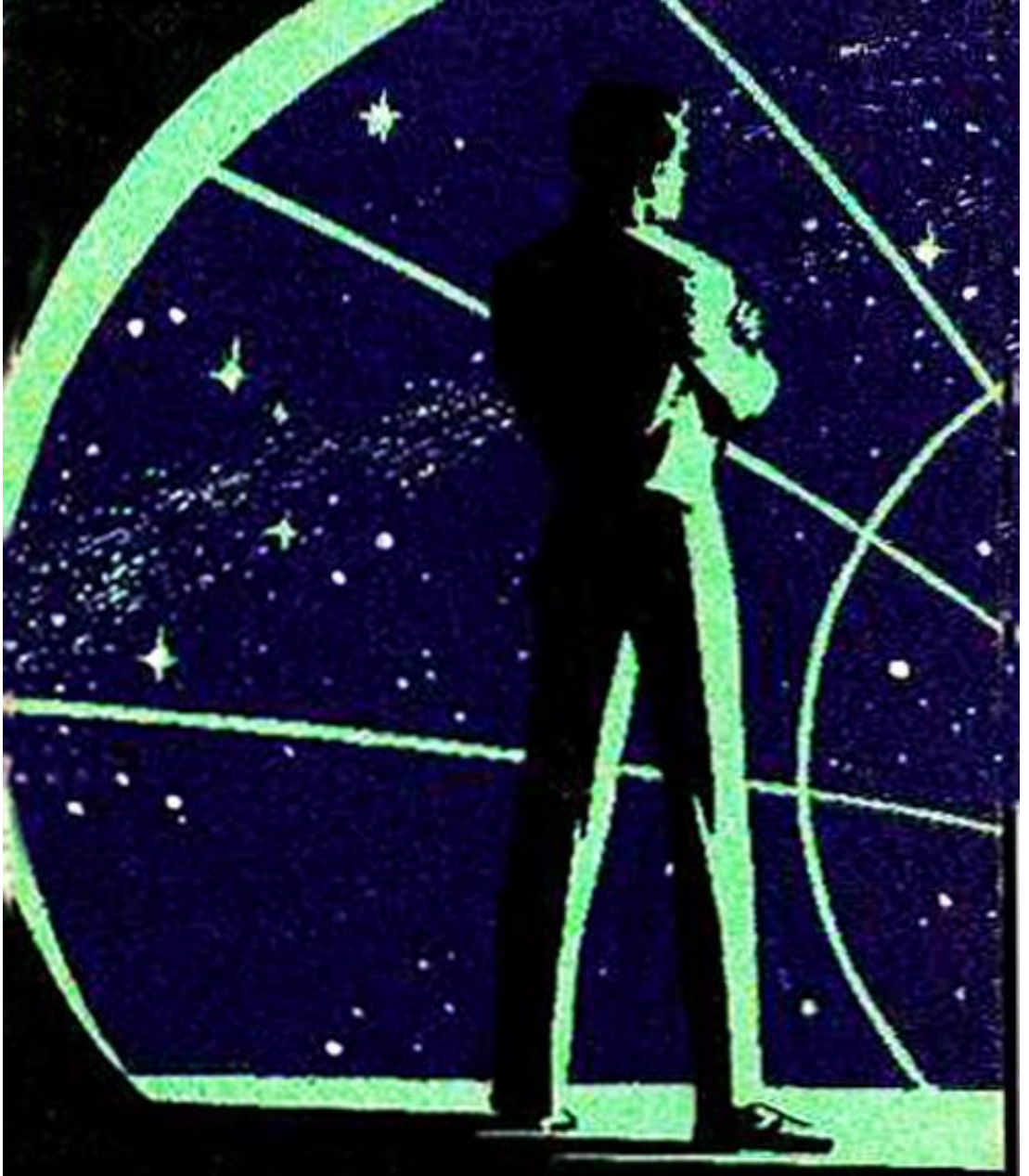
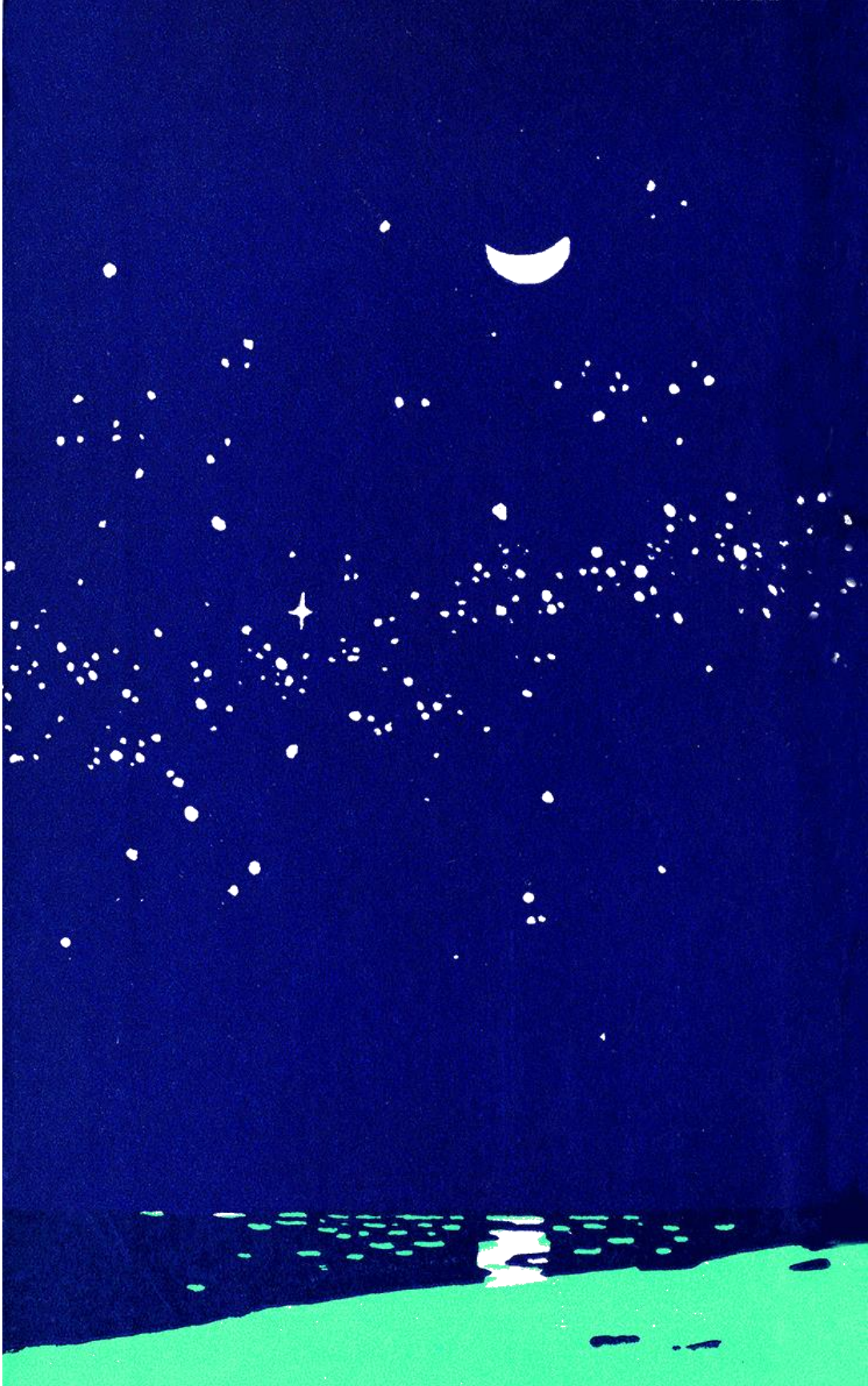
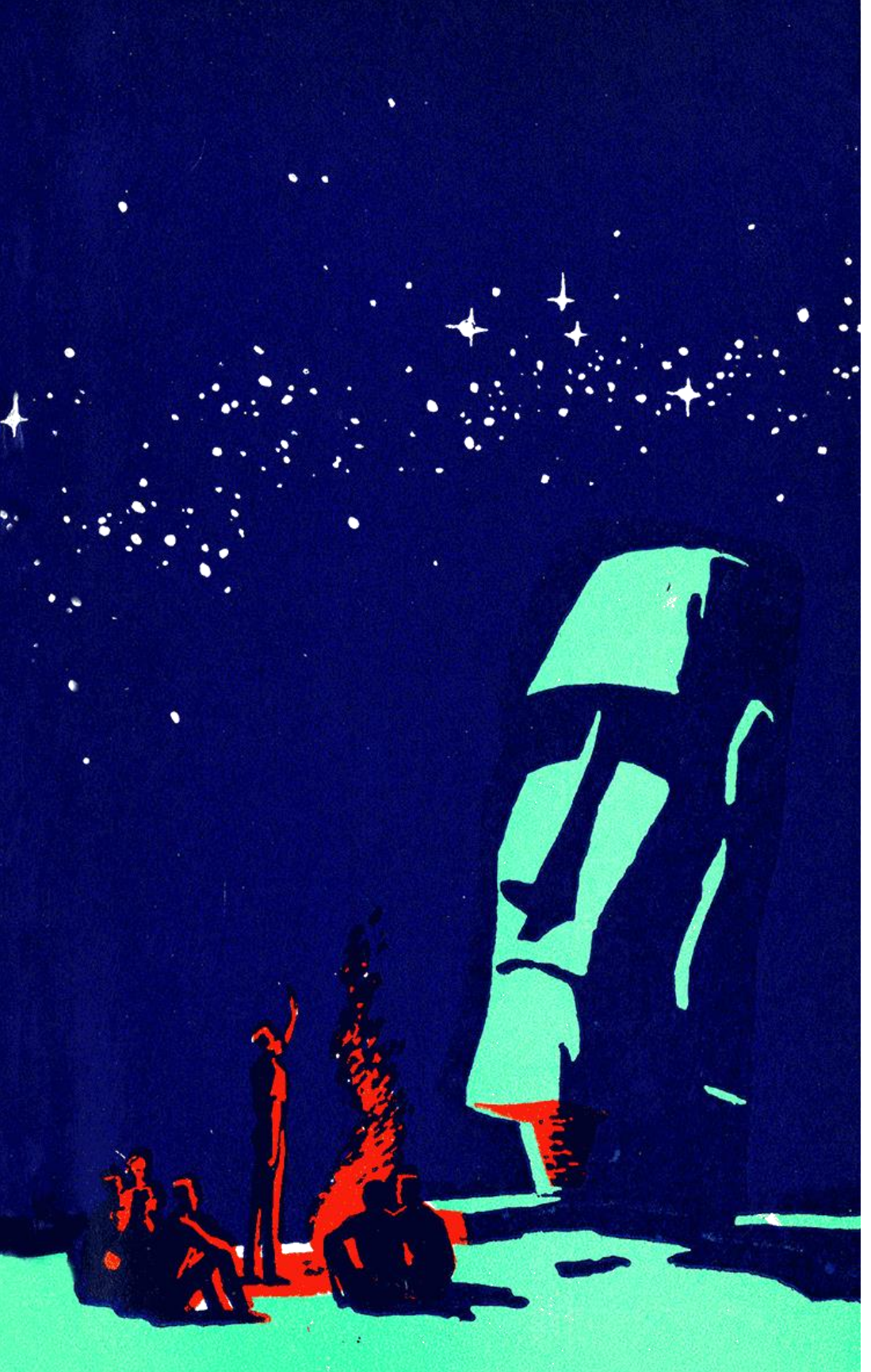
ГЛАВА ВОСЬМАЯ 524
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ 541
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ 559
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ 573
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ 586
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ 602
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ 621
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ 631
ЭПИЛОГ 643
приложения 644

При создании данной книги использованы издания:

П. Аматуни «Гаяна» Ростов-на-Дону:
Ростовское кн. изд-во, 1962 г. Художник П.П. Садков

П. Аматуни «Парадокс Глебова» Ростов-на-Дону:
Ростовское кн. изд-во, 1966 г. Художник К.Г. Кащеев

П. Аматуни «Гаяна» Ростов-на-Дону:
Ростовское книжное издательство, 1983 г.
Художник П.П. Садков

Данная книга, собрана для некоммерческого использования
любителями фантастики, помнящими и любящими
старую книжную иллюстрацию.

-